

Валентин Пикуль

Океанский патруль

Книга первая
Аскольдовцы

Памяти друзей-юнг, павших в боях с врагами, и светлой памяти воспитавшего их капитана первого ранга Николая Юрьевича Аврамова посвящает автор эту свою первую книгу

КОРАБЛИ ОКЕАНСКОГО ПАТРУЛЯ...

Над ними низко присевшее небо, в натруженных бортах – стоны железа от натиска волн, а на высоких мостиках – закутанные до глаз в меха, резину и кожу – стоят молчаливые люди.

Они уходили из гаваней, как правило, по ночам, уходили в сумятицу тревожных всплесков, навстречу рвущимся от Шпицбергена ветрам, и промозглый мрак океана надолго поглощал их в своем безлюдном пространстве.

Они возвращались обратно в родные гавани, как правило, на рассветах, исхлестанные соленой пеной, с разлохмаченными снастями, и глыбы голубоватого льда сумрачно мерцали на их покатых палубах.

КОРАБЛИ ОКЕАНСКОГО ПАТРУЛЯ...

Иногда они не возвращались совсем. Девушки-радистки (наши славные девушки в матросских блузах), побледнев от усталости, день за днем выстукивали в эфир знакомые позывные. Они плакали порой – ведь им не отвечал не только корабль океанского патруля: это не отвечал «он», ее любимый, которого она встретила и полюбила здесь, на этом диком заполярном берегу.

Но военный океан умел хранить свои тайны. Проходили недели, иногда и долгие месяцы, прежде чем волны, словно сжалившись, выбрасывали на берег осколок шлюпочного борта или капковый жилет, на спине которого можно было прочесть всего три буквы «КОП» —

«КОРАБЛИ ОКЕАНСКОГО ПАТРУЛЯ».

Так возникло смутное начало

Далекого и трудного пути.

Да, нас изрядно море покачало...

Юрий Инге

Глава первая
Дорога на север

Промозглый осенний мрак нависал над скалистыми тундрами. Эшелон «14-бис» пересек Полярный круг и, осыпая искрами паровоза чахлые ветви придорожных берез, двинулся дальше – на север, на север...

В тесных озерных ложинах нудно посвистывал ветер; внизу, под высокой насыпью, тревожно поблескивала стылая болотная вода. Эшелон скрежетал тормозами на крутых уклонах, звонко лязгал тарелками буферов, хриплый гудок его растекался над тундрой – широко и протяжно.

Замыкая состав, в конце длинной цепи тряских теплушек тяжело мотался на поворотах единственный пассажирский вагон. В желтоватых потемках внутри вагона колебались угловатые тени багажных полок, а съезжившиеся от холода люди походили на большие узлы, кое-как разбросанные повсюду.

В четвертом купе всю ночь не гас свет; плотные шторы на окне были опущены наглухо, и табачный дым висел под потолком голубыми пластами.

Лейтенант флота Артем Пеклеванный, подложив под голову мягкий парусиновый чемодан, зашнурованный по-корабельному, полудремал, полубодрствовал. Под резкими ударами ветра скрипел расшатанный оконный переплет, похрапывали горные инженеры, едущие в Хибин, плакал ребенок в соседнем купе.

Эшелон, набирая скорость, с лязгом и грохотом рвался на север – в сторону фронта, в сторону океана.

И лежа на жесткой вагонной полке, лейтенант думал о том, что его ждет впереди.

«Что?..»

Но почему-то каждый раз, когда он задавал себе этот вопрос, перед его глазами вставала карапасная палуба миноносца, щупальца обледенелых орудий, неустанно следящие за горизонтом, а в ушах росло и ширилось тонкое пение корабельных турбин. Пеклеванный уже видел себя на мостике корабля, бороздящего в глухую полярную ночь морскую пустыню, что пронизана тревогой и ветром. Тревогой и ветром...

А пока – нет ничего: вместо палубы миноносца – мерно вздрагивающая полка вагона, вместо грохота залпов – drobные перестуки колес.

Пеклеванный еще не воевал. Перед самой войной окончил военно-морское училище и с тех пор служил на кораблях Тихоокеанского флота. Когда началась война с Германией, лейтенант подавал рапорт за рапортом с просьбой перевести его на действующий флот. На любой – только бы воевать! Но в те дни гитлеровцы уже подходили к Сталинграду, и широкотрубные серо-голубые японские крейсера типа «Микадо» начали появляться вблизи советской морской границы. И лишь когда была разгромлена армия Паулюса, а горизонт Тихого океана сразу после этого очистился от дымных японских иероглифов, командование уважило просьбу лейтенанта: он получил назначение на Северный флот.

И вот – едет...

– Кан-да-лакша! – пропел в конце коридора чей-то голос. – Поезд простоит две минуты... На станции есть кипяток...

Кипяток! Это слово в те дни произносилось почти с благоговением. Каждый, кто странствовал в теплушках, помнит эти военные этапы, когда глаза искали сначала не название станции, а выразительную надпись, накарябанную на доске паровозным углем: «Кипяток».

Лейтенант встал. Он был невысок ростом, но зато широк в плечах. Острые загорелые скулы выступали на его лице, выбритом по флотской манере до блеска. Он толкнул клинкет двери в сторону и, мягко ступая, вышел в коридор. Повсюду лежали и сидели солдаты резервной Полярной дивизии.

Переступая через спящих, Артем добрался до конца вагона и распахнул дверь. Уши сразу заломило от гула железа, ходившего под ногами, свежо пахло запахами осенней тундры. Ухватившись за поручни, лейтенант перевесился наружу, пытаясь разглядеть в темноте приближающуюся Кандалакшу. Но кругом – ни единого огонька, ни единого домика; семафоры светили тускло.

Война...

Неожиданно разъехались на стрелках рельсы, во тьме печально протрубил рожок, и поезд ворвался на станцию. Мимо поплыли изогнутые шеи водоналивных колонок, смутно забелели вокзальные пакгаузы. Какие-то люди, крича, бежали за вагоном, подбрасывая на спине уродливую поклажу.

Быстрым шагом прошел на посадку матросский отряд. Не проронив ни слова, матросы шли плотно сомкнутым строем – под твердым шагом гудела платформа. Перед глазами Артема мелькнули взвихренные ленты бескозырок, матовым гляncем блеснуло оружие, и матросы исчезли во тьме, внеся в вокзальную суматоху спокойствие и какую-то настороженность.

Война торопила людей. Не прошло и минуты, как ударил гонг, издали донесся свисток, и перегруженный состав, лязгая буферами, отшатнулся назад, точно пробуя силы. И в тот же момент дверь тамбура содрогнулась под ударами кулаков:

– Эй! Плацкартный! Открывай!..

Лейтенант рванул дверь, и сразу же несколько рук поставили на площадку женщину среднего роста, закутанную в белый шерстяной платок. Потом, уже на ходу поезда, в тамбур кинули тяжелый бумажный сверток. Артем подхватил его на лету, а новая пассажирка звонко крикнула в сторону уплывающего вокзала:

– Вы – хорошие парни! Желаю вам удачи на промысле!..

С перрона ей что-то ответили, и женщина, рассмеявшись, повернулась к Пеклеванному.

– Спасибо вам, – сказала она, принимая от него сверток.

Проводник близоруко осмотрел билеты и, погасив фонарь, буркнул:

– Четвертое купе налево... Спать негде, придется сидеть...

– Я могу уступить вам нижнюю полку, – предложил Пеклеванный.

– А вы?

– Я только что проснулся, – услужливо слукавил лейтенант.

Еще раз поблагодарив, женщина прошла в вагон...

Отставший от состава матрос с громадным чайником в руках бежал по шпалам, высоко подпрыгивая на рельсовых стыках. «Не догонит», – тревожно подумал Артем, но тот вдруг оказался совсем рядом с тамбуром.

– Ну, ну! Нажми! – крикнул лейтенант.

Матрос рванулся вперед и теперь бежал, держась за подножку.

– Бросай чайник!.. Давай руку!..

Тяжело и хрипло дыша, матрос ответил:

– Мне другой вагон надо. Братва чаю ждет!..

И, забрав в зубы ленты бескозырки, рванулся дальше. Артем неотрывно следил за ним, пока тот не догнал свою теплушку. Там у него приняли чайник (лейтенанта рассмешило, что сначала – чайник), потом в бушлат матроса вцепилось сразу несколько дружеских рук, он повис в воздухе и, болтнув ногами, исчез в вагоне.

* * *

Ранним утром эшелон подошел к озеру Имандра – озеро тянулось слева целую сотню верст, то исчезая вдаль, то вновь приближаясь к самой железнодорожной насыпи. А справа, покрытые искромётными шапками снегов, величаво поднимались к небесам Хибины. Здесь эшелон двигался медленно, подолгу стоял на полустанках, уступая дорогу идущим на юг товарным составам. Встречные поезда обдавали воинский эшелон паром и грохотом, волоча за собой тяжелые платформы, груженные Кировскими апатитами.

На одной из таких стоянок Пеклеванный долго бродил по перрону, потом купил стакан вялой прозрачной морошки и вернулся в купе. Было еще рано, но женщина уже проснулась и, сидя на нижней полке, пыталась заново упаковать свой разлохмаченный пакет.

Кивнув на столик, где дымился стакан чаю, она сказала:

– Попробуйте. Наверное, еще не остыл.

– Спасибо. Могу предложить морошку.

– Нет. Благодарю. Осенняя ягода – на любителя...

Артем принялся завтракать, поглядывая в окно, где солдаты эшелона облепили ближайшие сопки, собирая в котелки бруснику. Шипение Имандры и гудение ветра, дующего с хибинских отрогов, едва слышались в купе.

Женщина старательно возилась с пакетом. Желая завязать разговор и не зная с чего начать, Артем заметил:

– Небольшой же у вас багаж в дорогу. Просто позавидуешь.

– А я не люблю таскаться с вещами, – ответила спутница, как показалось Артему, даже сердито. – Здесь только книги... Послушайте, лейтенант, – спросила она, – может, у вас найдется бечевка?

Бечевка у лейтенанта нашлась, и он сам взялся помочь женщине.

– Мы, моряки, – похвастал Артем, – мы это умеем лучше женщин. И узлы, которые мы вяжем, загадочны, как людские судьбы...

– Не хвалитесь, пожалуйста, – улыбнулась женщина, – я морские узлы вяжу ничуть не хуже вашего. У меня муж – моряк...

Пеклеванный взялся за дело обстоятельно. Он распутал пакет от бумаги и увидел, что в нем лежит несколько экземпляров одной и той же книги.

– «Промысловая разведка в Баренцевом море в условиях военного времени», – прочитал Артем вслух и почти восхищенно добавил: – Война длится всего два года, а кое-кто, оказывается, уже приобрел опыт ловли рыбы в военных условиях...

– Кое-кто, – снова улыбнулась женщина, закуривая папиросу.

– А вы случайно не библиотекарь? – спросил Артем.

Спутница, немного помедлив, вскинула на Артема серые глаза, не сразу ответила:

– Нет. Я как раз автор этой книги. Прошу только не счесть это признание за нескромность. Это уж как бы в порядке знакомства...

– Вы? – недоверчиво спросил Артем. – Странно...

– Ну да. А что же тут странного? Я работаю в Опытном институте рыбного хозяйства, – почти официально ответила она.

– Тогда позвольте взглянуть, – робко попросил лейтенант.

– Пожалуйста, только дарить не буду. Это вам совсем неинтересно...

Повернув к себе серую невзрачную обложку, Пеклеванный сначала прочитал имя автора: «Кандидат биологических наук И. Рябинина». С любопытством перелистав несколько страниц, он хмыкнул.

В книге было много карт, чертежей, фотографий рыбных косяков, над которыми кружились птицы.

Артем невольно удивился: ведь это же чисто мужская работа, требующая от человека морских навыков, упорства, смелости. Он внимательно взглянул на спутницу и мысленно попытался увидеть ее в грубой штормовой одежде на скользкой обледенелой палубе траулера, но не смог. Как-то упорно не уместалось в сознании – эта женщина и ее профессия.

– Вы знаете, – сказал лейтенант, машинально взглянув на цену книги и покраснев при этом, – как-то даже не верится... Вы, женщина, и – вдруг... Извините, но о чем хоть говорится в этой книге? Что изменилось в промысловой разведке? Ведь рыбе-то все равно – воюют люди или нет?

– Рыбе-то все равно, это справедливо, а вот рыбакам-то нашим далеко не все равно. И сколько траулеров с нашими парнями уже нашло себе могилу на старых довоенных банках...

– Занятно! Может, расскажете подробнее?

– Это слишком долго рассказывать.

– Да ведь и времени-то у нас много. А мне послушать вас будет очень интересно...

– Ну, что ж... Есть такой траулер «Аскольд», – задумчиво начала Рябинина. – Еще в сороковом году он обнаружил большую рыбную банку. Война же заставила искать рыбу там, куда раньше траулеры совсем не заходили. Сам капитан «Аскольда» не раз говорил мне...

В дверь постучали. «Да, да!» – и в купе вошла женщина; на плечах ее было накинуто старенькое выцветшее пальто, на ногах топорщились разбитые, заплатанные валенки. Большие горящие глаза, обведенные тушью усталости, резко выделялись на бледном лице. И было видно, что эта женщина совершила утомительный путь и этот путь еще не кончился: все впереди, впереди...

– Простите, – сказала она, – у вас, кажется, есть кипяток. Для дочери мне...

– Пожалуйста, пожалуйста! – спохватилась Рябинина. – У нас целый чайник.

– Сахар, – кратко предложил Пеклеванный. – Берите.

– Спасибо! Моя дочь капризничала ночью, мешала вам, наверное?

– Ничего, ничего...

Кипяток тонкой, перекрученной в винт струей бежал в большую кружку, на дне которой плавались куски сахара. Рябина, с сочувствием посмотрев на незнакомку, продолжала:

– Ну, так вот... Капитан «Аскольда» не раз говорил мне, что еще до войны собирался закинуть трал в пустынном районе моря. И на том самом месте, которое пользовалось у рыбаков дурной славой, он вдруг снял небывалые «урожаи» рыбы. Жирной, нагулявшейся рыбы. Сначала это сочли просто за удачу, потом туда потянулись другие капитаны, и теперь эта рыбная банка так и называется: «Рябининская».

Кружка была уже наполнена кипятком, но соседка по купе не уходила.

– А я ведь знаю Рябина, – тихо сказала она. – И траулер «Аскольд» знаю тоже... Где он сейчас?

– «Аскольд» сейчас в море, – неуверенно ответила Рябина, – но он скоро вернется... А вы к кому?

– Я к мужу. Он на «Аскольде». Тралмейстером...

– Вы что-то путаете. Аскольдовский тралмейстер – Платов. Григорий Платов. А как фамилия вашего мужа? Может, он на другом траулере?

– Никонов, – чуть слышно ответила женщина.

Тревога и растерянность – вот что успел заметить Пеклеванный на лице Рябиной, когда она услышала эту фамилию – Никонов.

– Я из Ленинграда, – досказала женщина. – Вот... вырвалась из блокады, осталась жива... Еду к нему!

Рябина посмотрела куда-то в пол, разглядывая, казалось, рваные валенки женщины.

– Знаете, – осторожно сказала она, – может, я и ошибаюсь. Вы, когда прибудем в Мурманск, обратитесь в управление Рыбного порта... Но я помню, хорошо помню, что такой тралмейстер Никонов когда-то плавал на «Аскольде»...

Когда Никонова ушла, Рябина призналась:

– Я не хотела огорчать эту женщину, но мужа ее давно нет на «Аскольде»; он ушел добровольцем воевать на сушу. И где он сейчас – никто из аскольдовцев не знает...

Наступило тягостное молчание. Разговор долго не клеился. Казалось, что эта жена моряка, пришедшая за кипятком, принесла в купе незримую печать своей беды – так человек с улицы вносит в теплую комнату жгучее дыхание мороза. И только когда Артем напомнил: «А что же дальше?» – только тогда Рябина заговорила снова, постепенно воодушевляясь:

– А рыба там есть! Вы понимаете, лейтенант, теплая ветвь Гольфстрима продвинулась к востоку на целую сотню миль, а вместе с ней продвинулись и косяки рыбной молодежи. На море идет война; корабли и самолеты ежедневно сбрасывают в пучину тысячи тонн взрывчатых веществ. Вполне возможно, хотя это и не доказано, что рыба, пугаясь звуковых колебаний, уходит все дальше в поисках новых кормовых районов. А эту тишину и добротный планктон она найдет на северо-востоке... И я, – тихо, но уверенно сказала Рябина, – я скоро, наверное, поведу экспедицию тоже на северо-восток...

Они разговорились. Море сблизило их и породнило. Артем узнал, что Ирина Павловна (так звали его спутницу) собирается в конце этой осени уйти в экспедицию; что возвращается она из Архангельска, где печатали ее книгу; спешит в Мурманск, где ее ждет сын Сережка и на днях должен вернуться с промысла муж.

– И когда же вы надеетесь уйти в экспедицию? – спросил Пеклеванный.

– Думаю, через месяц, через два. Надо еще найти и приготовить судно.

– Но ведь на море война... И ваша мирная наука бессильна против торпед и снарядов. Кто оградит вас в открытом море?

– Северный флот, – не задумываясь ответила она и улыбнулась. – Хотя бы вот вы!..

* * *

На одной станции в купе вошел английский летчик, сбитый в недавнем воздушном бою над тундрой. Сам он выбросился с парашютом из кабины горящей «аэрокобры» и упал в

болото неподалеку от станции. Солдаты вытащили его из чарусной пади, и теперь он направлялся на свой аэродром.

Англичанин вошел в купе, волоча за собой тяжелый меховой комбинезон, облепленный зеленым болотным цветением. У летчика было приятное лицо с юношеским румянцем во всю щеку и жидкие светлые волосы, гладко зачесанные к затылку. Уши, наверное, были обморожены и шелушились.

Летчик внес в купе едкий запах авиационного бензина и горелой кожи комбинезона. Он и сам, очевидно, понял это и, вежливо склонив голову, обратился в сторону женщины:

– I am sorry to have disturbed you.^[11]

– That is all right,^[12] – ответила Рябилина.

Достав смятую пачку сигарет, на которой была изображена охота на тигра в джунглях, летчик повертел в пальцах сигарету, но так и не закурил. Плечи у него вдруг как-то опустились, и он устало закрыл лицо ладонью. Может быть, ему сейчас вспомнилась снежная пыль взлетной площадки, холодный штурвал разбитой «аэрокобры», свистящие языки пламени, рвущиеся из моторов.

И когда он отвел ладонь, то вместо моложавого лица беззаботного томми Пеклеванный увидел по-стариковски хмурое лицо с плотно стиснутыми губами.

Англичанин провел рукой по волосам и сказал глухим голосом:

– К дьяволу! Здесь могут летать одни русские. Поверьте – это не только мое мнение. Я хорошо знаю, что такое «люфтваффе», и меня уже два раза сбивали. Но это было над Ла-Маншем. Я счастливый – мне повезло и в третий раз. Здесь. Но зато и такой обстановки, как здесь, еще нигде я не встречал... Эти ночи без сна, эти снежные заряды, эти наглые фрицы, которые не сворачивают с курса даже тогда, когда идешь на них в лоб!.. Нет, здесь небо не по мне!..

Он отцепил от ремня плоскую флягу, обтянутую кожей, и ко всем запахам, принесенным летчиком в купе, примешался еще один – запах крепкого ямайского рома. Англичанин вытер губы и, устало махнув рукой, повторил, ни к кому не обращаясь:

– К дьяволу!..

Заметив, что офицер смотрит на него удивленно, летчик подсел к нему ближе и без всяких предисловий, с горячностью и откровением, не свойственными англичанину, заговорил. Он сказал, что немецким самолетам требуется всего три с половиной минуты для того, чтобы подняться с финского аэродрома в Луостари и долететь до Мурманска. Эти месяцы, проведенные им в Заполярье, окончательно измотали его: приходится держать себя в постоянном напряжении. Он летал в полярном небе вместе с русским асом Сгибневым... И, рассказав обо всем этом, летчик неожиданно пришел к мысли, что не понимает советских людей.

– Черт вас знает, – говорил он, опять открывая свою флягу, – где вы находите те выступления, что помогли вам так крепко вцепиться в эту землю!.. Да и стоит ли эта земля того, чтобы так за нее цепляться?.. Может быть, вы слышали про нашего писателя Дева Марлоу? В августе он пришел сюда с караваном транспортов. Так вот, он сказал такую вещь: «Если когда-нибудь придет мир, то пусть он скорее придет к людям Мурманска. Они заслужили его...»

Англичанин рванул комбинезон и закинул его на верхнюю полку.

– Я хочу, – почти выкрикнул он, – чтобы тот, кто не торопится с открытием второго фронта, хоть на один день сел в кабину «аэрокобры» и пролетел над Финмаркенем!.. Пусть он пролетит над Киркенесом, где огонь стоит стеною – плотнее, чем над Лондоном. Эта война – слишком рискованная игра, сэр!..

Артем сунул в рот короткую папиросу, машинально похлопал себя по карманам. Встал.

– Можете курить и здесь, – сказала Ирина Павловна.

– Нет, я решил прогуляться по вагону...

В тамбуре молодой матрос в тельняшке, с перекинутым через плечо куцым казенным полотенцем, торопливо досасывал махорочный окурок.

Дав офицеру прикурить, сказал весело:

– Мурманск уже скоро! – Он сказал это на местном наречии, делая ударение на втором слоге, и это решил запомнить Пеклеванный. – Мурмаши проедем, а там...

Вспомнив высказывание Дева Марлоу: «Если придет мир, то пусть он скорее придет к людям Мурманска», – лейтенант спросил:

– А что, товарищ, это правда, что немецкие самолеты всего в трех минутах полета от Мурманска?

– Да не считал, товарищ лейтенант, – ответил матрос. – Прилетают – это верно. Но мы тоже не в дровах найденные: наши миноносцы огонь откроют, так тут не только «мессершмитты», даже звезды, кажись, с неба летят... К слову скажем, за черникой или по грибы в сопки пойдешь – ну, почитай, в каждом болоте по крылу валяется!

Вагон на повороте качнуло, сильный, упругий порыв ветра распахнул тяжелую дверь. В тамбур косо хлестнули мокрые хлопья снега. С плеча матроса сорвало полотенце, он со смехом что-то сказал, но ветер и грохот колес заглушили голос, и Артем по движению губ понял одно только слово: «Море!»

– Неужели море?..

Лейтенант шагнул к раскрытой двери. Короткий осенний день угасал, и на горизонте, начинавшем по-вечернему меркнуть, проступали только зубчатые очертания сопки, – моря еще не было видно.

Но в этом могучем порывистом дыхании ветра, ставшего вдруг соленым и влажным, Пеклеванный, как моряк, уже почувствовал близость своей судьбы – военного океана.

* * *

Была поздняя осень 1943 года...

В лапландских тундрах

Карл Херзинг, молодой и ладно скроенный горный егерь, нехотя поднялся с койки, поправил в печке дрова. Ефрейтор Пауль Нишец остался лежать: он играл с маленьким пушистым котенком, которого выменял вчера в норвежском лесничестве на две болгарские сигареты. Давая кусать котенку свой большой грязный палец, Нишец лениво приговаривал:

– А ты не кусайся, стерва... Не кусайся, а то я тебе зубы-то вырву!

Херзинг сунул руки в карманы лыжных брюк, спокойно сказал:

– Слушай, Пауль: какого ты черта? Ведь уже двенадцатый час ночи, а ты еще не давал рапорта в Петсамо.

– Ну так что?

– Как «что»? Майор Френк – ты знаешь его лучше меня, – он опять распахнется и пригонит сюда мотоциклистов...

Нишец отшвырнул котенка, встал – длинноногий и худосочный. Потянувшись и широко зевнув, он снова завалился на свой топчан, обитый толстым финским картоном.

– Позвони коменданту сам, – сказал он, опять начиная дразнить котенка пальцем...

Карл Херзинг долго вращал ручку зуммера.

– Сволочи, эти финские шлюхи, – выругался он злобно. – Всегда спят на проводе или болтают со своими земляками из лыжного батальона.

– Покрути еще, – посоветовал ефрейтор. – В такое время линия бывает забита до отказа: офицеры с фронта звонят своим бабам в Лиинахамари или в Киркенес...

Наконец станция ответила, и Херзинг радостно заорал:

– Алло, курносая! Соедини с Петсамо... Да, со штабом кордонной службы... Алло, господин майор? У аппарата ефрейтор Нишец, кордон № 018! – И, прикрыв трубку ладонью, засмеялся: – Ты лентяй, Пауль... Да, да, кордон № 018... Разрешите доложить, господин майор: на кордоне все благополучно, происшествий никаких нет. За сутки прошло мимо

кордона сорок шесть машин, из них четыре финские... Да, да, все спокойно. Нет, тихо... Благодарю, господин майор. Спокойной ночи, господин майор...

Херзинг повесил трубку.

– Ты лентяй, Пауль, – повторил он с явным удовольствием. – Сходи хоть – проверь шлагбаум.

– Ты моложе меня, – ответил ефрейтор, – сходи сам...

В одной шелковой безрукавке, без оружия и без каски, солдат толкнул дверь ногой.

– О, черт! – он сразу отшатнулся назад, хватая со стенки тяжелый шмайсер. – Вставай, Пауль! Кто-то перебегает дорогу...

При ярком лунном свете было отчетливо видно, как темные лохматые фигуры перемахивают ленту шоссе и быстро скатываются под крутой откос.

– Обожди стрелять, – сказал Нишец. – Если это не бежавшие из лагеря пленные, то, может быть, финские дезертиры. А они...

– Ты дурак, Пауль! – ответил Карл Херзинг, и в ту же минуту, сотрясая плечи егеря, в его руках запрыгал и дробно забился грохочущий огнем автомат:

«Та-та-та-та... та-та-та... та-та... та-та!»

– Стреляй, Пауль! Это ведь русские!..

* * *

Огненная струя, зигзагом пройдя над головами людей, выстригла верхушки тощих кустарников. Потом унеслись в темноту тундры яркие нити трассирующих пуль и по камням вдруг зашлепало: шпок... шпок... шпок...

– Пригнись, братцы! – выкрикнул кто-то. – Он, паразит, разрывными шпарит!..

Сержант Константин Никонов, замыкая цепочку разведчиков, ободряюще приговаривал:

– Быстрее, ребята! Бегом, бегом надо... Это все – чепуха, проскочим...

Автоматные очереди, пущенные с кордона наугад, почти вслепую, эти суматошные очереди скоро затихли, и отряд снова двинулся шагом.

– Вот дурацкая лощина, – сказал лейтенант Ярцев, – как ни крутись, а через нее всегда вылезает на этот кордон. Ну ладно, на этот раз обошлось...

Ночной мрак поглощал в себе все шорохи, все тени, все опасения. Лейтенант Ярцев (его узнавали в темноте лишь по голосу, ибо он был ничем не отличим от других: сапоги, ватник да каска) выводил своих людей к морю. Кончался очередной рейд по тылам противника, по территории сразу двух государств – Финляндии и Норвегии, рейд страшный, мучительный, рискованный. Тринадцать могил отметили путь отряда, и полярные волки уже воют, наверное, над ними, стараясь лапами разворотить над мертвецами заботливо уложенные камни...

– Костя, – позвал Ярцев сержанта Никонова, – ты помнишь, мы проходили здесь в сорок первом? Тогда нас осталось только двое.

– Помню, товарищ лейтенант.

– Вот и я помню, что где-то здесь мы вляпались в трясину. Я буду немного сворачивать вправо – может, там и нет болота?..

– Только бы не сбиться с пути, – сказал Никонов, взглянув на компас. – Скажите, в каком месте нас будут снимать?

– Как всегда: в бухте Святой Магдалины.

– Там удобное место, хорошая отмель, – ответил сержант, и Ярцев, дружески хлопнув его по плечу, побежал в голову отряда...

Никонов подкинул на спине рюкзак, нащупал перед собой спину впереди идущего:

– Кто это, а?

– Да я, товарищ сержант, – Борька Шухов...

Хрустел под ногами гравий. С обрывистых откосов при любом неосторожном шаге шумно осыпались каменистые оползни. Фирновые зерна скрипели под сапогами тонко и жалобно.

Шли молча. Шли час, шли другой.

В самом хвосте растянутой цепочки людей ворковал хриплый шепоток:

– Товарищ сержант, вы это напрасно думаете, что зайца надо сначала в уксусе вымачивать...

– Шухов, ты потише, – отвечал голос Никонова.

– Да я тихо... Так вот, я и говорю, что заяц и без того хорош. А ежели его еще с печеной картошкой...

– Тихо, я тебе сказал.

– Да с печеной картошкой, говорю. Да еще – маленькую!

– Замолчи, Борька, или я тебя по затылку огрею!..

И вдруг тишину ночи прорезал чей-то испуганный вскрик, впереди послышалась приглушенная брань. Отряд все-таки попал в болото. Никонов схватился рукой за куст, но под ногами у него что-то захрустело (лед! – догадался он), и тело разведчика сразу поползло куда-то в противную вязкую глубину. В лицо ударило застоявшейся гнилью. Кто-то обхватил его за шею – Никонов отбросил эту руку:

– Дурак, не за меня, за кусты хватайся!..

Хрипя, захлебываясь и ругаясь, разведчики барахтались в растревоженном месиве тундровой трясины. Разбитые осколки льда резали им лица и руки.

– Береги оружие! – командовал Ярцев. – Самое главное – автоматы...

Казалось, что здесь и конец. Чем больше дергался человек, стараясь вырваться из гнусного плена, тем больше трясина схватывала его, затягивая в вонючую топь.

– Руку, – молил кто-то, – дай руку!

– Гришка, это ты? Держись за меня, здесь суше...

– Вот кочка. Лезь на кочку...

– Да не ори ты – тише надо!

«Хлюп-хлюп», – чавкала трясина. «Дзинь-крак», – звонко раскалывался лед. Поднимая над собой автоматы, разведчики изнемогали в этой борьбе, когда послышался голос лейтенанта Ярцева:

– Ко мне, ко мне, – здесь уже дно.

Разведчики выбрались из трясины и долго еще лежали плашмя, жадно вдыхая холодный воздух. Пахучая грязь облепляла их одежду, она отваливалась тяжелыми комьями при каждом движении. В сапогах, наполненных водой, скрутились и резали ноги заковрижевшие за эти дни портянки.

– Автоматы при всех? – спросил Ярцев, обходя людей и пересчитывая их. – Десять... двенадцать... четырнадцать со мною. А где же пятнадцатый?

Все притихли, с ненавистью поглядев назад, где под синим светом луны лежала проклятая трясина – кочковатая, взъерошенная пучками острых кустов, взбудораженно бурлящая пузырями, которые с бульканьем лопались на поверхности. А вдалеке темнели острые зубцы гор, и ветер со стороны океана гудел порывисто и тревожно...

Лейтенант Ярцев еще раз пересчитал людей.

– Нет одного, – сказал он, как бы невзначай скидывая с головы каску. – Проклятое болото!

– Борьки нет, – подсказали из темноты, – Шухова нету...

Никонов коротко и судорожно вздохнул:

– Ну всё... А как он жрать хотел, братцы! Всю дорогу о жратве мне молол...

Лейтенант Ярцев подозвал к себе радиста.

– Четырнадцать, – кратко сказал он. – Будешь передавать на базу, скажи – четырнадцать. Идем к бухте Святой Магдалины. В срок будем на месте.

– Есть, четырнадцать, – ответил радист.

– А ведь еще недавно нас было двадцать восемь, – глухо отозвался кто-то в темноте. – Двадцать восемь, а теперь минус...

Никонов резко остановил его:

– Заткнись ты, математик!..

Радист передал на базу сообщение и по приказу Ярцева утопил рацию в болоте, – теперь она была не нужна: отряд находился уже близко у цели. Лейтенант велел разделить на всех последнюю банку консервов и, включив фонарик, сел в отдалении на кочку – стал внимательно изучать карту.

– Посмотрите по рюкзакам и карманам, – сказал он, – может, у кого-нибудь завалялись сухари или галеты. Впереди лежат горы – надо как следует подкрепиться...

Никонов вынул из ножен трофейный немецкий тесак, зажал меж колен пузатую банку с американской тушенкой. Тесак со скрежетом резал чикагскую жесть.

– Подходи, – приказал сержант, на ощупь вставляя тесак обратно в ножны. – Бери каждый для себя...

К нему из темноты подползали на корточках и подходили шумно дышавшие тени разведчиков:

– Рукой брать, что ли?

– Вилку еще тебе. Тоже мне – барин!

– В нашем-то ресторане все больше пальцами...

– Ой, братцы, кажись, много себе зацапал!

– Жаден ты. Отбавь.

Никонов повернулся к Ярцеву:

– Товарищ лейтенант, а вы?

Ярцев погасил фонарь, сложил шелестевшую в темноте провощенную карту:

– Вы там мне тоже малость оставьте.

Помолчал и добавил:

– На донышке...

Поев и испытывая по-прежнему голод, разведчики проверили оружие, подтянули снаряжение. Никонов закинул в кусты пустую банку.

– Теперь курнуть бы, – буркнул он недовольно.

Быстро – по команде – собрались в путь. Тронулись легким, неслышным шагом. Восьмой день пути – скоро уже конец этому тяжкому рейду. А потом – база: заслуженный отдых, письма от родных, чистые простыни на койках, а может быть, и путевка на курорт в Мурманши.

Хорошая жизнь, честное слово!..

Они уже подходили к морю, когда вдаль послышался лай собаки, и две красные ракеты плавно выплыли из-за скалистого гребня, освещая низину.

– Ложись!..

Никонов залег рядом с Ярцевым, сказал:

– Сработал немецкий кордон. Теперь они с собаками возьмут нас.

– Не возьмут, – отмахнулся Ярцев. – Просочимся... Скажи ребятам, чтобы были наготове и не волновались.

– А мы и так не волнуемся, товарищ лейтенант, – ответил из темноты чей-то молодой и задорный голос.

Накрывшись плащ-палаткой, чтобы не было видно света снаружи, Ярцев еще раз взглянул на карту. Это была отличная карта, выпущенная германским генштабом накануне захвата Норвегии: на ней были указаны даже самые малоизвестные горные тропы, и лейтенант выбрал среди них одну, самую трудную, но, как ему казалось, и самую верную...

– А моряки не подведут нас?

– Не знаю, – тихо рассмеялся Ярцев. – Это надо спросить у тебя: ты же сам моряк.

– Вернее – был, – ответил Никонов, и отряд тронулся дальше...

Приход «Аскольда»

Милиционер, растопырив руки, сдерживал толпу наседавших на него женщин.

– Дамочки, дамочки! – кричал он. – Вам русским языком сказано: в порт – нельзя, требуется пропуск...

В ответ ему летели возбужденные женские голоса:

– У, чтоб тебе!..

– Жирная морда!..

– Отъелся в тылу!..

– На фронт иди, крыса!..

Не пропуская женщин, милиционер обиженно кричал, что он был ранен, что его чуть не убили, что он честно отвоевал свое и что он их не пропустит, ибо надо уважать порядок.

И снова:

– Дамочки, дамочки!..

Но «дамочки» опрокинули его и густой толпой повалили в порт. Старая вахтерша, бесстрастно наблюдавшая всю эту сцену, помогла милиционеру отряхнуть шинель и с упреком сказала:

– А ты не шуми, сердешный. Какие они тебе «дамочки»?.. Они женки рыбацкие. Они мужей своих поджидают с промысла. У них, может, подушки от слез не просыхают. Война ведь на море. А ты их к диспетчеру не пускаешь! Дурак ты...

– Вот и всегда так, – обиженно ворчал милиционер. – Ты им все вежливо, а они тебя чуть ли не кулаками... На фронте, кажись, и то легче было, чем с этими бабами!..

– Вот ты и шагай на фронт, – логично рассудила вахтерша. – Благо и фронт-то недалек отсюда: к вечеру доберешься...

Такие сцены повторялись в конторе Рыбного порта изо дня в день. Вот и сегодня, когда в небе еще не успели погаснуть бледные зарницы полярного сияния, в проходной уже стали собираться женщины, молодые и старые, красивые и дурные, некоторые – в пальто, а больше – в ватниках.

Разбухшая от сырости дверь, с веревкой и блоком, заменявшими пружину, поминутно хлопала, впуская внутрь клубы морозного воздуха, а висевшая на веревке балластина тяжело рушилась на пол.

Приходили все новые женщины, и каждая еще с порога спрашивала:

– «Аскольд» не вернулся?..

Вот уже больше месяца траулер «Аскольд» находился в открытом океане на промысле, и эти женщины – матери, жены и сестры рыбаков – несколько дней подряд приходили в контору справляться о судьбе корабля.

Обычно раньше всех появлялась в конторе жена аскольдовского боцмана Мацуты Полина Ивановна, или попросту, как все ее звали, тетя Поля, – высокая дородная женщина с приятным, немного скуластым лицом...

До войны тетя Поля, первая из рыбацек, ходила вместе с мужем в открытое море. Не отставая от мужчин, она голыми руками шкерила на морозе рыбу, часами простаивала в трюмах, посыпая солью тресковые пласты, и за это приобрела среди команд траулеров известность, какая не снилась ни одной рыбацке. В порту даже поговаривали, что Полине Ивановне надо бы служить боцманом вместо мужа – настолько тот был тих, скромен и почти незаметен, настолько сама тетя Поля была энергична, упряма и остра на язык. Но зато для своих рыбацек она была лучше родной матери: к ней они всегда несли свои радости и беды, и Полина Ивановна принимала все близко к сердцу, как свое кровное, наболевшее.

Появляясь в конторе, тетя Поля всегда первым делом просовывала свою голову в окошечко диспетчера.

– Здравствуй, рыжий, – говорила она парню, сидевшему за пультом. – Ты что здесь делаешь?

– Нет «Аскольда», не пришел еще, – каждый раз отвечал диспетчер, стараясь захлопнуть окошечко.

– Не, не, не. Ты это брось. Коли нет «Аскольда», так ты ответь нам – когда он придет.

Сегодня же диспетчер сам заранее высунулся из окошечка и радостно сообщил:

– Тетка Поля, ну и надоела же ты мне! Больше не приставай: ваш «Аскольд» уже входит на Кильдинский плес. Встанет под разгрузку на третьем причале.

Рыбачкам только это и нужно было знать. Они расселись вокруг раскаленной печурки, и тетя Поля, жмурясь от уютного тепла, стала журить пустившую от радости слезу молодую жену машиниста Настеньку Корепанову:

– Ну, чего ревешь-то? Сейчас встретишься...

– Да я думала, что уже все, – всхлипывала молодуха.

– Чего – «все»-то?

– Погибли...

– Ну и дура, коли подумала так. Ты к разлуке-то привыкай – еще насидишься у окна. Уж такая судьба наша: встретишься, опомниться не успеешь, как уже провожать надо... Эдак-то, говорят, еще и лучше для семейной жизни: разлука для любви, что ветер для огня. Я вон со своим боцманом двадцать три года душа в душу провела...

– Двадцать три года... Это сколько же раз, тетя Поля, провожала ты своего в море? Неужели за всю жизнь не развеялась, а?

Тетя Поля неожиданно рассмеялась:

– У-у, еще как! Бывало, иду провожать, а сама в три горла вою. Думаю, потопнет, проклятый, как я без него жить-то буду!

– Ну, а сейчас?

– Э-э-э, – протянула тетя Поля, – нашла что сравнивать! Тогда-то на ёлах да шняках ходили. Бывало, отойдут от берега, а я смотрю и думаю: «Ну, последний раз проводила». Вот тогда-то я и была в три горла. А сейчас? Не какая-нибудь гнилая шняка выходит на промысел, а целый завод – им и шторм нипочем.

– Да врешь ты все, тетя Поля! – неожиданно зло сказала одна из рыбачек с худым нервным лицом. – Утешаешь ты нас. Ну, ладно – сейчас вернутся. А в другой рейс – как повезет! Немец ведь такой – он не разбирает: ему что линкор, что рыбацкая посудина – он всех топит! А у меня семеро по лавкам сидят. Потопни кормилец – куда я денусь? Ты у меня хоть одного возьмишь, чтобы кормить?

Тетя Поля немного помолчала.

– А вот тебе, – вымолвила не сразу, – тебе надобно бы и поплакать. Остервела ты без мужа-то! Эвон глаза-то у тебя, как у волка, горят... А что касается сопляков твоих, так не только я, но и любая из нас возьмет. Хочешь – хоть сейчас у тебя всех поотбираем?

Женщина сказала шепотом, словно извиняясь:

– Война ведь в море. Я не со зла. Я от беспомощности. Мы их тут вот ждем-ждем, а они, может быть, уже... Ну, не сейчас, так в другой рейс!

И она вдруг испуганно замолчала. Но, точно угадывая ее потаенные мысли, тетя Поля спокойно возразила:

– «Аскольд» промышляет на Рябининской банке. Это далече. Авось бог и милует. – И, сказав так, она погладила по голове прильнувшую к ней Корепанову...

Рука боцманши, знакомая с суровым мужским трудом, не была грубой и жесткой. Да и сама тетя Поля, несмотря на свой возраст, сохранила в душе много молодого и задорного. Годы, казалось, не тронули ее, они лишь немного коснулись ее волос да высекли у глаз ласковые, добрые морщинки.

Рыбачки подняли маскировочные шторы, и контора наполнилась серым светом хмурого полярного утра. Широкий рукав Кольского залива тянулся вниз, клубясь волокнами тумана. На рейде дымящиеся буксиры разворачивали тяжелый океанский транспорт, было слышно, как на палубе «купца» тяжело и устало гудел гонг.

Тетя Поля совсем по-домашнему спустила с головы черную шаль и, закрутив волосы крепким узлом на затылке, сказала:

– Да я своего боцмана с Рябиным хоть на край света отпустила бы!..

Издалека слышался резкий и хриплый гудок паровой сирены. Какой-то корабль трубил земле о своем возвращении.

Тетя Поля встала, поправляя платок:

– А вот и он, наш «Аскольд»! Я его по гудку среди тысячи узнаю.

* * *

Из-за крутого скалистого мыса медленно выплывал серый борт траулера. Рваные полосы пепельного тумана плотно окутывали его по самый фальшборт. В глубоких клюзах «Аскольда» тяжело покоились якоря, заиндевелые от штормовой соли.

Корабль неторопливо приближался к причалу, выше марки осев в воду тупым бивнем форштевня. Скоро с его мостика раздался повелительный свисток, и матросы разбежались – каждый на свое авральное место...

Когда траулер закрепился на швартовых, тетя Поля побрела в нос корабля, где, как ей сказали, ее поджидал муж. Антон Захарович Мацута не заметил, как она вошла, и, поглядывая в иллюминатор, старательно растирал в тазу твердые комки сухой краски.

Тетя Поля с жалостью отметила, что с каждым рейсом спина мужа горбится все больше и больше. «Вот даже не услышал, как вошла, – с тоской подумала боцманша. – Старееет и старееет...»

Неслышно ступая, она подошла к мужу и обняла его плечи, обтянутые грубой проолифленной рубахой.

– Поленька! – радостно вскрикнул боцман и засуетился, вытирая ветошью перепачканные руки. – Родная моя! Поленька... Ну, ну, что ты! – сказал он, заметив, что она прячет глаза. – Зачем это? Я жив, здоров, чего еще?.. Вот только шаровый колер приготовлю – завтра борт красить надо, весь обшарпался, – и пойдем домой.

Глядя на разбухшие от морской воды сапоги мужа, тетя Поля осторожно, точно боясь чего-то, спросила:

– Может... наплавался? Не пора ли на бережок?..

– Да что ты сегодня, Поленька! – обиделся боцман. – Сейчас-то у меня есть корабль, а уйди я с «Аскольда» – кому нужен боцман Мацута? Тебе? Ну ладно. А другим? Нет! Как хочешь, а пятым тузом в колоде я быть не желаю. Пойдем-ка лучше домой, старуха. Подзакусим чего-нибудь, да я спать лягу. Хочу поспать так, чтобы меня не качало...

– А ты не серча-ай, – ласково потянулась к нему тетя Поля. – Делай как знаешь, только смотреть мне на тебя больно. Не в твоих годах плавать по Студеному морю. Вон как другие поступают: боцман с «Рюрика» Степан Хлебосолов отплавал свое, а когда спина стала плохо гнуться – пошел на берег. Сделался смотрителем навигационных знаков. И живет припеваючи. Сушит ревматизм свой у печки, а считается по-старому – моряком...

Мацута, не отвечая, скручивал козью ножку. Пальцы боцмана – короткие, заскорузлые от соли, с широкими приплюснутыми ногтями – плохо слушались: папироса получалась толстая и кривая, словно корабельная свайка.

Бережливо собрав со стола крошки табаку (Мацута был скуп), он досыпал ими самокрутку и, прикуривая, сказал тихо, но твердо:

– Бесплезный разговор. Ты мою душу, старуха, не стронешь: крепко она приросла к этой коробке. Здесь-то у меня все, а на берегу только ты...

На палубе им встретился мастер по вытопке рыбьего жира, Яшка Мордвинов, неуклюжий парень с широкогубым заспанным лицом. Салогрей волочил большую плетеную корзину с тресковой печенью, а за ним, отчаянно мяуча, бежал судовой кот по прозвищу Прорва.

– Ну, а ты, Яков, каково живешь? – спросила тетя Поля.

– А живу я так, – меланхолично ответил Мордвинов, – что со мной не только девчата, но даже вдовы знакомиться перестали. Весь я ворванью провонял, плохая жизнь наступила... Куда, куда лапу тянешь, прорва ненасытная! – крикнул салогрей на кота и потащил корзину дальше.

У среза полубака стоял, покуривая, худощавый человек с высоким покатым лбом над близоруко прищуренными глазами. Это был помполит «Аскольда» – Олег Владимирович Самаров. Он помог матросу втащить по трапу тяжелую корзину, сказал беззлобно:

– Что, дух ворванный? За рейс не успел, так сейчас печенку в котел тащишь? Ох, и ленив же ты, Яшка!

– Да ну его! – мрачно сказал Мордвинов.

– Кого это его?

– Да вот... этого. Видите, так и бежит за корзиной, товарищ помполит. Чуть отвернешься, он уже тут. Кормить до отвала пробовал – ничего, нажрется, аж хвост из рта торчит, и снова лезет. Мешает, товарищ помполит. На берег его, заразу хвостатую, списать надо.

– Скорее тебя спишем. Ты в этом рейсе целых сорок килограммов печени в котле запорол. Драть тебя некому!.. Кис-кис-кис! – поманил к себе Самаров кота, но тот, жалко мяукнув, полез в люк, куда Мордвинов спускал корзину с жирной тресковой печенью.

Олег Владимирович рассмеялся и, помахав стоявшим на причале матросским женам, прошел в командный отсек. В просторной каюте, где жили четверо молодых матросов, гулял холодный солоноватый воздух. Волны, гулко ударяя в железную раковину «Аскольда», разбивались на ветру звенящими брызгами и через открытые иллюминаторы ручьями стекали в никелированные капельницы.

– Встать! – раздалась команда.

– Можно и сидеть, – сказал Самаров, перешагивая через высокий комингс. – Вы не на военном корабле.

Вперед выступил молодой парень. Рыбачья одежда из синей нанки была на нем вдоль и поперек прострочена толстыми швами, множество карманов различных форм виднелось повсюду.

– Но зато война! – сказал он. Это и был бригадир отличной вахты «Аскольда» Алеша Найденов.

Самаров сел, хлопнул себя по острым коленям:

– Вы что, ребята, вы куда сегодня идти собрались?

– На пироги к тете Поле.

– Правда, – с лукавством выходца из Балаклавы заметил Ставриди, – там у нее разных нравоучений наслушаешься, но зато – пироги. Это же вещь, ее есть можно!

– Пироги что надо! – внушительно заметил третий, Савва Короленко, а четвертый, Борис Русланов, промолчал.

– Ну так вот что, ребята, – продолжал Самаров, – пироги пирогами, а сегодня в клубе капитанов производственное совещание... Тебе, Алексей, выступить надо, как первому бригадиру.

– А тралмейстер Платов? Что бы вам раньше сказать. Я только что ботинки свои отдал...

– Кому?

– Да Корепанову, машинеру. Он со своей Анастасией Ивановной в театр сегодня поплывет, так не идти же ему в бахилах! А теперь не выступать же в бахилах мне?..

Дверь в каюту открылась. Все мгновенно вскочили с мест.

– О чем у вас тут разговор? – спросил Рябинин...

Капитан «Аскольда»

После рейса всегда тянуло хорошо пообедать в ресторане – эта привычка осталась у него еще с довоенных времен. Прохор Николаевич Рябинин, сойдя на берег, посмотрел на часы. «Времени в обрез. Жена, наверное, еще не приехала. Домой заходить уже нет смысла».

Он прошел по разгромленной после бомбежек улочке в скромный двухэтажный домик, где разместилось нечто вроде ресторана для иностранных моряков. Старик швейцар помнил лучшие времена и хорошо знал Рябинина еще по междурейсовому дому отдыха моряков, где капитан частенько бывал с женой.

– Милости просим, кэп, – радостно засуетился старик. – Народу немного, пьяных – тоже. И водочка стоит всего восемьдесят пять рубликов сто граммов...

Рябинин прошел в тесный и узкий зал, сел в уголку под запыленной пальмой по соседству с пожилым англичанином в свитере. Перед союзником лежала куча советских денег – одними рублями и трешками. Рябинин, готовясь идти на совещание, водки не заказывал, только взял бутылку пива. Налил стакан пива и англичанину – тот не отказался.

– Я вижу, что вы только что с моря, – заметил он.

– Да, – ответил Рябинин. – Вы это определили по моим рукам?

– По рукам. Эта проклятая соль так въедается в нашу кожу, что надобно заново родиться, чтобы избавиться от нее.

Рябинину подали солянку – единственное блюдо, которое он позволил себе: капитан не был скуп, но уважал экономию.

– Я рыбак, – просто сказал Рябинин. – Вот только что вернулся и скоро опять уйду в море. Сейчас нам нужно очень много рыбы. Селедка – это такая штука, что она умеет выручать в тяжелые времена...

– А вы не боитесь плавать в такие «тяжелые времена»? – спросил англичанин с иронией.

– А вы? – ответил Прохор Николаевич вопросом на вопрос.

– Нам легче. Наши транспорты охраняют надежные конвои. По три-четыре авианосца на один караван – согласитесь, что это хороший заслон. Война возродила даже умерший класс кораблей – корветы. Они, как жуки, ползают вокруг нас, оберегая транспорты от подлодок. А вот вас, рыбаков, никто не охраняет...

– Пока что плаваем, – усмехнулся Рябинин. – А вы на чем пришли сюда?

Англичанин локтями раздвинул вокруг себя тарелки с объедками, запихнул под салфетку деньги.

– Я пришел в Россию на новеньком десятитысячнике «Виттория». Эти коробки лучше «Либерти». Хотя, впрочем, такое же дерьмо, как и все, что выпускают сейчас для поставок по ленд-лизу...

Рябинин неопределенно пожал плечами: он уже не раз слышал, что транспорты-десятитысячники иногда ломаются на крутой волне пополам, словно сухие палки.

– Риск, – сказал он. – Вы за этот риск получаете проценты к жалованью. У нас же корабли крепкие...

– ...И за риск вам не платят! – подхватил англичанин.

– Нет, – отозвался Рябинин, – не платят... А с чем вы пришли сюда?

– О, я пришел сюда загруженным выше марки. Четыре паровоза только на верхней палубе. А в трюмах – подарки из Америки. Я получал в своей жизни немало подарков. Однажды мне подарили даже крокодила, в желудке у него я нашел двенадцать колец из ноздрей дикарей, которыми он закусил в своей грешной жизни. Но таких подарков я бы получать не хотел. В одном ящике перемешано все: презервативы с шоколадом и ручная граната рядом с детской соской. Вы проиграете войну, если начнете разбирать – кому что лучше подарить!

«Неплохой мужик этот кэп, – подумал Прохор Николаевич. – В другое время и выпить бы с ним не грех...»

– Извините, мне надо идти, – он встал.

Английский капитан протянул ему руку:

– Меня зовут Джеймс Шелдон. Надеюсь, мы еще встретимся.

– Встретимся в море. Это самое лучшее место для свидания.

– Нет, самое лучшее место – здесь! – И англичанин со смехом постучал по столу костяшками пальцев...

* * *

Рябинин немного запоздал – все уже расселись по своим местам. Капитан «Аскольда», пригибаясь в узком проходе и обтирая чужие колени, боком пролезал на свободное место, когда начались выборы в президиум. И сразу весь зал как один выставил его кандидатуру.

– Рябина!.. Рябина! – выкрикивали рыбаки, отыскивая глазами его знакомую фигуру.

Кто-то из друзей-капитанов, с присущей морякам грубоватостью шлепнув Рябина по заду, сказал:

– Иди, иди. Твое место там, а не здесь...

– Рябина! Капитана с «Аскольда»! – выкрикивали в зале.

Среди промысловиков не было ни одного, кто бы не знал водителя лучшего траулера флотилии. Это Рябинин открывал новые рыбные банки, снимал на них один «урожай» больше другого; это Рябинин водил свой траулер в море, обманывая бдительность немецких подлодок и ловко избегая минных ловушек; это по его траулеру равнялись все промысловые корабли Заполярья. В довершение всего Рябинин был «человек-лоция»: он знал свое море как никто и опускал трал всегда наверняка, точно доставал рыбу не из пучины, а из своего собственного трюма.

– Рябина!.. Рябина! – требовал зал.

И вот в проходе между рядами показался капитан «Аскольда». Коренастый, с широко развернутыми плечами, он шел как по палубе корабля, цепко и мягко ставя ноги, обутые в просторные штормовые сапоги, подбитые мехом. На вид ему было лет сорок, но, смотря на его фигуру, от которой так и веяло силой и здоровьем, казалось, что этот человек еще только вступает в жизнь.

Все выглядело на нем свежо и добротнo. На груди поблескивал тяжелый орден Трудового Красного Знамени. Лицо капитана, продубленное жгучими океанскими ветрами, имело темно-кирпичный оттенок. Вероятно, поэтому глаза казались особенно яркими и светлыми.

Рябинин шел, слегка наклонив голову, а навстречу ему со всех сторон сыпались приветствия и вопросы:

– Прохор Николаевич, опять полные трюмы?..

– Рябинин, не все море обобрал?..

– Привет Прохору Николаевичу!..

– Сколько, капитан?..

Изредка капитан «Аскольда» отвечал глуховатым голосом:

– Да ну вас! На уху всем хватит...

Поднявшись на сцену, он уверенно сел за стол, положив на красное сукно свои тяжелые, перевитые узлами вен руки. Во всем его поведении – в независимой осанке и в том, как он спокойно разглядывал с высоты сцены притихший зал, – не было заметно ни тени робости или смущения: по всему было видно, что этот человек привык держаться на людях, его не смущают чужие взоры. Рядом с ним сел еще один аскольдовец, выбранный в президиум, – тралмейстер Григорий Платов, молодой быстроглазый парень...

Рябинин слегка поморщился.

– Говорить будешь? – спросил он.

– Буду. Уже обсудили с ребятами – о чем. Олег Владимирович читал – тоже одобрил. Двадцать тысяч центнеров! Так ведь и договаривались.

– Ну, выступай, – сказал Рябинин. – Только короче да попроще. Ты нам тут своей эрудицией не тряс. В прошлый раз стыдно тебя слушать было. Начал с того, что человек произошел от обезьяны, а кончил... Черт знает где кончил!..

– Нет, Прохор Николаевич, – успокоил его тралмейстер. – Я не собьюсь. Я теперь по бумажке буду шпарить...

Совещание началось.

Григорий Платов от имени команды своего корабля сказал примерно следующее:

– Годовой план флотилия выполнила. Одни траулеры рассчитались с государством, другие еще сдают рыбу. Но дело не в этом... Мины, подлодки, бомбежки – все это верно;

трал на ощупь вытягиваешь – спички на палубе ночью зажечь нельзя. Но ведь море-то не расстрелять никакими снарядами, а треску за колючую проволоку не посадить... Так вот, товарищи, я призываю команды траулеров бороться за приближение к довоенным урожаям. Мы, матросы «Аскольда», вызываем на соревнование всю флотилию и даем обязательство: выловить к концу года еще десять тысяч центнеров рыбы!..

Сидевший рядом с Рябининым капитан «Рюрика», Павел Алферович Максимов, шепнул с дружеской откровенностью:

– Ну, уж это ты, Прохор, загнул! Десять тысяч, когда до конца года раз плюнуть осталось...

– Ничего, – прогудел в ответ Рябинин, – по-малому бить – только кулак отобьешь.

Неожиданно Прохор Николаевич увидел жену. Она стояла у стены среди аскольдовцев и, заметив, что муж смотрит в ее сторону, помахала ему рукой. «Приехала, вот и хорошо», – радостно подумал он.

А по рядам, мелькая над головами людей, уже шла записка. Пролетев от первого ряда по воздуху, она упала на стол президиума – прямо перед капитаном «Аскольда».

– Вам, – шепнули Рябинину, и он подумал, что это, наверное, от жены. Но на маленьком листке, вырванном из блокнота (такого блокнота у Ирины нет), было написано: «Прошу выйти в коридор. Вы нужны».

Капитан «Аскольда» встал. В какой-то момент он увидел среди множества смотревших на него лиц взволнованное лицо жены. Ирина Павловна пожимала плечами, как бы спрашивая: «Что случилось?»

* * *

В темном коридоре высокий флотский офицер смотрел в окно. Услышав скрип двери, он быстро повернулся.

– Товарищ Рябинин?

– Да, я Рябинин.

Офицер приложил руку к фуражке:

– Контр-адмирал Сайманов просит вас быть у главного капитана флотилии Дементьева.

– Да-а... Но совещание...

– Дементьев ждет вас тоже.

– Добро, – ответил Рябинин.

У подъезда стоял маленький горбатый «виллис». Они сели в кабину, и шофер, захлопнув дверцу, взялся за руль. Подскакивая на ухабах, «виллис» с разгона влетел в извилистые переулки. Узкие щели фар выхватывали из тьмы углы зданий, решетки палисадников, голые деревья на бульваре.

Держась за сиденье, Рябинин спросил:

– Вы не знаете, зачем меня вызывают?

Адъютант ничего не ответил.

«Виллис» остановился у здания управления флотилии. И хотя Прохор Николаевич понимал, что сейчас в его службе произойдет какое-то большое изменение (иначе бы его не вызвали в неурочное время), он оставался по-прежнему невозмутимым и спокойным. Три десятка лет из сорока двух, проведенные в постоянной борьбе с океанской стихией, приучили его относиться ко всем неожиданностям стойко и осмотрительно.

Через минуту Рябинин уже стоял на пороге кабинета главного капитана.

Два массивных стола, обтянутых зеленым сукном, составляли широкую букву «Т». Прохор Николаевич почему-то вспомнил, что знак «Т» по штормовому коду означает ветер до восьми баллов, и капитан «Аскольда», как-то сразу внутренне подтянувшись, приготовился встретить этот сильный ветер.

У стола сидели два человека: один из них – главный капитан рыболовной флотилии Дементьев, а другой – пожилой военный моряк с почти квадратными плечами, на которых тусклым золотом поблескивали адмиральские погоны.

Увидев Рябина, контр-адмирал встал и, прищутив глаза, внимательно посмотрел на него.

– Вы капитан «Аскольда», – не то спрашивая, не то утверждая, сказал он певучим баритоном. – Читал не раз о вашем траулере в «Полярной правде», а вот видеть не приходилось... Что ж, капитан, до сих пор вы делали большое дело, а теперь будете делать еще большее!

И уже голосом, каким читают на корабле приказы – ровным и твердым, – добавил:

– Имеется приказ Военного совета Северного флота о переводе вашего траулера «Аскольд» в состав действующих военных кораблей.

– Есть! – коротко ответил Рябинин, слегка кивнув головой.

– Командир любого военного корабля, – продолжал контр-адмирал, – должен обладать достоинствами искусного рыбака и предприимчивого следопыта, хладнокровием невозмутимого моряка, здравым смыслом делового человека и если хотите, то даже пылким воображением романиста... Все эти качества мы нашли в вас, товарищ Рябинин. И не только в вас, но и в команде вашего траулера!

Контр-адмирал подал широкую теплую ладонь:

– Ну что ж, давайте познакомимся как следует. Служить нам придется вместе. Начальник Водного района контр-адмирал Сайманов Игнат Тимофеевич.

Капитан «Аскольда» тряхнул протянутую ему руку:

– Рябинин Прохор Николаевич.

– Вот и хорошо, товарищ Рябинин. Только уже надо добавлять: «Командир патрульного судна «Аскольд»».

– Есть!

– Теперь давайте поговорим о деле. Это будет не решающий разговор, но мне все-таки хотелось бы для себя и для вас уяснить несколько вопросов. Траулер «Аскольд» переходит в состав военного флота. Со всем оборудованием и со всей командой, исключая лиц, которые по своему возрасту не подходят к строевой службе. Есть такие?

– Есть, товарищ контр-адмирал.

– Кто?

– Боцман Мацута.

Сайманов недовольно потер переносицу.

– Вот это плохо... И хороший боцман?

– Боцман первостатейный.

– Хм!.. Первостатейный, говорите... Жаль, жаль! Хороших боцманов мало. Но все равно, придется вашего Мацуту списать на берег, а на его место подготовить другого.

– Есть, товарищ контр-адмирал.

– Завтра поставите «Аскольд» в док для переоборудования под военный корабль. На днях пришлем вам кадрового офицера в помощники. За обучением команды военному искусству – именно искусству! – будут следить флагманские специалисты. Корабль примет от вас военно-морская комиссия. Но... тут маленькое «но». Комиссия, как учит опыт, не имеет ни тела, чтобы быть избитой, и не имеет души, чтобы быть проклятой. Выражаясь проще, воевать предстоит не комиссии, а вам, и тут нужен ваш опытный глаз, товарищ Рябинин...

Когда они закончили разговор, к ним подошел главный капитан флотилии.

Рябинин только сейчас заметил, что капитан уже стар, и тут же удивился, почему не замечал этого раньше, все десять лет до этого дня.

Дементьев по-отечески сурово и нежно взял Рябина за руку:

– Прохор Николаевич, я всегда гордился вами как водителем лучшего корабля. А сейчас горжусь еще больше. Я не скрываю – что и говорить! – мне жалко отпускать вас из флотилии, но я знаю: вы и в рядах военного флота будете...

- Первым, – тихо подсказал контр-адмирал, улыбнувшись.
- Я не то хотел сказать, но пусть будет так!

* * *

Когда Рябинин вышел из управления, со стороны океана дул влажный леденящий ветер. Воя на перекрестках улиц, он перелезал через хребты сопки и уходил кружить в тундру. Где-то далеко-далеко гудели сирены кораблей.

Капитан «Аскольда» стоял на крыльце, нахлобучив на глаза фуражку и подняв воротник выдавшего виды рыжего пальто. Часто вспыхивающая трубка озаряла его лицо с прикрытыми от ветра глазами, впалые щеки и плотно сжатые твердые губы.

Он долго стоял так, не двигаясь, потом спрыгнул с крыльца и, зашагав по улице, свернул в пустынный темный переулок. Переулок наклонно уходил к заливу, и ветер теперь бил прямо в лицо, выдувая из трубки искры, захватывая дыхание.

Это был ветер Студеного моря, ветер штормового ненастья, ветер тревог и странствий – ветер его моряцкой зрелости. И капитан, распахнув пальто, шел навстречу ему – ветру третьей военной осени...

На берегу – в гостях

Возвращаясь с совещания, она шла по темной кривой улочке, когда кто-то взял ее за локоть и выхватил из руки сверток с книгами. Ирина Павловна резко обернулась и облегченно вздохнула:

- Боже мой, как ты меня напугал! Разве так можно?..

Перед ней стоял высокий худощавый человек в широком меховом костюме, какие носят погонщики собак – каюры. Но капюшон был откинут назад, и лихая флотская фуражка сверкала новенькой эмблемой. На лице офицера – энергичном смугловатом лице кавказского горца – резко выделялся большой нос и острый, упрямо выдвинутый вперед подбородок.

– Прости, Иринushка, – сказал он, раскатисто произнося букву «р». – Но я так рад, так рад тебя видеть...

– А я никак не ожидала тебя встретить, – призналась Рябинина. – Мы все думали, что ты еще лежишь в госпитале.

– Пустяки! – неожиданно весело отмахнулся старший лейтенант. – Рана оказалась ерундовой, и я уже был в море... Сейчас в море так хорошо, так хорошо, Иринushка! Вах...

Офицер говорил скороговоркой, с сильно заметным кавказским акцентом.

– Ну как же здоров, если еще хромаешь! – возразила Ирина, беря его под руку. – Кстати, ты чего же скромничаешь? – Она бесцеремонно распахнула на его груди куртку, показала пальцем на один из орденов. – Этот? – спросила она.

- Да, – кивнул он, – этот. Только вчера получил.

– Ну поздравляю. – Рябинина дружески чмокнула его в щеку и со смехом фыркнула: – Боже мой, как ты надушен, словно девчонка!

- Я люблю приятные запахи, – смутился офицер.

Этот офицер, командир «морского охотника № 216», которого звали Вахтангом Беридзе, был давнишним другом семейства Рябининых. Дружба их началась еще до войны, когда в одном из рейсов на «Аскольде» отравились консервами несколько матросов; это случилось вдали от берегов, и «охотник» Вахтанг Беридзе на полных оборотах прилетел на помощь рыбакам, – именно с тех пор офицер и стал своим человеком в семье капитана.

Бережно поддерживая женщину за локоть, Вахтанг Беридзе с увлечением рассказывал:

– Знаешь, в госпитале была такая тощища, что я от безделья, кажется, опять влюбился. Но опять не везет – она не знала, что я встречусь ей в жизни, и уже успела выйти замуж. И муж у нее – такой сопливый мальчишка. Сержант-механик с аэродрома. Я перед ним как «витязь в тигровой шкуре»...

- Вахтанг! – смеялась Ирина. – Ты влюбляешься во всех. Ради бога, не влюбись в меня.

– В тебя я тоже был влюблен, но – тайно. Ты об этом, Иринушка, даже не догадывалась... И вот, знаешь, – продолжал Беридзе, – от скуки я снова накинута на английский язык. Все время штудировал одну книжку. Поверишь – даже без словаря...

Они уже подходили к дому, и он заговорил поспешно:

– Эта книга о парусном искусстве... Когда-то, очень и очень давно, человек впервые укрепил над своим челноком камышовую подстилку, а может быть, шкуру убитого им зверя. Челн двинулся быстрее, и дикарь, наверное, закричал от радости. Вот так-то, Иринушка, родилось в этом мире парусное ремесло. Вечная борьба со стихией рождала сильных и смелых людей. Очень много их погибало, но на смену им шли другие – такие же отчаянные и злые. В море всегда человеку было лучше, нежели на берегу. И вот наступил век паруса – золотой век паруса. Ты представляешь, Иринушка, кусок грубой заштопанной материи – и вот эта тряпка двигает корабли, торговлю, цивилизацию...

– Ты романтик, – остановила его Рябинина. – Пойдем домой, мне стало холодно...

Звонок приглушенно прозвучал в глубине квартиры. И вот хлопнула дальняя дверь – едва слышно, другая – ближняя – громче, раздался топот бегущих ног и наконец звонкий юношеский голос спросил:

– Кто?

– Это я, Сережка, открывай! Мы с Вахтангом...

Сын обнял ее на пороге. Но, заглянув через плечо офицера на лестницу, разочарованно протянул:

– А где же отец?

– А что, разве его еще нет? Я думала, он уже дома.

– И не приходил.

– Странно. – Ирина Павловна слегка нахмурилась. – Его куда-то вызвали с совещания и... Ну-ка, дай мне на тебя опереться, – она стала стаскивать боты. – И он больше не вернулся. Наверное, сейчас придет.

Сергей подхватил сверток, и они прошли в полутемную столовую.

– А ну! Дай я на тебя посмотрю... Боже мой, как ты растешь, Сережка! А это что за новость? Никак усы?

Мать засмеялась, а сын смущенно провел рукой по верхней губе, покрытой золотистым пухом. Он стоял перед ней в грубой матросской голландке навыпуск, в вырезе которой виднелась не по годам сильная грудь спортсмена. Засученные по локоть рукава обнажали руки широкой кости, обещавшие быть такими же крепкими, как у отца.

– Ведь я скоро паспорт получу, – сказал Сережка и, потрогав сверток, деловито осведомился: – Книжки?

– Да. Хочешь – посмотри...

Вахтанг, взяв книгу, уединился в угол, рассматривая эту книгу почти с благоговением. Сережка же – наоборот – кое-как перелистал книжку и тут же отшвырнул ее. Он уважал и любил свою мать, но к профессии ее относился почти с равнодушием; море в его воображении всегда оставалось просто морем, где люди совершают чудеса мужества и выносливости, но он еще не понимал, что море может быть и поприщем для науки.

– Кто-нибудь ко мне приходил?

– Нет.

– Ну, а чем ты занимаешься?

– А вот пойдем – покажу...

В комнате сына топила печь и было душно от сизого чада. На пылающих углях стояла жестяная банка: в ней что-то плавилось. Проход от кровати до письменного стола загромождали большие тяжелые весла.

У сына была своя шлюпка, построенная отцом еще до войны, – с ней он возился все свободное время.

Вот и сейчас просверлил в вальках весел глубокие отверстия, собираясь заливать их расплавленным свинцом.

Обкладывая банку со всех сторон углями, Сережка солидно объяснял:

– Это для того, чтобы легче было грести. Вес человеческих рук, положенных на валец, равен приблизительно четырем килограммам. А мои лопасти очень тяжелые, надо уравновесить. – Он взял стамеску и молоток. – Ты посиди пока, а я сейчас лунки изнутри расширю, чтобы свинец не выпал, когда остынет.

– Ладно, Сережка!

Юноша ловко орудовал стамеской, вылучивая со дна просверленных отверстий курчавую стружку. При каждом ударе молотка на его лбу прыгал жесткий чуб русых волос, и лицо становилось сосредоточенным, напряженным.

Разглядывая сына, Ирина Павловна думала:

«Вылитый отец: лоб, глаза и даже губы те же – тонкие, твердые... Видно, будет такой же упрямый и сильный...»

Сережка залил свинцом отверстия в веслах, и дерево теперь шипело и потрескивало, обжигаемое изнутри расплавленным металлом.

Стараясь не хромать, Вахтанг тем временем сходил в прихожую, достал из карманов курчавки два матово-оранжевых апельсина:

– Это вот тебе, Иринишка, а это вот тебе, Сережка. Как видите, я вас не забываю.

– А тебя, как видно, не забывают в родном ауле?

– Да, опять прислали посылку и письмо. Вах, какое письмо, какое письмо! – повторил Вахтанг, покачивая кудлатой головой, в которой едва-едва проглядывали первые седины.

Отдирая кожуру апельсина, Ирина Павловна улыбнулась.

– После этого письма, – сказала она, – ты, наверное, и выписался из госпиталя раньше срока. Я ведь знаю, что тебе могут писать твои старики, которые даже фотографируются с кинжалами наголо.

Вахтанг подал Сергею осколок от авиабомбы с острыми зазубренными краями:

– Ну, а вот это подарок только тебе. Обнаружен хирургами в моем брэнном теле. Храни. Помни мою доброту.

Старший лейтенант сел на стул, вытянув больную ногу. Ирина Павловна направилась в столовую, и он совсем по-домашнему крикнул ей вслед:

– Если можно, то – чаю!..

За столом, как-то сразу посерьезнев, Вахтанг сказал:

– Плохая весть, Иринишка.

– Что такое?

– Твой «Меридиан» вмерз в ледяной припай у Хайпудырского берега.

Ирина Павловна вздохнула.

– Кому еще налить чаю?.. Ведь я, Вахтанг, уже знаю об этом.

– Мама, неужели ты отложишь экспедицию до весны?

– Буду искать другое судно.

– Вах! – произнес Вахтанг свое обычное восклицание, которым он привык выражать радость, удивление и негодование. – Я знаю, что найти судно для дальних плаваний сейчас почти невозможно. Все суда, какие только можно использовать, нашли себе в войну применение. Ведь не позволят же тебе отрывать их от работы, которая нужна фронту!

– И это я тоже учитываю.

– Мама, пусть институт сам найдет судно.

– А институт ищет судно через меня. Я уполномочена на это. Притом мне кажется, что начальник экспедиции должен делать все сам, начиная от поисков судна и кончая составлением экспедиционных отчетов... Ну ладно! Хватит об этом.

В глазах Вахтанга блеснул озорной огонек. Он резко выпрямился на стуле – он все делал резко и быстро, словно торопился куда-то, – и серьезно взглянул на женщину черными, немного выпуклыми глазами.

– Вспомни о парусе, – сказал он. – Я недаром пришел к тебе...

– Что ты этим хочешь сказать?

– А вот ты слушай. В последнем походе (это было вчера на рассвете) на мой «охотник» навалились сразу три «юнкерса». Что тут было – не рассказать!.. Короче говоря, один с дымом ушел, наверное, так и не дотянул до аэродрома, а другие наш мотор попортили. Пришлось зайти для ремонта в первую попавшуюся бухту, что мы, конечно, и сделали. И в этой бухте... Ира, налей-ка мне чаю!

– Ну, что в этой бухте?

За дверью раздался настойчивый звонок.

– Отец! – вскрикнул Сережка и, обрадованный, кинулся в прихожую, но вернулся обратно не с отцом, а с молодым широкоскулым парнем, от которого исходил крепкий дух ворвани.

– Ты кто такой? – спросил Вахтанг.

– Я? – И парень ткнул себя в грудь пальцем. – Мордвинов я, меня Яшкой зовут... Я салогрей с «Аскольда»...

– Что-нибудь разве случилось? – насторожилась Ирина.

– Не знаю, – ответил Мордвинов. – Прохор Николаевич меня попросил к вам зайти. Сказать, что он сегодня домой не придет. Просил прислать ему полотенец чистых да шлепанцы.

– Хорошо, – кивнула Ирина. – Передайте ему, что я сама зайду сегодня на траулер и занесу все, что он просит... Вы, может быть, выпьете с улицы горячего чаю?

– Нет, – хмуро ответил Мордвинов. – Я не пью горячего чаю, я пью только холодный.

– Может, тогда возьмете пирожок на дорогу. Пирожки очень хорошие.

– Спасибо, – поблагодарил Мордвинов, – но я не ем хороших пирожков. Я ем только плохие...

– Иди, иди, братец, – сказал Вахтанг. – Не хами здесь!

– Разве же я хамлю? – удивился салогрей и спокойно пошел к выходу...

«Какие странные матросы бывают у моего Прохора», – думала Ирина, провожая Мордвинова до дверей. Она вернулась за стол и обратилась к Вахтангу:

– Ну продолжай. Так что же было в этой бухте?

– В этой бухте, – засмеялся старший лейтенант, – стояла шхуна. Но какая шхуна!.. Обожди, Ирина, не перебивай меня, история еще только начинается. Эта шхуна стояла на отмели, подпертая с бортов валунами. Я так и ахнул, когда увидел ее! По легким обводам, высокой корме и другим приметам, которые невозможно передать, а можно только почувствовать, я сразу понял, что это настоящий «пенитель». Пока матросы чинили мотор, я излазил шхуну вдоль и поперек и пришел к неутешительному выводу, что на свете еще есть много дураков, которые раньше времени забыли о парусе. В довершение всего я покажу вам вот это...

Вахтанг протянул Ирине Павловне бумажный пакетик. Когда она развернула его, на стол упали два кусочка дерева: один – темный, другой – более светлый, и оба имели с одной стороны лоснящуюся поверхность, покрытую смолой.

– Что это? – изумилась Ирина.

– Это я выпилил от борта шхуны образцы обшивки. Специально, чтобы показать тебе. Темный – от подводной части, а светлый – от надводной.

Ирина Павловна смущенно сказала:

– Но я ничего в этом не понимаю. Вот смола... она хорошо сохранилась. Значит, сохранилась и обшивка шхуны. Выходит, так?..

Сережка внимательно рассмотрел кусочки дерева, порезал их столовым ножом и даже понюхал.

– Да это настоящая лиственница, – заявил он. – Прочнее трудно найти что-либо у нас на севере. Ведь лиственницу не любит червь-торедо, и она плохо горит... Вахтанг, ты говоришь, шхуна стоит на отмели, а не на воде? Тогда, значит, лиственница выделила на открытом воздухе скипидар, и от этого шхуне не страшна никакая сырость.

– Вот анализ! Молодец, Сережка! – восхищенно сказал старший лейтенант. – Из твоего сына, Иринushка, хороший моряк выйдет... А сейчас ты, не теряя времени, поезжай в

рыболовецкий колхоз «Северная заря», оттуда пробеги верст тридцать на собаках до бухты Чайкиной, где и стоит этот «пенитель». Посмотри: годится судно для экспедиции или нет. Вот, пожалуй, и все. Я, откровенно говоря, только затем и пришел сегодня, чтобы сообщить о шхуне. А сейчас мне, – Вахтанг решительно встал, – пора на катер...

И, направляясь к двери, шутливо продекламировал:

– «Пора, пора! Рога трубят...»

* * *

Ирина Павловна застала своего мужа в каюте: ящики письменного стола были распахнуты настежь – капитан раскладывал на полу какие-то бумаги, стоя на коленях.

– Пришла, – улыбнулся он жене. – Я так и знал, что ты придешь... И я очень рад тебе, дорогая.

Он встал перед ней и отряхнул на коленях брюки.

– Ты устала? – спросил он, беря ее за плечи. – Я знаю, что ты устала... Я тоже устал. Был чертовски трудный рейс. И сегодняшний вечер мы проведем вместе. У меня где-то еще завалялась бутылка рома...

– Скажи, Прохор... Мне кажется, что-то случилось!

– Нет, все остается по-прежнему. Меняется только флаг...

– Я не совсем понимаю тебя. О чем ты говоришь?

– Я всю жизнь проплавал под флагом, в углу которого вышиты золотом две скрещенные селедки. Дураки, конечно, никогда не понимали такой романтики – они видели селедку только на столе, под уксусом и с зеленым луком. Теперь я меняю флаг, мой старый добрый флаг, – на новый, бело-голубой, со звездами... Ты поняла меня теперь?

– Не совсем.

– Потом поймешь. А сегодня я хочу, чтобы ты осталась ночевать в моей каюте. Завтра мой «Аскольд» станет кораблем военным, и женщине, пусть даже такой чудесной, как ты, уже будет не место на его палубе...

– Ах, вот оно что! – догадалась жена, сразу как-то изменившись в лице и сильно побледнев.

– Да, вот так, Ирина. Именно так...

Никогда еще они не были так дружны, как в этот вечер. Далеко за полночь они просидели в полутемной каюте, распивая бутылку пахучего рома, и все говорили, говорили, говорили. Потом капитан снял со стены фонарь и пошел проверить отсеки, а Ирина Павловна присела на плоскую жесткую постель мужа и задумчиво сняла туфли...

Вернулся муж и завел часы.

– Уже четверть третьего, – сказал он, – пора спать...

Бухта Святой Магдалины

Вахтанг Беридзе рукавом смахнул с циферблата соленые брызги, посмотрел на светящиеся стрелки часов.

– Четверть третьего, – заметил он и по переговорной трубе передал в моторный отсек: – Старшина, еще оборотов пятнадцать... Да, да, прибавь, пожалуйста!..

Холодное беззвездное небо посылало вниз мрак и стужу. На какое-то мгновение из-за облаков стремительно вынырнули голубоватые Плеяды, померцали в вышине и снова скрылись в тучах. Только на востоке, не переставая, горела красноватым огнем полночная звезда Кассиопея.

Вахтанг Беридзе стоял рядом с рулевым возле компасного нактоуза, сдирая ногтем с линз бинокля тонкую пленку льда. Мичман Назаров, закутанный до самых глаз в меховую кухлянку, поднялся по трапу на мостик. Он что-то сказал, но шум волн и ветра заглушил его голос, тогда он закричал:

– Товарищ командир! Прошли последний створ, выходим в открытый океан...

– Добро, мичман! – так же громко ответил старший лейтенант и, еще раз посмотрев на плавающую в голубом спирте картушку компаса, спустился с мостика в каюту. Плотно закрыв за собой обрезиненную дверь, он стряхнул с себя воду и достал из ящика пакет. Осторожно срезав ножницами верхнюю кромку, Вахтанг вынул сложенный вчетверо листок прозрачной бумаги. Прочитал:

«Следовать к берегам провинции Финмаркен. Квадрат 143?У. Южная оконечность Зандер-фиорда, бухта Святой Магдалины. Снять с норвежского берега группу наших разведчиков под командой лейтенанта Ярцева, числом 14 человек. С рассветом вернуться на базу».

Прочитал и по переговорной трубке приказал на мостик:

– Курс – двести девяносто. Встреч с кораблями избегать. Скорость – прежняя.

Мичман повторил приказание. В незакрытую трубу было слышно, как поскрипывает штурвал под руками рулевого, как с шипением расползаются по палубе волны.

Уже неофициально Назаров заботливо спросил:

– Ну как, Вахтанг, нога все болит?

– Болит, – поморщился Беридзе.

– Рано ты, командир, из госпиталя ушел.

– Ничего. Мостик у нас такой узкий, что ходить почти не приходится. Я сейчас прилягу.

– Конечно. Вздремни до самого главного. И будь спокоен...

Прежде чем лечь, Вахтанг спустился в моторный отсек. В тесных проходах, между двигателем и бортом, расхаживали одетые в синюю нанку подтянутые мотористы. Кладя руку на теплый кожух двигателя, Вахтанг глазами подозвал к себе старшину:

– Как подшипники? Ты жаловался, что перегреваются!

– Все в порядке! – прокричал ему в ухо старшина. – Дело в подаче смазки... Работают теперь, как хронометр!

– Ну, ну! – Старший лейтенант похлопал моториста по плечу и добавил: – Передай своим ребятам, чтобы вели себя поосторожнее. Дело сложное... Что? Я говорю – дело сложное! Понял?..

Потом он прошел в кубрик. Очередная вахта готовилась идти на посты сменить своих товарищей. Катер бросало из стороны в сторону, и матросы, балансируя и хватаясь за тонкие пиллерсы, натягивали на себя непромокаемые штаны и куртки. Синий маскировочный свет мертвил обстановку моряцкого жилья, делая ее какой-то призрачной и таинственной.

– Куда идем, товарищ командир?

– А вот за тем и пришел, сейчас расскажу... Помните, мы как-то уже снимали лейтенанта Ярцева? Такой пониже меня ростом, все больше молчит, на лицо худющий... Так вот, он сейчас выходит со своей группой к бухте Святой Магдалины. Наше дело, ребята, такое: побыстрее убрать их с чужого побережья – и домой... Не так уж и трудно, если ничего не случится...

В кубрик спустился по трапу боцман Чугунов, налил себе полкружки клюквенного экстракта, добавил воды, выглотал единым махом. Опять запахнул капюшон, признался:

– Мутит меня что-то. Как только какавы попою – так и мутит. От водки – ничего, а вот от какавы – беда прямо...

– Ты, боцман, – предупредил его Вахтанг, – особенно-то не разгуливай. Войдем в фиорд – из турели не вылезай: всякое может быть...

Вахтанг вернулся в свою каюту. Качка усиливалась. В рукомойнике звонко плескалась вода. Мокрый реглан, висевший на косяке двери, порой прилипал к переборке, порой, отрываясь от нее, повисал в воздухе. Носовая стенка каюты взлетала влево и вправо, – казалось, что море ставит ее то на один, то на другой угол.

Вжавшись в узкий простенок каюты, Вахтанг лег на койку. Сон долго не приходил. Мысли сменяли одна другую, набегая, как неторопливые волны. Тогда единым напряжением воли он приказал себе: «Спать!»

И старший лейтенант заснул, как умеют спать только командиры военных кораблей, – чутко и настороженно, готовый в любой момент вскочить и броситься на мостик. От такого

сна отдыхало лишь одно тело, а мозг продолжал работу, воспринимая шумы волн, посвисты ветра, перебои моторов – все звуки, поступающие в каюту через тонкую переборку.

Но все-таки это был сон, и когда через час Вахтанг поднялся на мостик, он чувствовал себя свежо и бодро.

* * *

Глубокой ночью «морской охотник» вошел в пустынный Зандер-фиорд. Дикие голые скалы уходили в море отвесными стенами, и с их подножий свешивались длинные бороды морской капусты. В далеком ущелье выл одинокий полярный волк, поджидая свою подругу. Небо уже заметно просветлело, но звезды сияли по-прежнему холодно. Бегущие с черных вершин родниковые ручьи тонкими струями падали с утесов в море, и над местом их падения клубился морозный пар.

– Смотрю я на них, смотрю...

– Куда, командир? – не понял мичман Назаров.

– Да на горы эти. Нет, думаю, не похожи они на Кавказские. И еще думаю иногда, мичман: увижу ли я когда-нибудь свои горы?

– А ты не думай, командир. Плюнь, – посоветовал Назаров. – Я тоже газеты читаю. Не меньше твоего, командир. Любой дурак понимает, что Гитлеру скоро – амба!

Боцман Чугунов поддержал разговор из своей круглой турели, откуда торчали его голова в шлеме и два острых рыльца пулеметов:

– Он – гад живучий! Сколько еще народу перегробить надобно, пока мы его из подвала вытащим! Я вот, товарищ командир, море очень люблю. А иногда солдату завидую. Ведь он, двуногий, до самого Берлина дойдет. Да еще, стервец, портянки свои в Одере стирает. Как раз на том бережку, на котором Геббельс любил мечтать в лунные ночи!..

– Ну ладно, – приказал Вахтанг, – теперь разговоры отставить. Смотреть внимательнее!..

Катер, держась теневого берега, медленно продвигался в глубину норвежского фиорда. Команда стояла возле орудий, готовая мгновенно отразить любое нападение с берега. Тихо разговаривали люди, тихо стучал выхлоп мотора, предусмотрительно опущенный в воду; совсем тихо, ударяясь о борт «охотника», звенели рассыпчатые гребешки волн. И в этой настороженной тишине, казалось, было слышно, как гулко стучат матросские сердца...

В бухте Святой Магдалины старший лейтенант разглядел песчаную отмель и подвел к ней свой катер. «Охотник» мягко ткнулся форштевнем в песок. От самой отмели начинался подъем в гору. Постепенно расширяясь, он заканчивался пологой равниной, блестящей при лунном свете плоскими обломками горного кварца.

– Наверное, – подумал вслух мичман, – они придут отсюда. Самое удобное место...

Прислушавшись к тишине, прерываемой плеском воды, Вахтанг тихо свистнул, как свистят болотные птицы, – тонко и печально. Он уже не раз снимал с вражеского берега разведчиков и знал, что на этот свист из тьмы выйдет человек... потом другой... третий... и молчаливой цепочкой разведчики спустятся на катер.

Но сейчас этого не случилось. Тогда старший лейтенант свистнул еще раз – уже громче.

И снова – никого...

– Еще не пришли, – шепотом сказал Назаров. – Наверное, задержались.

– Ждать надо, – так же шепотом отозвался из пулеметной турели боцман.

И стали ждать. Волк теперь выл где-то совсем рядом, за ближней сопкой, и от этого надсадного голодного воя всем было как-то не по себе. Старший лейтенант, разминая больную ногу, нервно ходил по мостику и часто смотрел в небо. Приближался хмурый предрассветный час, и звезды, уже готовые померкнуть, едва сверкали.

Волнение ожидания передалось и в нижние отсеки; мотористы, откидывая люк, спрашивали:

– Нету еще? Вот штука... Неужто погибли ребята?..

– Пора бы нам уже и удочки сматывать, – осторожно подсказал Назаров. – Дальше оставаться никак нельзя.

Вахтанг взглянул на часы:

– Да, надо уходить. Ярцева я знаю – он вояка опытный, и коли не пришел вовремя, значит... Значит – ждем полчаса. Еще полчаса, и потом заводим моторы!..

И вдруг боцман Чугунов сорвал с головы шлем, высунулся по пояс из турели, настороженно прислушиваясь.

– Кажется, идут, – сказал он.

Теперь уже все слышали далекую пулеметную очередь. Кто-то стрелял, не жалея патронов, и пулемет захлебывался, точно задыхающийся от бега человек. Потом до слуха отчетливо донесся глухой раскат гранатного взрыва.

– Это они! – радостно вздохнул мичман. – Выходит, что прорываются...

Стрельба разрасталась. Ветер, кружась в горах, разносил по лабиринту ущелий гулкое обвальное эхо. Бой стремительным клубком подкатывался к бухте Святой Магдалины.

– Завести моторы! – приказал Вахтанг в машинный отсек и, вцепившись в поручни мостика, всем телом вытянулся по направлению выстрелов.

Там, в сопках, разведчики вели бой, а он ничем не мог им помочь. Оставалось одно: ждать, пока они сами не прорвутся к нему.

И они – прорвались!

Сначала на берегу показался один человек. Он бежал к воде, припадая на раненую ногу, опираясь на ствол ручного пулемета. Матросы втащили его на палубу вместе с рюкзаком и оружием, и он, яростно отплеывая соленую воду, сообщил:

– Сейчас придут... Один остался там... для прикрытия... Ну, влипли! Перед самым концом нарвались на егерей... Думали, просочимся... Черта с два!..

И, лязгнув зубами, он почти жалобно простонал:

– Хо-а-дно...

Его отнесли в кубрик, а следом за ним, спотыкаясь о подводные камни и неся на вытянутых руках оружие и раненых, подходили к «охотнику» остальные. Их посиневшие, распухшие от мороза руки цеплялись за борт катера, и разведчики тяжело переваливались на палубу, оставляя на чистых досках следы грязи и крови.

Их было тринадцать. Один, четырнадцатый, остался в сопках и продолжал вести неравный бой.

Разведчики в нетерпении топтались на корме катера, прислушиваясь к эху, которое доносило грохот взрывов и затаенное пулеметное клюканье.

На палубе слышались возбужденные голоса:

– Короткими бьет, патроны жалеет...

– Я ему, братцы, успел два диска свои отдать...

– Прорвется, он парень бывалый...

– Это как сказать, пуля не разбирает...

– Ага, длинную выпустил...

– Видать, прижали его, сволочи...

– Ничего, он тоже не в дровах найденный: прорвется!..

– Эх, черт возьми, я пойду к нему...

– Стой, дурак: ему и без тебя тошно...

Все ждали.

Стрельба медленно, но упрямо приближалась к бухте. Четырнадцатый задержал егерей на подступах к фиорду и, навязав им неравный бой, теперь пробивал себе дорогу к морю!..

И вдруг наступила тишина. Сначала никто не хотел ей верить. Казалось, огласись скалы прежним громом боя, и все разом вздохнули бы, облегченно и радостно. Но над фиордом стояла тишина – настороженная, давящая, заунывная.

– Всё! Погиб, – сказал мичман.

Тогда один разведчик подскочил к борту и, бешено дернув затвор автомата, высадил вверх целый диск трассирующих пуль – огненной лентой вытянулась трасса вдоль серебристой долины.

– Костя-а-а! – закричал он. – Никоно-о-ов!..

Скалы молчали. Только сонно шумели ручьи, волны с тихим шорохом перебирали на отмели гальку да шумели на ветру голые сучья кочкарника...

К Вахтангу, чуть пошатываясь, подошел разведчик в сером ватнике, с покоробленными от сырости полевыми погонами офицера. Это был командир группы – лейтенант Ярцев.

Потрогав забинтованную голову, покрытую ржавыми пятнами крови, он глухо сказал:

– Можно отходить... Сержант Никонов прикрыл отход!..

«Я не смертник!..»

В такие моменты лучше всего думать о постороннем.

Но послушай-ка, приятель: что ты можешь назвать посторонним? Ведь эта жухлая травинка, что качается у тебя перед глазами, – разве она еще не принадлежит тебе? А эти горы, с которых несутся бешеные мутные ручьи, – ты еще вчера пил из них ледяную воду. А там, за тобою, совсем рядом, шумит твоё море, – ты столько раз пропадал в его просторах и снова возвращался обратно...

Было тихо и грустно.

– Эй, немец! – вдруг крикнул Никонов со злостью. – Ну, иди сюда... где ты застрял там?..

В ответ несколько длинных очередей, скреживаясь над его головою, прошли и разошлись, треща и присвистывая. Послышался лай собак. «Собаки, – подумал сержант, – это, пожалуй, хуже...»

Порыв ветра качнул перед ним одинокий стебель травы, Никонов осторожно протянул руку, сорвал и куснул горький стебелек. Ему почему-то захотелось делать сейчас самые простые вещи... Хотелось бы посидеть за добротным столом, выкурить хорошую папиросу, поговорить по телефону или же просто полежать на мягкой постели...

Никонов дождался травинку до конца и вдруг вспомнил, что там, на Большой земле, в связке его документов осталась одна фотография: Аглая, такая милая и такая юная, сидит в белом платье на ворохе сена и грызет соломинку. Когда это было? Да совсем недавно. Они снимали дачу под Петергофом, он приехал к жене в отпуск, и, кажется, именно тогда они ждали ребенка...

«Семь... девять... одиннадцать... пятнадцать», – он на ощупь пересчитал патроны: негусто. Правда, есть еще одна граната-лимонка страшной разрывной силы, а сбоку на поясе – широкий неразлучный кинжал.

Светало...

Да-а, на этот раз, кажется, ему не выбраться отсюда живым. Когда сержант услышал приглушенный рокот моторов уходящего «охотника» и понял, что теперь товарищи будут живы, он вздохнул. Вздохнул так облегченно и радостно, как хотели вздохнуть те тринадцать, что ждали его.

В этот момент разведчик ощутил всем сердцем величие скупого мужественного слова «долг» и одновременно с этим почувствовал тревожное беспокойство. Раньше ему казалось: лишь бы прикрыть отход, а погибнуть будет легко и не страшно.

Но сейчас, когда он остался один на один – «баш на баш», как говорят матросы, – со своей смертью, ему сделалось не по себе. Это был даже не страх, а лишь неистовое желание жить, которое заставляло его пригибать голову под свистом пуль, плотнее вжиматься в землю.

Жить! Вот именно сейчас, когда все дороги к жизни были отрезаны: впереди – взвод горных егерей, позади – крутой обрыв в море.

Никонов обложился камнями, еще ниже надвинул на лоб каску. В узкую щель между кварцевыми плитами вставил ствол автомата.

Хотелось курить. Взяв в зубы трубку, Никонов долго сосал ее, глубоко втягивая небритые щеки, исцарапанные колючим кустарником. Но даже от одного только запаха прогоревшей махорки закружилась голова.

Не выпуская изо рта трубки, сержант пристально наблюдал за местностью. Горные егеря, обозленные неудачей, засели за грядой обомшелых валунов и, прекратив стрельбу, изредка кричали в его сторону:

– Рус, капут!.. Смертник, здавайс!..

– Я не смертник! – отвечал им Никонов. – Идите-ка вы все... знаете – куда?

Со стороны немцев слышался смех, они о чем-то громко переговаривались, потом один шоукоровец с чухонским акцентом стал приглашать его к себе:

– Эй, москаль, тебя все бросили! Кончай стрелять, иди к нам, будем пить кофе... Не надо стрелять!..

Пользуясь минутным затишьем, из теплой норки деловито выполз желтобрюхий лемминг. Маленький земляной зверек посмотрел на человека черными бусинками глаз и, очевидно решив, что это так и нужно, стал усердно ковырять в ухе лапкой. Потом сел на холмик свежевырытой им земли и, сложив на брюшке лапки, начал покачиваться в дремоте. Точь-в-точь как тот обыватель, который, плотно пообедав, выходит посидеть на лавочке перед своим домом.

Никонов вдруг вспомнил, как в детстве он ловил таких животных, – правда, не леммингов, а степных сусликов. Заливая водой норки, он терпеливо ждал, когда зверек выползет наружу – мокрый, жалкий, задыхающийся.

И, точно желая искупить грехи своего детства, Никонов тихо сказал:

– Иди домой, дурачок. Стрелять буду.

Зверек испуганно блеснул бусинками глаз и, дернувшись толстым задком, исчез в норке. Теперь оттуда, изнутри, летела земля – лемминг поспешно закапывал вход в свое жилище.

И когда он уже покончил со своей работой, снова затараторил немецкий пулемет. О стальную каску застучал взметенный пулями щебень, кварцевые крупинки, высеченные из камней, больно стегнули по лицу...

«Здесь не вылежишь уже ничего – пора отходить!»

Никонов методично выпустил восемь пуль. Потом, извиваясь ужом, отполз в сторону и выстрелил еще два раза. На мгновение оторвав голову от камня, сержант увидел, как залегли егеря, и тогда начал отступать, вжимаясь в ущелье.

Ущелье постепенно сужалось, и разведчик уже не шел, а протискивался боком между скалами, цепляясь руками за каждый выступ.

Скоро он услышал тяжелое дыхание и скрип альпийских шипов. Показался егерь. Никонов выстрелил и, не оглядываясь, стал протискиваться дальше. Своды каменного коридора неожиданно раздались, и разведчик уловил шум воды.

Через несколько минут он уже выбрался на берег горной реки. Прыгая по ступенькам скал, вся в белой пене, река с разбегу рушилась в море. И, глядя, как она разбивается на мириады брызг о прибрежные пахты, сержант понял: к морю не пройти...

Тогда он пошел вверх по течению реки. Река постепенно смирjala свой бег, текла сравнительно плавно. Крутые гранитные массивы вплотную обступали ее узкое извилистое русло, и Никонову иногда приходилось брести по колено в воде, преодолевая сильную быстрину. От воды поднимался пар, превращаясь в липкий плотный туман, и чем дальше шел Никонов, туман становился все гуще и гуще, как тесто.

До слуха долетали нестройные крики егерей, плеск воды под ногами, удары прикладов о камни. В одном месте над протоком свешивались сросшиеся в густое гнездо кусты рябины. Красные гроздья переспелых ягод казались необычными цветами, растущими прямо из тумана.

Никонов спрятался за рябинником, наблюдая, как в плотных облаках пара вырастают фигуры егерей. Боязливо сбившись в кучу, немцы остановились в нескольких метрах от него и стали тихо совещаться между собою.

Никонов достал гранату, прислушался.

– Какой туман!.. – протянул один егерь. – Курт, а Курт, ты что-нибудь видишь?

– Нет, ничего.

– А ведь если этот красный уйдет, нам здорово достанется от оберста!..^[3]

Егеря замолчали. Шумела река. Пели наверху птицы. Волны бежали неторопливо, спокойно.

Было страшно...

Наконец, не выдержав этой давящей тишины, немцы стали стрелять в воздух, прерывая выстрелы криками:

– Kommunist halt! Смертник, здавай! Hande hoch, смертник!..

Никонов выдернул кольцо лимонки и, выждав мгновение, широко размахнулся для броска. Рвануло грохотом и свистом.

Ломая кусты на скалах, откуда-то сверху свалился камень. Вода замутилась, стала желтой...

Не давая немцам опомниться, сержант выстрелил последний раз и бросился дальше, вверх по течению. Навстречу ему неслись потоки мутной пены, колючие кустарники хлестали в лицо, а он все бежал и бежал, пока река не обмелела и не превратилась в тихо журчащий ручей. Здесь тумана уже не было, только легкий пар висел над водой. Теперь прямо перед сержантом вставала крутая скала. В громадных валунах, образовавших подножие этой скалы, едва слышно звенел родник, а там наверху – высоко-высоко, в просвете туманов – заманчиво голубело небо.

Никонов устало опустился на колени и жадно припал к роднику. От ледяной воды тупой болью сковало зубы.

Но вдали снова раздались голоса егерей. Погоня, погоня – она шла за ним по пятам...

Тогда в каком-то безумном отчаянии разведчик вспрыгнул на первый валун, уцепился за висевший над головой куст, влез на каменный выступ и начал упрямо взбираться на скалу.

Камень за камнем, карниз за карнизом. Ноги скользили, обдирая ползучий мох. Руки повисали в воздухе, вырывая с корнем чахлые растения.

А он все лез и лез – к самому небу, и под ним быстро росла черная впадина пропасти...

* * *

Когда Никонов остановился, чтобы перевести дух, долина реки белела внизу узенькой туманной ленточкой, а вокруг высились вершины сопок, и стояла такая тишина, какая бывает только в горах, – тишина, прерываемая одним лишь гудением ветра.

С каждым метром скала становилась глаже и обточеннее. Меньше встречалось расщелин и карнизов. Но, цепляясь за каждую выбоину, за каждую складку в камнях, Никонов полз все выше и выше.

Неожиданно с плеча сорвался автомат и полетел в бездну, увлекая за собой сначала мелкие, потом все более крупные камни. Когда грохот обвала замер, сержант висел над пропастью, втиснув в расщелину носок сапога и цепляясь за скалу одними концами пальцев. От страха свело лопатки, дыхание стало коротким, прерывистым. И одновременно с этим разведчик ощутил в своем теле необыкновенную усталость, каждый мускул трепетал от слабости, нестерпимо болели лодыжки ног, тупой болью ныли изуродованные о камни руки.

Никонов посмотрел вниз: глубокая впадина ущелья зияла под ним, клубясь туманом, а сама скала походила сейчас на гигантскую этажерку с бесчисленным количеством полок. Из бездны пахло холодной сыростью, и легкая тошнота подступила к горлу.

Никонов поднял голову вверх: посеревшее небо висело над ним, как никогда близкое и угрюмое. Вершина скалы была всего в каких-нибудь десяти метрах, но разведчик сразу понял: эти метры будут стоять всего того, что осталось позади.

Теперь сержант заранее обдумывал и выверял все движения рук, ног и даже пальцев. Самое главное – пальцев!.. Посиневшие от напряжения, сочащиеся кровью, с ободранными ногтями, они цепко хватались за неприметные бугорки.

Увлеченный работой, Никонов даже не заметил, как на самый гребень скалы вышел полярный хищник – белоплечий орлан, поднятый из гнезда звоном стали о камень. Орлан был стар: он уже несколько лет одиноко жил на этой вершине, не в силах разбойничать над океаном, и, выслеживая редких гагар и чаек, терпеливо ждал своей смерти.

Проковыляв по краю обрыва, орлан остановился и, склонив голову с горбатым клювом, долго следил за человеком строгим, не по-птичьи внимательным взглядом. И, увидев орлана, Никонов сразу возненавидел эту птицу, но не потому, что она была хищной, а за то, что у нее есть большие сильные крылья, и она не боится, как он, сорваться в бездну.

Когда до гребня скалы оставалось уже метра три, сержант увидел над головой узкую трещину в доломите. Собрав силы, он дотянулся до этой щели и глубоко всадил в нее тесак. Нож сел плотно и крепко. Теперь, если только удастся встать на торчащую рукоятку, можно дотянуться до гребня.

Прилипая к скале, как ползучее растение, Никонов изловчился, рванулся кверху и... даже не верилось, но он встал коленом на рукоять. Готовясь к последнему, решительному рывку, сержант лихорадочно думал: «Только бы выдержали ноги... Только бы не сломалось лезвие...»

Орлан беспокойно прошелся по краю обрыва, расправляя саженные крылья, и вдруг закричал дико и страшно, точно в его горле бурлила вода: «Кле-клег-ррл!.. гррл! Кле-клеклак!»

Никонов медленно поднял руки, и его пальцы беспомощно зацарапали камень, не доставая до гребня. Что-то хрустнуло под ногой. Тогда, отчаявшись, Никонов оттолкнулся от ненадежной опоры и, ухватившись за острый гребень скалы, повис...

Он повис над пропастью, собирая в руках остаток сил, потом подтянулся, занес ногу и с трудом перекинул через гребень свое измученное тело.

Так они и сидели некоторое время на голой обветренной вершине – орел и человек...

Сидели – рядом.

Господин во фраке

Я не помню, значится ли имя Х. фон Герделера в числе военных преступников, но это и не столь важно сейчас. Об этом человеке, судьба которого весьма тесно связана с судьбами наших героев, следует рассказать подробнее.

Войсковой инструктор по национал-социалистскому воспитанию Хорст фон Герделер до 1942 года отличался от своих сподвижников лишь чрезмерной жестокостью, которую он сам любил объяснять «фанатической верой в дело фюрера». Скромный майор сделал себе карьеру на второй год войны с Россией, когда приехал в оккупированную Норвегию.

Норвежцам, этим заядлым спортсменам, тогда еще очень хорошо был памятен рекорд советского конькобежца Мельникова, который перед войной посетил Норвегию. И фон Герделер решил ударить именно по этой национальной черте оккупированного народа – по их любви к советскому чемпиону: он объявил, что Мельников перешел на сторону Германии и в рядах власовцев героически сражается против коммунизма. Войсковой инструктор тогда же был замечен и произведен в звание оберста. Он считался незаменимым там, где требовалось добиться успеха любыми средствами.

Будучи энергичным, неглупым и решительным, фон Герделер не чуждался никакого дела: боролся с саботажем на селитровых заводах Норск-Гидро, выжимал контрибуциями из городов последние соки, эвакуировал рыбацкое население подальше от моря, от простора, от свободы...

Карьера его стремительно шла по восходящей линии, и немецкий рейхскомиссар в Норвегии генерал Тербовен (или попросту Бовен, как его звали, что в переводе с норвежского означает «вор») уже не раз предупреждал своего любимца:

– Оберст, никогда не прыгайте по лестнице сразу через три ступеньки. Я понимаю, что вы – мастер в одурачивании людей, иначе я бы вас не уважал, но у вас много завистников... Не споткнитесь, падать всегда больно!..

Фон Герделер еще полгода проработал в Осло и сам того не знал, что гестапо давно подкапывается под него, – примитивным мясникам претила хитроумная «работа» этого инструктора: он просто мешал их славе. Последнее, что успел сделать оберст в Осло, это посадить в прусский концлагерь «лес богов» – весь цвет норвежской интеллигенции: профессоров, педагогов, редакторов газет и врачей; так, казалось ему, в Норвегии будет спокойнее. Он сам учился когда-то в университете, но мантии судьи предпочел мундир рейхсвера и к людям умнее себя всегда относился с некоторым подозрением...

Наградой ему был Железный крест с дубовыми листьями, но завистники из «политише абтайлюнга» все-таки его допекли, и Тербовен был вынужден распрощаться со своим талантливым учеником.

– Я же тебя предупреждал, сынок, – заявил наместник. – Ты не послушался меня, старика... Теперь придется поддержать тебя на льду. Будь любезен отправиться в Швецию – на рудники в Элливарре. Будешь работать там на легальном положении. Сиди в этой тихой стране тихо, не умничай. Пусть о тебе немного забудут. Потом я тебя оттуда вытащу...

Нейтральная Швеция питала своей железной рудой военную машину Германии. День и ночь через границу с Норвегией громыхали тяжелые черные платформы, а в банки шведских капиталистов текли тусклые слитки золота, и в этих слитках были сплавлены воедино и обручальное кольцо невесты, и золотая челюсть замученной в гестапо старухи. Фон Герделер в качестве легального агента, под маркой опытного горного инженера, должен был следить за бесперебойными поставками железной руды из Кируны в Нарвик: оттуда руда отправлялась в третью империю уже морем.

Присмотревшись к делу, фон Герделер заметил, что его предшественник был большим ротозеем. Заручившись помощью крупного юриста, оберст перерыл все пункты торговых соглашений со шведскими предпринимателями, и скоро вагоны с рудой уже не успевали разгружать в Нарвике.

Оберст был достаточно сообразителен и действовал различными путями – недаром одурачивание людей было его профессией. Однажды поток руды в Германию остановился, и тогда фон Герделер выкинул такой ход: он задержал перевод платежей на банк в Стокгольме и тут же обручился с дочерью главного обладателя всех рудничных акций. Запруду из груженных составов словно прорвало, на путях к Нарвику даже образовалась «пробка».

Однако портить отношения со шведами фон Герделер никогда не желал: купив за городом зимнюю дачу, он часто устраивал на ней приемы и первым вставал с бокалом вина в руке, предлагая тост за шведского короля. Он пошел еще дальше: о Гитлере стал отзываться с некоторым пренебрежением, рассказывал пикантные анекдоты из личной жизни главарей национал-социалистской партии (а он их знал немало), и это нравилось шведам.

Молодой, полный сил и напористый, оберст сразу оказался и здесь на своем месте: вскоре он добился разрешения обращаться к министру Дарре со всеми вопросами уже лично, через головы его чиновников.

– Я понимаю вас, шведов, – с грустью разглагольствовал иногда фон Герделер. – Ваша страна – образец классической государственности. Именно так я и хотел бы прожить свою жизнь. – И он вздыхал, покручивая обручальное кольцо на пальце. – Поверьте, что мне страшно за мою Германию... Только здесь, в вашем кругу, я понял, какое это счастье – выпить утром стакан парного молока, выкупаться в озере и разводить потом под окном тюльпаны. И не знать, что где-то война...

И богатая вдова Канна Мунк, явно влюбленная в молодого нациста, частенько восклицала с восхищением:

– Как он мил, этот полковник! А еще говорят, что Гитлер испортил всех немцев...

* * *

Вид из окон зимней веранды на озеро, окруженное лесистыми горами, был восхитителен. Дача находилась на вершине холма, и при первом же снеге надо будет встать на лыжи и сразу от порога веранды скатиться на дно этой глубокой чаши.

Хорст фон Герделер аккуратно сложил в офицерский несессер бритву и посмотрел на себя в зеркало. Свое лицо ему сегодня понравилось: гладкое, мужественное, немного жесткое, – такие лица любят женщины. Он долго выбирал галстук. Пожалуй, вот этот: хорошо, со вкусом и скромно. Оберст вдел запонки в гремящие от крахмала манжеты, еще раз взглянул на билет, присланный ему сегодня. Начало – в девять. Что ж, он еще успеет.

– Фру Агава, – позвал он служанку, – будьте так любезны, вызовите мою машину из гаража...

Канна Мунк давала сегодня на своей загородной вилле бал в честь именин своей дочери. Хорст фон Герделер, повинувшись шведскому обычаю, вбросил свой подарок внутрь ее дома, не показываясь на глаза хозяйке, и появился перед ней уже с пустыми руками.

– Вы так очаровательны сегодня, – сказал он, наклоняясь, чтобы поцеловать тонкую руку богатой бездельницы. – И мне нравится, что браслет на вашей руке совсем такой, какой носят крестьянские девушки.

– А вы сегодня так разговорчивы, полковник, – назвала его вдова по званию, которое он тщетно скрывал под своим фраком.

– О, фру! – развел оберст руками. – Я всегда буду лишь инструментом, на котором вы так великолепно играете!..

Он решил не быть назойливым и скоро отошел к гостям. Большинство их были инженеры с рудников Элливарре и хорошие знакомые оберста. Встретили они его на этот раз сдержанно и молчаливо. Фон Герделер уже знал: так его встречают каждый раз, когда немецкие войска на русском фронте терпят очередное поражение. «Черт возьми! – подумал он, ругая себя. – Прежде чем идти сюда, надо было прослушать радио...»

– Господа, – весело сказал он, беря с подноса рюмку превосходного мартеля, – восемьдесят семь вагонов руды сегодня уже покатались к морю. Могу поздравить вас, господа, с хорошей премией...

– Это верно, – согласился один швед. – Не будь этой мировой потасовки, и мы бы, наверное, ходили без работы. Только не случилось бы так, что наша руда будет сгружаться в море!

– Вы хотите сказать... – начал было фон Герделер.

– Да, из Лондона только что передали, что английская подлодка...

– Русская! – перебил один молодой инженер. – Стокгольм утверждает, что русская!

– Это безразлично, – продолжал швед. – Однако в Нарвике вчера прямо у причала торпедированы три транспорта с нашей рудой... Как вам это нравится, Хорст?

– Я отвечаю за руду только до Нарвика, – ответил оберст, наигранно улыбаясь. – Моя карьера не плавает по воде, а ездит на колесах...

Весть эта, однако, не испортила настроения фон Герделера, и весь вечер он был общительно-весел. Канна Мунк предложила гостям проехать в соседнюю деревню – посмотреть крестьянскую свадьбу. И оберст с восторгом наблюдал простодушные танцы шведов, пил горький «олюст», играл с девушками при свете костров в горелки. Потом все вернулись обратно на дачу, и казалось, ничто не потревожит сегодняшнего вечера.

Но около полуночи его позвали к телефону. Чей-то сбивчивый голос доложил, что эшелон с рудой, едва перейдя границу, полетел под откос.

– Я вас понял, – ответил фон Герделер. – Срочно звоните на вокзал, чтобы мне приготовили электродрезину. Я сейчас же выезжаю к месту катастрофы...

Он вежливо извинился перед гостями, поцеловал руку хозяйке, сказав ей, что этот вечер надолго останется в его памяти, и Канна Мунк с сожалением проводила глазами его статную рослую фигуру.

– Как он мил, этот полковник, – повторила она свою любимую фразу. – Я никогда не поверю, что Гитлер испортил немцев!..

* * *

Под ударами кулака лицо превращалось в кровавое месиво. Схватив свою жертву за горло, фон Герделер деловито стучал кулаком в это безглазое хрипящее лицо. Кулак работал методично, как железный сустав хорошей машины: рука в единожды принятом темпе сгибалась в локте, мускулы напрягались, и жесткая пятерня с резкой силой выбрасывалась вперед – прямо в этот хрип, в эту страшную маску, в этот сдавленно хрипящий рот.

– На, – приговаривал он, – вот еще!.. Проглоти зубы!.. Ты видел, сволочь? Ты не мог не видеть!.. Получай!.. Пути были разобраны... Ты это видел?..

Чья-то рука легла ему на плечо. Оберст обернулся и увидел стоявшего перед ним эсэсовца.

– Оставьте машиниста! – резко приказал эсэсовец. – Он все-таки старик. И он наверняка сам не рад этой ужасной катастрофе...

Фон Герделер отбросил от себя норвежского машиниста, и тот бессильно рухнул на землю.

Повсюду валялись, задрав колеса, сброшенные под откос платформы. Эсэсовцы с фонарями в руках ползали по шуршащим насыпям руды, выволакивали из-под обломков мертвых и раненых.

– Все эти сволочи заодно! – злобно сказал фон Герделер, вправляя выбившуюся наружу манишку и нащупывая разорванную манжету. Только сейчас он сообразил, что его вечерний фрак выглядит дико среди хаоса этой катастрофы...

– С кем я разговариваю? – спросил эсэсовец, осветив фонарем лицо оберста. Фон Герделер назвал себя.

– Имею честь, – эсэсовец приложил руку к фуражке.

Вдвоем они подхватили избитого норвежского машиниста за руки и за ноги, оттащили его в сторону и бросили на брезент, на который складывались убитые.

– Я уже смотрел, – сказал фон Герделер. – Пути оказались разобранными. На стыках были отвинчены гайки. И все было замаскировано. Надо сейчас же арестовать путевого обходчика...

– Уже забрали, – небрежно ответил эсэсовец. – Только он здесь ни при чем. Мы догадываемся, что это работа партизан. В провинциях Тромс и Нурлан их особенно много. Мы даже знаем, кто руководит ими!

– Хальварсен?^[4] – подсказал фон Герделер, в неугасшем возбуждении раскуривая сигарету.

– Хальварсен со своим отрядом бродит где-то не здесь, – отозвался эсэсовец. – Мы его отогнали от границы к морю... А вы, оберст, никогда не встречали вот этого человека?

Эсэсовец приставил луч фонаря к обтянутой в целлофан небольшой фотографии. На оберста глянуло незнакомое лицо – лицо волевое, с плотно стиснутыми губами, глаза глядели с пронзительной усмешкой.

– Нет, не встречал. Я последнее время работаю на шведских рудниках.

– Это ничего не значит, – возразил эсэсовец. – Шведские пограничники все, как на подбор, шалопаи. Перейти здесь границу – раз плюнуть...

Эсэсовец спрятал фотографию обратно в карман и пояснил:

– Это видный член норвежской компартии. Зовут его Сверре Дельвик. Он недавно вернулся из Лондона. Вполне возможно, что он и захочет связаться со шведскими шахтерами. Совсем нетрудно подбить их на забастовку. По-моему, кто-то из его людей своротил этот эшелон...

– Хорошо, – сказал фон Герделер, – у меня в Элливарре большие связи, я буду следить.

– Основная примета: Сверре Дельвик не имеет левой руки, – подсказал эсэсовец. – Это мы оттапали ему ее под Нарвиком, когда он служил в королевской Пятой бригаде. Иногда он носит протез, но это очень заметно...

Через несколько дней еще два эшелона скатились под откос. Стоило переехать границу, как взрывались мосты, разъезжались под колесами рельсы, оползала под шпалами насыпь. Сначала сбавили скорость эшелонов на десять километров, потом на пятнадцать, и, наконец, железная руда потекла в Норвегию жалкой медленной струей.

Корабли в Нарвике теперь подолгу простаивали под погрузкой в ожидании, пока подойдут новые эшелоны. Запасы руды, целые горы драгоценной руды, которая должна была перелиться в орудийные стволы, танковую броню и солдатские шмайсеры, – эти запасы не успевали вывозиться с рудничных дворов. Эшелоны теперь по-черепашьи переползали границу, выставив впереди себя – перед паровозом – несколько лишних платформ, груженных песком, на которых сидели штрафные солдаты...

Однажды фон Герделер разговорился в кафе с пожилым шведским шахтером.

– Вы знаете, кто такой Сверре Дельвик? – спросил он его.

– Знаем, – ответил швед. – Он – настоящий парень!..

Обидно было еще и то, что завистники, которых он нажил в «политише абтайлюнге», конечно, воспользуются этим моментом, чтобы прижать его к коврику лопатками. И фон Герделер не ошибся в своем предположении: в середине ноября он получил официальное уведомление о том, чтобы приготовить дела к сдаче их другому представителю. Затем последовал приказ: инструктор по национал-социалистскому воспитанию переводился в распоряжение ставки горноегерской армии генерала Дитма.

Это был уже конец, это был фронт!..

Оберст никогда не думал, что может испытывать такой отчаянный страх. Ведь он всегда хвалился умением прекрасно владеть собой. Но сейчас его просто зазнобило от ужаса, что вот это его тело, такое здоровое и сильное, которое он так берег и лелеял, – это тело может быть разорвано на куски, что его можно проткнуть штыком, что рваный горячий осколок может войти в это нежное красное мясо и, вкручиваясь в него, раздирать его страшной болью...

«Я просто устал, – решил фон Герделер, наливая себе полный стакан коньяку. – Надо как следует встряхнуться». Одевшись попроще, чтобы его не узнали, он забрел на окраине города в шахтерский клуб. У стойки он выпил сразу три стаканчика русской водки и пригласил танцевать девушку.

– А ты мне нравишься, – сказал он ей и провел рукой по ее пухлому задку.

Какой-то парень в рабочей куртке, тоже крепко подвыпивший, выволок фон Герделера за дверь. Кулак шахтера больно треснул полковника в щелкнувшую челюсть, и он откатился к забору.

– Поддай ему еще, Альф! – крикнул чей-то голос...

Вмешивать в это дело полицию было глупо. Отряхивая свой костюм от грязи, фон Герделер побрел дальше – на самый конец города. В потемках высились слабо освещенные рудничные копры, среди догорающих навалов шлака проносились резко кричащие паровозы.

На задворках одного из барачных домов он нашел то, что искал.

– Вы не разделите со мной одиночества? – спросил он пожилую костлявую проститутку.

Она провела его в свое убогое жилье, где над смятой постелью висели знаменитости нашего буйного века: рядом с Гитлером – портрет американского боксера, рядом с Гретой Гарбо – испанский тореадор.

Фон Герделер, присев на стул, признался:

– Ты обожди... Я не могу.

Проститутка сказала:

– Я была в Германии. Вот где умора! Там солдаты прямо с фронта. Так и кидаются на нас. И тоже ничего не могут.

– Я не был на фронте, – ответил оберст, – но я там буду. И буду скоро...

Через неделю он сдал свои дела майору интендантской службы, крепко искалеченному под Сталинградом.

– Что-то я не замечаю на вашем лице особой радости по поводу того, что вы отправляетесь на фронт! – ядовито сказал ему этот майор на прощание.

– А я, – резко ответил оберст, – что-то не замечаю на вашем лице особого огорчения по поводу того, что вы остаетесь в тылу!..

Ему удалось оттянуть фронт еще на две недели – он уехал отдыхать на курорт.

Глава вторая

Начало дня

Сережка с детства отличался самостоятельностью. Однажды отец за какую-то провинность оттащил его за уши. Сережка даже не пискнул при этом, а на следующий день принес откуда-то медицинскую брошюру, которая называлась «Почему вредны телесные наказания». В этой брошюре, которую Рябинин тут же прочел, было сказано буквально следующее: «Нельзя драть детей за уши. Механические раздражения ушной раковины

вызывают прилив крови к голове и могут вредно отразиться на умственных способностях вашего ребенка».

Рябинин вспомнил этот случай потому, что жена сегодня утром ему сказала: «Я уйду в экспедицию, ты останешься один, ради бога, следи за Сережкой, он еще очень неустойчив... Такой возраст, сам знаешь, за ним нужен глаз да глаз!»

Капитан «Аскольда» выбивает в иллюминатор трубочный пепел, его брови хмуро сдвинуты.

– Че-пу-ха! – отдельно произносит он и сильно дует в одну из переговорных труб.

В другом конце корабля на слуховом раструбе откидывается клапан, и раздается протяжный свист. Штурман «Аскольда» Андрей Векшин поспешно вскакивает с койки. Он уже знает – это Рябинин: только у него одного такие могучие легкие, что могут продуть всю трубу на целую полсотню метров и еще откинуть клапан.

В слуховом раструбе перекачивается звенящий бас капитана:

– Штурман, на минутку...

Больше с тех пор он ни разу не дотронулся до ушей своего сына. И сейчас с нежной усмешкой думает о нем: «Хороший растет парень. Такой не пропадет. А вот скрипку свою, негодник, забросил. И неплохо играл ведь...» Потом его мысли снова возвращаются к жене.

Сегодня она сказала ему вот что:

«Я всегда гордилась тобой, а теперь буду гордиться еще больше. Но ты не забывай: если с тобой что-нибудь случится, это будет для меня непоправимым горем. Ты мне так нужен, так нужен... Помни об этом, ради бога».

Капитан «Аскольда» четкими шагами расхаживает по каюте. Пушистый мат из очесов манильского троса глушит его увесистые шаги. Если бы только кто-нибудь знал, какая большая и давняя дружба связывает его с этой женщиной! Когда он впервые поднял на мачту передовой вымпел флотилии, некоторые капитаны говорили: «Рябинину – легко: у него жена научный работник, уж конечно, она ему подскажет такое, о чем нам своим умом допираться надо. Муж и жена – одна сатана!..»

Да, она ему помогала. Глупо отрицать это. Но не больше, чем другим. Зато, когда он замерзал на мостике, сутками не уходя в каюту, она, казалось, тоже стояла рядом, они вместе, казалось, ломали голову над картой, и в сумбуре штормовых ночей – казалось ли это? – он видел, как ее тонкий палец тянулся в сторону его мечты – тянулся на восток, туда, где еще никто не забрасывал трала.

И он пошел на восток, даже не сказав ей об этом, он впервые снял небывалые «урожаи» на той самой банке, которая носит теперь его имя! Да, конечно, муж и жена – одна сатана: пусть же половина его успеха всегда принадлежит ей. Что у него было до знакомства с этой женщиной? Одни сильные руки, с детства привычные к морскому труду. У нее – все остальное. И, может, не будь у него Ирины, он никогда не был бы тем, кем стал...

В каюту постучали – очень вежливо: одним пальцем. И по этому стуку капитан узнал штурмана – самого вежливого человека на корабле.

– Входи, входи, Векшин.

– Разрешите? – спросил штурман, открывая дверь.

– Давай, давай.

– Я к вашим услугам, Прохор Николаевич!

– Если хочешь, садись.

– Благодарю вас...

У Векшина изящные, даже несколько жеманные движения. Он не спеша выпрямляет на брюках складки, которые должны лечь ровно посреди колен, потом откидывает голову назад, уставив на Рябинина продолговатые темные глаза.

– Сегодня встаем в док, – говорит капитан, и Векшин согласно кивает головой. – У входа в док на грунте лежит разбомбленная немцами барка. Без буксира туда не сунешься. Можно шутя обрубить винт.

– Позвольте заметить, Прохор Николаевич, что в док вообще рекомендуется втягиваться с помощью буксиров.

– Знаю. Так вот. Сходи к диспетчеру порта. Потребуй пару буксиров. Скажи: неотложное дело, корабль готовится к войне...

В дверях уже стоял салогрей Мордвинов.

– А тебе что?

– Куда жиротопку девать? – спросил матрос.

– А куда ты ее думаешь деть?

– Куда?.. А вот выволоку на палубу и спихну за борт. Надоела она мне, проклятая. Я весь уже провонял из-за нее...

– Нет, так нельзя, – возразил Рябинин. – Надо сдать ее в порт под расписку. Отвезти и сдать, как положено.

– Я не лошадь, – сказал Мордвинов, – чтобы котлы на себе таскать.

– А ты найди лошадь.

– А где я возьму денег на лошадь?

– Позвони в порт. Ты же грамотный... Кстати, стой, – остановил его Рябинин. – Я, конечно, понимаю, что дипломат из тебя не получится. Но только надо быть немного повежливее. Вот вчера ты пришел ко мне...

– А там какой-то фраер сидел, – перебил его Мордвинов. – Он мне сразу вопрос: «Ты кто такой?..» А я не люблю, когда со мной так разговаривают.

Рябинин весело рассмеялся:

– Ну ладно. Иди, дорогой товарищ Мордвинов. Только учти: мы становимся людьми военными – теперь от тебя вежливости будет требовать устав...

После салогрея пришел тралмейстер Платов.

– Тралы сдавать? – спросил он.

– Да, в такелажные мастерские.

Платов неловко топтался на месте, комкал в руках зюйдвестку, не уходил.

– Ну, чего вздыхаешь?

– Ох, до чего же мне жалко расставаться с ними, с тралами-то, – начал тралмейстер. – Такие уловы брали – и вдруг... Ведь вся страна ждала от нас трудовых подвигов, ведь мы горели, товарищ командир, желанием выполнить...

Рябинин резко оборвал его.

– Уходи отсюда! – сказал он. – Я громких слов не люблю!..

* * *

Сердце боцмана, хватившее горя на своем веку с избытком, умело чувствовать заранее. Точно так же, как предугадывали плохую погоду его больные ноги, чему немало удивлялся штурман: «Антон Захарович, опять точно по барометру!..» Вот и сегодня, когда вызвал его к себе Рябинин, Антон Захарович сразу почуял приближение какой-то беды. А когда услышал от капитана первую фразу, то долго сидел молча, опустив худые плечи: «Вот она, беда-то! Подошла!..»

– Это что же, Прохор Николаевич, – глухо сказал он наконец, – не доверяете, стало быть?

– Нет, боцман, я тебе всегда доверял. Ты всегда мог заменить меня на палубе, ты боцман хороший...

– Да я ведь... Прохор Николаевич, небось сами знаете... Каждую фитюльку, каждое весло облизать готов. У меня ведь дома такого порядка никогда не было, какой я на «Аскольде» держал... Или я уж... Эх, вы! Старика обидеть нетрудно...

И его голова опустилась еще ниже. Он весь как-то обмяк, осунулся, постарел. В заскорузлых пальцах вертел папиросу, и пальцы его дрожали, осыпая табак.

Рябинин подошел к боцману, положил ему на плечи свои тяжелые руки, отчего старик сгорбился еще больше:

– Антон Захарович, корабль-то теперь будет военным. Ведь загоняем мы тебя окончательно. Ты старше всех на «Аскольде».

Боцман жадно затянулся сигаркой, слезы обиды блеснули в стариковских глазах.

– На покой, значит, пора? Так, так... Дослужился, что не нужен стал. Ну что ж, уйду. Только такой обиды, товарищ капитан, я еще ни от кого не видывал.

И Мацута ушел, хлопнув дверью, чего никогда бы не сделал раньше.

«Вот ведь какая чертовщина, – думал Рябинин. – Жалко старика, хороший он человек... Обиделся... Да, скверно получилось...»

Через полчаса вернулся из порта штурман. Раздраженно стал жаловаться:

– Насажали там в диспетчерскую каких-то... простите, идиотов. Я им говорю, что корабль вступает в строй действующего флота, а они: «Вставайте в очередь»...

– Вот потому, что корабль вступает в строй действующего флота, ты, штурман, привыкай докладывать вначале суть дела. А остальное расскажешь за обедом.

– Есть, товарищ капитан! Порт нашу заявку на плавсредства выполнить не может.

– Почему?

– Нет свободных буксиров.

– Из двенадцати – ни одного?

– Да. Пять из них разогнало штормом, и они по сей день где-то в море, четыре буксира тянут баржи с углем.

– А резерв?

– В резерве имелось три. Но один недавно потерпел аварию во время бомбежки, а два выручают союзный транспорт.

– Тоже последствие налета?

– Никак нет! Диспетчер рассказал, что мой английский коллега по какой-то причине принял Кольский залив за Темзу на подходах к Лондону и посадил коробку на мель.

– По какой-то причине... Тоже мне скажут! Причина одна: насадился рому до цветных шариков! Вот вам и на мели все десять тысяч тонн!

Штурман рассмеялся:

– Разрешите повторить заявку на завтра?

Рябинин разложил на столе карту, стукнул по ней кулачищами.

– Не умеем работать! – сказал он. – Все эти портовики, черт бы их брал, – где только они учились?

– Есть, товарищ капитан, особый институт, где их готовят, – услужливо подсказал Векшин.

– Институт... На логарифмической линейке они мастера щелкать. А вот не могут догадаться спустить водолазов и оттащить эту баржу на глубокое место. Драть надо за такие вещи! За уши драть! И чтобы все видели, как их дерут...

– Что прикажете делать?

– Пока ничего. Будем вставать в док своим ходом.

– Да, но там эта... баржа! Вы же сами сказали, что можно обрубить винт. Можно свернуть руль...

Рябинин набил табаком трубку, она засопела в его зубах.

– И винт. И руль, – недовольно сказал он. – Можно и голову свернуть с такими помощничками... Вот что: на штурвал поставь рулевого с хорошими нервами, а я попрошу боцмана возглавить людей на полубаке. Тут самое главное – чтобы нам не помешали. А на мачту поднимем «мыслете»...

Он снял телефонную трубку.

– Лобадин? Слушай, механик, готовь котлы к действию... Что? Да, снимаемся с якоря... Сейчас...

На палубе к Рябинину подошел боцман Мацута:

– Прохор Николаевич, я там это... тово... Погорячился как бы... Вы уж это... тово... Не сердитесь...

Капитан «Аскольда» крепко обнял старика.

– Дорогой боцман, – сказал он, – как мне тяжело с тобой расставаться! Ведь я десять лет знал, что где ты – там и корабль. Но тебе надо уйти. Мы люди здоровые, сильные, впереди у нас тяжесть, которую мы-то одолеем, а ты можешь надорваться...

Мацута громко высморкался в клетчатый платок – подарок родной Поленьки.

– Прохор Николаевич, как же мне жить-то без «Аскольда»? Позвольте, хоть в док его поставлю...

– Я сам хотел попросить тебя об этом, – ответил Рябинин.

Из люка машинного отделения показалось потное усатое лицо механика Лобади́на. Закрутил машинный «дух» усы, сказал:

– Машины готовы, «Пар Паркевич» на марке.

– Добро. Ну, боцман, объявляй аврал!

Мацута достал свою дудку – такую старую, что с нее уже давно слезло царское серебро. Дунул – шипит. Потряс в руке – опять не свистит. Встряхнул, словно градусник, сказал:

– Горошина опять... закатывается куда-то...

Матросы смеялись:

– Что, боцман? Авралить уже нечем стало? Ты ее не в рот вставляй, а в другое место...

– Состарилась, – сказал Мацута. – Вам-то, молодым, скоро и дудку новую дадут. Посмотрю я, как вы тут без меня в кулак насвиститесь!.. Лоботрясы вы все! Вам бы жрать да спать – вот и вся ваша забота... А ну – пошли все наверх! С якоря сниматься...

Старая дудка все же сработала, запропавшая куда-то горошина вернулась на нужное место и теперь, быстро крутясь, дробила сигнал на переливчатый свист. Матросы быстро выскакивали из жилой палубы, а боцман покрикивал:

– Давай, давай!.. Не ленись ногами... Ну, чего застыл, будто я тебя на карточку снимать буду?.. За кашей-то на камбуз вы все мастера бегать!.. Пошел, пошел, ребята!.. Улыбок не вижу!..

Авральная команда разбегается на полубаке среди хитрых переплетений цепей, стопоров и гаков.

– Па-а-ашел брашпиль! – командует с мостика Рябинин.

Боцман открывает вентиль, и барабан лебедки начинает с грохотом вращаться, наматывая на себя якорную цепь. Цепь лязгает тяжелыми звеньями. «Аскольд» медленно подтягивается к лежащему на грунте якорю. Наконец цепь смотрит отвесно.

– Па-а-анерр! – докладывает боцман на мостик.

Ил долго не отпускает якорь. Но брашпиль сильнее вязкой хляби грунта. Мотор вырывает из ила чугунные лапы – сразу облегченно вздрагивает корабль.

Мацута кричит:

– Встал якорь!..

Брашпиль быстро набирает обороты. Пятисоткилограммовый якорь рвется вверх во всю прыть, и, увидев его на поверхности, боцман успокоенно машет рукой Рябинину:

– Чи-и-ист я-якорь!..

И пусть на якоре налипло добрых пять пудов вонючего ила и на его лапах шевелятся клубки актиний, Мацута все равно прав: якорь чист, потому что не зацепил с морского дна чужую цепь или какой-нибудь кабель.

* * *

Док, стоявший под навесом огромной крутой скалы, находился как раз напротив Мурманска и уже был готов принять корабль. Потопленный в море настолько, что над водой виднелись лишь края его бортов, он напоминал сейчас гигантский совok, который должен

поддеть «Аскольд» под самое днище и, снова выходя на поверхность, осушить его для капитального ремонта.

Траулер на малом ходу приближался к доку. На воде угрожающе качались красные буйки, ограждавшие затопленную баржу. Рябинин дал приказ задраить все двери, клинкеты и горловины. Предстоял трудный маневр: надо было вжаться в узкое пространство между доком и баржей, лежащей на дне, развернуться, а потом уже втягиваться в док.

Чтобы проходящие мимо корабли не разводили волну, которая могла бы сорвать маневр «Аскольда», Рябинин велел поднять на мачте сигнал «мыслете». Такие же бело-красные флаги были подняты и на береговых постах Мурманска, безмолвно приказывая всем кораблям уменьшить ход.

Алеша Найденов, стараясь не забрызгать брюки, обмывал из шланга якорные лапы. Ставриди и Борис Русланов пытались откатить в сторону бочку с ворванью. Савва Короленко застыл с отпорным крюком в руках, рассматривая девушек-работниц, расположившихся на ажурном перекидном крыле дока.

– Куда вы бочку-то катите? – спросил он.

– А прямо тебе в рот!.. Ишь ты, как загляделся!

Боцман Мацута, вдев руки в засаленные брезентовые рукавицы, стоял около поручней, задумчиво глядя на бегущую за бортом воду.

«Вот и все, – думал он, – отплавал...»

– Уйду я от вас, – задумчиво сказал старый боцман, – вам, ребята, лучше не будет. Хотя и ругал я вас, а и любил вас, стервецов...

– Мы тебя, боцман, тоже любили.

– Вот теперь Хмыров за меня остается. Он такой... кулачок! – И боцман показал свою сухонькую жилистую пятерню. – У него вы, как у меня, в долг не попросите. Не даст.

– Мы тебя, Антон Захарович, не за это любили, – сказал Алешка Найденов. – Ты с нами не собачился никогда. Ты учил нас. Мы через тебя и море узнали...

Старик хлопнул рукавицами:

– Дурак! Моря до конца никогда не узнаешь. Море – как баба капризная. Любить-то ее ты люби, а все стерегись. Я вон сколько уже плавал, а до сих пор в море выхожу – словно передо мной клетку с тигрой открывают...

Корабль, застопорив машины, плавно раскачивался уже возле самого дока. Матросы, готовые в любой момент действовать по приказу капитана, напряженно всматривались в буйки.

Рябинин, перевесившись через поручни мостика, крикнул:

– Антон Захарович, посматривай! Баковой группе быть настороже!

– Есть! – ответил Мацута.

На мостике звякнул телеграф, за кормой взбурлила вода. «Аскольд» стал втягиваться между доком и баржей. На траулере наступила тишина, прерываемая лишь гудением машин да тяжелыми шагами капитана. Рябинин перебежал с одного крыла мостика на другое, проверял положение судна. Наконец траулер миновал буйки и остановился в узкой ловушке, упершись форштевнем в док.

Боцман облегченно вздохнул.

– Ну, ребятюшки, теперь все зависит от нас. Не подведем капитана...

Впередсмотрящий, держа в левой руке бухту, размахнулся грузилом, и длинная змея троса упала далеко за мостиком дока. Девушки подхватили конец, стали крепить трос на тумбу.

Матросы работали как черти, делая все быстро, слаженно. Снова загрохотал брашпиль. Трос, наматываясь на барабан, вытянулся в струну. Теперь «Аскольд» втягивался в док с помощью лебедки. Вот вперед прошла четверть корпуса, вот половина. Часть корабля, на которой находилась баковая группа, уже была, можно считать, в доке.

И вдруг:

– Боцман, травить конец!

Мацута дает слабинку на трос и поднимает голову. По заливу, отчаянно дымя, проходит корвет союзного флота.

– Ребятунки! Тащи кранцы, коли у них совесть отшибло...

Матросы волокут кранцы – большие плетеные кошель, набитые опилками и пробкой. Они скидывают их между бортом корабля и стенкой дока, чтобы смягчить удар.

«Союзник» приближается. Мацута смотрит на мостик. Рябинин стоит у обвеса, хлопающего на ветру складками парусины, и молча сосет трубку. Его кулаки лежат на поручнях – большие, грузные...

На проходящем корвете работает радио. Репродукторы корабельной трансляции режут на весь залив:

Диг, диг, ду; диг, диг, ду!

Хаю, хаю, диг, диг, ду!..

– Вот что делает «владычица морей»!

– Ей-то что: они в Темзе не хулиганят!..

– Может, сигнала не разобрали?

– Ой, и волну же развел он!..

– Ну, братцы, держись: сейчас грохнет...

Корвет пронесется мимо. Следом за ним встает волна – высокая, светло-зеленая, еще издали она кивает вспененным гребнем, подступая все ближе и ближе.

– Чтoб им собака дохлая снилась! – выругался Ставриди. – Хватайся за что-нибудь, ребята... Сейчас в нашей коммунальной квартире будет сыпаться штукатурка...

Рябинин гаркнул в мегафон:

– На баке! Отойти от борта, крепче стой...

А мощные репродукторы ревели – корвет шел в море, английские матросы ошалелой музыкой прощались с берегом:

Диг, диг, ду; диг, диг, ду!

Хаю, хаю, диг, диг, ду!..

Злыми глазами посмотрел Найденов на волну, которая сейчас двинет по борту, и крикнул своим ребятам:

– Сейчас вот... Крестись, кто в бога верует!..

И вот «Аскольд» подбросило кверху, вода положила его в глубокий крен, швырнув траулер на железобетонную стенку дока. Захрустел трос, кранцы сплющились и покатались вдоль борта, посыпая воду перетертой пробковой крошкой.

Громадный вал, раскачав корабль, дошел до отвесной скалы, с грохотом перевернул прибрежные камни и, усиленный ударом, ринулся обратно на корабль.

– Больше кранцев! – раздается с мостика.

Мацута мгновение медлит, потом бросает отпорный крюк и бежит к бочке с ворвань.

– Ребятунки, за мной!

Матросы, кряхтя от усилий, перекачивают сорокапудовую бочку на другой борт, пожарным топором выбивают днище. Жирная тягучая ворвань широкой струей хлещет за борт, растекаясь по воде тонкой маслянистой пленкой. И боцман, видя, как тает на глазах, попадая под ворвань, волна, радостно думает:

«А вдруг оставят меня?.. Вдруг оставят?..»

Слой жира утихомирив яростный вал. «Аскольд» раскачивается плавно, медленно. Слышно, как на мостике Рябинин спрашивает штурмана:

– Что это за судно?

И Векшин отвечает:

– Корвет союзного флота «Ричард Львиное Сердце».

– Боцману Мацуте и всей баковой группе объявляю благодарность! – доносится усиленный мегафоном голос капитана.

Антон Захарович ждет. Ему кажется, что Рябинин сейчас скажет что-то еще, относящееся именно к нему. Но мегафон молчит.

«Нет, не оставят», – вздыхает боцман.

* * *

Через полчаса «Аскольд», точно драгоценность, которую заботливый ювелир кладет в удобный футляр, улегся на подогнанные к его бортам деревянные кильблоки.

Постановка в док закончилась...

Мацута небрежно кидал в чемодан свои вещи. Прощаться с кораблем было страшно – все равно, что прощаться с жизнью. В последний раз прошелся боцман по отсечным закоулкам траулера. Чтобы скрыть слезы, закрыл глаза. И так вот, с закрытыми глазами, шел старик, привычно перешагивая высокие комингсы, машинально распахивал тяжелые двери, знал – где пригнуться, где поберечь локоть...

Возле одного люка боцман остановился, сказал Хмырову:

– Здесь место заколдованное: вот погоди день-два, и на крышке снова ржа выступит. Я ее полжизни, проклятую, скреб – теперь ты следи...

А когда вышел на палубу, сказал матросам:

– Ведь я – черниговский, братцы. Я уже и забыл – как там? Говорят, чернозем все больше. А какой он – не помню... Видать, в колхозах я не работник. Куда мне деваться?

И все удивились: казалось, что нет у Мацуты иной родины, кроме моря. И смешно прозвучало вдруг это крестьянское слово – чернозем. Сказал бы он «жвака-галс» или «шкентель с мусингами» – никто бы не удивился.

– Яблоков давно не ел, – вздохнул боцман. – Яблоков хочу. Вот возьму и поеду к себе по яблоки. Надоело мне с вами тут картошку хряпать...

Мацута попрощался с командой, и корабельная шлюпка отвезла его на другой берег Кольского залива, в Мурманск. Гребцы, вернувшиеся обратно, потом рассказывали, что всю дорогу боцман плакал и, оборачиваясь назад, смотрел на свой «Аскольд».

«Я им покажу...»

Лейтенант Артем Пеклеванный жил во флотском полуэкипаже, ожидая назначения на боевой корабль. Тянулись серые береговые будни, изредка скрашиваемые вечерами в клубе.

«Сколько же можно ждать?»

Но как бы то ни было, когда его спрашивали о назначении, Артем, не задумываясь, отвечал:

– Я миноносник. Меня отправят на эсминец.

Лейтенант и не представлял себе иное. Он любил эти легкие стремительные корабли, созданные для лихих смертоносных ударов, – корабли, готовые вынырнуть из тумана, развернуться, поразить и снова мгновенно сгинуть в морском ненастье.

«Я миноносник!» Он был им на Тихом океане, мечтал об этих кораблях еще в поезде, и мечты не слабели, наоборот, росли и крепили.

* * *

– Лейтенант Пеклеванный! Вас вызывает контр-адмирал Сайманов.

Артем вскочил с койки, на которой сидел, и, одернув китель, переспросил:

– Меня?

– Да. К Сайманову.

«Наконец-то!» – лейтенант облегченно вздохнул.

Контр-адмирал принял его в своем прокуренном кабинете, из окон которого виднелся вспененный рейд. Пеклеванный испытал некоторую робость при виде этого грузного пожилого моряка, который не спеша листал его «личное дело».

Сесть офицеру контр-адмирал не предложил, и Артем навтыяжку стоял перед ним, озирая увешанные картами стены.

– Артем Аркадьевич... так, так, – сказал Сайманов. – Плавали на эсминцах, за границей не были, комсомолец... так, так!

Он посмотрел на офицера в упор:

– Чего-то не найду, где у вас здесь записаны дисциплинарные взыскания?

– У меня их никогда не было, товарищ контр-адмирал, – гордо просиял Артем.

– Так уж никогда и не было? – усмехнулся Сайманов, и Пеклеванному показалось, что, не вылезай он всю службу с гауптвахты, и контр-адмирал сам бы кинулся ему в объятия...

– Никогда не было, товарищ контр-адмирал, – повторил Артем.

– Ага, вот – нашел! – сказал Сайманов. – «Курсанту Пеклеванному объявлен строгий выговор за превышение власти старшины класса...» Теперь можете садиться!

Лейтенант сел – как в лужу.

– Извините, пожалуйста, – смущенно бормотал он. – Но я, честное слово, забыл. Не подумайте, что я хотел скрыть...

– Нет, что вы! – успокоил его Сайманов. – У вас здесь так много благодарностей, даже ценные подарки. И очень хорошие характеристики... Вам в училище кто читал морскую практику?

– Авраамов.

– Это хороший моряк. А минное дело?

– Слесарев.

– Я его, кажется, не знаю... А вот скажите мне, пожалуйста, – спросил контр-адмирал, – за что вы получили значок «Отличник ВМФ»?

– Я удачно провел стрельбы миноносца.

– Так, так... А почему же вы его не носите на груди?

Пеклеванный немного растерялся:

– Я его носил... на Тихоокеанском. Но здесь все офицеры кругом орденосцы. Как-то неудобно ходить со значком. Подумают еще: вот, нашел чем хвастаться!

– Да, – откровенно рассмеялся контр-адмирал, – значком здесь, конечно, никого не удивишь... Ну, а сейчас вы тоже, наверное, хотели бы попасть на миноносец?

– Да, товарищ контр-адмирал.

– Я знаю, – мягко улыбнулся Сайманов, – вся флотская молодежь мечтает об этих кораблях. Что ж, это хорошая школа для моряка, но вы, товарищ Пеклеванный, на миноносец не попадете...

Артем почувствовал, как у него что-то оборвалось в груди, и, когда взял себя в руки, услышал:

– ...Обыкновенные рыбаки должны постичь военное искусство, чтобы громить врагов наверняка. Вы назначаетесь помощником командира этого корабля. Вся тяжесть боевой подготовки ложится на вас, работы предстоит много, но команда корабля, спаянная работой на промысле, готова преодолеть любые трудности, и успех обеспечен... Сейчас вы отправитесь на патрульное судно «Аскольд» для прохождения на нем службы.

Пеклеванный вдруг захотел сказать о своей давнишней мечте – о миноносцах, о том, что только на этих кораблях он сможет по-настоящему проявить себя как офицер флота. Но суровая флотская дисциплина сделала свое дело раньше, чем он успел об этом подумать.

Артем встал, вытянул руки по швам и неожиданно для самого себя четко сказал:

– Есть отправляться на патрульное судно «Аскольд».

– Учтите, товарищ Пеклеванный, что на «Аскольде» воевать и работать надо особенно хорошо. Там капитан Рябинин. Вы, наверное, что-нибудь о нем уже слышали?..

Пеклеванный вспомнил эшелон «14-бис», тесное четвертое купе. Ирина Павловна ему говорит: «Капитан „Аскольда“ первый проник в малодоступные районы моря, но это еще не все...»

– Да, я слышал о Рябинине...

– Ну и замечательно! Берите в строевом отделе документы и отправляйтесь. Шлюпка ждет у третьего причала. Можете идти.

– Есть идти!

– Кстати, захватите в приемной спутника. Тоже на «Аскольд»...

В приемной Артем подошел к одному офицеру, который почему-то показался ему старым рыбаком:

– Простите, вы не на «Аскольд»?

– Нет. Я с берегового поста службы наблюдения и связи.

Пеклеванный обратился с вопросом к другому офицеру.

– Никак нет, – ответил тот. – Я с тральщиков.

– Это я на «Аскольд»! – раздался женский голос.

Артем обернулся и увидел невысокую девушку в морском кителе с погонами лейтенанта медицинской службы. Легко поднявшись с дивана, она пошла ему навстречу, как-то застенчиво склонив голову набок.

– Китежева, – назвалась она и добавила: – Варя. А вы тоже на «Аскольд»?

– Да, – ответил Пеклеванный, сердито куснув губу. – Очевидно, на шлюпку пойдем вместе?

– Хорошо, – согласилась она...

Уже спускаясь с крутизны сопки к заливу, лейтенант Пеклеванный доверительно сказал:

– Посылают нас с вами, доктор, на какой-то траулер. Воображаю, как он пахнет рыбой. «Трошечкой», как говорят здесь...

Варя внимательно посмотрела на него, рассмеялась:

– Вы знаете, я все равно ничего не понимаю в кораблях, но море люблю... Раньше служила в транспортной авиации, тоже морской, и мне стоило большого труда добиться перевода на корабль.

Пеклеванный искоса взглянул на нее. Придерживая от ветра берет с серебряной эмблемой врача, она шла, наклонившись вперед, и яркий здоровый румянец играл на ее щеках. Лицо у нее было круглое и белое, как у всех северянок. А волосы – иссиня-черные, словно у цыганки.

«Конечно, – раздраженно подумал Пеклеванный, – разве она что-нибудь понимает в кораблях?» И он зашагал вперед так быстро, что чемоданы закачались и заскрипели в его крепких руках.

В самом конце причала прыгала на волнах пузатая корабельная шлюпка. Матросы в зюйдвестках удерживали ее от ударов о сваи.

– С «Аскольда»? – спросил Артем. – Далеко стоите?

– Да нет, всего полчаса ходу. Гребцы хорошие, – ответил матрос, сидевший на руле. – Мы вас давно ждем.

– Прежде, – строго заметил Пеклеванный, – чем разговаривать с незнакомым офицером, надобно представиться ему. Так, по-моему, учит устав?

– Мы еще не знаем, чему он учит. А зовут меня Платов, тралмейстер.

– Меня интересует звание, а не профессия!

– Нет у меня звания, – ответил матрос, начиная злиться. – А профессия – что ж, моей профессии люди завидовали...

Грузно качнувшись, шлюпка отошла от причала, Варя села на кормовую банку, поджав под себя ноги – на днище плескалась вода. Пеклеванный окинул гребцов быстрым пронизательным взглядом. Все были как на подбор, сильные молодые парни. Шлюпка, несмотря на волну и ветер, шла ходко. От ровных ударов весел по бортам разбегалась лохматая пена.

Китежева повернулась к Артему, тихо спросила:

– Вы всегда такой, товарищ лейтенант?

– Какой «такой»?

– Ну вот... строгий такой.

– Я не требую незаконного, – ответил Пеклеванный. – Я требую только то, что положено по службе.

– Тогда простите, – извинилась девушка.

Платов тем временем рассказывал гребцам:

– Так они, значит, и встретились. Ну, слово за слово, а тут, глядь, она и призналась: «Никонова, – говорит, – я», – и все тут. Ирина-то Павловна об этом мужу скажи, а он такого дела в ящик не положит. Ведь Костя-то Никонов у него великим мастером был, я уж после него – воробей какой-то... Вот тетя Поля и давай ходить по милициям: нет ли такой, обрисовывает. Нашла. Ну, тетка сердечная – к себе затащила. Живут...

– О чем это вы рассказываете? – спросила, вмешавшись в матросский разговор, Варя Китежева.

– Да вот, товарищ лейтенант, вы, как врач, подлечили бы одну женщину. Из блокады ленинградской вырвалась, всего натерпелась...

– Платов, – остановил матроса Артем, – прекрати разговоры.

– А вы мне не тыкайте, – огрызнулся бывший тралмейстер. – Со мной сам главный капитан флотилии на «вы» разговаривает. А то я тоже могу тебе тыкнуть. Так тыкну...

– Товарищ Платов, прекратите разговоры.

– Вот так-то лучше!

– А еще лучше – помолчать, когда вам говорят. Вы отвлекаете гребцов от дела!

– Что ж, можно и помолчать.

– Да не «можно», а «есть, молчать»! Повторите!

– Ну, есть молчать, – обиделся тралмейстер.

– Еще раз, без всяких «ну».

– Есть молчать!..

– И впредь только так, – твердо заключил Пеклеванный. – Я вижу, что у вас нет никакой дисциплины. Научитесь!.. Будете по одной половине бегать...

– У нас половиц нету, – ответил кто-то с носа шлюпки, опуская лицо вниз. – Половицы в избе остались!

«Черт знает что! – подумал Артем. – Хоть кол на их голове теши...»

Варенька Китежева, сделав хитрое лицо, снова обратилась к Пеклеванному:

– Товарищ лейтенант, теперь я должна вам подчиняться?

– Да. Согласно уставу корабельной службы.

– А у вас есть этот устав?

Пеклеванный хлопнул рукой по своему чемодану:

– Конечно, есть.

– Ой, вы не откажете в такой любезности?.. Дайте мне почитать его, пожалуйста. А то, имея такого начальника, как вы, я боюсь сложить свою буйную голову на гауптвахте!..

– Прямо по носу эсминец! – крикнул баковый.

Пеклеванный вытянулся вперед всем телом, жадно всматриваясь. По заливу шел миноносец. Покачивалась его палуба, вместе с ней качались орудия, матросы. Минута – и они поравнялись. Корабль пронесся мимо, обдав шлюпку теплом вентиляторов, и понес свой высокий запрокинутый мостик дальше, в сторону океана. Миноносец быстро таял вдаль, и казалось, что вместе с ним тают последние надежды лейтенанта.

Когда же корабль совсем скрылся из виду, Пеклеванный натянул фуражку поглубже, поднял воротник шинели и сидел так до самого Мурманска, молчаливый и сумрачный.

* * *

В доке было шумно и тесно. «Аскольд», вытасканный из воды, уже успел обстроиться лесами, и матросы, стоя на них, сдирали с бортов ракушку и зеленую слизь водорослей. Варя

как зачарованная осматривала корабль, заглядывала в решетки кингстонов и даже попробовала повернуть лопасть винта.

Пеклеванный бегло осмотрел корабль снаружи. «Старая лоханка, – подумал он об „Аскольде“, – вонючий тресколов», – и сразу поднялся по сходне на верхнюю палубу. Рябинин встретил нового помощника сдержанно и даже суховато. Первое, что запомнилось Артему в капитане, – глаза, по-детски ясные и чистые, наполненные каким-то тихим, спокойным сиянием. Капитан смотрел на молодого лейтенанта свежо и открыто и каждый свой вопрос будто бы дополнял прямым, откровенным взглядом.

И каюта у него была просторная, светлая, проветренная; в ней стояло только самое необходимое: стол, койка с пробковым матрацем и два привинченных к палубе кресла.

– Дисциплина на «Аскольде», – говорил Рябинин, посасывая свою короткую трубку, – всегда была хорошей, но теперь требуется установить новую форму взаимоотношений между людьми. Час тому назад привезли два орудия. Завтра или послезавтра рабочие поставят их на палубе. Надо сразу взяться за подготовку комендоров. Потом мы поговорим обо всем подробнее, а сейчас можете отдохнуть после дороги. Номер вашей каюты – четыре...

Рябинин был несколько растерян, когда на пороге его каюты появилась женщина. Пусть даже в форме военно-морского врача, но все-таки... юбка, чулочки, туфельки, беретик. На такую уж не гаркнешь!

– Контр-адмирал Сайманов знает о вашем назначении? – спросил Рябинин, усаживая девушку напротив себя.

– Он же меня и направил.

– Хм... Ну, ладно. Вы бы только, Варвара Михайловна, поберегли туфли. Не так шагнете – и каблуки долой!..

Рябинин велел буфетчику принести чаю и печенья.

– Извините, – сказал он, – у нас больше ничего нет. Мы в пище всегда были непривередливы. Вы сыпьте сахару побольше – не смущайтесь!

– Ой, я такая нахалка, что никогда не смущаюсь. К тому же я сегодня ничего еще не ела...

Варенька Китежева положила три ложки сахара в стакан чаю, аккуратно подобрала с вазочки все печенье. Рябинин смотрел, как она с аппетитом ест, аккуратно облизывая свои румяные полные губы, и ему начинала нравиться эта девушка.

– Если так еще и работать будете, тогда, уверяю вас, мы будем большими друзьями! Я, честно говоря, не испытываю доверия к людям, которые долго ковыряются в тарелке!

Китежева рассмеялась и протянула капитану засургученный пакет со своим «личным делом».

– Да нет, я читать не буду, – сказал Рябинин. – Тем более что в медицине ничего не смыслю.

– Но здесь не о медицине. Здесь – обо мне.

– Все равно. Прочитаю в другой раз. Я привык знакомиться с людьми не по бумагам!..

Он проводил ее до дверей лазарета и позвал к себе новоиспеченного боцмана Хмырова.

– Если только, – пригрозил он, – я хоть раз услышу теперь, что на палубе кто-нибудь матюгнется, то я...

Хмыров отступил на всякий случай назад.

– Я вас понял, – поспешно ответил он, – и повторять не надо. Мы же ведь тоже не дураки – слабый пол ничего не услышит!..

– Даже шепотом! – сказал Прохор Николаевич.

– И даже шепотом, – покорно согласился боцман.

Тем временем в полуосвещенной каюте, расположенной на корме, Пеклеванного встретил стройный человек с бледным лицом; он поднялся ему навстречу, протянув руку.

– Олег Владимирович Самаров, – назвал он и сразу энергично выдвинул несколько пустых ящиков шкафа. – Пожалуйста, раскладывайте свои вещи, располагайтесь как дома. На какой койке вы хотите спать – на верхней или на нижней?.. Если есть книги, ставьте их вот

на эту полку, рядом с моими. Вешалка – здесь, ванна – по коридору, вторая дверь налево. Мы вас ждали и... давно ждали!

Артем разложил по ящикам белье, бросил на верхнюю койку парусиновый чемодан и, отказавшись мыться, вместе с помполитом вышел на палубу. Внизу по лесам расхаживали матросы, стуча скребками по гулкому днищу «Аскольда».

Наблюдая за их работой, помполит первый нарушил молчание:

– Когда же думаете взяться за дело?

– Не знаю с чего, – ответил Артем.

– Почему же?

– Да вот хотя бы: корабль гражданский, матросы, наверное, думают, что если они не дерутся с начальством, значит, уж все в порядке. А это не так... Придется браться за дело с самого начала.

– А вы сюда и посланы, чтобы начать все с самого начала. В этом-то вся соль.

– Ну что ж, – Пеклеванный невесело усмехнулся, – вот завтра приготовим орудия и начнем тренироваться. Для начала не на снарядах, а на болванках!

– Завтра... А почему, спрашивается, не сегодня?

– Можно и сегодня... Что ж, давайте после ужина приступим.

– А если сейчас, – улыбнулся Самаров, – вот прямо сейчас?

По палубе шел матрос. Лейтенант окликнул его, и матрос остановился.

– Куда идете?

– В ахтерпик. Боцман Хмыров там клещи забыл.

– А почему вы идете медленно?

– Так я же... Боцман и говорит мне: «Сходи, Мордвинов, принеси клещи». Вот я и пошел...

– Запомните: на военном корабле ходить вразвалку не разрешается. Идете обедать – бегом, идете курить – бегом, в галюн идете – все равно быстро. И это еще не все... Почему вы идете в корму по правому борту? Надо идти по левому, а в нос – по правому. Так, чтобы море всегда по правую руку было. А что если боевая тревога в ночное время? Будете в темноте налетать друг на друга?.. Можете идти в ахтерпик и скажите боцману Хмырову, чтобы он впредь ничего не забывал...

Когда Мордвинов ушел, Самаров погасил папиросу и, бросив окурочек за борт, сказал с лукавством:

– Вот, видите, уже и начали. Незаметно для самого себя. Остается лишь пожелать успеха... Только скажите, пожалуйста: отчего вы такой злой?

– Будешь злой, – ответил Артем, – когда каждый называет себя моряком, а окурки кидает прямо за борт!..

Пожалуй, в этот день только один человек на всем корабле не выслушал замечаний от Пеклеванного – это был сам командир корабля, Прохор Николаевич Рябинин.

«Я им покажу, что такое настоящая служба, – думал вечером Артем, укладываясь спать. – А когда отшлифую их, тогда можно подавать рапорт о переводе на миноносцы...»

Когда позовет море

В старинной «Естественной истории рыб» говорится о том, что сельдь северных морей оказывает на благосостояние народов влияние гораздо большее, чем кофе, чай, пряности тропиков и шелковичный червь. И действительно, сельдяной промысел – самое значительное из всех морских предприятий; он способствует формированию отважных людей, неустрашимых моряков, опытных навигаторов.

Ирина Павловна вспомнила об этом почему-то сейчас, когда самолет летел низко над морем, пугая шумом мотора чаек, что кружились над косяком сельди. Косяк выделялся на поверхности моря рыже-фиолетовым пятном, напоминающим по форме округлый полумесяц длиной около двух километров. Смотря вниз, через замерзшее окно кабины самолета, она думала о том, что ей в период экспедиции придется еще многое узнать об этой породе рыб.

Подув на замерзшие пальцы, перенесла на бумагу изображение сельдяного косяка и поставила рядом координаты. Прибрежная авиаразведка на сегодня была закончена. Тронув пилота за плечо, Ирина Павловна прокричала ему в самое ухо, что можно ложиться на обратный курс. Самолет, накренившись на левое крыло, развернулся к берегу...

В институте Ирина Павловна случайно встретила главного капитана рыболовной флотилии. Дементьев всегда относился к ней добродушно и ласково.

– Ну, ну, рассказывайте... Что в Архангельске? А как ваш сын?.. Наверно, вырос.

– Большой уже. Сегодня пошел получать паспорт. Шестнадцать лет!

– Вот как? А у меня есть новости.

– Какие же?

– Траулер «Рюрик» взял на себя сообразительство «Аскольда» и принял от него передовой вымпел флотилии.

– Ого! Моему Прохору, значит, придется кое-кого после войны нагонять. Это будет любопытно... Отойдемте в сторонку, Генрих Богданович, у меня к вам есть одно дело.

– Слушаю вас, дорогая Ирина Павловна.

– А дело вот в чем. Я уезжаю в Чайкину бухту, где стоит корабль, который, кажется, может заменить нам «Меридиан». Если я установлю, что эта шхуна пригодна для экспедиции, нужно будет отбуксировать ее в Мурманск для переоборудования. Вы должны мне посодействовать в этом.

– Ирина Павловна, я знаю, о каком корабле идет речь, – сказал Дементьев, – и я не советовал бы вам связывать судьбу экспедиции с этой шхуной.

– Почему? Разве это плохой корабль?

– Нет, корабль хорош, но вы не сможете найти для него нужного капитана. Да, да, не удивляйтесь этому: на нашем флоте много прекрасных капитанов, и некоторые плавали на парусниках, но вряд ли кто-нибудь из них согласится управлять этой шхуной – слишком сложно и хитро парусное вооружение.

– Да, но ведь раньше кто-то управлял этой шхуной! – удивилась Ирина Павловна.

Дементьев рассмеялся:

– Вы сначала спросите, кто ее построил.

– Кто?

– Человек.

– Я понимаю, что человек. Но какой?

– Точно такой же, как и эта шхуна. Он был на севере единственным ее капитаном. Мудрый, талантливый человек, хотя и с большими причудами. В старое время даже марсофлоты боялись его, как огня!

– Он жив сейчас?

– Вот чего не скажу, так уж не скажу. Не знаю.

– А как его звали?

– Не помню. Простая русская фамилия.

– Генрих Богданович, дорогой, все это мне кажется такой сказкой, что я не хочу в это верить. Я уверена: капитан найдется. От вас же требуется одно: посодействуйте, пожалуйста, в перебуксировке шхуны к причалам Мурманска.

– Это я вам обещаю, Ирина Павловна...

Домой она возвращалась вечером. Дул теплый ветер. Недавно выпавший снег таял. Пахло гниющими водорослями. С другого берега залива доносился стук пневматических молотков – это на «Аскольде» клепали днище.

Ирина Павловна всмотрелась во мглу, где обрисовывались скрытые в тени берега очертания корабля, и ей показалось, что среди многих фигур, стоявших на палубе, она узнала коренастую фигуру Прохора.

Женщина глубоко вдохнула холодный воздух. «Все-таки я счастливая», – вдруг подумала она о себе и совсем неожиданно рассмеялась. А почему бы и нет? Ее семья словно течет в едином русле: одни заботы, одни досады, каждый понимает все с полуслова, а море

шумит и шумит под окнами их дружного дома. Пусть оно шумит и под окнами внуков и под окнами правнуков!

И этому большому счастью она обязана не столько себе, сколько ему – Прохору: вон там он стоит на палубе! Ирина часто пыталась представить себе, как бы сложилась ее жизнь, если бы она его не встретила... И получалось всегда так скучно, так пресно и плохо. Только с ним, только с этим городом, только с этим морем – она будет счастлива. Вот уж не думала она в своей молодости, что ее слабая женская жизнь так густо замешается на этих крепких дрожжах!..

Сына, несмотря на поздний час, дома не было. Ирина Павловна прошла в его комнату. Ящики шкафа были выдвинуты, повсюду валялось белье, разбросанное в какой-то непонятной спешке, а на столе лежал самодельный конверт, и на нем рукой Сережки было крупно написано:

«MAME»

Ирина Павловна развернула письмо сразу похолодевшими пальцами:

«Дорогая моя мама! Прости, что ухожу, не попрощавшись. Паспорт получил. Взял крепкие штаны из чертовой кожи и свитер. Так что мне будет тепло. Вернусь не знаю когда, скоро меня не жди и не сердись. Вернусь – все объясню. Не волнуйся только.

Сережка».

Ирина Павловна, не веря своим глазам, прочитала эту записку несколько раз и, точно желая убедить себя в чем-то, сказала:

– Ведь он совсем еще мальчик... совсем мальчик...

Так закончился для нее этот день.

* * *

День еще только начинался.

Засунув руки в карманы штанов, запачканных пятнами масел и красок, Сережка, насвистывая, широко шагал по улице. Все было продумано давно – значит, бояться нечего. Он только ждал удобного случая. Этот случай представился: паспорт лежит в кармане, а без него, к сожалению, не дают ходу человеку в этом мире...

– Здорово, капитан! – кричали, увидев его, мальчишки.

– На все четыре ветра, – отвечал Сережка.

– Куда потрелил?

– Не ваше дело, салаги...

А вот и порт: он встречает его, как всегда, сиренами кораблей, грохотом лебедек, выкриками грузчиков. Над причалами возвышались тупые бивни форштевней океанских транспортов, сновали матросы, бегала по рельсам маленькая охрипшая «кукушка». Из люков корабельных кубриков доносились мотивы моряцких песен, в воздухе висела неугомонная «майна».

Рот сам по себе открывался от наслаждения. Сережка долго бродил в толпе матросов, мимоходом подставляя свое плечо для подмоги любому грузчику.

Наконец остановился возле двух матросов. Один матрос сказал другому:

– Что? На приколе сидишь, скоро зад обрастет ракушей?

– Да, не везет – всю кормушку нам разворотило, – ответил второй. – А твой «Жуковский» никак уходит?

– Да, нас уже скоро на рейд буксиры потащат. Вечером «яшку» поднимем, и – плевал я на все!

– А куда идете, знаешь?

– В море выйдем – там скажут...

Дальше Сережка уже не слушал. Он проскочил в конец причальной линии, где высился покатым бортом транспорт «Жуковский». У трапа стоял часовой, который преградил дорогу откинутым штыком.

- Ну, чего пугаешь? – сказал Сережка. – Не маленький...
- Тебе кого, чешуенок?
- Капитана. А что?
- Капитан в таможене, – отрезал матрос. – Проси старпома – тогда пушу.
- Ну, давай к старпому.
- Сигай в тот люк...

Старпом оказался похожим на барона Мюнхгаузена – именно таким его изображают на картинках в детских книжках. Сам длинноногий, тощий, усы взъерошены, глаза навывкате...

- Поди-ка сюда, – поманил он Сережку пальцем.

Едва Сережка доверчиво приблизился к нему, как моряк сразу же больно схватил его за локоть:

- По глазам вижу – ты получил паспорт.
- Да.
- И живешь в Мурманске?
- Да.
- И хочешь, чтобы я тебя принял на корабль?
- Да.
- И будешь делать все?
- Да.
- И даже согласен чистить картошку?
- Конечно.

– Все ясно, – огорчился старпом. – До чего же вы неоригинальный народ! Все, как один, отвечают одинаково. Увы, юноша, вы должны меня извинить, но вам не придется быть моим коллегой...

Моряк развернул Сережку к себе спиной, поддал коленом под зад и коротко крикнул:

- Вон!
 - Ой, – сказал Сережка.
 - Вы что-то изволили сказать? – любезно осведомился моряк.
- Сережка, потирая ушибленное место, расхохотался прямо в лицо старпому:
- А это здорово! Крепко вы мне дали...
 - Вам понравилось? – удивился моряк.

– Да, – ответил Сережка, – это вы мне понравились. Я так думаю, что мне будет приятно служить под вашим командованием. А отступить я не люблю... Итак – до завтра!

* * *

Море... Оно шумело совсем рядом, такое близкое и такое недоступное. Больше всего на свете Сережка любил море. Оно прочно входило в его дом, становясь для всей семьи верной, хотя и не укатанной дорогой, по которой прошли его прадед, дед и отец. О море напоминало все: штормовые плащи отца, в складках которых засохли комки голубоватой соли, комната матери, заставленная аквариумами с морскими животными, разговоры моряков, тянущиеся далеко за полночь, – от этих разговоров всегда хотелось встать, покинуть дом и идти навстречу ветрам, шквалам, просторам.

В детстве он пережил много увлечений: собирал коллекции диких марок, охотился на диких уток в тундре, учился в Доме пионеров играть на скрипке, но твердо знал, что это все отойдет и останется одно – море!

Он еще лежал в детской колыбели, когда пахнувший штормом отец склонялся над ним, и с тех пор в памяти хранился этот свежий запах океанского разгула, который с каждым годом становился привычнее и роднее. Засунув за пояс школьные учебники, Сережка любил прийти в порт и смотреть, как уходят в море корабли. Тогда ему казалось, что берега залива

разворачиваются, уходят вдаль, и вот около его ног уже плещутся волны открытого океана, а где-то в тумане встают призрачные города, острова, страны.

Юношеские, ненасытные желания! Им не было конца и предела!..

Вечерело. Сопки задернулись сумерками. Над водой клубился туман. На берегу Кольского залива, на самой дальней окраине Мурманска, Сережка постучал в дверь маленькой, почерневшей от сырого ветра избушки. Здесь жил отставной боцман с траулера «Рюрик» Степан Хлебосолов.

Войдя в чистенькую горницу одинокого боцмана, юноша спросил ключ от прикола своей шлюпки.

– Куда идешь-то в темную темень? – проворчал старик, но ключ все-таки дал.

– А теперь давай попрощаемся, дядя Степан. Ухожу я. В море...

Старый смотритель вздохнул и ничего не ответил. За бревенчатой стеной шумели волны, ветер хлестал в окна колючими брызгами. Язычок керосиновой лампы освещал лицо отставного боцмана, его по-старчески добрые глаза и множество глубоких извилистых морщин.

Степан Хлебосолов знал: когда человека «море позовет» – перечить ему не надо. А потому, выслушав Сергея, смотритель не задавал никаких вопросов, не отговаривал, а только сказал:

– Трудно. Ой, как трудно тебе будет, сынок... Только ты не робей. И не гордись. Будь прост. Как батька твой. Он в людях толк понимает. И ты на людей пошире гляди... Много-о они дадут тебе, люди-то! А провожу я тебя старинной пословицей. Меня когда-то тоже ею благословили. И я – тебя...

Он встал и поцеловал Сережку в лоб:

– Сохранно тебе, сынок, плавать по Студеному морю!..

Сережка вышел. Тьма сгустилась, нависнув над морем. Открыв ключом замок прикола, юноша протащил шлюпку по гальке и столкнул ее на воду. Уже сев за весла, увидел на берегу сгорбленную фигуру боцмана.

– Дядя Степа, иди в избу, простынешь!

И ветер донес до слуха ответное:

– ...а-анно ...авать на... море!..

Шлюпка, зарываясь в воду, быстро перескакивала с гребня на гребень. Скоро из тумана выплыл высокий серый борт транспорта. Сережка осторожно подвел бот с носа, задержался руками за якорную цепь. Прислушался. Было тихо. Видно, команда отдыхала перед авралом.

Тогда, повиснув на якорной цепи, юноша долгим взглядом попрощался со шлюпкой и оттолкнул ее ногами. Течение отлива сразу подхватило шлюпку, понесло в сторону открытого моря. Толстая якорная цепь из больших звеньев тянулась к палубе транспорта.

Ловко подтягиваясь на руках, Сергей поднимался вверх, стараясь не смотреть вниз, где колыхались волны. Он добрался до клюза, вылез на палубу и огляделся. Выбрав момент, когда часовой повернулся к нему спиной, Сережка на корточках дополз до грузового люка и, откинув брезент, отыскал скобу трапа.

Долго спускался вниз в сплошной темноте. Казалось, трюм не имеет дна. Наконец нащупал под ногой настил корабельного днища и в узком проходе между каких-то ящиков пробрался в конец трюма.

Когда юноша устроился на одном из ящиков, подложив под голову шапку, ему стало легко и весело. Скоро он услышал, как на верхней палубе пробежали матросы, загрохотала цепь, выбирая якорь, и транспорт тяжело качнулся, тронувшись в далекий путь.

За переборкой трюма глухо работала машина, ровно гудели вентиляторы кочегарок, где-то совсем рядом болотной птицей всхлипывал насос. В ящиках лежало гуано – он догадался об этом по запаху: до войны не раз ходил осматривать птичьи базары. Скоро у Сергея от едкого запаха стали слезиться глаза, засосало под ложечкой, но это его мало тревожило.

И он не заметил, как заснул под ритмичные вздохи машин.

* * *

Проснулся от странного ощущения. Тело то падало куда-то вниз, делаясь вдруг таким легким, что он совсем не ощущал своего веса; то, наоборот, медленно поднималось кверху и становилось таким тяжелым, что ребра ящика больно врезались в спину. Транспорт раскачивался на мертвой зыби. Юноша почувствовал голод и решил подняться на палубу.

«Теперь можно», – думал он, взбираясь по трапу.

Едва только откинул брезент люка, как его тут же окатил холодный соленый душ. Сережка рассмеялся, сердце замерло от восторга: насколько хватал глаз, кругом было открытое море.

Сменившиеся с вахты матросы пробежали мимо, и он направился следом за ними на камбуз. Здесь вкусно пахло щами и гречневой кашей. Матросы разбирали жестяные миски и подходили за едой. Он тоже взял себе миску с ложкой, встал в хвосте короткой очереди.

Кок, заглянув ему в лицо, неожиданно отвел чумичку со щами в сторону.

– А ты, братец, откуда?

Сергея обступили матросы. Кто-то крикнул:

– Ребята, да ведь он вчера к старпому приходил!..

Чья-то тяжелая рука легла ему на плечо, повернув его на все шестнадцать румбов. Перед ним, прожевывая кусок хлеба, стоял громадный моряк в парусиновой канадке.

– Ты меня знаешь? – коротко спросил он, и было видно, как кусок хлеба тугим комком прокатился по его горлу.

Сережка пожал плечами.

– Дядя Софрон! – раздались голоса. – Веди его к капитану! Неужели не видишь сам, что заяц!

– А ну, молчать! – рявкнул человек в канадке, и по тому, какая сразу наступила тишина, Сергей понял, что имеет дело с настоящим боцманом...

Через минуту он уже сидел среди матросов, жадно хлебая из миски щи. Боцман стоял рядом, облокотившись на обеденную стойку, и говорил, дыша в лицо Сережке запахом лука:

– Ты давай рисуй своей ложкой, до дна рисуй. Перед смертью никогда желудка обижать не надо. А на сковородку попасть успеешь... Ты как следует попрощался с родителями?..

Сергей не знал, что такое «сковородка», но до поры до времени решил молчать и ни о чем не спрашивать. Краем глаза он смотрел на смеющихся матросов и думал: «Здесь народ такой – ухари, пальца в рот не клади, откусят и выплюнут».

Юноша еще от отца знал, что моряки всех новых членов своей дружной семьи поначалу выдерживают на некотором расстоянии от себя. И лишь когда убедятся, что ты парень свой, только тогда примут в коллектив безоговорочно. А до этого проверят твою натуру со всех сторон: колкими шуточками, смехом, а иногда и леща залепят, только держись, – мол, как ты, обидишься или нет? Это, мол, тоже проверить надо.

Когда была доедена каша, дядя Софрон взял Сережку за локоть и сказал:

– Ну, вот, а теперь пойдем на сковородку.

«Сковородкой» оказалась штурманская рубка. Капитан сидел в глубоком кресле, овеваемый струей электрического ветрогона, и перелистывал «Мореходные таблицы» за 1943 год.

Мельком взглянув на Сергея, сердито спросил:

– Где сел?

– На рейде, – ответил юноша.

– Как?

– По якорь-цепи.

– Смело! – крикнул капитан и посмотрел на Сергея в упор, сузив глаза. Линия его бровей сделалась совершенно прямой, как морской горизонт, и когда он снова открыл глаза, то юноше почудилось, будто наступил хмурый, пасмурный рассвет.

Он решил, что капитан сейчас начнет ругаться, грозить, может, даже ударит, но вместо этого моряк спокойно спросил:

– Ты знаешь, куда идет судно?

– Нет.

– Так знай – в Англию, в Ливерпуль... А теперь, боцман, дайте мальчишке работу и можете идти.

– Есть, – ответил дядя Софрон и крепко взял юношу за плечо, точно боялся, что тот сбежит. Идя по палубе, он говорил ему на ухо: – Чернослив любишь? Вот сейчас я пошлю тебя на чернослив. Не работа, а сплошное лакомство. Лезь!

Сережка спустился в матросский кубрик. Высились ряды коек, блестел лагун с водой, в иллюминаторы врывался влажный ветер. Боцман оглядел его с ног до головы и коротко приказал:

– Раздевайся!

Сережка (значит, так нужно!) разделся, в одних трусах присел на железный рундук. Боцман, забрав его одежду, ушел. Матросы резались в «козла», удерживая костяшки домино при крене, и делали вид, что ничего не замечают.

Скоро боцман вернулся, неся под мышкой какой-то сверток:

– Твою одежду я сдал в баталерку, получишь ее, когда пойдешь на берег, а сейчас я дам тебе робу. Ты, конечно, знаешь, что роба – это пышное нарядное платье!

Он бросил ему на колени сверток, оказавшийся грубой, насквозь промасленной одеждой, которая состояла из порванных штанов и голландки с широким вырезом на груди.

– Одевайся!.. Что, не веришь? Посмотришь в энциклопедию, там сказано ясно: роба есть пышное нарядное платье.

Сережка, содрогаясь от холода, натянул на себя дерущую кожу липкую одежду, и они вышли на палубу.

Дядя Софрон неожиданно мягко и нежно спросил:

– Верхнего-то у тебя ничего нет?

– Нету.

– Ну ладно, я пороюсь в баталерке, чего-нибудь найду...

По люку надо было спуститься в кочегарку. С каждой ступенькой трапа поручни становились горячее, в шахте люка было душно от разогретых стен, снизу поднимался тошнотворный запах перегретого масла.

В высоком отсеке горели матовые плафоны, а дневной свет проникал сверху через открытые на палубе решетчатые окна. Несколько котлов, дрожа от напряжения, ровно гудели топками.

В зареве огней носились кочегары с шуровками в руках, подламывая раскаленную добела корку. На палубе дымился шлак, а над головами людей мотался подвешенный к потолку пузатый чайник.

Один кочегар, с грохотом толкнув заслонку топки, поймал качавшийся чайник, напился воды и подошел к боцману.

– На чернослив? – весело спросил он, придирчиво оглядев Сергея.

– Для начала пусть-ка хлебнет моряцкой беды, – ответил боцман и ушел.

Кочегар провел Сережку в бортовой бункер, засыпанный углем, дал ему лопату и тачку.

– Будешь подвозить к топкам, – сказал он и тоже ушел.

* * *

Дрожала горячая палуба, поднимая кверху угольную пыль, сквозь которую с трудом пробивался свет лампы. Угольная труха попадала в ботинки, между пальцев, в глаза.

Сережка нагрузил углем первую тачку и, скользя по стальным листам, залитым маслом, повез ее в кочегарку. Там он сбросил уголь возле топок, и ему крикнули: «Быстрее!» Он

бегом вернулся в бункер, насыпал тачку доверху и снова отвез уголь в кочегарку. Потом еще и еще и возил до вечера...

Так сделался моряком Сережка Рябинин.

Популярная буква

И наступила зима...

Настоящая зима. Древняя хозяйка севера – Лоухи – похитила луну и солнце, заключив их в темную пещеру. Над угрюмой страной Похйолой закружились метели, завывали в ущельях ветры. Чайки, подхваченные зюйд-остом, отлетали в открытый океан и не могли вернуться к берегам. Суровое северное море, потемнев от ярости, рождало бури, и упругие водяные валы бежали от самого Шпицбергена, разбиваясь о вековые утесы Финмаркена. И днем и ночью океан трудился, вскидывая в небо мутно-белые потоки пены. Неугомонный прибой с грохотом дробил на побережье камни, и этот грохот, пролетая по ущельям, докатывался до маленького норвежского городка, утонувшего в потемках...

Город спит... Не скрипнут двери, не пробежит на свидание рыбачка, растирая замерзшие щеки. Лишь изредка хлопнет на ветру ставня, взвизгнет от холода собака, да в каком-нибудь хлеву проблеет коза, потянувшаяся спросонок к сену. Над притихшими улочками мерцают далекие звезды. И прямо к ним взлетает в небо остроконечная пика протестантской кирки.

В каменном приделе сбоку кирки в эту ночь не спали два человека.

Один из них, мужчина лет сорока, с коричневым лицом, изрезанным множеством глубоких морщин, сидел возле горящего камина. Его ноги в грубых шерстяных носках лежали на горячей решетке. На плечах топорщилась жесткая кожаная куртка, которую носят все норвежские рыбаки. Один рукав куртки был пуст и, не заправленный за пояс, свободно болтался.

Мужчина изредка шевелил кочергой красные угли, потом снова откидывался на спинку кресла и – слушал...

Старинный орган, покрытый вишневым деревом, звучал приглушенно и мягко. Музыка была размеренна и величава, как тяжелая поступь волн. Игравший на органе был еще совсем молод. У него – бледное удлинненное лицо, высокий лоб и широкие дуги бровей. Пастор был одет в длинную мантию из белого сурового полотна. Черный отложной ворот спускался до самой груди, на которой при резких движениях рук покачивался большой серебряный крест.

И два человека долго сидели так, как будто вовсе не замечая друг друга: один сушил у камина сырые носки, другой играл, и каждый думал о чем-то своем.

Но наконец раздался длительный органый пункт. Пастор выдерживал его уверенно и спокойно, не давая звуку умереть сразу. И когда орган замер, музыка еще долго витала под каменными сводами. Потом наступила тишина, стало слышно, как на портике кирки трещит на ветру флюгер...

Однорукий человек у камина спросил:

– Это что было, пастор?

– Это из Баха. Двенадцатая месса. Я вам ее уже играл однажды, херра Дельвик.

Дельвик сказал:

– Это очень величественная музыка, пастор. Но она напоминает мне средневековую готику. Кажется, композитор создавал ее для того, чтобы доказать человеку все его ничтожество и подавить его этой своей грандиозностью. Впрочем, – закончил он, – слушал я ее с удовольствием. Я вообще люблю, Руальд, слушать вашу игру...

Опять молчали. Трещал флюгер. Со свечей капал воск. Руальд Кальдевин, перебирая ноты, задумался.

– Скажите, Сверре Дельвик, – не сразу спросил он, – вы не боитесь бывать в моем доме?

– Нет.

– И у вас никогда не возникает подозрений, что я могу вас выдать немецким властям?

– Никогда. Вы никогда не сделаете этого, пастор.

– Но почему вы так уверены во мне?

Раскаленный уголек выкатился из-под решетки, задымил на полу. Сверре Дельвик бросил его обратно в камин.

– Я знаю, пастор, – сказал он, – вы любите Норвегию, любите свой народ, и вы никогда не выдадите человека, который борется за освобождение этого народа... Да, – продолжал Дельвик, с минуту подумав, – мы можем быть не согласны во многом, ибо я коммунист, а вы... Но я хочу сказать не об этом. Сейчас нам, пастор, не время заниматься разрешением спорных проблем: каждый честный норвежец должен драться с наци, невзирая на то, к какой он партии принадлежит и верит он в Христа или нет!.. Вот потому-то, дорогой пастор, я вижу в вас не только лютеранина, но и бойца Норвегии.

Руальд Кальдевин, словно отвечая каким-то своим мыслям, сказал:

– Вы смелый человек, херра Дельвик.

– Вы так решили, пастор?

– Да, я так решил, и вот почему...

– Почему же?

– Коммунистическая партия Норвегии была разгромлена немцами в августе тысяча девятьсот сорокового года. С тех пор прошло три лета, наступает четвертая зима. Ваши товарищи в тюрьме, часть их ушла за море, а вы остались в Норвегии, вместе с народом...

– Это мой долг, пастор, но никак не доказательство моей смелости.

– Обождите, Дельвик... Вы не были солдатом, тем более – офицером. Но когда немцы высадились в Нарвике, вы сели в поезд и поехали на север, чтобы участвовать в бою. Вот вы бываете в моем доме, в доме человека, который всем своим существованием пытается доказать, что в мире есть бог. Вы же, коммунист, отрицаете это. И вы не боитесь меня, мало того: вы еще и верите мне. Это что – риск?

– Нет, пастор. Гораздо рискованнее ходить по улицам Христиании без руки, потерянной под Нарвиком, и с лицом, которое знакомо многим по партийным диспутам. Ваш дом – находка для таких, как я. Разве немцы догадаются, что в доме пастора, столь уважаемого ими, и... И вдруг!..

– Тише, – прервал его Руальд. – Они идут.

– Погасите свечи и не волнуйтесь, я никогда не подведу вас, мой друг...

Отдернув штору, Сверре Дельвик выглянул в окно. По улице проходил немецкий патруль.

– Их что-то сегодня очень много, пастор. Когда я входил в город, они патрулировали на южных окраинах. Как видно, наци чем-то встревожены.

– И не напрасно, – ответил пастор, снова зажигая свечу. – Недавно мимо нашего города прошла группа русских разведчиков. Их прижали к скалам, и говорят, что один из них теперь блуждает где-то в окрестностях. Тетка Соня, что возит молоко на ферму, видела его вчера возле дороги. Он стал что-то просить у нее на ломаном норвежском языке, но она испугалась и нахлестнула лошадей. Теперь, пока его не поймают, немцы не успокоятся.

Дельвик нахмурился, и если бы его сейчас увидел Хорст фон Герделер, он сразу бы признал в нем того человека, фотографию которого ему показывал эсэсовец.

– Мне кажется, – сказал Дельвик, – что этот русский погибнет, если не уйдет отсюда. Слишком опасный район. Хорошо бы помочь ему. Но как?

– Они его никак не могут поймать. Комендант города даже объявил премию за его поимку – десять килограммов кофе. Приказы об этом висят на всех заборах.

– Их еще не посрывали?

– И не надо, Дельвик... Я часто думаю о другом: какой позор для нас, для норвежцев, что мы только сейчас начинаем смотреть на Россию по-иному! Я сам долго верил, что в Советах секундомеры делаются из елок, люди носят на ногах лапти, набитые сеном, а курят осиновые листья и спят на березовых вениках...

Сверре Дельвик натянул громоздкие боты, замотал шею толстым шарфом.

– Вы часто сейчас читаете проповеди, пастор?

– Это зависит от паствы. А паства зависит, как ни странно, от угля: когда в кирке тепло – прихожане становятся богомольнее. Но немецкий комендант уже разгадал эту закономерность. Он дает мне уголь и дает тему для проповеди!

– Это смешно, – спокойно, без тени улыбки, заметил Дельвик. – И очень похоже на немцев...

– Это не только смешно, но и грустно... Кстати, – напомнил Руальд Кальдевин, – завтра я опять получу уголь. Мне велено прочесть проповедь, в которой я должен призвать прихожан помочь егерям выловить этого русского.

– Опять русский! – задумался Дельвик. – За голову человека – десять килограммов кофе. Вот идиоты!.. Вы будете читать эту проповедь, пастор?

– Я решил... прочесть. Сейчас объясню – почему. Самое главное – это то, что помогать егерям в поимке русского никто не будет. Во-вторых, на никелевых рудниках снова обвал, погибло много горняков. Инженеры давно предсказывали эту катастрофу, но немцы заставили продолжать разработки, хотя там давно сгнили крепи. И третье – то, что немецкая субмарина недавно утопила рыбацкую иолу, которая якобы ловила рыбу в запретном районе моря. Таким образом, проповедь читать можно.

– Правильно рассудили, пастор. – Сверре Дельвик встал. – Я уйду, – сказал он. – Пойду писать самую популярную букву норвежского алфавита. Прощайте, пастор!..

– Прощайте, мой смелый друг!..

* * *

Никонов крался вдоль забора, держа в руке шкурку лисицы. Голод и холод гнали его к теплему жилью. На что он надеялся, он и сам не знал толком. Рыбные консервы с маркой «Сделано в Норвегии», которые он украл у немцев, оказались пересыпанными толченым стеклом, – хорошо, что заметил вовремя. И хотя голод не был утолен, но теперь к этому гнетущему ощущению примешалось бодрящее чувство надежды, – значит, и здесь все-таки есть друзья, только как их найти?

Лисицу он убил камнем, когда она вылезала из норы. Никонов решил обменять ее на продукты. Он знал: населению запрещено показываться на улице позже десяти часов вечера, однако выбрал для своей вылазки ночь, чтобы удобней скрыться от патрулей. Тех нескольких фраз по-норвежски, которые он запомнил от старых поморов, будет достаточно для свершения простейшего торга.

Голод и холод толкали Никонова на этот отчаянный поступок...

На улице неожиданно показался человек; одна рука его качалась на ветру и гнулась, точно была набита ватой. Никонов залег в дорожную канаву. Однорукий подошел к забору, остановился невдалеке от сержанта и огляделся. Потом одним движением написал на заборе большую букву «V». Перешел на другую сторону улицы и вывел на стене дома такой же знак.

Никонов наблюдал за ним, еще не понимая смысла этих надписей, а человек, озираясь по сторонам, уходил в глубь города, испещряя заборы какой-то странной символикой. Сержант уже хотел подняться, когда в другом конце раздался характерный, не раз слышанный разведчиком скрип снега, – так снег скрипел только под шипами альпийских бутс.

Это шел патруль...

В вихрях метели уже показались горные егеря. В мертвой городской тишине их голоса звучали явственно. Гитлеровцы стояли на противоположной стороне улицы у свеженаписанной буквы «V» и яростно ругались.

Один из них, соскабливая со стены выведенный углем знак, говорил:

– Опять эта проклятая буква! Из-за нее теперь нам не спать всю ночь. Хотел бы я видеть молодчика, который бродит здесь по ночам и упражняется в каллиграфии!

– О! Да здесь написано тоже! – сказал другой егерь в длиннополой шинели и, отвинчивая штык, неторопливо направился прямо к тому месту, где лежал Никонов.

Разведчик, сжавшись в комок, стал отползать в сторону. Он добрался до кирпичи, втиснулся в узкую дверную нишу. Но патруль уже шел в его сторону. Тогда сержант нажал спиной на дверь, и она, тихо скрипнув, отворилась. Никонов очутился у подножия высокой железной лестницы, освещенной падавшим в окно лунным светом.

В этот же момент наверху раздались быстрые шаги, и взволнованный мужской голос тихо спросил:

– Херра Дельвик? Вы почему вернулись?

Никонов молчал, прижавшись к стене. Человек весь в белом, как привидение, стоял высоко над ним, держа в вытянутой руке оплывшую свечу. С улицы донеслись крики немцев, и Никонов понял: нельзя терять ни минуты. Закрыв дверь на засов, он вышел из тени, стал подниматься по лестнице, на ходу подбирая нужные фразы:

– Тузи так, херра куфман... крам, крам... решнинвари вара фор вара... Искинваре – вот! Надо салтьфиш, торфиш... всё равно... Фэм штук, эльви, нэтин... Ват прейс, херра куфман?.. Кюфт, кюфт... Вара фор вара...

И вдруг услышал над собой холодный, спокойный голос:

– Не трудитесь. Я говорю по-русски.

Пастор повернулся и, подняв свечу еще выше, пошел в глубь придела, безмолвно приглашая Никонова следовать за собой. Они вошли в комнату, где догорал камин, и не успели еще сесть, как внизу раздался грохот. Стучали в дверь, в которую только что вошел Никонов.

– Вы только молчите, – сказал Кальдевин и накиннул на голову разведчика какое-то темное бархатное покрывало. – Теперь становитесь на колени. Вот так...

Никонов повиновался. Этот молодой энергичный священник внушал ему доверие. Может быть, только потому, что он говорил по-русски.

В комнату, стуча карабинами, ввалились егеря. Протянув руки к камину, стали греться. Сквозь истертый бархат покрывала Никонов видел их фигуры, лица, оружие. Он видел все.

Говорили они по-немецки.

– К вам никто не приходил, пастор?

– Нет, никто.

– И никто не выходил от вас?

– Нет, не выходил.

– А кто это стоит у вас за ширмой?

– Можете взглянуть, ефрейтор, если угодно. Это церковный живописец. Он вызван из Хаттена для реставрации «Страшного суда».

– А почему это он стоит на коленях? – полюбопытствовал ефрейтор, проталкиваясь поближе к камину.

– Он закончил работу и собирается исповедоваться у меня. Вы как раз помешали нам. Я могу позвонить коменданту. Это с его согласия я выписал себе живописца.

– Простите, пастор, но мы обходим все дома. Кто-то опять пишет на стенах по всему городу...

Толкаясь в дверях, немцы ушли.

Пастор принес полголовки сыру, ячменный хлеб, бутылку церковного вина и табак.

– Я сделал все, что мог, – сказал он. – Теперь вы должны покинуть мой дом. О вас уже знают местные власти и предупреждено население. Уходите, когда патруль отойдет от кирпичи. Вдоль бульвара выберетесь к озеру, обогните его с левой стороны – на правой стоит немецкий гараж – и попадете в заброшенный гранитный карьер. По нему вы спуститесь в долину глетчеров, пройдете ручей и там окажетесь в безопасности...

* * *

Никонов так и сделал: обогнул озеро, прошел вдоль старинных каменоломен, долго брел по ледяным осыпям и, вброд перейдя мелкий, но бурный горный ручей, оказался в широкой лесистой долине.

Он устало присел на камень и зубами вытащил затычку из бутылки. Сделав несколько глотков, заел легкое вино жирным сыром. На хлеб он только поглядел, но есть его не стал – решил побережечь. «Смертник», – весело подумал он о себе, и тут его слуха коснулся далекий рев машин.

Никонов распахнул по карманам хлеб и бутылку, осторожно двинулся навстречу этому реву. Скоро он увидел с вершины сопки длинную ленту шоссе, а в отдалении – желтенький домик кордона. Он вспомнил: это был тот самый кордон, с которого их обстреляли в ту памятную ночь, когда они пробирались к бухте Святой Магдалины.

Два немца в мундирах нараспашку рубили дрова. Их голоса в чистом утреннем воздухе доносились до сержанта, и он подумал: «Их двое... Вот именно здесь я и добуду себе шмайсер. Но с двоими не справиться. Я обожду, когда на кордоне останется только один...»

Он посмотрел на свои черные от грязи, распухшие от холода руки. Пошевелил пальцами. Странно, но это было так: руки не мерзли, пока он носил оружие, – оружие согревало его!

Первая тревога

Корабельный кот, которого звали Прорвой, ходил злющий и шипел на Мордвинова. Сбылась поговорка: отошла коту масленица, – вместо ароматных кусков рыбьей печени ему теперь наливают в баночку жидкого супу.

Мордвинов технику дальномера осваивал быстро и был на хорошем счету у Пеклеванного, но свои обязанности санитара понял своеобразно. Однажды он подхватил пушистого Прорву под мышку и вместе с котом появился на пороге корабельного лазарета.

– Это что? – спросила Варенька.

– Вам, – ответил Мордвинов.

– Зачем?

– А он породистый.

– Я люблю собак.

– Достать?

– Не надо.

Мордвинов погладил кота, задумался.

– Можно и обезьяну, – предложил он.

Доктор фыркнула:

– Это как же? Из джунглей?

– У союзников. За пол-литра.

– Нет, избавьте...

Она отвернулась к столу и, не обращая внимания на матроса, продолжала что-то писать. Лицо у нее, как показалось Мордвинову, было недовольное, почти злое.

– А что же мне тогда делать? – спросил он. – Я думал, что вам здесь скучно. Вот... принес, – он опустил кота на пол.

Китежева вдруг резко повернулась к нему.

– Вы что? – почти выкрикнула она. – Только что появились на свет? Лазарет надо оборудовать заново, а вы где-то гуляете. Ни разу даже на глаза не показались. Наконец появились и – нате вам! – принесли мне кошечку... А кто будет красить переборки? Кто будет подвешивать койки? Вы просто пользуетесь тем, что я женщина и не умею приказывать, как это делает лейтенант Пеклеванный...

Мордвинов молча вышел. Обратно вернулся с ведром белил и кистью. Сделав из газеты шутовской колпак, он надел его на вихрастую голову и стал прилежно красить переборки. Потом заново перетянул коечные сетки, чтобы они не провисали, и, оглядев корявую палубу, спросил:

– Сульфидин у вас есть?

– Есть, – ответила Китежева, отчищая бензином локоть своего кителя: она уже успела запачкаться. – А вам зачем сульфидин?

– Это не мне, это – вам... Я знаю одно место, где мне за сульфидин дадут две автомобильные шины. Шины я выменяю на тушенку. Тушенка пойдет за ведро тавотного масла. А тавот я обменяю на линолеум. Вы ведь – женщина, у вас жилье должно быть лучше, чем у нашего брата...

К вечеру он притащил на своей спине большой рулон замечательного американского линолеума. Когда он раскатал его по каюте, Варенька увидела, что теперь пол – не просто корабельная палуба, а целый сад: в гущах тропической листвы расцветали невиданные цветы, и хвост павлина распустился под самым трапом...

– А вы, – сказал Мордвинов, – напрасно кота не взяли. Для полного уюта вам теперь как раз кота не хватает...

Однако судовой кот в тот же вечер позорно бежал с корабля; как объяснял боцман Хмыров – не выдержал грохота. И это вполне возможно: корпус корабля целый день гудел от работы пневматических молотков, глушивших в его бортах расшатанные штормами заклепки.

Работы было много не только судоремонтникам; все матросы помогали устанавливать на боевых постах новые приборы, вели монтаж дополнительной электросети, кочегары перебирали в котлах трубки, машинисты во главе с Лобадиным чинили двигатель. Все как-то заметно похудели, даже у молодежи пропал тот особый морской шик, который всегда отличает моряка от берегового человека.

И только лейтенант Пеклеванный неизменно появлялся на палубе опрятно одетый, гладко выбритый и даже благоухающий одеколоном. Внешне безучастный ко всему, что происходило на корабле, он вникал во все подробности переоборудования, ежедневно обходил все отсеки, и горе тому, кто двигался медленно или нерадиво относился к работе, – такие попадали под «фитиль» Пеклеванного.

Но, как ни странно, выбираясь даже из самого захламленного трюма, лейтенант сохранял свой прежний опрятный вид, – грязь, казалось, вовсе не приставала к нему, и это командой «Аскольда» было оценено по достоинству.

Одно только в помощнике Рябинина не нравилось некоторым матросам.

«Очень уж строг, дерет, словно рашпиль какой-то по железу», – часто жаловался Хмыров, которому, как неопытному боцману, попадало от лейтенанта больше всего.

А однажды Ставриди, ухмыляясь, подошел к Найденову:

– Хочешь, загадку тебе задам?

– А ну? – согласился тот, устало откинув на затылок новенькую мичманку: теперь он уже не бригадир – старшина второй статьи, первым носовым орудием командует.

– Стоит наш «Аскольд» на рейде. И вдруг ни с того ни с сего на левый борт накренился. Что произошло?

Алексей, подумав, сказал:

– Некогда мне, – видишь, казенник вычистить надо, а то бы я отгадал!

– Ну что же тут думать! Это лейтенант Пеклеванный прошел по правому борту, а все матросы, чтобы ему на глаза не попадаться, бросились на левый. Вот и накренился наш «Аскольд».

– Дурак ты! – спокойно ответил старшина, отрывая кусок свежей пакли. – Пеклеванного не бояться надо, а учиться у него следует.

– Да брось ты, Алешка! – обиженно протянул Ставриди. – Шапку с ручкой получил, а уже зазнаешься.

– А ты вот что, – неожиданно построжал Найденов, – бери-ка паклю да протри казенник. Протрешь – доложишь. Плохо сделаешь – носки на твоей голове штопать буду. И помни: был я бригадиром – приказывал тебе, а сейчас старшиной стал – так еще не так прикажу. Ясно?

Ставриди паклю взял, но загрустил:

– Эх, был у меня товарищ!.. А приказать не сможешь, я еще присягу не принимал.

– Все равно, заранее привыкай подчиняться. Давай, давай, жми! Вон казенник-то как на тебя смотрит...

Проходя по боевым постам, отмеченным множеством пестрых номеров, Алексей чувствовал себя немного растерянным. Привыкнув к размеренному укладу промысловой службы, к родному «Аскольду», где ему был знаком каждый закоулок, он с трудом узнавал отсеки, казавшиеся теперь какими-то чужими. И не только он чувствовал себя так, когда вместо обычных названий – «тралмейстерская», «малярка», «чердак» – приходилось говорить: БП-2, БП-17, БП-43; все цифры, цифры, цифры – голова от них кругом идет!

Уже на следующий день после прихода на «Аскольд» Пеклеванного началось распределение матросов по штатным расписаниям. В первую очередь матросу присваивался его личный номер: написанный кузбасским лаком на полоске парусины, он пришивался к карману голландки и к койке. Затем матрос должен был запомнить множество цифр. Не зная их наизусть, член корабельной команды мог растеряться в бою, не иметь своего места отдыха.

И даже сейчас, по прошествии нескольких дней, Алексей, спускаясь по трапу в артиллерийский погреб, продолжал зубрить:

– Номер кубрика – два, номер койки – чертова дюжина, большого рундука – семь, малого – двадцать четыре, номер стола – три, бачок – пятый. По боевой тревоге находиться у первого орудия, по аварийной – у второго насоса в шестом трюме, приборку делаю на шлюпке левого борта, занимаюсь политически в группе штурмана Векшина... Ох ты, господи! Тут и с университетским образованием без пол-литра не разберешься...

В артпогребе, где раньше стояли засольные чаны, теперь высились стеллажи для укладки снарядов, и Пеклеванный говорил Русланову:

– Маты разложите вдоль стеллажей так, чтобы палубы совсем не было видно. Железные подковки с сапог сбить, ходить в погребе надо осторожно и мягко, как ходят кошки... Ну, а если пожар?

– Надо затопить погреб водой, – не задумываясь, ответил Русланов, уже привыкший к тому, что лейтенант при каждом удобном случае экзаменует своих подчиненных.

– Это я знаю, что водой, а не водкой, – и лейтенант повернулся к Алексею, спустившемуся через люк: – Отвечайте!

– Я открою, товарищ лейтенант, пятнадцатый клапан затопления. Вот он! – старшина дотронулся рукой до отполированного медного штурвала, вделанного в переборку.

– Правильно. Так вот, пожар уже начался. Открывай!

Найденнов вначале замешкался, представив на минуту, как в погреб врывается ледяная забортная вода, но потом вспомнил, что «Аскольд» стоит в доке, и завращал штурвал.

– Быстрее, быстрее! – торопил его Пеклеванный, и, скрипя шестеренками, штурвал медленно отодвинул в днище корабля заслонки кингстона, – всем троим на мгновение стало жутковато, словно они уже слышали, как бегущая по трюмам разгневанная вода подбирается к их ногам.

– Закрывай! – коротко приказал Артем и, улыбнувшись каким-то своим мыслям, быстро взбежал по трапу.

На верхней палубе он встретил командира. Рябинин следил за работой мастеров, крепивших на корме судна рамы для сбрасывания глубинных бомб.

– Меняется мой «Аскольд», – сказал он Пеклеванному. – Не узнать. – И, взяв лейтенанта за локоть, пошел с ним по палубе: – Вот что, помощник, штаб торопит. Сегодня к вечеру будем выходить из дока... Как наши комендоры, научились работать у орудий?

– Да, научились. Сегодня утром я провел с ними последнюю тренировку. Теперь посмотрим, как они будут стрелять в море на штормовой волне!.. А так – что же, работают сравнительно слаженно.

– Добро, – Рябинин оставил локоть помощника и прислонился к фальшборту, заглядывая вниз, в глубину дока. – Разрабатывать боевые задачи будем уже на чистой воде. Так даже лучше. Дни уйдут на оборудование постов, а ночью...

– Простите, – перебил его Пеклеванный, – но я об этом уже думал. Именно по ночам надо играть боевые тревоги, чтобы приучить команду работать в темноте. Приближается

полярная ночь, и хотя я незнаком с условиями плавания в Заполярье, но мне кажется, воевать придется, как правило, в сплошном мраке.

– К полярной ночи они привычны, – Прохор Николаевич кивнул в сторону матросов, которые во главе с боцманом поднимали на борт корабля спасательный плот. – Но одно дело – рубить головы треске, а другое – стрелять из орудий и бомбить подлодки. Самое главное, на мой взгляд, выработать у команды скорость в обращении с техникой.

– Это я беру на себя, – сказал Артем и посмотрел на небо, с которого посыпалась жесткая снежная крупа, быстро таявшая на прогретой палубе.

– Ну что ж, посмотрим, – скупой ответил Рябинин и, откинув крышку люка, спустился в машинное отделение, а лейтенант Пеклеванный остановил одного матроса и велел ему позвать штурмана.

– Дежурный офицер явился по вашему приказанию, – отрапортовал Векшин, появляясь из дверей кают-компания.

– Не вижу, что вы вахтенный офицер.

– То есть? – И штурман посмотрел на рукав: уж не забыл ли повязку «рцы»? – Не понимаю вас, товарищ лейтенант...

– Вахтенный офицер обязан следить за погодой. Идет снег, который вы даже не заметили, сидя в кают-компания, а приборы не покрыты. На первый раз делаю вам замечание...

Вскоре «Аскольд» был выведен буксирами из дока и бросил оба якоря на середине рейда. К его борту сразу подошли катера с боезапасом и продовольствием. Корабль, заполняя свое вместительное нутро снарядами, глубинными бомбами, крупой, мясом, хлебом, стал плавно оседать в воду красной чертой ватерлинии. Согнувшись под тяжестью мешков, матросы бегали по трапам, балансируя на скользких ступенях, под которыми колыхалась черная студеная вода. Потом к борту патрульного судна подвалил портовый угольщик, и до самого отбоя над палубой висела серая туча удушливой мелкой пыли – в бункера грузился воркутинский уголь.

«Аскольд», тяжело покачиваясь, готовился к затяжным боевым странствиям.

* * *

Через несколько дней, после долгих тренировок в заливе, патрульное судно (еще не имея на гафеле военно-морского флага) проводило учебные стрельбы.

Широкий плес, над которым гулял неистовый океанский сквозняк, покрывали высокие предштормовые валы. В мутной дымке хмурого полярного утра слева неясно брезжила тонкая полоска Рыбачьего, а справа, будто вздымаясь из глубин моря, вставала крутая дикая скала острова Кильдин.

Маленький портовый буксир, выдыхая в небо клубы сажи, тянул за собой на длинном буксире плоский артиллерийский щит. «Аскольд», держась заданного курсового угла, время от времени вздрагивал от залпа, и сигнальщики, следя за всплесками воды, нараспев кричали:

– Недоле-ет!.. Переле-ет!..

Снаряды, сверля мутный воздух, уходили в сторону щита.

– Накрытие! – радостно сообщали с дальномера, но Пеклеванный уже и сам видел, как оторвало угол щита.

– Сигнальщики! – командует он. – Передать на буксир по семафору: отойти на одну милю в сторону открытого моря!..

– Есть! – И Мордвинов, поднявшись на выступ крыла мостика, скрещивает и раскрещивает над своей головой быстро мелькающие красные флажки – «сигнал вызова».

На буксире долго не замечают сигнала, потом на верх рубки поднимается женщина (видно, как ветер полощет ее юбку) и «пишет» сигнал ответа. Начинается молчаливый разговор, и, пока он длится, Рябинин ходит по мостику тяжелыми шагами, внимательно осматривая горизонт и небо. Небо и горизонт...

Какой-то тральщик под гвардейским флагом, покрытый от носа до кормы белой пеной, медленно возвращается в гавань; в узкую Кильдинскую салму спешит укрыться от качки маленький рыболовный «ботяра», и – чайки, чайки...

Рябинин долго и пристально следит за их плавным кружением, потом вдруг в его лице что-то меняется, он плотно сжимает губы, трубка перекидывается из одного угла рта в другой.

– Помощник! – резким голосом зовет он, и Пеклеванный сначала ничего не может понять: выются чайки (много чаек) над одним местом больше, чем в других местах. – Смотрите, смотрите, – говорит Рябинин, – смотрите в бинокль!..

Артем смотрит в бинокль и видит: чайки, плавно пикируя с высоты, одна за другой кидаются в воду, выхватывая из нее рыбу, и вода в этом месте какая-то беспокойная, отяжелевшая, словно что-то подпирает ее изнутри.

– Вижу, – говорит Пеклеванный, – но простите... Что же тут такого?

– Косяк, – подсказывает, выглядывая в иллюминатор своей рубки, штурман Векшин.

– Кой к черту косяк! – кричит Рябинин и почти силком сбрасывает Мордвинова с выступа: – Отставить передачу, поднять сигнал: подводная лодка противника, дистанция... курсовой – тридцать пять!..

Матрос подбегает к флажному кранцу, выхватывает несколько пестрых комочков, быстро крепит их к фалам. Пеклеванный, еще продолжая не понимать происходящего, загорается тревогой командира, торопит:

– Быстрее, быстрее!..

И пока флаги, раскрываясь один за другим во всю ширину, ползут к ногам реи, Рябинин успевает объяснить:

– Подлодка забралась в косяк, взбудоражила его, стала всплывать под перископ, вот и подняла рыбу на поверхность... Неужели не видели, как чайки хватают сельдь!

Буксирный пароходик, ничего не подозревая, продолжал свой путь в сторону открытого моря, ведя за собой избитую снарядами панораму щита.

А тральщик, едва были замечены сигналы, круто повернул обратно, и под его форштевнем сразу вырос бурун пены: корабль увеличил ход. С мостика «Аскольда» было даже видно, как по трапам тральщика стремительно забегали, пропадая в люках и дверях, маленькие фигурки матросов. На его кургузой мачте трепыхались яркие флаги. «Выхожу в атаку», – говорили они.

Бурун под форштевнем становился все выше, теперь матросов можно было видеть только возле орудий. Тральщик, обдав «Аскольд» теплым воздухом вентиляторов и гулом машин, пронесся мимо, разводя крутую кильватерную волну.

Возле замолчавшего орудия, из открытого казенника которого несло жаром и вонью перегоревшего пироксилина, в нетерпении топтались комендоры:

– Смотри, смотри, ребята: хорошо как идет!

– Сейчас начнет бомбами швырять...

– Ну, не завидую я немцам!

– Чепуха! Они тоже не дураки, немцы-то...

– Да, говорят, их больше бомбят, чем топят...

– Скинул!

– Что скинул?

– Прямо с кормушки скинул... целую серию!

А на мостике – тоже волнение, только другое.

– Эх, если бы у нас была хоть одна серия глубинок! – загорелся Пеклеванный.

– Что же нам делать? – растерянно спросил штурман.

– Что делать? Смотреть, – сказал Рябинин, – смотреть и учиться...

Первые бомбы, сброшенные тральщиком, взорвали глубину, выбросив на поверхность моря четыре невысокие шапки пены.

В бинокль с мостика «Аскольда» было видно, как на маслянистых, медленно оседающих волнах густо заплывала перевернутая белыми брюхами кверху глушенная рыба.

– Рыба! – сказал замполит Самаров. – С одного взрыва – не меньше центнера. Нам бы это целый час тралить. Я теперь понимаю браконьеров!..

Он засмеялся, а Пеклеванный в возбуждении куснул костяшки пальцев:

– Мне плевать на рыбу! Важно, чтобы не рыба – наверх, а подлодка – вниз! Ведь они топят ее, топят...

Самаров раскрыл портсигар, протянул его лейтенанту:

– Берите... Если командир подлодки, так же как вы сейчас, грызет себе кулаки, то, будьте уверены, его потопят.

Пеклеванный передернулся:

– Это вы мне?.. Держу пари: они ее не потопят. Момент атаки упущен. Будь я на месте командира тральщика, я бы пустил в дело бомбометы, чтобы захватить больший радиус взрывной волны...

Тральщик, резко развернувшись на «пятке», пошел во второй заход, настигая таившуюся на глубине вражескую субмарину. Она была где-то здесь, акустики слышали шум ее винтов, импульсы тока нащупывали в толще воды ее хищное стальное тело.

– Так, так!.. Хорошо! – говорил Прохор Николаевич, словно не тральщик, а его «Аскольд» выходил в атаку. – Сейчас я бы положил лево руля и... Так и есть: они ложатся на левый разворот. Еще серия, еще! Ага!..

Наконец тральщик отходит в сторону и, покачиваясь на волнах, замирает на месте. Рябинин сбавляет ход «Аскольда», чтобы не мешать тральщику прослушивать глубину. Но винты и моторы вражеской субмарины молчат. На грунт она лечь не могла – здесь глубоко, и давление сплющит ее в лепешку, – значит, погибла?..

Но гвардейцы не доверяют этой тишине, и тральщик выходит в последний заход – контрольное бомбометание: надо добить агонизирующего врага. И только проутюжив взрывами подозрительный квадрат моря, военный корабль ложится на прежний курс. Он проходит мимо «Аскольда»: на его мачте вьется теперь желтый флаг – сигнал, и Мордвинов, увидев его, докладывает:

– Товарищ командир, тральщик выражает свое «добро».

– Добро, – также отвечает Рябинин и, взглядевшись в утонувший на горизонте квадрат артиллерийского щита, поворачивается к Пеклеванному: – Прикажите продолжать тренировку! – А сам смотрит на небо, в котором кружатся вольные морские птицы, и улыбается.

Пеклеванный молчит, смущенно переминаясь с ноги на ногу. Видно, что он хочет что-то спросить, и Прохор Николаевич снова поворачивается к нему:

– Слушаю вас, помощник!

– Я хотел спросить, товарищ старший лейтенант, как вы могли обнаружить подводную лодку?

Прохор Николаевич неожиданно громко смеется, улыбаются вместе с ним и матросы.

– Ну что вы, лейтенант, задаете мне такие вопросы! Я же ведь на этом море родился и вырос, знаю его из края в край, все, что есть в нем, тоже знаю. И притом я же ведь старый рыбак!..

«Аскольд», вытянув в сторону моря щупальца орудий, выходит на позицию для стрельбы. Лязгают замки пушек, звенят о палубу патроны, кричат опутанные проводами телефонисты.

И, кружась в небе, падают с высоты, сложив крылья, вольные морские птицы.

«Кукушка»

Расписанная рыжими цветами труба старого граммофона страдальчески дохрипывала последние слова песни: «Я милую ягодкой не назову, у ягодки слишком короткая жизнь...»

Начальник прифронтового района полковник Юсси Пеккала доел картошку со сметаной и мякишем хлеба старательно вычистил пузатую солдатскую миску. стакан молока он оставил нетронутым и крикнул в соседний придел избу:

– Хильда!

Вошла чистенькая девочка – дочь хозяйки, взяла протянутый ей стакан и выпила его до дна. Пеккала похлопал себя по карманам, протянул девочке конфету.

– На, – сказал он, – больше у меня ничего нету...

Вошел денщик в русском солдатском ватнике поверх мундира, убрал посуду. Сменил в мембране тупую иголку, спросил:

– Еще завести?

– Не надо, – ответил полковник.

Он придвинул к себе телефон, стал обзванивать соседние гарнизоны. Везде ему отвечали, что люди выехали уже с утра. Кто на подводах, а кто на лыжах. Отобрали самых лучших стрелков и лыжников. Соревнования обещают быть интересными.

– Смотри, – сказал Юсси Пеккала своему денщику. – Еще не до конца рассвело, а уже печи дымят. Опять вовсю самогонку варят... Народу соберется много. С фронта тоже придут. Как бы драк не случилось!..

Он встал. Маленький, поджарый, щуплый. Накинул подбитую беличьими хвостами старенькую заплатавшую куртку с погонами. Натянул на редкие волосы мягкое кепи.

– Вам что подать? – спросил денщик. – Лошадь или лыжи?

– А ничего не надо. Я тут... посмотрю, что в поселке!

Подмораживало. В дымных туманах вставало из-за дальних лесов бледное солнце. Два немецких офицера прошли мимо, отсалютовав финскому полковнику. Пеккала небрежно козырнул им в ответ. Сегодня должны были состояться войсковые соревнования частей района по стрельбе, и поселок постепенно пробуждался под скрип телег и фыркание лошадей. Улицы наполнялись веселым гомоном солдат и женщин. С ревом, распугивая собак и взметая снежную пыль, проползли аэросани с торчащим из кабины пулеметом. Начали прибывать команды стрелков с фронта. Возле дома старосты уже торговали пивом.

– Рано! – сказал Юсси Пеккала и прикрыл торговлю.

Во дворе комендатуры трое русских военнопленных разгружали подводу дров. Одетые в драные шинели, опустив на уши верха пилоток, пленные скидывали с телеги тяжелые сырые плахи.

– Здорово, ребята, – сказал им полковник по-русски и направился к высокому крыльцу, потом вернулся обратно и спросил: – Кто из вас тут пробовал бежать вчера?

Вперед выступил один солдат – выступил как-то боком, словно готовясь к драке.

– Я, – хмуро отозвался он.

Пеккала поднес к его лицу крепенький кулачок:

– Ну что? По зубам тебе врезать?

Пленный откинул назад голову.

– Я, – сумрачно повторил он.

Пеккала опустил руку:

– Дурак! Война вот-вот закончится, а ты сам под пулю лезешь. Сиди уж здесь, коли попался...

Трое молча выслушали его. Полковник достал три сигареты, протянул их пленным.

– По одной, – сказал он и толкнул ногою круглый промерзлый чурбан. – Опять осина?

– Осина... – ответил один, пряча сигарету под пилотку. – Когда ваш на складе – береза, когда фриц – осина...

– У, сволочи, сатана-перкеле! – выругался Юсси Пеккала и легко взбежал на крыльцо.

В кабинете его поджидал вярикки^[5] Таммилехто – молоденький офицер, почти мальчик.

– Вам, – сказал он, подавая полковнику бумагу. – Совершенно секретно...

– Бабы секреты, – буркнул Юсси Пеккала. – Нашли время секретничать, когда и так уже все ясно... Еще от силы полгода, и наша прекрасная Суоми будет харкать кровью!

Вярикки Таммилехто печально, с надрывом, вздохнул.

– А ты не вздыхай, – ответил полковник, разрывая синюю облатку конверта. – У нас, помимо таких дураков, как Рюти и Таннер, есть маршал Маннергейм: он понимает, что страну надо выводить из войны... Он не захочет, чтобы Суоми оккупировали русские!

В присланной бумаге содержался приказ: прочесать окрестные леса, где скопились большие банды «лесных гвардейцев» – так назывались финские дезертиры, в болотах и дебрях выжидавшие конца бойни. В приказе особенно подчеркивалось, что «лесные гвардейцы», образовав в лесах нечто вроде коммун, принимают в свою среду и бежавших из лагерей русских военнопленных, «солидаризируясь вместе с ними в оценке происходящих событий...».

– Кто подписал эту дребедень? – спросил Юсси Пеккала, перевернув бумагу. – Ну, конечно, генерал Рандулич... Его бы сюда, да на мое место!

Полковник откинулся на спинку стула, задрав худые колени, обтянутые кожаными лямками, оперся ими о край стола. Закурил, разгоняя дым рукою.

– Слушай, вянкики, – сказал он, – мы все-таки это должны сделать. В деревнях мужиков нету, а бабы с пузом ходят. Я часто думаю – уж не с ветра ли они беременеют?.. Это все работа «лесной гвардии»! Тут из поселка, я так подозреваю, даже учительница ходит к своему жениху в лес... Ты узнай у женщин, где здесь поблизости больше всего собралось дезертиров. Сходи к ним и попроси их уйти куда-нибудь подальше из нашего района.

– А вы мне солдат дадите?

– Еще чего! Ты же не каратель. Иди один. Скажи, что они мне настроение портят. Если я возьмусь за это – им будет хуже... Понял?

* * *

Юсси Пеккала поднял руку с пистолетом системы «Верри» и выстрелил в небо, – красная ракета с шипением обожгла высоту.

– Начали! – крикнул полковник.

Сорок лыжников вырвались на заснеженное поле, со свистом развернулись на повороте и вскинули тонкие винтовки. «Тах, тах, тах», – прогремели выстрелы. Они били в сторону леса, где на опушке стояли вырезанные из фанеры фигуры русских солдат с задранными вверх руками. Даже издали было видно, как меткие пули буравили и рвали фанеру мишеней.

Из толпы зрителей, наполовину состоявшей из солдат и местных шюцкоровцев, раздавались возгласы:

– Не подгадь, парни!

– Бей по москалям, лупи их!

– Вяйне, оглянись назад!

– Теппо, гони дальше!..

Лыжники, отстреляв каждый по обойме, уже мчались к финишу, где их поджидали судьи соревнований. Впереди всех, низко пригнувшись, летел рыжий капрал. Он оборвал грудью ленту и, тяжело дыша, воткнул палки в снег.

– Теппо Ориккайнен, – назвал он себя полковнику.

Проверили мишени: капрал победил и в стрельбе. Его пули точным пучком легли прямо в цель. Юсси Пеккала вручил победителю подарок – коробку, в которой лежали бутылка водкой, банка сардинок и две пачки сигарет.

– Среди мужчин, – громко объявил полковник, – первое место занял капрал Теппо Ориккайнен!

Мишени заменили новыми. Теперь наступила очередь женщин. Одетые в солдатскую форму, они залегли возле судейского стола, оттопырив зады в лыжных вязаных штанах.

– Внимание! – скомандовал Юсси Пеккала. – Начали.

Затрещали винтовки. По условиям соревнований каждая женщина, отстреляв все патроны, должна была встать. Побеждала та, которая быстрее всех и точнее всех успевала

выпустить в цель свои пули. На двадцатой секунде вскочила одна – районный руководитель женской партии «Лотта Свьярд», пожилая полная женщина с мужской прической на голове.

– Это не так уж трудно, – засмеялась она. – И я бы справилась куда быстрее – только поставьте передо мною живых москалей!

Юсси Пеккала, объявив имя победительницы, уже готовился вручить ей приз – коробку с духами и пудрой. Но тут толпа расступилась, и на середину круга вышла высокая молодая женщина в серо-зеленой шинели; длинные и худые ноги ее были обуты в пьексы, набитые сеном, на голове кое-как сидела вытертая пилотка.

– Когда-то я неплохо «куковала», – обратилась она к полковнику, дыхнув ему в лицо запахом пива. – Дайте мне винтовку, и я покажу этим бабам, как надо стрелять...

Пеккала небрежно поморщился: «кукушка», кажется, пьяна, хорошо бы не связываться с нею.

– Но вы не участница соревнований, – попытался он отговорить женщину.

– Так что же? – с вызовом ответила женщина. – Что у вас там? Духи да пудра? Такой швали, как я, уже ничего не нужно. Можете отдать приз этой толстухе...

Юсси Пеккала с любопытством наблюдал за женщиной. Она даже не залегла, а решила стрелять стоя. Расставила ноги, притерла к плечу приклад. Ствол винтовки в ее руках плавно опустился книзу – трах! И тут же, сверкнув на солнце, выскочила пустая гильза. Трах! – опять щелкнул затвор. Трах! – упала гильза к ногам. Трах! – откатнулась женщина. Трах! – и она, опуская винтовку, повернулась к полковнику:

– Сколько?

– Шесть с половиной секунд.

– Мишень можете даже не проверять, – сказала женщина без тени самодовольства. – Я окончила школу отличной стрельбы и знаю, что мои пули легли одна в другую....

– Как ваше имя? – крикнул Юсси Пеккала.

– Это уже безразлично, – ответила снайпер, скрываясь в толпе...

«Странная особа», – подумал полковник. Когда народ уже стал разбредаться по улицам поселка, он попытался отыскать эту «кукушку» в толпе, но ее уже не было, а к вечеру она неожиданно сама явилась к нему...

* * *

Он сидел в своей избе и при свете керосиновой лампы читал поэму Твардовского «Василий Теркин», которую недавно нашли у одного убитого русского солдата, когда в дверь настойчиво постучали. Он не успел ответить, как дверь распахнулась, и он увидел на пороге «ее».

Теперь она была пьяна по-настоящему.

– Вы, кажется, хотели знать мое имя? – сказала она, размахисто шагнув на середину комнаты. – Что ж, – женщина вскинула ладонь к виску, – вас осчастливила своим посещением Кайса Хууванха, урожденная баронесса Суттинен.

Юсси Пеккала знал «лесного барона» Суттинена – одного из крупнейших промышленников Финляндии, и он медленно поднялся из-за стола:

– Честь имею... Прошу садиться!

Кайса плюхнулась на лавку.

– Бросьте, – сказала она. – Говорите со мной проще... Я ведь вот... – Женщина оттянула воротник шинели, показав отвороты своего мундира. – Я ведь... солдат! Как и вы...

Пеккала сел:

– Что вы хотите от меня?

– Я хочу выпить, – сказала женщина. – Мне все надоело... Вы даже не знаете, как мне все опротивело. Эти болота, эти выстрелы, эти грязные рожи...

– Вы немного не в себе, – мягко остановил он ее. – Если вам угодно, баронесса, я могу предоставить вам отдых.

– Сначала – выпить! – сказала Кайса.

Юсси Пеккала, выходцу из крестьян, еще до войны пахавшему землю, трудно было избавиться от невольного преклонения перед титулованной знатью. Он мог разругаться с генералом, но невольно робел перед любым лейтенантом, узнав, что этот лейтенант принадлежит к верхушке титулованных семей. И потому он даже как-то не посмел спорить и покорно вышел из комнаты, чтобы распорядиться насчет ужина для неожиданной гостьи.

– Пожалуйста, – сказал он хозяйке, – сделайте все почище и не забудьте принести немного водки...

Когда он вернулся, Кайса листала книгу.

– А вы знаете русский язык?

– Да, – ответил Пеккала. – Я даже был одно время в России.

– Давно? – спросила она.

– В прошлую войну. Я был там... в плену!

Она отбросила книгу и осмотрелась.

– Плохо мне, – призналась женщина. – И все время чего-то чертовски хочется... все время! Вы не знаете, полковник, чего может хотеться такой дурной женщине, как я?

Юсси Пеккала, пряча улыбку, пожал плечами.

– И вы не знаете, – с презрением отмахнулась Кайса. – И я не знаю. И никто не знает...

– Я знаю! – ответил Пеккала.

– Знаете?

– Да. И знаю уже давно. То, чего хочется вам, хочется и мне.

Женщина взглянула на него почти с удивлением. Глаза ее стали чище – казалось, она даже протрезвела.

– Ну? – сказала она.

– Мира, – ответил полковник.

– Так это же всем, – выкрикнула Кайса. – А вот скажите, чего хочется мне! Мне! Одной мне!..

Она скинула шинель на лавку и подошла к столу.

– Можно, я буду хозяйкой?

– Пожалуйста.

Она разлила водку по стаканам. Себе налила поменьше, ему побольше. Потом как бы нечаянно дополнила и свой стакан.

– Мне завтра будет стыдно, – призналась она. – Но сегодня мне все равно... Мы больше никогда не увидимся!

Они выпили водку. Подвигая к женщине тарелки, Пеккала сказал:

– Вы, наверное, не привыкли... У меня все так просто.

– Да бросьте вы об этом! – грубо остановила она его. – Я два года провела на фронте. Я забыла уже, как это сидеть за столом... Бросьте!

– Куда вы сейчас направляетесь?

– Сначала в Петсамо. Меня переводят в медицинский состав. Я свое уже «откуковала»... Из Петсамо, наверное, я попаду в Норвегию...

– Хотите остаться здесь? – предложил полковник. – Я могу вас устроить при своем штабе.

– Зачем?

– Я думаю, что вам здесь будет лучше.

– Не надо. Мне надоело жить в лесу...

Скоро она опьянела совсем, и Юсси Пеккала попросил хозяйку дома уложить гостью в соседнем приделе избы. Наутро, когда он проснулся, Кайсы Суттинен-Хууванха уже не было, и хозяйка передала ему записку:

«Господин полковник! Мне очень стыдно за мое вчерашнее поведение, но, я надеюсь, Вы меня простите. Поверьте, что я не такая уж плохая, какой многим умею казаться. Просто

у меня была глупая и бездарная жизнь. Я не помню, говорила Вам вчера или нет, что я отправляюсь в Петсамо. Но я помню, что Вы предложили мне остаться при Вашем штабе. Я не знаю, как сложится моя дальнейшая судьба, но, если мне будет очень скверно, позвольте обратиться к Вам, – может, здесь мне действительно будет лучше.

К. Суттинен-Хууванха».

– Бедные женщины! – подумал вслух полковник. – Чего только не делает с ними эта проклятая война...

Он взял полотенце и вышел умываться. Слепой сын хозяйки играл на самодельной гармошке, шевеля в такт музыке пальцами босых ног. Безглазый калека растягивал меха в хвастливом напеве:

От пулеметов – громы
и в дотах – жара,
мы в доте Миллионном^[6]
сидим с утра.
Подай еще патронов,
из фляги дай хлебнуть —
здесь финской обороны
железная грудь.
В Миллионном доте —
четыреста парней,
у них одна забота —
лупить москалей!..

– А ну – перестань! – гаркнул Юсси Пеккала. – Перестань, или я сейчас разломаю твою музыку ко всем чертям собачьим! Тебе, дураку, в этом Миллионном доте выжгло глаза, но от этого лучше видеть ты не стал!..

Он целый день занимался своими делами – делами начальника прифронтового района и весь день вспоминал измученную войной женщину, которая трясется где-то сейчас по заснеженным дорогам в грузовике или в санях.

– Если будет мне письмо из Петсамо, – наказал он своим писарям, – вы немедленно, где бы я ни был, доставите его мне!

Слезы

– Эй, начальник, не плачь: слезами горю не поможешь, а вот щеки обморозишь!

– Да кто тебе сказал, что я плачу? – ответила Ирина. – Это слезы от ветра. Только от ветра. Уж очень быстро бегут твои собаки!

– А собак теперь не остановишь...

Собак действительно было трудно остановить. Можно было только перевернуть нарты, чтобы они остановились. Их три дня кормили тюленьим мясом, они пили свежую кровь и, казалось, были готовы бежать хоть на Северный полюс. Лохматый вожак так и рвал грудью сугробы.

– Иррл... иррл... иррл! – кричал каюр.

Гренландская упряжка – веером – не стесняла собак: широким полукругом они рвались вперед, взметая крепкими лапами вихри пушистого снега. Молодой широкоскулый саам-каюр бежал рядом с нартами. На нем была грязная, засаленная малица, из-под которой выглядывал ярчайший галстук. К тому же каюр был, кажется, отчасти пьян.

Но, мастер своего нелегкого дела, он за все время пути лишь дважды ударил собак хореом, когда они запряжились – не хотели переходить незамерзшие ручьи, – и нарты ни разу не опрокинулись в снег.

Ирина Павловна возвращалась из Чайкиной бухты, где осматривала заброшенную шхуну. Старый парусник произвел на нее огромное впечатление. Ее поразила воздушная легкость рангоута и мостика, отточенная, как на станке, овальность корпуса. Так и чувствовалось, что эта шхуна создана для стремительного бега, для покорения волн.

И, даже мало разбираясь в корабельной архитектуре, Ирина Павловна сразу по достоинству оценила эту подвижность, таящуюся в смоленых бортах покинутого «пенителя». Борта корабля оставались прочными: выделившийся из лиственницы скипидар покрыл обшивку, предотвратив гниение. И когда женщина проходила по палубе, сухие доски настила звенели под ногами, как клавиши. Густая паутина покрыла углы, в трюме попискивали тундровые крысы, но Ирина Павловна открывала разбухшие двери, смело залезала в люки, уже задумываясь над тем, где разместить участников экспедиции.

Покидая шхуну, уносила она в себе ощущение легко доставшейся победы. Но едва в душе улеглось первое волнение, как Ирина Павловна снова стала задумчивой и грустной. Лежала на нартах, и ее мысли постоянно путались, перебиваемые воспоминаниями о Сергее. Только сейчас она по-настоящему поняла, как была привязана к этому мальчишке.

И каюр, конечно, прав: к слезам, выжатым ветром, примешалось несколько горьких слезинок о Сережке.

Проход – тот встретил весть об уходе сына спокойно, даже не удивился. Словно уже был давно подготовлен к этому и только ждал, когда сын решится на такой шаг. Но разве Прохода поймешь? Он всегда спокоен, никогда ничему не удивляется. Муж только сказал: «Я знаю: он в море, больше ему негде быть».

И когда нарты взбирались на вершины сопков, Ирина Павловна подолгу смотрела на далекий пепельно-серый горизонт океана: ушел Сережка за этот горизонт, пропал...

* * *

В полдень упряжка ворвалась на улицу рыболовецкого колхоза «Северная заря».

Мимо побежали домики рыбаков с занавесками на окнах, на крылечках показывались рыбацкие жены, собаки выкатывались из-под заборов, с лаем бросаясь на упряжку, а каюр отгонял их хореом.

Ирина соскочила с нарт перед избой правления колхоза. Ее встретила на пороге молодая заплаканная женщина с ребенком на руках.

– Что у вас тут случилось? – спросила Рябинина.

– Беда моя, – ответила женщина.

– А председатель колхоза Левашев здесь?

– Там он... проходите.

Ирина Павловна протиснулась в комнату правления. Левашев сидел за колченогим столом, расставив негнувшиеся в штормовых сапогах ноги, быстро уплетал из тарелки суп из «балки» – тресковой печени, особенно любимой мурманскими рыбаками. Его изрытое оспой лицо было некрасиво, но привлекало каким-то особым добродушием и бесхитростностью.

– Здравствуйте, Левашев, – сказала Ирина, – там какая-то женщина плачет в коридоре.

– Это моя жена плачет... Марья! – крикнул он. – Тащи сюда вторую миску – у нас гостя севодни. Ложку не забудь...

И, протянув женщине большую руку, всю в коросте жестких рыбацких мозолей, поделился:

– Дело-то тут такое... хошь плачь, хошь радуйся. Броня у меня была. В сорок первом, как немца на Западной Лице остановили, так меня и демобилизовали. Говорили, что рыба нужнее! А теперь – вот, – он развернул какую-то бумажонку, – видите, опять берут в армию... Ревет моя баба. Старуха – та молчит. А женка – ревет...

– Сейчас всех берут, – ответила Ирина, вздохнув. – У меня мужа тоже вот недавно мобилизовали. Плачь не плачь – а надо. Время сейчас такое – тяжелое очень...

Скоро она сидела за столом рядом с рыбацким председателем, и они дружно беседовали.

– Я уже слышал, – говорил Левашев, – вас шхуна интересуется, что в Чайкиной бухте на обсушке стоит... Зачем она вам?

– Угу, – отвечала Рябинина, дую на ложку. – Она – что, вашему колхозу принадлежит?

– Да бес ее знает, кому она принадлежит!

– Почему так?

В разговор неожиданно вступила жена Левашева:

– Только потому и считается за нами эта шхуна, что была выкинута на берег недалеко от нашего колхоза. А так – какой с нее толк? Промышлять на ней не пойдешь, больно хитра, никто и капитанствовать не возьмется. Вот и стоит без дела!..

– Так, значит, не нужна вам эта шхуна?

– Может, после войны и понадобится, – ответил Левашев. – Леса-то нету кругом – на доски переведем...

– Ну, ладно...

Ирина Павловна, машинально оглядев стены избы, завешанные плакатами, остановила свой взгляд на большой диаграмме выполнения плана и вдруг всплеснула руками совсем по-женски:

– Боже ты мой, ну и кривуля же у вас! Это почему же так? Шли, шли – и вдруг сорвались!

Жирная красная черта диаграммы напоминала дугу, которая ровно шла на подъем, переваливая за сто восемьдесят процентов плана, а потом скатилась на девяносто и несколько месяцев подряд дрожала, делая незначительные скачки вверх, точно не могла преодолеть начального падения.

– Девяносто процентов! Так в войну работать нельзя, товарищ председатель.

Левашев покраснел, словно мальчик, который раньше получал одни пятерки и вдруг принес домой позорную двойку.

– Да. Уж так, товарищ Рябинина, случилось. Висит эта кривая на стене, точно хребет переломанный, и не выпрямляется.

– В чем же дело?

И Левашев объяснил: в начале войны зашел в бухту «страшенный» косяк сельди, пожрал все, что было, а выхода найти не мог и сдох, лежит на дне, гниет: с тех пор и другая рыба в бухту не заходит...

– Пробовали в открытое море выходить, – рассказывал Левашев, – нас обстреляли... Так это не все, товарищ Рябинина. Появились в бухте морские ежи, жрут падаль и сами тут жедохнут. На несколько лет вода отравлена.

Ирина встала, натянула на голову платок:

– Чего же вы раньше не сообщали мне об этом? Надо выйти на середину бухты, закинуть сеть, а там посмотрим...

Они прошли на берег, сообщая столкнули на воду тяжелый баркас. Левашев с готовностью поплевал на свои мозоли, но Рябинина велела ему садиться за рулевое весло.

– Я хочу немного размяться, – сказала женщина. – Черт знает какая жизнь! Половину дня сидишь, как чиновница, за столом. Перекуриваешься на разных дурацких совещаниях...

Левашев смотрел, как умело, по-матросски сноровисто гребла Рябинина – весла отлетали назад в полный мах, она не страшилась ложиться плечом на планширь, брызги, вылетающие из-за борта, ее не пугали – она даже не жмурилась от них. Скинула пальто – дышала полной грудью.

– Я так думаю, – говорил Левашев мечтательно, – что, коли нашего брата вовсю берут, значит – наступление скоро. И не где-нибудь, а здесь вот, у нас.

– Может быть, – согласилась Рябинина. – Мне муж рассказывал, что здесь наступать будет очень трудно. Немцы забились под землю – у них даже машины под землей разъезжают. Туннели разные, подвесные дороги. Весь берег испоганили! А вы, Левашев, офицер?

– Что вы, какой из меня офицер! Я – простой солдат...

На середине бухты забросили сеть и вытащили на борт шевелящуюся кучу морских животных. Ирина Павловна ловко разобралась в этой живой груде руками, особенно внимательно рассматривая ежей, напоминавших большие ананасы, сплошь усеянные длинными коническими шипами. У некоторых иглы были прижаты к телу – эти ежи были уже мертвы, и когда Рябинина смотрела на них, лицо у нее озабоченно хмурилось.

Ежи шевелили шипами, ползали по днищу баркаса. Она заглянула в сеть – там лежала рыба с легкими следами гниения. Сеть была затянута липким налетом икры: каждая икринка – новый еж...

Ирина Павловна сполоснула за бортом руки, сказала:

– Теперь гребите к берегу... Ну, что я вам могу сказать! По-моему, положение спасти еще не поздно. Бухту очистим, а что касается шхуны – мы ее заберем от вас: она нужна нам...

Вечером она уже возвращалась в Мурманск, увозя с собой толстую тетрадь в полуистлевшем кожаном переплете. Это был «Вахтенный журнал бытности», найденный когда-то Левашевым на шхуне.

* * *

Через несколько дней Ирина Павловна была в кабинете главного капитана флотилии.

Напротив нее в кресле сидел Дементьев, затянутый в китель, прямой и спокойный.

– Слушаю вас, Ирина Павловна...

– Сначала я хочу поговорить по поводу низкого уровня улова рыбы в колхозе «Северная заря».

– Мне это известно, – улыбнулся Дементьев. – К сожалению, ничем не можем помочь. Придется ждать, пока весь этот завал сельди сгниет, тогда в бухте снова начнется жизнь.

– Но, Генрих Богданович, вам придется ждать несколько лет.

– Почему?

– Да потому, что недаром наше море зовут Студеным: гниение в холодной воде происходит очень и очень медленно.

– Это, пожалуй, так, – согласился главный капитан. – Но мне уже докладывали, что в бухте появились морские ежи. Они съедят дохлую сельдь и, словно добросовестные санитары, очистят бухту. Как видите, Ирина Павловна, все обстоит очень просто: природа строит препятствия и сама же их уничтожает.

– Генрих Богданович, – сказала Ирина, – в этом вопросе вы заблуждаетесь. Морские ежи очень быстро размножаются, я бы сказала, быстрее, чем кролики, раз в десять. Я обратила внимание на их разновидность: преобладают ежи вида *Cidaris* и *Echinus melo*. Они плодятся особенно интенсивно. Тем более что размножению ежей ничто не препятствует. Наоборот, они обеспечены пищей – ведь завал сельди очень большой.

– Но не такой уж большой, Ирина Павловна, чтобы они кормились им несколько лет.

– Хорошо, допустим, что ежи уничтожили весь завал сельди. Как вы думаете, Генрих Богданович, что же будет дальше, когда миллионы прожорливых ежей останутся без пищи?

Дементьев растерялся:

– Ну что... будут питаться червями и этими... Ну, как их?.. Песчинками. Ведь они даже камни сверлят!

– Нет, Генрих Богданович, после нескольких лет такого роскошного питания ежи не станут жрать песчинки.

– Тогда, выходит, ежи умрут?

– Вот именно! И миллионы их лягут на дно бухты, образовав новый завал, и будут гнить тоже несколько лет, потом появятся новые ежи, пожрут этот завал, сами подохнут, потом еще и еще...

Дементьев развел руками:

– Что же вы можете предложить?

– Вмешаться в природу самым что ни на есть грубым образом. Когда при гангрене уже ничто не помогает, тогда требуется вмешательство ножа хирурга.

– То есть?

– Провести в бухте дноуглубительные работы, – ответила Ирина Павловна. – Для этого нужна землечерпалка, которая выгребла бы со дна гниющую рыбу, точно так же, как

выгребла бы лишний слой грунта. Мне кажется, это единственный выход. Подумайте над этим...

Главный капитан флотилии записал в календарь предложение Рябининой о землечерпалке, пристально посмотрел на женщину.

– Ирина Павловна, – тихо сказал он, – что с вами?.. Вот вы говорили, смеялись, а я все время чувствовал, что у вас какое-то горе. Не таите. Может, смогу помочь советом или еще чем-нибудь.

Она долго крепилась, но сейчас терпение иссякло. Достаточно было одного теплого слова, чтобы сразу все подступило к горлу.

– Да, Генрих Богданович... вы угадали... Я хотела вам сказать...

Глотая слезы, она почти выкрикнула:

– Сережка у меня ушел! Война ведь! Что с ним?

И, уже не стесняясь, заплакала:

– Сереженька, мальчик мой...

Большая жизнь

В трудное военное время, как неизбежное наследие обнищания и разрухи, всегда процветают барахолки. Была такая барахолка и в Мурманске – она оккупировала неподалеку от центра города лысую вершину сопки. На первый взгляд, здесь можно было купить все, начиная от мундира императора Франца-Иосифа и кончая иголкой для чистки примуса. Торговцы же семечками и прочей съедобной и несъедобной дрянью по негласным законам считались людьми низшего сорта и были согнаны с вершины сопки к самому ее подножию. Но и здесь они не сдавали своих позиций, их жизнеутверждающие голоса дерзко звучали в морозном воздухе:

– А вот – семя, а вот жареное!..

– Кому – селедку, эх, и хороша же под водку!..

– Не проходите мимо – кофе «Прима»...

– Меняю хлеб на табак...

Но однажды среди этих голосов, возвещавших о настойчивых требованиях желудка, послышался старческий голос, который, казалось бы, должен прозвучать лишь на вершине сопки:

– Дамские босоножки... Кому нужны босоножки?

Этот голос принадлежал отставному боцману с рыболовного траулера «Аскольд» – Антону Захаровичу Мацуте. Босоножки, сработанные кустарным способом из пятнистых, как у тигра, шкур рыбы-зубатки, были выделаны прочно и красиво. Просил за них боцман недорого, и одна из бабок сказала ему:

– Шел бы ты наверх, родимый. Там больше дадут!

– Не могу, – ответил боцман, – у меня сердце плохое... высоко подниматься.

Он здесь же их продал, здесь же купил на вырученные деньги две банки тушенки, сахару и бутылку подсолнечного масла. А через три дня опять появился с новой парой босоножек. Тут его случайно встретил Алексей Найденов:

– Сам сделал, боцман?

– Сам. Только ты отойди, Алешка.

– Чего это ты на меня?

– Отойди, говорю. Я человек обиженный.

– Да разве я обидел тебя?

– Вы все меня обидели. Отойди...

Антон Захарович шмыгнул носом и отвел глаза в сторону:

– Не хочу я вас никого видеть. Вы от меня, старика, отказались. Ну, и что получилось?.. Ты думаешь, я ничего не вижу? Я все, брат, вижу...

– Да чего ты видишь-то, Антон Захарович?

– Сопли ваши вижу, – обозлился боцман. – Вот каждый раз, как посмотрю на тот берег, где вы стоите, и каждый раз ваши сопли вижу... Нет теперь в «Аскольде» внешности. Общего

вида нет. Все равно что в бабе. И нарядна она, и платье хорошее, и серьги в ушах, и губы намалеваны, а вот нету в ней изюминки – нету, и все тут, хоть ты тресни!

– Я это Хмырову передам, – покорно согласился Найденков. – Он теперь за тебя крутится. Только не злись ты, старый хрен. Мы-то при чем здесь?..

Подождал покупатель, ткнул в туфли пальцем:

– Сколько?

– Пятьсот, – бесстрастно ответил боцман.

– Я первый подошел, – сказал Найденков, пытаясь набавить цену, чтобы помочь старику. – Я целый «кусочек» кладу – тысячу!

Антон Захарович треснул матроса туфлей по голове и продал босоножки за пятьсот. Он ни разу еще не набавил и ни разу не сбавил цену. В этот день, сложив покупки в кошелек, он пришел домой и узнал, что у них гости...

* * *

– Ну и ничего страшного, – говорила Варенька, закрывая свою походную аптечку. – Просто у вас большая слабость. Это после блокады, после голода, после всего, что вам пришлось пережить. Но здесь такой здоровый океанский воздух, такие целительные полярные морозы; нормальное питание, новые люди – это все вас быстро поправит. Даю вам слово, вы еще будете работать, бегать и улыбаться гораздо чаще, чем сейчас. Ведь вы еще молоды, вам, наверное, всего лет тридцать!

Жена Никонова улыбнулась, дотронувшись до прохладной руки девушки.

– Мне всего двадцать семь, – сказала она. – Но дело не в этом. Я хочу сказать, доктор, большое спасибо, спасибо вам, всему «Аскольду» спасибо. Я очень рада, что о моем муже на корабле осталась хорошая память и меня не забывают аскольдовцы. И... спасибо вам, доктор!

– Не надо меня так величать. Зовите просто Варей. Меня все так зовут... А вас?

– Мое имя странное, – ответила жена Никонова. – Меня зовут Аглая...

Варенька скоро распрощалась, и Антон Захарович прошел в комнату к Аглае: женщина вот уже несколько дней, потрясенная и больная, не вставала с дивана.

– Это кто же такая будет? – полюбопытствовал боцман.

– Доктор. Аскольдовский доктор.

– Баба, значит, – хмуро заключил Мацута. – Теперь у них без моего глаза все по-новому. Может, не меня, так мою старуху в кочегары возьмут? Им только предложи – они примут...

Он тяжело вздохнул. Неприхотливые герани на окне тянулись бледными цветами ближе к промерзлым стеклам – жаждали света, тепла, солнца.

– А ты, – вдруг спросил боцман женщину, – женщина самостоятельная?

– Да, вроде так, – улыбнулась одними глазами Аглая – они у нее были синие-синие и на строгом бледном лице казались особенно прекрасными.

– Будешь теперь мужа ждать или своим путем пойдешь?

Женщина, помолчав, тихо ответила:

– У меня теперь один только путь: свой путь, но к нему. Только – к нему!

– Это хорошо, – согласился Антон Захарович и опять спросил: – Ты в работе-то чем берешь больше: головой или руками?

– Училась на зоотехника, – сказала Аглая. – Работа эта такая – когда как придется. Могут и руками... Не привыкать!

Он похлопал ее по худенькому плечу:

– Тебе встать надо. Доктора по частям все знают: где башка, где пуп, где кровь, где мозги. А всего человека им охватить трудно. Человек начинает иметь значение, когда он не лежит, а встанет. Я бы в больницах тоже лежать не давал. Ни к чему все это!.. Да ты не смейся над стариком, я правду говорю. Лежишь – у тебя одна забота: как бы лечь поудобнее. А ведь удобнее, чем в гробу, все равно никогда не ляжешь. Коли же ты встал, тогда и пойти

хочется. А коли пошел – значит, надо уже не просто идти, а по делам идти. Так-то человек и выправляется!..

– Я встану, – пообещала Аглая. – Уже скоро. Встану...

Дверь открылась – вошла дочь Аглаи, держа в руках, словно куклу, большие песочные часы – единственную игрушку, которую ей могли предложить в этом бездетном доме.

– Вот, – показал на девочку боцман. – Спроси у нее: она с целью пришла... Скажи, озорница, ты зачем сюда явилась?

Женечка молча показала на остаток песка, который скопился в верхней склянке и быстро доструивался в нижнюю.

– Я уже восемь раз их перевернула, – сказала девочка. – Сейчас песочек весь кончится, и мы пойдем обедать.

– А я что говорил! – подхватил боцман. – Великая цель у человека, когда он не лежит, а ходит.

Здесь надобно признать, что старому боцману хватало бодрости только для разговора с Аглаей: он понимал, что раскисать перед ней со всеми своими бедами и обидами он просто не имел морального права. А так, если не мастерил из рыбьей шкуры босоножки, то целый день слонялся Антон Захарович по дому, как сонная осенняя муха.

Оторванный от моря, он сделался угрюмым, неразговорчивым, вспыльчивым. Тетя Поля часто заставляла его сидющим возле окна; подперев кулаками подбородок, муж часами смотрел на залив. И хотя зрение было слабое, Антон Захарович даже без очков всегда угадывал на «Аскольде» движение: там шла с утра до ночи подготовка к первому боевому походу, и все это уже без него, без участия его работающих рук.

В большой жизни боцмана поселилась большая обида. И не только на еду тратились деньги, вырученные от продажи босоножек, – теперь не было уже дня, чтобы не приносил Мацута в кармане «маленькой». То ли от возраста, то ли еще отчего, но хмельть он стал очень быстро. Во хмелю же становился противным брюзгой-старикашкой. Скоро и одной стопки ему вполне хватало, чтобы он уже затягивал хриплым, надтреснутым голосом старую песню балтийцев:

Их было три: один, другой и третий,
И шли они в кильватер без огней.
Лишь волком выл в снастях разгульный ветер,
Да ночь была из всех ночей темней...

Песня старая-старая и размеренная, как плеск осенней Балтики девятнадцатого года. Только как изменился с тех пор минный унтер-офицер Антошка Мацута – председатель судового революционного комитета эсминца «Гавриил»! В ту осень, выполняя приказ Реввоенсовета, уходили в штормовую мгlistую ночь миноносцы «Гавриил», «Константин», «Свобода». И brave балтиец Мацута пил в кубрике кипяток, закусывая черствой горбушкой. Облизывали палубу волны. Обхватывая крепкие шеи матросов, вихрились ленты бескозырок, – уходили в море миноносцы.

Взгляни наверх: ты видишь этот клотик,
Его в ту ночь не видел я, браток.
И по привычке было сердцу ёкать,
И, как всегда, варился кипяток...

Но каждый раз, когда доходил боцман до того места, где говорилось о гибели «Гавриила», он замолкал, обрывая песню на середине. В памяти сохранились только взрыв да ветер – страшный ветер балтийской осени... Восемь часов плыл тогда Мацута в ледяной воде. И когда выбрался на берег, то погрозил на запад посиневшим кулаком: «Я вам за революцию, за корешков погибших башку оторву, сволочи!..»

– Эх, да что там вспоминать! – часто говорил себе Антон Захарович. – Давай-ка лучше спать, старуха, спать. Ты ложись сегодня к стенке...

Молодости не повторишь. Остались от прежнего только старая бескозырка с надписью «Гавриил», волнующие воспоминания да еще как живое свидетельство о боевом прошлом –

отставной боцман с «Рюрика» Степан Хлебосолов. Но и с ним Антон Захарович тут как-то недавно поругался. Из-за чего поругался – шут его знает! – из-за пустяка какого-то.

– Эх, жизнь моя, жизнь! – вздыхает Антон Захарович, и рядом с ним толстая суровая жена вздыхает тоже.

Вздыхают старики – не спится им обоим...

* * *

Случайная мечта – уехать по яблоки – еще оставалась у него в резерве, и однажды он обозлился на жену:

– Помнишь, пришли мы из рейса, а ты каркать мне стала: на бережок да на бережок... Не хочу я на бережку сидеть – поедem по яблоки!

Тетя Поля молча убирала со стола посуду. Последнее время она позволяла говорить мужу что угодно, а сама старалась отмалчиваться, не перечила ни в чем, не утешала, не сетовала и даже как будто присмирела.

– Обидели меня здесь, – снова заскулил Антон Захарович. – Не нужен стал...

И вдруг случилось то, чего боцман никак не ожидал. Жена прекратила убирать посуду и, шлепнув по столу кухонной тряпкой, строго прикрикнула:

– А ты не скули!

Мацута испугался. Его родная Поленька снова стала той безжалостной на слова теткой Полей, которой побаивались в порту даже капитаны. Антон Захарович, получивший за последнее время в доме какую-то власть, опять почувствовал себя слабым, робким, целиком зависящим от жены.

– Да я что же, Поленька. Я тут ни при чем... Может, и правда – уехать нам с тобой по яблоки?

– Трепло ты старое! – набросилась на него жена. – Язык-то у тебя, что швабра, которой гальюны драют. Молчал бы уж, коли сам виноват... Другие-то – эвон как! – горло за себя перегрызут. А тебе что ни скажи – все ладно. Люди как люди, только ты у меня – черт драповый! Борода выросла, а ума и с накопыльник не вынесла... А ну, выметайся отсюда, не мешай со стола убирать!

– Я не виноват, Поленька. Что же делать?

– А вот что: вставай и одевайся.

– Куда? – испугался боцман. – Что ты задумала, старая?

– Забирай свои бумаги, грамоты, характеристики – все забирай и пойдешь к самому что ни на есть старшему морскому начальнику.

– Да ты что, с ума рехнулась? – набрался храбрости боцман. – Ни с того ни с сего мне идти к контр-адмиралу. Ведь это по его приказу меня отчислили, а я опять приду к нему навязываться...

– Ты ему не навязываешься, ты воевать идешь!

Собравшись с духом, Антон Захарович отрезал:

– Не пойду! Не могу, хоть убей.

– Ах вот как! Ну, ладно...

Это было сказано таким тоном, что боцман растерялся:

– Поленька, я схожу, только из этого ничего не получится. Ведь приказ...

– Конечно, – заявила жена, – если будешь там дрожать как осиновый лист, ничего не получится. Ты требуй! Да не вздумай выпить для храбрости, я тебя тогда...

– Что ты, Поленька, у меня и денег-то нету. Все тебе до копейки отдал.

– У тебя и нету, да ты найдешь. На что доброе – так у вас, мужиков, никогда не хватает, а бельма-то свои залить – вы это всегда сумеете.

– Ладно, ладно, Поленька, я схожу!..

Боцман был рад, что весь этот разговор закончился хоть так, а не иначе, и он ушел... Однако в этот вечер он совсем не вернулся домой. Не вернулся он и на следующий день. В доме появилось гнетущее, затаенное беспокойство. Наконец прошло трое суток – Антон Захарович не возвращался. Куда он ушел, к кому обратиться – Полина Ивановна не знала. «Куда же он делся, проклятый? – думала она. – Может, и впрямь уехал по яблоки?..»

– Тетя Поля, – беспокоилась Аглая, – уж не случилось ли чего с ним? Может, в милицию заявить?

– Ну да, с ним случится! – отмахивалась боцманша. – У какой-нибудь бабы застрял. Что я их, мужиков-то, не знаю, что ли?

Говорила так, хотя твердо знала, что ее мужу никогда в жизни не приходилось «застрять у бабы». И вот, уже на четвертый день, Женечка вбежала в кухню и крикнула:

– Идет, дядя Мацута идет... Поливановна, я в окно видела – твой дядя Мацута идет!

– Слава богу, – перекрестилась тетя Поля. – Вот я сейчас его встречу, шаромыжника...

Она взяла полотенце и, свернув его крепким жгутом, вышла на лестницу. Снизу уже доносилось характерное стариковское покашливание, знакомые шаркающие шаги. «Сейчас я его, – заранее предвкушала удовольствие мести Полина Ивановна, готовясь хлестнуть побольнее. – Он у меня сразу забудет, как это домой ночевать не ходить...»

В пролете лестницы показались офицерская фуражка и золотые полосы погон на плечах. «Кхе-кхе», – кашлянуло под новенькой фуражкой, и Полина Ивановна предусмотрительно отпустила жгут, сделав его послабее. «В каких же это он чинах, проклятый? – думала она. – Не дай-то бог ударить по адмиралу!..»

Антон Захарович остановился внизу, по лицу своей жены обо всем догадался и пристыдил ее:

– Нехорошо, мать моя, встречаешь. Идет, понимаешь ли, мичман советского флота, а ты... Ну-ка, покажи, что ты там за спиной у себя прячешь?

– Иди, иди уж сюда, старый, покажись мне в новом-то! – сказала Полина Ивановна, небрежно тряхнув полотенцем. – И ничего я за спиной не прячу. Просто вот посуду перетирала, да и вышла тебя встретить...

Последняя спичка

Ветер с ревом прошелся над крышей кордона, забился в трубу и выбросил из печурки на пол золу и раскаленные угли. Пауль Нищец, кашляя от дыма, вымел угли за порог, сказал:

– Слушай, Карл, я знаю точно: у нас еще должен был оставаться яичный порошок. Где он?

– Что ты пристаешь, Пауль? Мы его уже давно прикончили...

Ефрейтор передернул обвислым носом.

– Врешь! – крикнул он. – Наверное, опять слопал без меня. Стоило тебе учиться в университете, чтобы потом воровать у своих же товарищей. Ты плохой солдат!

Карл Херзинг вяло зевнул в ответ:

– Ну что ты кричишь, Пауль? Я говорю – не брал. Лучше сходил бы открыл шлагбаум. Опять идут машины.

Ефрейтор вышел, сердито хлопнув дверью.

Контрольно-проверочный пункт центрального шоссе, ведущего к фронту, находился на развилке двух дорог: одна из них вела на Киркенес, другая – в глубь Норвегии, к Нарвику. По шоссе день и ночь двигались машины: туда – наполненные снарядами и провизией, обратно – забитые ранеными и обмороженными.

Промычали клаксоны, что-то крикнули шоферы, и машины, взвывая моторами, ушли дальше.

Ефрейтор Нищец вернулся, весь залепленный снегом.

– Ну и погода! Запиши, Карл: три машины из Каутокайно прошли мимо кордона на Петсамо. Номер пропуска 14–78! Проклятая служба!

Ефрейтор сел, вытянул ноги. Прицелился на кирпич печи с отметинкой. Плюнул. Попал.

– Шоферы говорят, Карл, что в нашем районе должен скрываться какой-то красный. Как ты думаешь, он не постучится к нам ночью?

Карл прислушался к вою ветра над крышей, зябко поежился:

– Прежде чем он успеет попасть к нам, он замерзнет в тундре, этот красный. Сейчас не только люди, даже звери спят в норах...

Хлестала в окно метель. Трещали в печи дрова. Звенели стекла. Едва слышно доносился шум морского прибоя.

Ефрейтор сказал:

– Карл, хоть ты и плохой немец, но ты умный немец. Скажи, как случилось, что мы, которые открыли парад в Афинах, прошли баварские и австрийские Альпы, одним парашютным броском захватили Крит, мы, которых фюрер назвал «героями Крита и Нарвика», теперь сидим в этой дыре и – ни вперед, ни назад... Что случилось с нами?

Карл встал. Тусклый свет вырвал из сумерек его лицо, обрюзгшее от сна и безделья. Постепенно лицо оживало, глаза егеря заблестели.

– Возьми свою каску, ефрейтор, – глухо сказал он. – Посмотри! К ней прикреплен эдельвейс – любимый цветок моего фюрера. Да, фюрер назвал нас «героями Крита и Нарвика», нас, горных егерей генерала Дитма. Мы прошли всю Европу, но не по низинам, а по горным кручам, где росли любимые цветы фюрера. Пусть я плохой немец, но ты – трусливый немец!.. Генерал Дитм ясно сказал в своем приказе: «Именно здесь, в Заполярье, мы должны доказать русским, что немецкая армия существует и держит фронт, который для красных недостижим...»

– Ты, Карл, даже после Сталинграда веришь в это?

– Я верю в гений фюрера... Это он меня, очкастого студента Лейпцигского университета, бросил в болотные солдаты. Я тогда еще ничего не понимал, кроме римского права. Я роптал на судьбу, я хотел есть, я кашлял по ночам в сырых бараках. Но это было еще только начало. Потом фюрер снял с меня очки и дал мне винтовку. Вместо Цицерона, Светония и Тацита я стал читать Ницше, Фихте и «Майн кампф» Гитлера. И я понял: да, у немецкой нации есть миссия. Фюрер был прав!.. А когда я с тобой, Пауль, пил вино уже в Афинах, ел критский виноград и жрал дармовые анчоусы в Осло, я окончательно убедился, что ради этого стоило осушать болота, голодать и мерзнуть!..

– Ты только тогда и оживаешь, Карл, когда говоришь об этом или о женщинах. Да... – Ефрейтор улыбнулся, предаваясь воспоминаниям. – А вино в Греции нехорошее, словно деготь. Во Франции вина лучше.

Карл Херзинг неожиданно расхохотался.

– Ты чего?

– Никогда не забуду, как лягнул тебя мул, когда нас послали ликвидировать конюшни греческого короля.

– А-а, вот что ты вспомнил!.. А ты не забыл, Карл, долговязого Курта из третьего батальона?

– Кстати, где он сейчас, этот долговязый Курт?

– Погиб под Мурманском. В самом начале.

– Хороший был парень. Сорвиголова! А ты помнишь, Пауль, фельдфебеля Мидтанка?

– Как же! Помню. Он, кажется, погиб на Рыбачьем, во время штурма хребта Муста-Тунтури. Они с ефрейтором Лосцем прижали к скале одного красного, и он всадил штык в брюхо Мидтанку так глубоко, что потом...

– Варвары! – перебил его Карл. – Ну и что они сделали с этим русским?

– Ничего. Он подпустил к себе наших тирольцев поближе и, схватив их, как котят, за шиворот, прыгнул в ущелье на камни...

– Еще раз варвары! Человек культурной нации, как мы, никогда бы так не поступил. На это способны только дикари... Ну, ладно, Пауль, хватит. Кому-то из нас надо идти в город за продуктами. Я идти не могу: колот дрова и ушиб ногу.

– Как тебе не стыдно, Карл! Я ходил уже несколько раз. Притом ты же знаешь, у меня в такую погоду болят раны.

– Раны? Они есть у меня тоже.

– У тебя их меньше.

– Зато у тебя нет тяжелых.

– Ну, Карл. Сходи, а за это я буду держать ночь за тебя. Сходи, Карл!..

– Ну, ладно, черт с тобой! Давай метать жребий: кому достанется длинная спичка, тот пойдет в город. Только ты, Пауль, не подсматривай...

Карл отвернулся. Сделал вид, что обломал одну спичку, потом зажал в пальцах обе спички и протянул ефрейтору две серные головки – какую из них Пауль Нишец ни вынь, все равно ехать придется ему...

– Сплошное свинство! – разозлился ефрейтор и, сломав в пальцах проклятую спичку, стал собираться в дорогу.

Через полчаса обманутый Пауль Нишец сел на попутную машину и отправился в город. Карл прислушался и, когда гул мотора заглох вдали, достал из потайного места банку с яичным порошком.

– Хоть ты и ефрейтор, а все равно дурак, – сказал егерь, разводя огонь в очаге, чтобы жарить яичницу.

Поставив на медленное пламя сковородку, Карл лег на койку и, подогнув колени, разложил перед собой тетрадь. Погрыз карандаш, посмотрел в потолок и осторожно вывел первую фразу письма к невесте в далекий городок Грайфсвальде:

«Моя незабвенная Лотта!

Ты пишешь, что за тобой стал ухаживать Густав Зисс, что раньше служил кондитером в булочной на углу Ульрихштрассе. Передай ему, пожалуйста, что если он потерял одну ногу под Сталинградом, то вторую потеряет в Берлине, когда я со своими боевыми товарищами вернусь на родину после победы. Я понимаю, Лотта, что тебе приходится тяжело...»

Легким сквознячком подуло в спину. Карл обернулся и вскрикнул. В раскрытой двери стоял заснеженный бородатый человек.

Рука Карла, судорожно царапая стену, потянулась к шмайсеру, но пришелец мягко, как кошка, прыгнул с порога и положил на горло егеря свою жесткую страшную ладонь.

И, задыхаясь, Карл вспомнил не Лотту, не парад в Афинах, не кабаки Франции, не хребет Муста-Тунтури, а всего лишь две несломанные спички, из которых одну вытащил Пауль...

* * *

Никонов открыл шлагбаум, чтобы немецкие грузовики проходили, не останавливаясь возле кордона, и подождал, пока яичница зарумянится с обеих сторон. Мертвый фашист, валявшийся под столом, не мог испортить ему аппетита. Потом, перекинув через плечо трофейный шмайсер, Никонов рассовал по карманам автоматные диски. Сахар, банки консервов, плитки шоколада – все, что нашлось на полках кордона, он тоже забрал с собою.

Еще раз оглядев на прощание разгромленное в яростной схватке жилище, Никонов долгим взглядом посмотрел в лицо мертвому врагу, словно стараясь запомнить его навеки, и, тяжело ступая по скрипучим половицам, вышел.

Ветер, перемешанный с колючим снегом, сразу бросился на него, и скоро фигура человека пропала в метельных вихрях.

Теперь у него было оружие, и он уже не был одинок в безбрежных тундрах Лапландии!

Глава третья

Неспокойные ночи

Вечером раздались сразу две дудки. Одна – стыдливая: «Начать осмотр на вшивость». Другая – почти праздничная: «Команде получить сахарный паек». Осмотр на вшивость – военная необходимость. Вошь на корабль мог забросить только враг. Как известно, вшей на флоте не бывает. Но таков уж закон: раз в неделю выверни наружу свою тельняшку, посмотри – не завелось ли чего? Есть особый журнал на корабле – «Журнал ЧП», в который заносятся все чрезвычайные происшествия: отравления пищей, драка, эпидемия, самоубийство, пожар и – вошь. Если обнаружена хоть одна вошь, об этом событии докладывают непосредственно в штаб флота, и на корабль уже начинают смотреть, как на

зачумленный. Такова сила многовековой традиции русского флота – самого чистоплотного флота в мире!

Совсем другое дело – получать сахар. Это занятие веселое. Некурящие вместо табаку имеют право еще и на плитку шоколада. А сахарный песок ссыпают прямо в бескозырки – так его легче всего донести до кубрика. Матросы постарше уже успели сшить мешочки и осуждают беспечную молодежь. А тут еще с рейда по семафору передали приказ, чтобы «Аскольд» перетянулся вдоль причала поближе к берегу, – требовалось освободить место для стоянки одного танкера. Сыграли аврал, надо бежать на палубу, а у тебя в бескозырке сахар. Второпях матросы ссыпали песок кучками на рундуках и сразу попали под «фитиль» Пеклеванного, который с часами в руках наблюдал за авральной командой.

– Разлакомились! – ругался он. – Что вам дороже – сахар или сигнал к авралу? Пулей надо бежать... пулей!

Рябинин тоже вышел на полубак. Перетягиваться решили с помощью лебедки. Один шлаг троса лег на барабан неровно, командир решил его поправить, но палец случайно попал под трос, и его ободрало так, что даже сорвало мясо вместе с ногтем, палубу забрызгало кровью.

– Сам виноват, старый дурак, – сказал Рябинин и велел Китежевой прийти к нему в каюту с бинтом. – А я уже ранен, – пошутил он, протягивая девушке окровавленную руку. – И, кажется, весьма тяжело... Лечите!

Пока она бинтовала ему палец, он здоровой рукой нащупал что-то в кармане и протянул девушке конфету.

– Кладите на зубок, – сказал он. – Это вам вместо гонорара. Вы все-таки женщина и лучше меня разбираетесь в сладостях.

Они разговорились. Варенька за эти дни уже успела полюбить этого большого доброго человека и даже не обижалась, когда он ругал ее за мелкие женские прегрешения – опоздания, излишнюю суетливость и прочее.

– Кстати, о сладком, – напомнила ему девушка. – Только для вас. Почти на ушко... Можно?

– Можно. Распечатывайтесь.

– Наши матросы, кажется, что-то задумали. Сегодня они получили сахарный паек...

– Ну!

– И каждый отделил от своего пайка граммов по двести в общий мешок...

– Ну!

– И мешок этот куда-то спрятал мой санитар Мордвинов...

– Ну!

– Вот вам и «ну». Может, они решили отвальную справить. Сахар загонят, а вместо него водки купят... Мордвинов у меня вчера еще громадную бутылку выпросил.

В дверь осторожно постучали. Вошел Мордвинов:

– Товарищ командир, разрешите на берег уволиться?

Прохор Николаевич, ни слова не говоря, выписал матросу увольнительный билет. Потом как бы нечаянно спросил:

– Не тяжело тебе будет одному?

– То есть... как это? – сразу покраснел Мордвинов, тараща на Рябинина глаза.

– Мешок-то, говорю, не тяжело тебе одному тащить? Да и бутылку разбить можешь. А в бутылке-то, брат, я знаю, что ты потащишь...

Мордвинов понял: здесь уже все знают – таить нечего.

– Товарищ командир, – сказал он, – это все не так, как вы думаете. Сахар мы собрали – это верно. А бутылку мне под рыбий жир понадобилась. У меня еще литров пять его с прошлого рейса осталось. И все это мы решили жене Кости Никонова оттащить. Бабе-то ведь помочь надобно!

Он посмотрел в упор на Китежеву:

– И совсем зря вы так обо мне подумали. Я выпить и сам не дурак, до войны все «американки» в Мурманске спиной обтер. А сейчас я, коли время такое строгое, ни в одном глазу, ни мур-мур!

– Иди, иди, парень, – сказал ему Рябинин. – Я тебе и так верю...

* * *

Об этом на корабле мало кто знал, кроме матросов. И вот отбили полуночные склянки. Из числа отпущенных на берег не явился к сроку на борт корабля только один.

– Кто? – спросил Пеклеванный.

– Мордвинов, – неловко козырнул в ответ боцман Мацута.

Лейтенант прошел к себе в каюту, рассказал об этом замполиту, и Самаров в ответ махнул рукой:

– Вот шпана!.. Какой уж это раз с ним. До войны, бывало, даже последний пиджак с себя пропьет. Однажды я сам его, паршивца, за шкурку из ресторана выволок!..

– Может, у него в городе родные? – полюбопытствовал Артем.

– Да нет. Он из беспризорных. Его Прохор Николаевич перед войной из детдома взял... Ничего, вернется!

– На гауптвахту! – коротко заключил Пеклеванный. – Я не посмотрю, что он у меня лучший дальномерщик. Пусть только дыхнет водкой, как завтра же ему башку острижем, и пусть посидит под арестом.

– А вдруг – в море? – спросил Самаров.

– На время похода освободим... И впредь я буду наказывать за пьянство строго. Здесь не пивная, а патрульный корабль. Мы, слава богу, плаваем под военным флагом!

Олег Владимирович вдруг тихонько рассмеялся в ладошку.

– И ничего смешного, – внезапно обозлился Пеклеванный. – Я удивляюсь, как можете вы смеяться, если один из вашей паствы бродит где-то по улицам пьяным, когда ему давно пора быть на корабле... Машинка у нас есть?

– Есть.

– Кто из команды умеет стричь?

– Кажется, боцман Мацута.

– Вот и отлично. Завтра же острижем его, и пусть-ка суток пятнадцать поваляется на голых нарах, если не желает спать на своей корабельной койке...

Был уже первый час ночи, когда Самаров ни с того ни с сего вдруг решил затеять стирку грязных носков.

– Все равно, – сказал он, – когда-нибудь да надо... А стираю я их, подлых, большей частью в плохом настроении!

– И помогает?

– А как же! Вот так пар десять промусолишь под краном, и мысли сразу приобретают плавное диалектическое течение. Чувствуешь, что в жизни самое главное – порядок!

Пеклеванный скинул с себя китель, повесил его на распялку. Шелковая сорочка плотно облегла его широкую загорелую грудь. Он стянул ботинки, подвигал пальцами ног.

– И мне, что ли, попробовать? – сказал он. – Мордвинов, чтоб ему провалиться, мне тоже настроение испортил...

Артем включил вентилятор, и в каюту с тихим шелестом потек холодный, обжигающий сквозняк. Жамкая под рукомойником намыленные носки, Олег Владимирович с умыслом сказал:

– Вам настроение испортить нетрудно. Вы и прибыли-то сюда к нам уже не в духе. Не знаю почему, но это ведь именно так.

– Да, так, – хмуро согласился лейтенант. – Просто мне пришлось разочароваться в своих надеждах. Хотя в мои двадцать пять лет и смешно говорить такое, но – что поделаешь!..

– Миноносцы? – подсказал замполит с ухмылкой.

«А чего тебе объяснять?» – решил Артем и ответил почти грубо:

– Нет, вы ошиблись. Я желал бы служить на речных трамваях...

Тут в каюту вошел рассыльный и очень спокойно доложил, что опоздавший матрос на корабль явился. Пеклеванный накиннул плащ и взял в руки фонарь.

– Где этот забулдыга?

– Какой?

– Мордвинов.

– В умывальнике правого борта.

– Чего он там?

– Умывается, наверное.

– Здорово пьян?

– Не разберешь. Весь в кровище. Дрался, видать...

В низком помещении умывальника, освещенного синим маскировочным светом, было холодно и смрадно от табачного дыма, не успевшего еще выветриться. Мордвинов стоял у крана и, сняв бескозырку, мочил под струей воды лохматую голову.

– Явился наконец?

– Как штык, – ответил Мордвинов, вытирая бескозыркой мокрое лицо – лицо избитое, все в синяках и ссадинах.

– Хорошо, хорошо! – сказал Пеклеванный.

– Бывал и лучше, – скромно ответил Мордвинов.

– Пьян?

– Как угодно.

– Дрался?

– А как же... Конечно, дрался.

– Что еще?

– А разве этого мало?

Пеклеванный вдруг понял, что матрос едва ли пьян и осторожно, но с маленькой издевочкой подшучивает над ним.

– Так я вас спрашиваю: почему вы опоздали на корабль?

– Извините. Не успел обзавестись часами.

Тут лейтенанта взорвало:

– Это и лучше, что не успели. Значит – не пропьете их! Кажется, вы имеете такую склонность – пропивать свои шмутки...

Даже в темноте было видно, как побледнело лицо матроса. Мордвинов вдруг шагнул вперед и, широко раскрыв рот, дыхнул прямо в лицо лейтенанту.

– На, дыши, – сказал он. – Ты такую самогонку не пил еще? Это – здешняя. Ее из табуреток гонят. И на клопах настаивают...

Артем от злости рванул матроса за плечо и, не рассчитав своей бычьей силы, отшвырнул его к железной переборке.

– Пятнадцать суток, – со свистом сказал он. – Со строгой изоляцией. Завтра же отправитесь под конвоем...

И только тут заметил, что из кармана Мордвинова выпал пистолет. Он цепко схватил его с палубы – это был хороший немецкий «вальтер».

– Откуда? – испуганно спросил Артем.

– Ладно. – Мордвинов медленно поднялся на ноги. – Об этом – потом... Осторожнее с пистолетом: одна пуля сидит в стволе. – Он вдруг как-то ослабел и ничком сунулся грудью на край раковины, его рука, вздрагивая, потянулась к вентилю крана, чтобы открыть воду. – Помогите мне, – попросил он лейтенанта Пеклеванного, – товарищ лейтенант, помогите мне...

– Рассыльный! – крикнул Артем, и вдвоем с рассыльным они отвели матроса в лазарет.

– Расскажи, что с тобой! – встревоженно спросила Китежева. – Кто это тебя так?

– Не знаю... Напали на меня. Бандиты какие-то... Я уже на корабль шел. Хорошо, что без мешка был. Говорят, что банда приехала в город – «Черная кошка»... Из власовцев эта банда. Их немцы сюда заслали. Для паники... А как я пистолет успел у них выбить, так даже и не помню...

Пеклеванный, испытывая страшное смущение и стыд, дружески потрепал матроса по плечу:

– Ты извини меня. Я не знал... Не будем ссориться!

– Вы меня тоже извините, товарищ лейтенант. Мне тоже не хотелось бы ссориться с вами. И мы не будем ссориться. Только я больше всего люблю, когда меня уважают...

Выходя из лазарета, Артем почти лицом к лицу столкнулся с Рябиным. Прохор Николаевич выслушал всю эту историю, велел освободить на завтра Мордвинова от всех корабельных работ и занятий, потом сказал:

– Одевайтесь, лейтенант. Кортик прицепить не забудьте. Нас с вами в штаб вызывают. И срочно притом. Наверное, дадут какое-нибудь дело...

* * *

Метель косо стегала в лицо колючим снегом. Со стороны залива налетали на берег крутые порывы ветра. За взлетами снежных зарядов пропадали и тонули во мраке тени барачных и ажурная мачта радиостанции. Обогнав офицеров, медленно прополз в низину гаванского ковша тяжелый вездеход, злобно рывающий выхлопным перегаром, и узкими пучками фар ненадолго осветил разухабистую дорогу.

– Шторм будет, – сказал Пеклеванный. – А?

– Нет. – Рябинин принялся к ветру. – Я так думаю, что поутру стихает погода. Ей силы не набрать...

Пеклеванный закрыл ладонями замерзающие уши и почти согнулся пополам, чтобы пересилить напор ветра.

– Баллов девять уже есть! – прокричал он. – Интересно бы знать, Прохор Николаевич, что для нас приготовили в штабе? Пора бы уж нам и заданьице какое-нибудь получить!

– Дадут. – Рябинин смачно высморкался в сугроб, зажимая пальцем то одну, то другую ноздрю. – Дадут, лейтенант, – убежденно повторил он. – Только бы вот по шее не дали за грехи наши тяжкие. Им-то со стороны, с берега-то, даже борта у нас кажутся не так ровно покрашенными.

В коридоре штаба, длинном и унылом, как дорожная верста, топился ряд печей, выстроенных вдоль стен. Жаркие березовые поленья стреляли веселыми искрами. Часовой услужливо протянул офицерам голик, чтобы они обмели обувь от снега. В комнате дежурного спала на диване пожилая уборщица, накрытая матросской шинелью, а сам дежурный, плешивый мичман в громадных валенках, жаловался телефонистке:

– Я, дочка, всю жизнь толстых женщин любил. Три раза женатым был, и все три жены были тощими... Разве же это – не трагедия для мужчины?

Рябинин с серьезным видом протянул дежурному документы:

– Мы с «Аскольда»... А что касается твоей жизненной трагедии, мичман, то я тебе от души сочувствую: жена – не гусыня, ее в мешке к потолку не повесишь и одними орехами кормить не будешь... Куда нам пройти тут?

Смущенный мичман проводил их до дверей кабинета контр-адмирала Сайманова.

Начальник ОБРА встретил аскольдовцев вопросом:

– Последнюю новость не слышали, товарищи? Гитлер отменил свой приказ о сдаче на слом всех крупных кораблей немецкого флота. Это и понятно: вместо Редера сейчас командует флотом гросс-адмирал Дениц, а он, хотя и заядлый подводник, но все же не такой дурак, чтобы убрать с нашего театра линкоры «Шарнгорст» и «Тирпитц»... Садитесь, товарищи, побеседуем!

Офицеры скинули шинели, сели возле стола, на котором – совсем по-домашнему – стояла электроплита и на ней сипло шумел закипающий чайник. Под колпаком настольной лампы грелась желтоглазая кошка. Игнат Тимофеевич погладил ее и похвалил:

– Примечательное животное. С тральщика Б-118, который затонул на прошлой неделе. Спасли ее матросы... Ну, ладно. Так вот, товарищи, и результат: сейчас, пока мы сидим с вами здесь, в океане заканчивается большое сражение. Английская эскадра во главе с линкором «Дюк оф Йорк» под флагом Фрейзера сейчас доколачивает немецкий линкор «Шарнгорст» под флагом контр-адмирала Бея. Немец принял уже пять торпед, но еще огрызается. С его палубы спускают за борт водолазов, и они тут же, невзирая на взрывы, на полном ходу заваривают подводные пробоины. Это уже что-то новое в практике морских сражений...

– А караван? – спросил Рябинин.

– «Шарнгорст» и шел как раз на перехват каравана, – пояснил контр-адмирал. – Но Фрейзер, пользуясь радиолокаторными установками, успел засечь его еще на дальней дистанции... Подробности узнаем потом. А как у вас с топливом?

– Вчера догрузили четвертый бункер.

– Свежий хлеб на корабле имеется?

– Да. На пекарню гарнизона пока не жалуюсь.

– Ну, и чудесно. – Сайманов разложил перед собой карту и постучал по ней карандашом. – Смотрите сюда, товарищи... Вот в эту бухту, в которой расположен колхоз «Северная заря», надо отконвоировать землечерпалку...

– Землечерпалку? – переспросил Пеклеванный почти испуганно.

– Да. Обыкновенную землечерпалку. Кстати, она сейчас уже находится на переходе через Кильдинскую салму. Старайтесь прижимать ее ближе к берегу и, если позволит волнение на море, торопите ее со скоростью. Узла три-четыре, а то и все пять, она, я думаю, сможет выжать из своих механизмов.

– Три-четыре узла? – снова вмешался Пеклеванный. – Я, очевидно, правильно вас понял... Но неужели и мы будем осуждены топтаться около нее на такой кислотине?

Кошка вдруг жалобно мяукнула и, выгнув спину, прыгнула Пеклеванному на колени.

– Брысь, подлая! – сказала лейтенант, отряхивая брюки. – Не до тебя сейчас...

– Вам, – спокойно продолжал Игнат Тимофеевич, обращаясь большей частью к Рябинину, – вам придется идти на противоположном зигзаге. Это утомительно и надоедливо, но ничего не поделаешь. Немцы сейчас стали применять новые торпеды типа «Цаункёниг», что в переводе значит «крапива». Выгоднее всего держаться на зигзаге № 48-Ц...

– Тэк-с, тэк-с, – задумчиво отозвался Прохор Николаевич и машинально полез в карман за трубкой. – Разрешите, товарищ контр-адмирал?

– Да. Можете курить.

– Вот я и думаю... – начал капитан «Аскольда» и, медленно окутываясь клубами табачного дыма, замолчал с какой-то особой сосредоточенностью.

– Ну, – подстегнул его Сайманов, – говорите же!

Вместо Рябинина сказал Пеклеванный:

– Меня интересует такой вопрос: не будет ли нарушен землечерпалкой режим походного ордера? Ведь тогда от нее...

– Бросьте вы об этом, молодой! – с явным неудовольствием оборвал его Сайманов. – Вы от чернорабочих хотите требовать такой же строгой походной организации, какой, наверное, и сами еще не обладаете. Капитан землечерпалки сидел вот у меня здесь, на этом же стуле, на котором сидите вы. Милый старик-работяга, который ни бельмеса не смыслит, как его будут конвоировать и кто будет конвоировать. Тревожится только об одном, чтобы его команде был выдан сухой паек. И команда у него состоит наполовину из женщин да парней-молокососов, у которых еще эскимо на губах не обсохло... Какой уж тут ордер! Здесь применимо только одно правило: не до жиру, быть бы живу...

– А какова обстановка на море? – спросил посуровевший Рябинин. – Чего нам следует больше всего опасаться?

– Вот это уже деловой разговор. Немцы, Прохор Николаевич, вчера еще держали на позиции тридцать четыре подводные лодки. Половина из них – новейшие лодки с электрическим ходом. Учтите – их подводная скорость узлов шестнадцать, а то и больше. Они снабжены трубами Шнорхеля. Эти шнорхели дают им возможность «дышать», не всплывая на поверхность. Авиация вам встретится едва ли. Зато остерегайтесь плавающих мин...

Чайник закипел, и контр-адмирал снял его с плитки. Пить чай офицеры отказались, и Сайманов особенно не настаивал.

– Что бы мне еще сказать вам, молодые? Пожалуй, надо только пожелать вам успеха. Отсюда, из этого кабинета, невозможно ведь предугадать всего. Может, сам черт с рогами вам встретится! И учить я вас не буду. А если бы и захотел учить, то уже поздно. Действуйте и учитесь, товарищи, сами. Учитесь в море... Это ваше первое боевое задание. Операция простая. Но и ответственная...

Пеклеванный улыбнулся одним лишь уголком рта. Сайманов заметил это:

– Улыбка-то у вас, лейтенант, прямо скажем, – ни к черту не годится! Будто вы похабный анекдот вспомнили!

Артем густо покраснел:

– Прошу прощения, товарищ контр-адмирал. Землечерпалка... Я улыбнулся, когда подумал... Честно говоря, я никогда не думал, что мне придется конвоировать по морю такой вонючий горшок...

– Я его еще не нюхал, – сердито продолжал Игнат Тимофеевич. – А вот случись так, что немцы пустят в этот «горшок» торпеду, и наш флот, целый флот, останется без землечерпалки. Жди, пока из Архангельска другая приползет. У немцев-то их четыре в Альтен-фиорде стоят, да занимать у них вы ведь, лейтенант, не пойдете!

– Все ясно, – сказал Рябинин и потянулся за своей шинелью. – Я боюсь только одного: как бы эта землечерпалка сама не развалилась! Ее и качнуть-то совсем малость нужно, как из нее, наверное, все гайки посыплются.

– Ничего. До конца войны доскрипит старушка. Ну, а после-то войны все к чертям собачьим менять будем. Всю технику! И ваш «Аскольд» разломаем тоже. На переплавку пустим. Одни дверные ручки оставим, благо они из меди...

Уже на улице, направляясь на корабль, Прохор Николаевич сказал Артему:

– Послушайте, лейтенант. Мне было несколько стыдно за ваш лепет в присутствии контр-адмирала... Когда однажды один юноша нежного строения назвал «горшком» мой «Аскольд», я очень хотел дать ему в зубы. До вас это дошло?

– Ну, видите ли... Я не хотел оскорбить, но... – Пеклеванный совсем растерялся. – Просто сорвалось как-то с языка. Честное слово, ведь это же смешно. Мы, патрульное судно, и вдруг эта землечерпалка! Стыдно сказать кому-нибудь. Засмеют ведь...

– Ох, и стыдливый же вы! – буркнул Прохор Николаевич. – Я не знаю, как это вы в бане моетесь?

Пеклеванный натянул перчатки, сухо щелкнул кнопками на запястьях.

– Товарищ старший лейтенант...

– Старший, – с ударением в голосе, будто соглашаясь с чем-то, подхватил Рябинин. – И вот как старший я хотел бы сказать вам, что вы-то еще не... старший! А коли нам честь оказывают, что не только кормят даром, а еще и боевую работу дают, так надо не иронизировать по поводу «горшков», а думать надо... Думать, если вы только умеете это делать! А может, и не умеете? Черт вас знает...

– Ну, что вы на меня накинудись? – обиженно проговорил Артем, которому совсем не хотелось ссориться с командиром. – Ведь я, по-моему, делаю все, что мне положено...

– Вот то-то и оно, – сказал Рябинин, – вы делаете только то, что положено. А сделать хоть раз то, что не положено делать, а все равно надо, этого вы не делаете. Впрочем, если говорить начистоту, то мне служить с вами нетрудно. Службу-то вы хорошо знаете!

– А если это так, – обрадованно подхватил Пеклеванный, – так за что же вы меня сейчас ругаете?

– Да я разве ругаю? Я ведь только разговариваю...

Так они и шли, разговаривая.

Командир и его помощник.

«На север – за смертью!..»

Фон Герделер всегда обожал опрятность, и сейчас он с удовольствием разгибал хрустящую от крахмала салфетку. Он любил также добротность в мелочах, и ему нравилось держать перед собой живописную карточку меню, на которой был изображен сытый и веселый тиролец в форме горного егеря.

– Можно расплачиваться и шведскими кронами?

– Здесь берут все, – ответил сосед, рыхлый армейский капитан, на мундире которого финских орденов было больше, чем немецких. – Можете расплачиваться даже монгольскими тугриками!

– А вы были и в Монголии? – вежливо спросил оберст.

– Еще чего не хватало, – прорычал в ответ капитан. – Благодарю покорно... Я прошел Польшу, Грецию, Украину, Норвегию, а вы мне теперь предлагаете Монголию! Тьфу!

Они познакомились. Капитана звали Штумпф, он был старый вояка и сейчас служил военным советником при финской армии. Оберсту было любопытно знать подробности о войне финнов с русскими, но капитан отвечал невразумительно:

– Ерунда все. Холод собачий, болота, комары и еще вот эта... няккилейпя. Впрочем, вы этого не понимаете. Вместо хлеба. Привыкаешь!.. Однажды меня стали пилить пополам. Я не знал, как согреться. А пчелиная колода большая. Стали пилить. Хорошо, что проснулся. А то бы так, с колодой вместе, и меня. Вжик-вжик!.. Ерунда все. И потом еще вот эти... Фьють-фьють-фьють. Всегда дают три выстрела. Называются они – кяки-кяки. Даже бабы сидят на деревьях. И как стреляют! Фьють-фьють-фьють – и в тебе три дырки. А водку варят из опилок... Тоже привыкаешь!..

Штумпф выдавливал из тюбиков икрающую пасту и ел ее прямо с ложки. Пил, ел, курил – все одновременно. «Ну, и свинья же ты, парень!» – думал оберст о капитане, хотя этот грубый, неотесанный мужлан-офицер ему даже чем-то понравился, и было жалко, что он уходит из-за столика.

– Мне пора, – сказал Штумпф. – Через пять минут я вылетаю. На север – за смертью!..

Наружная стена ресторана представляла собою сплошное окно, и фон Герделер, сидя за столиком, лениво наблюдал, как с взлетной дорожки один за другим уходят в небо самолеты. К нему подошла кельнерша – молоденькая девушка-немка, шуршащая взбитыми, как сливки, кружевами наколок и передника.

– Что угодно господину... ммм-ммм, – она в нерешительности замялась, не зная, как назвать его, ибо он был одет в штатское.

– Зовите меня генералом, – с улыбкой разрешил фон Герделер. – Правда, я еще не генерал, но, поверьте, я им скоро буду.

– О! Я еще не видела таких молодых генералов...

Фон Герделер читал меню, держа его перед собой в откинутой на отлете руке, как бы любуясь своей дальноточностью.

– Суп, – сказал он. – Суп из тресковых язычков. Я уже соскучился по норвежской кухне. А гренки прошу выбрать самые поджаристые. На второе же – гарнели в белом соусе. И уж, конечно, икры. Только по русскому способу, то есть икры пробитой. Пожалуйста, фрейлейн...

Он пил легкое каберне и, ломая жесткие панцири морских креветок, лакомился нежным розовым мясом. На столе перед ним лежал очередной номер газеты «Вахт ам Норден» – газеты горноегерской армии. А в газете напечатана статья, которая называется «Так ли мы далеки от победы?». И под этой статьей – подпись: «Инструктор по национал-социалистскому воспитанию оберст Х. фон Герделер».

– Пожалуйста, фрейлейн, еще порцию кофе-гляссе!..

Он побарабанил пальцами по столу. Что ж, он закинул крючок своей удочки далеко. На самую крупную рыбину из всех – на удачу в своей карьере. Эту статью не могут не заметить. Вчера ее уже передавали по Норвежскому радио.

– Я могу расплатиться, фрейлейн? Нет, я поберегу шведские кроны. Считайте с меня оккупационными марками... Благодарю вас, фрейлейн. Пожелайте мне удачи!

Фон Герделер поднялся со стула, ощущая в себе пружинистую легкость хорошо натренированного тела. Отдых на высокогорном курорте, который он себе позволил, пошел только на пользу. Страхи рассеялись, он окреп и внутренне подготовил себя к тяготам фронтовой жизни. Абсолютная трезвость, хорошая пища, шутливый флирт с молоденькой чемпионкой Швеции по настольному теннису – все это осталось далеко позади, и оберст сразу почувствовал всю важность совершаемого, когда очутился на этом аэродроме.

* * *

Большой черный «Юнкерс-52», на котором он должен лететь до Лаксельвена, еще не был выведен на старт. Наконец фельдфебель вспомогательной службы принес парашют, показал, как его пристегнуть, и сказал: «Через пять минут старт, герр инструктор!» Оказалось, что задержка произошла из-за командира эсэсовской дивизии «Ваффен-СС», известного генерала Рудольфа Беккера, который встречал свою жену, чтобы вместе с нею лететь дальше на север. «На север – за смертью!» – вспомнил фон Герделер слова, сказанные Штумпфом, и с любопытством посмотрел на хорошенькую, закутанную в меха блондинку. Штандартенфюрера сопровождал сильный воздушный конвой, без которого нельзя было отпустить в небо и «Юнкерс-52» – на его борту находилась большая партия ценного ментолового сахара для егерей.

«Итак, генерал и противопростудный сахар», – с иронией подумал оберст, когда самолеты поднялись в воздух, прикрываемые сверху тремя «мессершмиттами». Вместе с фон Герделером в тесном отсеке «юнкерса» находились еще двое: тщедушный лейтенант с острой лисьей мордочкой и худая, истощенная каким-то недугом медицинская сестра, которая сопровождала сахар. Фамилия лейтенанта была Вальдер; как выяснилось из разговора, он пошел служить в армию из провинциальной полиции; сейчас возвращается из хаттенского госпиталя, где залечивал ранение, полученное в перестрелке на Муста-Тунтури.

– Раненых много? – спросил оберст.

– Много, – виноватым голосом отозвался Вальдер.

– Обмороженных?

Лейтенант замялся. Вместо него ответила девушка.

– Тех, кто обморозился, судят! – вдруг резко сказала она. – Но все равно их много. Некоторые так и застывают за пулеметом. А финские солдаты совсем раздеты. В стране Суоми каждую осень проводится сбор теплых вещей, но эти вещи попадают к егерям Дитма.

Она говорила с каким-то неприятным акцентом, постоянно делая ударения на первом слоге, и фон Герделер спросил:

– Вы, кажется, финка?

– Да, – ответила она и нехотя, точно оправдывая себя в чем-то, добавила: – Я состою в женской патриотической организации «Лотта Свард».

– Простите, – вежливо, но настороженно осведомился фон Герделер, – с кем имею честь?..

– Кайса Суттинен-Хууванха, – ответила женщина, запахивая на коленях шинель, и, помолчав, добавила с каким-то ожесточенным вызовом: – Баронесса Суттинен!

Оберст почти растерянно посмотрел на эту угловатую, пропахшую табаком и казармой женщину. «Однако...» – подумал он и сдержал улыбку.

Желая смягчить сказанное финкой, Вальдер сообщил:

– Вчера, когда я выписывался из госпиталя, в море ушел грузившийся в Хаттене транспорт «Девиза Энни». Говорят, что все трюмы этого корабля забиты полушубками...

Самолет, завывая моторами, часто проваливался куда-то вниз. Истребители, летевшие рядом, казались неестественно плоскими и неподвижными на фоне просветленного сиянием неба. Борта отсека покрывались узорами инея, стекла окон постепенно обрастали льдом. Стрелок-радист, несколько не смущаясь присутствием пассажиров, с бутылкой шведского

коньяку прошел в кабину пилотов, и скоро оттуда три простуженных голоса затянули любимую песню Геринга:

Отмечен смертью, лечу по-птичьи
за человеческой живою дичью.
На черных крыльях – патриотов строчки,
взбухает бомба могучей почкой.
Под бомбой тучи чернее ночи,
лечу я в тучах, я – черный ловчий.
Несу вам смерть я не без причины —
охочусь ночью за мертвечиной.
Безлунной ночью я, черный ловчий,
отмечен смертью, лечу над ночью...

Скоро самолеты стали переваливать горный хребет, извилисто тянувшийся вдоль какой-то реки, и под крылом «Юнкерса-52» проплывала длинная цепь снеговых вершин. Штурман, разложив на коленях планшет с картой, предупреждал пилота о рискованных подъемах.

– Лангфьюрекель!.. – выкрикивал он названия гор. – Ростегайсс!.. Халккаварре!..

Вальдер сказал – как бы между прочим:

– Здесь мы проводили тренировки. Сейчас будет Биггелуобалль, в этом поселке мы переформировались и за десять дней до начала войны с русскими вышли к озеру Инари – к самой границе...

Скоро «юнкерс», взметая колесами снежную пыль, коснулся поля аэродрома и побежал по стартовой дорожке, назойливо преследуемый лучом прожектора. Когда инструктор выбрался из самолета, автомобили уже стояли наготове. Распахивая дверцу своего «оппель-генерала», командир «Ваффен-СС» задержался и спросил:

– А вам, инструктор, куда?

Фон Герделер назвал себя и поставил свои чемоданы на снег:

– Я направляюсь в ставку главнокомандующего Лапландской армией, ваше превосходительство. Прямо из Швеции...

– В нашей «Вахт ам Норден» какой-то Герделер написал толковую статью. Это случайно не вы?

– Это я, герр штандартенфюрер.

– Очень рад... Садитесь! – с неожиданной любезностью предложил генерал.

Следом за ним офицеры разместились в «оппель-капитанах», солдаты охранного взвода попрыгали на сиденья тесных «оппель-кадетов». Кавалькада машин тронулась, сопровождаемая с обеих сторон грохочущими мотоциклами эсэсовцев.

– Я вижу, – сказал генерал, – вы впервые в Финмаркене.

– Так точно, ваше превосходительство.

– Во Франции, конечно, были?

– Там я получил Железный крест первой степени.

Проскочив притихшие улочки городка, переехали мост через реку Лаксель-эльв, и груженный песком грузовик, вынырнув из-за поворота, занял место впереди автомобильной колонны.

– Рудди, – недовольно протянула жена генерала, – зачем он? Скажи шоферу, чтобы мы обогнали.

– Тебя, детка, пусть это не касается. Так нужно! – Беккер глухо откашлялся в кулак, заговорил не сразу: – Здесь очень сложный и тихий фронт. Тихий, ибо мы и противник негласно согласились вести «зицкриг», сидячую войну. Моя жена, как видите, из Берлина спасается от бомб на фронте.

Зябко кутаясь в меха и округлив большие глаза, блондинка повернулась к фон Герделеру.

– «Летающие крепости» – это ужас! – тихо сказала она.

Оберст с уважением кивнул:

– Я вам сочувствую, фрау Беккер. Если вам угодно отдохнуть после Берлина, я могу устроить для вас пропуск через границу на высокогорный курорт в Халлингдалле. Я хорошо знаком со шведским консулом...

Впереди автоколонны могуче ревел грузовик.

– К сожалению, – продолжал свою речь генерал Беккер, – мы еще не можем найти контакт с местным населением. Нас не понимают... Мы повысили добычу никеля, построили новые шахты, давая норвежцам возможность трудиться, а они саботируют. Мы провели из Петсамо две прекрасные дороги на Рованиemi и Нарвик. «Государственная трасса номер пятьдесят» лучше американских автострад. А проклятые партизаны подкладывают под эти дороги мины...

Кивнув в сторону грузовика, кузов которого подпрыгивал на ухабах, генерал спросил:

– Надеюсь, вы узнаете тактику?

Фон Герделер знал, что штрафной солдат, сидевший за рулем грузовика, взорвется на mine раньше, чем это случится с «оппелем», – в этом и заключалась вся тактика спасения от мин.

– Да, ваше превосходительство, – ответил оберст, – тактика знакомая: то же самое я видел в Югославии...

Снег вихрился под колесами. Плоские вершины фиельдов серебрились в неярком лунном свете. При каждом толчке машины генерал Беккер густо кричал.

– Если бы не Тунис, – неожиданно сказал он, – все, наверное, было бы проще. Для нас, немцев, это оказалось даже не так страшно, как для финнов. Прорыв блокады под Ленинградом и разгром нашего корпуса «Африка» – вот что доконало финнов. Теперь Маннергейм не хочет ссориться с Рузвельтом, чтобы тот заступился за него перед Сталиным. Вот здесь, – Беккер махнул рукой, показывая на горные цепи, – всего двести семьдесят тысяч русских. А нас, наверное, пятьсот пятьдесят тысяч. Если бы финны не боялись за свои штаны, то мы уже завтра вечером были бы в Мурманске!

– Рудди, – наигранно возмутилась фрау Беккер, – что за выражения! Ты совсем стал неузнаваемым...

– Выходит, – осторожно намекнул фон Герделер, – что наши союзники перестали нам верить? Они забыли, кто помогал им штурмовать «линию Сталина»!

– Дело даже не в них, – ответил эсэсовец. – Сейчас резко нежелательно наступление противника. Нам и так трудно: славные егеря мерзнут, продовольствия не хватает. Надо, во что бы то ни стало надо оттянуть момент наступления красных на этом фронте, самом северном в Европе. А чтобы сорвать замыслы противника, следует лишить его единственно пригодного в условиях полярного бездорожья транспорта – надо лишить их оленей. Я сообщаю вам это к тому, что вы скоро будете в ставке и... Осторожнее, – предупредил генерал шофера, – здесь крутой обрыв в ущелье!..

Дорога уходит куда-то в сторону. Грузовик, огибая скалу, уже скрывается за поворотом.

– ...Вы, оберст, будете в ставке, – продолжает генерал, – и можете...

Треск раздираемого металла, хруст ломающихся досок... Шофер резко тормозит «оппель». В свете фар инструктор успевает разглядеть груды камней, наваленных посреди шоссе. Грузовик со смятым радиатором лежит на боку, а его водитель ногами выбивает заклиненную дверь.

– Детка! – крикнул своей жене эсэсовец. – Погаси сигарету. Пригнись!

Вдруг откуда-то из-за сопки начинает работать пулемет. Один из охранников подкатывает к «оппелю» на мотоцикле, кричит:

– Герр штандартенфюрер, тут какая-то банда! Навряд ли партизаны... Здесь их никогда не бывало!

– Взять в плен. Живым. Хоть одного.

– Хайль! – эсэсовец с грохотом отъезжает.

– Рудди, Рудди, – мучительно заныла женщина, – сделай что-нибудь, Рудди, чтобы они не стреляли... Рудди, я не могу слышать это! – истерично взвизгнула она.

– Успокойся, деточка, – Беккер поцеловал жену в лоб и стал вылезать из машины, расстегивая кобуру пистолета. – Я сейчас все устрою...

Он скрылся во мраке по направлению выстрелов, и фон Герделер доверительно шепнул женщине:

– Не бойтесь. Со мной ничего не бойтесь.

– Да? – спросила фрау Беккер.

За гребнем скалы с новой силой вспыхнула перестрелка. Потом наступила тишина, и двое эсэсовцев, сгибаясь под тяжестью, принесли тело своего генерала.

– Извините, фрау, – сказал один из них. – Мы его положим на заднее сиденье. Герр оберст, тащите к себе... Удивительно легкая смерть. Прямо в висок...

Так встретила фон Герделера провинция Финмаркен.

* * *

Зарегистрировав свое прибытие у коменданта гавани Лиинахамари капитана Френка, инструктор получил литер на комнату в Парккина-отеле.

– Обратитесь к фрау Зильберт, – посоветовал Френк на прощание.

Фон Герделер нашел владелицу отеля в нижнем этаже, где размещался бар. Около столиков, за которыми сидели офицеры, слонялась какая-то странная фигура человека в меховых засаленных штанах. В его прямые и жесткие волосы, похожие на щетину дикого кабана, были воткнуты пучки раскрашенных перьев, какие носят на шляпах женщины.

– Что это за чудовище? – удивленно спросил оберст у фрау Зильберт, когда она выплыла ему навстречу, покачиваясь своей дородной фигурой.

– Ах, не обращайтесь внимания! – томно пропела она, опытным глазом отметив знаки отличия нового постояльца. – Это лапландский князь Мурд, фюрер здешних дикарей. В тундре он жить не может – там его обещали убить, и потому генерал Дитм отвел ему номер в моем отеле.

Инструктор долго плескался в ванне, потом, подойдя к окну, тщательно растер полотенцем свое сухое жилистое тело. В окне виднелись тупик Петсамо-воуно-фиорда, желтая стена финской таможни, лепившиеся к причалам катера. В сторону моря спешил миноносец, казавшийся в сумерках расплывчатым и приплюснутым.

Хорст фон Герделер отбросил полотенце, потянулся до хруста в костях.

– Что ж, – сказал он вслух бодрым голосом, – будем и здесь работать на благо фатерлянда.

Кто-то подергал ручку двери. Внутри сначала просунулись яркие перья, потом голова здешнего фюрера. Безбожно коверкая немецкие, финские и норвежские слова, князь Мурд заплетающимся языком попросил:

– Господин офицер, угостите коньяком... Я самый главный в тундре...

– Пошел вон! – крикнул инструктор.

...В этот день в его блокноте появилась первая короткая запись: «Олени. Подумать над этим».

Вокруг землечерпалки

Ночь.

Пересекая небо, звезды падают в море. За бортом неугомонно гудит пучина. Сырая, промозглая тьма повисает над океаном. На десятки и сотни миль вокруг – ни искры, ни голоса, ни огонька. И – никого. Лишь посвист ветра, шум волн да изредка хруст сосулек, падающих с обледенелых снастей на мостик.

Землечерпалка время от времени помаргивала «Аскольд» слезливым глазом сигнального Ратьера и, прижимаясь к береговой черте, затаенная и невидимая, медленно продвигалась вперед. «Аскольд» шел мористее, охраняя ее со стороны открытого моря.

После «собаки» (ночной вахты) штурман Векшин принял вахту и, потянув Пеклеванного в темноте за мокрый рукав реглана, доложил официально:

– Лейтенант Векшин заступил на вахту. Идем на зигзаге № 48-Ц... Скорость – пять узлов...

– С чем вас и поздравляю, – ответил Артем, но штурман иронии не понял и даже ответил:

– Спасибо, Артем Аркадьевич...

Самаров сидел в рубке, посасывая зажатую в кулаке папиросу. Рябинин, широко ставя ноги по скользким мостиковым решеткам, подошел к замполиту:

– Ну, что скажешь хорошего?

– Плохо. Подвахта не спит. Едва уложил матросов по койкам. Иду по коридору, слышу – разговаривают, войду в кубрик – тишина. Притворяются, что дрыхнут.

– Что же, это не так уж плохо. Видно, крепко задело их за живое, что даже заснуть боятся. Вот, черт возьми, а ведь качает здорово, – сказал Рябинин, ухватившись при крене за поручень.

– Да, в Бискайе швыряет на тридцать пять градусов, а проследите, что у нас делается...

Под мутным просоленным стеклом гуляла тяжелая черная стрелка кренометра. Волны наваливались на корабль, и стрелка скользила по градусной шкале, доходила до тридцати пяти градусов и шла дальше – до самого упора. На несколько секунд замирала, словно хотела отдохнуть, но другая волна уже ударяла в борт, и стрелка, поспешно срываясь с места, медленно ползла назад.

Следя за ее качаниями, Рябинин сказал:

– А ведь мой-то помощник, Пеклеванный, совсем не укачивается. Я давно за ним слежу, еще с тех пор, как он в док к нам пришел. Дельный, толковый офицер! Ну, думаю, каков-то он будет в открытом море? А он и в море хорош, прямо душа радуется...

– Ничего офицер, – согласился помполит, – только какой-то он застегнутый.

– Как, как? – переспросил Рябинин, не расслышав.

– Застегнутый, говорю. Конечно, не в буквальном смысле, а душа у него вроде застегнута. Что-то таит про себя, чересчур вежлив, холоден, корректен, а я – уж если говорить честно – не очень-то люблю таких людей.

Самаров, погасив окурочку о подошву, слегка усмехнулся.

– Впрочем, – добавил он, – как офицер Пеклеванный хорош, ничего не скажешь: со своими обязанностями справляется прекрасно, за короткий срок сделал из рыбаков военморов.

– Душа у него, мне кажется, не лежит к нашему кораблю, – задумчиво проговорил Рябинин.

– Возможно, – Олег Владимирович вытер тыльной стороной рукавицы мокрое лицо. – У него до сих пор чемоданное настроение – даже не разложил свои вещи, точно «Аскольд» для него временная остановка.

Лязгнув тяжелым затвором, распахнулась железная дверь. В рубку ворвались шум волн, протяжная разноголосица ветра, хлопанье разорванной парусины. Стуча сапогами, ввалился Векшин, отряхнулся от воды, долго не мог ничего выговорить от волнения.

– По левому борту, – наконец будто выдавил он из себя, – по левому борту... неизвестное судно!

Пеклеванный почти кубарем скатился с дальномерной площадки:

– Силуэт слева! Курсовой – тридцать! Дистанция...

Рябинин закинул на голову капюшон, стянул на шее резиновые завязки:

– Тревога, – сказал он. – Тревога!..

Под шаткой палубой часто забились машины. «Аскольд» раздвинул перед собой толчею водяных валов и, вздрогнув, набрал скорость. Пеклеванный стоял за спиной командира, и голос у него казался чужим – сухим и одеревеневшим.

– Сведений о кораблях в этом районе моря нет, – диктовал он. – Это не наш! И не английский. Тем более не американский. Союзники одни не ходят. Можно открывать огонь...

Сложный корабельный механизм уже пришел в движение. Щупальца орудий вытянулись во мрак, заранее приговаривая еще невидимую цель к гибели. Хитро прищуренные линзы дальномеров молча подсчитывали дистанцию.

– Все ясно, – бубнил за спиной Пеклеванный. – Только надо дать осветительным. Это какой-то бой негров ночью!

– Сигнальщики, – скомандовал Рябинин, – дайте позывные!

Узкий луч света разрезал нависшую над морем баламуть снегов и пены, задавая идущему слева судну один и тот же мучающий всех вопрос. Прошла минута. Вторая. Если сейчас оттуда, со стороны судна, вспыхнет в ответ дружелюбный огонек, – значит, корабль свой.

Но тьма молчала по-прежнему. «Аскольд» оставался без ответа.

– Пора открывать огонь, – настойчиво повторял помощник. – Два-три крепких залпа всем бортом, и мы – в дамках! Разрешите?

А в душной и тесной радиорубке, взмокнув от напряжения, радист уже успел горохом отсыпать в эфир запрос командира, и штаб флота моментально ответил: «Ни наших, ни союзных кораблей в указанном районе моря не находится».

– Помощник, – распорядился Рябинин, – начать наводку. Для начала зарядить осветительным...

Неизвестное судно продолжало идти прежним курсом. Молчание и тьма грозно нависали над двумя кораблями, идущими в безмолвном поединке. Еще минута – и загрохочет над волнами дымное пламя...

Ледяные звезды не спеша падали в море.

– Осветительным... залп!

От выстрела упруго качнулся воздух. Огромный зонт огня распластался в черном небе, заливая мир зловещим зеленым светом. И где-то вдаль, среди лезущих одна на другую волн, едва-едва очертился неясный контур корабля.

Некоторое время противники еще скользили в этом бледном, быстро умирающем свете, неся в себе бездушные механизмы и драгоценные людские судьбы. Потом свет померк и погас совсем. Но цепкие визирные шкалы уже успели отметить понятные лишь немногим названия.

– Дистанция, – нараспев кричал с дальномера Мордвинов, – курс... целик...

И в этот момент ночь, застывшая на одной тягостной минуте, казалось, вдруг растворилась и слева по борту «Аскольда» вырос маленький огонек.

– Не смей стрелять! – гаркнул Самаров. – Отвечают!

Рябинин тяжело отшатнулся назад, спросил кратко:

– Кто?

И чей-то матросский голос ответил из темноты:

– Та же ж, товарищу командир, земличирпалку! У, бисова, куды ж вона зализла!..

Рябинин вдруг захохотал так громко, что радист испуганно выглянул из своей рубки.

– Отбой тревоге, – весело приказал он, расстегивая канадку. – Их счастье, а то бы мы их разделили под орех!

– У меня снаряды лежат в орудиях, – доложил Пеклеванный, краснея в темноте от стыда. – Разрешите выстрелить ими?

– Пускай лежат там. Может, еще пригодятся...

Землечерпалка виновато отщелкала в темноту семафорограмму: «У нас неисправность в компасе. Мы сбились с курса и отошли мористее. Возвращаемся на прежнее место. Капитан-маркшейдер Питютин».

Пеклеванный невольно ужаснулся при мысли, что еще момент – и «Аскольд», знающий лишь одно то, что слева не должно быть никого, сейчас уже рвал бы снарядами старое, дряблое тело землечерпалки.

– Передай этому питюте-матюте, – наказал он сигнальщику, – передай ему, старому болвану, что мы...

– Оставьте вы их, помощник, – вмешался Рябинин. – Ну их к чертовой матери! Руганью, да еще на таком расстоянии, здесь не поможешь. А команда землечерпалки наполовину из баб и мальчишек. Капитанишко – тоже хрен старый. Им, беднягам, и без того достаётся!

Рябинин нащупал в темноте плечо Пеклеванного и крепко пожал его, слабо ободряя:

– Хватит вам. Вы же весь мокрый. Реглан уже обледенел на вас. Идите отдыхать, помощник. Всю ночь не спали.

– Ничего, отосплюсь потом.

– А я вам предлагаю отдохнуть.

Пеклеванный понял, что это уже приказ.

– Есть, – ответил он, – идти отдыхать...

Артем сбежал по трапу и, балансируя на уходящей из-под ног палубе, добрался до кормы.

Через низкий борт перехлестывали волны. Обмывая стеллажи глубинных бомб, повсюду колобродила вода. Из-под винтов взлетели вверх высокие каскады пены. В сумерках вода фосфорилась ровным голубоватым светом. Все море играло и горело, точно из его глубин всплыли на поверхность мириады разбуженных светлячков. Казалось, корабль плывет среди расплавленного металла.

Дребезжа железными бадьями, мимо «Аскольда» прошла к берегу провинившаяся землечерпалка.

Стоять на палубе было холодно. Лейтенант зябко поежился, спустился вниз. В командном коридоре вода, попавшая через люк, гуляла с борта на борт, собираясь то у одной переборки, то у другой. Из конца коридора доносилось пение.

Артем остановился: женский голос на корабле, ночью, в открытом море? Чистое мягкое контральто прерывалось ударами волн и режущим уши завыванием винтов.

Она пела:

Мимо сосен северных бежит дорожка,

У дорожки – стежка, возле стежки той – морошка.

Сердце вдруг заныло, сердце заскучало:

Что же и зачем же я тебя встречала?

Помню, мы ходили вечером да той дорожкой,

И ты меня, бессовестный, назвал морошкой.

И с тех пор подруги все зовут меня не Машей,

Эх, да вот той самой ягодкою нашей...

Артем постучал в дверь каюты. Пение прекратилось, щелкнула задвижка.

– Ну, что же вы остановились на пороге, – встретила его Варенька. – Закрывайте дверь. Через люк дует... Вы, наверное, прямо с мостика?

Она стояла посреди каюты в розовой шелковой блузке с короткими рукавами, на ногах у нее были стоптанные домашние шлепанцы. Артем впервые видел ее не в форме, и это немного смутило его.

А Варенька, словно не замечая его смущения, раскрывала клинкет полок, показывая свое хозяйство:

– Вот здесь у меня хирургические инструменты. Видите? Я их нарочно сложила так, чтобы они не рассыпались во время качки. А вот сюда я поставила самое необходимое, – медикаменты всегда под рукой. Приготовила тетрадь для записи больных, но она так и лежит чистая – никто не приходит...

Лейтенант слушал девушку, с любопытством осматривая каюту, точно видел ее впервые. Эта розовая блузка и эти шлепанцы неожиданно заставили его приглядеться внимательнее ко всему, что окружало лейтенанта медицинской службы Китежеву.

Артем заметил, что каюта девушки не похожа на другие: в ней много такого, что всегда отличает женское жилье от мужского. Казалось, Варя не просто готовила для себя угол, а заботливо свивала его, как птица гнездышко. Кружевное покрывало на койке, зеркало в круглой раме над умывальником, загнанные штормом в угол каюты туфли на высоких

каблуках – все это выглядело странно среди железных бортов, трубопроводов, иллюминаторов, заклепок.

Артем понял: он не может заходить в эту каюту так же свободно, как заходит в каюту механика, штурмана и командира. Здесь живет не просто офицер, а еще и женщина; и лейтенант снова изумился тому, что как-то совсем не помнил об этом раньше.

Почему-то показался неудобным и этот ночной приход, и то, что он здесь сидит в неурочное время. Артем встал, подошел к двери:

– Вы простите, Варя, я вам, наверное, мешаю.

– Да нет же, нет! Пришли – и сразу уходить. Лучше бы рассказали, что творится наверху.

– Нечего рассказывать, доктор. Сплошные серые будни. Вы даже не знаете, как бывает иногда тошно, когда подумаешь, что другие воют, а мы...

Ему не пришлось договорить: резкий крен отбросил его от дверей и насильно посадил на прежнее место. Стыдясь, что не смог удержаться на качке, он сделал вид, будто сел нарочно, и сказал:

– Впрочем, вы, доктор, как женщина, не сможете меня понять. Этот вопрос всегда останется для вас какой-то астрономической туманностью в виде скопления далеких звезд...

Варенька вдруг засуетилась:

– Я ужасно плохая хозяйка. Вы пришли прямо с мостика, на вас еще сосульки висят, а я... вот дура! У меня есть немного спирту. Хотите?

– Каплю, – сказал Пеклеванный. – Только если это спирт английский, то лучше не надо. Сплошная хина! Пусть его лакают малярики-колонизаторы!

Он выпил рюмку спирта, закусил печеньем.

– Спасибо. Я, кажется, сейчас отойду от холода. Вы как раз чудесная хозяйка. Но меня вам все равно никогда не понять... Я потомственный моряк. Мой предок, еще матрос при Гангуте, отличился в сражении и получил от самого царя серебряный ковш. Приходите ко мне в каюту, я вам его покажу. Владелец такого ковша мог бесплатно пить в любом кабаке. И мой пращур, по вполне понятным причинам, спился. Вдова его забрала детишек и однажды кинулась в ноги Петру, когда он выходил со двора. Петр имел отличную память и тут же велел отдать сирот в корпус. Так-то вот и началась на Руси целая династия Пеклеванных. Особых постов не занимали – происхождение не то, но все-таки целых два столетия честно служили Отечеству на морях.

– Все это очень интересно, – сказала Варенька. – Но я не понимаю, чего же это мне будет не понять, как женщине?

– О, доктор! – засмеялся Артем. – Не знаю, как вас, а меня скучные патрульные операции, ползание вокруг таких старых калош, как эта землечерпалка, скажу прямо, не устраивают. Вы даже не представляете себе, что значит для миноносника служить на патрульном судне, которое будет скитаться по морю из квадрата в квадрат, наводя на всех тоску и уныние.

– Как странно, – сказала Варя. – Может, я действительно чего-то не понимаю, но вот я... я счастлива! И честно скажу вам, товарищ лейтенант, очень полюбила «Аскольд», полюбила и людей, которые на нем плавают. Я понимаю теперь нашего боцмана Мацуту, когда он плакал, уходя с корабля. И я, наверное, тоже буду плакать. Что там плакать! Я буду реветь, как корова...

Артем промолчал. Он в этот момент только что хотел сказать ей, что уже подал рапорт о списании на эсминец. Теперь поделиться этим просто неудобно. Она говорит, что будет реветь коровой, а он сам стремится бежать с «Аскольда».

– Чего стоит, – продолжала Китежева, – хотя бы один мой санитар и ваш дальномерщик Мордвинов. Ведь этот парень...

– Ну, – перебил ее Артем, – это фрукт! Ему, чтобы не угодить после войны в тюрьму, надо сделать прививки на гауптвахте. Вроде профилактики!

– А знаете, что я вам скажу? – спросила Варенька. – Вот если бы мне пришлось жить на необитаемом острове, то я бы хотела иметь своим Пятницей не вас, а именно такого Мордвинова. На него можно более положиться!

– Так, – скривился Пеклеванный от обиды. – А если бы вам предложили сделать выбор: меня или Мордвинова вы бы выбрали себе в мужа?

Китежева одернула на себе блузку, пожала плечами.

– Мы не такие уж друзья, чтобы я могла прощать вам подобные шутки. Я ведь не только лейтенант, но, не забывайте, я ведь еще и незамужняя женщина!

– Я не хотел вас обидеть, – извинился Пеклеванный. – Вы сами обидели меня сначала своим недоверием к моей особе. А что касается Мордвинова...

Палуба вдруг дернулась вперед, выскользнув из-под ног, и Варенька, теряя равновесие, отшатнулась к переборке. Внизу, в железных туннелях, тревожно завывали валы винтов – «Аскольд» увеличивал скорость.

– Что это? В чем дело?

Артем шагнул к двери, и в этот же момент загрохотали колокола громкого боя. Лейтенант выскочил на палубу. В сплошной темени матросы разлетались по постам. Одни проваливались в черные дыры люков, другие обезьянами карабкались по трапам.

На мостике Артем быстро осмотрелся:

– А где этот питютя-матютя?

– Землечерпалка уже вошла в бухту, мы идем одни.

– Так что же произошло?

– Подводные лодки, – ответил Самаров.

– Где?

– Не знаем. Где-то здесь. Сейчас они долго болтали по радиотелефону. Мы их засекли коротковолновым пеленгатором. Одна из них передала в Нарвик сводку погоды....

– Когда рассвет, штурман? – спросил Пеклеванный.

– Через полчаса начнет светать...

Рябинин потянул Пеклеванного к себе за рукав:

– Иди-ка сюда, помощник. Подумаем...

Решили так: из этого квадрата моря не уходить, держаться для безопасности на ломаных зигзагах и проверить весь район. В штаб отправили сообщение: «Поймали радиоконтакт с немецкими лодками. Начали свободный поиск». Штаб ответил: «Идите в квадрат восемнадцать. По окончании поиска следовать в Иоканьгу. Ждите дальнейших распоряжений».

После получасовой «болтанки» на зигзагах напряжение на мостике «Аскольда» как-то уменьшилось. Первый луч рассвета, посеребривший волны, застал команду еще на боевых постах. Но вестовой уже позаботился принести на мостик крепкий горячий чай. На зубах офицеров хрустели сухари; прикуривали на страшном ветру от зажигалки штурмана.

– Может, прекратим поиск и пойдем в Иоканьгу? – предложил Самаров. – Немцы поболтали, разошлись или же легли на грунт. Черта ли им здесь делать?

– Ну, не говори так, – возразил Рябинин. – Вон, видишь, какой-то союзник на полных оборотах «чапает»!

Мимо «Аскольда» скоро прошел американский корвет типа «Кептен» с канадской командой на борту и с британским флагом на мачте. Когда он поравнялся с патрульным кораблем, все прочли выведенную вдоль его грязного ржавого борта чудовищную надпись:

«МЫ НЕ ЖЕЛАЕМ СЛУЖИТЬ НА ФЛОТЕ...»

– Какой поразительный цинизм! – возмутился Пеклеванный. – Неужели адмиралтейство не запретит им эту наглость?

– Флот его величества, – ответил Самаров, – совсем неплохой флот. И воюют английские матросы неплохо. А это просто какой-то сброд, немцы даже брезгают топить их...

Рябинин велел прекратить поиск и следовать прямым курсом в Иоканьгу. Море постепенно успокаивалось, гребни волн сглаживались под стихнувшим ветром. Видимость, однако, была скверной, что не помешало Мордвинову разглядеть вдалеке плавающее бревно.

– Товарищ командир, – крикнул он, – «топляк» плавает!

Офицеры вскинули бинокли к глазам. Все-таки, что ни говори, а в пустынном море даже поганое бревно может служить развлечением.

– Давно уже, видать, плавает, – сказал Самаров. – Отяжелело... Только одним концом торчит. А по весне их тут еще больше, все из Горла^[2] выносит...

Но вот из «бревна» вдруг потянуло серым дымком. Артем ахнул: ведь это дизель подлодки выбрасывал наружу выхлопные газы, которые тут же конденсировались в морозном воздухе.

– Шнорхель! – заорал он, скидывая чехол с приборов. – Подлодка! Я вижу шнорхель!

Один матрос, лица которого Пеклеванный впоследствии так и не мог вспомнить, сказал только одно слово:

– Ай! – и прямо с мостика сиганул вниз. Ветер колоколом раздул полы его шинели, всплеснула и сомкнулась вода, но... обратно он уже не выплыл. Океан сразу глубоко засосал труса в свою жуткую глубину.

– Вот тебе и «ай»! – сказал Мордвинов.

Все это произошло стремительно. Беспечность «немца» была непонятна. Может, он уже видал проходивший мимо себя корвет и решил, что такого противника можно не остерегаться. Шнорхель подводная лодка убрала, когда на корму «Аскольда» уже летело приказание:

– Глубинные бомбы – то-о-овсь!

На мокрой обледелой палубе не так-то легко доставать через люк и готовить к взрыву громадные бочки по сто и двести килограммов весом.

– Проходим над лодкой! – крикнул Векшин, стоя на ветру с открытой головой.

И первая серия бомб обрушилась за борт. Вода, продолжая фосфориться, вскинулась в небо, как огненный куст. Взрыв глухо отдался в гулком корабельном чреве.

На юте Григорий Платов, возглавлявший минную команду, уже подкатывал к срезу кормы новую серию глубинных бомб. Матросы работали без шапок и ватников – так было удобнее. Палуба, вздрагивая от взрывов, больно била матросов в пятки.

Повернув к мостику свое мокрое, иссеченное брызгами лицо, с взлохмаченными волосами, Платов следил за сигнальным фонарем Мордвинова. Вот фонарь дает короткий проблеск, и Григорий кричит:

– Пошел!.. Пошел!..

Глубинные бомбы, подталкиваемые матросами, летят за борт, где кипит взбудораженная винтами вода.

– Прямо по корме всплывает подводная лодка! – вдруг доложил Мордвинов. – Прямо по корме!

В туче брызг, фонтаном выбросив на поверхность воду, субмарина врага – вперед задранной носом – выскочила на поверхность. Если бы команда «Аскольда» обладала бульшим боевым опытом, она нашлась бы в такой обстановке скорее. Но тут даже Рябинин в страшном удивлении не успел опомниться, как люк подлодки откинулся, и на палубу стали выскакивать матросы. Одно мгновение – и подлодка сама навязала кораблю артиллерийскую дуэль...

– Огонь! – скомандовал Пеклеванный, и в уши сразу ударило грохотом. Желтое пламя осветило верхушки волн. Горячий воздух сильно толкнул в грудь. В лицо пахнула пороховая гарь и мигом растаяла.

Дробно загрохотали пулеметы и эрликоны. Нескольких немецких комендоров словно слизнуло с палубы. Окруженная всплесками разрывов, подлодка вдруг снова пошла на срочное погружение. Было хорошо видно, как один гитлеровец кинулся к люку рубки, но люк был уже захлопнут изнутри, и лодка тут же ушла у него из-под ног...

– Пройти над местом погружения, – ровным голосом скомандовал Рябинин, словно дело шло о том, чтобы пройти с тралом над косяком рыбы.

– Есть пройти, – отозвался из рубки Хмыров.

Заскрипел барабан штурвала, наматывая стальные штуртросы, тянущиеся к румпелю. «Аскольд» развернулся и, натываясь на волны, двинулся вперед – туда, где над местом погружения подлодки крутился в глубокой воронке оставленный на гибель матрос...

Контрольное бомбометание не дало никаких результатов. На поверхность выбросило лишь содержимое гальюнов. То ли от близкого взрыва, повредившего фановую систему, то ли немцы решили просто продуть гальюны сжатым воздухом, чтобы вид их дерьма оскорбил противника...

Пеклеванный стоял, стиснув руками поручень, еще не смея верить в победу. Глубоко глотнув воздух, произнес только одно слово:

– Неужели?

– А, кажется, так, – ответил помполит, понимая, о чем думает в этот момент Пеклеванный.

Рябинин спросил штурмана:

– Векшин! Сколько длилось... все это?

Проход Николаевич почему-то не сказал «бой». Наверное, еще не совсем верил в случившееся. А скорее всего, в его представлении бой выглядел совсем иначе: слишком уж просто все, что произошло сейчас, – какой же это бой?..

Штурман в иллюминатор рубки крикнул:

– Товарищ командир! Бой с подлодкой длился минуту и сорок пять секунд! – Векшин, пожалуй, единственный ничему не удивлялся.

Рябинин, оставив рукоять телеграфа, шагнул к Пеклеванному, в щедрой улыбке блеснули его зубы.

– Ну, помощник, – сказал он, – это твоя лодка. Без тебя мы, конечно, ничего бы не сделали, спасибо тебе, лейтенант: это ты, все ты! Это ты обучил команду! Спасибо тебе...

Рябинин впервые при всех назвал Пеклеванного на «ты», и это отметили все стоявшие на мостике: капитан «Аскольда» называл на «ты» только тех сослуживцев, которым доверял.

На мостик долетели возбужденные голоса матросов:

– Крюк давайте!..

– Быстрее, ребяташки, никогда такую рыбу не ловили...

– Осторожней, осторожней!..

– Несите-ка в лазарет, ребяташки!

Рябинин перегнулся через поручни, крикнул:

– Боцман, что у вас там?

– Матроса вытащили, – ответил с палубы Мацута.

– Живой?

– Дышит как будто...

Через несколько минут Рябинин послал помощника узнать, что с пленным. Артем встретил Варю в коридоре. Уже одетая по форме, она возвращалась из умывальника, вытирая полотенцем мокрые руки.

– В каком состоянии немецкий матрос?

– Небольшой нервный шок, – ответила Варенька, улыбаясь. – Сейчас я сделала ему укол, он спит.

И, шутливо сморщившись, она протянула:

– Ох, эти скучные патрульные операции! Ох, это однообразие, наводящее тоску и уныние!.. Скажите, неужели даже сейчас...

Но Артем горячо перебил ее:

– Вы даже не знаете, доктор, что можно было бы сделать сейчас на миноносце. Эта победа досталась нам легко, потому что мы застали противника врасплох, он даже не успел погрузиться. А вот миноносец, да еще с гидролокатором, да с бомбометами...

Китежева недовольно взмахнула полотенцем и, не дослушав, направилась в свою каюту. Остановилась у двери, сказала:

– Какой же вы скучный!..

«Сорокоум»

На душе было как-то беспокойно. Кажется, верь она в бога – наверное, молилась бы горячо и пылко. Но и без того, ложась по вечерам в холодную постель, Ирина Павловна каждый раз повторяла: «Господи, только бы ее не потопили, только бы дотянула до порта...» Ночи стояли жуткие, метельные, штормовые, и ей даже снилась легкая, как перо птицы, шхуна – шхуна во мраке, в морозном океане. И пока парусник находился в пути, она скрашивала тоскливое ожидание чтением «шканечного журнала», принятого в подарок от Левашева. В этой толстой растрепанной книге были подробно изложены события корабельной жизни – той самой жизни, которая под гудение ветров в парусах уже давно канула в прошлое...

«Вахтенные журналы бытности» появились на судах севера в 1896 году, когда особую Северную комиссию беспокоил тот факт, что больше половины рыбацких шхун пропадает бесследно, а если их и находят потом – то с мертвыми командами. Но, как видно, поморам не понравилась эта канцелярская затея, и они заполняли «шканечный» журнал кое-как, доверяя это зуйкам, окончившим два или три класса, – лишь бы отвязаться от докучной обязанности.

Сегодня Ирина Павловна снова раскрыла тетрадь и, забравшись под одеяло, до полночи перечитывала неграмотные, до смешного ненужные откровения; видно, зук не знал истинного назначения «Журнала бытности» и вписывал в него все, что нужно и не нужно.

«...Ветер в жалейку свищет. Верхний парус, он по-аглички топселем прозывается, так его порвало. Антипка от руля не отходит, не ест, не спит – сам шхуну ведет...»

«...А сегодня Борис Нилыч меня за волосы оттащил за то, что я кляксы в журнал ставлю...»

«Пришли к норвегам в Вардегауз рыбу продавать. Живут норвеги вольготно. Всякий с трубочкой ходит, а разговоров больших не ведут, все больше в молчанку играют. Спать любят, для того и перины на гагачьем пуху...»

«...Опять злая буря-падера. Вторую ночь не спамши. Стужевай веет. Афанасия Аменева за борт смыло, потонул. Дома деток много осталось и жена брюхата...»

«Батюшка Варлаам из Никольской церкви пришел с водосвятием. Руль побрызгал малость, а в кубрик не спустился – воняет-де больно, да и трам крутой...»

Примерно такими описаниями были заполнены все триста страниц журнала. Как видно, рыбаки не прониклись благостными пожеланиями комиссии; очевидно, случись что-нибудь серьезное – и вовсе забросили бы журнал. Ирина Павловна так и заснула с этой книгой в руках.

А на рассвете шхуна вошла в залив и встала на «бочку» как раз напротив судоремонтных мастерских. Наступал самый ответственный период в жизни Рябиной – период подготовки к экспедиции...

Ах, что это была за шхуна! Какой она великолепный «пенитель», шхуна доказала уже на следующий день, когда два трактора «ЧТЗ» стали вытаскивать ее для ремонта днища на береговые слипы. Случайно оборвались тросы, и парусник, скрипуче соскользнув по слипам, снова зарылся бушпритом в воду. Даже этот небольшой толчок инерции, полученный шхуной, был вполне достаточен, чтобы она плавным рывком проскочила примерно полторы мили вдоль залива.

– Ну и каналья! Будто сливочным маслом ее намазали, – так выразился один старый инженер-судоремонтник. – Легко будет она бегать, да каково-то будет управлять этой старой капризницей?..

Работы шли быстро. Днище шхуны, на тот случай, если придется встретить льды, обшивалось оцинкованным железом, оборудовались под лаборатории каюты, ставились новые мачты из «рудового» дерева. В такелажной мастерской шились новые паруса, артель морских инвалидов вила крепкие снасти.

Казалось бы, все уже в порядке. Добрый морской скакун хорошо оседлан, дело только за опытным всадником. Но вот такого-то всадника как раз и не находилось. Дело дошло даже до смешного: кто-то подсказал вызвать из Москвы старейшего парусного капитана Лухманова. Но Рябиной тут было уже не до смеха. Ведь это по ее настоянию институт делал основную

ставку на использование заброшенной шхуны в экспедиции. А теперь ей пришлось столкнуться с непредвиденным препятствием, из-за которого экспедиция чуть ли не срывалась в самом начале. Дементьев уже предупреждал ее, что «шхунка построена с каким-то чертовским секретом». Тогда она не поверила ему, и вот – пожалуйста! – убедилась в этом только сейчас, когда оказалось почти невозможным отыскать шкипера, который бы смог наладить такелаж шхуны...

– Ирина Павловна, – не уставал повторять ей при каждом свидании Дементьев, – напрасно мучаетесь. Поверьте, что ни черта не получится. Эту шхуну построил сам дьявол! Я советую лучше отложить экспедицию до следующего года и рассчитывать на «Меридиан», когда он отзимует.

– До следующего? – возражала Рябинина. – Нет, Генрих Богданович. Я не согласна с вами... Вот сегодня придет ко мне еще капитан Пустовойтов. Говорят, что он лучший шкипер-парусник в Поморье. Я очень рассчитываю на него...

Но и капитан Пустовойтов, моряк заслуженный и старый, полвека проплававший под парусами, вдруг становился на палубе этой шхуны беспомощным, как ребенок. Он стыдливо пожимал плечами, удивляясь странному расположению мачт и рей. Решив все же попробовать разобраться в такелаже, он сам лазал по рангоутным деревьям и потом пристыженно разводил руками:

– Извините, Ирина Павловна. Говорят, она очень быстроходна. Очевидно – так. Но она даже не похожа на чайный клипер. Я никогда не видел таких кораблей. Мне уже скоро пойдет на седьмой десяток, и я бы хотел поплавать с вами юнгой, чтобы посмотреть – какова она в море? Но командовать шхуной при такой сложной оснастке, к сожалению, я не смогу...

– Да вы хоть попробуйте! – убеждала Ирина Павловна.

– Не смею. всю жизнь ходил в грубых тяжелых сапогах. Разве же смогу я теперь пройти в таких изящных туфельках? Опозорюсь только...

А шхуна, легкая и красивая, как невеста, плавно покачивалась на волнах, зарываясь в воду выпуклой белой грудью. Тонкий серебристый иней лежал на ее размашистых реях, искрилась медь поручней, нарядно поблескивали свежевекрашенные борта.

Где же найти шкипера?

Вечером Ирину Павловну вызвал к себе директор института и предупредил, что, очевидно, экспедицию придется «сворачивать». Жаль, добавил он, тех средств, которые уже израсходованы. «Меридиан» – такие сведения – вмерз в береговой припай неплотно, – может быть, он еще и вырвется из ледового плена. «Тогда и поговорим», – закончил свою речь директор, и Рябининой осталось только промолчать, хотя ей было обидно и горько...

Пить чай вечером дома в полном одиночестве – не так уж и приятно. Прохора нет рядом, около плеча какой-то холодок и пустота, а Сережка... «Где-то он?»

Ирина Павловна машинально придвинула к себе тяжелый кирпич «шканечного журнала» шхуны. Машинально раскрыла журнал на последних страницах и прочла:

«...На шхуну солдата поставили с ружьем. На губной гармошке играет бойко, а говорить учнет, так точно собака лает. Гав, гав! И фамилия у него какая-то чудная – Антервентом прозывается...»

«...Ночью Антипка Сорокоум якорь поднял и шхуну в море вывел. Антервент проснулся, из ружья палить зачал, так мы его к рыбам кинули...»

«Крейсер ассев за нами гонится. Антипка Сорокоум всем по зубам надавал, велел топселя ставить. Высоко, страшно! Ушли от крейсера, а шхуну на отмель выкинули, чтоб врагам не досталась... На-ка, Борис Нилыч, выкуси!...»

«Антипка Сорокоум...» Что-то очень знакомое в этом имени. Уж не Прохор ли рассказывал ей? Или она слышала это имя в своей молодости? От кого? «Сорокоум – Сорокоумов». Антипка теперь, если только он жив, стал Антипом. А что, если я...

Ирина Павловна придвинула к себе телефон, набрала нужный ей номер:

– Это я, Генрих Богданович. Простите, что тревожу, но мне больше не с кем поделиться. Ведь я нашла капитана... Да, да! Нашла капитана шхуны. Это Антип Сорокоумов...

Через несколько дней из областного бюро справок был получен ответ на запрос института, в котором сообщалось, что Антип Денисович Сорокоумов, возраста шестидесяти четырех лет, живет и здравствует на своей родине, на берегу Белого моря, в селе Голомянье.

Рябина выехала из Мурманска в тот же день, поручив дела по подготовке к экспедиции своему заместителю – гидробиологу Рахманинову. Приехала она в село в полдень. Скрипел под ногами снег. Вился над избушками дым рыбацких очагов. Лаяли собаки.

Село было древнее и знаменитое: на весь север оно славилось своими мастерами-корабельниками, из века в век село ладило шняки да шхуны, которые бороздили океанский простор, появляясь то возле Груманта, то возле Вайгача.

И, проходя по узеньким заснеженным улочкам, женщина испытывала легкое приятное волнение. Сама улица, тесно застроенная деревянными особнячками с высоко поднятыми над землей окнами, с резьбой, коньками и флюгерами, напоминала старую Москву до французского пожара, знакомую Ирине Павловне по старинным олеографиям.

Наконец она остановилась перед домом, в котором, судя по адресу, должен был проживать Сорокоумов, и с замирающим сердцем постучала в дверь.

Женский голос откуда-то сверху ответил с характерным поморским акцентом:

– Поцто стуцишь? Ворота и так нараспашку.

Ирина Павловна вошла, поднявшись по лесенке в сени, где в облаках пара склонилась над корытом широкозадая женщина, стирающая белье.

– Мне нужно Антипа Денисовича.

– А вон пройди, милая, через горницу, он там цаевницает, – ответила ей женщина, зорко оглядев из-под платка незнакомую гостью.

Ирина Павловна прошла – и очутилась в светлой комнате о шести окнах. По обстановке было видно, что хозяин дома придерживается старины. Двери синели аляповатыми васильками, пол устилали шкуры медведей, над комодом рядом с моржовым клыком висели часы с кукушкой. Теснились шкафы с фарфоровой посудой норвежского производства, сверкали со стен перья заморских птиц неожиданной раскраски...

Вот и все, что успела заметить Рябина, когда отдернулся ситцевый полог, разделявший комнату надвое, и перед нею предстал сам Сорокоумов.

Ирине Павловне сразу вспомнилась шхуна, четкая стремительность ее мачт, паразитальная легкость корпуса – все, чего коснулась творческая мысль мастера.

Каково же было ее удивление, когда она увидела маленького седобородого старичка в заплатанной кацавейке, с хитро бегающими лукавыми глазками. Домашний шерстяной колпак покрывал его маленькую головку, и от этого старичок казался волшебным гномом из детской сказки. Но что сразу поразило Рябину, так это лицо мастера и капитана: чистое, румяное, как у младенца, оно не имело ни одной, даже мельчайшей, морщинки.

Сорокоумов пригласил гостью к столу, где шипел самовар, горкой лежали пышные «челноки» с крупяной начинкой, а в миске была «кирилка» – кушанье коренных поморов, состоящее из смеси ягод, рыбы, молока и ворвани.

Ирина, еще не совсем веря, что перед нею сидит человек, построивший шхуну, осторожно спросила – не сможет ли он показать чертежи. Она уже не решалась просить большего, ей хотелось узнать хотя бы схему расположения рангоута и такелажа.

Антип Денисович неожиданно рассмеялся ядовитым смешком:

– Чертежи на снегу были, а ручки побежали да смыли. Так и строил ладью на глазок.

– А сколько же лет плавает ваша шхуна?

– Да уж теперь, кажись, на тридцать вторую воду пойдет. И еще столько же просидит на воде, дочка. Больно уж лес добрый!..

Звонко прихлебывая чай с блюдечка, он улыбался.

Ирина Павловна поняла, что с этим стариком надо держать ухо востро, и решила идти напрямик.

– Антип Денисович, – сказала она, – без вас ничего не ладится. Способны ли вы снова повести шхуну в море?

Ее поразила та легкость, с которой он дал согласие:

– Море – это горе, а без него, кажись, вдвое. Я поведу шхуну, тем более карман хоть вывороти, словно в нем Мамай войной ходил.

– Вы подумайте, – осторожно вставила Ирина Павловна.

Сорокоумов обиделся:

– Сказываем слово – так, стало, не врем, дочка.

– Но вы даже не спросили, куда идет шхуна.

– А мне хоть на кудыкало. Есть Спас и за Грумантом.

– В Спаса не разучились верить?

– По мне, так в кого хошь верь. Все равно: спереди – море, позади – горе, справа – мох, слева – ох, одна надежда – Бог!..

– Ну так, значит, договорились? – решила закрепить разговор Ирина Павловна, боясь, что этот странный старик раздумает.

Сорокоумов хитро подмигнул в ответ:

– А кто надо мной начальствовать будет?

– Ну хотя бы я!..

– Молода еще, дочка. Выпей сначала воды, сколько я беды. Ну-ка, скажи, какой самый страшный зверь на севере?

– Комар.

– А ведь угадала! Ну, а какой самый длинный конец на корабле и какой самый короткий?

– Короткий – не знаю, а самый длинный, наверное, будет ваш язык, Антип Денисович, – улыбнулась Ирина.

– Тоже угадала! Молодец!

И посыпались вопросы, которые Сорокоумов задавал, даже не ожидая на них ответа:

– А какого дерева нет на севере?.. А где баян изобрели?.. А куда водяные черви от Святого Носа делись?.. А как медведи в воду влезают?.. А как олени рыбу ловят?..

Ирина Павловна сказала, что ставит ему условия. Сорокоумов мгновенно насторожился:

– Какие?

– Вы не будете распускать руки, как делали это раньше.

– Хорошо, дочка. Буду по пословице держать голову наклонно, а сердце покорно. И ты еще, погоди, полюбишь меня, за что Иван Грозный полюбил Ченслера, – за ум и длинную бороду. Только и у меня будут условия.

– Какие?

– Задаток, капитанская фуражка с «капустой» в придачу и команда та, которую пожелаю.

– А что за команда?

– Мои сыновья. Каждогодно государству столько мяса да ворвани промышляют, что никакой мясной ферме за ними не угнаться. Их за это даже на фронт не отпускают, броню дали. Вон они у меня какие!..

Он показал на фотографию молодого широколицего парня в светлой зюйдвестке, весело рассмеялся:

– У меня сыновей четверо, а четырех портретов и не требуется. Все они как четыре капли воды. Завел одну фотографию, а любуюсь на всех сразу.

– А кто они – морские зверобои?

– Ты что же, не видишь, дочка! К мореходному ремеслу сызмала приучены, а умники такие, словно каждому по сто голов в шею ввинчено. Вот уж я их на шхуне заставлю батьку уважать. Чтоб «капусту» на фуражку обязательно!

– Теперь как насчет вашего заработка?

– Эх, дочка! – игриво отмахнулся старик. – На море-океяне, на острове Буяне, стоит бык печеный, в боку чеснок толченый, а ты с одного боку режь, а с другого ешь!

Ирина Павловна уже начала уставать от болтливости старика. Поднявшись из-за стола, она сказала:

– Ну, ладно, тогда надо собираться. Дело не ждет.

– А чего мне собираться? Брюхо вот с собою прихвачу. Да зубы еще нешто. Ну... язык. Смотришь – и проживу зиму-то припеваючи!..

Когда Ирина Павловна уже спускалась вниз по лестнице, она слышала, как Сорокоумов окликнул стиравшую женщину:

– Катеринка! Тащ сюда шкалик. У меня сегодня праздник – я снова стал шкипером!

«Шарнгорст» и джунгли

Командующий флотилией «Норд» адмирал Шкивинд в молодости командовал миноносцами и до старости терпеть не мог крупных кораблей. Но для того чтобы держать в напряжении русских и англичан, гросс-адмирал Дениц перебазировал именно в район его флотилии такие дорогие игрушки, как линкоры «Шарнгорст» и «Тирпитц». Котлы линкоров, поставленные только на подогрев, днём и ночью пожирали десятки тонн драгоценного топлива. Полуторатысячные команды линкоров не отставали от котлов в чудовищно быстром истреблении хлеба, масла и меда. Один бортовой залп орудий выбрасывал в пустоту такие суммы чистым золотом, которые как-то не укладывались в голове адмирала-миноносника. К тому же он не понимал этой мощи, которая представлялась ему не силой, а лишь силой в потенци, – ведь недаром же еще в начале 1942 года Шкивинд предупреждал Геринга, что он не рассчитывает на успешные действия крупных кораблей в водах Полярного бассейна.

Однако с его мнением в Берлине не посчитались, и на втором году войны состав немецкой эскадры, базирующейся на главном рейде Альтен-фиорда в Финмаркене, определился для адмирала окончательно. В глубине узкого каменного «чулка» дымили линейные корабли «Тирпитц» и «Шарнгорст», броненосцы «Адмирал Шеер» и «Лютцов» бродили во мраке у самой кромки полярного льда, крейсера «Хиппер» и «Кёльн» прощупывали дороги коммуникаций цейсовскими «чечевицами» дальномеров; неизменно восемь – двенадцать немецких эсминцев стояли под парами в Варангер-фиорде, и по всему океану были рассыпаны десятки пиратских субмарин.

5 июня 1942 года флагман германского флота линкор «Тирпитц» рискнул покинуть рейд Альтен-фиорда. За несколько дней до этого немецкая авиация круглосуточно барражировала над зоной предстоящей операции. Линкор вышел в море, сопровождаемый целой эскадрой во главе с «Адмиралом Шеером». Но одна русская подводная лодка, под командованием капитана второго ранга Лунина, заметила на горизонте дымы эскадры и пошла на сближение с нею. Над морем круглосуточно светило полярное солнце, в каждый всплеск волны впивались десятки биноклей, чуткие уши гидрофонов прослушивали толщу подводных глубин. Винты вражеских миноносцев рвали воду над их головами, но перископ на мгновение уже вышел из воды, и в четкое пересечение нитей вплыл тяжелый борт немецкого флагмана. Залп – и скорее на глубину!.. А через несколько дней герои океанских глубин уже собрались за столом на твердой родной земле и делили на всех поросенка – у подводников-североморцев по старой традиции был такой обычай праздновать победу...

Вскоре «Тирпитц», поставленный на ремонт в Каа-фиорде, англичане поспешили додолбить с помощью крохотных подлодок «миджет» (лилипут), и, таким образом, теперь у гитлеровцев на Севере оставался лишь один боеспособный линкор. Но 22 декабря 1943 года воздушный патруль, вернувшись на аэродром, доложил, что далеко в океане движется к Мурманску крупный конвой английского каравана, и это решило судьбу линкора «Шарнгорст».

Сопровождаемый пятью миноносцами, при страшном морозном ветре «Шарнгорст» вышел в океан по личному приказу Гитлера. Командовал им адмирал Бай. Под покровом долгой полярной ночи линкор направлялся на перехват английского каравана. Миноносцы, сопровождавшие «Шарнгорст», вскоре покинули его и ушли в Альтен-фиорд, не выдержав тяжелой океанской волны. Линейный корабль шел один – он стал рейдером. 26 декабря в радиолокационной рубке английского крейсера «Белфаст» гитлеровский линкор был впервые

обнаружен на дистанции восемнадцать миль. Британские миноносцы начали травить его, как гончие крупного зверя, не отпуская до тех пор, пока не подошел линейный корабль «Дюк оф Йорк» и не вцепился в «Шарнгорст» клыками своих четырнадцатидюймовок. Потом пошли в атаку эсминцы. Над океаном, освещая волны Гольфстрима, прозвучали одинокие взрывы. В цель угодили три торпеды. «Шарнгорст» продолжал отходить к берегам Норвегии, яростно огрызаясь залпами. К рассвету его машины уже хромали, он накренился, сбавил скорость. Тогда из предутренней мглы вышел крейсер «Ямайка» и выпустил торпеды. Последние взрывы прозвучали как финал сражения. Всего «Шарнгорст» принял на себя удары четырнадцати торпед, после чего линкор, ложась на правый борт, перевернулся и затонул. Англичанам удалось спасти всего тридцать шесть немецких матросов...

* * *

Примерно в полумиле от МО-216 стоял английский корвет «Ричард Львиное Сердце». Что-то непонятное творилось на его палубе: матросы собрались толпой у борта и горланили песни. На мачтах корвета колыхались праздничные флаги, а по рейду ходила шустрая шлюпка под ярко-алым парусом.

– Никак революцию делают! – пошутил боцман Чугунов. – Смотри, смотри, командир: они что-то рвут!

Вдоль борта корабля закружились какие-то белые хлопья.

– Старая английская традиция, – сказал Вахтанг, опуская бинокль. – Джентльмены любят по праздникам рвать книги.

Англичане привели вельбот на фордевинд, перерезав носом линию ветра, и шлюпка, приминая гребешки волн, начала лихо галсировать невдалеке от катера.

– Смело идут, – сказал боцман с опаской, – даже парус в рифы не забрали...

Неожиданно сильная волна перехлестнула борт шлюпки, и парус упал с ее мачты. Было видно, как англичане вычерпывают воду своими высокими, словно ведра, меховыми шапками.

Набрав полную грудь воздуха, Вахтанг крикнул по-английски:

– Подходите к нашему борту!

Уже на веслах англичане подвели шлюпку к «охотнику» и выбрались на его палубу. Среди них были пять матросов, офицер и штатский, в фигуре которого угадывалась военная выправка.

На матросах были синие голландки с широкими вырезами на груди, откуда виднелись зимние черные манишки с вышитыми на них королевскими коронами. Брюки клеш вправлены в белые гетры. Длинноволосые головы покрывали шапочки с бантиками. На лентах стояли тисненными золотом три буквы: «HMS», что означало: «Корабль его величества». У каждого матроса на груди, в знак вечного траура по адмиралу Нельсону, была завязана галстуком длинная черная тесьма.

К Вахтангу первым подошел рослый детина в штормовых сапогах с крупными медными застежками, позеленевшими от морской сырости.

Представился:

– Командир корвета «Ричард Львиное Сердце» – Эльмар Пилл...

Он стоял, держа в руке мокрую меховую шапку и отставив в сторону ногу. Ветер трепал его волосы цвета выцветшей соломы. У Пилла было бледное вытянутое лицо с непомерно высоким лбом. Шотландская борода покрывала шею короткими бронзовыми завитками. На левой щеке темнело большое родимое пятно.

Вслед за командиром корвета к Вахтангу бодро шагнул полный человек лет пятидесяти, с ямочками на румяных щеках. Черный сюртук, черный цилиндр, в черный галстук вкраплены золотые якоречки. Толстяк склонился в вежливом полупоклоне, и Вахтанг увидел под его сюртуком серебряную цепь с потемневшим распятием.

– Священнослужитель флота его королевского величества – Дэвид Линд.

Английские матросы, приглашенные русскими, спустились в кубрик сушить одежду. Над палубой сразу зафырчала труба камбуза – кок спешил приготовить для союзников кофе.

Отозвав Назарова в сторону, Вахтанг сказал:

– Спустись к нашим гостям-матросам, а я возьму с собой боцмана.

Пилл и Линд прошли в тесную каюту Вахтанга, где вся мебель была представлена в миниатюре: маленький стол, узенький диван, крошечная тумбочка, но есть все, как в номере гостиницы, и все закреплено, привинчено намертво.

От союзников уже изрядно пахло ромом, но когда Чугунов принес вино и закуски, они не отказались выпить еще.

Эльмар Пилл, прихлебывая водку мелкими частыми глотками, словно горячий чай, говорил:

– Адмирал Фрейзер держал флаг на «Дюк оф Йорке». Это такой бульдог, что если ему удалось вцепиться в чью-то ляжку, то он зубов уже не разжимает... На «Дюк оф Йорке» держали самку шимпанзе. Наверно, во время боя бедная обезьяна спятила... Я предлагаю знаменитый русский тост. – И, слегка покачнувшись, он поднялся: – Уйпьем уодки!..

Пастор достал серебряный портсигар, вынул из него тонкую оранжевую сигарету из морских водорослей. Чиркнув спичку о пуговицу своего сюртука, раскурил коротенькую фарфоровую трубку. Вахтанг заметил, что ноготь указательного пальца у священника был длиннее обычного. Дэвид Линд зажал спичку ногтем и, держа ее вертикально, дал прикурить командиру корвета.

Заметив удивленный взгляд Чугунова, пастор сказал:

– Переведите, пожалуйста, вашему боцману, что так прикуривает весь флот его величества. Это стало почти паролем. Даже янки переняли от нас это. О, моя страна любит подавать примеры!.. Как-то в молодости король Джордж занимался гимнастикой на спортивном поле. Шел дождь. Он подвернул брюки, и вся Англия сразу подвернула штаны тоже. А портные всего мира уже изменяли фасоны выкроек. Ха!..

Охмелевший Пилл говорил без умолку:

– Господин лейтенант, почему у вас так мало орденов? Я давно заметил, что моряки флота его величества награждаются гораздо чаще. Например, последний орден я получил, когда королева справляла свои именины. А вы?

– После боя с немецкой канонеркой у мыса Маккауэр.

– Вы ее потопили?

– Нет. Она ушла под прикрытие батарей.

– Все равно, давайте выпьем... Скажите, что это за красивый орден с якорем и цепью у вашего подчиненного?

– Это медаль адмирала Ушакова.

– О, я ценю русских! Они хотя и красные, но не забывают своих князей. Англичане тоже умеют ценить славное прошлое. Вблизи Лондона, на Темзе, по сей день стоит корабль Нельсона, на котором одноглазый и безрукий адмирал дрался при Трафальгаре...

Пастор неожиданно поднял стакан:

– За победу эскадры его королевского величества, – сказал он, – которая потопила главную угрозу русскому флоту на севере – рейдер «Шарнгорст»!

Вахтанг несколько покорило от такого тоста, и даже боцман Чугунов заметил это.

– Чего этот поп сказал? – спросил старшина.

– Обожди, боцман, я им сейчас отвечу... Джентльмены, мы весьма благодарны вам. Заранее прошу прощения, но я обучался не дипломатии, а кораблевождению, и вот сейчас, пользуясь почетным правом называться вашим союзником, спрашиваю...

– Когда мы откроем второй фронт в Европе? – досказал за него командир «Ричарда» и расхохотался, запрокинув кверху свою курчавую бородку. – Все русские спрашивают нас только об этом.

– Мне кажется, – насупился пастор, – русский коммандор забывает, что Штаты и Англия помогают Советам.

– Было бы глупо отрицать сам факт вашей помощи, – продолжал Вахтанг. – Вот даже сейчас я, ваш покорный слуга, закусываю водку вашей тушенкой. Мне нравится белоснежный американский хлеб. В матросских галюнах висит ваш пипифакс. Но разве пипифакс стоит человеческой крови?

– Я понимаю, – серьезно ответил Эльмар Пилл, и в этот момент он показался Вахтангу не таким уж и пьяным. – Я понимаю, что второй фронт необходимо открыть. Но мы еще не подготовлены к этому. Вы, наверное, читали книгу адмирала Бэкона и знаете, что такое Дюнкерк? Так вот, мы и не хотим второго... нет, уже третьего Дюнкерка!

Пастор, отхлебнув водки, сурово добавил:

– Не забывайте, что наши войска сражаются в африканских пустынях. Генерал Роуан Робинзон ведет войну в джунглях Бирмы. Отряды «коммандос» постоянно десантируют в Нормандии...

– Все это так, – покорно согласился Вахтанг, – и мы, советские люди, уважаем английского солдата и матроса, который борется с фашизмом. А вот скажите, не приходилось ли вам видеть, как итальянские рыбаки убивают осьминогов? Они ведь не пытаются рубить по частям ему щупальца – нет! Они яростно накидываются на это чудовище, которое облипает их своими лапами, и зубами разгрызают ему пузырь на голове. Противно? Мерзко? Да, и противно, и мерзко. Но ничего не поделаешь. А насчет джунглей и пустынь беспокоиться не стоит. Они станут бессильны сами, как щупальца, когда мы перекусим Гитлера в рейхстаге!..

* * *

Гости скоро ушли, благодаря за гостеприимство, причем пастор уже здорово «нагрузился», крест вывалился у него из-под сюртука и раскачивался теперь наподобие маятника. Матросы, садясь за весла, дружно рявкнули песню о том, как далеко отсюда до родного Типерери, и вельбот скрылся в тумане.

Шел густой липкий снег, скрывая залив за плотной, непроницаемой завесой. Послышался зловещий рев сирен, и скоро в белых полосах метели показался темный борт гигантского утюга длиной ровно в четверть километра. Это возвращался с моря победитель «Шарнгорста», на котором вместе с адмиралом Фрейзером и двумя тысячами людей плыла в карцере обезьяна, взбесившаяся от грохота залпов.

Лоцманский мотобот вывел «Дюк оф Йорк» на середину глубокого рейда, и из клюза линейного корабля рухнул в воду десятитонный якорь с вывороченными лапами. Потом весь залив огласился молитвой. Из люков британского линкора вязко и заунывно выплывал погребальный тягучий мотив. На палубах крейсеров и миноносцев команды стояли в строю, впереди – унтер-офицеры с аккордеонами. Матросы, обнажив головы, пели:

От скал и бурь, огня и врага

Защити всех плавающих.

И вечно будут возноситься к тебе

Хвалебные гимны с моря и суши.

Королевская эскадра до поздней ночи посылала в черное небо молитву за молитвой, благодаря бога за победу и за благополучное возвращение к земле.

И долго еще над заливом звучали выкрики:

– Аминь!.. Аминь!.. Аминь!..

Отец и сын

Утром следующего дня «Аскольд», после удачной атаки подводной лодки, бросил якорь на внешнем рейде Иоканьги. Дул сильный свежак, отжимающий корабль от берега. Якорь забрал плохо – в кубриках было слышно, как он грохочет по грунту, цепляясь лапами за камни. Решили подойти к борту транспорта, который все время работал против ветра машинами. Капитан транспорта дал «добро» на швартовку, и патрульное судно притулилось сбоку громадного корабля, прячась от ветра за его высоким бортом.

Прохор Николаевич вышел на палубу. Внизу ворчала мутно-зеленая кипень воды. Дрались чайки из-за отбросов, вышвырнутых коком. Вдоль транспорта висели на беседках матросы и красили борт, распевая:

Пускай далек родимый дом —

Не будет он забыт.

Моя любовь в порту родном

На якоре стоит...

Рябинин, задрав кверху голову, наблюдал за их работой. Ветер раскачивал легкие беседки, разбрызгивал с кистей краску. Издали капитану было виднее, и он заметил, что матросы пропустили целую полосу невыкрашенного борта.

Прохор Николаевич сердито засопел трубкой и, не вытерпев, крикнул:

— Эй, вы! На транспорте!.. Так только зебр перекрашивают.

Матросы обернулись на голос капитана, а один из них стал быстро отвязываться от беседки.

— Отец! — закричал он, и Рябинин невольно вздрогнул.

А Сережка, раскачавшись в воздухе, уже прыгнул вниз. Под ногами громынуло железо, и он уже стоял на палубе «Аскольда».

— Осторожней надо. Так ноги поломать можешь.

— Не поломаю. Будь спокоен!

Вот и все те слова, что были сказаны при встрече. Не обнялись, не поцеловались. Только коротко пожали руки, глянув один другому в глаза. Нежный и ласковый с матерью, Сергей становился с отцом черствее и суше: рядом с ним он чувствовал себя взрослым.

Прохор Николаевич, в свою очередь, оставался для сына тем, кем был для него все шестнадцать лет, — служил примером его будущего. Лишь изредка в их отношения вкрадывалась грубоватая снисходительность, которая выдавала отцовскую ласку, и Сережка каждый раз принимал ее как заслуженный подарок за верность своей мечте.

Они прошли в каюту. Сели.

Прохор Николаевич спросил:

— Служишь?

Тряхнув головой, сын так же коротко ответил:

— Служу.

Он сидел прямо, обхватив колени узловатыми пятернями. На нем были надеты грязный тощенький бушлатишко с чужого плеча, короткие парусиновые брюки, из-под грубых флотских ботинок выглядывали серые байковые портянки.

Юноша сильно похудел, на его лице выделились скулы, глаза запали глубже, а посиневшие от холода руки (рябининская крепкая кость) были сплошь покрыты шершавыми цыпками.

Прохор Николаевич медленно перевел взгляд: на столе, под толстым стеклом, лежала маленькая фотография Сергея перед войной; круглолицый мальчик с пионерским галстуком сидел на стуле так же ровно и прямо, как сейчас: чистая фланелевая куртка, широко раскрытые пытливые глаза, в руках сына темным лаком поблескивает скрипка.

— Ты не хотел бы вернуться домой?

— Ни за что! — ответил он. — Ведь ты же знаешь: я всю жизнь мечтал о море. Не смотри на фотографию: весло держать удобнее, чем смычок скрипки... Вначале я даже пытался попасть на военный флот, но не приняли — молод! Что ж, здесь я не воюю, зато как-никак плаваю... Хотя, если говорить честно, воевать все равно хочется.

Сережка, помолчав, осторожно спросил:

— Отец, ты мог бы взять меня на свой корабль?

— Мог бы.

— Так возьми! Буду воевать под твоим командованием.

— Нет! Не возьму.

— Почему?

– Я стану требовать с тебя, как с родного сына, гораздо больше, чем с других.

– Ну, возьми... Возьми меня, отец!

– Не проси! – отрезал Рябинин. – Лучше скажи: ты хочешь есть?

Сережка смутился:

– Нет, спасибо!.. А впрочем, если найдется, поел бы немного.

Прохор Николаевич позвонил на камбуз. Кок принес обед. Сын ел много, торопливо, аппетитно чавкая, – сколько ни старалась Ирина, а есть аккуратно она его так и не приучила.

Зато корабельный кубрик за одну неделю приучил Сережку глотать все без разбору и как можно быстрее, чтобы не опоздать на вахту.

– Вас плохо кормят, – заметил Рябинин, наблюдая за сыном.

– Нет, не плохо. Но мне почему-то не хватает.

– Почему-то, – улыбнулся отец. – Ты кем служишь?

– Подвозчиком угля к топкам. Говорят, что, когда войдем в Атлантику, мне доверят стоять вахту около котлов... Ведь ты, отец, начинал так же, как я, – точно оправдываясь, сказал он.

– А я тебя и не укоряю, – серьезно ответил Прохор Николаевич. – Каждый из нашей семьи теперь будет делать полезное дело. Ты начинаешь свою жизнь неплохо.

Сережка отодвинул пустые тарелки.

– Я завидую тебе, отец: ты вышел в море, когда тебе исполнилось всего восемь лет.

– Я не так, как ты, – сказал Рябинин, – я по нужде пошел в море. Весной-то у нас, в Керетском стане, вербовщики собрались, отец нанялся рыбу для купцов ловить, ну и меня в зуйки определил. А дело у зуйки ясно какое: ярусы мальками оживлять, кашу варить да подзатыльники огревать. Мать-то моя плакала – каждый год на Мурмане шняки тонули, а отец молчал: все лишний рот из семьи долой! Ну и пошли... Около Святого Носа, где открытый океан начинается, меня причастили: стакан воды морской выпил, чтобы меня море не било. А заработали мы с отцом за все лето десять рублей, две бочки тресковых голов, да еще хозяин сжалился – дал мне рубашку. Так вот и началась моя жизнь морская, сынок...

Рябинин выдвинул ящик тумбочки, достал большую жестяную банку, в которой хранил табак. По краям банки были нарисованы рыбы, идущие косяком в мелкую сеть, а на крышке красовалась витиеватая надпись: «Мурманская сельдь. Лыткины. Отец и сын».

– Сколько я тебя помню, – сказал Сережка, – у тебя всегда была эта банка. Вот обожди, побываю в Ливерпуле и привезу тебе хорошую коробку для табака. Допустим, из палисандра. Говорят, он здорово пахнет!..

Закурив и дымя трубкой, Рябинин сказал, бросив банку обратно в тумбочку:

– Ведь это как раз те самые Лыткины, у которых я в зуйках служил... Перед самой мировой войной Лыткин-старший помер. Однажды с перепою печень матики белой съел, так на следующий день волосы на голове выпали, глаза распухли, заживо гнить стал. Сын был у него, только что гимназию закончил. Вот он и принял в свои руки дела отцовы. Этим же летом в Балтийское море ушла шхуна, и я матросом на ней был. Мне тогда четырнадцать годков стукнуло. Привели мы шхуну в Ригу, и тут такое случилось, даже старики головами качали. На что отец был хорош, а сынок повершил: поставил шхуну в док, а нас обсчитал так, что без копейки остались. Проболтались мы неделю в городе, потом решили до Архангельска зайцами пробираться. Сели в поезд, а нас еще до Питера высадили. Разбрелись матросы – кто куда! И не знаю, то ли у меня характер был упрямее, то ли по северу я тосковал больше других, а только сплел я четырнадцать пар лаптей, как сейчас помню, и пешедралом до самого Архангельска махнул. Два месяца шел, а добрался...

Звонко ударили склянки.

Сережа встал:

– Мне пора на вахту.

– Ну, ладно, иди! Что передать матери?

Сережка, подумав, ответил:

– Скажи ей, чтобы не тревожилась и что я... счастлив. Мне сейчас хорошо, отец!..

Рябинин притянул к себе сына. Сережке показалось, что отец сейчас – наконец-то! – обнимет и поцелует. Но отец ощупал под бушлатом его мускулы, хлопнул сына по плечу так, что у того невольно подогнулись колени, и сказал:

– Будь сильным! Сильным и честным. – И погрозил ему пальцем: – Смотри у меня!

* * *

Жизнь учила веслом и винтовкой,
Крепким ветром, по плечам моим
Узловатой хлестала веревкой,
Чтобы стал я спокойным и ловким,
Как железные гвозди – простым.
Вот и верю я палубе шаткой...

В зареве огней, скользя на рифленых площадках, подставляя грудь обжигающим сквознякам, Сережка ловко орудовал лопатой. Шесть огнедышащих топок беспрерывно глотали уголь. Он перекидал за вахту уже несколько тонн, а котлы все ревели, как голодные звери, и старшина кочегаров – жилистый чумазый человек в трусах и тельняшке – весело покрикивал:

– Разве так кидают?! Ровней, ровней!.. Колосник воздух любит!..

Были усталые плечи, похрустывало в позвоночнике, но радость не угасала, била ключом, и глаза светились – он стал кочегаром!..

– Эй, Рябинин! Хватит!.. Отдохни и воды напейся, а то свалишься, не выстоять будет вахту.

Юноша пьет из пузатого чайника мутную опресненную воду, подходит под раструб вентилятора. Тысячекрылая железная бабочка кружится над его головой, намахивая в жаркие корабельные недра кубометры солоноватого воздуха. Транспорт тяжело качается на океанской волне. Далеко отсюда до родного дома. Сережка пытается представить, что сейчас делает мать, вернулся ли с моря отец, думают ли о нем.

Я вышел к родному морю.

И вот закачалась палуба,

И влага – соленая, горькая —

По жилам моим течет...

Утром, когда транспорт «Жуковский» выходил в Атлантический океан, антенна корабля уловила метеосводку:

«Ожидается шторм... Кораблям, находящимся в море... ожидается шторм... Направление ННО... Сила 10–11 баллов... Мелким судам укрыться в гаванях... Кораблям в море... шторм... шторм... шторм...»

Море потемнело, неестественно стихло. Волны, отяжелевшие и ленивые, сонно ворочались за бортом, заглядывая в иллюминаторы транспорта. Но когда Сережка сменился с вахты, уже появился какой-то чересчур резвый и острый ветерок, бойко рыскавший по закоулкам корабля.

Что-то очень тяжелое давило сверху, даже дым из труб не успевал рассеяться за кормой и густой пеленой осаждался на палубе, залепляя сажей стекла рубок. Матросы торопливо крепили груз, среди них, отдавая команды, бегал боцман. С высоты мостика капитан тревожно оглядывал море, заранее накидывая на голову отворот капюшона...

Позади транспорта плавно переваливался с волны на волну камуфлированный эсминец «Летучий», на бортах которого были нарисованы снежные горы.

Сережка спустился в опустевший кубрик и, не раздеваясь, лег на койку. Он долго ворочался на жестком пробковом матраце, переживая затяжное приближение шторма (первого шторма в его жизни), потом усталость взяла свое, и он заснул.

А циклон, свернувшийся около Шпицбергена в сильный тугой клубок, уже стронулся с места и начал быстро раскручиваться. Он сразу подхватил и порвал флюгерный конус,

захлестнул корабли белой накипью и первым же гребнем волны жадно смыл с палубы незакрепленную бочку из-под машинного масла. Транспорт вздрогнул, качнулся, нырнул вниз, потом был выброшен наверх, и не прошло и часа, как все потонуло в плеске, вое и грохоте...

Сережка вскочил с койки. Сильный толчок отбросил его в сторону. Железная дверь захлопнулась с размаху так громко, точно выстрелила пушка. Юноша попытался встать на ноги, но его проволокло животом по палубе, и он ударился головой о рундук.

Над подволоком прокатывалось что-то тяжелое и звонкое, как весенний гром. Цепляясь за что попало, Сережка кое-как выбрался в коридор. Здесь было полно народу, всех мотало и кидало друг на друга, кто-то пытался закрыть дверь на верхнюю палубу, через которую в коридор вкатывались водяные валы.

Повсюду слышались голоса:

- Шлюпку из кильблоков ка-ак выворотит да ка-а-ак ахнет!
- А я стою, вдруг меня чем-то по голове двинуло – это раструб снесло.
- На палубе – ни одного поручня...
- Ребята, что с боцманом?
- Ногу придавило.
- Чем?
- На палубе груз раскатывается, ну, а он – крепить...

Среди матросов расхаживал мокрый взъерошенный старпом с аварийным топором в руке. Увидев Сережку, он погрозил ему кулаком:

- Я те! Попробуй на палубу вылезть!..

Юноша протиснулся поближе к выходу и увидел боцмана. Боцман сидел на палубе, прислонившись спиной к теплой камбузной переборке, от этого казалось, что старый моряк греет промерзшую спину. Но едва только Сергей взглянул ему в лицо, как сразу понял, какие мучения переживает сейчас этот грубый, но в то же время по-своему ласковый человек.

- Больно, дядя Софрон?
- Ох, сынок, – простонал боцман, – кость, наверное, сломало!.. Большой ящик был...

Ох!..

И вдруг, весь как-то выпрямившись и вытаращив белки глаз, боцман заорал, перекрывая могучим басом грохот океана:

- Эй, вы, чего стоите? Давай все наверх – груз крепить. Пошел!..

Сережка выскочил на палубу. Ветер неистово толкнул в грудь, волна прошла рядом, подломила колени. Он вспомнил школьные перемены, когда, озорничая, мальчишки подсекали один другому ребром ладони поджилки и колени подгибались точно так же: «Давно ли это было?..»

Матросы пытались взять палубу штурмом, но каждый раз отбрасывались морем назад, точно мелкие камешки греющим прибором. На грузовой палубе хозяйничал шторм. Следы разрушения виднелись повсюду: изогнутые шлюпбалки, смятые вентиляторы, размочаленный такелаж. Волны перекатывались через груз белыми потоками, и громадные, обитые железом тюки качались и скрипели, расползаясь по палубе, как живые.

Старпом выкрикивал какие-то команды, но ветер рвал его голос и уносил далеко в сторону. До слуха долетало только одно протяжное:

- А-о-е-а-а!..

Неожиданно пошел мокрый снег. Он летел над морем горизонтальными пластами, плотной жижицей облеплял наветренный борт транспорта. Снег забивался в уши, в глаза, за шиворот и был на редкость густ и липок. Силуэт миноносца за кормой постепенно терял свои очертания и скоро стал напоминать какую-то белесую тень, ныряющую в глубоких провалах волн.

Матросы собрались под навесом кают-компания, где вода закрывала их иногда по самые плечи, и, стуча зубами, громко ругались.

- Если бы только трос через люковницу трюма перекинуть!..
- И обнести вокруг ящиков!..

– И затащить...

– Надо попробовать...

Кто-нибудь вырывался вперед, но сразу же, смятый и оглушенный, отбрасывался назад.

Транспорт гремел и дрожал, облепленный снегом, который не успевали смывать волны. Сережка долго стоял, прислушиваясь к выкрикам людей, потом схватил с вьюшки моток пенькового троса и, улучив момент, когда схлынула волна, выскочил из-под надстройки. Ему что-то кричали вдогонку, но голоса людей быстро таяли за спиной.

Юноша почувствовал первую опасность даже не слухом, а каким-то внутренним чутьем. Прямо над головой уже нависла большая, цвета зеленого бутылочного стекла глыба воды. Он юркнул вбок, вжался в простенок между трапом и радиорубкой. Водяная гора упала на палубу со страшной высоты и разбилась на мириады брызг с протяжным звоном, точно громадная пустотелая льдина. Выплывая соленую горечь, Сережка вскочил на ноги, когда вода еще бурлила у самого горла, и, вдохнув полную грудь воздуха, снова бросился вперед.

Волны рушились позади и перед ним. Но, разгадав закономерность их движения, он уже не пытался встать позже и вжаться в палубу раньше, чем это было нужно. Держа бухту троса, он упорно продвигался к цели, и море уже не казалось ему таким грозным, как тогда, когда он стоял под навесом кают-компаний.

И вот наконец груз: громадные, выше человеческого роста ящики трутся один о другой, перетирая мокрые крепления. Сергей ввязывает трос в рым и, рискуя быть раздавленным качающимися тюками, обносит груз петлей.

Все, теперь можно бежать обратно!..

Волна, холодная и тяжелая, схлынула за борт, оставив на досках лопающиеся пузыри и мыльную пену. Под ногами мчались белые клокочущие струи: высоко над транспортом, точно снежные горы, выростали волны со зловещими шипящими гребешками.

И вдруг Сережка еще издали заметил одну волну, которая выделялась среди других своей величиной и темной окраской. В ее покачивающемся гребне было что-то змеиное.

Тяжело упала волна впереди. Прокатилась с грохотом сзади. Еще, и еще, и еще...

Сережка упал на живот, и – его понесло.

Он смутно видел перед собой только одну-единственную опору – металлический поручень с набитым на нем деревянным планширем. А дальше – забортная кипень, все двенадцать баллов...

Пальцы искали опору, ногти царапали доски, впиваясь в просмоленные пазы настила. Потом на него обрушилось, казалось, чуть ли не само небо. Уже почти теряя сознание, оглушенный и смятый, он чувствовал, что его тащит и тащит куда-то. И когда перед ним выросла пропасть пятиметрового борта, пальцы наконец нашли то, что искали. С закрытыми глазами он вцепился в эту последнюю опору.

Понял: «Держусь, держусь, держусь!..»

А когда открыл глаза, то увидел в своих посиневших руках обломок деревянного планширя с вывороченными железными болтами. И вокруг, насколько хватало глаз, были одни только волны. Да еще где-то вдали ныряла на воде, оголяя вращавшиеся винты, рыжая корма транспорта.

«Вот и все... конец!» – в ужасе, охваченный холодом глубины, подумал Сережка и, заметив скользнувшую мимо тень эскадренного миноносца, заорал во всю мочь легких:

– А-а-а-а... По-о-о-могите-ее!.. А-а-а-а...

Всплеск волны ударил его по голове, со страшной болью лопнуло что-то в ушах, вода захлестнула его крик, и над Сережкой сомкнулось что-то мутно-зеленое, тяжелое...

«А как же мать? Как же с мамой?» – было последней его мыслью.

«Братья по оружию»

Широкие веснушчатые руки капрала Теппо Ориккайнена плотно лежали на баранке руля. Рикко Суттинен хорошо знал такие руки – руки лесоруба и каменщика, слесаря и плотогона, – они умели многое делать, эти трудолюбивые руки финского простолюдина.

Но этих рук иногда надо немного и побаиваться...

– Хочешь? – спросил лейтенант, отцепляя от ремня флягу.

– Если позволите, – согласился капрал.

Рикко Суттинен отвинтил пробку, жадно отхлебнул пяток добрых глотков, технический спирт, густо настоянный на хине (чтобы его не пили солдаты), обжег глотку.

– Собачий холод... Наў, пей! – сказал лейтенант, передавая флягу Теппо Ориккайнену.

Капрал, удерживая руль машины одной рукой, надолго присосался к фляге. Он пил, а глаза его продолжали зорко ощупывать прифронтовую дорогу. Неожиданно две фигуры всадников выросли посреди шоссе, словно из-под земли.

– Немцы! – сказал Ориккайнен и вернул флягу офицеру.

Автоколонна резко затормозила. Лейтенант Суттинен, распахнув дверцу кабины, смотрел, как тихой рысью к ним приближается немецкий патруль. На груди старшего показывалась аккумуляторная коробка фонаря, на касках сверкали жестяные венчики цветков эдельвейса – этих любимых цветов Гитлера. Лошади под всадниками были рослые и крепкие, с выжженными между ушами клеймами конюшен греческого короля.

– Хальт, хальт, – негромко покрикивали немцы.

Это были горные егеря, солдаты того хваленного 19-го горноегерского корпуса, о котором немецкая печать трубила на весь мир. Один немец – постарше – носил на рукаве нашивку за взятие Крита и Нарвика, другой – помоложе – имел нашивку только за сражение под Нарвиком.

– Что надо? – спросил Рикко Суттинен.

Лошадь старшего егеря шумно дохнула прямо в кабину. Небрежно вскинув руку к козырьку каски, егерь спросил:

– Куда едут ваши солдаты, герр лейтенант?

– Мы перебрасываемся в район Петсамо. Восьмая диверсионная рота. В личное распоряжение генерала Рандулича.

– Документы! – коротко приказал немец.

Внимательно рассмотрев проштампованные бумаги, он брезгливо заметил:

– Но здесь у вас нет справки о здоровье ваших солдат.

Рикко Суттинен высунулся из кабины, посмотрел назад. Три затянутых брезентом грузовика стояли вдоль дороги. Из-за бортов выглядывали черные от морозов и ветра, закопченные у лесных костров лица солдат его роты. В соседнем кузове громко плясали, согревая замерзшие ноги.

– Вы видите, что мы прямо с передовой. Нам лечиться некогда, – ответил Суттинен. – И о каких болезнях может идти сейчас речь?

– Например, о венерических, – невозмутимо ответил немец.

Лейтенант криво усмехнулся бледным и тонким ртом:

– Об этом не беспокойтесь. Мы два года держали позицию в таких болотах, где ползают одни гадюки да квакают лягушки. Вы же знаете, что почти все население репатриировано в глубь Финляндии!

Немцы посоветовались, и старший егерь достал из кармана какую-то машинку-щипцы – вроде контрольных. Он подsunул документы восьмой диверсионной роты под зубья машинки и трижды щелкнул ими, прокалывая бумаги.

– Мы пропускаем вас, – сказал он, возвращая документы. – Но лишь в том случае, если ваши солдаты не будут посещать наших публичных домов. Нам совсем не хочется везти заразу в прекрасную Швабскую землю!

Рикко Суттинен быстро вспылil:

– Однако же, сатана-перкеле... Простите, не разобрал вашего звания?

– Фельдфебель, – гордо вытянулся в седле немец и звякнул каблуками по стремянам.

– Ах, только и всего! – нервно рассмеялся лейтенант. – Ну, в таком случае – проваливайте ко всем чертям. А я-то думал, что сам генерал Рандулич интересуется моим застарелым триппером!..

Он со злостью хлопнул дверцей перед самой лошадиной мордой и велел капралу гнать машину, не останавливаясь. «Вот сволочи, – думал он, раскуривая мятую сигарету. – В сорок первом они были куда как ласковой!..»

Капрал, видно, думал о том же.

– Херра луутнанти, – сказал он задумчиво, – у моей тетки Илмари было шестьдесят две коровы, а сейчас осталось только четыре. Они сожрали все наше масло, они рубят наш лес и еще требуют справку... И потом еще говорят: «Вы – наши братья!..»

– Осторожнее, – предупредил лейтенант, – здесь чинят дорогу!..

Русские военнопленные копались у обочин шоссе, засыпая выбоины и сравнивая бугры. Возле костра грелись трое егерей-автоматчиков. Теппо Ориккайнен медленно повел машину вдоль ряда измученных людей, как бы невзначай выкинул в окно только что закуренную сигарету.

– Напрасно, – заметил Суттинен. – Москалей жалеть ни к чему. От них в мире только одни неприятности.

– У меня, – не сразу отозвался капрал, – двоюродный брат в плену у них. Может, вот так же...

Он замолчал и до самого Петсамо не проронил больше ни единого слова. Его могучие руки, красные от холода, с большими, почти квадратными ногтями, все время лежали на руле перед глазами лейтенанта, и Суттинен почти любовался ими: ведь после войны эти руки снова будут валить сосновые деревья на его лесных вырубках «Вяррио».

* * *

После прорыва блокады под Ленинградом финны окончательно разочаровались в могуществе Германии, а немцы, почуввав недостаток доверия к своим особам, стали более настороженно относиться к «курносым», как они называли финнов. И теперь курносые солдаты мечтали об одном – как бы получше выпутаться из этой дурацкой войны, а немцы, наоборот, прилагали все старания к тому, чтобы не выпустить «страну Суоми» из лагеря своих «братьев по оружию».

Но в печать уже просочились первые, еще неуверенные слухи о «петиции 34-х» крупных магнатов Финляндии, которые обратились к правительству с предложением начать переговоры с Москвой. «С возвратом мира, – заявлял один из них, некий Хейкки Хухтамякки, – и условий мирного времени необходимо восстановить наши старые культурные и экономические связи с Советским Союзом, которые должны рассматриваться не как случайность, вызванная специальными условиями, а как естественная необходимость. Эти связи должны быть поставлены на настоящую и прочную основу...» Итак, сепаратный мир – вот к чему стремилась сейчас истомленная войной Финляндия, и честный патриот Паасикиви, невзирая на свой почтенный возраст, мужественно возглавил эту борьбу за мир.

Но немцы уже пронюхали кое-что об этих мирных намерениях и решили ответить страшным контрударом. В этот тяжкий для финского народа период, когда вся страна бредила мечтою о мире, Риббентроп выдвинул для Финляндии программу нового военно-экономического содружества. И на фронте стали уже поговаривать, что Рюти и Таннер эту программу приняли. «В эти трудные дни, – сказал Таннер, – будет испытана немецко-финская дружба, и никаких разговоров о сепаратном мире быть не может!»

– Что ж, – говорил генерал Рандулич, когда фон Герделер представлялся ему, – надеюсь, вам все ясно? Одного узла, конечно, мало. Рюти желает, чтобы мы скрутили курносых вторым узлом. Пожалуйста!.. Ведь мы не приказываем, мы лишь договариваемся. И дело не в авиационной фанере. Даже не в целлюлозе. Финны скоро поймут сами, что перед ними стоит неразрешимая дилемма: или честно воевать вместе с нами, или погибнуть вместе с нами. Третьего выхода быть не может. И пусть они не рассчитывают, что отделаются за блокаду Ленинграда выплатой репараций, – нет, надо внушить им, что азиатское учение задушит финскую цивилизацию... Вы никогда не читали Юхани Ахо? Неплохой писатель...

– Признаться – нет, – ответил фон Герделер.

– Советую. Они носятся с его идеей на почве объединения всех финно-угорских народностей. Об этом нам не надо забывать, когда мы имеем дело с финнами. А сейчас наша главная задача: разжигать финскую армию среди немецких соединений и придать финнам, под видом наблюдателей, наших военных советников! Так будет спокойнее...

Хорст фон Герделер хорошо понимал все это, но при встрече с лейтенантом Рикко Суттиненом он сказал другое:

– Поверьте, что мы, немцы, испытываем к вам, финнам, чувства более искренние, нежели принято думать. Заверения в нашем единстве почти неуместны, если вы вспомните, что Германия не претендует на территории, отвоеванные ею в Ингерманландии. Это – ваше: можете сажать картошку или же разводить тюльпаны. И мы, как вы догадываетесь, находимся здесь, на самом краю Европы, не столько для себя, сколько для того, чтобы облегчить вашу благородную борьбу с азиатским учением большевизма...

Разговор происходил в казарменной пристройке тылового форта, носившего странное название «Бочка с салом». За мутным окном синели вдалеке горы Тунтури, за оранжевым штакетником забора петляли на снегу заячьи следы. Мимо форта лопари гнали куда-то стадо оленей.

А из трубы дезинфекционного барака вылетал жирный черный дым, – это сжигали истлевшее в болотах, грязное и вшивое белье солдат восьмой роты.

– У меня вопрос! – сухо заметил Рикко Суттинен и скрипнул сафьяновыми сапожками.

– Я вас слушаю, – с готовностью отозвался фон Герделер и тут же подумал: «Сейчас, наверное, спросит о программе Риббентропа...»

– Почему, – сказал финский офицер, – мои солдаты опять получили хлебный паек галетами? Я сам видел, как в ваших егерских столовых полным-полно свежего печеного хлеба...

Фон Герделер в кажущемся удивлении вздернул твердый выхоленный подбородок.

Подумал с неприязнью: «Я ему – о тюльпанах, а он мне – о сухарях!»

– Извините, – сказал оберст и, посмотрев на часы, стал натягивать узкие замшевые перчатки нежно-бронзового оттенка. – Однако, насколько мне известно, обеспечение продовольствием финской армии не входит в обязанности немецкого командования. Ваша страна воюет хотя и заодно с нами, но за свои интересы. А следовательно...

– ...Вы не будете препятствовать, – подхватил Суттинен, – если мои солдаты сделают на своих ремнях еще по одной дырке. Я, кажется, правильно вас понял?

Фон Герделер, пожав плечами, рассмеялся почти весело.

– Кстати, – быстро перепорхнул он с этой рискованной темы на другую, – я недавно летел сюда из Нарвика вместе с госпожой Суттинен. Не может ли она быть вашей родственницей? Весьма и весьма занятная дама...

– Не знаю, – нахмурился лейтенант. – У меня, правда, есть сестра, но мы... я и мой отец... Впрочем, – со вздохом облегчения закончил он, – это навряд ли она!

Желая как-то сгладить углы в отношениях, оберст на прощание положил руку на плечо финского офицера:

– Черт возьми, как я завидовал вам в тридцать девятом году. Я тогда торчал в Париже... Весь мир был восхищен вашей доблестью! Сардины, мед и кофе! Вы их получите завтра, завтра!..

Ни сардин, ни меда, ни кофе, конечно, финны не получили. Но зато солдатам выдали новое нижнее белье, густо пересыпанное порошком от паразитов, рота получила по пятьсот патронов на каждого человека. К оружию была выдана особая смазка, чтобы затворы автоматов не застывали при сильном морозе. Чувствовалась близость отправки на передовую линию фронта.

В один из дней Рикко Суттинен надел мундир поновее и отправился в Паркина-отель поужинать. Съев кусок поджаренной оленины, который запивался шведским пивом, он неожиданно решил, что если его сестра здесь, в Петсамо, то неплохо было бы и отыскать ее. Все-таки что ни говори, а ведь не виделись они очень долго. Кайса давно отошла от семьи, и он слышал о ней много дурного, но... сестра есть сестра!

Майор Френк, комендант гавани Лиинахамари, к которому обратился Суттинен, проверил списки финского гарнизона.

– Эти проклятые финские имена, – бурчал он себе под нос, копаясь в списках. – Вот скажите мне, под какой фамилией мне ее искать... Суттинен – это что? А тогда что же Кайса и Хууванха?

– Хууванха – это по мужу, – пояснил лейтенант. – Ищите ее по девичьей фамилии – Суттинен.

– Нашел, – сказал комендант гавани. – Действительно, такая была... Кайса Суттинен-Хууванха. Но ее уже нет в Петсамо. Мы выслали эту особу!

– За что? – испуганно спросил лейтенант.

Майор Френк снял очки и спокойно ответил:

– Удалена по пункту «Д»... За то, что она подрывала в разговорах престиж немецкого командования. Мы не могли держать ее здесь и отправили ее на юг. Вот и все!..

Рикко Суттинен вышел из комендатуры и только на улице подумал, что Петсамо – город финский, и его сестра, Кайса, женщина финская, и она удалена из финского же города. Но удалена не финнами, а немцами...

Тогда он огляделся по сторонам и увидел, что кругом маршируют немецкие солдаты, немецкие подлодки стоят у пирсов гавани, ветер мочалит на заборах обрывки немецких приказов, и тут за его спиной что-то сухо щелкнуло. Рикко Суттинен быстро обернулся – немецкий матрос, пряча фотоаппарат в футляр, сказал ему:

– Чудесный снимок! Я пошлю его своей невесте, пусть она знает, как далеко я забрался!..

* * *

Позиция восьмой роты примыкала на правом фланге к позициям немецкого батальона, которым командовал обер-лейтенант Вульцегубер. Со стороны озера, мимо блиндажей зенитчиков, тянулся в тыл армии снежный туннель – вдоль туннеля, невидимые для русских, днем и ночью шли груженные автомобили. По направлению к реке, за которой раскинулся фронт русской армии, стояли воткнутые в сугробы фанерные щиты с энергичными надписями: «Стоять! Мины!» или: «Дальше не ходи – пропадешь!». В землянках немецкого батальона Вульцегубера работал даже водопровод. Капрал Теппо Ориккайнен провел электричество до своих позиций, и финские солдаты читали по вечерам газеты и книги. Это был фронт, хорошо подготовленный немцами для зитцкрига – для «сидячей войны».

Рикко Суттинен, накинув на плечи маскировочный балахон, вышел из землянки. Черная ворона сидела на снегу и смотрела на него, скособочив голову. Тропинка до немецких позиций шла берегом озера, и только в одном месте, где стоял указатель: «Ложись! Снайпер!», его обстреляли.

Обер-лейтенант Вульцегубер оказался еще молодым человеком. Он был одет в хороший норвежский свитер, расшитый оленями, на ногах его были новенькие русские валенки.

– Рад вас видеть, коллега, – сказал он приветливо. – Вы как раз к ужину...

Вышколенный денщик быстро собрал на стол консервированный хлеб, болгарские томаты, итальянские маслины, голландский сыр и бутылку русской водки, запотевшую с мороза.

– Где достали? – спросил Рикко Суттинен, пощелкав пальцем по водочной этикетке. – Наверное, судьба этой бутылки так же запутанна, как и судьба человеческая!

– О нет, – ответил командир немецкого батальона. – Это еще из старых запасов. В сорок первом году моим егерям достался целехоньким русский склад.

– И до сих пор эта водка сохранилась?

– Но ведь это же – русская водка. Одну такую бутылку можно пить целую неделю и быть пьяным...

Решив сразу же выбить из головы немца подобное заблуждение, Суттинен подсел к столу. Вульцеггубер включил радиоприемник. – Берлин транслировал вагнеровскую музыку.

– Только бы не помешали полярные сияния, – сказал обер-лейтенант, шлифуя верньером чистоту звучания музыки. – Это, кажется, из «Лоэнгрина»? Вагнер – настоящий немецкий композитор. Согласитесь, что в его музыке есть что-то достойное человека!.. Впрочем, – добавил он, – я очень люблю Чайковского, и мне нравится ваш Сибелиус.

– Я поставлю два пулемета за егерским кладбищем, – ответил Суттинен. – Мне нужно лишь быть точно уверенным, что ваши солдаты не полезут под наш огонь. Предупредите их!

– Хорошо. Мы завтра созвонимся по телефону...

Вульцеггубер налил себе водки в стопку-наперсток, Суттинен опорожнил сразу половину бутылки в раздвижной бумажный стакан. Тост был произнесен обычный – фронтовой:

– За то, чтобы я похоронил вас, – пожелал финну немец. – Выпейте, пожалуйста, до дна, дорогой коллега.

– Я выпью до дна за то, чтобы от вас даже не осталось того, что принято опускать в землю. Я выпью за то, чтобы вас разнесло по ветру, а ветер – бессмертен...

Прожевав сардинку, Вульцеггубер, однако, заметил:

– Я не советовал бы вам, коллега, ставить пулеметы. Оборона здесь и без того достаточно эластичная и крепкая. Русским же ваша удачная инициатива может не понравиться... Мы, горные егеря, высижим здесь хоть сотню лет. На смену нам придут сыновья, сыновей сменят внуки. Русские никогда не прорвут нашу оборону. Это им не Украина и не «дуга» под Курском. Здесь – любимые войска фюрера. Но раздражать русских по пустякам тоже не следует. Был «блицкриг» – не удался. Теперь наступил «зитцкриг» – и с этим надо мириться. К чему лишние жертвы?

Суттинен допил водку до конца и побледнел.

– Вы просто боитесь, – тихо, но внятно сказал он. – А вот я... вернее, мы, финны, ни черта уже не боимся. Потеряв все, мы не потеряем одного – национальной чести! И что не нравится москалям, то нравится мне... Завтра же пулеметы будут стоять там, где нужно, и вы еще посмотрите, как на русском берегу негде будет присесть, чтобы справить нужду! Вот так...

– Тогда мой тост окажется пророческим, – согласился Вульцеггубер и выключил радиоприемник.

Стало тихо. Где-то далеко-далеко настойчиво трудился русский «максим», словно швейная машина торопливо дошивала длинную строчку. Ветер с шуршанием переметал за дверью блиндажа сыпучие тундровые снега.

– Ладно, – Вульцеггубер повертел пустую бутылку. – А не хотите ли вы сыграть в кости? Мои егеря изобрели чертовски интересную игру. Вроде бильярда. Это очень просто. Нас двое. Значит, берется восемь костей...

Обер-лейтенант Вульцеггубер выкинул на стол восемь костей, перевязанных цветными нитками. Суттинен присмотрелся к ним и не сразу понял, что это фаланги человеческих пальцев.

– Нет, – сразу протрезвел он, вставая из-за стола. – Я благодарен вам и так. Но мне никогда не нравилось играть со скелетами!..

В ротной землянке его встретил пожилой немецкий офицер в поношенной армейской шинели. Туповатое лицо его выражало какое-то застенчивое добродушие, а глаза глядели почти с нежностью, как у доверчивой собаки.

– Извините, что не явился к сроку, – сказал офицер, жалобно моргая. – Дорога была очень длинная. Поездом, морем и по воздуху. Потом вот здесь уже, в Петсамо...

– А вы, простите, кто такой?

– Обер-лейтенант Штумпф. Придан вашей роте в качестве наблюдателя. Вроде военного советника.

– Зачем?

– Не знаю...

Суттинен расхохотался:

– Ну, и что же вы мне посоветуете для начала?

Штумпф дружески подмигнул, разводя большими руками.

– Мисся войси рююпятя? – сказал он, намекая на выпивку. – Халуайсин суурести юода паловиина!

И хотя это желание опохмелиться было высказано через пень в колоду, но все же понятно для любого финна.

– Откуда вы знаете мой язык?

– Да, черт возьми, я уже служил советником. Летом меня подшибла русская «кукушка». Пуля содрала кору с дерева и залупила эту кору мне под кожу. Я чуть не сдох от гангрены. После госпиталя меня хотели оставить в Германии, но я сам попросился на фронт.

– Почему?

– Да потому, армасустявя, что в Германии сейчас хуже, чем на фронте. И жрать нечего. И бомбы. И глупости. И молчат все. И вообще – пошло все в такапуоли!

Этот немец чем-то сразу понравился лейтенанту. Суттинен вызвал своего капрала Ориккайнена и сказал ему:

– Слушай, Теппо, где хочешь, а достань спирту нам. И завтра утром не буди нас. Мы сами проснемся...

Потом повернулся к обер-лейтенанту Штумпфу:

– А где ваши вещи? Раскладывайтесь.

Штумпф раскрыл перед ним чемодан – он был пуст.

– Все? – спросил лейтенант.

– Еще вот только то, что на мне, – ответил Штумпф. – А остальное все осталось по дороге. Городов-то по пути много. И в каждом городе необходимо выпить.

– У меня в роте есть лишний миномет, – доверительно сообщил Суттинен. – Мы его отправим куда надо. Бочки самогона нам хватит надолго.

– Хватит! – убежденно заверил Штумпф.

В этот вечер они подружились.

Погоня за человеком

Одинокой женщине трудно. Еще труднее с ребенком. И совсем плохо в чужом городе. Ни единой родной души...

Начальник военкомата, пожилой человек, уже отвоевавший свое в полную меру, проходил однажды по коридору. Протез его гулко скрипел в пустом коридоре, и на этот, очевидно, скрип обернулась сидевшая на диване женщина. Полковник заметил ее заплаканное лицо и прошел дальше. Мало ли он видел женских слез на свете! Но что-то заставило его обернуться, и женщина тоже встала ему навстречу.

– Может, вы мне поможете? – спросила она.

– Чем могу быть полезен? – с услужливостью интеллигента осведомился полковник.

– Вы знаете, я вот уж какой день... Все хожу сюда. И никакого толку. А мне хоть что-нибудь, хоть что-нибудь... О нем бы узнать мне!

– Буду рад услужить вам. Пройдемте ко мне и поговорим...

Аглая Никонова прошла за полковником в кабинет. Взволнованно и сбивчиво женщина поведала этому человеку горестную историю поисков своего мужа.

– Мне бы хоть один след от него! Хоть что-нибудь...

– А вы обращались к товарищу Потулову? Что же он ответил вам? Ничего не ответил? Странно... А товарищ Степанов? Тоже не знает... А как же?

– Помогите мне, – умоляла Аглая. – Мне бы хоть след!..

– А я вот тоже своих ищу, – сказал полковник. – Тоже коренной ленинградец. Вы на какой улице жили?

– На Международном. Около Фрунзенского универмага.

– Ну, нет. Я на Васильевском острове. Хоть самому поезжай. Никаких следов... Ну, мать-то – старушка, навряд ли выжила. А жена – не знаю. Не пишет. Аттестат послал ей – никакого ответа. Что делать? А вашего мужа мы найдем...

Он не поленился подняться с нею на третий этаж, заставил сотрудников перерыть архивы сорок первого года.

– Мобилизация-то ведь, сами знаете, проходила в спешном порядке. Раз-два, винтовку на плечо – и пошел солдат! Тут не до канцелярщины было! Однако найдем...

Работники военкомата с добросовестностью подчиненных, за спиной которых стоит начальник, перерыли содержимое трех громадных шкафов, но ничего не нашли.

– Может, он не в нашем городе призывался?

– Да он совсем не призывался, – снова заплакала Аглая. – Он добровольцем пошел...

– А в той картотеке, – с ударением на слове «той» подсказал полковник, – вы тоже смотрели?

– Нет.

– А вы проверьте на всякий случай...

Работник военкомата ушел и скоро вернулся, листая какой-то документ.

– Никонов? – спросил он.

– Да.

– Константин?

– Да.

– Петрович?

– Да.

– Год рождения пятнадцатый?

– Он! – вскрикнула Аглая.

Полковник тоже взглянул на документы.

– Так вот, – сказал он. – Это уже не по нашей части. Вам надо пройти на Песочную, там увидите... Такой деревянный особнячок. А мы сами ничего не знаем.

– Спасибо, большое спасибо!..

Однако на Песочной улице, в учреждении, которое могло дать ответ, уже никого не было, и дежурный матрос посоветовал прийти завтра пораньше.

Тетя Поля встретила ее на пороге обычным вопросом:

– Ну как? Нашла?

– Кажется, завтра узнаю все. А пока – ничего...

Напрасно боцманша уговаривала ее не сидеть дома:

– Да выйди ты хоть куда-нибудь. Ну что тебе со мной-то, со старухой, делать тут? Эвон, хочешь соседского мальчишку за билетом пошлю в кино? Недалече тут от нас. «Радугу» показывают. И такая-ча там курва играет. Муж-то у нее, слышь-ка, на фронте кровь проливает, а она, стерва мокрохвостая, с немцем жить стала. Сегодня на комбинате только про эту картину и говорят девки. Хочешь, и я с тобой пойду?

Но Аглая в ответ только качала головой, лежа кверху лицом на диване, как-то холодно, почти машинально ласкала свою девочку, тормошившую ее, и настойчиво, тяжелодумно смотрела прямо перед собой в чисто выбеленный потолок.

Среди ночи она встала и разбудила боцманшу.

– Тетя Поля, – спросила она, – и так его больше никто и не видел?

Полина Ивановна спросонья не поняла:

– О ком ты, сердешная? Ты не рехнись, Аглаюшка, мне и без того морока с тобой!

– О нем я, тетя Поля... Вот ушел он с «Аскольда», так неужели больше его никто и не видел?

Тетя Поля зажгла свет, посмотрела для начала на стенку – не ползет ли где клоп-зараза?

– Никто, – ответила она. – Никто и не видел. Говорят вот только, будто он в морскую пехоту попал. Да тут многих наших рыбаков в солдатское переодели...

– А почему же он сам никогда не пришел на «Аскольд»?

– Значит, служба не позволяла.

– Странно как все!

– Тебе сейчас все странно. Да и ты сама тоже странная. Иди-ка вот лучше – спи давай... я лунатиков не люблю!

На следующий день ее принял капитан третьего ранга Соколов – человек очень внимательный, с удовольствием вспоминая молодость, проведенную в Ленинграде, но он тоже ничем не мог помочь Аглае.

– Да, все это так, ваш супруг зарегистрирован в нашем учреждении, мы знаем, что есть такой Константин Петрович Никонов, но... Теперь он находится не в нашем ведении. Мы давно потеряли его координаты, и вам следует обратиться... Сейчас я напишу вам вот здесь адрес... Та-ак, дом номер тридцать четыре, второй подъезд... Та-ак. А ведаешь такими вопросами товарищ Плетнев... Пожалуйста!

– Скажите, – спросила Аглая, – есть ли хоть какая-нибудь надежда на то, что я разыщу его?

– Но зачем же плакать? Такая молодая и симпатичная женщина, и все время плачете... Конечно, разыщете!..

В этот день, возвращаясь домой и проходя мимо военкомата, Аглая лицом к лицу столкнулась с полковником. Опираясь на костыль, он удивленно посмотрел на женщину:

– Ну разве же можно так умирать? Можно подумать, что вы получили известие о гибели вашего мужа. А вы опять ко мне? По какому делу?

– Нет, я не к вам, – растерялась Аглая. – А впрочем, я рада, что встретила вас, и я... к вам!

– Весьма логично, – засмеялся полковник. – Не ко мне, но все же – ко мне! Так что у вас?

– Помогите мне устроиться на работу! – единым духом, чтобы не было путей к отступлению, выпалила Аглая.

– А кем бы вы хотели работать?

– Не знаю.

Полковник постучал тростью о ступеньку крыльца.

– Также неплохо, – сказал он. – Только что же я могу предложить вам? Сшивать входящие и исходящие, капать сургучом на конверты и получать по карточкам служащего четыреста граммов хлеба, – поверьте, что это не дело для такой, как вы, молодой женщины.

– А что же мне делать?

– А что вы, любезная, умеете делать?

– Ничего не умею.

– А чему вы учились в жизни?

– Я училась на ветеринара. По зоотехнике...

– Вот с этого и надо было начинать, – сказал полковник и велел Аглае следовать за ним. – Вы уже прописаны? Хорошо, я поставлю вас на воинский учет... Вы будете отныне военнообязанной. А работу мы вам подыщем. И мужа найдем, и работу найдем!..

«Это очень хорошо, что я с ним встретила», – размышляла Аглая, направляясь к дому. А дома ею овладела беспричинная деловитость, и она до поздней ночи, подоткнув подол и всунув босые ноги в рваные стариковские галоши, мыла, скребла, чистила.

Полина Ивановна даже обиделась:

– Можно подумать, что у меня грязно было! Да на всех-ить не угодишь. Мы жили... Старик не жаловался! Полотеров, правда что, не нанимали...

Никогда еще Аглая не ждала рассвета с таким нетерпением. Какой-то внутренний голос подсказывал ей, что завтра должна решиться ее судьба. Или – да, или – нет. Человек не

может пропасть бесследно. Ей все время казалось, что люди чего-то недоговаривают. Константин ушел не так, как уходили другие. Но... хватит мучить себя, завтра она узнает.

Завтра, завтра!..

А это «завтра» уже наступило, день хмуро осветил окна, над заливом мело и кружило. Корабли гудели на рейде будничными простуженными голосами. Сполохи полярного сияния медленно угасали в высоте, словно небо закрывало свой космический веер. Мимо Аглаи, зажав под мышками газетные свертки с едой, согнувшись против ветра, шагали в порт и мастерские мурманские работяги. От их жестких, громко хрустящих комбинезонов несло запахами рыбы, солярового масла, запахами ржавого железа и красок.

А дальше – как во сне...

– Товарищ Плетнев, – сказала Аглая, – он сейчас не занят? Я – по личному делу...

– Пройдите, гражданка.

Плетнев – еще совсем молодой парень. Воротник кителя распахнут по-домашнему, перед ним стакан чаю, погоны капитан-лейтенанта на его плечах щегольски отделаны бронзой.

– Да, нет, нет! – кричал он в трубку телефона. – Не пойду я никуда, ну их всех к черту. А что она может сказать мне? Я ее знаю теперь как облупленную...

Он показал движением руки на кресло:

– Садитесь, пожалуйста. Я сейчас...

Закончил разговор, отхлебнул чаю.

– Итак, – сказал он, улыбнувшись женщине.

Итак, она снова рассказала этому молодому офицеру всю историю своих бедствий. Для женщины в двадцать семь лет это слишком богатый перечень. Но выражение лица капитан-лейтенанта Плетнева не менялось – он по-прежнему смотрел на Аглаю с веселым, почти лукавым прищуром.

– Вот, пожалуй, и все, – закончила Аглая со вздохом.

Ничего не отвечая, Плетнев нажал кнопку звонка, упрятого где-то снизу стола, и скоро в кабинет вошел еще один офицер. Такой же молодой и такой же, казалось, беспечный. Коротко переговорив с ним, Плетнев сказал:

– Это... ты знаешь...

Аглая внутренне напряглась, готовая ко всему.

– Это... Ярцев!. – тихо досказал капитан-лейтенант, и офицер согласно кивнул ему головой:

– Да, это из его отряда.

– Он где сейчас – в Мурманшах?

– Нет. Он после Зандер-фиорда... ты же понимаешь!

– А-а-а. Все ясно.

– И притом, что он скажет?

– Он скажет больше нас...

Покидая кабинет, незнакомый офицер как-то особенно внимательно посмотрел в лицо женщине. Аглая снова повернулась к Плетневу:

– Ну?

– Вам придется немного обождать, – медленно выговорил капитан-лейтенант. – Сейчас мы ничего не можем сказать вам о судьбе вашего супруга. Не можем, даже если бы и хотели.

– Скажите – он жив?

– Мы все живы до поры до времени.

– Вы что-то скрываете от меня.

– Скрываю только его местонахождение.

– Но он живой?

– Вы ведь еще не получили уведомления о гибели.

– Так что же с ним? Вы его прячете от меня.

– Упаси меня бог! Зачем бы я стал его прятать?
– Скажите хоть – когда я его увижу?
– Голубушка, он мне тоже позарез нужен. Больше, может быть, нежели вам!
– Так как же дальше?
– А что – дальше?
– Что же мне теперь делать?
– Как что? Идите домой. Когда будет надо, мы вас позовем. Волноваться пока нет причины...

Аглая направилась к двери, но у порога остановилась.

– Простите, – сказала она, – а кто такой Ярцев?

Плетнев весело рассмеялся, ответил же серьезно:

– Ярцев – это школьный учитель. Он учил детишек немецкому языку. А сейчас, временно, он лейтенант Советской Армии... Вас это устраивает?

Аглая уже ничему не верила. Ярцев вдруг представился ей окруженным каким-то ореолом тайны, и в страшную сферу этой таинственности невольно попадал и он – ее муж, отец ее ребенка.

– Хорошо, – сказала она. – До свиданья!

Женщина вышла на улицу, посмотрела на хмурое небо и повторила извечный вопрос:

– Где же он?..

* * *

Вчерашней ночью из концлагеря в Эльвебаккене бежали двенадцать русских военнопленных. Они убежали, сделав подкоп, и скрылись в тундровых просторах. На поиски их была брошена авиация. И в этот день, вдалеке от воздушных коммуникаций, пролетал над Лапландской тундрой одинокий самолет, который вели два немца.

Один из них, прожженный вояка, заматерелый в опасностях оберст Штюрмер, имел личный подарок от Геринга – две пластины броневой стали, чтобы закрыться от пуль и осколков. Под крылом его «мессершмитта» пронеслись в огне и дыму пожарищ многие страны Европы, – Штюрмера уже трудно было чем-нибудь удивить.

А другой пилот, еще совсем молодой юнец, Эгельгайф, только что выпущенный из геринговского инкубатора фашистских птенцов, едва-едва успел приобщиться к небу. Эта плоская и нелюдимая земля Лапландия, над которой он скользил сейчас в высоте, была первой землей в его жизни, над которой ему велели лететь как победителю...

– Ил-2, – поучал своего питомца Штюрмер, – вот этой машины ты опасайся. «Спитфайер» страшен на разворотах, ты ему тоже не открывай бортов...

– Я этого не боюсь, погибну как надо, – отвечал молокосос. – Я вот только пике боюсь. У нас в школе таких страхов наговорили! И никогда еще не пробовал...

– Сейчас попробуешь, сынок, – сказал Штюрмер и показал через стекло кабины куда-то вниз. – Видишь, костер горит в тундре?

– Вижу...

– Это наверняка дезертир греет свои кости. Разворачивай машину, ложись на левое крыло. Выдвигай подкрыльные решетки. Если хочешь, включи плановый фотоаппарат...

– Мне? – испугался гитлеровский соплик.

– Давай, давай, сынок! Со мной ничего не бойся...

Молокосос, посинев лицом, швырнул машину в затяжное пике. На черте прицела висела перед ним рыжая точка костра, земля грозно ринулась навстречу машине. Штюрмер стиснул в ладони рукоять бомбового залпа, подбадривал:

– Давай, давай, детка! Ниже, ниже... Видишь, он уже бежит прочь! Ага, мерзавец! Сейчас мы тебя так раскидаем по тундре, что не соберет никакой часовщик!..

Машина, хрустя и содрогаясь от напряжения, выползала из затяжного пике. Бомбы глухо рванули под ней скалистую землю. Костер разбросало в стороны, и сверху было отчетливо видно, как крохотная фигурка обезумевшего от ужаса человека мечется среди расщелин и камней, спасаясь бегством.

– Переходи на бреющий, – впадая в азарт охотника, приказал Штюрмер. – Он далеко не уйдет. Учись стрелять, сынок, по живой мишени! Это – лучший вид спорта...

Огненные трассы настигали человека, скрещивались перед ним, разрубали землю. Человек то пропадал среди черных скалистых нагромождений, то выбегал на снежную равнину.

– А я не думал, что это так забавно! – признался сопляк.

– Еще не такое увидишь, сынок...

Юнец, однако, стрелять не умел, и скоро фигура человека затерялась где-то среди камней.

– Ну как? – спросил его ас. – Тебе понравилось?

– Очень. Завтра же напишу об этом своей маме...

А человек, загнанный и затравленный воздушным зверем, лежал в тесной расщелине и не дышал, а почти хрипел от напряжения той борьбы, которую ему пришлось выдержать. Казалось, он не надышится никогда. Казалось, грудь его сейчас лопнет. Но вот он посмотрел вслед улетающему самолету и медленно поднялся на ноги.

– Опять не вышло! – сказал он, и даже не улыбка, а какая-то животная гримаса удовольствия собой, своей силой и удачливостью исказила его черное, заросшее густой бородой лицо...

Если бы Аглая увидела сейчас этого человека, она бы не признала в нем своего мужа. «Где он?» – спрашивала она себя, шагая по улицам Мурманска.

Негоцианты

Жить среди людей и не иметь неприятностей – это почти невозможно. Но неприятности Пеклеванного с рапортом, поданным контр-адмиралу Сайманову, конечно, не ограничились одной лишь резолюцией: «Отказать». Этот рапорт очутился у командира «Аскольда». Рябинин показал его Самарову.

– Это верно, – сказал он, – что у моего помощника нет любви к нашему кораблю, вот и доказательство...

Пеклеванного Самаров нашел на палубе. У борта патрульного судна качался пузатый катер под парусиновым капотом, прибывший с транспортов за свежим хлебом, и лейтенант руководил погрузкой.

– Добро, добро, – нетерпеливо отмахнулся он от Самарова, понимая, что никаких особых служебных дел у него с замполитом быть не может. – Вот сейчас догрузим хлеб, и приду...

Артем пробыл на палубе, пока катер не отошел от борта, и только тогда отправился в свою каюту. И, шагая вдоль подковы кормового коридора, он вдруг разом понял, о чем сейчас будет вести разговор. Понял и, распахнув дверь, опередил вопросы:

– Вас, очевидно, интересует, почему я подал рапорт о списании с «Аскольда» на бригаду миноносцев?

Здесь же была и Варенька Китежева, и это было неприятно Пеклеванному. «Ну ладно, Самаров, а ей-то что? Вот уж эти женщины! Если увидят дырку, то им обязательно надо быть затычкой...»

– Да, товарищ лейтенант, – ответил Самаров, – нас это не только интересует, но и тревожит.

– Благодарю за повышенный интерес к моей особе, но тревожитесь вы напрасно...

Самаров неожиданно крикнул:

– Да мы плевать хотели на твою особу! Нам не твоя особа нужна, а служба! Понял ли ты, помазанник божий?

Варенька фыркнула:

– Вот уйдете с «Аскольда», и мы будем говорить: «В бозе почивший...»

– Если вы решили разлаяться со мной, – сказал Артем, – то лаяться я тоже умею. И ничуть не хуже вашего. Давайте говорить спокойно.

– Вы правы, – снова переходя на уважительный тон, отозвался Олег Владимирович. – Видите ли, мы, вся команда «Аскольда», очень вам благодарны. Вы научили нас обращаться с оружием, заставили ценить каждую секунду времени, сделали нас дисциплинированными людьми. Но вы считаете, очевидно, зазорным служить на «Аскольде» дальше? Что ж, вы, наверное, просто забываете, что мы все делаем одно и то же дело. И миноносец, и наш бывший траулер плавают ведь под одним флагом – под советским флагом! Я не понимаю, чего вам не хватает? Или, может быть, пушек? Или кормят вас здесь не так, как вам хотелось бы?

Он посмотрел в иллюминатор. За выпуклым толстым стеклом, по которому сбегали крупные капли воды, виднелся круглый клочок сизой, взъерошенной ветром поверхности бухты, а в отдалении – тяжелые, заякоренные корабли.

– Вот и сегодня, – закончил Самаров, – мы начнем конвоирование союзных транспортов. За границей нас знают плохо. Совсем не знают. Сплошные небылицы! Русскому человеку достается, не в пример другим. Через каждые десять-двадцать лет ему кровь пускают. А он – не озверел, не ожесточился, как иные народы. Все так же красив и благороден. И мужествен, как никто... Разве же не почетно нам с вами доказать это еще раз? Вот видите, лейтенант, стоят транспорты. Ждут. Надеются, что мы не подгадим...

Варенька передернула плечами, сказала:

– Что вы, Олег Владимирович! Это же ведь сплошные серые будни! А лейтенанта Пеклеванного совсем не устраивает патрульная служба, которая, по его же словам, наводит на него тоску и уныние...

Ну, это было уж слишком! Артем не вытерпел и прервал ее:

– Я окончил военно-морское училище и чувствую, что буду гораздо полезнее в другом месте!

– Не вижу, что вы окончили советское училище.

– Это почему же?

– А по вашим словам.

– Не понимаю! Объясните.

Самаров прошелся вдоль каюты, улыбнулся Пеклеванному: мол, вот как тебя!

– А что, на миноносцах-то особая каста? Вы думаете, если попадете на эсминец – там будут другие люди? Нет, люди везде одни... А вы, доктор, перегнули палку. Конечно, военная служба – это не мягкое кресло, в котором можно развалиться, как твоя душа пожелает...

– Да бросьте вы мне политинформацию читать, не маленький! – резко выкрикнул Пеклеванный. – Я не легкой службы ищу! Любой сведущий человек знает, что уж где-где, а на миноносцах самая тревожная жизнь...

И, хлопнув дверью, вышел. В люке трапа показались рыжие бахилы командира. Рябинин спрыгнул на палубу, не держась за поручни, – на корабле капитан умел сочетать медвежью угловатость с ловкостью юнги.

– Помощник, вы сейчас свободны?

– Так точно, товарищ командир.

– Я по-английски скверно разумею, – застенчиво сказал Рябинин. – Жена сколько со мной ни билась, а кроме как «ай эм дринк виски» или «ай эм смокинг», я больше ничего не запомнил. Пойти на транспорт для переговоров придется вам. Так что поговорите с английскими капитанами «о Шиллере, о славе, о любви...».

Рябинин улыбнулся. Артем понял, что у командира хорошее настроение, и отнес это за счет каких-либо приятных вестей, потому что знал: Рябинин почти никогда не пил вина ни в море, ни на рейде, ни на якоре, только на берегу.

– Каковы условия переговоров? – спросил Артем.

– Время выхода в океан через час.

– Обстановка на море?

– Около Канина Носа замечена активность немецких подлодок. Об остальных кораблях сведений не имеется. Так и передайте союзникам.

– Скорость?

– Не менее десяти узлов

– Английский сигнальщик нужен?

– Да. Захватите одного парня.

– Добро! Сейчас отправляюсь... Есть новости?

Рябинин спрятал улыбку, набил трубку и заговорил, называя помощника на «ты», – их отношения окончательно еще не установились, и он иногда путал «ты» и «вы».

– Понимаешь, шифровку только что получил. Оказывается, та субмарина, которую мы считаем потопленной, доплелась до гавани Лиинахамари.

– Как же так? Мы своими глазами видели...

– Значит, недоколотили, – оборвал его Прохор Николаевич. – Слишком понадеялись на себя... Герои! Черта с два! Попался враг, значит, бей до конца, не оставляй полуживого, а то покойники иногда встают и в спину стреляют...

* * *

Через несколько минут катер доставил Пеклеванного на транспорт «Грейс». Английские матросы ловко приняли швартовы. Говорили они по-английски, но ругались по-русски и даже без акцента.

У трапа, под большой судовой рындой, стоял часовой с карабином. Мохнатая, шерстью наружу, куртка была распахнута, обнажая грудь, на которой виднелась татуировка: матрос, ухватившись за обломок корабля, вздымается на крутой волне, а внизу надпись по-английски: «Боже, храни моряка!».

Часовой, вызвав звонком начальство, шепотом предложил Пеклеванному купить зажигалку. Артем отказался. Тогда матрос вынул пакетик сульфидина. Артем, взглянув на часы, сказал часовому:

– Пора отбивать склянки.

– Сэнк ю, сэр, – разочарованно ответил тот и, перевернув песочные часы, ударил в позеленевшую от окиси рынду.

Пеклеванный смотрел, как сухой перемолотый песок тонкой струйкой сыплется из узкой стеклянной воронки. Песок едва-едва позолотил донышко часов, когда на палубе раздалось мягкое шлепанье каучуковых подошв. Это шел суперкарго транспорта – помощник капитана по грузообороту, высокий молодцеватый старик в рыжем свитере.

Сопровождая Пеклеванного по корабельным закоулкам, он не переставая объяснял, что, имея дело с капитанами транспортов, русский офицер будет иметь теперь дело с солидной пароходной компанией, которая до войны конкурировала даже с компаниями «мирового извозчика», то есть Норвегии. Еще суперкарго сказал, что капитан «Грейса» является почетным и потомственным членом общества торговли с Россией, которые было учреждено в Англии после возвращения на родину Ричарда Ченслера, когда на Руси правил царь Иоанн Грозный. Таким образом, Пеклеванному придется иметь дело с самыми сливками древнего английского негоцианства.

В довершение всего суперкарго предложил купить у него шелковые платья.

– У вас, такого молодого, очевидно, есть леди, – добавил он, – а шелк очень хороший – сатен-тюрк, почти атлас...

«Интересно, чем же торгуют здесь?» – думал Артем, остановившись перед капитанской каютой. Одернув китель, он постучал три раза, и из-за двери послышалось: «Кам ин!» Лейтенант перешагнул через высокий комингс – и сразу попал в какой-то другой, необычайный для него мир.

Под потолком качалась бамбуковая клетка с черным мадагаскарским попугаем. С переборок на Артема смотрели миловидные акварельные девушки с головками, склоненными набок, точно увядающие цветы. На бархатных подушках дивана вышитые шелком тигры

спускались к водопою. Вдоль каюты тянулся стеклянный шкаф, заставленный толстыми книгами.

Английские капитаны пили пиво из больших белых кружек, расписанных мягкими пейзажами Шотландии. В ответ на приветствие Пеклеванного они привстали разом и немного склонили головы:

– Хау ду ю ду?

Артем представился по-английски:

– Старший офицер патрульного судна «Аскольд» – лейтенант Пеклеванный.

Англичане закивали головами.

– Капитан танкера «Фриг» – Шелдон, – отрекомендовался один из них.

Он был толст, лысоват, на его животе китель висел складками. Он напоминал одного из тех многих английских капитанов, которые весь свой век бороздят океаны, свозя к «владычице морей» ворвань, каучук, австралийскую шерсть, страусовые перья, индийский перламутр и пухлые греческие губки.

Другой капитан, высокий и бледный, пожал руку и проговорил:

– Капитан флота его королевского величества – Тепрель Мюр.

Он сидел на раскладном стуле в спортивных бриджах и розовой безрукавке. На его длинном мизинце ослепительно сверкал перстень. Под холеной кожей при малейшем движении играли выпуклые мышцы спортсмена.

Разговор начали издалека. Капитан «Грейса», заметив, что русский офицер остановил взгляд на его книгах, легко встал и подошел к шкафу.

– Это моя гордость, – сказал он, – коллекция библий. Всего сто двадцать три штуки. Среди них одна – вот эта! – Мюр ловко подбросил увесистую книгу. – Это еще та самая библия, которой сам Кромвель бил по головам левеллеров в парламенте.

– О да! – подхватил толстый Шелдон. – Ради этого стоило изменить курс, чтобы немецкие субмарины не отправили нас на дно. Мы прибыли в Россию с грузом свиной тушенки, сульфидина и дамской одежды. Кроме того, мистер Тепрель Мюр, являющийся наследником одного значительного лица нашей страны, закупает для своего акционерного общества ваш лес. На обратном пути, чем брать для балласта морской песок или гальку, Тепрель Мюр берет лес...

Мюр, закулив длинную тонкую сигарету, спокойно кидал попугаю шоколадные зерна.

– Россия, – бодро вступил он в разговор, – всегда славилась хорошим лесом. У нас в колониях растут бакаут, тек, сандал, черное дерево, у янки – пичпайн, но русская сосна и пихта особенно ценятся у нас. Нам нельзя без древесины. На один только номер газеты «Таймс» уходит более двенадцати тысяч бревен.

Кивком головы он разрешил говорить Шелдону.

– Мистер Мюр, – говорил капитан «Фрига», – выражает глубокую надежду, что его лес, закупленный в Архангельске, будет в полной сохранности. Адмиралтейство предлагало нам идти под конвоем британского корвета «Ричард Львиное Сердце», но глубокоуважаемый мистер Мюр отказался, так как русские корабли наиболее знакомы с районом плавания и весьма решительны в действиях, предпринимаемых против нашего общего противника... если только он встретится на курсе...

Пеклеванный сказал:

– Я очень рад слышать лестные отзывы о моряках моей нации. – И, посмотрев на часы, тут же спросил: – Когда вы предполагаете сниматься с якоря?

– Это как будет угодно русскому офицеру, – мягко ответил Шелдон.

«Ну, тем лучше», – решил Артем и сказал:

– Штабу угодно, чтобы мы вышли сейчас. Ваши корабли готовы к выходу в море?

– Давно готовы, – ответил Мюр. – Мы здесь околели от тоски.

– Так вот, снимайтесь с якорей по сигналу с «Аскольда»... Кстати, на время похода вам придется передать в наше распоряжение сигнальщика. Сегодня вечером мы уже будем у Канина Носа. Здесь замечены немецкие подлодки, но запас глубинных бомб на «Аскольде» достаточный.

Мюр крикнул в переговорную трубку:

– Мальчик, карту и кофе! Живо!..

Попугай, просунув сквозь прутья решетки свою клювастую голову, раскатисто произнес:

– Карррту... каррту... – И вдруг выругался: – Джиги!

– В районе каниноносском, – продолжал Артем, – придется идти на максимальных оборотах, не менее десяти узлов, чтобы до наступления темноты миновать это опасное место.

Вбежал запыхавшийся служба-бой с кофейником на подносе и картой. С любопытством поглядывая на Пеклеванного, мальчик разлил кофе по чашкам, разложил на столе карту. Мюр долго изучал район предстоящего плавания, и его розовое тело постепенно покрывалось мурашками.

– Но, – отчеканил он и встал, – мы не гарантированы от встреч с более крупными кораблями противника.

– Вы правы, – ответил Артем, – в морской войне никогда нет точной гарантии. Но на палубе «Аскольда» стоят два орудия, на вашем транспорте – два, на танкере – тоже, это не считая эрликонов и пулеметов. Так? Следовательно, есть на этот раз точная гарантия отбиться от противника.

Капитан «Грейса» молчал. Вместо него ответил Шелдон:

– Мистер Тепрель Мюр не хочет идти в море. Лес стучит по теперешним временам дорого, и к тому же сто двадцать три библии...

– Тогда, – сказал Пеклеванный, – «Аскольд» уходит в море, а вы пойдете уже под охраной корвета «Ричард Львиное Сердце».

Лица капитанов сделались кислыми. Транспорты союзников теряли больше половины своего состава, если их вели свои же военные суда. Зато когда их охраняли русские патрули, потопленных кораблей, особенно после 1942 года, почти не было. Это знали все, прощаясь с мужьями, желая им одного: скорой встречи с русскими кораблями.

Мюр глубоко затыкнулся дымом и наконец сказал:

– Я, как турист и спортсмен, уважаю риск. Мы снимаемся с якорей сейчас...

Уходя, Пеклеванный по старой морской традиции пожелал капитанам фут чистой воды под киль каждого транспорта, и этим пожеланием он исполнил святое требование морской вежливости...

Через полчаса корабли потянулись в море.

Огонь

Корабли потянулись в море, и когда на траверзе вырос закутанный туманом каменистый мыс, с него донеслось лопотанье деревянного валька: на берегу кто-то выколачивал белье.

Сигнальщик Томми Сирлинг, закутавшись в резиновый плащ, стоял на палубе «Аскольда». Черный, точно обугленный, мыс, дико выпиравший в море, страшил и настораживал, и, когда из тумана раздались четкие хлопки валька, Томми уныло сгорбил и полез в люк. В старой Англии есть много примет, и среди них одна: горе тому, кто, выходя в море, услышит, как женщины колотят на берегу белье, – он погибнет!..

И сейчас, уже в кубрике, лежа на койке, вспоминал неотвязчивое лопотанье валька... Что-то ждет его? Прислушиваясь к биению волн и громоханию редких льдин за бортом, Томми смотрел на русских матросов с любопытством и даже с некоторым разочарованием. Не хотелось верить, что эти простые, ничем не примечательные парни в парусиновых рубашках и есть спасители Европы от Гитлера.

«Однако же, – думал он, – это так. Может, не будь их, и фюрер давно бы сожрал старушку Англию. Только вот суперкарго говорил, что все русские – отчаянные воры».

И, подумав так, Томми лег спать, предварительно запрятав ботинки под подушку...

Борька Русланов прошел в соседний отсек, где сидели перед вахтой его приятели, позвал их:

– Эй, братва! Иди-ка сюда скорее... Нам союзник здорово цивилизованный попался – свои «корочки» под подушку пихнул!

– Тише ты, балбес! – прикрикнули на него. – Тут сплошная травля идет. Слушай лучше...

– Ну и вот, – рассказывал друзьям темпераментный Ставриди. – Только это они с якоря снялись, музыканты – горохом на палубу. «А шторм, спрашивают, скоро будет?» – «А зачем вам шторм?» – «А посмотреть, говорят, желаем...»

– Это ты о ком? – спросил Русланов, подсаживаясь.

– Да мне, понимаешь, тут вчера один матрос с миноносца рассказывал, как они «Дюк оф Йорк» ходили в море встречать. И музыкантов с собой взяли, чтобы они английский гимн исполнили... Ну вот. Из залива только на плес вышли, тут сразу корнет-а-пистон интерес проявлять начал. «А где, говорит, у вас туалетная комната?» Его, конечно, не понимают. «Клозет!» – говорит. «Чего?» – спрашивают. «Сортир!» – говорит. «Такого у нас не водится», – отвечают ему. И так он, пока до «двух нулей» добрался, тут же и концы отдал. Потом фагот с контрафаготом морского царя покормили. Бас дольше всех держался, но и он не выдержал. Палубу-то он испугался пачкать, так прямо в трубу себе отрыгнул, потом мыть ее пошел. Капельмейстер на мостик поднялся. «Беда, говорит, один барабан остался. Но ведь на одном барабане „Боже, спаси Англию“ никак не исполнить». А сам – уже за воздух держится. «Неужели, капитан, у вас нет никакого способа, чтобы спастись от ужасов морской болезни?» – «Конечно, есть, – отвечают ему. – Хотите, мы вас в кочегарку спустим, будете воду качать для камбуза? А лимонов в сахарной пудре не держим. Извините, мол, но мы не трансатлантический лайнер». И кончилось все это тем, что когда встретили они «Дюк оф Йорк», то отдали ему салют, как положено, а вся музыка по углам в лежку валялась...

История матросам понравилась. Однако посмеялись они не слишком, чтобы рассказчик не зазнавался. Но тут пришел боцман Мацута – старик последнее время, получив погоня мичмана, сам тянулся к молодежи, однажды даже на физзарядку выбежал.

– Беда прямо с этими союзниками, – сказал Антон Захарович. – Сейчас иду мимо, вижу – у него из-под подушки сапоги торчат. Ну, думаю, от смущения он их туда запихнул. Я аккуратненько, чтобы не разбудить королевского служащего, давай их вытаскивать. Он проснулся да кэ-эк вцепится в свою обувь. Так и не дал их на палубу поставить...

– А что! – неожиданно предложил Найденов. – Давайте-ка спросим у него, когда они второй фронт открыть думают?

– Скоро. Ты газет не читаешь. А там сказано, что адмирал Джемс уже выступил в парламенте...

– Это про то, что английский флот уже готов к открытию второго фронта?

– Да, – сказал Русланов, – ведь Черчилль и Рузвельт обещали, у них в настоящий момент очень широкие планы.

– Эх, планы, планы! – засмеялся Ставриди. – Как говорят, начертили планы – и никаких рузвельтатов!

– Хе-хе, – без улыбки произнес боцман. – Вот обождите, они начерчат, а нам с вами рузвельтатить придется! Наш фронт как был, так и останется первым! И точка!.. А потому я с вашего брата теперь – во как! – требовать порядка да дисциплины буду. В ежовых рукавицах держать вас, байстрюков, стану!

– Да удержишь ли, боцман? – съехидничал Ставриди. – А вдруг вырвемся?

– Не вырветесь... Я однажды тигру за хвост держал, и та не вырвалась!

Матросы грянули дружным хохотом:

– Не трави баланду, черт старый! Кошку, может быть, и держал ты, только не тигра. Может, вот еще за подол держался!.. Ха-ха!..

Антон Захарович намек раскусил и заметно обиделся.

– Не верите? – спросил он. – Ну так слушайте тогда... Давно это было, – начал старый.

Его тут же перебили:

– А как давно?

– При царях еще! Тебя, салагу, даже в проекте никто не держал. А я тогда уже в унтерах ходил. Нашивки имел. Красивым был. Да-а... И, помню, в Кронштадт балаган из Питера привезли. А там тигров показывали. Ученых, конечно. Хотя и мало жалованье, а все купил билет в первом ряду. Не париться же в галерке. Мы – люди гордые. Да-а... Ну, тигры сигают по арене, через кольцо прыгают. Цigarки курят. Потом рядом уселись, на дрессировщицу

глядят. А один – как раз насупротив меня уселся. И хвост-то свой меж прутьев выставил. Покрутил им, покрутил и ко мне, вижу, кладет...

«Аскольд» затрясло и повалило в затажном крене. Через раскрытую дверь было видно, как заметались в узких проходах потоки воды, затрещали под ветром полотнища парусины. Пенистые струи с шипением размывали на палубе остатки шлаковых отходов.

Где-то вылетела из шаблонов посуда и со звоном разбилась.

– В океан выходим, – сказал боцман и продолжал свой рассказ дальше. – На чем я остановился-то?

– На хвосте, – подсказали ему.

– Ну, значит, хвост. Пушистый такой, красивый. Прямо у меня на коленях лежит. И на конце – кисточка. Помню, я еще подумал тогда: вот бы для бритвы такую... Ну ладно. Сажу, значит. Хвост при мне. Тигра тоже сидит. Тут я и решил: если уж трогать, так трогать сейчас. Другого такого случая не будет. Да и похвалиться на корабле перед ребятами хотелось. Мол, что вы! А я вот тигра за хвост держал. Оно, конечно, время такое. Молодость! Да-а... Уже без четверти, – заметил Антон Захарович, глянув на часы. – Вам, ребята, на вахту скоро пора...

– Да давай, не тяни ты, рассказывай!

– И расскажу. Вот я его и погладил. Вдоль хвоста. Тигре это, видать, не понравилось. Все-таки – не кошка ведь. Он хвостом-то кэ-эк махнет! А рядом со мной купчиха сидела. Прямо по морде ее так и стегнул! А купчиха кра-асивая такая. Я хвост от нее вежливо отвел и говорю: «Извините, мол, животная – не человек, она же не понимает». И держу хвост. Тут моя тигра кэ-эк рявкнет на дрессировщицу! Да как бросится в ее сторону! Не давать же пропасть дамочке. Я тут хвост на руки намотал, ногами в барьер уперся. Натянул что есть силы. Дело-то ведь привычное. Что канат, что хвост. Тут молоденький матрос подсакивает: «Господин унтер, говорит, не надо ли помощи?» А в балагане народишко-то...

Вошел рассылный Мордвинов и прервал рассказ боцмана:

– Комендоры! Готовьтесь на вахту.

– Есть, идем! Что наверху?

– Наверху – небо, внизу – вода, слева – берег, справа – море...

Через несколько минут, одетые по-штормовому, комендоры поднялись на верхнюю палубу. Легкая прозрачная дымка – предвестница ночи – неторопливо спускалась над морем. Тени двух транспортов колебались во мгле призрачными плоскими силуэтами. Звезды еще не обозначились на горизонте. Летела водяная пыль, ветер тонко и надрывно посвистывал в мачтах. Щелкал телеграф на мостике.

Рябинин стоял в ходовой рубке. Кок принес пробу ужина, балансируя на прыгающей палубе, едва-едва не разлил содержимое тарелки.

– Ты как несешь? – сердито спросил Пеклеванный, берясь за ложку и откусывая кусок хлеба.

– Несу... Только бы не ошпариться. Прямо с жару!

– А пальцы у тебя где?

– Как учили, товарищ лейтенант. На отлете держу.

– Врешь! Опять у тебя пальцы в тарелке купались. Смотри, даже ошпарил их...

Такие сцены во время пробы на походе повторялись уже не раз, и на них мало кто обращал внимание. Может быть, кок и вправду залез нечаянно пальцем в тарелку.

– Но надо же понять и кока, – говорил Рябинин. – Ты, парень, только руки мой почаще. А вот скажи, нет ли косточки у тебя? Моселка бы мне проглотить!

Скоро кок принес на мостик большую кость с сочными махрами мяса, и Рябинин, чрезвычайно довольный, что ему угодили, забрался в угол рубки, стал работать зубами. Занятие с костью не мешало ему наблюдать за морем, и он часто покрикивал в сторону рулевого Хмырова:

– Правее, правее немного. Следи за гребнем...

Матрос, прищутив острые раскосые глаза и ссутулив плечи, цепко всматривался в картушку магнитного компаса. Широкие ладони его лежали на штурвале, сжав точеные медные рукояти.

– Рулевой, видишь? – спрашивает Рябинин.

– Так точно, вижу.

Перед патрульным судном встает вспененная гряда. При матовом свете догорающего неба она фосфорится и играет недобрым блеском.

– Раскрой ей форштевень к чертовой матери!

– Есть принять волну...

Водяной вал медленно наступает на корабль, угрожая свирепо свистящим гребнем. Рябинин высасывает из кости мозг и смотрит на волну, рассчитывая на глаз расстояние и силу удара. Минута, другая... Раз! «Аскольд» уже погрузил в страшную волну свой полубак, тяжело содрогается машинами и корпусом от напряжения и дифферента. Вода, нависнув над его палубой, кажется, уже никогда не отпустит его.

– Ну-ну, дорогуша, – говорит Рябинин. – Что же ты? Давай, выкарабкивайся как можешь... Покажи свою прыть!

И, развалив волну, с грохотом отряхиваясь от непомерной тяжести, патрульное судно рывком выносится вверх – такое гордое своей победой, все в туче брызг, в каскадах пены.

– Ловко получается! – заметил Самаров. – Любо-дорого посмотреть, приходи, кума, любоваться!

– Неплохо! – крикнул Рябинин. – А все отчего, ты думаешь? А оттого, что ежели имеешь дело с водой, то прежде посоветуйся с опытом, а потом с разумом.

– Как вы сказали? – забеспокоился штурман. – Это очень хорошо. Почти афоризм. Позвольте, я запишу на память?

Он тут же достал блокнот и, закрываясь от пронизанного брызгами ветра, записал полюбившуюся ему фразу.

– Ну-ка, – сказал Прохор Николаевич, – покажи, что у тебя там такое? Ты ведь у меня умница!

– Да так, – смутился юноша, – разное... Для памяти!

Прохор Николаевич глянул на свежую запись, внизу которой в скобках стояли его имя и дата.

– Только ведь это не мои слова, – заметил он, снова принимаясь за кость. – Ты меня здесь зачеркни и поставь Леонардо да Винчи: это он так мудро сказал о воде.

– А вы читали Леонардо да Винчи? – недоверчиво хмыкнул Пеклеванный.

– Никогда я его не читал, – прямодушно ответил Рябинин. – Это у меня жена читала. Она у меня баба толковая... И вообще, мне повезло в жизни! – вдруг признался он, и это признание прозвучало на мостике несколько неожиданно. – Когда мужчине встречается женщина, которая умнее его, то мужчина бывает счастлив вдвойне... Можешь записать, штурман. Перед свадьбой тебе пригодится. И это уже не Леонардо да Винчи, а я – Прохор Николаевич Рябинин!

– Благодарю, но это мне как-то... не совсем.

– Ну, и черт с ним. Я не обижусь...

Дверь рубки отлетает в сторону. Мордвинов, вытирая мокрое лицо, кричит в каком-то диком восторге:

– Два дыма! Два дыма на горизонте! Курсовой – сто пятьдесят, скорость – двадцать узлов!

Кость – такая сочная и вкусная! – летит за борт.

– Тревога! Английского парня для связи – вверх!..

Рябинин ставит телеграф на «полный вперед». Вода с ревом и грохотом расступается перед «Аскольдом». С верхней площадки летят чехлы, обнажая на массивной трубе дальномера зоркие линзы. Мордвинов поспешно протирает объективы спиртом, и «чечевицы» дымятся на морозе – это на них тает тонкая пленка льда.

Пеклеванный отрывает глаза от бинокля, распахивает куртку – ему жарко.

– Два немецких миноносца, – докладывает он, – один типа «Леберехт Маас» и головной – «Ганс Лоди».

– Добро, – отвечает Рябинин и уже без бинокля различает на горизонте серо-дымчатые приплюснутые черточки.

На мостик – в свитере и спасательном жилете – вбегает Томми Стирлинг. Пеклеванный отдает ему приказание передать на транспорты:

*«СЛЕДОВАТЬ СВОИМ КУРСОМ ТЧК
ОРУДИЯ К БОЮ ТЧК
ОТВЕЧАТЬ ОГНЕМ ОДНОВРЕМЕННО ТЧК»*

Томми бросается к прожектору, но Векшин останавливает его:

– Нельзя, с миноносцев перехватят, передавайте фонарем Ратьера...

Узкий луч света, прорезая мглу, тянется к борту «Грейса». «Грейс» не отвечает. Желтый глаз его прожектора прикрыт плотной ширмой, а над трубой вдруг вырастает темный кокон дыма, – ясно, что транспорт собирается прибавить обороты.

– Ага, зашевелились, – говорит Самаров и, сняв трубку телефона, передает в машинные отсеки, где люди, закупоренные железными горловинами, не знают, что творится наверху: – Товарищи, приготовьте все на случай пробоины, обеспечьте кораблю ход, который потребуют с мостика!

– Повторить по семафору! – приказывает Пеклеванный, и на его скулах круто перекатываются упругие желваки.

Беспрекословно повинаясь, Томми отщелкивает по клавишам приказ. Один раз, два, три...

Молчание...

Губы сигнальщика прыгают, вышептывая молитвы. По горизонту, неумолимо приближаясь, тянется дым немецких миноносцев, похожий издали на клочки серой разодранной ваты.

– Помощник, – спрашивает Рябинин, – отсюда мы их не достанем?

– Нет, надо подойти ближе.

– Добро. Право на борт! Начать пристрелку!

«Аскольд» содрогается от первого залпа, и ошеломляющий грохот орудий заглушает мычание ревунов, плеск воды и тихий жалобный стон Томми.

– Недо-о-олет, – нараспев тянет Мордвинов.

И в этот же момент Рябинин видит, как вдоль всего строя немцев рыжими булавочными головками вспыхивают ответные выстрелы.

– Эсминцы ближе не подойдут, – докладывает Пеклеванный. – Они будут держаться на такой дистанции, чтобы обстреливать нас, а самим остаться вне поражения. Надо...

Лейтенант не договорил. Рубка откачнулась в сторону. Стекланный колпак штурманской лампы разлетелся вдребезги, брызнув осколками.

– Недо-о-олет! – захлебываясь бессильной яростью, кричат на дальномере.

– Идти на сближение, – командует Рябинин. – Выходить на дистанцию выстрела.

Он смотрит, как из-за горизонта постепенно выплывают широкие буруны пены, разводимые форштевнями миноносцев.

– Товарищ командир, транспорта уходят под черту берега.

Пеклеванный резко оборачивается: «Грейс» и «Фриг» торопливо пожирают мили, скрываясь в тумане.

«Черт с ними!» – злобно думает он и снова склоняется над приборами:

– Прицел... Целик...

Мычат пушечные ревуны, раздается гром залпа, и следом за ним Пеклеванный слышит еще какой-то странный звук: металл бьется о металл.

– Накрытие! – радостно сообщают с дальномера.

В море вырастают фонтаны всплесков. Снаряды уже ложатся на линии немецкого строя.

Залп – и снова этот добавочный звук: «цвонг!..».

Пеклеванный перевешивается через поручни. Смотрит. Угол возвышения орудий превышает пределы. Ствол упирается в самую кромку верхнего выреза щита.

– Молодцы! – кричит лейтенант. – Так их!..

– Огонь! – командует Алеша Найденов, и орудие, содрогнувшись от выстрела, откатывается назад, слегка ударив казенником в железный настил палубы, – «цвонг!».

– Огонь!

Гремит замок, и снова: «цвонг!».

Черт с ней, палубой, но зато...

– Накрытие! – кричат с дальномера.

И вот:

– Поражение!

На корме одного эсминца черно-красным султаном выплывает пламя. Некоторое время он продолжает идти вперед, потом резко бросается в сторону. Идеальный строй немцев сломан.

– Помощник, огонь!.. Что с вами?

Обхватив нактоуз компаса, Пеклеванный опускается на колени, плечо реглана распорото и дымится на нем.

– Не... знаю, – отвечает он.

– Санитары!

– Есть! – На мостик взбегает Варенька.

Пеклеванный неожиданно встает – губы перекошены, взгляд мутный.

– Какого черта вы здесь! – кричит он. – Ваше место в лазарете!.. Уносите тяжелораненых, а меня не трогайте... Первый расчет, два лево, три меньше... Залп!..

Носилок не хватает. Волокнут за ноги сигнальщика с раздробленной головой. Ноги скользят в крови, под подошвами перекатываются пустые расстрелянные гильзы.

– Аааа... ааа... ааа, – стонет кто-то.

Уходящие снаряды режут уши протяжным сверлящим шорохом. Орудийные площадки «Аскольда» вибрируют от выстрелов, гремя броневыми заслонами. От яростной дрожи корабельного корпуса сами собой вывертываются лампы и разбиваются с гулким хлопанием. С переборок осыпается сухая пробковая крошка. В едком пироксилиновом дыму снуют матросы с широко раскрытыми ртами. Тугой воздух боя душит людей – рты раскрываются инстинктивно...

Взметенный взрывом, рушится и обваливается на палубу «Аскольда» многотонный водяной гейзер. Резкий удар сотрясает корабль. Частой дробью рассыпаются осколки. В разбитые окна ходовой рубки сильный сквозняк задувает тягучие дымные полосы.

– Попадание в палубу, – докладывает Пеклеванный. – Разбит тамбур первого люка.

– Усилить огонь, – голос командира звучит так же ровно и спокойно, как перед началом боя.

Размазывая рукавом по лицу кровь и испуганно глядя на рукав, сверху кричит Мордвинов:

– Убит горизонтальный наводчик!

Самаров, не говоря ни слова, прыгает на трап, втягивает свое тело на площадку дальномера. Пахнет горелой изоляцией, тлеющей замшей и древесным спиртом-сырцом. Младший лейтенант стаскивает с кресла мертвого наводчика и сам берется за липкий от крови штурвал.

Вдавлив глаза в окуляр дальномера, он видит в четком пересечении нитей плоские контуры фашистских миноносцев. Впереди, окутанный дымом залпов, идет эсминец типа «Ганс Лоди».

– Левый борт поражение! – орут где-то внизу на мостике, но Самаров уже ничего не слышит.

Он крутит штурвал и, когда ажурная крестовина немецкой фок-мачты совпадает с вертикальной чертой, давит ногой на педаль – цель поймана!

– Где контакт? – спрашивает Пеклеванный.

Стрелка не ползет по циферблату дистанции, и наводчик первого орудия Савва Короленко поворачивает к старшине свое мокрое продымленное лицо:

– Нема контакту!

– Перебита цепь, – докладывает по телефону командир кормового орудия боцман Мацута. – Контакт потерян!..

– Где контакт, черт возьми?! – кричит Пеклеванный, раскачиваясь на широко расставленных ногах.

Удар! «Аскольд», кренясь на левый борт, черпает воду палубой и медленно, словно нехотя, выравнивается снова.

– Попадание в котельное отделение! – докладывает штурман. – Ниже ватерлинии!.. Борт от пятьдесят пятого до пятьдесят седьмого шпангоута разорван!..

В кочегарку хлещет вода. Сипит пробитый паропровод. Тускло горит аварийное освещение. Машинная команда борется с пробойной. Гремят молотки, клинья. Деревянные подпоры, словно строительные леса, опоясывают борт.

На столике названивает телефон.

Механик Лобадин, волоча разбитую во время взрыва ногу, по колено в воде, подходит, срывает трубку:

– Есть!.. Есть!.. Есть!..

На тумбе дальномера болтается сорванная взрывной волной крышка прибора, и в нем среди путаницы желтых, красных и синих проводов Самаров видит два рваных конца. Осветительные снаряды плывут высоко в небе, заливая море мертвым холодным светом. В наступающей ночи стремительно проносятся вражеские миноносцы.

Тогда замполит вытягивает разорванные концы наружу и соединяет их зубами; во рту сразу становится кисло от слабого тока...

– Есть контакт! – кричит Савва Короленко.

– Есть контакт! – повторяет на корме боцман.

– Залп! – обрадованно командует Пеклеванный, и дальномер, откачнувшись назад, толкает Самарова прямо в лицо, пружина каучуковой оправой.

Головной «Ганс Лоди» вырывается из строя и начинает кружиться на одном месте.

– Ага! – кричит Мордвинов, не отрываясь от шкалы дистанции. – Руль заклинило!..

Немецкий снаряд упал совсем рядом. Волна, поднятая взрывом, перехлестнула через борт, сбила с ног орудийную прислугу. Судорожно цепляясь за пеньковую сетку, устилавшую пушечную площадку, и ободрав пальцы о заклепки, Русланов вскочил на ноги – и сразу ударил выстрел. Ничего не слыша, с ушами точно забитыми ватой, заряжающий схватил новый снаряд, поданный вверх элеватором, и вдруг почувствовал густой запах горячей масляной краски.

Развороченный взрывом скорострельный автомат топорщился разбитыми шестернями. Приникнув к штурвалам головами, лежали мертвые и раненые наводчики. Ветер трепал их мокрые волосы, перетянутые ободками телефонных наушников. Осколки зажгли парусину, и пламя бежало по ящикам, быстро подбираясь к штабелю боезапасов.

Рябинин, с разбитым мегафоном в руках, крикнул вниз с мостика:

– Сбить пламя!.. Слышите, на полубаке? Сбить пламя! Кранцы со снарядами – за борт, в воду!..

Русланов уже подскочил к автомату, рывком поднял с палубы горящий четырехпудовый ящик. Огонь жадно облизал руки, с хрустом опалил волосы. Задымилась голландка, черная копоть пороха забила горло – стало нечем дышать...

* * *

Очнулся он уже на носилках, когда два матроса, поскальзываясь на обледенелой палубе, несли его в судовой лазарет. Русланов вначале хотел встать, но его тело было крепко пристегнуто к носилкам ремнями, и он мог поднять только голову.

– Лежи, лежи, родной! – сказал женский голос, потом чья-то приятно освежающая ладонь легла ему на лоб, и он узнал лейтенанта Китежеву.

– Пламя... сбили? – спросил он.

– Сбили, – ответила Варенька. – Ты лежи...

Он с минуту молчал, наслаждаясь прохладой ее руки, которая, казалось ему, оттягивала боль, потом снова спросил:

– И взрыва... не было?

– Не было, – ответил Мордвинов, шедший с носилками впереди. – Не было взрыва!..

Из-под скалистой черты берега, неясно проступавшего в темноте, медленно выплывали два транспорта. На мостике «Грейса» мигал прожектор, слагая из коротких и длинных проблесков фразу: «Мы восхищены вашим мужеством тчк от имени союзного командования поздравляем с победой».

Но матрос не мог видеть этого, как не видел и самого ухода двух гитлеровских миноносцев. Он беспомощно покачивался на носилках и смотрел в полярное небо. Смотрел и видел, как над мачтами «Аскольда» стремительно проносились чистые и яркие созвездия.

Глава четвертая

Шхуна

Русский Север не знал крепостного права. В поморских деревушках рождались сильные добродушные гулливеры, которые с малых лет приноравливались к схваткам с океанской стихией. Море стояло рядом. От скрипучих мостков рыбацких становищ уходили далекие пути на Матку (Новую Землю), на Грумант (Шпицберген), в Гаммерфест, Вадсе и Вардегауз. Требовались крепкие корабли, чтобы побороть осатанелый напор волн.

И одним из таких умельцев, кому от предков перешел дар корабельного мастерства, был Антипка Сорокоумов.

Всегда праздничный, остроумный, языкастый, он был приветлив со всеми, каждому помогал в беде; ладил звонкие, как гусли, лады и шняки; и корабли, сработанные его руками, отличались удивительной мореходностью.

Но никто не знал, какая тоска гложет сердце молодого корабельника. Может, одна только ненаглядная Поленька из Сумского посада, которой он дарил платки да чашки фарфоровые, и знала это, да никому не говорила. Был Антипка волен, как птица морская, но тяжела была его воля.

Корабельник чувствовал, что его руки способны сделать еще многое, перед глазами стояла красавица шхуна с раскрытыми бабочкой парусами, и этот живой образ красавца парусника преследовал и томил Антипку несколько лет. Он не умел читать и писать, не знал математики и геометрии, корабли создавались под песню, на глазок, потому что он был подлинным мастером, недаром звали его – Сорокоум.

И однажды, взяв подряд ладить шхуну для купцов Лыткиных, он решился. «Верите мне?» – спросил. «Как тебе не верить, перед тобой, что перед Спасом!» – ответил богатей-рыбник. «Тогда лес давайте добрый, лиственницу; сроками не торопите и надо мною не ломайтесь, не то совсем делать не стану; я мастер, мне это не от ваших целковых дано!..»

И, говоря Ирине Павловне, что первый чертеж шхуны был нанесен им на снегу, Антип Денисович не лгал: прутиком нарисовал он шхуну, какой она снилась ему все эти годы, и начал строить. Успели только обшить борта, когда весеннее солнце растопило снег и смыло план корабля в море. Но шхуна упрямо тянулась мачтами к небу, а когда сошла со стапелей и скрылась вдаль, Антипка бросил топор в волны, упал в траву и заплакал: «Не было такого корабля на свете, нет и не будет!..»

*** * ***

– Да ты ешь, ешь, – говорила тетя Поля, горестно подпершись рукой, – старенький ты стал, Антипушка, а лицо все как у младенца, румяное да чистое...

Последнее время Полина Ивановна частенько наведывалась на шхуну, узнав, что на ней появился Антип Денисович. Получив капитанскую фуражку и восемь тысяч рублей рейсового задатка, старый шкипер заважничал.

– И откуда у тебя эта спесь берется? – говорила тетя Поля. – В молодости ты не был таким... Ну-ка, сымай рубашку-то, я тебе ее постираю. Да и на бахилы заплатки поставить надо... Сымай!..

Сорокоумов принимал заботу о себе как должное. Прошло много лет, не писали друг другу писем, у него уже выросли дети, а вот при встрече снова пробудилась между ними старая дружба. Зная, что за работой Антип Денисович забывает обо всем на свете, тетя Поля иногда приносила ему в авоське обед: покушай, мол, Антипушка... Шкипер ел много, по-стариковски бережно нося ложку над краюшкой хлеба, и никогда не мог есть молча.

– У русского человека, – говорил он, – песня что венок, а стих что цветок. Сторона-то наша, чего уж греха таить, студеная да ветреная; близко мы к морюшку сели, что в нем упроемыслим, то и наше. И корабельное ремесло мы с давних пор изучили... Вот я, к примеру: неученый человек, а кораблей за свою жизнь наладил с тыщу – много! Сколько уже при советской власти спустили их на воду, все колхозы мне мотоботы заказывают. Ан все едино, люблю эту шхуну, да и только! Я в нее душу вложил, весь талант свой. И строил ее не по аглицкому манеру, а как мне сердце мое подсказывало... Вот и ходит она у меня по морю, словно огонь по соломе!..

Когда тетя Поля уходила, шкипер снова вылезал на верхнюю палубу. Одет он был в брезентовую робу, насквозь пропитанную охрой и резиновым клеем. Капитанская фуражка, о получении которой он беспокоился заранее, лихо сидела на его голове, потеряв новизну в первые же дни службы. Лукавые глазки шкипера влажно поблескивали, а маленький носик краснел от чего угодно, только не от мороза. Рябинина как-то сделала Антипу Денисовичу замечание по этому поводу, но он не обиделся, а мирно ответил:

– Верно, дочка, вино на судне – гибель, а без него тоже тошно. Но ты не бойся: в море как выйдем, я все винище за борт вылью, потому что дисциплину понимаю. Буду шубой греться, дочка.

Ирина Павловна называла шкипера не иначе, как по имени-отчеству, но Сорокоумов, кто бы ни присутствовал при разговоре, все равно крестил ее дочкой. Главный капитан рыболовной флотилии уже предупреждал женщину, чтобы она была поосторожнее со стариком, – Антип Денисович слыл капризным, своенравным и обидчивым человеком, способным на необдуманные поступки. И женщина неустанно следила за шкипером, готовая в любой момент встретить неожиданную выходку не совсем понятного для нее человека.

А старик, точно зная, что какой бы он ни был – без него все равно не обойдутся, становился день ото дня строптивее; носик его из красного постепенно делался лиловым. Он с руганью набрасывался на рабочих, отчаянно кричал на парусных мастеров. Целыми днями метался по шхуне сверху вниз, сам забирался на мачты, шумел, лез чуть ли не в драку на тех, кто пытался с ним спорить, и суетился больше всех. Но, как ни странно, эта суета и шум не мешали подготовке к экспедиции: корабль незаметно приобретал необходимую для дальних путей осанку выносливого океанского скитальца.

С появлением Сорокумова у Ирины Павловны сразу точно освободились руки. Прощая шкиперу многие его недостатки, она чувствовала, что ему можно доверить судно полностью. Теперь она уделяла больше внимания подготовке к научной работе в сложных условиях полярной ночи. Мало того – военной ночи!.. Предстояло произвести кольцевание рыбной молодежи в возрасте от одного до двух лет. Эта работа, хотя и простая, сулила немало хлопот, тем более что шхуна будет находиться в полосе битого льда и вечного шторма.

От экспедиции требовалось подробно изучить животный мир восточных районов моря и Рябининской банки отдельно – банки, которую обнаружил и впервые освоил ее муж. Таким образом, она продолжит его дело – это он дал толчок к проникновению траулеров в малодоступные полярные области. Начать же экспедицию Ирина Павловна решила с изучения зоопланктона, и в частности красного рачка калянуса, являющегося основным кормом сельди. Потом необходимо проследить и составить подробный отчет о миграционных путях рыбных косяков – это лучше всего провести уже на исходе зимы. К этому же времени

должна закончиться горячая пора для гидрохимиков и гидробиологов, которым предстоит изучить жизнь подводного мира в суровых зимних условиях.

Однажды в полдень сообщили, что на шхуну прибыли сыновья Сорокоумова – зверобои из приморского колхоза. Ирина Павловна еще издали заметила на палубе четверых рослых широкоплечих парней в куртках из нерпичьей кожи и в глубоких зюйдвестках. Спокойные и красивые, как и большинство коренных поморов, они плотно стояли на шканцах, а отец, вертевшийся между ними, казался до смешного жалким и маленьким.

Глянув на подходившую женщину светлыми голубыми глазами, четверо братьев стащили с голов просоленные зюйдвестки, и русые волосы заплескались на ветру.

– Здравствуй, начальник, – сказали они хором.

– Сыновья-то, а? – хвалился Антип Денисович, стуча кулаком по выпуклой груди каждого. – Что кедровые таежные!

– Вас как зовут? – спросила Ирина Павловна старшего.

– Иван.

– А вас?

– По паспорту Афанасий, а батяша зовет – Ваней.

– Ну, а вас? – спросила Ирина Павловна.

– Меня Ванюшей в семье звали, хотя Игнат.

– Ну, а меня – Ванечкой, – засмеялся четвертый. – Так нас батяша всех по старшинству прозывает: Иван, Ваня, Ванюша и Ванечка...

– Это, дочка, – чего-то застыдившись, сказал Сорокоумов, – мое любимое имя...

Четверо Иванов жили дружно и спаянно. Молчаливые и застенчивые, как девушки, братья были люты на работу. Отца слушались беспрекословно, ласково называя его батяшей, но за этой ласковостью чувствовалось сознательное превосходство. Ирине Павловне иногда казалось, что сыновья относятся к отцу, как взрослые относятся подчас к надоедливому, но любимым детям. «Хорошо, хорошо, ты успокойся, батяша, – не раз говорили братья отцу, – мы сделаем все, как велишь». А когда шкипер уходил, они почти все делали по-своему и были, пожалуй, единственными людьми на шхуне, которые не боялись ослушаться шкипера. Зато прибежит Антип Денисович ругаться, посмотрит – и притихнет сразу: выполнили братья работу даже лучше и правильнее, чем он советовал. «Ну-ну, – скажет шкипер, спеша шмыгнуть от позора в какой-нибудь люк, – я вот вам ужо!» А братья за ним: что, мол, дальше-то прикажешь делать, батяша? И скоро Ирина Павловна поняла, что превосходство братьев – это превосходство молодых людей, умудренных опытом нового – такого, что не всегда было известно шкиперу.

Вскоре на шхуну прибыл штурман Аркаша Малявко – молодой курносый парень с вечно смеющимися глазами, служивший ранее на торпедированном немцами рыболовном траулере. Он познакомился с Ириной Павловной, сразу пленил ее юношеским задором и, кинув в каюту чемодан с небогатыми моряцкими пожитками, поднялся на мостик. Через несколько минут оттуда, из штурманской рубки, донесся крик: два мужских голоса гневно спорили о чем-то. Ирина Павловна, побросав все свои дела, бегом бросилась на мостик.

То, что она увидела, заставило ее на мгновение растеряться. Антип Денисович и Аркаша Малявко стояли посреди рубки и, яростно хрипя, кричали что-то один другому в лицо. О чем они спорили, Ирина Павловна так и не поняла. Но зато поняла другое.

Старого шкипера одолевала гордыня. Он был одарен от природы и знал это. Но его одаренность была настолько самобытной, что Антип Денисович не признавал иных путей к мастерству, кроме одного: своей интуиции, или, как он сам любил повторять, «души моей русской». Он словно обвел вокруг себя черту, через которую не давал переступить людям других взглядов.

– Это что! – говорил он не однажды. – Легко вам с геометрией да с чертежами, а вы безо всего, на глазок попробуйте...

Так случилось и сейчас. Увидев молодого навигатора и поняв, что штурман знает гораздо больше него, Сорокоумов хотел сначала уступить и... не смог. Теперь, когда он ясно увидел того, кто пришел ему на смену, шкипер решил бороться за свое «я», которое вдруг

как-то сразу воплотилось для него в любезном детище – в шхуне. И сознание, что он уже ничего не сделает, что его слава умрет вместе с кораблем, лишь усиливало старческий гнев.

Разжав руки шкипера, державшие его за воротник, Аркаша Малявко обиженно объяснял:

– Нет, вы понимаете, Ирина Павловна, если затрагивают вопросы морской науки, то я не могу быть спокойным. Я окончил Ленинградское мореходное училище, а спрашивается, кто он такой?

– А я, – дрожа от злости, кричал Антип Денисович, – одну зиму бегал в Кемское шкиперское, где монаси преподавали, потом сапоги разбились – перестал, своим умом до всего доходил!..

Выяснилось, что штурман даже не знал, с кем ему приходится спорить; он думал, перед ним какой-то парусный мастер, и велико было его удивление, когда Ирина Павловна сказала, что это и есть тот самый шкипер Сорокоумов, под начальством которого ему придется служить.

– Ну что ж, – сказал Аркаша Малявко, – придется идти к нему извиняться. Нехорошо как-то получилось, откуда же я знал!

Он тут же отыскал шкипера на палубе, в путанице снастей и блоков, когда тот, разгоряченный спором, срывал свой гнев на одном из рабочих, и спокойно попросил извинения.

– То-то! – примирительно сказал Антип Денисович.

Ирина Павловна внимательно наблюдала за их натянутыми отношениями. Аркаша держался по-прежнему независимо; даже положение, в котором он являлся подчиненным шкипера, не мешало ему сохранять внешнюю выдержку и достоинство. Антип Денисович, еще больше уйдя в работу, наоборот, старался подчеркнуть всем, а особенно штурману, что хозяин судна – он, что многие еще не доросли до этой должности и... «вообще народ пошел мелкий». Решив не вмешиваться, Рябина напряженно следила за этой молчаливой схваткой.

И все-таки молодость победила: настал такой день, когда Антип Денисович сказал:

– Ты, кормчий, хоша и академию кончил и румбы не по-поморски – шалоник, стрик, обедник, веток, – а по аглицкому манеру кличешь: норд, зюйд, вест, ост, но парень ты крепкий!.. Пора тебя вразумить искусству моему. Буду учить с пристрастием. Много авось лишнего наговорю. А ты не все лови, что по воде плывет. Бывает, грешным делом, такое поймашь...

И он стал готовить из него своего помощника. Каждый день, с утра до обеда, объяснял Аркаше систему парусов, и хотя штурман изучал парусное дело еще в училище, но от таких уроков не отказывался. Он понимал: то, что передает ему старый шкипер, необычайно, прекрасно и просто до гениальности.

* * *

В этот день вернулся из плавания муж. Целуя его на пороге, она ощутила на своих губах солоноватый привкус моря. Прохор, которому была привычна просторная каюта «Аскольда», неловко задевал плечами мебель и, расхаживая по комнате, как по мостику, не спеша рассказывал о своих делах.

Набив трубку, остановился около стены, где висела скрипка сына, и мягкая улыбка осветила на мгновение его суровое лицо.

– Сына встретил... Говорил с ним. Растет парень, человеком становится...

Ирина быстро соскочила с дивана:

– Ну что? Что с ним?

И даже отшатнулась, когда услышала скупые, расчетливо-спокойные слова правды.

– Так ты не забрал его оттуда? Но ведь ты мог это сделать!..

Неожиданно она заплакала. Капитан потряс ее за плечо:

– Перестань, Ирина!.. В свое время я начинал жизнь так же, как он.

– Но ведь на море война! Его могут убить... Ты понимаешь, что это значит...

Прохор Николаевич оставил плечо жены, выпрямился:

– Вот видишь, я стою перед тобой. И я только что вернулся с моря. Оттуда, где идет война. И он тоже вернется! Ты, Ирина, ему не мешай. Пусть все будет так!

И, как-то сразу успокоившись, она ответила:

– Хорошо, пусть все будет так...

Прохору надо было верить. Он был для нее прочной опорой, ни разу не пошатнувшейся за все годы их совместной жизни.

Прохор – ее твердыня!..

Три койки

Тело горит. Боль исходит откуда-то из глубины, чуть ли не от самого сердца. Какой-то матовый шар висит над ним, ослепляя светом. Потом начинает вращаться. Все быстрее, быстрее. Становится холодно. Почему мама забыла закрыть окно?..

Чьи-то теплые руки подхватывают его голову, приставляют к губам ободок кружки. От воды вроде становится легче, и Русланов тихо спрашивает:

– Который час?

– Уже восьмой.

– Значит, скоро укол. Скажите, чтобы поскорее...

– Хорошо. – Женщина, поившая его водой, тихими шагами отходит от него к соседней койке. Там лежит какой-то незнакомый офицер; лицо под тусклым светом кажется синим, щеки впалые, голова плотно забинтована, он что-то рассказывает женщине.

– ...Было-то это совсем недавно, – говорит офицер. – Приехали бы вы раньше, и вы бы еще встретили его в Мурмашах. Он отдыхал там на военном курорте. Я не думаю, чтобы он мог погибнуть так просто. Хотя...

Чужая судьба, чужое горе, чужая боль! А тут своя боль, и такая страшная, и вот она снова наваливается на него. Снова мечется в жаркой постели жаркое, в осколках и ожогах молодое тело.

– Лежите, лежите. Вот идет сестра, сейчас она вам сделает укол...

Что-то ледяное дотрагивается до руки, короткий укус иглы – и боль пропадает. Потом, точно во сне, Русланов видит, как в палату вползают носилки, на которых лежит забинтованный матрос в тельняшке. Носилки останавливаются как раз перед койкой Русланова, и он узнает в этом матросе командира «Аскольда».

Только не того Рябина, каким он привык его видеть, а еще молодого – почти мальчика.

* * *

Сережка очнулся и увидел над собой белый потолок с рядами заклепок. Потолок качался. Качался и он сам.

Что-то звенело, плескалась вода. Он повернул голову, увидел лейтенанта в белом халате.

– Где я? – спросил он.

– На «Летучем», – ответил доктор.

Сережка вспомнил все сразу: шторм, груз на палубе, планширь с двумя болтами, темный силуэт миноносца, нырявшего с гребня на гребень...

– Ух! – вздохнул он, внезапно испугавшись всего, что было.

Доктор нацедил в стакан какой-то прозрачной жидкости, долил ее водой из-под крана умывальника. Посмотрел стакан на свет.

– На, пей!

– Что это?

– Спирт.

– Я боюсь. Никогда не пил.

– Шторма не струсил, а тут сто граммов выпить боишься. Пей, это тебе на пользу.

Сережка набрался храбрости, осушил стакан одним махом. В голове закружилось, стало тепло, захотелось смеяться. И, беспричинно улыбаясь, он слушал, что рассказывал ему веселый доктор.

– ...Ну, брат, смотрим, ты совсем скрылся. Потом – нет, вынырнул. А погодка, сам знаешь, какая была: ветер-шалоник, как говорят поморы, на море разбойник, без дождя мочит. Думаем, пропал парень. И пропал бы, если бы командир не дал полный и не вывел бы на тебя эсминец. Подобрали тебя – и на борт! Живи, брат...

– Спасибо! – сказал Сережка.

– Ты не меня благодари, а командира и сигнальщика Лемехова. Он перед вахтой крепкого кофе выпил по моему рецепту, и глаза у него стали, как у кошки, – сразу тебя заметил...

– А транспорт? – вдруг насторожился Сережка.

– Э-э, брат, забудь! Ушел в Англию...

Стоило преодолеть столько препятствий, чтобы потом оказаться сброшенным за борт! Правда, теперь он не сомневался, что транспорт, вернувшись из Англии, снова примет его в состав команды. Но жди, когда он вернется!..

После обеда юноша пошел благодарить сигнальщика Лемехова. В кубрике матросы показали ему на здорового матроса, богатырский храп его наполнял кубрик. Сережка попробовал разбудить сигнальщика, спасшего ему жизнь, но Лемехов не проснулся. Матросы отсоветовали тревожить его вовсе.

– Если боевой тревоги не будет, – шутили они, – то к ужину сам проснется. Его у нас только обеды да тревоги в чувство приводят... Правда, можно зажать ему нос, но он и без дыхания спать умеет...

Тогда Сережка пошел к командиру в салон, где его поразила красивая, совсем не каютная обстановка. Сам командир – капитан третьего ранга Бекетов – оказался человеком маленького роста, с добродушным румяным лицом. Он сидел за круглым столиком в глубоком кожаном кресле и пил чай, просматривая какие-то бумаги. Чай был заварен по особому «морскому» способу настолько крепко, что он переставал быть нормальным чаем и переходил в разряд особого напитка, который на флоте носит странное название «адвокат».

– Это ты брось, – сказал Бекетов, когда юноша стал благодарить его за спасение. – Тебя вот с транспорта по семафору благодарили. Они тебя обратно бы взяли, но шторм был, а потом зыбь, видишь, и сейчас какая, борта можно помять...

Скоро капитан третьего ранга стал собираться на мостик. Он пролез головой в глубокую меховую кухлянку, обмотал шею пестрым шарфом, стал натягивать пудовые штормовые сапоги.

– А ведь я твоего отца знаю, – говорил Бекетов, – таких, как он, моряков мало. Недавно бой разыграл с немецкими миноносцами, здорово им корму горчицей смазал. Только вот чего это он тебя в море отпустил?.. Придем в Кольский залив, возьму я тебя за ухо и отведу к матери... Еще навоюешься!..

Сережка, пожалуй, впервые за всю свою жизнь пожалел о том, что его отца все знают. Но, к счастью, все сложилось так, что командиру не пришлось отводить беглеца за ухо.

На приеме топлива в отдаленной базе миноносец получил приказ следовать на поиски подводных лодок, и Сережка переключался на торпедный катер «Палешанин», который скоро отправлялся в Кольский залив. Катер назывался так потому, что был построен на средства палехских живописцев. Командовал им лейтенант Глеб Павлович Никольский – бывалый катерник, кавалер многих орденов и медалей.

«Палешанин» ходил под гвардейским флагом. Все команда носила значки морской гвардии, на бескозырках вились оранжево-черные – огонь с дымом! – ленточки.

В первый же день Сережка успел познакомиться со всей командой катера. Боцман Тарас Григорьевич Непомнящий, высокий человек лет сорока, с обвислыми черными усами, сразу покорила юношу своим добродушием и плавной, медлительной речью, которая, казалось, ласкала человека, обволакивая его каким-то теплом. Мотористы – родные братья Гаврюша и Федя Крыловы, похожие друг на друга, как близнецы, – они, казалось, и измазаны были

одинаково: у одного на лбу соляровое пятно и у другого. Радист Никита втянул гостя в свою радиорубку и, посадив его под стол (больше не было в рубке свободного места), дал послушать эфир. Торпедисты Илья Фролов и Ромась Павленко, целый день возившиеся около своих аппаратов, ничем не выделялись – матросы и матросы! – но и они нравились юноше. Но особенно пленяло Сережку то, что они были гвардейцы: и сам командир Никольский, и ласковый боцман Непомнящий, и маленький радист Никита – все казались легендарными героями.

Вечером «Палешанин» вышел в море, взяв курс на Кольский залив. Сережка никогда не видел такой бешеной скорости. Катер, подпрыгивая на гребнях волн, стрелой вонзался во тьму, разводя по бортам высокие и острые буруны. Палуба тряслась под ногами от рева моторов, и приходилось поворачиваться лицом к корме, чтобы не задохнуться от ярого напора ветра.

Юноша всего минуту пробыл наверху, а спустился в кубрик уже мокрый, хоть выжми. Боцман похлопал его по плечу и крикнул:

– Это еще что! А вот когда в атаку идем, так чувствуешь, как мозг в черепной коробке трясется...

Вечером катер ворвался в Кольский залив и с ходу вошел в Тюва-губу. Никольский вызвал Сережку к себе, дал ему денег на билет, чтобы добраться до Мурманска. Давно ли он на катере, а все люди стали для него родными, и он для них не чужой. Поблагодарив Глеба Павловича и попрощавшись с матросами, он сошел с палубы на деревянный причал.

В конце причала по рельсам катился подъемный кран, держа в своем клюве зарядную головку торпеды, похожую издали на большую серебристую рыбину, коротко обрубленную у хвоста. Катерный боцман шагнул рядом, похлопывая «рыбину» рукой в широкой брезентовой рукавице.

Поравнявшись с Сережкой, Тарас Григорьевич подал ему темную широкую ладонь:

– Будем в Мурманске, так заходи!..

Сережка постоял, посмотрел, как старшина снова занял свое место около торпеды, и направился в сторону рейсовой пристани. Но еще не сделал и нескольких шагов, как вдруг за его спиной раздался грохот тяжело упавшего предмета, и дикий крик ворвался в уши.

Сережка мгновенно обернулся и увидел, что головка торпеды, упавшая стоймя на рельсы, всей тяжестью придавила боцмана спиной к скале. Юноша в несколько прыжков очутился рядом. Чувствуя, как обрывается что-то внутри живота, он стал отталкивать торпеду от груди старшины.

Он даже не заметил, как отвалился в сторону, слабо охнув, боцман, и все отводил и отводил нависшую теперь над ним тяжесть. Потом, немея от напряжения, ощутил на своем подбородке что-то теплое и не сразу догадался, что это течет изо рта кровь.

На помощь ему уже бежали торпедисты Илья и Ромась. Вдвоем они освободили юношу из-под груза, и он, обмякнув, кулем упал на доски причала. Собрался народ, прибежали матросы с катеров, вызвали Никольского.

Оправившийся боцман ходил вокруг Сережки, виновато хлопая себя по коленям:

– Как же это, а?.. Да если бы я знал... А что он как налетел без спросу. Братцы родные, выходит, я виноват, что задавило мальчишку!..

Подъехала полуторатонка и увезла Сережку в госпиталь. Люди разошлись, а лейтенант Никольский еще долго стоял на одном месте, вертя в руках оборванный тросик, о чем-то думая. Боцман стоял рядом, виновато моргая глазами.

Наконец Никольский, отбросив от себя обрывки троса, сказал:

– Сильный парень! Вы, Непомнящий, проследите за ним и, когда он будет выписываться из госпиталя, доложите мне. А вам я объявляю выговор за халатность.

И, круто повернувшись, лейтенант пошел на катер.

...Носилки остановились как раз перед койкой Бориса Русланова, и матрос долго всматривался в лицо Рябинина, удивляясь тому, как он молодо выглядит.

* * *

Третьим в палате лежал Николай Ярцев, тот самый лейтенант, что привел когда-то свой отряд к бухте Святой Магдалины, прорвав кольцо окружения и потеряв только одного человека – Константина Никонова; и это к нему приходила женщина, что поила водой аскольдовца Русланова.

«Друзья, не верьте слухам...»

Перрон вокзала в Ленинграде, мокрый от вечернего дождя, фонари в игольчатых венцах. Запах роз был удушлив и горек в эту ночь расставания. А у нее дочь на руках, ее колосок, ее Женечка, совсем еще крохотная, и дома она будет кормить ее грудью.

– Прощай, Аглая! Уже третий звонок...

– Нет, постой, ты смотри – она смеется, видишь?

– Я тебя жду, Аглая, в Мурманске зимой.

– Милый, это так скоро!..

– Прощай, моя красивая, пиши чаще!

– Зачем писать? Мы скоро встретимся!

Больше они уже не виделись...

Тетя Поля колола дрова, с трудом распрямила спину, когда Аглая подошла к ней.

– Ну? Рассказывай!..

А когда прошли в квартиру, Аглая упала головой на кухонный стол, застыла надолго. И напрасно Женечка-колосок юлила возле матери, лезла к ней на колени.

– Мам-мам-мам, ты нашла папу? Он еще не приехал? Мама-мам, что же ты молчишь?..

Тетя Поля оторвала девочку от Аглаи, шлепнула полотенцем.

– Иди, иди! Не мешай матери! – И вывела ее из кухни.

Потом подошла к Аглае, ласково и участливо, как может только женщина, обняла ее за плечи. И от этого Аглае стало легче.

– Да, тетя Поля, я нашла его, – стала рассказывать она. – Нашла – и потеряла снова. Вы знаете, милая, сколько я исходила, прежде чем напала на его след. Наконец мне сказали, чтобы я шла в госпиталь, где лежит раненый командир Кости. И он рассказал мне все. Все, как это было...

Аглая задумалась, смотря в окно, из которого виднелся западный берег Кольского залива: сопки, сопки, сопки!..

– У Антона Захаровича, – неожиданно спросила она, – случайно нет карты? Хоть какой-нибудь?

Тетя Поля убежала в комнату мужа, долго не возвращалась, наконец принесла старую, потрепанную карту рыбного промысла в Баренцевом море. Аглая долго изучала изрезанное побережье северной Норвегии, пока не нашла то, что ей было нужно.

– Вот здесь, вот! – показала она на узкую полоску фиорда, далеко вклинившегося в берег северной провинции Финмаркен.

– Сейчас, сейчас, – засуетилась тетя Поля. – Ведь я без очков-то совсем не вижу. Ну-ка, что это такое?

Надев очки, она пригнулась к карте и прочитала из-под пальцев Аглаи ломаный географический шрифт:

– Зандер-фиорд... Так, а это? Бухта Святой Магдалины... Ишь ты, святой!.. Как же понимать это все, Аглаюшка?

Волнуясь и путаясь, Аглая стала рассказывать все, что узнала о муже от лейтенанта Ярцева. Как отряд напоролся на засаду егерей, как они пытались пробиться к морю и как ее муж вызвался прикрыть отход.

Порой от надежды она переходила к полному отчаянию, но это длилось недолго. Аглая обвела карандашом на карте бухту Святой Магдалины, вслух придумывала всевозможные исходы боя, из которого муж должен был выходить живым и невредимым.

Громадным каменистым барьером встала на рубеже их судеб чужая, незнакомая страна, и, чтобы встретиться, надо преодолеть этот барьер. Он – там, он – в глубоких снегах Финмаркена, продолжает жить, бороться, любить ее...

Ночью Аглаю разбудил курьер, присланный с работы. Стараясь не потревожить спящую девочку, она быстро оделась и вышла на улицу.

Ночь была морозной, прозрачной. Немая военная тишина стояла над Мурманском, и скрип снега под валенками отдавался чуть ли не эхом в глухих переулках.

Изредка встречались матросские патрули. Аглая лезла в сумочку, доставала ночной пропуск. Матросы, соединив в кружок головы, читали при свете сигарок:

– Аглая Сергеевна Никонова... Зоотехник прифронтового ветеринарного пункта... Проходите, гражданка!

Ветеринарным пунктом заведовал плотный аккуратный майор с проседью на висках. Он встретил Аглаю у входа в загон корраля, за оградой которого, освещенные лунным светом, олени вяло жевали ягель, стучали копытами по мерзлой земле.

Пожав женщине руку, майор объяснил:

– Новая партия оленей для фронта. Только что прибыла из тундры. Работа срочная. К утру животных надо уже сдать фронтовикам. Так что потрудитесь... Да, кстати, у вас, кажется, ребенок?

– Да. А что?

– Я хотел вас командировать в тундру на ветеринарный кордон. Но вот...

– Ребенок не помешает, – ответила Аглая и прошла в корраль. Хлопая животных по круто выгнутым шеям, она ласково говорила: – Олешки мои, олешки!..

Здесь же расхаживали с трубками в зубах колхозники-ненцы, которые передавали оленей пехотинцам, прибывшим с фронта. Аглая велела колхозникам и солдатам подводить к ней оленей поодиночке.

Первый олень вошел на помост загона, испуганно поводя карим глазом, – уши торчмя, ноги танцуют, копыта дробно постукивают. Аглая проверила его и сразу определила в легкие нарты.

– Больше двух ящиков со снарядами на этом не возите, – сказала она солдатам. – Горяч и больно молод.

Ввели второго, третьего... Обнаженные до локтей руки Аглаи привычно ощупывали ноги и грудные мышцы животных, пробовали губы оленей, били по крестцам так, что пугливые хапторки приседали к земле круглыми задками.

– А у этого красавца долго рога держатся. Сбить!..

Пригнув оленя головой к земле, сбивали ему рога и, еще не опомнившегося, тихо стонущего, впрягали в нарты.

– А этот хора староват.

– Зачем обижаешь, начальник? Молодой хора.

– Ну что же, я не вижу? Разве это уши молодого? А вот важенька пойдет... Можете сразу впрягать ее в нарты...

Никогда еще она не проверяла животных так тщательно: ведь оленям Аглаи бежать далеко – до самой бухты Святой Магдалины!

* * *

Он брел в свое логово. Была у него теперь такая пещера под обрывом скалы. Над ней нависал гребень плотного снега, и если бы кто знал, насколько уютным и чудесным казался ему этот «свой» уголок в дикой тундре!

Он тащил на себе автомат и большой рюкзак, набитый обоями. Это была его сегодняшняя добыча, и он, как зверь, тащил ее в свою берлогу. В руках у него была можжевелевая кривая, все в шипах и зазубринах дубина, и он опирался на нее, она помогала ему преодолевать ручьи и скалы. Усталость валила его с ног, и он пел, чтобы не замечать этой усталости.

Вернее, он не пел, а выхрипывал в морозный воздух какие-то слова, которые для самого него, и только для него, слагались в прекрасную бодрящую песню:

Друзья, не верьте слухам —
Я жив и невредим.
Вот кончится разлука,
Тогда поговорим.
И сдвинутся стаканы —
За жизнь, что нам дана,
За боевые раны,
За наши ордена...

Что-то резко шарахнулось в кустах, снежная пыль взметнулась столбом, и он схватился за автомат:

— Хальт! Сейс! Илте! — на трех языках сразу.

Но это был всего лишь заяц, вспугнутый его приближением. Однако нервы человека были уже натянуты до такой степени, что даже встречи с косым было достаточно для него. Никонов опустил на снег, долго и тяжело дышал.

— Люди, — сказал он, смахивая иней с бороды и усов, — люди... только они. А звери — что?

Он со стоном поднялся. Уже был близок рассвет, а он еще не успел углубиться в глушь сопки. Ноги вязли в рыхлом снегу, скользили по хрупким насыпям фирна. Ремень трофейного шмайсера больно натер шею, оружие леденило ладони.

Зачем же верить слухам —
Я жив и невредим.
Окончится разлука,
Когда мы победим...

С пологой вершины виднелся утонувший в ущелье стан горняков Ревущий. В сумерках маячили рудничные башни. В центре стана на крыше каменного дома развевался гитлеровский флаг с крестом. Ранние дымки вились из труб барачков.

— Кха-кха-хы-хы, — раскашлялся Никонов и поразился тому, каким гулким эхом отдается в тишине его кашель. Теплые дрожащие огни рудничного поселка манили его к себе, манили к теплому очагу, около которого можно согреть руки, его слух, истосковавшийся по людской речи, чутко улавливал далекие отголоски...

— Нельзя! — сказал он себе, словно пытаясь убедить себя в чем-то, и решил обогнуть поселок с юга, чтобы потом выйти на дорогу, уходящую к заброшенным каменоломням. Он спустился с холма и, высоко поднимая ноги, побрел дальше. Вершины фиельдов курились утренними туманами. В неясном предрассветье медленно проступали упавшая на снег веточка, след хромавшего волка, обрывок бумаги, занесенный ветром со стороны поселка...

От усталости и голода толчками движется кровь. Сержант уже привык к морозам, но голод — вот что мучило его все время. Никонов теперь часто и подолгу дежурил на поворотах дорог, где обычно буксовали идущие к фронту немецкие машины, чтобы вскочить на ходу в кузов и шарить в нем в поисках съестного.

Потом сержант изменил свою тактику: выбрав удобное место, где шоссе проходит над обрывом в ущелье, он часами лежал в снегу, подстерегая обоз врага. Никонов бил одиночными выстрелами, целясь, как правило, в шофера, и грузовики, потеряв управление, с разбегу рушились в пропасть. Потом, при свете сполохов полярного сияния, разведчик рылся в обломках кабин, подбирая целые диски для своего шмайсера, разыскивал съестное...

Кто-то идет... трое!..

Никонов уже порядком отошел от Ревущего, когда заметил идущих вдоль дороги трех немецких солдат. Сержант прыгнул в низину, в глубине которой его не могли увидеть, но немцы неожиданно свернули с дороги и, проваливаясь по пояс в снег, тоже стали спускаться под откос.

«Куда вы лезете, проклятые? Что вам здесь?..»

Он долго не мог понять, что нужно немцам в этот глухой предрассветный час в этой темной, заваленной снегом низине, и дал гитлеровцам подойти ближе, чтобы лучше их рассмотреть.

«Тотальная сволочь!» – определил он их.

Один немец – без погон, без ремня, в пилотке, низко надвинутой на уши, – не шел, а почти качался, часто останавливаясь и спрашивая что-то у своих спутников. Те в ответ громко смеялись и, указывая карабинами дорогу, шли дальше. У первого немца оружия не было. Он все время держал руки позади, и Никонов вначале решил, что он держит за спиной топор, а все трое просто идут рубить кустарник.

Но скоро враги подошли настолько близко, что сержант угадал в двух идущих позади солдат полевой жандармерии, а в этом...

«О-о, какой ужас!..»

Первый немец снова обернулся, и сержант вдруг увидел его руки, скрученные сзади веревками. От удивления Никонов даже приподнялся с земли, чуть не выдав себя. Стало все ясно: жандармы сейчас будут расстреливать этого солдата.

«Кто – кого, мы еще посмотрим...»

Никонов на всякий случай выдвинул из-за камня ствол своего автомата. Осужденный на смерть заслонял собой идущих позади жандармов, и нельзя было выстрелить, не задев и его. Сержант терпеливо выжидал.

Наконец один из карабинеров крикнул:

– Neh, Kerl, halt!^[8] – И все трое остановились.

Жандармы стали утаптывать ногами снег, а солдат, повернувшись к ним лицом, молча следил за их работой. Вся его фигура была неподвижна и выражала полное равнодушие ко всему происходившему. Но Никонову сзади было хорошо видно, как судорожно двигаются его руки, стараясь освободиться от крепких веревочных пут.

«Ого, – подумал сержант, – немец, видать, из горячих...» И, беря на мушку первого жандарма, он с интересом наблюдал за взволнованной поспешностью убийц и сдержанной яростью убиваемого.

Карабины жандармов взлетели кверху, и вдруг солдат, еще раз рванув связанными руками, крикнул:

– Наздар Чехословенска!..

Никонов два раза нажал на спуск, и упали все трое: жандармы – сразу, а третий – немного погодя. Держа дымящийся шмайсер, сержант подбежал к солдату. В каком-то непонятном исступлении он схватил его за плечи, из которых еще торчали нитки от споротых гитлеровских погон, и бешено затряс, крича ему в самое ухо:

– Я – русский... Москва... Россия!.. Понимаешь ты?

Глаза солдата с удивлением смотрели на него.

– А ты?.. Кто ты? За что тебя? Отвечай!..

И вдруг услышал в ответ – слабое, как выдох:

– Прага...

* * *

Словак Иржи Белчо был мобилизован в немецкую армию. Уже на корабле, отправляясь на фронт, он решил при первой же возможности перейти на сторону русских. Но замыслам Белчо не удалось осуществиться. Ночью транспорт подорвался на mine, и только на вторые сутки к месту гибели подошел немецкий миноносец. Иржи вытащили из воды, и матросы долго вырывали из его закованных пальцев обломок шлюпочного борта. Миноносец сразу же взял курс на Каттегат. Он шел в Норвегию.

Иржи попал в концлагерную охрану. О дезертирстве нечего было и думать. От Эльвебаккена, где находился лагерь, до передовой пролегала снежная пустыня, в которой только изредка дымили чумы нищих саамов. Здесь же Белчо впервые увидел русских. Их было двенадцать человек, и они ждали смертного приговора. Белчо даже не знал их имен, называя всех одним ласковым словом – «друзе». И друзе терпеливо вели подкоп из-под барака. Иржи достал им двенадцать ложек, и они скоблили этими ложками каменистую почву, вынося выкопанную землю наверх в своих карманах. Подкоп уже подходил к линии

проволочных заграждений, когда Белчо узнал, что на рассвете все двенадцать будут расстреляны. Он сообщил им об этом, а сам заступил часовым на пулеметную вышку. И ночью, когда все спали, земля раскрылась, из нее вышли молчаливые дружки и пропали в тундровой тьме. А потом...

В камеру гарнизонной гауптвахты пришел фельдфебель, назначенный вести следствие. «Чего тебя защищать? – откровенно заявил он. – Измена великой Германии карается смертью. Так и так ящик!» И ушел, оставив после себя два окурка и едкий запах дешевых солдатских духов. На рассвете (ох, эти рассветы, когда гремят выстрелы!) его вывели из Ревущего, где он просидел в солдатском каземате целых полтора месяца...

Когда словак рассказал все это своему спасителю, Никонов долго молчал, вертя в пальцах трофейную сигарету. Потом, как бы нехотя, выдавил вместе с дымом:

– Что ж, надо верить.

– А почему не верить? – спросил Белчо.

– А можно верить?

– Верь, товарищ!

Однажды они шли по узкой горной тропинке... Тропинка вилась по уступам скалистого хребта; внизу темнело заросшее кустами ущелье. Небо в этот день присело к земле совсем низко, облака царапали острые зубья вершин. Они брели почти без цели, почти наугад, вслепую – ведь им было все равно куда идти, лишь бы попадался враг, лишь бы удалось добыть на сегодня съестного.

– Сейчас бы по стаканчику рому, – сказал Белчо. – И хорошо бы под крышу!

– Тише, – остановился Никонов, – кого-то несет навстречу. По-моему, едут.

– Едут? – удивился словак. – Здесь два барана не разойдутся, на этой тропе. Как можно еще ехать?

Он скинул с шеи автомат, проверил ход затвора.

– Не надо, – сказал ему Никонов. – Немцы не станут здесь ездить. По таким тропам рискуют только норвежцы...

Действительно: из-за крутого поворота, скользя шинами по обледенелой тропе, выехала на прогулочном велосипеде легко одетая в лыжный костюм девушка. Никонов никогда не переставал поражаться мужеству жителей Финмаркена и сейчас почти с восхищением наблюдал за велосипедисткой.

– Пойдите, фрекен, – сказал ей Никонов.

Не оставляя седла, девушка прислонилась к скале, молча и без тени страха на лице ждала, когда к ней подойдут эти странные незнакомцы.

– Вы далеко едете? – спросили ее.

– До города. Я еду к пастору...

Оказалось, что девушка хорошо говорит на «руссмоле» – этом старинном местном наречии, схожем на русский и норвежский языки одновременно. Никонову, который немного владел норвежским, было нетрудно с ней объясняться.

– Вы догадываетесь, кто мы такие? – спросил он.

– Вы – трубочисты, – ответила девушка. – Я давно не видела таких грязных людей...

Они не могли оценить ее юмора и попросили никому не говорить, что она их видела. Девушка ответила, что она терпеть не может болтунов и «наперченных» («наперченными» звали в Норвегии квислинговцев по имени их вождя фюрера Видкупа Квислинга, которого однажды избили мешком с перцем).

– Вы не знаете, где бы здесь можно было согреться? – спросил ее Иржи Белчо, который сильно страдал от холода.

– Здесь, – пояснила норвежка, – поблизости есть сразу два места. Охотничье «хютте» стоит вон за тем хребтом, но я не советую идти туда. Эсэсовцы, когда охотятся на диких оленей, всегда забредают в то «хютте». Лучше спуститесь по этой низине к морю. Там, в соседнем фиорде, стоит заброшенный рурбодар. До войны там было можно найти дрова, сухари и спички.

Девушка оттолкнулась от скалы, нащупала педали.

– Обождите уезжать, – сказал Никонов. – Мы хотим отблагодарить вас. – Он развязал свой мешок, вынул банку бразильского кофе, который достался ему от немцев. – Вот вам, держите. Я знаю, что для вас кофе – все равно что хлеб для русского человека!

Глаза девушки засияли:

– О, в наше время это почти как золото...

Жить они стали в покинутом норвежскими рыбаками старом рурбодаре. Почерневший от соленых ветров, заросший со стороны севера мхом, этот дом одиноко стоял на берегу пустынного фиорда. Оконце, залепленное пузырем рыбы палтуса, одноглазо и тускло смотрело в полярное небо. Рурбодар топился по-черному; сажа слоями свисала с низкого потолка; плохо закрывалась разбухшая дверь, изо всех щелей дуло, но они были рады и такому жилью.

Вдвоем они коротали бесконечно тянувшиеся полярные ночи, грелись возле одного огня, а если не было дров, сидели, тесно прижавшись друг к другу; они делили пополам табак и пищу, их сближало родство славянской речи, но еще долго в их отношениях оставалась какая-то натянутость и настороженная подозрительность.

Но скоро они дважды попали в такие переплеты, что не думали выйти живыми. А когда поняли, что старуха смерть на этот раз только пожевала их в костлявой пасти и выплюнула, то они, как пьяные, целовали друг друга от счастья. Преисполненные тоской одиночества, их сердца как-то сразу открылись одно другому, и между ними возникли отношения даже не товарищей по оружию, а скорее – побратимов, как будто кровь одного из них перешла в жилы другого.

Никонов говорил, словно извиняясь:

– У меня в тот день дрожали руки. Шмайсер запрыгал, как кузнечик в траве. Еще немного, и я бы, наверное, полоснул нечаянно по тебе очередью.

– Ну, что ты говоришь! – отвечал Иржи Белчо, смеясь. – Эти двое, которых мы там оставили, никогда бы не промахнулись. У меня в Праге старуха мать. Поверь, у нее теперь два сына: ты и я!..

Жизнь постепенно налаживалась. Лихая и суровая жизнь. Жизнь – не просто партизана, а еще и полярника. В страшные морозные бураны, когда заметало снегом двери и окна, они любили уют своего убогого жилья как-то особенно нежно. Засветив трофейные фонари, распечатывали банки консервов. Никонов вышлепывал пробку из бутылки рому.

– Давай музыку! – говорил Константин, и словак доставал губную гармошку. – Играй вот эту: «Товарищ, я слышал во сне, как мать меня кличет по имени...» Я люблю эту песню!..

Потом, обняв друг друга и раскачиваясь в такт песни, они распевали марш узников Эльвебаккена, который Иржи Белчо запомнил еще по лагерной службе:

Все ниже, и ниже, и ниже
советские бомбы летят,
и мы в Эльвебаккене слышим,
как Гитлера кости хрустят.
Все выше, и выше, и выше
мы головы держим в беде...

А ночью они засыпали тревожным, опасливым сном, и над одним из них властно шумели столетние дубы Вацлавского наместья, а другой видел вокзальные перроны, кружились лепестки роз, и Аглая, вся залитая солнцем, шла навстречу, еще издали протягивая к нему свои руки.

Так спали они, положив опухшие от холода, давно не мытые пальцы на ледяные курки трофейных шмайсеров.

Суббота

В кубрике было шумно и тесно. Повсюду качались подвешенные к койкам зеркала, и матросы, приседая перед ними, торжественно скоблили бритвами щеки. С каждой минутой увеличивалась и без того бесконечная очередь на единственный уют – гладить праздничные брюки и воротнички. Шел в ход даже сахар – его разгрызали на зубах в порошок и потом,

борясь с искушением проглотить, яростно выплевывали на ботинки, – получалось впечатление лака.

Пахло корабельной субботой, то есть, говоря иными словами, мылом, содой, бензином и одеколоном.

Ну, а разве можно молчать в такую минуту, когда чуть ли не вся команда собралась в одном кубрике? Конечно, нет! Ну и, понятное дело, говорили не стесняясь.

– Ребята! У кого суконка – пуговицы драить?

– У Мордвинова.

– Эй, Яшка, дай суконку, слышишь?

– Не мешай ему, он мечтает.

– О чем же?

– О лейтенанте медицинской службы. Влюблен!..

– Найденов, быстрее гладь свой океанский клеш.

– А что?

– А ничего, просто быстрота – залог морской службы.

– Эй, награжденные, с вас приходится.

– А вот мы сегодня все выпьем по сто граммов!

– Ну да! По сто граммов – это если во время похода было до пятнадцати градусов ниже нуля.

– А в последнем сколько было?

– Спроси у Хмырова – он знает.

– Хмыров!

– Ну что тебе?

– Какая температура была в последний раз?

– Минус семнадцать.

– Ну вот, видишь, значит, по сто пятьдесят.

– А за шторм нам ничего не полагается?

– Ишь, что выдумал! Море-то вечно штормит, что ж, и нам быть вечно пьяными?

– Кузьма, что ты мне за бритву дал? Как топор!

– Смирно! Товарищ лейтенант, личный состав корабля занимается самообслуживанием.

Дневальный по кубрику краснофлотец Ставриди.

– Вольно.

Пеклеванный в хрустящем по складкам кителе спустился по трапу.

– Поздравляю вас с награждением, вас и ваших товарищей, – сказал он.

– И вас также, товарищ лейтенант.

– Спасибо! – Пеклеванный старался не встречать устремленных на него взглядов, точно чувствовал за собой какую-то вину. – Команды подавать не надо, – предупредил он дневального, – можете заниматься своими делами...

Проходя по коридору, Пеклеванный замедлил шаги возле двери судового лазарета.

– Входите, лейтенант, – раздался из каюты голос Вареньки, узнавшей его по шагам.

Он вошел. Девушка стояла к нему спиной перед туалетным шкафиком. Их глаза встретились в зеркале.

– Поздравлять пришли, наверное?

– Да, пришел.

Ему вдруг захотелось подойти к девушке и поцеловать ее. Но он удержался от этого рискованного поступка и, остановившись у комингса, сразу как-то растерялся. Сбоку он видел в зеркале лицо Вареньки, – она улыбалась ему, некое торжество светилось в ее больших глазах, точно ей доставляло удовольствие наблюдать за его растерянностью.

Тогда лейтенант быстро выпрямился, почувствовав в этой улыбке что-то унижительное для себя, и заговорил совсем о другом:

- Да, между прочим, с моря вернулся миноносец «Летучий»...
- Опять миноносцы! – погрозила она ему пальцем.
- Нет, вы послушайте, это очень интересно.
- Ради такого дня, как сегодня, прощаю. Говорите.
- «Летучий» таранил немецкую подлодку и вернулся в базу с вмятиной на форштевне.

Вы представляете себе...

В дверь неожиданно постучали.

– Входите! – крикнул Пеклеванный, досадуя, что ему помешали продолжить разговор.

Вошел Мордвинов, неся на вытянутых руках поднос с тарелками.

– Проба праздничного ужина, – заявил он, пристально посмотрев на Артема и Вареньку.

– Хорошо, иди, – сказал лейтенант.

Матрос, угрюмо ответив «есть», вышел. Варенька кивнула вслед:

– Не знаю, какой он дальномерщик, но санитар он прекрасный. Что мне особенно нравится в нем, так это исполнительность и скромность.

– Однако, – заметил Артем, – орден он получил за подвиги не в лазарете, а на мостике. Впрочем, когда я встретил его впервые, то никогда бы не подумал, что Мордвинов может быть настоящим лихим матросом. Я помню, даже профитилил его за нерасторопность.

– Он действительно неуклюжий, – согласилась Варенька. – Но все старается, трудится. И все у него выходит так трогательно!.. Матросы над ним даже смеются. Говорят, что он влюблен и ухаживает за мной.

– Подчиненный должен держаться в рамках официальных отношений. Так учит устав.

– Что я слышу! – пошутила девушка. – Вы, кажется, – недовольны тем, что в меня, может быть, действительно влюблены?

– Нет, – сердито отозвался Артем, – просто я вижу в этом признак недисциплинированности. А каждый недисциплинированный матрос – это брак в работе офицера. Так как прямым начальником Мордвинова являетесь вы, Варенька... простите, что я вас так называю...

– Ничего, называйте.

– ...то это брак в вашей работе.

– Благодарю вас, – притворно кротко вздохнула Варенька, – я постараюсь исправиться.

Артему вдруг стало смешно. «А все-таки, – подумал он, – девушка, конечно, чудесная и... и, может быть, напрасно я...»

– Как же вы собираетесь исправиться? – быстро спросил он.

– Очень просто, – ответила Варенька. – Теперь я сама влюблюсь в Мордвинова и тогда, при условии, что моим прямым начальником являетесь вы, это будет брак уже в вашей работе, Артем... простите, что я вас так называю...

– Да называйте, пожалуйста...

– Так вот. И хочу заверить вас сразу, что этот брак вы не сможете устранить никакими способами, ибо если уж я кого люблю, то это – навсегда.

– Вот как? – удивился он и почему-то вспомнил лицо Мордвинова: широкое, с толстыми губами, с узкими, будто постоянно заспанными глазами.

«Нет, она шутит», – подумал Артем и повторил:

– Вот как?

– Да, вот только так. А сейчас давайте исполним одно из требований устава корабельной службы: снимем пробу с ужина.

– Я, – сказал Артем, – готов помочь в этом деле.

Варя рассмеялась:

– Только вот беда: предмет моих будущих восторгов принес нам одну ложку...

* * *

– Ужин хорош, – сказал Прохор Николаевич. – Только передай коку, чтобы он не боялся класть в суп перец, а то его совсем не чувствуется... Тарелки можешь унести. Давай журнал!

Мордвинов протянул командиру судовой «Журнал пробы», заранее раскрытый на нужной странице.

– Сегодня суббота, – сказал Рябинин. – Та-а-ак... А где же подписи врача и моего помощника?

– Они... еще пробуют.

– Хм... Ну, ладно, я расписываюсь.

Возвращая журнал, он мельком, но проницательно взглянул в лицо матроса своими светлыми острыми глазами.

– Ты молодец! – неожиданно сказал он, и Яков понял, что командир, обычно скупой на похвалу, поздравляет его с наградой. – Хорошо вел себя в драке с миноносцами!.. Дальномер все время давал точную дистанцию, и наши снаряды ложились как раз на линии немецкого строя... Молодцом!

– Разрешите идти? – спросил Мордвинов, снимая со стола поднос с посудой и захватив под локоть журнал.

– Обожди, – Рябинин, набивая трубку махоркой, что-то обдумывал. – Ты что? – вдруг спросил он. – Болен, не высыпашешься?.. Или раньше салогреем сидел, потому и был здоровым?.. Смотри, как сдал за последнее время! Что же это ты, а?..

– Спасибо, товарищ старший лейтенант. Но я не болен и сплю как положено, а просто... так что-то.

Прохор Николаевич сердито засопел трубкой.

– Я, конечно, не знаю, что и как там у тебя, – сказал он, растягивая слова, и было видно, что ему не очень-то хочется вести этот разговор. – Только советовал бы я тебе, парень, влюбляться на берегу, а не на «Аскольде».

Мордвинов зло блеснул глазами.

– Разрешите идти, товарищ командир? – повторил он.

Рябинин еще раз внимательно взглянул ему в лицо:

– Иди.

И матрос порывисто шагнул в дверь.

Сняв трубку телефона, командир «Аскольда» соединил свою каюту с судовым лазаретом.

– Пеклеванного! – сказал он Вареньке, даже не спрашивая, там помощник или нет, и, когда Артем взял трубку, Прохор Николаевич строго произнес: – Ты, лейтенант, что-то очень часто проверяешь – нет ли пыли в лазарете. Лучше бы поднялся на мостик – скоро подойдет катер контр-адмирала...

Сайманов прибыл на «Аскольд» в половине седьмого. Вместе с ним на палубу патрульного судна поднялись несколько штабных офицеров. Приняв рапорты, контр-адмирал сразу спустился в нижнюю палубу, где был выстроен одетый «по первому сроку» экипаж «Аскольда». Поздоровавшись с матросами и поблагодарив их за службу, Сайманов велел помощнику командира корабля дать команду «смирно».

Пеклеванный громко скомандовал:

– Смиррна-а!..

Контр-адмирал развернул перед собой кожаную папку.

– Слушай приказ, – нараспев, сурово сдвинув брови, сказал он. – «Приказ о награждении личного состава патрульного судна „Аскольд“ орденами и медалями Союза ССР...»

В наступившей тишине слышны были вздохи котлов, за переборкой, где-то глубоко в трюме ухала питьевая донка, да шумело за бортом море.

– «От имени Президиума Верховного Совета Союза ССР, – начал читать Сайманов, – за образцовое выполнение боевого задания командования на фронте борьбы с немецко-фашистскими захватчиками и проявленные доблесть и мужество в бою с численно

превосходящим противником, встреченным в открытом море при сопровождении союзных транспортов, награждаю орденами и медалями...»

После вручения боевых наград контр-адмирал сказал:

– Товарищи матросы, старшины и офицеры! Партия, народ и правительство высоко оценили ваши первые боевые действия. Эти награды, врученные вам сегодня, можете носить с честью!.. Я надеюсь, – продолжал он, немного помолчав, – что патрульное судно «Аскольд» и впредь будет нести свой выпел незапятнанным, и, если это потребуется, аскольдовцы будут драться до последнего матроса, а последний матрос будет драться до последней капли крови!..

И аскольдовцы дружно грянули в ответ:

– Урра-а-а!!!

Сайманов, вскинув руку к фуражке, поднялся по трапу на верхнюю палубу. Рябинин пригласил его остаться на праздничный ужин, но контр-адмирал, поглядев на часы, отказался:

– Мне, старший лейтенант, надо еще встретить МО-216. Беридзе снова побывал в норвежских фиордах...

Когда катер контр-адмирала отошел от борта, Рябинин поднялся в рубку, где его ждала пачка свежих семафоро – и радиогамм. Не желая задерживать команду, он передал по переговорной трубе, чтобы вечер начинали без него. Трубу оставил открытой, и до слуха иногда доносились голоса матросов, звон расставляемой посуды и музыка радиолы.

Он соединил свою каюту с берегом – позвонил жене.

– Ирина, – сказал он, – сегодня я приду ночевать домой. Можешь меня поздравить: мои ребята получили сегодня награды и обалдели от счастья. Мне кажется, кое-кому дали лишнего, а кое-кого, может, и обидели. Но за боевые действия ведь не будешь ставить отметки по пятибалльной системе! Это вопрос сложный...

Она спросила – как он?

– Я? – ответил Рябинин. – Я получил «звездочку». Да, конечно, хорошо. Но мне – только ты не смейся – завидно матросам, которые получили медали Ушакова и Нахимова. Для моряка это как-то торжественнее. Знаешь – цепи, волны, якоря, адмиралы... Ну, ладно. Я приду позже. Пока. Целую...

Он отключил телефон. Встал, одернув на себе китель. Через трубу было слышно, как Самаров провозгласил первый тост за победу, а когда Прохор Николаевич спустился с мостика в кают-компанию, лейтенант Пеклеванный, покрасневший от первой рюмки, уже предлагал второй тост «за то, чтобы эти ордена, полученные сегодня, были не последними».

– Это не дело! – перебил его с комингса Рябинин, и все повернулись в его сторону. – Не дело, – повторил он, подходя к столу и наливая себе водки. – Хорошо нам сидеть за этим столом, в тепле, при свете, когда два якоря держат «Аскольд» за грунт, а вспомните, каково в походе бывает?.. То-то, брат, тяжело в походе!.. Я вот сейчас радиогамму одну прочел: в полосе девятибалльного шторма торпедирован наш траулер «Абрек». Помощь придет нескоро, а ведь тонут наши товарищи – рыбаки. Я это не к тому говорю, чтобы выпить за тонущих – глупо было бы! – а вот за тех, кто в море, за тех, кто несет патрульную службу, кто принимает сейчас бой, и за тех, кто сейчас спешит на помощь торпедированному «Абреку», – вот за всех этих и надо нам выпить! Правильно, матросы, коли вы понимаете, что такое моряцкий обычай?..

– Правильно!

– Ну вот и выпьем, – сказал Рябинин, чокнувшись в первую очередь со смущенным лейтенантом...

Скоро в кубрике сделалось шумно, вентиляторы, ревушие из-под трапов, едва успевали вытягивать духоту. Говорить же старались все разом, благо слушателей было куда как достаточно, хоть отбавляй! Однако матросы не забывали подменить вахтенных, чтобы и те приняли участие в вечере. Кочегары – прямо от котлов, в хрустящих засаленных робах, и сигнальщики – прямо с мостика, в промерзших ватниках, – они тоже подсаживались к праздничным столам, потирая руки, радостно восклицали:

– Во, как хорошо-то у нас!..

Пеклеванный занимался тем, что целый вечер смешил Вареньку. Объектом своих насмешек он выбрал самого безобидного человека на судне – штурмана Векшина, а темой острот избрал для себя убранство стола. Дело в том, что из-за отсутствия на «Аскольде» штатной должности интенданта обязанности его исполнял после походов штурман.

– Вы знаете, штурман, – говорил Артем, – вы себе готовите неплохую старость. Будете в отставке директором бакалейной лавки. Только вот беда – воевать скверно. Еще Петр Первый говорил: «Интендантству, кокам, хлебопекам и прочей нечисти во время боя на верхнюю палубу не вылезать, дабы своим мерзким и нечесаным видом не позорить храброго русского воинства...»

Прохор Николаевич совсем по-домашнему, словно в компании хороших друзей, вышел из-за стола и весело сказал:

– А ну-ка, как у нас в Поморье говорили: время – наряду, час красоте... Старшина, выходи!..

Алеша Найденов весело тряхнул чубом:

– Эх, была не была!.. Какую?

– Нашу, поморскую.

– Алешка, жги! Рррасце-е-елую! – крикнул боцман.

– Чем с плачем жить, лучше с песнями умереть, – сказал Найденов и вышел на середину круга. – А ну, гармонист, кто из нас быстрее: ты пальцами или я ногами?..

Он постоял немного, точно загрустив о чем-то, потом не спеша, словно нехотя, стал перебирать ногами и, прищелкивая пальцами, зачастил речитативом:

А гости позваны,

Постели постланы,

А у меня, молодой,

Да муж на промысле...

Шаг сделался чаще, движения быстрее, и вдруг, подавшись вперед, он с гиком пролетел по кругу, почти не касаясь ногами палубы, встряхивая смоляным чубом.

– Цыган, – убежденно сказал Лобадин, – как есть цыган...

Не выдержал боцман и, заплетая скрюченными ревматизмом ногами, пошел вприсядку:

О тоске своей забуду,

Танцевать на пузе буду.

Пузо лопнет – наплевать,

Под бушлатом не видать!..

Его оттащили обратно, посадили за стол.

– Пей, старина, рассказывай о своей Поленьке, только не мешай...

Пеклеванный смотрел на Варю, видел, как загораются азартом ее глаза, и не удивился, когда она встала, присматриваясь к ритму бешеной поморской пляски, – Артема самого подмывало веселье, и он невольно завидовал той суровой простоте в обращении с командой, какой обладал Рябинин.

Ах, все бы танцевала, да ходить уж мочи нет, —

томно и шутиливо пропела Варенька, пройдясь по кругу легко, как пава.

Но гармонист уже не выдержал:

– Ой, дайте отдохну! Не успеть моим пальцам за ногами вашими...

– Вальс! Тогда – вальс! – объявила Варенька, хлопнув в ладоши.

Мордвинов, почти весь вечер одиноко простоявший возле радиолы, поставил пластинку. Варенька подхватила его, потащила за собой.

– Ну же! – приказала она. – Вальс!..

– Да не умею я, – взмолился он и сразу же наступил ей на туфли своим здоровенным яловым сапогом. – Видите – не умею...

– А ну тебя, бегемот несчастный. – И Варенька, бросив его, перепорхнула к лейтенанту Пеклеванному. – Вы-то, надеюсь, умеете?

Все как-то невольно расступились, столы отодвинули к рундукам, и пара молодых, оба лейтенанты, взволнованные этим танцем, – танцем, когда каблуки стучат по заклепкам, когда нагибаешься, чтобы не удариться о трубу паропровода, – они танцевали, пока не оборвалась музыка. А музыка, смешно и жалобно взвизгнув, оборвалась на самой середине, и все повернулись в сторону Мордвинова.

– Ну, чего смотрите? – сказал матрос. – Шипит ведь... Надо же иголку сменить!

И Варенька, раздумываясь, глубоко дыша, села за стол рядом с Пеклеванным:

– Ух, давно так не плясала! Хоть иллюминаторы бы открыть – душно очень...

– Иллюминаторы открыть нельзя, – ответил Артем, никогда не забывая о том, что он старший офицер. – А вот наверх подняться – можно... Вы согласны?

– Конечно! Мне так душно, что я бы сейчас, кажется, бросилась за борт в ледяную воду...

Артем, рассмеявшись, помог ей преодолеть крутизну трапа, и, провожаемые косым взглядом Мордвинова, они поднялись на верхнюю палубу. Обхватив поручни и откинув назад голову, Варенька сказала:

– Как хорошо!.. Мне так хорошо сегодня, что даже страшно делается. А чего страшно – не знаю...

Медленным взглядом она окинула темное небо, зубцы сопки, подернутую рябью чернильную воду залива и вдруг посмотрела на Пеклеванного так пристально, точно увидела его впервые.

– «Абрек» торпедирован, – неожиданно сказала она глухим, сразу изменившимся голосом. – Вот, наверное, потому и страшно мне... А вам?

– Нет, – коротко ответил Артем. – Война...

– Вы какой-то... – и не договорила.

– Жестокий? – спросил Артем, усмехнувшись.

– Да.

– Это неправда. Я не жестокий.

Он положил руки на леера, и они прогнулись книзу. С кормы раздался чей-то голос:

– Эй, кто там леера трогает?.. Боцманюга опять ругаться будет!..

– Вы сильный, – сказала Варенька. – Рядом с вами я всегда кажусь себе маленькой. Вон, смотрите, какие у вас большие руки.

– Да, – согласился Артем, – руки у меня сильные. Одна женщина во Владивостоке говорила, что если попасть в мои руки, то в них, вероятно, будет уютно. Она шутила, конечно...

– А может, и не шутила, – сказала Варенька.

И, улыбнувшись каким-то своим мыслям, она спустилась в кубрик. А лейтенант, подняв к лицу свои потрескавшиеся от ветра и воды ладони, неожиданно для себя подумал: «Неужели ей может быть уютно в этих руках?..»

Воевать не хочется

Кайса напрасно бравировала своим титулом – для семьи она уже давно была отрезанным ломтем. Имя ее в доме Суттиненов если и произносилось когда-либо, то только шепотом, чтобы – не дай бог! – не услышал его «лесной барон». Причиной такой отцовской ненависти служило неудачное замужество женщины. Причем виноват в этом замужестве был сам барон.

Еще перед «зимней кампанией» он познакомился с одним шведом – владельцем нескольких живописных водопадов. Иностранные туристы валом валили смотреть эти высокие белогривые падуны, шум которых был слышен на пять миль в округе. Старый швед считался богатым человеком, и Суттинен решил сосватать с ним свою дочь.

Кайса с самого начала восстала против этого брака, но в своей отцовской власти барон был неумолим. Состоялось обручение двадцатилетней девушки с богатым владельцем водопадов, который был старше своей невесты почти в три раза. Тогда же к фамилии Кайсы и прибавилась эта приставка – по мужу – Хууванха.

Но вскоре выяснилось, что водопады не обогатили старого шведа, – барон, мечтавший соединить два капитала в один, просто побрезговал мешать свои миллионы с жалкими медяками, набранными у туристов. Закоренелый таваст, упрямство которых вошло в поговорку, Суттинен-отец не хотел признать своей ошибки и всю вину свалил на голову своей дочери. Когда же барон узнал, что Кайса бросила старого мужа, он лишил ее наследства, переписав завещание на одного лишь сына, тогда еще не лейтенанта, а вяньрикки, Рикко Суттинена.

Кайса около года проработала в общественных банях столицы – за грошовую плату она часами парила и массировала мужчин. Разлад с семьей, глупое замужество, стыдная профессия «девушки из народа» – все это вместе взятое плюс тоска по хорошей жизни бросало Кайсу Суттинен-Хууванху из одной крайности в другую. Она рано научилась пить; массируя стариков, раздевалась перед ними за плату догола; сделалась развязной и злобной.

Скоро, повинаясь «голосу времени», она вступила в женскую национал-шовинистическую организацию «Лотта Свьярд». Кайса стала носить белый форменный передник. Районная руководительница устроила ее работать на бумажную фабрику. В «зимнюю кампанию» на фронте ей быть не пришлось. Зато она помнит, как членов женской дружины посылали в прифронтовую зону, где пьяные солдаты растаскивали женщин по кустам, и это называлось «единством армии с народом...».

И сейчас, когда она снова встретилась с полковником Юсси Пеккала, ей вдруг стало перед ним мучительно стыдно чего-то, хотя он, казалось бы, и не знал еще о ней ничего дурного. Женщина медленно поднялась, перекинула через плечо свою серую шинелю, со вздохом взялась за чемодан.

– Вы куда? – остановил ее полковник.

– Пойду.

– Зачем?

– Пойду увеличивать число сделанных мною глупостей.

– Вы уже начали делать глупости здесь, – Юсси Пеккала резал хлеб, по-крестьянски бережливо прижимая к груди буханку. – Садитесь, – добавил он, – вам надо поесть...

Кайса смущенно присела на лавку.

– Вы меня, конечно, не ожидали? – спросила она.

– Признаться – нет... Что вы там натворили в Петсамо?

– Ничего, – ответила она, и лицо у нее вдруг сделалось кротким, как у послушной девочки. – Наверное, сказала что-нибудь такое, что немцы и без меня давно знали. Может быть, сказала немного лишнего. И меня просто вытолкали из Лапландии!

Пеккала вложил пуукко в ножны.

– Они это умеют, – сказал он. – Хорошо, что вы отделались так, а не иначе...

Вошел солдат, стуча прикладом заиндевелою с мороза винтовки.

– Херра эверстилуутнанти, – доложил он, – еще одного поймали. Он в деревне штаны менял на картошку... Прикажете ввести его сюда?

– Да, пусть войдет...

Кайса обернулась к дверям: вошел дезертир, рослый карел с могучим разворотом плеч, глаза его были густо усеяны болезненными ячменями. От страшной запущенной простуды дезертир не дышал, а сопел, тяжело и болезненно, в груди его даже что-то громко свистело.

– Выбей сопли! – крикнул Пеккала. – Паразитская морда!

Дезертир послушно повернулся к печке, высморкался в отдушник. Вытирая руку о полу шинели, сказал:

– Я не паразит. Я честно воевал три года!

Пеккала обратился к нему спокойным голосом:

– Ты знаешь, что тебя ждет?

– Знаю. Дайте хотя бы пожрать перед смертью!

– Садись. Покормлю...

Хозяйка внесла чугунок с картошкой, и Кайса поднялась ей навстречу:

– Позвольте мне...

Она поставила чугунок на стол. Пеккала кивнул на «лесного гвардейца»:

– И вот такие, – сказал он, – каждый день... Положите ему побольше. Пусть жрет. Дорога-то у него дальняя!

Дезертир истово перекрестился и отбросил в угол избы железную каску, громыхнувшую об пол. Потом расстегнул мундир, понюхал пар над миской с картофелем.

– Это мне? – спросил он почти весело. – Сейчас ничего не останется...

От солдата нехорошо пахло. Вши густо ползали по его одежде. Кровавые бинты, которыми были перевязаны фурункулы на шее, свалились в грязный войлок, и весь вид дезертира вызывал тошнотное отвращение.

– Три года, – сказал солдат, громко втянув носом воздух, – целых три года... Плевать на все! Мне уже надоело!

– Нам всем надоело, – ответила Кайса и налила карелу стакан самогонки.

– А тут еще новый договор, – сказал дезертир и выпил. – Что они там, в Хельсинки, совсем обалдели? – Он вытер рот, не поморщился. – Пусть Рюти сам, – добавил солдат, – возьмет у меня винтовку!

– У Рюти, – серьезно ответил Пеккала, – плоскостопие.

– А немцы – дерьмо! – сказал дезертир и придвинул свой пустой стакан к полковнику.

– Весьма похоже, что они стали дерьмом.

– И ваш Рюти – тоже дерьмо! – осмелел перед смертью дезертир, и Пеккала снова подлил ему самогонки.

– А вы почему же мало едите? – спросил он Кайсу.

– Спасибо. Я очень устала.

– Надо есть...

Дезертир подсунул к ней свою миску.

– Еще, – приказал он.

Кайса положила ему еще картошки, облила ее сметаной.

– На здоровье, – сказала она.

– Покойники всегда здоровы, – ответил солдат, и Пеккала засмеялся:

– Ну и дубина же ты, парень!..

После еды дезертир присел на лавку, его разморило от избыточного тепла и сытости. Откинув голову к стене, он задремал, всхлипывая как-то по-детски – обиженно и жалобно. Кайса в нерешительности составила грязные миски одна на другую, смахнула с клеенки крошки.

– Может, мне все-таки уйти? – спросила она.

Пеккала, надев очки, укладывал в брезентовый офицерский портфель какие-то бумаги.

– Не дурите, – почти грубо ответил он. – Куда вы можете уйти? Такой страшный мороз... Оставайтесь здесь, я вернусь вечером, и мы обо всем поговорим. Вы умеете печатать на машинке?

– Да.

– Ну и хорошо. Я думаю, что вам здесь будет неплохо. Останетесь работать в районной канцелярии.

Полковник стал одеваться. Опустив верха кепи, он надвинул его на уши. Хозяйка принесла свежего сена, и начальник района набил его в свои старенькие пьексы.

– Не замерзнете? – спросила Кайса.

– Нет. У меня в санях еще лежит шуба...

Пеккала растолкал заснувшего дезертира:

– Эй, парень! Уже пора...

Натянув под шинель куртку, подбитую беличьими хвостами, полковник вставил в пистолет свежую обойму, дослал в канал ствола патрон и сдвинул предохранитель. «Лесной гвардеец» медленно побледнел и вдруг заплакал – заплакал навзрыд, сотрясаясь плечами и

закрыв лицо ладонями. На его серых от грязи руках Кайса заметила татуировку: «ВЕЛИКАЯ СУОМИ», и под надписью плавал черный лебедь Туонеллы...

– Иди, иди! – прикрикнул Пеккала. – Все вы плачете!

Пропустив впереди себя дезертира, он задержался перед женщиной:

– Вы, надеюсь, обождете меня?..

На улице стоял трескучий, лютый мороз. Дезертир уже сидел в санях, продолжая плакать. На снегу валялась его шапка, и конвоир, подняв ее, сказал:

– Надень!

– Плевать, – ответил дезертир.

– Надевай, коли говорят, – подошел Пеккала, садясь рядом с лопарем-возницей. – Надевай, дурак, а то уши потеряешь сразу!

Лошадь, взлягивая ногами рыхлый снег, пошла ходкой рысью. За поселком побежали мимо саней неласковые пейзажи – снежные холмы, синева далеких лесов, плоские кругляши замерзших озер. У кордона возница остановил лошадь и пальцем выковырял у нее из ноздрей сосульки.

– Беда прямо, – сказал лопарь, растирая себе щеки.

– Проедем Катилласелькя – там остановишься, – повелел ему полковник, и дезертир все понял.

– Значит... там? – спросил он, дернувшись.

Пеккала перехватил его за полу шинели, рука его залезла в карман беличьей куртки.

– Хилья, хилья! – угрожающе прошипел он. – Ты, смотри мне, не рыпайся тут, капуста вшивая!

Проехали Катилласелькя, за поворотом начинался дремучий лес, на опушке купались в снегу веселые рябчики. Еще раз остановил лопарь свою лошадь, полез ей в ноздри пальцем.

– Здесь? – спросил он.

– Иди вперед, – показал Пеккала дезертиру в сторону лесной чащобы.

Тот сошел с дороги и сразу же по пояс провалился в сугроб. Полковник тронулся за ним, выдергивая ноги из вязких и глубоких следов-воронок. Деревья уже сомкнулись за их спинами – мрачные дебри шумели на ветру тонкими верхушками елей.

– Ну, чего встал! – крикнул Пеккала. – Иди дальше...

Дезертир уже не плакал – он дико и люто матерился:

– Сволочи... гроб ваш... передавить всех!

Начальник района остановил его и выстрелил в снег.

– Хватит, – сказал он. – Слушай теперь меня. Ты пойдешь сейчас все время прямо и прямо... Понял?

– Зачем? – спросил солдат.

– Там ты увидишь вышку лесничества. От нее сверни влево и топай вдоль ручья, пока не наткнешься на временку. Ты постучи в дверь три раза, и тебе там откроют...

– Кто откроет?

– Твои братья. Вшивая гвардия.

Пар от человеческого дыхания смерзлся в воздухе, и над головами двух разговаривающих людей висло сверкающее облачко изморози. Пеккала подул себе на пальцы, достал пачку сигарет. Отсыпав несколько сигарет из пачки, он протянул их дезертиру:

– На дорогу... Зажигалка есть?

– Подарил конвоиру. Я ведь думал...

– Держи спички, – сказал Пеккала и сурово добавил: – Передай «лесным гвардейцам», чтобы они, сволочи, не мешали мне быть начальником района. Чтобы они, собаки, сидели там тихо и не ползали по деревьям. Иначе – буду ловить и ставить к стенке! Понял?

Дезертир порылся в своих лохмотьях, вытянул наружу золотой медальон.

– Для бабы, херра эверстилуутнанти, – сказал он, просияв счастливой улыбкой. – Это русское золото... Очень прошу вас – возьмите!

Пеккала спрятал пистолет, обозлился:

– Ты – дурак! Тебе повезло: ты уже избавился от всего и останешься жить. А я, что бы ни случилось, я по-прежнему останусь делить судьбу своей армии! И таким, как я, останется одно – погибнуть! Забери это поганое золото...

Возница встретил полковника словами:

– В лесу там стреляли!

– Это я стрелял, – ответил Пеккала...

В сизой морозной дымке тянулась дорога к фронту – там ждали полковника важные дела.

* * *

– Белая! – крикнул солдат, и ракета с шипением взмыла в небо, а навстречу ей с другого конца деревни выплыла, разбрызгивая искры, еще одна белая ракета.

– Зеленая! – крикнул солдат, и две зеленые ракеты снова, прочертив две красивые дымящиеся дуги, описали в небе законченные эллипсы.

– Я не думал, что москали пойдут на переговоры, – сказал переводчик-шюцкоровец.

Юсси Пеккала скинул шубу и остался в одной шинели. Верха кепи он загнул, и его маленькие приплюснутые уши сразу запылали на морозе.

– Переводчика не нужно, – заявил полковник. – Я пойду один. Дайте мне белый флаг...

Помахивая белым флагом, он не спеша тронулся вдоль деревенской улицы. Было удивительно безлюдно, даже не слышался лай собак. Половина деревни была финской, другая половина – русской. Черная тряпка полоскалась над крышей дома старосты, – жители деревни перемерли все до одного от какой-то эпидемической болезни, занесенной войной в эти края, и теперь надо было что-то решать.

С другого конца деревни, навстречу финскому полковнику, шагал советский офицер. Еще издали они, два противника, стали прощупывать друг друга настороженными взглядами. Молодцеватая фигура русского остановилась в нескольких шагах от полковника.

– Капитан Советской Армии Афанасий Керженцев, – назвал он себя. – Уполномочен командованием фронта вести с противной стороной переговоры о временном перемирии для обезвреживания полосы совместных боевых действий!

Назвав в ответ себя, Пеккала слегка поклонился.

– Я надеюсь, – сказал он, – что гуманные соображения, заставившие наше командование обратиться к вашему с просьбой о перемирии, будут понятны русскому уполномоченному?

– У вас побелело ухо, – неожиданно ответил Керженцев. – Лучше всего – шерстяной перчаткой.

– Перчаток никогда не ношу. Попробую снегом.

– Возьмите тогда мою, – предложил советский офицер.

– Благодарю вас, – невольно рассмеялся Пеккала. – Если наши переговоры пойдут на таком же уровне понимания и доброжелательности, то заранее могу вас поздравить с успехом.

– Может быть, – предложил Керженцев, – вы пройдете в наше расположение? Мое командование гарантирует вам полную неприкосновенность личности.

– Да, – согласился Пеккала, – я хочу даже, чтобы эта гарантия была полной, ибо мне, при всем моем уважении к русской каше, не хотелось бы попадать вторично в плен к русским!..

Они тронулись на окраину деревни. Пеккала – слева, Керженцев – справа. Шагали в ногу. Гулко скрипел снег. Солнце кровавым пятном закатывалось за кромку леса.

– Я не думал, что финны умеют шутить, – неуверенно признался русский капитан. – Вы меня извините...

– Что ж, я, наверное, плохой финн: я говорю все, что думаю!..

Мирные переговоры в масштабах небольшой линии фронта прошли быстро и успешно. Пеккала внутренне уже давно подготовил себя к сопротивлению притязаниям русских. И был очень удивлен, когда русский парламентар предположил взять за основу мнение советского командования – отвести русские войска назад, предоставив финнам право самим решать судьбу заразной деревни.

– Мы, – сказал Керженцев, – согласны отойти за рубеж нашей старой оборонительной полосы. Вопросы территориальности нас в данный момент интересуют менее всего!

Пеккала был поражен, откуда у русских такая уверенность в себе? Ведь они запросто дарят финнам большой кусок фронтовой полосы, который стоил крови обеим сторонам!

«У этого русского простая, но славная рожа!» – подумал Пеккала и дал свое согласие.

– Я думаю, – сказал он, – мы на этом решении и остановимся. Хотя... Хотя, честно говоря, мы не рассчитывали на такой исход переговоров!

Когда договор был закреплен, они посмотрели на часы, – прошло всего семнадцать минут с того момента, как они встретились. Эта легкость, с какою был разрешен сложный вопрос, сразу сломала хребет враждебной напряженности в отношениях, и они оба улыбнулись друг другу.

– Знаете, – сказал капитан Керженцев, – а ведь мы не собираемся долго воевать с вами!

– А мы не собираемся настаивать на обратном.

– Обратное – это ваша гибель.

– Может быть, – кивнул Пеккала. – Экономическая.

– И – политическая, – вкрадчиво закончил русский.

Они обменялись сигаретами, и Пеккала, распахнув куртку, сказал:

– Позвольте мне быть тоже откровенным с вами до конца.

– Даже прошу, – ответил Керженцев.

– Вы, русские, – начал Пеккала, – вы же ведь наивные люди! Вы носитесь, как курица с яйцом, со своими идеями мировой революции...

– Не совсем так, – перебил его Керженцев.

– Простите... И вы очень обижаетесь на тех людей, которым ваш коммунизм не нравится. Вот – я! Я принадлежу к той категории людей, которых на вашей родине принято называть «кулаками». Да, у меня своя усадьба. Пусть и небольшая. Всего тридцать гектаров. Я нанимал до войны батраков. И мне такое положение нравится...

– Мы не вмешиваемся, – ответил Керженцев.

– Кажется, – продолжал Пеккала, – что наши послевоенные отношения должны строиться на уважении. Я не поеду к вам за батраками, а вы не лезьте к нам со своими колхозами. Вы лучше продайте нам апатиты. А мы продадим вам чудесную бумагу и целлюлозу...

Собираясь уходить, Пеккала осторожно спросил:

– Очень хочу спросить... Как ваш Пиетари?

– Говорят, что Ленинград сильно разрушен.

– Это – немцы... Мы, финны, не обстреливали Пиетари.

– Но зато вы, финны, замкнули кольцо блокады с севера, и вы так же ответственны за гибель населения. Как и немцы!

– Только не ставьте меня рядом с немцами, – вырвалось у Пеккала с какой-то надрывной болью.

Обратно он вернулся уже поздно ночью. Окно его комнаты еще светилось. Выбравшись из саней, полковник подошел ближе и заглянул внутрь. Кайса сидела за столом и в каком-то странном отупении смотрела перед собой.

«Что мне с ней делать? – подумал он. – Зачем она мне?..»

На столе его ждал ужин, прикрытый газетой. Сухие носки грелись на приступке печи, и, надевая их, Пеккала заметил свежую штопку.

– Вы, кажется, неплохая хозяйка, – заметил он.

– Навряд ли, – ответила женщина.

– О, и кофе! – обрадовался Пеккала, подвигаясь к столу. – Откуда эта роскошь?

– Я достала в Петсамо. У немцев. Это – бразильский. Он очень хороший...

Мужчина с доброй улыбкой посмотрел на нее, задумался.

– Так, так... Ну, что же мне сказать вам?

– Хорошее, – ответила Кайса. – Мне надоело плохое!

Пеккала отхлебнул кофе, поставил чашку.

– Я сейчас разговаривал с русскими офицерами, – сказал он. – И вот вам хорошее: судя по всему, война скоро должна закончиться!..

Кайса осталась ночевать у полковника.

Нансен и Сережка

Шхуна теперь имела свою классификацию: не просто шхуна – мало ли их на синем море да белом свете! – а научно-исследовательское судно. И дали ей имя ученого – коротко, просто и строго. Так и вывели на черном смоляном борту свинцовыми белилами:

К. М. КНИПОВИЧ

Антип Денисович сам проследил за тем, как писали имя корабля, а потом говорил Ирине Павловне:

– Слыхал, слыхал об этом профессоре. Ведь он еще до революции здесь бывал. «Андрей Первозванный» – вот на нем он до самой Христиании плавал... Я и Степана Осиповича помню, когда он сюда свой «Ермак» приводил, в Печенге на рейде стояли. Ай да адмирал был!.. Широкий такой, добрый, и все бороду поглаживать любил. И нашим братом не брезгал. Смотришь, сидит со стариками, про льды разговоры ведет... Много я хороших людей знал, а и сволочей видать приходилось. В интервенцию на самого генерала Миллера нарвался однась. Нос у него, как у самого что ни на есть пропащего пьянчуги, кра-а-асный... Три месяца велел меня в кутузке держать за то только, что я перед ним шапчонку свою не сдернул...

Уже в институте, подходя к кабинету, Ирина Павловна услышала голос аспирантки Раисы Галаниной, разговаривавшей по телефону.

– Рябинина? – говорила та. – Ее нет, еще не пришла...

Рябинина поспешно открыла дверь, но было уже поздно.

– Ой, а я повесила трубку, – разочарованно сказала девушка. – Но, очевидно, позвонят еще, потому что вас спрашивают с самого утра.

– А кто?

– Не знаю. Какой-то мужской голос.

– Ну ладно. – Ирина Павловна стала надевать халат. – Я сейчас иду в лабораторию. Стадухин уже там?

– Нет, пошел в мастерскую, где вы заказывали метки для кольцевания рыбы. – И, опечаленно вздохнув, добавила: – А я с ним опять поругалась.

– Поругалась?.. Из-за чего?

– А потому, Ирина Павловна, что снова зашел спор об экспедиции.

– Ну и что же?

– Юрка, такой противный, стал говорить, что основные рыбные банки уже выявлены и цель экспедиции, очевидно, сведется к простому обзору фауны малоизученных районов моря.

– Ты сначала скажи, – перебила ее Рябинина, – что ответила Стадухину?

– Я устала уже отвечать. Я прочитала ему...

Галанина подошла к шкафу, сняла с полки толстую книгу «В страну будущего». Перелистав страницы, почти наизусть прочитала пророческие слова Фритьофа Нансена – смелого и тонкого исследователя полярных морей:

– «Встречей разветвлений Гольфстрима с холодными северными водами и вызываемым этой причиной постоянным бурлением моря до самого дна обуславливается богатая животная жизнь в бассейне и связанные с нею большие промыслы...»

– Ну, ты его убедила?

– Это не я убедила его, Ирина Павловна, это Фритьоф Нансен убедил его. И то не совсем. Юрка упрям, он теперь обещает принести какую-то редкую, дореволюционную статью Книповича...

– Я знаю, о какой статье он говорит. Только, насколько мне помнится, в ней доказывается то, что предполагал Нансен... Ну-ка, дай мне книгу!

На обложке был изображен матрос в вязаной шапочке; он вращал корабельный штурвал и всматривался вдаль, а вдали вставала неведомая земля, и низкое полярное солнце освещало верхушки волн.

Ирина Павловна улыбнулась – этот рисунок напомнил ей о скором выходе в море – и сказала:

– Знаешь, к экспедиции все готово. Шхуна ждет только одного – попутного ветра!..

Снова зазвонил телефон, Ирина Павловна, отложив книгу, взяла трубку.

– Да, Рябинина слушает, – сказала она, и вдруг ее брови дрогнули, лицо стало растерянным. – Да... да... я приеду... Номер семь?.. Хорошо...

Она хотела повесить трубку, но от волнения никак не могла попасть ею на рычажок и положила трубку прямо на стол.

Девушка поняла, что случилась какая-то беда, и бросилась к Рябининой, обхватила ее шею руками:

– Ирина Павловна, дорогая!.. Неужели что-нибудь с мужем?..

– Сережка, – одним словом ответила та и направилась к двери, на ходу срывая халат.

* * *

Когда рейсовый пароходик отвалил от стенки причала, она поднялась из каюты на палубу. Нетерпеливо расхаживая, она часто бросала взгляды на мостик, точно просила: «Да ну же, быстрее!» Но капитан, стоя у парусинового обвеса, равнодушно набивал трубку, и ему, казалось, не было никакого дела до этой женщины и до ее нетерпения. Он даже иногда замедлял скорость своего судна, уступая дорогу военным кораблям, и стрелка машинного телеграфа – Ирина Павловна видела это с палубы – ни разу не перескочила выше среднего хода.

В высоком вестибюле военно-морского госпиталя ей выдали халат, почти такой же, какой она оставила в своем кабинете. Хватаясь за перила, она поднималась по лестнице. Вот и коридор третьего этажа.

– Скажите, где палата номер семь?

Пробежавшая мимо сестра махнула рукой в конец коридора:

– А вот – прямо!

И при мысли, что сейчас она его увидит, Ирина Павловна даже пошатнулась. Боялась увидеть его страдающим, боялась увидеть недвижимым, страшилась узнать правду.

Двери, двери, двери... Вот палата пятнадцатая, а он лежит в седьмой. Четырнадцатая... тринадцатая... десятая... восьмая... Теперь уже скоро, скоро!.. Боже мой, любила ли она его когда-нибудь так, как любит сейчас?

И вот седьмая: она вошла в палату с крепко закрытыми глазами, как входят в камеру пыток, – вошла, уже готовая к самому страшному.

– Мама! – резанул ей уши родной мальчишеский голос, и по тому, как он прозвучал – звонко и весело, – она поняла: бояться уже нечего. И тогда она открыла глаза, наполненные самыми светлыми слезами – слезами радости.

Сережка стоял в углу палаты возле низенькой койки, застланной серым шерстяным одеялом, и еще издали протягивал к ней руки:

– Мама, иди сюда!..

Она подбежала к нему:

– Сереженька! – и прижала к себе его голову.

Он грубовато высвободился из ее объятий, и по одному этому Ирина Павловна поняла, как он вырос и возмужал за время разлуки. Раньше сам по-мальчишески тянулся к ней, теперь же стыдился, наверное, товарищей по палате, а вдруг подумают: «Сынок-то маменькин...» И даже голос у него изменился: стал глуше и грубее, как у отца.

– А вот, мама, познакомься. Ко мне пришли.

Тут только она заметила, что навестила сына не первой. Высокий усатый матрос в не по росту подобранном халате, рукава которого едва достигали локтей, встал перед женщиной, бодро выпятив грудь, и отрапортовал:

– Боцман торпедного катера Тарас Непомнящий. Заявился, значит, к сынку вашему.

– Спасибо, – она пожала ему руку. – Вы, наверное, очень дружны с Сережей?

Боцман ласково потрепал юношу по плечу, но при этом так сильно, что тот даже закачался.

– Так ваш сынок, – сказал старшина, – почти, можно сказать, от «кондрашки» меня спас. Он парень что надо.

Ирина Павловна в недоумении перевела взгляд с одного на другого: «Как мог Сережка спасти такого детину?»

А боцман продолжал:

– О вашем сынке уже на всей бригаде катеров знают. Даже контр-адмирал Сайманов о нем расспрашивал. Да пусть он сам о себе расскажет.

– Господи! Как ты попал-то сюда?.. Что с тобой?.. Здоров?

Сережка рассмеялся:

– Ну, а что мне делается!

Рассказывать о себе не стал. Отделался короткими фразами:

– Был кочегаром. На транспорте. Попали в шторм. Меня смыло. Ну, а потом на миноносец перекочевал. Оттуда – на торпедный катер...

Он умалчивал о многом, точно боясь, что истинную правду могут принять за вымысел. Тогда за него стал рассказывать боцман. Но Ирина Павловна почти не слушала, вся поглощенная другим. Она как-то по-иному посмотрела на сына и вдруг, неожиданно для самой себя, обнаружила в нем большую перемену. Она увидела его не таким, каким он казался ей раньше. Уже не мальчик сидел перед ней. И эта уверенность во взгляде, и эти сурово поджатые, потемневшие от ветра губы, и этот скуповато переданный рассказ, в котором нет и тени мальчишеского бахвальства, – все говорило о мужестве, зрелости, разуме...

– Вот так и живу, – говорил Сережка, поблескивая серыми глазами. – Надоело на койке валяться, да что поделаешь! Тут есть и подольше моего лежат. Недавно вот аскольдовский Русланов выписался. А до него, вон на той койке, лейтенант Ярцев лежал. Вот, мама, человек так человек! Начнет рассказывать – в нашу палату со всего госпиталя собираются, даже врачи идут послушать... А теперь народ все новый. Я уж с этими особенно и не сближаюсь, а то потом расставаться тяжело. Скоро на выписку...

– Да ты не торопись. Наша служба такая – здоровые люди требуются, – сказал старшина, и женщина вдруг поняла, что между ними уже давно все решено. Решено без ее участия, как будто не она его вырастила, воспитала...

Она вышла из госпиталя вместе с Непомнящим. Тарас Григорьевич сразу закурил, по-матросски держа папиросу в кулаке. Долго молчали. Под ногами скрипели деревянные мостки. С моря доносилось глухое мычание радиомаяков.

Коснувшись грубого сукна шинели, Ирина Павловна сказала:

– Я благодарна вам за то, что вы так к нему относитесь. Как к равному, – он это любит. Мне было приятно услышать, что вы назвали его «сынком». Тарас Григорьевич, скажу вам прямо, как мать: море отнимает у меня самое дорогое в моей жизни – Сережку. Он еще очень молод. И горяч не в меру. Ради бога, поберегите его, если можно...

В ожидании рейсового парохода она еще долго блуждала по улицам, раздумывая о Сережке. Она вспоминала, как он перед прощанием сказал ей: «Мама, жизнь начинается, только ты не мешай мне!», – и улыбалась, видя перед собой его лицо – смелое, открытое, совсем еще юное. Что ж, она не будет ему мешать!

Ветер кружил поземку. На углу одной улицы, подняв воротники, толпились люди возле недавно вывешенной газеты. Ирина Павловна подошла ближе. В глаза бросилось знакомое имя – Нансен. Шведская газета «Нью даглигт аллеханда» сообщала, что немецкие оккупационные власти надругались над национальной гордостью норвежского народа – кораблем «Фрам», на котором отважный полярный исследователь Фритьоф Нансен пробивался во льдах к Северному полюсу. Гитлеровцы сорвали с мачты исторического корабля национальные флаги и осквернили флаг, вышитый руками жены Нансена. Далее в статье говорилось о том, что гитлеровцы пытаются угнать «Фрам» в Германию.

Ирина Павловна отошла от газеты. «Будь жив Нансен, – решила она, – и он сражался бы с оружием в руках. Смелое сердце и светлый ум... Разве они посмотрят на флаг моей научной экспедиции, если рвут и бесчестят флаги, развевавшиеся когда-то над славной головой Фритьофа?..»

Но даже эта весть не могла развеять светлого настроения Рябиной. Она сегодня видела сына и как-то сразу помолодела. Хотелось верить только в хорошее. Сейчас она шла по улицам, и ей казалось, что все-все в этом мире, и даже эта история с «Фрамом», закончится благополучно.

«Свинья будет зарезана»

Сверре Дельвик часто вспоминал, как это случилось. Однажды гитлеровский самолет, не требуя даже разрешения на посадку, приземлился на аэродроме Форнебо, близ столицы. Немцы горохом высыпали из кабины и стали спокойно щелкать фотоаппаратами. Норвежцы попросили удалиться непрошенных гостей. И немцы, посмеиваясь, сели обратно в самолет и улетели. Все это было проделано среди бела дня с такой наглой самоуверенностью, что пора бы, казалось, правительству и призадуматься.

Но – нет: правительство получило затем приглашение немецкого посланника на просмотр нового фильма, посвященного теме борьбы Германии за мир. Надев смокинги и повязав белые галстуки, министры явились в немецкое посольство, где их вниманию был предложен фильм, в котором с ужасающими подробностями была показана бомбардировка Варшавы. По окончании фильма германский посол объяснил гостям, что, в целях сохранения мира, такая же судьба постигнет и любую иную державу, которая не пожелает, чтобы Германия защитила ее от Советов и Англии.

А потом Сверре Дельвику пришлось взяться за винтовку. Вернее – сначала даже за вилы, ибо оружейные арсеналы были захвачены «пепперманами» – квислинговцами. На Эльвегарденском полигоне под Нарвиком осколком снаряда ему оторвало руку. Последнее, что он запомнил, это был капитан Ибсен, внук знаменитого писателя, который отстреливался от наседавших горных егерей и тирольцев.

Залечив ранение, Дельвик вернулся к своей работе газетного редактора. Норвежская компартия еще не была запрещена, и он не скрывал своей принадлежности к числу коммунистов. Газета называлась «Тиденс Тёгн», говорить в ней приходилось больше намеками. 24 декабря 1940 года все кончилось очень просто. Вошли три гестаповца и, приставив к груди Дельвика пистолеты, велели отдать ключи от редакции и остановить работу типографии. На вопрос Дельвика – чем это вызвано – один нацист ответил: «Не притворяйся! Мы же знаем, что ты не веришь в победу фюрера!»

Дельвик отдал ключи, пожал руки своих сотрудников и под конвоем гестапо отправился в тюрьму на Моллергаттен, дом 19. Там с него сняли подтяжки и отобрали галстук. «А то еще повесишься, дохлятина!» – так объявили ему тюремщики. На допросах его били плетью. От пяти до десяти ударов. Иногда вставляли между пальцев карандаш и ломали кости. «Вы, норвежцы, – сказал ему однажды палач, – не знаете нашей немецкой тюремной культуры. Мы научим вас...»

«Тюремная культура» – так и назвал Дельвик свою первую статью, когда ему удалось вырваться из застенка и бежать в Англию. Он поведал в ней о Георге Свенсоне и Генрихе

Кристиансене – двух редакторах норвежских газет, которые умерли в гестапо от пыток. Один случай решил судьбу Дельвика. Ему рассказали страшную вещь.

Немцы арестовали молодую актрису Альму Петерсон. Дельвик хорошо знал эту девушку, – он писал о ее чудесной игре, когда она еще только появилась на экране. «Добропорядочные» культуртрегеры, насаждающие «новый порядок» в Европе, заставляли девушку вставать на колени, и гестаповцы мочились ей в рот. Дельвик спросил только имена. Ему назвали: Курт Шляхтинг, Артур Бессемер, Ральф Кеппенбрунк. Он покинул приютившую его страну, вернулся на родину. Юная Петерсон сошла с ума, но зато на фашистском кладбище прибавилось еще три могилы – «2347», «2348» и «2349»; стрелять можно метко и одной рукой.

Среди трехсот подпольных газет появилась в скором времени еще одна, которую стал издавать Дельвик. Он выпускал ее на четвертушке бумаги от одного до пяти раз в неделю. Название этой газеты состояло из букв «S.S.S.» – трех заглавных букв известной норвежской поговорки: «Свинья будет зарезана!» О какой свинье шла речь – это было понятно каждому норвежцу...

После подпольной работы на рудниках в Элливаре Дельвик недолго прожил у Руальда Кальдевина – пастора в провинции Финмаркен, – ждал отряд «коммандос», составленный Британским адмиралтейством из норвежских парней-китобоев, которые должны были взорвать немецкий завод «тяжелой воды», секретно работавший в горах (немцы уже тогда вовсю трудились над расщеплением атомного ядра). Дельвик все подготовил для успешного ведения операции, он даже заручился согласием одной русской эмигрантки, Виктории Михайловны Бакке,^[9] которая должна была принять в своем доме раненых. Но... океан выбросил несколько трупов в резиновых куртках, а в одной бухте Дельвик увидел на камнях полусожженный остов бота. Немецкая разведка сработала хорошо. И норвежскому коммунисту пришлось вернуться в Осло...

Есть два Осло – старый и новый город. Дельвик издавна любил древнюю Христианию. Здесь теснились бедные кварталы. Из окна мансарды виднелись островерхие черепичные крыши, на улицах «эстканта» было легче затеряться в густой толпе рабочих блуз, рыбацких свитеров и грубых курток ремесленников.

Дельвик приехал в Осло, втайне поселился в рыбном подвале на одной из улочек портового «эстканта», вдоль которой протекал зловонный ручей фабричных нечистот.

О том, что он находится в Осло, знали в эти дни только два человека – крупный финансовый воротила Одт Фрокнер, человек с большими связями и потому очень полезный движению Сопротивления, и еще с Дельвиком должна была встретиться фрекен Арчер, известная в подполье по своей партийной кличке «товарищ Улава», – от этой женщины сейчас зависело очень многое.

Дельвик покинул свое жилище вечером. Голубой трамвайчик, дребезжа на поворотах, повез его в сторону «вестканта». Проезжая мимо королевского дворца, он сверил свои часы с башенными часами замка. Нет, он не опоздает. Выскочив из трамвая напротив фешенебельного пансиона для холостых мужчин, он сразу же заскочил в проезжавшую мимо машину, за рулем которой сидел упитанный, благополучный буржуа.

– У нас еще есть время, – сказал Фрокнер, передавая Дельвику пачку сигарет. – Вам не угодно заглянуть на выставку зимних цветов? Говорят, что это какое-то чудо...

* * *

– ...При поимке вооруженного партизана следует отбросить все соображения гуманности. Допрос должен вестись следующим образом. Записали?.. Нанося поочередно удары кулаком или плетью, после каждого удара надо повторять: «Говори, говори, говори!» Тональность голоса при этом должна быть строгой и беспощадной. Преступника надо уверить в бесполезности молчания. Естественно, такой человек после допроса немедленно ликвидируется специальными людьми, по возможности в безлюдном месте, чтобы не давать повода населению к враждебным для нашей армии слухам... Простите, фрекен, я не слишком быстро диктую?

Девушка, сидевшая за машинкой, кокетливо улыбнулась:

– Нет. Я вполне успеваю за вами.

Начальник отдела «G.F.P.», еще молодой и бравого вида гестаповец, остановился возле окна. «Так!» – сказал он, брякнув по стеклу пальцем. А за окном, утопавшая в сиреневых сумерках, лежала столица Норвегии; вершина горы Санкт-Хугген виднелась на севере, с залива Пиппер-викен тянуло над иглами киров мглой, туманом и сыростью.

– Итак, продолжаю... Появление бандитской шайки русских в провинции Финмаркен, этом наиболее важном для нас районе, а также недавний побег двенадцати военнопленных из трудового лагеря Эльвебаккен должны развязать руки отрядам полевой полиции. Глупая гибель штандартенфюрера дивизии «Ваффен-СС» Рудольфа Беккера, как следствие беспечности нашей охраны на «Государственной трассе 50», должна послужить серьезным уроком для нас и... Пожалуйста, прочтите, фрекен!

Девушка скороговоркой прочла написанное, поправила тоненькие складки на своих военных брючках.

– По-моему, – сказала она, – просто здорово! Вы молодец, Курт...

– Сойдет, – ухмыльнулся гестаповец. – Там только не нравится мне «глупая гибель». Она, конечно, была глупой, но вы это зачеркните и поставьте – «трагическая»... А кстати, фрекен, вчера на Карл-Иоганнгате магистрат открыл выставку зимних цветов. Вам не угодно составить мне компанию? Говорят, сам фельдмаршал Геринг прислал в подарок норвежцам кадучку тюльпанов из своей оранжереи. Это его любимые цветы – тюльпаны. Помню, что в Голландии он даже запретил нам бомбить знаменитые тюльпановые поля...

Отломив от плитки кусочек шоколада, девушка положила его на кончик розового язычка. Она сидела перед гестаповцем на круглом стульчике – такая плотненькая, чистенькая, напомаженная, – ну просто прелесть девчонка!

– Курт, – сказала она, – возьмите меня на эту выставку, и я вас вечером поцелую!..

Закончив работу, она собрала бумаги и закрыла ящик стола. Ключ в замке отщелкал три раза. Цепь замкнулась, и аппарат сработал. Отличный аппарат, над устройством которого потрудился сам профессор Эккелан, немалая величина в области электрофизики. Девушке осталось только надвинуть набок пилотку «Женской вспомогательной службы Германии» и подмазать перед зеркалом губы.

– Итак, до завтра, – сказала она гестаповцу. – Я тоже очень люблю тюльпаны!..

Возле парка ее ждала машина. Сверре Дельвик, еще издали заметив девушку, предусмотрительно приоткрыл дверцу.

– Ключ? – спросил он.

– Я его оставила в замке.

– Хорошо...

Товарищ Улава прильнула щекой к спинке плюшевого сиденья, на тонкой ее шее билась голубоватая жилка.

– Сигарету? – предложил Дельвик.

Одт Фрокнер, направляя машину в кривой и темный переулок, протянул ей коробку авиационных ампул.

– Это лучше действует, – сказал он. – Немцы дают их своим «летающим птеродактилям», когда они вылетают на бомбежку. Сразу успокаивает нервы!..

– Всего двадцать восемь пакетов взрывчатки, – сказала фрекен Арчер и раздавила на зубах ампулу. – Больше пронести не удалось. Провода подключены намертво. Ошибки быть не может.

– Совещание в восемь? – спросил Дельвик.

– Да, ровно в восемь. Будут присутствовать два личных секретаря Квислинга. Зейдлица я видела сегодня последний раз. Он пригласил меня на выставку зимних цветов.

– И Зейдлиц?

– Да. Тот самый. Он много пролил норвежской крови...

Они уже выехали за черту города, когда где-то вдалеке гроыхнул взрыв. Фрокнер остановил машину, все посмотрели назад. Над Осло, по краям черепичных крыш, отсвечивало желтое пламя. Здание гестапо, расколотое взрывом, горело потом два дня.

Так ответили норвежские патриоты на попытку оккупантов угнать в Германию гордость нации – корабль Фритьофа Нансена «Фрам»!..

* * *

Через несколько дней они сидели на молочной ферме вблизи шведской границы. Астри Арчер, покрасневшая с мороза, пила густую простоквашу, Дельвик смазывал лыжи. Это были короткие гибкие лыжи, которыми пользовались горные проводники спасательных станций.

– Ну, – сказал Дельвик, – решайте. За этим лесом вам уже ничто не будет грозить. Поверьте, что в Осло вам нельзя оставаться.

– Нет, – ответила товарищ Улава.

– Тогда, – настаивал Дельвик, – я вам дам адрес одного засольщика с рыбного холодильника в Бергене. Он уже давно переправляет наших людей в Англию или в Россию...

– Нет, я останусь здесь. Мне хочется отыскать брата!

Она доела простоквашу, посмотрела в окно: мимо фермы, направляясь в сторону пограничных кордонов, гуськом проползли мотоциклы с солдатами.

– Вы не боитесь? – спросила она.

Дельвик рассеянно отозвался:

– О чем вы?

– Ну, вот... переходить границу именно здесь?

– Вы забываете об одной вещи, – Дельвик постучал о край стола протезом руки. – Мое спасение только в ногах. А за этим лесом гора сама несет лыжника в Швецию!

– Вы дождетесь сумерек?

– Нет, выйду пораньше...

– Там, – Арчер неопределенно махнула рукой, – появились в Финмаркене партизаны. Вы будете стараться их встретить?

– Попробую. Хотя... Знаете, – неожиданно произнес он, – вам надо уехать. Вставайте на лыжи, пойдем рядом. Вашего брата я видел недавно. Да, случайно. В Киркенесском порту...

– Почему же вы не сказали мне это сразу?

– Просто не хотел вас огорчать лишним напоминанием... Оскар был в одежде каторжника, но стоял на мостике угольной мотобаржи. И даже – вы сейчас удивитесь!.. – он отдавал команды. Очевидно, немцы используют его как опытного штурмана.

– Что ж, – помолчав, не сразу отозвалась женщина. – Вы принесли хорошую весть. Оскар выдержал три года каторги. Правда, осталось еще семь. Но... русские наступают быстро! Я его хочу видеть. Если я только пойму, что работать здесь мне уже невозможно, я тоже переберусь к вам в Финмаркен.

– Хорошо, фрекен. Меня вы найдете через пастора. А мне уже пора. Надо спешить. Свинья должна быть зарезана...

Вошел хозяин фермы – степенный пожилой крестьянин, женатый на русской женщине, которую он вывез из Петрограда еще до революции в России. Оккупация Норвегии совсем запутала старика: один из его сыновей сделался «пепперманом» и пошел служить Квислингу, а немцы предложили отцу развестись со старухой женой.

– Это безнравственно, – говорил старик, – разводиться с женой на старости лет. Что скажет король, когда он вернется?..

Ненависть к немцам, любовь к жене и уважение к королю, который сейчас находился в Лондоне, – все это вместе взятое заставило старика выбрать для себя единственно правильный путь: он стал помогать борцам Сопротивления.

– Сегодня, – сказал крестьянин, раздвигая груды молочных бидонов, – опять будет говорить король. Ему сейчас так же скверно, как и нам всем. Надо послушать старика...

Передачу из Лондона они поймали только на середине. Усталым голосом король говорил:

– Я благодарю всех, кто сражается сейчас, выполняя свой долг перед родиной. Пусть каждый норвежец почувствует рядом со своим плечом мужественное плечо своего друга – русского солдата, который идет к нам на помощь. Пусть же первый русский солдат, шагнувший на нашу священную землю, станет лучшим вашим гостем! И я прошу вас чтить память героев, которые отдали свою жизнь за нашу родину. Да защитит Господь нашу прекрасную страну!..

Король тяжело вздохнул, и на смену его речи вступила торжественная музыка норвежского гимна:

Мы любим этот край, его лугов простор,
леса, граниты скал над пенящейся влагой.
Как сладостен приют меж неприступных гор
сердцам людей, пылающих отвагой!..

– Я хочу проститься под эту музыку, – сказал Дельвик.

Вскоре он уже летел на лыжах по длинному и ровному, как доска, горному спуску, окончание которого терялось где-то в морозной дымке. Стадо оленей паслось в отдалении около леска, обозначившись на белом горизонте группами серых точек. Со стороны немецких кордонов доносилась тихая игра на флейте.

Горный уклон быстро катил его в глубину пограничной долины, скорость бега стремительно возрастала. Из-под острых лыжных лезвий, срезанная на поворотах, тонкими пластинами вылетала снежная пыль.

Шорох скольжения постепенно переходил в тонкий протяжный свист. Это был уже не бег, а полет, почти парение...

Первая очередь из автомата прошла над самой головой. Забегая наперерез лыжнику, неслись под уклон две олени упряжки. «Заметили!» Дельвик пригнулся на корточки, чтобы уменьшить сопротивление воздуха. С левой стороны он увидел немецкого офицера на лыжах. Офицер что-то кричал ему, ловко выписывая на снегу гигантские зигзаги.

Пограничные столбы уже были невдалеке, и немцы усилили огонь. Дельвик не стал тратить время на увертывание от пуль, не стал петлять зайцем – он раскинул руки для равновесия и продолжал парить в стремительном спуске. Еще несколько очередей, мимо пронесли пограничные знаки, и – хлоп! – он кубарем скатился под ноги весело хохотавших пограничников. Шведские солдаты уже давно наблюдали за этой погоней, и у них даже работал тотализатор.

– Вставай, парень, – сказал один из них, помогая Дельвику подняться. – Я выиграл на тебе четыре бутылки пива. Пойдем в пещеру и разопьем их вместе...

Немцы в страшном разгоне едва не перескочили границу и теперь стояли в двух шагах рядом, наблюдая за Дельвиком. Норвежец отряхнулся от снега, помахал рукой офицеру.

– Я еще вернусь! – сказал он. – Вы только не путайте меня с контрабандистом. Я вернусь, и... Свинья будет зарезана!

Немецкий офицер рывком пересек границу, воткнул в снег лыжные палки.

– Я только до ларька, – сказал он шведским пограничникам. – Мне хотелось бы купить сигарет!

И, проскользив на лыжах мимо Дельвика, он злобно бросил ему прямо в лицо:

– Твое счастье! В другой раз не уйдешь...

Ночь застала Дельвика уже в купе полярного экспресса, с воем и грохотом летевшего на север в сторону озера Турне-Треск. Где-то там (он еще не знал – где) Дельвику суждено снова перейти границу, чтобы выбраться в провинцию Финмаркен и встретиться с русским другом.

Как сладостен приют меж неприступных гор сердцам людей, пылающих отвагой!..

Глава пятая

Гагара прокричала

Три дня и три ночи подряд дул отжимной стужевей-сиверко. Ветряной взводень бился о берег, перекатывая камни-окатыши, гальку-орешник. Мороз потрескивал в звонком дереве мачт, порошил реи инеем, отчего казались они при луне чисто серебряными. Шхуна моталась на волнах, жалобно звякая якорной цепью.

Три дня и три ночи не вылезал из своей каюты старый шкипер, справляя по традиции поморов отвальную. На четвертые сутки, уже к вечеру, он вылез на палубу и, пройдя на нос корабля, разбил об форштевень бутыл с недопитой водкой.

– Славному кораблю – славное плавание, – торжественно объявил он и рассмеялся. – Больше я, дочка, не пью, потому как в море шхуну вести надо.

– Попутного ветра-то ведь еще нет?

– Только бы в океан, дочка, выйти, а там ветров что веников в бане – любой выбирай, чем ядреней – тем слаще. А сейчас нам нужна пособная поветерь. Стужевей-сиверко, вот увидишь, спадет за ночь, шалоник парус надуется.

– Это что, точный прогноз погоды? – недоверчиво спросила Ирина Павловна.

– А ты разве не слышишь? Гагара за морем ветер вещает...

Рябинина прислушалась: ночная птица кричала где-то во тьме. Через полчаса штурман действительно принес метеосводку.

– Ирина Павловна, ветер к утру меняет направление...

А в полдень матросы уже разбежались по реям, поставили паруса, и шхуна, качнувшись, легко взбежала на первую волну. Ветер засвистел в ушах, в лицо ударило пеной – впереди распахивался океан.

– Пошла Настя по напастям!..

На мостике стояли Аркаша Малявко, Ирина Павловна и Антип Денисович. Штурман рассказывал о появлении немецких подлодок на коммуникациях. Шкипер, разворачивая огромный блещущий медью штурвал, смеялся:

– Еще при царе Алексее Михайловиче поморы писали: «И которую дорогу бог устроил – великое море-окиян, и тую дорогу как мочно затворити?» Разве море-океан затворишь? Еще не придумал Гитлер такого замка...

Внизу, на палубе, работали сыновья Антипа Денисовича, ловко разбираясь в путанице снастей и блоков. Ирина Павловна видела сверху одни их склоненные могучие спины, обтянутые штормовыми куртками.

А шкипер, оглядывая взволнованный простор, счастливо смеялся. И когда шальная волна захлестнула палубу шхуны, окатив матросов ледяным гребнем, он запел дребезжащим старческим голосом:

Высоко, высоко небо синее,
Широко, широко океан-море,
А мхи-болота – и конца не знай,
От нашей Колы, от Мурманской...

Скрипел штурвал. Гудела за бортом вода. Таяли вдали крики чаек. И только ворон морской – черная птица баклан – еще долго парил над мачтами.

* * *

Вахтанг Беридзе навтыяжку стоял перед контр-адмиралом. Не мигал причем. Был очень серьезным.

– Товарищ старший лейтенант, – сказал Сайманов, – расскажите, как вы украли баржу со спиртом!

Баржа со спиртом была немецкой. Она болталась где-то в море, брошенная немцами. Один тральщик ущучил ее во время дозора и прибуксировал в базу. Поставили баржу на рейде. В рубку запихнули старика сторожа с берданкой. От лихой напасти. А вчера баржа эта

пропала. Вместе с ней исчез куда-то и МО под командой Беридзе. Флот не знал, что и думать. Затащили баржу куда-нибудь в тихую бухту. Выпьют нескоро. Так шутили матросы.

– Товарищ контр-адмирал, вас неправильно информировали. Мы баржу не воровали. Ветер ее среди ночи сорвал с «бочки», понес на камни. Сторож, конечно, дрыхнет. Раздумывать тут некогда. Вот мы ее и подцепили...

– Украли, – поправил контр-адмирал.

– Якорей на барже нет, – продолжал Беридзе. – Ее тащит. Мы тогда и решили спасти народное достояние. Затянули буксир, дали обороты. Сторож, конечно, орет. Ему, конечно, кажется, что его тоже украли. И приткнули баржу к отмели в Тоне Тювиной. Все в порядке.

– А зачем сторожа связали? – спросил Сайманов, слегка улыбнувшись.

– Так он же, старый дурак, стрелять начал! Мы его спасаем от беды, а он из берданки по нам дробью лупит. Никакого понимания обстановки!

– Та-ак, – откровенно рассмеялся контр-адмирал. – Но вы-то обстановку сразу оценили. Люк отвинтили и давай спирт к себе на борт «охотника» перекачивать! Сколько успели перекачать?

– Два ведра, – печально вздохнул Беридзе. – Причем виноват только я. Это я велел сделать. Сейчас морозы сильные, на походе приборы засолились. Спирт пригодится!

– Два ведра? – спросил контр-адмирал.

– Два.

– Для протирки приборов?

– Так точно. У нас матчасть всегда в порядке...

Сайманов взял со стола лист бумаги, густо исписанный корявым безграмотным почерком. «Видишь?» – спросил. Вахтанг успел прочесть только одну фразу: «А еще надо мною змывались и говорили, что в море стащут вместях с баржою и вернутся, кады войны не станет...»

– Жалоба на тебя от этого сторожа. Проверить, сколько было в барже спирту и сколько осталось, портовики сейчас не могут. Ты говоришь – два ведра взял, и я тебе, старший лейтенант, верю! Ты не соврешь, я знаю. И пить команде не дал – это я тоже знаю. Только партизанщина мне твоя не нравится...

– Да, – согласился Вахтанг, – нехорошо получилось. Два ведра спирта взяли, теперь два ведра крови прольем!

– Не говори глупостей, – обрезал его Сайманов. – Как у тебя с боезапасом?

– Полный комплект.

– А настрояние команды?

– Как всегда.

– А как всегда?

– Хорошо, товарищ контр-адмирал. Скучать некогда...

– Скучать я вам и не дам!

Сайманов встал, легко шагнул к карте, висевшей на стене.

– А дело вот в чем, – сказал он, проследив глазами воображаемый курс от Мурманска до границы замерзания океана. – Сегодня вышло в море научно-исследовательское судно «Книпович». Противник последнее время проявляет подозрительную активность на промысловых коммуникациях. Очевидно, немцы хотят лишить наш рыболовный флот точного прогноза условий промысла на будущее. Вашему катеру, – продолжал Сайманов уже тоном строго официальным, – дается боевое задание: отконвоировать судно экспедиции до Рябининской банки. В случае появления кораблей противника вступить с ними в бой и любой ценой оградить шхуну... Конвоировать шхуну придется не в обычном порядке. Надо постоянно держаться от шхуны на таком расстоянии, чтобы с ее борта не заметили вашего катера. Вы понимаете, зачем это нужно?

– Так точно, товарищ контр-адмирал, догадываюсь. Конвой, неотступно следующий рядом, может насторожить участников экспедиции. А нам, очевидно, надо, чтобы они целиком отдавались своей работе и были бы спокойны на все время пути шхуны...

Через полчаса МО-216, прижимаясь к берегам, вышел в открытый океан, нагоняя ушедшую вперед шхуну.

– Сигнальщики, – приказал Вахтанг, – усилить наблюдение за морем!..

– Есть, смотрим!

* * *

Ветер задувал в желейку. Растворив паруса бабочкой, бежала по океану приневесившаяся шхуна. День бежит, ночь бежит – журчит вода за кормом. Большая Медведица украшает ночные небеса огнем путеводным.

Первые три дня, проведенные в море, Ирина Павловна, как правило, жестоко страдала от качки и не могла мыться, – пресная вода шла только в пищу, а от забортной кожа покрывалась волдырями крапивной лихорадки. На третий день она уже освоилась с походной жизнью и вышла на палубу.

Первое, что ей бросилось в глаза, – это голые верхушки мачт. Шхуна шла только под нижними большими парусами, малые же оставались непоставленными.

– Аркаша, – обратилась она к штурману, – почему идем не под всеми парусами? Ведь так было бы гораздо быстрее...

Малявко взглянул на счетчик лага:

– Пятнадцать узлов, Ирина Павловна. Иные пароходы и то с такой скоростью не ходят. Это не шхуна, а... ракетный двигатель. Мне кажется, что ее построил гений, и Антип Денисович действительно гений. Не смейтесь! Я как-то объяснил ему основы астрономии, показал, как надо работать с секстантом, и он теперь сам берет высоты звезд, высчитывает азимуты. Это удивительный старик!

Кряхтя, взошел по трапу Сорокоумов. Ирина Павловна сразу уловила в нем какую-то перемену. Шкипер держался в море увереннее и строже. Но ее он называл по-прежнему дочкой.

– А-а, доченька, соленым ветерком подышать пришла, – приветливо сказал он. – Ну, ну, дело хорошее! Полюбуйся на воду-то! Я люблю на нее смотреть. Бежит и бежит себе. На воде мы рождаемся, в воде нас и погребут.

Искрящаяся шапка инея с шуршанием упала на мостик, рассыпавшись белыми цветами. Ирина Павловна подняла голову. Сколько там еще белых пушистых гнезд, и как это красиво!..

– Антип Денисович, чего же не все паруса ставим?

– Вот это мне, дочка, уже не нравится, – нахмурился шкипер, сердито закусив мундштук трубки. – Я эту шхуну, как колечко, слил, и знаю ее, словно дите родное. Не поднял верхних парусов – значит, так нужно. Я капитанствую над кораблем, а вы капитанствуйте над своими мелкоскопами и в мое хозяйство не лезьте...

Потом уже остановил женщину на палубе и примиряюще сказал:

– Ну-ну, не злись на старого хрена. Боюсь поднять паруса верхние. Вот прильни-ка ты, послухай...

Ирина Павловна прижалась к мачте ухом. Дерево жалобно стонало, откуда-то сверху доносился скрип, напоминающий плач ребенка. Шхуна была как живая.

– Все тебе мало, – обиженно сказал шкипер. – Где ты еще на пятнадцати узлах под парусами ходила? – И, наклонившись к Рябиной, добавил хриплым шепотом: – За всю свою жизнь я только раз поднял верхние паруса. И то когда шхуна была еще молодая. А сейчас боюсь: или она, или я не выдержим...

Так и не поняла ничего Ирина...

* * *

Время скользило по волнам вместе со шхуной. Одни дни казались медлительными и вялыми, как мертвая океанская зыбь, другие казались короткими и бурными, как крутые штормовые валы.

Подготовка к началу изысканий была проведена еще задолго до выхода в море. Сейчас научный состав экспедиции был свободен, и каждый занимался своим делом. В сутки шхуна лишь дважды приспускала паруса, когда ставились «станции», – на этих станциях брались пробы воды, опускался на глубину термометр, глубоководным сачком зачерпывали придонных животных. Зато молодые аспиранты – Стадухин и Галанина – вот уже несколько ночей подряд мерзли на палубе, наблюдая за формами свечения моря.

Шкипер прихварывал: жаловался на боль в голове, говорил, что ломит поясницу. С тех пор как берег скрылся за кормой, он бросил свои стариковские чудачества. Выражение паясничества исчезло с его лица, уступив место какой-то горделивой мудрости. Сорокоумов не давал болезни побороть себя, и через каждые полчаса его можно было видеть на мостике или в штурманской рубке. Иногда он здесь же и отдыхал, пристроившись на жестком диванчике, подложив под голову шапку. В такие минуты матрос, стоявший на руле, не сводил глаз с парусов и компаса. Антип Денисович каким-то чутьем угадывал малейшую ошибку в курсе, и тогда в иллюминаторе рубки показывалась его взлохмаченная голова.

– Эй ты, пастух, – кричал он, – ты что мне по воде свою фамилию пишешь – я ее и так знаю!.. Коров тебе пасти, а не шхуну вести!..

С молодым штурманом его сейчас связывала большая дружба. Она окрепла особенно после того, как Аркаша Малявко однажды самостоятельно всю ночь вел шхуну против ветра, лавируя на острых курсах и ловко справляясь со всей системой парусов.

– Вот это кормчий! – не раз говорил Сорокоумов в кают-компании. – Такому не только шхуну, но и жену бы доверил, кабы она была у меня...

День уходил у Рябиной на всевозможные заботы, составление сводок о результатах работы на станциях, чтение книг, которые она взяла в плавание. Радостными бывали дни, когда штурман приносил ей в каюту серый бланк радиogramмы с Большой земли. Прохор был, как всегда, краток и скуп. «Живы, здоровы, целуем», – сообщал он от себя и от сына.

Но такие дни случались редко. В океане – на воде, под водой и над водой – шла напряженная битва. Чистый горизонт был обманчив, в его пустынность никому не верилось. Повсюду таились минные ловушки, затаенно крались на глубине пиратские субмарины, даже здесь, далеко от коммуникаций, иногда пролетали самолеты.

Так проходили дни. И каждый раз Ирина Павловна, в нетерпении дождавшись вечера, стучалась в низенькую дверь шкиперской каюты. Сорокоумов встречал ее всегда празднично и радушно.

В смоленый борт тяжело хлюпала стылая океанская вода. Изредка в каюту через люк долетал с палубы голос впередсмотрящего: «Есть, смотрим!..» «Лампиада Керосиновна» (так в шутку звал шкипер керосиновую лампу) раскачивалась под потолком, бросая на окружающие предметы тусклые отсветы. Посасывая часто гаснущую фарфоровую носогрейку, Сорокоумов не спеша начинал рассказывать.

От древних сказаний про Вавилон Мурманский и Землю Гусиную он переходил к легендам о двух великанах братьях Колге и Жижге. А то вдруг затягивал надтреснутым голосом бывальщину о хождении поморов на Грумант или веселую скоморошину про Анфису Ягодницу Кемскую да про злобного гостя варяжского Эрика Собаку Рыжую...

Рябинину поражал язык, каким говорил в такие часы старый шкипер. Это был язык, не тронутый временем, не испорченный иностранщиной, – язык древнего Господина Великого Новгорода, под звон колоколов которого ушли когда-то предки Сорокумова на север «поискать святой Софии новых пригородов-волостей».

Еще чему немало дивилась Ирина Павловна, так это обилию точных исторических сведений. Антип Денисович легко, почти не напрягая памяти, говорил ей, когда норманны разграбили побережье Гандвика, когда миссионеры уничтожили языческое «требище», когда на севере чеканили серебряную монету.

Иногда в каюту заходил штурман. Юноша за последнее время тоже полюбил умного и хитрого старика. Малявко садился куда-нибудь в угол, закуривал папиросу, и разговор

постепенно приобретал характер воспоминаний. Штурман вспоминал годы учебы в мореходном арктическом училище, а шкипер – свои.

– Вот я поведаю вам, как меня в Кемском шкиперском училище навигацкому искусству вразумляли. Вместо педагогов учили нас соловецкие монахи, что от монастыря торговлю мирскую вели. Перво-наперво – молитва утренняя. На ней мы поминали Николу, святого угодника, хранителя морского люда, а потом хором только три англицких слова пели: lead – лот, log – лаг и look out – наблюдать. Все три слова с буквы «люди» начинаются, и учили нас, что на этих трех буквах навигация строится. Измерь лотом глубину, измерь лагом скорость, смотри вперед по курсу – и нигде не пропадешь...

– А как же, Антип Денисович, находили свое место в море?

– А вот сейчас расскажу. – Он снова раскуривал погасшую носогрейку, и летопись давних дней продолжалась: – Берега северные мы с закрытыми глазами на память знавали. В старину наших кормщиков, когда экспедиции полярные затевались, даже в Академию наук вызывали рассказывать. Ну, компас, конечно, часы солнечные – мы ими испокон веков пользовались. Ночью, бывает, и без компаса, по одним звездам шли. Думаешь, дочка, по секстанту?.. Шиш-то! Это сейчас наука пришла к поморам, а в те времена посмотришь на небо, прикинешь этак правее луны на два лаптя – и катим, только пена за бортом свищет. А то еще и по воде умели определяться. Это уже когда вокруг, куда ни глянь, туман, голомя, океан на все четыре ветра...

– По цвету воды, что ли? – спрашивал штурман.

– Куда там, хуже бывало!.. Вот расставит монах перед нами кружки с водой морской и зачинает лекцию читать: «Послухи мои, велико окиян-море Студеное. Как найтись нам, бедным, не знамо!.. Пейте воду, отроки, и спасет вас Бог. Эй, Антипка, подходи первым, глотай вон из эвтой кружки да ответ держи, с какого места вода сия взята?» Хлебнешь эту горечь и отвечаешь: от Святого Носа, мол, батюшка. А чуть что не так – и тебя же плеткой. Из полос моржовой шкуры свита – больно! Но зато пропади, кормчий, твои секстанты, так я тебе и сейчас по вкусу воды место наше узнаю. Так-то!..

Наконец вставал и уходил на мостик Малявко. Рябирина тоже порывалась уйти, но шкипер каждый раз задерживал ее:

– Не торопись, умрем дак отоспимся. Я тебе еще чего ни на есть расскажу. Басню али песню каку... Меня за это еще мальчишкой Антип Денисовичем звали...

И только когда на палубе вахтенные отбивали четыре двойные склянки, он говорил:

– Ну, ладно, дочка, попила меду! Хватит! Завтра вставать рано, только одна заря счастье людское кует...

Однажды после такой затянувшейся беседы Ирина Павловна поднялась ночью на палубу. Ветер гудел в широких полотнищах парусов, невидимые во тьме волны разбивались под форштевнем со звоном, точно стеклянные. Рябирина подошла к поручням и, напрягая зрение, всматривалась в ночную даль. Вдоль северной стороны горизонта поднималась тонкая жемчужно-белая полоска света. Это далеко, за сотни миль отсюда, начали ломаться, наползая друг на друга, гигантские ледяные поля.

Ирина Павловна услышала с кормы чей-то голос и тихо поднялась по трапу на шканцы. Накрывшись кожаным плащом, на бухте каната сидели Галанина и Юрий Стадухин. Девушка вполголоса читала стихи:

С полночных стран встает заря:
Не солнце ль ставит там свой трон,
Не льдисты ль мещут огонь моря?
Се хладный пламень нас покрыл!
Се в ночь на землю день вступил!..
Песчинка, как в морских волнах,
Как мала искра в вечном льде,
Как в сильном вихре тонкий прах,
В свирепом, как перо, огне, —
Так я в сей бездне углублен

Теряюсь, мыслью утомлен...

Ирина Павловна узнала ломоносовское «Вечернее размышление при случае северного сияния» и широким взглядом обвела небо. Оно пылало и переливалось сполохами всевозможных красок и оттенков. Казалось, громоздятся необычайные горы драгоценных камней, вспыхивают и вновь угасают гигантские пожары, радуги стремительно падают в море концами своих дуг. С высоты небес веяло холодом, и слышалось легкое потрескивание, как перед началом грозы.

Ирина Павловна глубоко вздохнула, морозный воздух обжег легкие. «Вот и я побывала здесь», – подумала она, вспомнив о муже. Раньше ей только рассказывали, что полярное сияние в высоких широтах издает слабый треск, теперь она сама услышала его. Значит, шхуна уже вошла в арктические воды.

Приближался район научных изысканий.

Отцветающий эдельвейс

Инструктор по национал-социалистскому воспитанию постепенно освоился на новом месте. Выдвинув новые, более живые формы пропаганды, он как-то сразу сделался замечен среди своих коллег по партийной работе. Вскоре он уже добился того, чтобы вся печать Лапландской армии проходила через его руки...

Ему принесли из типографии свежие полосы субботнего номера «Вахт ам Норден», услужливо подкатали через стол большой красный карандаш.

– Это не пойдет, – сказал он, вычеркивая передовицу. – В сорок четвертом году уже нельзя стучать только в барабаны. Надо подслушать голос солдата в блиндаже. Постарайтесь освободить газету от химеры пафоса и пустословия. Время горлопанства кончилось. Нужно раздумье и – опять-таки! – раздумье, ведущее к вере в победу нашего великого дела.

Ему подали сборник статей, составленный из дневниковых выдержек егерей, отрывки из писем на родину. Назывался сборник «Война на севере».

– Не так, не так! – в раздражении зачеркнул заглавие фон Герделер. – Я удивляюсь, чему вас учат в этих жидовских университетах? Вашей фантазии хватает только на схематичное определение географических понятий. Надо придумать такое название, чтобы каждый немецкий юноша и каждая немецкая девушка загорелись желанием прочесть эту книгу.

Красным карандашом он размашисто вывел поперек обложки:

«МЫ ДАВНО УЖЕ ПОЛЯРНЫЕ ВОЛКИ!»

– Вот хотя бы уж так, – с удовольствием сказал оберст, – это и то будет звучать заманчивее! А где у вас отдел юмора?.. Ага, и это вы называете юмором? Глупая картинка, где егерь бьет по морде русского комиссара Самуила Шмейерзона? К чертовой матери такой юмор! Позаботьтесь придумать что-нибудь умнее!..

Редактор газеты был беспартийным и очень боялся всяких партийных властей.

– Герр оберст, можно заменить Самуила Шмейерзона Иваном Ивановым. Так, может быть, вам покажется лучше?

– Убирайтесь к черту, – спокойно сказал фон Герделер. – Вы просто дурак... Я еще проверю вашу анкету!

Прежде чем явиться в штаб Дитма, оберст решил познакомиться с его адъютантом. Ему хотелось вывести о командующем Лапландской армией некоторые подробности: каков характер генерала, что он любит в офицере и чего не терпит, когда лучше всего ему представиться?.. Оберст всегда поступал так, готовясь к ответственному приему, и, заранее подготовленный, держался в определенном плане.

От фрау Зильберт он узнал, что адъютант каждый вечер веселится в ее баре, – владелица отеля так и сказала: «веселится». Остальное не составляло особого труда: фон Герделер уже успел заметить, что здешние офицеры «веселятся» только тогда, когда весь мир, отразившись на дне бутылки, кажется им уже давно завоеванным и покорным!

Из старых, еще шведских, запасов инструктор захватил с собой бутылку добротного мартеля и спустился с ней в бар. Адъютант генерала – в звании обер-лейтенанта – оказался бесцветным молодым человеком, рот которого был полон золотых зубов. С первых же слов

он заявил, что сегодня у него удачный день: он выгодно приобрел три шкурки голубых песцов.

– Вы бы только видели, какой подшерсток!.. Какие нежные переливы! – восклицал он, подсчитывая количество звезд на этикетке.

Эти «звезды» сделали свое дело: адъютант стал болтлив после первой же рюмки. Инструктор без труда узнал, что генерал Дитм, оказывается, участвовал когда-то в истреблении африканского племени гереро, схватил в джунглях болотную лихорадку и с тех пор страдает болезнью печени, – являться к нему на прием надо не раньше, чем через день после очередного приступа.

Склонившись к уху инструктора, адъютант доверительно выбалтывал:

– Если у его превосходительства болит печень, это отражается на всей армии. Когда вы, герр инструктор, посетите наши позиции на Западной Лице, то спуститесь в «Долину смерти»...

– «Долина смерти», – задумчиво повторил фон Герделер. – Я что-то слышал о ней еще в Осло... Она что, действительно существует?

Адъютант придвинулся к оберсту и доверительно шепнул ему только одно слово:

– «Лакс-Фанг»...

– Я не совсем понимаю вас.

– Операция «Лакс-Фанг», – пояснил адъютант. – Мой генерал ее разработал, мой фюрер ее одобрил. Нам очень хотелось в Мурманск, и мы запросили у финнов согласия на всеобщее наступление. Без Маннергейма нам одним было нечего делать. Курносим вменялось в обязанность ударить от Кестеньги на Беломорск. А мы бы тогда смяли здесь русскую оборону и вышли бы к Кольскому заливу. Но финны наклали в штаны, и в результате получилась такая каша!..

– Вот как? – призадумался фон Герделер. – А я думал, что «Долина смерти» – это сплошная большевистская пропаганда!

Адъютант, прожевывая сардинку, пьяно хохотнул:

– Ха! Какая же это пропаганда, если «Долина смерти» обозначена на всех наших картах... Идешь три километра – и все кресты, кресты, кресты. Целую рощу полярных берез вырубил для них около Киркенеса. И на каждом кресте – цветок эдельвейс... Да-да, в те дни мы все носили траур!..

– Когда же это случилось? – спросил фон Герделер. – И какое это имеет отношение к генералу? Вернее, к его печени?

Адъютант долил себе рюмку.

– Это случилось летом сорок второго года, – сказал он. – Наше наступление началось блестяще. В горных егерях, казалось, проснулся дух прежних побед. Первый эшелон с ходу форсировал Западную Лицу и вышел на ее правый берег, когда у моего генерала начался приступ. Русские сбросили егерей обратно в реку – наступление неожиданно провалилось. Это было ясно всем. Но генерал бросил на прорыв второй эшелон. И русские уложили вдоль берега всех до одного. Казалось бы, уже конец?.. Но его превосходительство, скрючившись от боли, посылал и посылал в огонь эшелон за эшелоном. А русские клали егерей вот так!..

И размашистым жестом жнеца адъютант показал, как русские косили в «Долине смерти» горных егерей генерала Дитма.

– А что русские? – полюбопытствовал фон Герделер.

– Потом они закидали наши позиции листовками. Так что нашим егерям было чем подтираться!

Оберст не улыбнулся.

– Я не думал, что здесь тоже стучат кости...

– В фатерлянде, – сказал адъютант, – не знают об этом поражении, о нем не сообщали населению. И я надеюсь, герр оберст, что вы сохраните нашу беседу в абсолютной тайне.

– О, вы можете не сомневаться! Если я узнаю, что моему мундиру известно что-либо, я его сниму и сожгу, – ответил инструктор, перефразировав слова Фридриха.

Он осмотрел бар. За столиками шумели офицеры. Солдаты гаванского патруля, вызванные с улиц, выволакивали за дверь местного фюрера – пьяного Мурда. Около музыкальной машины, со скрежетом выбрасывающей в зал мелодии маршей, сидело несколько «дарревских молодчиков» – торговых агентов министра продовольствия Дарре. А в углу, за бутылкой баварского пива, расположился корветтен-капитан с черной повязкой на лбу. Единственным глазом он молча буравил дородную фрау Зильберт.

– Кто это? – спросил фон Герделер.

– Командир знаменитой субмарины Ганс Швигер.

– О! – восхищенно сказал инструктор. – Швигер, оказывается, тоже в Финмаркене! Это делает честь нашей флотилии «Норд».

– Обратите внимание, – заметил адъютант, – как он жадно смотрит на фрау Зильберт. Но у него ничего не получится: комендант Лиинахамари капитан Френк прибыл в Финмаркен раньше Швигера...

* * *

Через несколько дней адъютант позвонил фон Герделеру по телефону и сообщил, что можно явиться на прием к командующему, который находится сейчас в хорошем расположении духа...

– Проходите, – сказал адъютант.

Инструктор, раздвинув дверные шторы, вступил в кабинет командующего Лапландской армией, отчеканил с порога:

– Оберст фон Герделер прибыл для рапорта, ваше превосходительство!

Никакого ответа. Кабинет был пуст.

– Что за чертовщина! – выругался инструктор.

– Подойдите сюда, оберст, – послышалось из-за ширмы, разделявшей кабинет надвое.

Фон Герделер прошел за ширмы и увидел своего командующего.

Генерал Дитм был сухоньким и бодрым на вид старичком, только желтизна кожи от разлившейся желчи выдавала его старый недуг. Над лысиной генерала светила кварцевая лампа, и командующий сказал:

– Советую и вам, оберст. Хорошо восполняет недостаток солнечного света... Итак, мне рекомендовали вас в имперском комиссариате как наиболее деятельного офицера. Господин Тербовен отзывался о вас в самых лестных выражениях.

Инструктор признательно склонил голову, и генерал Дитм разрешил ему говорить. Фон Герделер начал издали: он счастлив видеть себя здесь, на шестьдесят девятой параллели, где носители эдельвейса вот уже третий год утверждают свое право владеть землями, которые нужны великой Германии будущего.

Но это было только льстивое начало, и, когда он заговорил о деле, в мертвых, как у рыбы, глазах генерала появился настороженный блеск: он не привык, чтобы офицеры входили в его кабинет с проектами.

Во время своей речи фон Герделер не очень назойливо, но к месту упомянул слова из приказа Дитма: «Именно здесь мы должны доказать русским, что немецкая армия существует и держит фронт, который для русских недостижим». Свои же слова, но услышанные из чужих уст, показались генералу более весомыми, и он ободряюще кивнул головой. Этот офицер, хорошо осведомленный о действительном положении на фронте, нравился ему все больше и больше.

Генерал понемногу сам воодушевлялся идеями инструктора и только раз перебил его, когда тот вскользь упомянул о возможной угрозе русских танков.

– Танки! – пренебрежительно усмехнулся Дитм. – Мы, пожалуй, единственные войска фюрера, которые даже не обучены борьбе с ними. Нам это и не нужно! Там, где пройдут наши егеря, не пройдет ни один танк. Вам это должно быть известно, оберст!

– Мне известно, ваше превосходительство, о тундровом рельефе Лапландии, совершенно не пригодном для продвижения танков!

Это звучало дерзостью: инструктор признавал, что танки могут не пройти, но о славе «героев Крита и Нарвика» он умалчивал. «И вообще, к чему он клонит?» – подумал генерал.

– Покойный командир «Ваффен-СС» Рудольф Беккер, – продолжал инструктор, – высказал мне свои соображения о необходимости лишить русских оленей, которыми снабжаются их северные дивизии. Мне кажется, что, исполнив его последнюю волю, мы лишим русских их основного транспорта для продвижения по труднопроходимой местности. Я предлагаю следующее...

И пока он излагал свою мысль, командующий Лапландской армией думал:

«Этот инструктор неглуп, надо держать его при себе...»

– Кинофильм? – спросил генерал. – А это еще зачем?

– Мне кажется, – продолжал развивать свои мысли фон Герделер, – и вы, экселенц, не будете оспаривать то, что в Берлине о нашей Лапланд-армии сложилось несколько превратное мнение, не столь уж и лестное для носителей эдельвейса. Они склонны в нашем «зитцкриге» усматривать, скорее, не стратегическую необходимость, а просто недостаток боевой активности, и... И Берлин этого не прощает!

– Мой друг, – Дитм почти любовно потрепал оберста по плечу, – вы словно читаете мои мысли!.. Действительно, чиновникам рейхсвера может показаться, что мы впали в зимнюю спячку. Их воображение не может охватить всех трудностей позиционной войны в таких жестоких полярных условиях. Я понял вас – надо бросить Берлину хорошую кость, пусть они обломают на ней зубы!..

– Смеем вас заверить, экселенц, – сказал фон Герделер, – я сделаю так, что этой кости им хватит надолго.

Генерал отцепил от своего мундира значок «Полярной звезды» и прикрепил его на грудь оберста.

– Отныне, – произнес он торжественно, – вы мой рыцарь!..

«И на черта я ввязался в эту историю с кинопленкой? – раздумывал оберст, вылезая из генеральского блиндажа на свежий воздух. – У меня и так времени не хватает. С меня было бы вполне достаточно и оленей...»

* * *

Обер-лейтенант Штумпф только что проснулся и в одних шелковых подштанниках, присев на корточки, раздувал в печке погасший огонь, когда позвонил телефон. Вульцегубер спрашивал из соседнего батальона: получили ли они ром перед атакой?

– Ни рома, ни приказа о подготовке к атаке мы не получали, – ответил Штумпф. – Идите к черту, мы только что проснулись! Хуясте, хуясте!

Вошел Рикко Суттинен с полотенцем через плечо.

– Башка трещит, – сказал он, кривя тонкие губы. – Мы с тобою, Штумпф, вчера, кажется выпили лишнее?

– В нашей собачьей жизни, – ответил Штумпф, надевая штаны, подбитые мехом, – ничего лишнего быть не может. Я только тогда и не чувствую себя лишним, когда выпью... Сейчас звонил этот шалопай Вульцегубер и навонял одну новость: говорит, чтобы мы получали ром...

– Ром? – удивился Суттинен. – Зачем нам ром?

– Атака!

– Пусть он не дурит. Нам сейчас не до подвигов!..

Однако вскоре солдатам роздали ром, велели надеть маскировочные балахоны и приготовиться к атаке. На позиции прибыли два оператора с кинокамерой, и фон Герделер объяснил Рикко Суттинену:

– Нет причин волноваться. Никто вас не заставит штурмовать русский рубеж. Пусть ваши солдаты пробегут в сторону противника, пусть побольше кричат и стреляют. Остальное – уж дело наше!

– Простите, оберст, а батальон обер-лейтенанта Вульцегубера тоже будет играть в атаку? Или же мы, финны, кажемся вам более талантливыми актерами?

– Нет, – сухо ват ответил фон Герделер, – батальон Вульцегубера остается в резерве... Пускай операторы подползут ближе к русским, и можете давать сигнал к атаке!

Сигнал был дан, и солдаты, отчаянно ругаясь, двинулись вперед. Однако русские не могли понять чисто эстетических намерений фон Герделера – они вдруг открыли огонь, и оберст, оттолкнув от аппарата струсившего оператора, сам накрутил сто четырнадцать метров пленки. Это были настоящие боевые кадры, далекие от притворной игры, это было как раз то, что ему казалось нужным, и Рикко Суттинен сказал ему на прощание со злобой:

– Мы, кажется, неплохо разыграли этот спектакль. Теперь в моей труппе не хватает восьми актеров!..

Вскоре инструктор, войдя в пропагандистский раж, сильно увлекся. Он загонял операторов по фронту. «Экзотики, как можно больше экзотики! – требовал он. – В Берлине любят экзотику...» Был отснят вылет ночных бомбардировщиков с полярного аэродрома, хорошо получился переход через заснеженный перевал батареи горных орудий. Не был забыт и флот – в первую очередь, конечно, подводный. Выбор натуры остановился на прославленной субмарине Х-934, которой командовал одноглазый Ганс Швигер (второй глаз он потерял еще в Испании). У этого корветтен-капитана была излюбленная острота:

– Это очень удобно – иметь только один глаз: второй уже не надо зажимуривать, чтобы видеть в перископ, как тонут жертвы моих «Цаункёниг»...

Отснятую кинохронику назвали «В тундре цветут эдельвейсы» и отправили самолетом в Берлин. Скоро пришло известие, что Геринг остался весьма доволен показом работы своих летчиков в Арктике. Посмотрели эту картину и в Лондоне, тоже остались довольны, но в одном месте второй лорд Адмиралтейства вдруг воскликнул:

– Стоп! Вот немцы и попались... Это же ведь – Швигер, которого мы потеряли в Ла-Манше и пытались отыскать около Гибралтара. Американцы утверждали, что он бродит где-то возле Ньюфаундленда, а он, оказывается, уже на полярных коммуникациях...

И ночной эфир скоро завибрировал, отражаясь в чутких корабельных антеннах: «Внимание! К сведению всех конвоев, находящихся в море. Известная подлодка Х-934 держит позиции на караванных коммуникациях. Командир – Ганс Швигер. Торпеды – „Цаункёниг“. Усилить бдительность. Внимание, внимание!..»

Контр-адмирал Сайманов тоже посмотрел эту кинохронику под заманчивым названием «В тундре цветут эдельвейсы», которое придумал сам фон Герделер, и остался тоже очень доволен.

– Отцвели эдельвейсы, – сказал он. – Завяли уже...

Ленд-лиз

Сильно качало. Стол гулял по кубрику. Он надоел всем настолько, что его водворили на штормовое место – к потолку.

Самаров, обхватив, чтобы не упасть, теплую трубу вентилятора, сказал:

– Товарищи, позвольте считать наше партийное собрание открытым. Слово для доклада предоставляется Векшину. Прошу, Андрей Александрович...

Штурман, в одну ночь поседевший от засохшей в волосах морской соли, обвел собравшихся воспаленными глазами.

– Всем нам известно, – сказал он, – какая судьба постигла союзный караван, направлявшийся в наши порты с поставками по ленд-лизу... Командир эскорта, боясь немецких подлодок, повел караван более высокими полярными широтами. Команды транспортов оказались измотанными штормами и встречами с гринландскими айсбергами. Это была его первая ошибка. Затем командир эскорта почему-то решил, что если транспорты пойдут все вместе, то они будут скорее обнаружены противником. И он предложил капитанам пробираться поодиночке. Это была его вторая грубая ошибка. В результате беззащитные транспорты разбрелись в океане, как стадо без пастуха, и произошло то, чего и следовало ожидать: гитлеровские подлодки разгромили караван, торпедируя корабли на выбор...

Векшин облизнул потрескавшиеся губы и жадно посмотрел в иллюминатор, за стеклом которого колыхалась волна, – ему, видно, хотелось пить.

– Нам доверена задача, – продолжал он после паузы, – найти в океане один из поврежденных транспортов и оказать союзникам помощь...

Звонок всеобщего аврала прервал собрание. На горизонте показался «Гринвич». Патрульное судно, прибавив ход, быстро подходило к английскому транспорту. На палубе «Гринвича» стояли два паровоза. Один из них был сорван взрывом и застрял колесами в грузовом люке трюма. В левом борту транспорта зияла рваная пробоина. В ней виднелись изогнутые взрывом шпангоуты, похожие на высохшие ребра гигантского животного.

Едва только «Аскольд» поравнялся с кормой «Гринвича», как на палубу сразу же посыпались чемоданы, саквояжи и какие-то картонные ящики. Английские матросы лезли по трапам на патрульное судно, а некоторые просто прыгали на его ростры, весело крича обычную в таких случаях фразу:

– У короля много!.. У короля много!..

Разбирая на палубе буксирные тросы, Мацута задрал голову кверху, крикнул на мостик командиру:

– Ну, видите? Как крысы побежали... А что я вам говорил?

На корме транспорта стоял высокий худощавый офицер. Пеклеванный всмотрелся в него и тронул Рябинина за рукав:

– Прохор Николаевич, да ведь это капитан «Грейса» Тепрель Мюр!..

Мюр грозил кому-то кулаком и сбрасывал на «Аскольд» тяжелые связки книг. На палубе два кают-компанейских стюарда подхватывали их и кидали в коридор полуюта.

Весь проход был завален библиями. Маленькие, затянутые в бархат, и тяжелые, в медных переплетах, книги перелетали с борта на борт, шелестя пожелтевшими страницами. По ним бесцеремонно ступали матросские ноги, жирные, смазанные тавотом тросы волочились по ним...

Мацута взбежал на мостик, скалывая с поручней трапа большие ледяные сосульки.

– На борт принято сорок восемь человек! – крикнул он.

Рябинин спросил:

– Боцман, как у тебя с буксирами?

– Все в порядке, товарищ командир. «Аскольд» готов к буксировке транспорта.

– Добро!..

Рябинин осмотрелся. Англичане уже покинули свой корабль. Один только капитан еще продолжал перекидывать на «Аскольд» толстые связки библий.

– А ну-ка, помощник, оклики его!

Пеклеванный перегнулся через поручни, приложил к губам мегафон и крикнул по-английски:

– Капитану «Гринвича» – на мостик!..

Тепрель Мюр был одет в меховое платье, плотно застегнутое на горле. Из-под реглана торчала резиновая трубка надувного спасательного жилета. Мех капюшона заиндевел около рта, и от этого казалось, что у капитана выросли седые блестящие усы.

Мюр подошел к Пеклеванному так близко, что тот почувствовал запах рома.

– Мне везет, – бодро сказал он. – Это уже второй корабль, с которого я ухожу, даже не замочив ног.

– Помощник, – вмешался Рябинин, – спросил бы, куда у него «Грейс» делся?

Пеклеванный спросил.

– О, «Грейс» наскочил на мину около Глазго!

– Жаль! Целых десять тысяч тонн.

– Раббиш! – отмахнулся Мюр. – У короля много!.. Советую вам дать залп под мостик «Гринвича». Там есть пробоина, и конец наступит скорее.

– Помощник, передай ему, пожалуйста, что мы не собираемся топить транспорт, – заявил Рябинин.

И пока Мюр спускался по трапу в отведенную ему каюту, три аскольдовца уже влезли на высокую корму транспорта. В одном из них Рябинин узнал Григория Платова. Старшина,

ухватив конец буксирного троса, протянул его в клюз транспорта и закрепил за массивный гак у основания фок-мачты.

Теперь «Аскольд» был надежно скреплен с «Гринвичем».

Под палубой патрульного судна глухо прошумели машины. Корабль вздрогнул. Тросы, дрожа от напряжения, натянулись над волнами, рванули транспорт вперед. Некоторое время «Гринвич» стоял неподвижно, потом медленно пошел за «Аскольдом», глубоко зарываясь форштевнем в воду, и волны вкатывались в его пробоину.

Три матроса стояли на самом носу транспорта и махали руками – все в порядке!..

* * *

Темнело. Над океаном загорались звезды. Пеклеванный получил приказание проверить состояние буксирных концов. Он шел по палубе. Ветер прижимал его к борту. Штормовой леер, скользящий по тросику наподобие висячей ручки в трамвае, леденил руку. На корме Артем остановился. К нему подошла Китежева.

– Варенька, – сказал он, – шла бы в каюту, а то холодно.

Она улыбнулась, блеснув в темноте зубами.

– Ничего. Я сейчас пойду в лазарет, согреюсь.

Буксирные тросы ерзали возле их ног, вытягиваясь над пенной струей и уходя дальше – прямо к высокому остоу транспорта. «Гринвич» проступал во тьме черным силуэтом, и на фоне серого неба четко обрисовывались его склоненные мачты. Мертвый и отяжелевший, без единого огонька, транспорт чем-то страшил и настораживал.

– Как-то они там? – тревожно спросила Варенька, и Артем понял, что она беспокоится за трех матросов, оставленных на «Гринвиче».

Мимо прошли англичане. Они держали в руках большие зубные щетки – шли чистить зубы после ужина. Один из них остановился, отстав от своих товарищей:

– Британец Хиггинс рад приветствовать вас!

В лицо Артему пахнуло водкой и крепкой индийской махоркой. На плечах матроса висела неразлучная куртка шерстью наружу.

– А как здоровье моего приятеля Стирлинга, мисс доктор?

Ответив матросу, Варенька пояснила Артему:

– Стирлинг – это тот самый сигнальщик, который был у нас на борту во время боя с немецкими миноносцами. Помнишь?.. У него задета рука, я делала ему перевязку...

Хиггинс кивнул в темноту, где плавно раскачивалась тень транспорта.

– Очевидно, мы так и не расстанемся с этой ржавой калошей, – развязно сказал он. – Но зато придется расстаться со страховою премией. И не только таким, как я, и мне подобным, но даже кое-кому из тех, кто живет не в кубриках, а в салонах. Тут уже пахнет тысячами фунтов. Такие запахи, как известно, в матросских карманах не водятся...

И, усмехнувшись, Хиггинс пошел вслед за матросами той особенной развинченной походкой, которая как-то очень легко позволяла ему находить равновесие при качке.

– Ленд-лиз! – печально вздохнул Пеклеванный. – Если бы кто знал, сколько крови и сколько золота!.. Страшно подумать.

– Я пойду. Ты заходи ко мне в лазарет, – сказала Варенька и, зябко поежившись, спустилась через люк с палубы...

Враги

Вот уже несколько дней над горизонтом высились три тонкие черточки – три мачты шхуны, и Вахтанг, глядя на них в бинокль, каждый раз мысленно переносился туда, в маленькую каюту, где жила Рябикина. Хорошо бы сейчас посидеть рядом с ней за чашкой домашнего чая, поговорить о том, о сем... «Да, – часто думал старший лейтенант, – дать бы ход узлов на двадцать – через полчаса бы уже и беседовали, но нельзя...»

Над океаном гулял хлесткий, обжигающий ветер. Шеренги водяных валов шли с севера непрерывным гудящим строем, отряхивая с высоких перевитых гребней лохматую мыльную

пену. Волны ошалело кидались на палубу МО-216, свиваясь возле шпигатов в кипящие водовороты.

Старший лейтенант стоял на мостике и жадно прихлебывал из кружки крепкий горячий кофе. Внизу ныряло в волнах острие носовой палубы, и вахтенные комендоры – в поисках равновесия – ловко балансировали телами. Моторы работали ровно, точно пульс здорового человека, и за кормой МО-216 оставался широкий шлейф светло-изумрудной пены.

Вахтанг допил кофе, похлопал себя по карманам, спросил мичмана:

– Ну-ка, помощник, дай папиросу.

Назаров, повернувшись спиной к летящим по ветру брызгам, протянул командиру портсигар и, взглянув на корму, вдруг резко захлопнул его.

– Сигнальщики! – зло крикнул он. – Курсовой сто пятнадцать...

И его голос совпал с голосом матроса, который скороговоркой докладывал:

– Правый борт, дистанция восемь кабельтовых – два «охотника» океанского типа!..

Вахтанг вскинул бинокль, всмотрелся. Вдоль рыхлых полос тумана быстро двигались прижатые к воде две узкие черточки.

– Мичман, – сказал он, – бой!

Зазвенели «колокола громкого боя». Матросы, натягивая бушлаты, вылетали на палубу с такой быстротой, точно их выбрасывала из люков могучая пружина. Сразу же чавкнули смазанные замки пушек, звонко ударились латунные стаканы, и боцман Чугунов уже развернул пулемет для стрельбы.

– Идти на сближение! – скомандовал Вахтанг. – Орудия – товсь!

Фашистские катера, идя на перехват советской экспедиции, не надеялись встретить конвой. Уйдя в туман, они дали себе возможность оправиться от неожиданности и теперь снова вышли на сближение. Это были крупные, типа «Альбатрос», «охотники» с тремя орудиями на каждом.

И, глядя на их палубы, где сустились немецкие матросы, старший лейтенант опустил бинокль и крикнул:

– Огонь!

Противники обменялись пристрелочными выстрелами, не причинившими им никакого вреда, и продолжали сходиться на контркурсах, целя один другому в лоб. Немцы шли уверенным, точным строем, одним своим видом показывая, что исход боя будет решен в их пользу.

– Перенести огонь на головной катер!..

Воздух гудит от залпа, и в этот же момент МО-216 встряхивает от близкого разрыва. Три гремящих водяных столба встают за кормой катера, плавно оседая книзу, словно быстро тающие сугробы.

– Ничего, ничего, – говорит мичман, видя, что каскады рушатся на ют, сбивая с ног прислугу кормового орудия.

Вражеские катера подходят ближе. Из-за застекленных рубок торчат круглые, как мячи, головы немецких командиров. На мачтах хищно извиваются длинные языки вымпелов.

– А ну, боцман, ударь из пулемета! Короткими!..

Внизу, на мокрой прыгающей палубе, работают у орудия матросы. Залп раздается за залпом. Кажется, что мускулы людей слились воедино со сталью пушек, образовав сверхсовершенный механизм, не знающий ни страха, ни усталости.

Удар! И вместе с ним из носового люка выползают тягучие хлопья дыма.

– Попадание в форпик! – докладывает мичман.

– Вижу, – отвечает Вахтанг. – Усилить огонь! Рулевой, лево на борт, срежай им курс!..

Второй снаряд, пролетая над мостиком, сбивает блок на мачте – сигнальные фалы запутываются вокруг шеи старшего лейтенанта.

Всхлипывая от ярости, грохочет пулемет Чугунова. У боцмана сильно припарен левый глаз и на лбу, в такт коротким очередям, подпрыгивает курчавый залихватский чуб.

– Наў тебе! Наў тебе! – приговаривает старшина.

Опять удар! Трещит дерево, летит срываема пулями щеп досок, звенят какие-то стекла.

– Попадание в вашу каюту!

И сразу:

– Поражение!..

Головной катер вздымается на дыбы, обнажая черное смоляное днище, и, сбавив ход, отходит в сторону, волоча за собой темно-бордовый хвост дыма. Видно, как на его палубе рвутся снаряды, в дымном облаке мечутся матросы со шлангами. Потом немецкий «охотник» взрывается, и над местом его гибели встает черно-красный султан пламени.

Другой катер врага проносится совсем рядом с МО-216. Рев двух моторов, глухое биение орудий, дробь автоматов, крики и стоны раненых сливаются в один сплошной грохот.

Все это длится доли секунд, и враги, выпустив друг в друга десятки килограммов горячего металла, расходятся, показывая один другому приседающие к воде кормы.

У мичмана на лбу кровавый рубец, губы прыгают от тряски всего катерного корпуса:

– Товарищ командир! Второе орудие выведено из строя.

Вахтанг оборачивается. Кормовая пушка разбита снарядом: ее развалило на две ровные половинки, словно раскрыли футляр от скрипки.

– Ах, сволочи! – кричит старший лейтенант. – Ну ладно: я их сейчас заставлю думать о своих ногах гораздо больше, чем о точной стрельбе!..

И он ставит свой МО-216 на такой курс, что немецкий «охотник», развернувшись для боя, вынужден лечь как раз лагом к воде. Теперь «немец» начинает осатанело мотаться с одного борта на другой, черпая воду низкой палубой. Видно, как гитлеровские матросы, чтобы не свалиться за борт, цепляются за развешанные штормовые сетки; точность стрельбы сразу падает.

Несколько минут длится артиллерийская дуэль между катерами. Потом немецкий командир, чтобы забрать инициативу обратно в свои руки, снова решает вырваться вперед. Все его три орудия бьют по МО-216, который огрызается огнем из своей единственной маленькой пушки. На палубе, уцепившись за леера, лежат раненые. Расстрелянные гильзы перекатываются на качке с борта на борт. Но орудие, раскаленное до такой степени, что на его стволе начинает пузыриться краска, продолжает стрелять безостановочно.

Каскад воды обрушивается на мостик. Вахтанг от удара падает. Катер кренится на левый борт. Неожиданно смолкают моторы. На мостик взбегают мокрый старшина мотористов.

– Двигатель разбит и затоплен! – кричит он, держась за окровавленное колено. – Вода продолжает прибывать!.. Все уже ранены. Что делать?..

– Это что за вопрос на моем катерре?! – рычит Вахтанг. – Ззаделать прррробоину!..

Старшина слезает с мостика, как акробат, на одних руках (трап уже сорван) и скрывается в люке, откуда доносится шум падающей на моторы воды.

С протяжным звоном лопнул на палубе зажигательный снаряд, и парализованный катер, погружаясь в воду, стал гореть. Помпы не работали, из разбитых огнетушителей бесцельно вытекала содовая пена.

Повернув к мичману черное от копоти потное лицо с горящими белками глаз, Вахтанг сказал в перерывах между выстрелами орудия:

– Ползи по палубе... Скажи матросам, пусть готовятся к схватке... огонь прекратить... Пусть лежат как убитые и ждут моей команды... Иди!..

Назаров ушел, а старший лейтенант ничком лег на крыло мостика и в узкую щель между палубой и парусиновым обвесом стал следить за немецким «охотником».

«Альбатрос» дал еще несколько залпов и стал медленно приближаться. Переваливаясь на гребнях волн, он шел короткими рывками, то замирая на месте, то снова продвигаясь вперед.

Но, как видно, охваченный огнем катер, раскиданные по палубе безжизненные тела матросов рассеяли все опасения немцев. Круто маневрируя, чтобы подойти вплотную, вражеский «охотник» решительно направился к МО-216.

Но едва только вражеское судно коснулось своим бортом борта катера, как Вахтанг прыжком вскочил на ноги и, не целясь, выпустил в гитлеровцев всю обойму из пистолета.

– Смелее, ребята! – зычно крикнул он.

Матросы бросились на палубу противника. Вахтанг видел, как немецкий офицер, поняв свою ошибку, навалился на рукоять телеграфа, давая полный ход. Но было уже поздно. Крепкие швартовы соединяли два враждебных корабля, и немецкий «охотник», дернувшись вперед, потянул за собой и горящий МО-216.

А на палубе уже ворочался живой клубок человеческих тел, сцепившихся в рукопашной схватке. В воздух, сверкая голубой сталью, взлетали короткие ножи. Трещали гулкие матросские карабины. А боцман Чугунов, прижатый к самой корме, бил врагов по головам пудовой железной вымбовкой.

С высоты мостика Вахтанг увидел офицерскую фуражку мичмана: Назаров прорвался к рубочному трапу и, отшвырнув в сторону немецкого матроса, захватил рулевое управление.

Перепрыгнув на немецкий катер, Вахтанг крикнул:

– Руби швартовы! Отталкивайся!

Покинутый МО-216 долго плыл на поверхности моря, потом медленно, как бы нехотя, затонул, оставив после себя глубокую воронку...

На новом «охотнике» долго не заводился дизель. Пришлось вызвать немецкого моториста. Назаров улыбался:

– Сами себя в плен везут, пускай!..

– Где командир? – спросил Вахтанг.

– В каюте. Сопротивления не оказал, – отрапортовал Назаров.

Вахтанг Беридзе прошел в нос катера и толкнул дверь рубки. Перешагнув бронированный комингс, остановился. Вся каюта была выкрашена матовой эмалью под цвет слоновой кости. Французский гобелен покрывал палубу. В маленькой раскладной качалке сидел гладко выбритый немецкий офицер. На вид ему можно было дать всего года двадцать три. Но, несмотря на кажущуюся молодость, немец был уже немного плешив, под его кителем обрисовывался солидный животик. Сложив на коленях пухлые женственные ручки с агатовым перстнем на мизинце, офицер даже не посмотрел на вошедшего Вахтанга и продолжал спокойно попыхивать душистой сигареткой.

– Надеюсь, будем говорить по-английски? – спросил старший лейтенант.

Немец впервые тускло поглядел в сторону Вахтанга и, немного грассируя, точно любуюсь своим неокрепшим тенорком, ответил:

– Я не желаю говорить с вами по-английски.

– Почему? – сдерживая гнев, снова спросил его Вахтанг.

– У вас неправильное произношение. Какой-то странный акцент.

– А ну, встань!..

Немец оторопело вскочил. Голосом уже спокойным Вахтанг добавил:

– Мне, откровенно говоря, плевать на произношение. Я и по-русски-то говорю с кавказским акцентом...

Немец вдруг заговорил возбужденно и торопливо:

– Я никогда не думал, что вы возьмете меня на abordаж. Это варварский метод борьбы, это, если хотите, некультурная партизанщина, на которую способны только лишь одни русские! Эпоха, когда корабли сваливались бортами, чтобы драться интерпелями и эспантонами, отошла в область преданий. Сейчас век, когда корабли дерутся на дальней дистанции, не видя лица противника!..

– Ну, а я захотел посмотреть на ваше лицо поближе.

– Что ж, – криво усмехнулся гитлеровец, – я тоже впервые вижу коммуниста на таком расстоянии.

– Это потому, что они раньше вас близко к себе не подпускали.

– Все равно, – выкрикнул немец, – это не благородная война! И, оскорбляя сейчас меня как военнопленного, вы нарушаете Женевскую конвенцию...

Вахтанг, не отвечая, рванул один ящик стола, другой, третий. Немец, наблюдая за его поспешностью, вдруг рассмеялся.

– Те шифровки, – сказал он, – которые вас интересуют, находятся вот в этой шкатулке.

Вахтанг открыл шкатулку: на дне ее лежал один только рыхлый пепел, и в этом пепле еще хранился недавний жар.

– Ловко, – заметил он, – только в штабе все равно расскажете, что тут было.

– Конечно, – пытаюсь казаться равнодушным, ответил пленный, – если загнать под ноготь иголочку, то, может, и расскажу что-нибудь. Например, о том, какой крепости я люблю кофе...

– Хватит болтать, – остановил его Вахтанг и сорвал с переборки портрет какого-то офицера. – Беру себе, – сказал он. – А вот это...

Он осторожно снял второй портрет – портрет молодой женщины в купальном костюме; на обороте было написано: «Любимый, идите на восток и не забывайте меня!»

– А вот это, – повторил Вахтанг, – возвращаю вам. Она у вас умная женщина. Знала, что писала. Вы действительно пойдете на восток. Пойдете в плен!

Он показал ему рукой на дверь:

– Идите, да, кстати, уж заодно положите на стол ваш кортик, который вы так усердно прячете под кителем. А то карандаш затачивать станете и палец порезать можете. Зачем же это? Я Женевскую конвенцию не нарушу – сдам вас в плен под расписку. В полной сохранности...

Немец, вспыхнув, бросил на стол золоченый кортик и, направившись к двери, неожиданно остановился.

– Вы отправите меня в лагерь для военнопленных? – спросил он.

– Да.

– Простите, но там из меня сделают... мыло?

Вахтанг щелкнул пальцем по фашистскому значку на груди пленного и успокоил его:

– Что вы, что вы! У нас мыло из животных делают, а вы ведь еще на четвереньках не бегаєте.

Гитлеровец вышел, и рядом с ним качнулся штык боцманского карабина.

...Катер, набирая скорость, с ревом взбирался на крутую океанскую волну.

Святые дела

Их было всего трое: Григорий Платов, Ваня Ставриди и Василий Хмыров.

Они сидели в просторной рубке «Гринвича» на деревянном диване и тихо разговаривали. Если кто-нибудь начинал говорить громко, то по всему транспорту сразу раздавалось гулкое эхо. С непривычки становилось жутко. На несколько тысяч тонн металлического гиганта приходилось всего три маленьких человека.

Освещение на транспорте не работало. Пришлось включить аккумуляторные фонари. Три тонких луча, скользя по переборкам, перекрещивались в темноте, словно прожекторы. Лица аскольдовцев казались зеленоватыми, и при малейшем движении за их спинами вырастали большие угловатые тени. Изредка один из матросов выходил на палубу и шел в нос корабля, на бак – проверить состояние буксирных концов.

– Сейчас на «Аскольде» чай пьют, – говорил Ставриди. – В кубрике тепло, кружки звенят. Ребята рукавицы и шапки сушат...

Хмыров, поджав под себя ноги и сложив на груди руки, сидел окаменев, точно Будда.

Сказал, не пошевелившись, тихо:

– Холодно, братцы.

Платов встал, молча вышел из рубки. Освещая фонарем длинный темный коридор, он осторожно двигался вдоль ряда дубовых дверей. Где-то глубоко внизу плескалась вода.

Едва только он вошел в салон, как сразу же остановился, пораженный. Кто-то сказал ему в самое ухо:

– Джиги!.. Джиги!..

– Кто здесь? – крикнул Платов. – Отвечай!

Лучом фонаря провел по каюте. Вот портреты Черчилля, какой-то узколицей женщины, сгорбленного старика. А над головой старшины – бамбуковая клетка. В ней сидел нахохлившийся от холода черный мадагаскарский попугай. «Джиги, джиги!» – кричал он, подпрыгивая в своем кольце.

Платов шумно вздохнул.

– Ну и напугал же ты меня, – сказал он, снимая клетку с потолка. – Что же тебя хозяин не взял вместе с книгами? А, зверь божий? Молчишь...

В одном из ящичков буфета старшина нашел сыр и пачку морских галет в красивой упаковке, на которой был нарисован румяный матрос флота его величества.

– Ну вот мы и подзакусим. Пойдем, птица, к нам!..

Вернувшись в рубку, Платов отсвистел флотскую обеденную мелодию и скомандовал, как командовал каждый день на «Аскольде»:

– Команде пить чай!

Ставриди и Хмыров вскочили с дивана:

– Вот это дело!

Они открыли клетку, рассматривая диковинную птицу, но Платов сказал:

– Кто-нибудь из вас сбегайте сначала к буксиру, посмотрите, что там делается.

Хмыров ушел и вернулся через несколько минут, стряхивая с плаща снег:

– Все в порядке. Чтобы тросы не терлись на качке, я подложил под них пять матросских подушек. Все равно валяются без дела.

– Ну, тогда давайте выпьем, а то и впрямь холодно. Вот сыр, вот галеты, пьем по очереди...

Они выпили по пять глотков ледяного, захватывающего дух рому и разговорились.

– Эх, жизнь морская! – вздохнул Хмыров. – Я вот девять лет плаваю, а все не могу к морю привыкнуть. Я береговой человек, крестьянин. Сплю и вижу: солнце встает, роса на листьях, а я выхожу в поле с косою... Хорошо!

– Брось, не скули, – оборвал его Платов. – Это ты сейчас говоришь. А вернешься на берег, и тебя так потянет в море – только держись! Такое и со мной иногда бывает.

– Куда же это я попал? Ну и общество! – рассмеялся Ставриди. – Один я тут настоящий. Я балаклавский рыбак; про нас писатель Куприн даже повесть написал. Называется – «Листригоны». А то еще в театре, я слышал, пели... Хотите? – спросил матрос и вдруг запел глуховатым вибрирующим тенорком:

Балаклава, Балаклава,
Черноморские края,
Там живет цыганка Клава,
То знакомая моя...

– Тише, – сказал Платов.

– Да ну тебя! Ты слушай, – отмахнулся Ставриди и продолжал песню:

Как добудем мы победу,
Я на родину вернусь.
В Балаклаву я приеду
И на Клаве той же...

– Перестань! – оборвал его на полуслове Платов. – Вроде кто-то прошел по палубе. С носа на корму...

Притихли. Шумело море. Гудел ветер.

– Эх, зря песню оборвал, – сказал Хмыров.

– Ну ладно, черт с ним. Наверное, послышалось... – Платов задумался и вдруг тревожно оглядел друзей. – У вас спасательные жилеты воздухом надуты?..

– Да ты что, старшина? – накинулся на него Ставриди. – Умирать собрался?

– Нет, ребята, это я просто так. На всякий случай. – Платов слабо улыбнулся. – Пой, Ваня.

– И петь охота пропала.
– Ну, не сердись! На сердце у меня что-то тоскливо сделалось.
– Мало выпил – вот и тоскливо. – Ставриди потянулся к фляге и вдруг крикнул: – Тонем! Черт возьми, тонем!..

Платов подскочил к кренометру. Стрелка ползла в сторону, переваливая за десять градусов. Под ногами медленно оседала палуба.

«Гринвич» тонул.

Схватив фонарь, старшина крикнул:

– Живо на полубак, к буксирам. Сигнализируйте на «Аскольд»!

А сам выскочил из рубки и побежал к корме. Люк машинного отделения был почему-то открыт. Нашупав ногой трап, Платов стал осторожно спускаться вниз.

На площадке остановился и замер, сдерживая дыхание: в темной глубине корабельного днища блуждал холодный и острый луч чужого фонаря. Блеклые отсветы падали на лицо неизвестного человека, освещая нависшие на лоб мокрые пряди волос. Не замечая Платова, он висел на рукоятках громадного штурвала, и тяжелое колесо вращалось, скрипя ржавыми шестернями.

«Открывает другой кингстон», – пронеслось в голове старшины, и сразу где-то за переборкой загудело, зашлепало. Транспорт еще больше накренился на борт. Человек подошел к другому штурвалу, спокойно поставил фонарь на палубу и...

– Стой! – закричал старшина и, грохоча по железным ступеням трапа, сбежал вниз.

Человек скрылся за паровую турбину, тяжело дышал там, в темноте. Но старшина уже вцепился в штурвальное колесо и, переступая ногами по рукояткам, стал закрывать кингстон...

Рев воды за переборкой уже стихал, меньше кренился на борт тонущий транспорт, когда большой гаечный ключ, резанув воздух, разбил фонарь. Стало темно, как в могиле. Платов бросился вперед, но человек, лязгнув клинкетом, исчез в бортовом бункере. Было слышно, как он закрывается изнутри.

Платов, выпятив руки вперед, на ощупь пошел к выходу и сразу же уткнулся в переборку. «Черт, куда я иду? Неужели запутался?» Холодный озноб опоясал спину. Сплошная темнота трюма обступила его плотным немим кольцом.

Корабль продолжал погружаться.

Палуба уже стояла наклонно, ноги скользили по ней, срываясь вниз, в какую-то бездонную пропасть. Было обидно – до слез обидно! – умирать здесь, в этом громадном железном гробу, среди голых бездушных машин. Хотя бы умереть на виду у людей под яркими родными звездами!..

Внезапно наверху выросла узкая щель голубого света, – его друзья, он понял это, стреляли ракетами в небо. Ударяясь об острые углы механизмов, Платов пошел по направлению освещенного люка. Внизу что-то рухнуло. Днище, вставая на дыбы, тяжело покатило в сторону, и в лицо вдруг освежающе ударило солеными брызгами. Еще мгновение – и Платов наконец перевесился наружу. Верхняя палуба стояла почти вертикальной стеной, и он выглядывал из люка, как в чердачное окно гигантского рушащегося дома.

* * *

Мордвинов подошел к Пеклеванному, смотревшему в ночной океан.

– Товарищ лейтенант, матрос из команды «Гринвича» просится на мостик.

– Что ему?

– Не знаю. Поговорить, наверное.

– Разбудите заместителя командира по политчасти. Он спит в штурманской рубке...

Самаров после тяжелого сна долго не мог понять, о каком матросе идет речь. Наконец понял и велел позвать англичанина к себе. Тот явился, осторожно держа перед собой забинтованную руку.

Это был Томми Стирлинг.

– Я вас слушаю, – сказал Самаров, предлагая матросу сесть рядом с ним.

– Господин сублейтенант, – начал говорить Стирлинг, поглядев на погоны Самарова, – для того чтобы вам было понятно все, позвольте я раскрою перед вами нехитрую механику этого последнего рейса «Гринвича»... Во-первых, пароходные компании: в случае потопления транспорта они получают крупный страховой куш. Во-вторых, вернувшись к земле без своего корабля, команда вознаграждается за риск. В-третьих, матросы просто врут чиновникам о своих погибших богатствах. У меня, может, была всего одна куртка, а я скажу, что имел два чемодана белья, золотые часы и прочее, и все это будет оплачено мне с процентами... Теперь вам, наверное, понятно, почему мы привыкли покидать корабли даже с ничтожными пробоинами.

– Мне это было понятно давно, – ответил Самаров, протягивая матросу портсигар.

– Не знаю, – пожал плечами Стирлинг, – может, я напрасно рассказываю вам это, но однажды я имел честь участвовать в бою с немецкими миноносцами на доблестной палубе вашего корабля. Я видел смелость ваших матросов и слишком уважаю вас, чтобы позволить себе скрыть свои подозрения...

– Что вы можете сообщить?

– Я хочу сказать, что «Гринвич», несмотря на повреждение, может затонуть только в одном случае...

– А именно? – насторожился Самаров.

– Если... открыть кингстоны.

– Говорите все. И быстрее.

– Я ничего не знаю, но один из сорока восьми матросов – матрос Хиггинс – пропал с корабля...

– Последний раз вы его видели где?

– В кубрике. В кубрик пришел мистер Мюр и долго уговаривал о чем-то Хиггинса...

Рванув дверь, Самаров выскочил из рубки. Перескакивая через три ступеньки, взбежал на мостик.

– С транспорта ракета! – неожиданно закричал Мордвинов.

Длинная лента огня прорезала темноту, вытягиваясь узким рыжим пламенем. Описав траекторию, повисла над мачтами и рухнула прямо на мостик, рассыпавшись яркими брызгами. Матросы бросились в разные стороны, потом снова сошлись и, как по команде, стали затапывать ракету ногами.

– Помощник, остаться здесь! – крикнул Рябинин, бросаясь к трапу.

Тревога пронзила «Аскольд» сверху донизу, от киля до клотика. Когда Прохор Николаевич прибежал на корму, там уже собралось человек десять матросов во главе с боцманом.

Транспорт погружался в воду носом, медленно задирая в небо корму.

Назревала катастрофа...

Неожиданно внутри «Гринвича» раздался оглушительный треск и грохот. Это от железобетонного фундамента оторвались паровые котлы и полетели вниз, разрывая стальные переборки, как тонкую бумагу. «Гринвич» на глазах у людей раскололся пополам.

Кормовая часть его, почти не поврежденная, гулко шлепнулась днищем об воду и тут же быстро выровнялась, обратив к «Аскольду» белую водонепроницаемую переборку. А носовая, постояв с полминуты вертикально, с шумом и свистом пошла под воду.

Алеша Найденов сильным взмахом топора перерубил последний, толщиной с руку, буксирный трос, и «Аскольд» облегченно вздрогнул.

И не успели матросы опомниться, как Рябинин уже скомандовал:

– Боцман, готовить новые буксиры!.. Подвахтенные – на лебедку, спустить шлюпку...

Шлюпка подвалила к борту «Аскольда», с трудом сдерживаемая на волнах. Варенька Китежева, перегнувшись через поручни, всматривалась в расплывчатые силуэты гребцов, пытаясь разглядеть среди них матросов авральной группы.

– Все живы? – крикнула она.

И голос Платова, веселый и хриплый, ответил из-за борта:

– А что с нами станется?.. Живы еще!..

Через полчаса патрульное судно «Аскольд» снова пошло вперед, волоча за собой кормовую половину транспорта.

* * *

Тепрель Мюр проснулся в полночь. Крадучись, он вышел из каюты и всмотрелся в темь. Повернутый вперед кормою, «Гринвич» шел по-прежнему за «Аскольдом». В кубрике Мюра встретил транспортный боцман с большим сизым носом, к которому бы так здорово подошло кольцо из ноздрей вождя какого-нибудь дикарского племени в Африке.

Увидев капитана, он стал бить спящих матросов цепочкой от дудки, приговаривая:

– Эй, джентльмены и милорды, вставайте!..

Но Мюр сказал:

– Не будить, – и отвел боцмана в угол. – Хиггинс где? – спросил он тихо.

– Хиггинс не вернулся.

– Так. А те трое?

– Хм... С теми все в порядке. Вот передают вам. Говорят, забыли...

Боцман вынул из рундука клетку с попугаем, подал ее капитану. Тепрель Мюр машинально взял клетку и поднялся на палубу.

– Джиги, джиги, – сказал ему попугай из-под крыла, куда он спрятал от холода свою клювастую голову.

И это ругательство, которому Тепрель Мюр сам же и научил попугая и которое когда-то забавляло его, вдруг показалось ему издевкой. Он поднял клетку над головой и, размахнувшись, забросил ее далеко в волны океана.

И в беспросветной полярной ночи жалобно вскрикнула диковинная заморская птица.

В штабе

– Вопрос. Вы не можете объяснить, чем вызвано снятие адмирала Х. с поста командующего Северной флотилией? Я говорю о группировке «Норд», базирующейся на Финмаркене.

– Могу. Наше вынужденное бездействие на океане фюрер назвал в своем приказе затяжной летаргией и выразил глубокое недовольство.^[10] Но фюрер не знает, что действиям флотилии сильно мешает гидрометеорологический режим полярных районов...

Контр-адмирал Сайманов улыбнулся:

– Выходит, что вам тоже помешала гидрометеорология? Но, как видите, нашу встречу предсказали не прогнозы синоптиков.

Военнопленный угрюмо промолчал, размяв в пепельнице окурочек сигареты. Это был командир немецкого «охотника», взятого на abordаж катером старшего лейтенанта Вахтанга Беридзе. За последние дни этот лысеющий мальчик как-то заметно полинял, в нем уже не было прежнего высокомерия, и, выслушивая вопросы, он тупо смотрел в одну точку, сосредоточенно морща низкий лоб.

Отвечал же он на каждый вопрос точно и обстоятельно...

Разобравшись в пачке бумаг, доставленных в штаб командиром МО-216, Сайманов отложила сторону фотографию немецкого морского офицера. Судя по этому портрету, гитлеровец был уже немолод, лицо – угловатое, губы жестко сведены в ниточку, один глаз его закрывала черная повязка.

Приглядевшись через очки к знакам отличия офицера на фотографии, контр-адмирал спросил военнопленного:

– Вы не скажете, кто этот корветтен-капитан?

– Это командир подводной лодки Ганс Вальтер Швигер.

– Что вы можете сообщить о нем?

– Гросс-адмирал Дениц назвал его национальным героем. Это настоящий ас, которого Геринг сравнивал даже со своим любимцем Мельдерсом, погибшим в начале войны на Восточном фронте. Только Швигер – ас подводный, а не воздушный.

Раскрыв портсигар, Сайманов сказал:

– Мне известен Вальтер Швигер, потопивший «Лузитанию».^[11] Это случайно не его сын? Военнопленный попросил папиросу и, закулив, ответил:

– Нет, герр контр-адмирал, по-моему, однофамилец.

– А похож, – коротко заметил Сайманов, пряча фотографию в стол. – Вопрос, – сказал он, щелкнув ключом ящика. – Что значит появление на севере подводной лодки Швигера?

– Швигер появляется всегда там, где предстоит усиленная подводная война. Последнее время он действовал на английских коммуникациях между Мальтой и Гибралтаром, теперь переброшен сюда. Швигер – опытный и сильный противник. На его счету сто четырнадцать потопленных кораблей...

– Погодите! – перебил немца контр-адмирал. – Ведь англичане еще в прошлом году сообщили о его гибели, и кто-то получил за потопление его субмарины крупную сумму.

– Неправда! – ответил военнопленный. – Это была очередная уловка морского министра. Швигер действительно в прошлом году здорово насолил им в Ла-Манше, но его не так-то легко потопить: в воде он неуловим и скользок, как угорь.

– Значит, ваш флот решил бороться за талассократию на океане посредством неограниченной подводной войны?

– Герр контр-адмирал, я не могу ответить на ваш вопрос точно. Прямых указаний на это не имеется, но Швигер послан на север самым гросс-адмиралом Деницем, любимцем которого он является. Точно так же, как в свое время его однофамилец был одним из приближенных Тирпица. Следовательно, все это проводится с согласия адмиральской квартиры в Берлине...

Допрос продолжался долго. Сайманов выяснил подробности о перебазировании немецких миноносцев из Алтен-фиорда в Тана-фиорд – ближе к основным коммуникациям; военнопленный сам проговорился о моральном состоянии офицеров северной флотилии.

– На одном дивизионе подводных лодок, – словоохотливо рассказывал он, – недавно вспыхнул бунт. Дело в том, что на субмарине номер сто восемьдесят семь однажды смыло за борт штурмана. В следующем походе сигнальщики якобы видели ночью, как из одной волны, схлынувшей с палубы, появился этот штурман и снова исчез в море вместе с другой волной. Команда отказалась продолжать операцию. Когда же субмарина снялась с позиции и вернулась в Петсамо, отказались выходить в море команды еще двух подлодок. Вы, герр контр-адмирал, можете не верить в привидения, но вы сами на одном этом факте можете понять, как расшатались нервы у наших подводников. Вполне возможно, что командование, посылая на север субмарину Швигера, экипаж которой состоит исключительно из добровольцев, рассчитывало повысить боевой дух наших матросов. И корветтен-капитан действительно сразу отличился: он торпедировал английский транспорт «Гринвич», потопил эскадренный минодосец «Харди» у острова Медвежьего, недавно удачно атаковал ваш траулер «Абрек»...

Когда военнопленного увели, Игнат Тимофеевич подошел к окну и отдернул штору. Хмурый свет заструился в комнату. До слуха донеслись мелодичные, как игра на ксилофоне, удары склянок с кораблей, стоящих на ветреном рейде.

Контр-адмирал проверил по ним свои ручные часы и, точно отвечая каким-то своим мыслям, тихо сказал про себя:

– Морская война будет не в Ла-Манше и не в Баб-эль-Мандебе, а здесь – у нас... Война жестокая и трудная!

Усталыми шагами он прошелся вдоль стены. Около отдельного стола в углу кабинета остановился. На столе лежала, разбитая на боевые квадраты, карта северного морского театра, и всюду – по голубому полю океана – были расставлены крохотные модели миноносцев, тральщиков, сторожевиков и «охотников».

Сайманов отыскал глазами модель «Аскольда», штормовавшего сейчас около Иоканьги, и вдруг вспомнил: «Рябинин!.. Ведь его сын вызван на сегодня к моему заместителю...»

Когда контр-адмирал вошел в кабинет начальника политотдела, Сережка Рябинин, строгий и немного побледневший, стоял возле стола по стойке «смирно». Капитан второго ранга Петров, держа рапорт молодого Рябинина перед собой, говорил:

– Служба на флоте – дело трудное.

– Трудное, – отвечал Сережка и, приветствуя вошедшего Сайманова, уверенно повторил: – Очень трудное. Я это уже знаю.

– От кого? От отца?

– И от отца тоже.

– Не укачиваешься?

– Нет.

Петров переглянулся с контр-адмиралом. Тот сел в кресло и, веселыми глазами оглядев юношу, вдруг спросил:

– Кто же, товарищ Рябинин, твой любимый герой?

– У меня их много.

– Ну, а все-таки?

И, загибая пальцы, юноша в ответ перечислил скороговоркой:

– Котовский, Лазо, Павлин Виноградов, Гастелло, Гарибальди, Георгий Седов, лейтенант Шмидт, матрос Железняк, Зоя Космодемьянская, Эрнст Тельман, вице-адмирал Дрозд, Феликс Дзержинский...

– Действительно много, – улыбнулся Сайманов. – Ну вот, например, чему ты учишься у Котовского?

– Смелости и находчивости.

– А у Георгия Седова? – спросил Петров.

– Вере в конечную цель.

– А у Дзержинского?

– Силе воли и преданности партии.

– Итак, – спросил начполит, – ты от каждого берешь что-то свое, наиболее характерное, и пытаешься перенести на себя?

– Да.

– Ведь ты еще очень молод, не успел закалить себя, а море требует сильных, мужественных людей.

– Знаю.

– Обожди! А если тебе придется ночами стоять на вахте, не имея даже возможности согреться, ты выдержишь?

– Выдержу.

– А если катер получит пробоину и тебе придется работать в воде по горло, ты выдержишь?

– Выдержу.

– А если противник засыплет вас осколками и пулями так, что нельзя будет даже поднять головы, ты выдержишь? – продолжал капитан второго ранга.

– Выдержу! – ответил Сережка.

Игнат Тимофеевич подошел к юноше, положил ему на плечи свои по-моряцки тяжелые руки.

– Выдержишь? – тихо переспросил он.

Сережка поднял на контр-адмирала глаза. Они были чистые и ясные, как у отца. В блестящих зрачках светилось море, море, море...

– Все равно выдержу, – сказал он. – Такая война идет, нельзя не выдержать.

И, отведя взгляд в сторону, он увидел, как Петров наложил на его рапорт резолюцию:

«Зачислить на должность ученика боцмана в команду гвардейского торпедного катера „Палешанин“.

Юность кончилась – наступало мужество.

Встречи

– Очень жаль, – сказал пастор, – что вам тогда не пришлось с ним встретиться. Но, к сожалению, я не мог оставить его в своем доме... А поговорить с лоцманом – можно, я это беру на себя...

Дельвик, ловко закуривая сигарету с помощью одной руки, ответил:

– Я буду очень благодарен вам, Руальд. Ваше положение священнослужителя, конечно, поможет вести этот разговор с дядюшкой Августом...

Пастор надел длинный черный плащ и с непокрытой головой вышел из церковного придела. Идя по улице, он при каждом шаге далеко выкидывал перед собой суковатую черную трость. Встречные прохожие кланялись ему еще издали, женщины и дети низко приседали перед ним в книксене: «Добрый день, господин пастор!»

На краю городка, где дороги расходились – одна тянулась вдоль берега, а другая шла в сторону каменоломен, – стоял одинокий, покосившийся набок дом. Вокруг него валялись выброшенные морем доски, круглые зеленые поплавки из дутого стекла, оторванные от сетей, старые ржавые якоря, обрывки тросов и даже вырезанная из мореного дуба фигура наяды от бушприта какого-то старинного парусника. Хозяин этой убогой хижины, дядюшка Август, последние годы жил тем, что собирал, где только можно, весь этот хлам и продавал его по дешевке местным жителям.

– Добрый день, пастор, – сказал старый норвежец, когда Кальдевин заглянул в открытую, несмотря на мороз, дверь его хибарки.

Лоцман сидел на круглом позвонке кита, заменявшем ему стул, и вырезал из корня вереска трубку, – дядюшка Август славился по всему побережью Варангер-фиорда не только как лоцман, но и как искусный резчик по дереву.

Когда пастор, абсолютно доверявший ему, рассказал о цели своего прихода, дядюшка Август стряхнул с колен мелкие стружки, воткнул нож в стену и молча вышел. Пастор, пригнувшись в низких дверях, вышел следом за ним, и старый норвежец подвел его к своей иоле, перевернутой кверху килем.

– Вот, – хмуро буркнул он, – у меня уже нет иолы. И парус забрали, и топор тоже...

Все днище иолы было прострочено очередями из автоматов и напоминало решето; рулевые петли выдернуты, форштевень изрублен в щепы.

– Это по приказу немецкого коменданта, – сказал дядюшка Август. – Он боится, чтобы мы не уплыли в Кольский залив, как это сделал осенью вместе со всей семьей Кристи Сандерс. А прошлой ночью три иолы – Тауло, Рольфсена и Веренскиольда – тоже ушли в море, чтобы пробраться к русским. Но их обстреляли еще около брандвахты. И вот после этого комендант велел сегодня утром изрубить все наши иолы...

Пастор присел на край лодки, пригладил растрепанные ветром длинные волосы. Чайки расхаживали у берега, по дороге мимо избушки пробежала, звякая колокольчиком, упряжка греческих мулов; сидевший в повозке егерь пел, и до Кальдевина долетели слова его песни: «На родину мы возвращаемся, в прекрасную швабскую землю...»

«Наверно, австриец», – подумал про солдата пастор и сказал:

– А все-таки, дядюшка Август, нам обязательно надо обшарить фиорды. Я согласен дать для этого церковную иолу – брандвахта знает ее и, думаю, пропустит в море...

Лоцман посмотрел вслед укатившей упряжке мулов, повертел в пальцах деревянную пуговицу своей истрепанной куртки.

– Говорят, – улыбнулся он, отчего лицо его вдруг помолодело, – в бухте Эрика, что южнее становища Хьюллефьур, дымит труба рурбодара. Хотя, – лоцман спрятал улыбку, и лицо его снова посуровело, – хотя, – многозначительно повторил он, – сейчас не сезон, и непонятно, кто там живет... Сегодня увидимся, пастор, можете готовить иолу!..

И, плотно ставя ноги, обутые в заплатанные боты, лоцман ушел в свою хибарку. А пастор встал, застегнул пальто и не спеша вернулся в кирку, где его ждал Дельвик.

– Лоцман согласен, – сказал Кальдевин, ставя трость в угол.

– Хорошо, пастор. К вечеру, когда стемнеет, мы отправляемся. От вас я прошу только анкерок пресной воды и два копченых палтуса: один – мне, другой – лоцману...

Вечером иола, на днище которой, завернувшись в сеть, лежал Дельвик, вышла под парусом из фиорда. С берегового поста брандвахты дали предупредительный выстрел, направив в борт иолы луч прожектора. Тогда дядюшка Август поднял на шесте церковную флюгарку, и прожектор сразу погас. Было видно, как немецкий солдат спрыгнул с наблюдательного мостика, скрылся в дверях поста.

– Пропустили, – облегченно вздохнул лоцман. – Ну, теперь пошли, херра Дельвик!..

Дельвик выбрался из сетей, сел на кормовую банку, подтянул шкоты.

– Куда?

– Сначала, – ответил лоцман, – вокруг Норд-Капа, прямо в бухту Эрика... Там почему-то не по сезону дымит рурбодар.

* * *

Никонов вместе с Белчо вернулись в свой рурбодар, проведя всю ночь в пути по горам и болотам. Они ходили устраивать засаду на центральное шоссе, ведущее в Петсамо, и обстреляли автоколонну. Помешали им темнота и эсэсовская охрана...

Усталые, двое друзей хотели подогреть для ужина мясные консервы. Никонов расшатывал зубами пули в патронах, чтобы добыть порох и развести огонь. Иржи нашел острый камень и не столько рубил, сколько ломал им на дрова тонкие деревья.

Никонов высыпал порох на приступку печи, вышел помочь товарищу. Иржи разогнул спину, хотел что-то сказать и внезапно застыл с камнем в руке: вдали, со стороны Хьюоллефьюра, шла норвежская иола под парусом. Друзья бросились в рурбодар, выбежали обратно, наспех заряжая автоматы, и быстро залегли за камнями.

– Хорошо, – сказал сержант, – что мы не успели затопить печь. Пусть думают, что здесь никого нет...

– Хорошо, хорошо, – тихо отозвался Иржи, пристраивая свой автомат для стрельбы.

Скоро иола подвалила к берегу, и с нее сошел пожилой рыбак в зюйдвестке. Он крикнул что-то по-норвежски другому человеку, оставшемуся сидеть в иоле, и, внимательно осматриваясь по сторонам, зашагал прямо к рурбодару.

– Не надо стрелять, – предупредил сержант своего друга и внезапно поднялся из-за укрытия.

Увидев Никонова в ватной фуфайке и с красной звездой на шапке, норвежец несколько не удивился и даже как будто обрадовался. Но когда из-за громадного валуна вышел Иржи Белчо в длинной немецкой шинели, старик испугался настолько, что трубка выпала у него изо рта на снег.

Но с иолы уже соскочил на берег другой норвежец – коренастый, в кожаной рыбацкой куртке; один рукав у него был пуст и заткнут за пояс. Никонов сразу вспомнил ночные улицы города, букву «V» на заборах – и сам пошел ему навстречу, повернув автомат дулом книзу и еще издали протягивая руку.

Вскоре в рурбодаре топилась печь, и все четверо сидели за столом, доедая копченую палтусину и консервы.

Разговор шел между ними большей частью на «руссмоле».

– Если мы решим создать организацию, – говорил Никонов, – то я не желал бы стоять во главе ее, как вы мне предлагаете. Я случайный гость на вашей земле, после войны сразу же вернусь в Россию, и будет лучше, если вы, господин Дельвик, сами возглавите нас...

– Я простой солдат Пятой королевской бригады, – скромно заметил Дельвик.

Однако с предложением Никонова все согласились.

– Теперь поговорим о самом главном, – сказал Никонов. – Заниматься специально созданием партизанского отряда, мне кажется, не стоит. Только свистни – люди придут сами. В горах главную роль играет не численность, а значимость одиночного бойца. Один человек,

засев с автоматом у входа в ущелье, может сдерживать натиск целого взвода и будет драться, пока хватит патронов.

Никонов вдруг вспомнил бухту Святой Магдалины, натиск егерей, обманчивое русло горной реки, заведшее его в тупик, – там-то у него как раз не хватило патронов. Но разве думал он тогда, оставшись один в чужой стране, что найдет себе друзей?

– Далее, – говорил он, – надо сейчас же выбрать для расположения отряда такой пункт, с которого мы бы могли быстро выходить на магистрали противника и рассредоточиться по ущельям...

– Не мешало бы, – добавил Дельвик, – сразу подумать и о том, чтобы в случае неожиданного нападения мы имели бы уже заранее подготовленные пути отхода... Дядюшка Август, ты хорошо знаешь весь Финмаркен и Тромс, что ты скажешь на это?..

Старый лоцман подумал и ответил:

– Я думаю, лучше старинного замка нам ничего не найти. Он стоит в стороне от дорог, немцы там никогда не бывают... Жаль, нет карты, а то бы я показал, где стоит этот замок. Ну, а если хотите – проведу. К вечеру мы как раз до него доберемся...

Когда в печи остались одни черные угли, все вышли из рурбодара, совместными усилиями вытащили на отмель июлу, чтобы ее не унесло в океан отливом, и пошли туда, куда их повел дядюшка Август.

* * *

Сложенный из громадных камней, многие из которых уже обрушились, образовав в стенах бреши, этот замок напоминал издали груды беспорядочно сваленных валунов и совершенно сливался с фоном окружавшей его местности.

Войдя внутрь, Никонов поразился множеству больших (сам замок казался меньше снаружи) зал и переходов. Узкие бойницы, сделанные в стенах, позволяли простреливать всю местность с юга, востока, севера и запада. Хорошо сохранились даже высокие очаги, над которыми еще висели проржавевшие железные вертела таких размеров, что на них можно было поддеть целого оленя сразу.

Здесь когда-то пировали буйные и независимые ватаги морских разбойников под предводительством седобородых, в рубцах и шрамах, викингов. Отсюда они совершали свои набеги, наводя ужас на обитателей древней страны Биармии, что лежала на берегах Гандвика – Залива Чудес, как звалось в те времена, до прихода новгородцев, Белое море.

Потом сержант осмотрел окрестности. Невдалеке протекал ручей, стремивший свой бег в обширную долину горной реки Карас-йокки. Этот ручей брал свое начало из толщи снегов ледника-глетчера. Глетчер, покрытый сверху толстым слоем фирна, тянулся на несколько миль к югу. Ущелье, в котором он лежал, было хорошей дорогой на случай вынужденного отступления. Оно вело прямо в глубь страны, на просторы широкого плоскогорья, где легко можно было скрыться от врага.

Через несколько дней, когда Никонов, Белчо и Дельвик (дядюшка Август вернулся в город) освоились с новым местом, они решили совершить ночной налет на склад немецкого гарнизона в одном горнорабочем поселке, чтобы запастись провиантом, оружием и боевыми припасами.

Это первое маленькое сражение, выигранное ими, сослужило в дальнейшем хорошую службу. Весть о появлении в Финмаркене партизан облетела всю провинцию, разнеслась по самым отдаленным становищам, проникла в глубокие шахты никелевых рудников, дошла до нищих лопарских вежей.

– Это хорошо, – сказал Дельвик, – скоро к нам придет пополнение.

И действительно, дядюшка Август, державший связь отряда с пастором Кальдевином, скоро привел в лагерь маленького сутулого лапландца Хатанзея. Прошлой осенью пьяный вдребезги туземный князь Мурд, готовый продать немцам за водку что угодно, объезжал со взводом маннергеймовцев тундровые кочевья – отбирал оленей. Маленькое стадо олешков было единственным богатством Хатанзея: в олених шкуры одевал он свою семью, из олених

шкур строил свою убогую вежу. Не стало олешков – не стало жизни: умерли дети, замерзла во время бурана жена, и остался Хатанзей один со своим горем.

Вторым пришел в отряд убежавший с принудительных работ актер нарвикского театра Рудди Нильс Осквик. Высокий, непомерно худой, с замотанной рваным шарфом шеей, он остановился перед Никоновым и, подняв жесткий кулак, сказал:

– Рот фронт!

Оказалось, что Осквик сражался когда-то в рядах Интернациональной бригады против франкистских мятежников, был дважды ранен, полгода просидел за колючей проволокой, когда в Норвегию пришли нацисты.

– Коммунист? – спросил его Никонов.

– Нет. До тридцать пятого года состоял в левом крыле либеральной партии «венстре», потом уехал в Испанию и был исключен. Я актер, а не политик...

Теперь их было пять человек, шестой – пастор Кальдевин, седьмой – дядюшка Август. Но не прошло и недели, как в отряде появились новые люди. По каким-то тайным приметам они находили партизанский лагерь и шли к нему, чтобы в первом же бою добыть оружие и сражаться с фашизмом.

Отряд становился известен.

* * *

Клубятся над тундрами Похйолы осатанелые ветры, ветры... Метут над Похйолой снега, снега...

И, задыхаясь от этих ветров, проваливаясь в этих снегах, идет по безлюдной пустыне одинокая женщина. Мерзлые обледенелые шелка свистят и грохочут. Еще один день – и вот уже лохмотья висят на женщине, вместо обуви – рваные ошметки. Да, цепок тундровый коцкарник, да, острые вековечные камни!

Иногда, подвывая, бегут за ней следом зеленые огоньки – это глаза волков; в руке женщины экономно (лишь единожды) грохает фиолетовый язычок, и потом слышно, как дерется голодная свора над раненым своим товарищем.

А женщина все идет и идет, она боится сесть, с ужасом думает, что можно лечь. Нет, нет, что угодно, только не это: упоительно сладок сон под раскачку летящих снегов, но...

Чу! Тише, ветры... не мешайте слушать!

Да, это лай собак, это жилье человека, это брызги костра, это отдых... В дымной лопарской веже старая бабка оттирает ей ноги, хозяин режет на мелкие куски оленье сало. Но женщина уже спит. Она спит день и второй, от нее пышет жаром, как от костра. Она мечется на засаленных вшивых шкурах, рыдает во сне, кого-то зовет...

– И-и-и-и, – тихо скулит бабушка, – совсем плохо. Убить ее надо, а то все мы умрем...

Берет хозяин веревку, вяжет петлю, поет песню. И слушает его бабушка и радуется, что умеет ее внук петь хорошие песни. «А вот я вью, я вью петлю, – поет лопарь, – петлю для болезни. Надоело болезни жить в большом городе, где не видно даже неба от натянутых проволок, и пришла болезнь ко мне в чум, чтобы уморить мою семью. Притворилась болезнь бедной красивой женщиной, но у меня умная бабушка, она сразу догадалась, что это не женщина, а болезнь пришла в мой чум...»

Когда накинули петлю и стали душить женщину, она рванула из-под лохмотьев пистолет, яростно прохрипела:

– Отпусти... убью... Что вы делаете со мной?

Бросили веревку, и вся семья стала кланяться женщине. Она поднялась с лежанки, сказала:

– Сколько оленей есть – всех запрягай, мне в Кирке-нес надо... Быстро запрягай!

Боялся лопарь ехать, но поехал. А женщина лежала в узкой долбленной кережке, что скользила по снегу, и долго молчала. Когда показались огни города, она перехватила хорей из рук хозяина, остановила оленей.

– Поезжай обратно, дурак! – сказала она и ушла в сторону города, шатаясь под ветром, проваливаясь в снег.

Церковные колокола гудели в ночной темноте, плыли над тундрой загробные перезвоны, и видел лопарь, что женщина не пошла в город. Обочиной дороги побрела куда-то в сторону. Шли по шоссе немецкие солдаты, окликнули.

А женщина все дальше уходила в темь. Тогда солдаты стали смеяться и стрелять. Лопарю сделалось страшно, и он уехал на своих олешках в сердце Похйолы, и только ветер догонял его и доносил далекие выстрелы.

«Солдаты тоже болезни боятся», – думал лопарь...

* * *

Великий пост подходил к концу – приближался «день покаяния». На время церковного праздника немецкий комендант разрешил брать на складе дрова для отопления кирпичи, и число молящихся быстро возросло. Руальд Кальдевин устал за эти дни постоянных богослужений, охрип от длительных проповедей. Посматривая в сторону фиорда, он даже радовался, что на рейде стоят только миноносцы, и, следовательно, ему не надо вести службу еще и на кораблях.

Но однажды на рассвете к причалам города подошло старое обледенелое судно. На его мачте болталась какая-то грязная тряпка, и определить национальность судна было почти невозможно. Но даже прочитав на его борту название, любой оставался в недоумении, потому что экипаж «Викинга» (таково было имя судна) разговаривал на разных языках. Тишину полярного фиорда разбудили выкрики матросов; полилась, приглушаемая немецкими командами, певучая речь итальянца, эхом отозвалась в горах резкая и мужественная речь русского, твердо раскатывался норвежский говор. Это вернулась из плавания к далекому острову угольная мотобаржа, команду которой составляли каторжные матросы. И, проснувшись, пастор пошел к коменданту, чтобы договориться об устройстве службы для лютеран «Викинга».

Их было в команде угольщика восемнадцать – больше всего норвежцев. Но явились на богослужение только тринадцать; остальные пять матросов-лютеран были посланы на работу в машину – менять расплавившиеся подшипники, как объяснил немецкий шкипер. В кубрике, где шла служба, было душно и сумрачно. На железных нарах лежали католики и неверующие. Кальдевин не стал гнать их на палубу, и они, свесив вниз головы, с любопытством прислушивались к чтению проповеди.

Проницательным глазом окинув молящихся, пастор привычно определил, что молятся искренне здесь только три-четыре человека, не больше. И особенно истово – вон тот странный каторжник в потрепанном штурманском кителе, чем он резко отличался от своих собратьев, одетых в лохмотья. «Где-то я его видел, – думал Кальдевин, наизусть читая отрывки из „Символа веры“, – но где?.. Он мне даже кого-то напоминает... Кого?..»

В разгар проповеди в люк спустился немецкий унтер-офицер, прикрикнул:

– Поскорее исповедуйтесь, пора вставать под угольную разгрузку... Штурман, вы слышали?

– Слышу, – ответил каторжник в кителе и записался на исповедь вторым. Впрочем, он оказался и последним: напрасно пастор предлагал очиститься покаянием, каторжники, проглотив причастие, улыбнулись, а из угла кто-то крикнул:

– Мы – безгрешные, нам и так рай уготован!

В тесной каютке пастор исповедовал первого – старого хилого датчанина, служившего кочегаром, который признался, что, мучимый голодом, украл у своего соседа по койке кусок хлеба.

– Тяжкий грех, тяжкий, – брезгливо сказал пастор, испытывая желание убрать свою руку с головы покаявшегося; видя, что датчанин хочет сказать что-то еще, но мнетя, он добавил строго: – Не таись, выскажи все, что гнетет тебя...

– В подшипник железных опилок насыпал, он и расплавился... Только не виноват, не виноват, – поспешно запричитал старик, дрожа всем телом, – заставили меня!..

– Не кричи, – сказал пастор. – Кто мог тебя заставить? Ну, что же молчишь? Выходит, ты сам?..

– Не я, не я... Меня убьют, господин пастор, если узнают.

– Церковь, – твердым голосом сказал Кальдевин, – гарантирует сохранение тайны исповеди...

– Боюсь, – после долгого молчания сознался датчанин, – боюсь...

– Страх в тебе сильнее желания искупить грехи... Иди! – разрешил пастор, но кочегар не встал с колен, лишь спина его согнулась еще больше.

– Штурман, – наконец тихо сказал он, – Оскар Арчер, а не я...

– Иди, иди, – испуганно сказал Кальдевин, – не хочу тебя слушать и грехов не отпускаю... Встань и уходи!..

В каюту вошел штурман.

– Закройте дверь плотнее, – предупредил его пастор. – Встаньте вот сюда...

Оскар Арчер опустился на колени.

– Мучаюсь одним, – начал он, и голос его задрожал; он густо откашлялся, повторил сурово: – Одним только мучаюсь... Сестру жестоко обидел, невиновна она...

– А где ваша сестра сейчас?

– Последний раз я встретил ее в Осло, – ответил штурман, – и, видно, уже не встречу... Вы норвежец, пастор? – неожиданно спросил он.

– Да, уроженец Финмаркена.

– Я не про то. Вы норвежец или... «пепперман»?

– Я понял вас, – ответил Кальдевин. – И в доказательство того, что я честный норвежец, – видите? – я целую крест.

– Вас могут услышать, пастор.

– Дверь закрыта.

– Но труба вентиляции передает все в другие отсеки. Вы можете говорить со мной по-английски?

– Да. Целуйте крест тоже. Я знаю, кто расплавил подшипники...

– У вас дрожит рука, пастор, словно не я, а вы сыпали опилки в смазку.

– Я ее снимаю, пусть она не дрожит. Встаньте.

– Русская армия наступает. Вам будет плохо, пастор, если...

– Мне не может быть плохо, – обрезал его Кальдевин. – Я сам жду эту армию. Мы – норвежцы и должны верить друг другу.

– Я вам верю, пастор.

– Я тоже верю, херра Арчер. И вот сейчас спрашиваю: вы не знаете товарища Улаву?

– Нет. Впервые слышу.

– А как зовут вашу сестру?

– Астри...

– Что передать ей, если мы увидимся?

– Не надо шутить, пастор! Я уже сказал, что русская армия наступает...

– Вы могли бы встретиться со своей сестрой до того, как придет Красная Армия.

– Где?.. В камере гестапо?

– Вы мне все-таки не верите.

– Я не верю в чудеса. Всего лишь неделю назад я своими глазами прочел, что участие моей сестры в покушении на рейхскомиссара Ровен доказано...

– Хорошо, оставим этот разговор. Объясните тогда, в чем вы хотели мне исповедоваться?

– В том, что я виноват перед сестрой...

– Виноваты? В чем?

– Сейчас мне уже не хочется говорить об этом... До свидания, пастор! Если вы действительно увидите мою сестру, то скажите ей, чтобы она меня простила. А за что – она знает. Прощайте!..

Глубокой ночью кто-то стал дергать дверное кольцо в приделе храма. Пастор, напуганный и взволнованный, открыл дверь, и сразу же прямо на руки ему упала с улицы женщина. Он поднял ее по лестнице в свою комнату, уложил на диван, зажег свечи.

Всмотрелся в черное, обожженное ветрами лицо, узнал:

– Фрекен Астри? О святая Бригитта, что с вами?..

– Здесь... никого нет? – спросила женщина.

– Мы абсолютно одни.

– Очень хорошо. Я бежала из Осло из-под ареста. После того как было взорвано нами гестапо. Дельвик велел мне в случае провала искать его через вас... Все! Спать...

Утром пастор пришел к дядюшке Августу, сказал:

– Идите, отец мой, в отряд, передайте Никонову и Дельвику, что товарищ Улава находится в моем доме... А что угольщик «Викинг» разве уже ушел в море? – спросил он.

– На рассвете, херра Кальдевин, на рассвете.

– Жаль, – сказал пастор и, купив по дороге козьего молока, отправился домой.

Глава шестая

Ученик боцмана

Корабельные приборы издают какие-то особые, специфические запахи. Откроешь такую коробку, тебя даже ужас невольный охватит – мать моя дорогая, да тут, кажется, сам изобретатель не разберется: цветные жилки проводов, лампочки, аккуратные пакетики конденсаторов, красненькие ампулы предохранителей. И от всего этого исходит аромат точной военно-морской техники!

Боцман закрыл прибор крышкой, задраил его на «барашки».

– Это тебе еще рано, сынок, – сказал он Сережке. – Лейтенант потом тебе объяснит схему. В электротехнике-то немного кумекаешь? Ну вот... А сейчас давай бери ветошь, протри пулеметы. Заодно я тебе взаимодействие частей растолкую. Перво-наперво пулемет изучи!

Через несколько дней, когда катер совершал переход из одной базы в другую, вдалеке заметили нырявшую на волнах лысую и жирную мину. Никольский вызвал Сережку наверх и велел расстрелять ее.

– Я поведу катер на крутой циркуляции, – сказал он, – турельными педалями следи за разворотом и шпарь из двух стволов! Бей немного под низ, чтобы пули не рикошетили, а раскололи эту ведьму...

Сережка приноровился, тяжесть пулеметных наплечников казалась ему приятной. Торпедный катер, кренясь и задевая палубой волны, ложился в боевом развороте. Прыгая кверху своими смертельными острыми рожками, словно собираясь уколоть кого-то, мина качалась на дистанции примерно двух кабельтовых. Это было недалеко, и Сережка понял, что Никольский нарочно проверяет его глазомер и точность.

– Можно? – спросил он.

– Руби!..

От страшного грохота и тряски сам собою раскрылся рот. Мина подпрыгнула еще несколько раз и куда-то исчезла. Сережка в удивлении воззрился на Глеба Павловича.

– Вылезай из турели, – сердито сказал боцман.

Сережка чуть не заплакал: ему показалось, что им очень недовольны и передоверяют эту задачу боцману катера Тарасу Непомнящему.

– Ну, чего скучился? – засмеялся лейтенант. – Ты же задачу выполнил. И выполнил хорошо.

– А где же... взрыв? – спросил Сережка.

– А взрыва и не будет. Пули раскололи корпус, и мина, заполнившись водой, просто затонула...

– А-а-а, – довольно протянул Сережка и подумал: «Здорово! Наверное, во мне что-то есть... такое!»

Потом Никольский сказал:

– Вставай к рулю. Пользуйся случаем. Ты ведь – ученик боцмана, а по расписанию боцман торпедного катера должен уметь заменять командира. Учись водить катер...

Мечта Сережки осуществлялась, и каждое дело становилось для него праздником. В раннем детстве он не ждал от матери новогодней елки с такой страстью, как этого чудесного момента – коснуться святая святых корабля, его управления.

– Ну хватит, – сказал Никольский, когда надо было уже входить в базу. – Тебе, я вижу, так сладко это занятие, что ты, наверное, под конец даже облизнешься!..

Во время стоянки матросы на катерах не жили, а селились на берегу в бараке, который, естественно, называли «кубриком». Внутри барак выглядел настоящим моряцким жильем, уютным и опрятным. Сережке была отведена койка возле окна, рядом с койкой стояла тумбочка (одна на двоих). Молодой Рябинин проявлял к этой тумбочке какую-то трогательную заботу, похожую на любовь. В самом начале самостоятельной жизни всегда приятно иметь свой угол. И он аккуратно разложил по полочкам мыло, зубную щетку, кисет с сахаром и сборник рассказов Джека Лондона, которые очень любил читать вслух, для чего уходил – подальше от людского взора – куда-нибудь в глушь приморских сопок. Правда, койка иногда здорово досаждала Сережке тем, что ее требовалось заправлять по какому-то особому фасону, изобретенному от берегового безделья комендантом барачников.

– Ты што же это мне, а? – спрашивал комендант Сережку, останавливаясь перед его постелью. – Опять на свой манер стелешь? Говорил я тебе, штобы рушник на два пальца от подушки лежал. Говорил или не говорил?

– Говорили, – соглашался Сережка.

– Так это как же понять? Упрямство твое, да?

Вечерами матросы брали Сережку с собой в Дом флота на танцы. Матросы танцевали с девушками, а он стоял у стенки и скучал. Иногда ходили в кино, что было уже интереснее танцев, или убегали далеко в горы на лыжах.

Подражая старшим матросам, Сережка вшил в брюки громадные клинья, чтобы в роскошном клеше походить на бывалого «маримана», но комендант поймал его как-то, велел поставить ногу на камень и бритвой распустил клинья от колен до самых ботинок.

– Ты сопляк ишо! – сказал ему комендант.

Однажды после обеда матросы сели забивать «козла», а Сережка пристроился около них с акварельными красками и, высунув язык, разрисовывал стенную газету «Торпеда № 14». Надо было изобразить летящий в пене катер, тонущих врагов и страшные взрывы. Краски употреблялись по возможности мрачных тонов, чтобы картина получилась более впечатляющей.

– Эй ты, Илья Ефимыч! – окликнули его. – Иди к лейтенанту, он тебя вызывает зачем-то...

Никольский сказал:

– Оденься на поход. Будь при мне. Сейчас, наверное, будем сниматься. Из штаба звонили. Говорят, немцы большой караван перегоняют в Петсамо...

Скоро было получено «добро» на выход, и Сережка первым добежал до столба, схватил висевшую на нем кувалду, ударил в ржавый железный рельс:

– Тревога! Тревога! Тревога!..

Моторы уже работали, сотрясая катер непрерывной лихорадочной дрожью. Тонкая антенна пригибалась на ветру к самой палубе. Лейтенант Никольский, натягивая шлем, втиснулся в узкую рубку.

– Рябинин, – скомандовал он, – отдать швартовы.

– Есть!

И стальные тросы плюхнулись в воду. Катер вылетел на середину гавани, окутался водяной пеной и, раскачав позади себя корабли, рванул на простор океана.

Взяв курс на Варангер-фиорд, Никольский приказал выжать из моторов предельную скорость. От стремительного хода «Палешанин» дрожал так, что на палубе нельзя было стоять, не напрягая всех мышц. Воздух несся на катер плотной стеной, казалось, что ее не сможет пробить даже снаряд. Водяные «усы» со свистом ложились по бортам, и за кормой нескончаемой полосой тянулся след взбудораженной винтами воды.

Радист высунулся на палубу, прокричал:

– Слышу!.. Катера уже начали атаку... Сильный конвой! У наших много раненых...

– Еще оборотов, – передал Никольский в моторный отсек и вытянул из рубки свою руку, показывая на часы: – Штабные хотят, чтобы мы долбанули транспорт «Девушка Энни». Это запас зимней одежды для егерей... Я думаю – успеем!

Вскоре из туманной мглы показался торпедный катер. На его развороченной, обгорелой палубе лежал мертвый матрос; какой-то окровавленный человек в офицерской фуражке почти повис на штурвале; а из моторного отсека тянулся дымок недавно потушенного пожара.

Сережка взгляделся в лицо офицера, стоящего за штурвалом, и узнал лейтенанта Хмельнова.

– Глебушка, – с натугой крикнул Хмельнов, застопорив свой катер, – миноносец и самоходная баржа! Поздравь!..

Потом катера снова разошлись в разные стороны. Никольский повернулся к боцману, сидевшему в поворотной турели возле пулемета.

– Сейчас подойдем! – крикнул он. – Следи за «Девушкой Энни»... Высокий спардек, труба по центру, две мачты... Рябинин, держись крепче, а то, смотри, тебя за борт смоем. Спасать будет некогда!..

– Я держусь, – ответил Сережка.

Вцепившись в обледенелый леер, он беспокойно всматривался в затуманенную даль. Сейчас он впервые в жизни увидит корабли врага; впервые в жизни идет в бой, в настоящий бой!..

– Вижу! – крикнул он, заметив на горизонте маленькие черные точки, и вытянул вперед руку, указывая лейтенанту место противника.

– Добро! – отозвался Никольский. – Я тоже вижу...

Моторы взревели громче. Прячась под тенью высокого скалистого берега, катер незамеченным пролетел расстояние в три мили. Караван был уже наполовину разгромлен, но бой еще продолжался.

Немецкие транспорты пытались прорваться к фиорду, жалобно стонали сирены. Над местом гибели кораблей кружились «морские охотники», подбирая плавающих людей. Миноносцы с громадными белыми номерами на оливковых бортах вели беглый огонь из главного калибра. Один катер – «Помор» – без движения застыл на поверхности моря с разбитыми моторами, а другой...

– Не туда глядишь! Берегись...

Начиненная крупнокалиберными патронами лента, которую Сережка держал наготове для стрельбы, вдруг побежала в его руках, царапая рукавицы, – это боцман открыл огонь из пулемета. И только тут юноша заметил, что «Палешанин» идет напролом, в самую гущу каравана.

Звонки вдруг прозвенели три раза:

– Атака! Атака! Атака!..

Немецкий «охотник», расталкивая форштевнем плавающих в воде гитлеровцев, бросился наперерез торпедному катеру.

– Ну, теперь держись, сынок! – сказал Тарас Григорьевич и, припав к прицелу, выпустил короткую очередь по стеклам боевой рубки «охотника».

Направляя в пулемет тяжелую зубастую ленту, Сережка видел, как стремительно приближается транспорт «Девушка Энни». Расчет Никольского был дерзок: ворвавшись в самую гущу боя, он отвлек на себя внимание конвоя, давая передышку остальным катерам.

Огонь миноносца сразу расчленился, и перед «Палешанином» выросла целая стена высоких водяных каскадов. Воздух дрожал и гудел, вибрируя от сотен взрывов. Сережка пошире расставил ноги, чтобы не быть сброшенным за борт от сильных ударов.

– Диски! – крикнул боцман. – Подавай...

Пустые полетели за борт. Свежие, коротко щелкнув, уже зарядили пулеметы. Дзынь! – ударило что-то в боковину турели, и рваный кусок металла упал к ногам Сережки.

– Видишь? – снова крикнул боцман. – Спардек высокий, дымит сильно, из пушки шпарит... Это та самая «Девка»!

«Ух... вушщ... тррр... сссс... крах», – звуки, самые непонятные и страшные, сплетались в один сплошной грохот и вой, из которого выбивался голос Никольского:

– Бросаю торпеды! То-о-овсь...

Катер, казалось, уже вышел из воды и теперь летел над морем, как самолет, едва задевая реданом гребешки волн.

В густом дожде косых брызг юноша на мгновение увидел бледное, с большими глазами, лицо лейтенанта. Одна рука Никольского по-прежнему лежала на штурвале, другая – вцепилась в рычаг торпедного залпа.

На палубе «Девуцы Энни» сновали матросы, растаскивая из кранцев спасательные пояса. Транспорт непрерывно гудел, выбрасывая в небо вертикальную струю пара, а на баке гулко ахала пятидюймовка.

Никольский рванул рычаг на себя – длинное серебристое тело торпеды мелькнуло перед Сережкой, плюхнулось в воду, и пузыристый след от ее хода потянулся к немецкому транспорту. А катер, кидаясь из стороны в сторону, уже несясь обратно, немного накренившись на левый борт, – правый облегченно вздрагивал, сбросив свой смертоносный груз.

Ни боцман, ни командир не оборачивались назад, чтобы проверить направление выпущенной торпеды. Все делалось без единого слова... Раздался взрыв. Когда же юноша посмотрел назад, то транспорт уже тонул, задирая корму, под которой продолжали вращаться винты...

Немецкий сторожевик вышел из строя, направляясь прямо на поврежденный советский катер. Он шел на полной скорости, чтобы смять и рассечь его ударом форштевня.

Но Никольский, круто развернув «Палешанина», крикнул:

– Рябинин, живо на корму, две шашки!..

Едва только Сережка оторвался от турели и сделал один шаг, как напор ветра сразу же бросил его на палубу. Обхватив корпус левой торпеды, он с трудом добрался до кормы.

Увидев немецкий сторожевик почти совсем рядом, юноша разбил капсуль дымовой шашки. Язычок пламени обжег руку, и в то же мгновение густой жирный дым молочно-белого цвета потянулся за кормой катера, повисая над морем длинным облаком.

Сторожевик не рискнул прорвать эту дымовую полосу, за которой укрылись советские катера, но прошел где-то совсем близко – Сережка даже явственно услышал перестукивание его дизелей и уловил команду на чужом языке...

Экипаж поврежденного «Помора» уже был снят подоспевшим на выручку «Алтайским учителем», который около часа вел страшную игру с немецкими орудиями. Сережка видел, как командир «Алтайца», убедившись в том, что катер спасти невозможно, выстрелил из пистолета в бензобак – «Помор» ярким факелом запылал на поверхности моря.

Никольский крикнул в мегафон:

– Эй, на «Алтайце»! Возвращайтесь на базу. У меня еще торпеда!..

Скоро остатки разгромленного каравана пропали из виду, и перед катером широко раскинулось родное Студеное море. Повернувшись спиной к ветру, Сережка жадно вдыхал солоноватый воздух и улыбался.

«Вот, – думал он, – и я побывал в бою, а мне совсем не было страшно». Он сказал об этом боцману, и тот, обтирая пулемет тряпкой, которая дымилась от прикосновения к раскаленному дулу, рассмеялся:

– Просто тебе, сынок, было некогда!

Слышавший их разговор Никольский повернул к Сергею по-прежнему бледное, без единой кровинки лицо и – благо моторы работали не на полную мощность – тихо сказал:

– Запомни: бесстрашие у нас не только проявление духовных качеств, а профессия. Вот так-то, Рябинин!..

Он посмотрел на компас, стрелка которого дрожала под стеклом, и спокойно добавил:

– Боцман, займи мое место за штурвалом. Я, кажется, ранен...

«Герои Крита и Нарвика»

Последние дни были полны событий, которые так или иначе коснулись ефрейтора Пауля Нишеца.

Тринадцатый взвод, в котором он командовал самым разболтанным отделением, и рота финских солдат под командованием лейтенанта Рикко Суттинена занимали позиции рядом. Между егерями и маннергеймовцами существовала давняя непримиримая вражда, подогреваемая различием в продовольственном снабжении двух союзных армий.

Несмотря на эту вражду, Пауль Нишец быстро сдружился с финским капралом Теппо Ориккайненом. Капрал был молчаливым медвежесатым человеком с рыжим веснушчатым лицом; на его громадных руках еще не стерлись глубокие батрацкие мозоли. Он говорил всегда медленно и глухо, с трудом подбирая немецкие слова, и разговор между ними часто прерывался длительными паузами.

Основное, что связывало их дружбу, – это спирт, который Нишец мог доставать относительно свободно. Укрывшись где-нибудь от глаз «собаки Суттинена», как звал капрал своего командира, они выпивали принесенную Нишецем порцию.

Нишец нарочно пил меньше, стараясь напоить капрала, чтобы тот разговорился. Но Ориккайнен умел молчать подолгу. И только один раз он высказал ефрейтору самое наболевшее.

– Собака Суттинен! – сказал он. – Я семь лет батрачил на его вырубках «Вяррио», пришел в армию – он снова стоит надо мной. Хотел бы я вырубить этот проклятый лес дочиста, чтобы в моей Суоми передохли все лесные бароны...

Однажды, раздобыв полкотелка спирта, ефрейтор зашел за своим другом в финскую землянку. Капрала не было – куда-то вышел. Нишец решил его обождать и присел на нары. Солдаты рубили топором какой-то толстый лист фанеры, и по тому, как отскакивали от топора ровные квадратные пластинки, ефрейтор догадался, что это не фанера, а галеты. Финны мочили эти галеты в кипятке, с хрустом разгрызали их зубами.

В землянке царило зловещее молчание, какое бывает всегда среди голодных людей, когда они едят и заранее знают, что все равно не наедятся...

Нишец имел неосторожность сказать:

– Плохо вас кормит маршал Маннергейм!

Из угла злобно ответили:

– А тебя Гитлер лучше?

– Все-таки не так. Нам сегодня утром выдали хлеб, каждому по две сардинки и кофе.

– Может, не наелся? – спросили его. – Может, нашей жратвы попробуешь?

Какой-то солдат в лыжном костюме грубо сунул в рот Нишецу огрызок галеты. В землянке засмеялись.

– Ты поосторожней! – сказал ефрейтор, берясь за рукоятку тесака.

Солдат выдернул из ножен финский нож.

– А ну! – почти весело сказал он. – Может, смерим, у кого длиннее?..

– Олави! – закричали со всех сторон. – Воткни ему свой пуукко в глотку, пусть закусит после сардинок!

Нишец поднялся с нар, задохнулся от гнева:

– Вы... мясники! Германия спасает вас от красных, а вы... вы героя Крита и Нарвика хотите резать?! Жрите фанеру и – жрите!..

Кончилось все это тем, что, избитый и окровавленный, в разорванной шинели, Пауль Нишец едва дополз до землянки тринадцатого взвода. Финнов словно прорвало! На нем они

выместили свою затаенную злобу: и за галеты, и за то, что голодали в тылу их семьи, обобранные немцами, и за то, что в «домах отдыха» для егерей служили финские женщины...

Ефрейтор Вилли Брамайер, командир второго отделения, науськал своих егерей пойти к финнам и отомстить за Нищеца. Вскоре разгорелась настоящая драка между финскими и немецкими солдатами. Финны сняли с поясов ремни с тяжелыми бляхами и так вздули «героев Крита и Нарвика», что те сразу попрятались по землянкам. Офицеры стали выискивать виновных и обвинили в первую голову Нищеца и того финна, которого звали Олави.

Но сидеть в промерзлой яме, заменяющей фронтовой карцер, им не пришлось вместе. Свыше был получен приказ: финскую роту лейтенанта Суттинена, как зарекомендовавшую себя враждебно по отношению к своим союзникам – немцам, срочно перебросить южнее – в район действий финской армии.

В придачу к кружке кипятку ефрейтор ежедневно получал по три квадратика финских галет вместо хлеба.

«Ну и ну! – думал он на второй день, когда от этих галет у него заболели челюсти. – Дернул же меня черт сказать им тогда про сардины! От такой фанеры не то что побьешь кого-нибудь, но и совсем взбеситься можно...»

На третий день, к вечеру, когда приближался конец его отсидки в карцере, Пауль Нищец совсем закоченел. Он прыгал, размахивая руками, прятал ладони за пазуху, но согреться не мог. «Хоть бы поскорее пришел лейтенант Вульцегубер», – тоскливо думал он, прислушиваясь к шагам наверху.

Командир батальона обер-лейтенант Вульцегубер пришел нескоро. Когда он открыл замок и выпустил ефрейтора из карцера, была уже глухая ночь.

– Пока вы отбывали арест, – сердито сказал офицер, – в вашем взводе случилась страшная неприятность. Фельдфебель Каппель сошел с ума...

– Ай-яй, – запечалился Нищец, – кто бы мог подумать! Ведь он был такой хитрый шулер. С минуту шагали молча.

– А вашего солдата Лангбенау убил русский снайпер. Выстрелом через окно. Когда он бился...

– Лангбенау был чистоплюй, – заметил Нищец. – Если бы не стал бриться, то и не подлез бы под пулю. Что касается меня, то я привык бриться один раз в неделю...

* * *

– Ну что, председатель? Екает у тебя селезенка? Это тебе, брат, не рыбу ловить...

Бывший председатель рыболовецкого колхоза «Северная заря» лежал в глубоком сугробе рядом с лейтенантом Ярцевым. Левашев был мобилизован вскоре после встречи с Рябининой, когда она ездила осматривать шхуну; это была его первая разведка, и боец волновался.

Ярцев тихо сказал:

– Вот что, Левашев: «языка» так и так доставать надо. Ты останешься здесь, а я пойду вперед...

Запахнув полы маскировочного халата, лейтенант встал и пошел по тропинке. Лунный свет, косо падавший из-за гребня высокой сопки, накладывал на снег длинные тени. Около одной немецкой землянки Ярцев остановился, немного подумал и толкнул дверь. Несколько гитлеровцев, замотав головы, как старухи, в дамские шали, сидели возле лампы, играли в карты.

– Ну, чего встал! – огрызнулся один егерь, подозрительно оглядев стоявшего на пороге человека в белом одеянии. – Или входи, или закрой дверь, а то дует...

«Девять человек, – быстро подсчитал Ярцев и, заметив на коленях у немцев заряженные автоматы, закрыл дверь. – Пожалуй, одному не справиться, – думал он. – Вот бы сержанта Никонова сюда... Тот любил грохот!..»

Лейтенант прислушался: откуда-то доносились музыка и пение: наверное, егеря заводили патефон. Но других землянок не было видно – все они, глубоко занесенные снегом, походили в темноте на большие сугробы.

У встречного солдата он спросил:

– В каком это взводе опять веселятся?

Егерь махнул рукой куда-то вправо:

– А это, как всегда, в тринадцатом взводе.

Лейтенант уже хотел скрутить гитлеровца, но в этот момент где-то хлопнула дверь, и егерь в одном мундирчике побежал к видневшейся невдалеке будке уборной. «Надо же было ему сейчас хватиться», – выругался в душе Ярцев и весело сказал:

– Да, тринадцатый взвод весельем славится. Там всегда балаган, только ярмарки не хватает!

– Верно, – рассмеялся егерь и пошел своим путем.

«Ну ладно, иди, – подумал Ярцев, – тебе, брат, повезло».

В конце тропинки показались две фигуры в шинелях. Один гитлеровец с погонами офицера говорил что-то. До слуха лейтенанта донесся обрывок фразы:

– ...И зачем вам надо было, ефрейтор, ввязываться в эту драку с финнами?

План созрел в голове Ярцева мгновенно. Он подошел к офицеру и, вскинув руку к виску, сказал:

– Господин обер-лейтенант, около спуска к реке мной замечен один подозрительный человек – по-видимому, русский разведчик или перебежчик.

– Почему вы его не задержали? – спросил Вульцегубер.

– При мне нет оружия, – ответил Ярцев, нащупав под балахоном ледяное дуло автомата.

– Пойдемте, – отрывисто приказал офицер. – А вы, Нищец, тоже идите с нами...

Шагах в сорока от того сугроба, за которым лежал Левашев, лейтенант сшиб командира батальона с ног, выхватил из-под балахона автомат, ударил им ефрейтора. Тот свалился тоже. В руке офицера блеснул парабеллум. Ярцев кошкой прыгнул к нему, схватил за руку. Выстрел грянул мимо уха, в пустоту. Быстро обернувшись, Ярцев увидел, что немецкий ефрейтор улепetyвает по тропинке.

– Стреляй! – крикнул лейтенант Левашеву. – Все равно шум поднимется.

Солдат выпустил вслед удирающему гитлеровцу короткую очередь с колена. Ефрейтор упал, снова побежал.

– Черт с ним! – сказал Ярцев, заламывая руки гитлеровского офицера за спину. – Несем этого!..

В неверном свете ракет, выпущенных немцами, они спустились к реке, с грозным ревом бежавшей к океану. С одного берега на другой был перекинут старинный семужий закол. По верхушкам бревен, едва торчавшим над вспененной водой, они прошли сами и провели пленного.

Вульцегубер всю дорогу хмуро молчал и только на пути к штабу спросил:

– Вы когда-нибудь жили в Берлине?

– Нет, – ответил Ярцев, – я все время жил в Новгороде.

– Но у вас чисто столичный выговор.

– Неужели? – удивился Ярцев и рассмеялся.

А Левашев еще долго не мог успокоиться. Даже укладываясь спать, он продолжал переживать случившееся:

– Вижу, идете спокойно так. Думаю: что за черт? А рядом немцы... И как это вам удалось?

– Как да как! – пробормотал сквозь сон Ярцев. – Повеюешь с мое, тогда узнаешь как...

* * *

– Тебя, Пауль, теперь разжалуют, – сказал Брамайер.

Ефрейтор Нищец потрогал окровавленное ухо. «И везет же мне, – вяло подумал он, – тогда на кордоне ушел от смерти, и сейчас целая очередь из автомата мимо прошла, вот только ухо задела».

– Наверно, разжалуют, – равнодушно согласился он, кладя руки себе на колени, чтобы смирить их дрожь: никогда еще не бегал так, как пришлось бежать сегодня!..

– Бросил своего офицера, – продолжал Брамайер, – конечно, за это не поощают. И без тебя есть много бывалых солдат, которые могут стать ефрейторами. Притом ты не член национал-социалистской партии. Вот если бы ты решил вступить в наши ряды, тебя, может быть, и не стали бы понижать в звании!

– Поздно уже, – отмахнулся Нищец, и было непонятно, что он хотел этим сказать: или поздно вступать в партию, или пора спать?..

Он стал стягивать с себя сапоги, уныло осматривая ряды нар, на которых лежали егеря его отделения.

– Томас, – позвал Нищец, – ты что не спишь?

– Думаю, господин ефрейтор.

– О чем же ты думаешь?

– Да все о том же... Вчера русский снайпер убил Фрица Лангбенау. А я лежу как раз на его месте!

– Ладно, – сказал ефрейтор, снова потрогав ухо, – завтра нам должны прислать вместо Лангбенау другого солдата. Так я положу его на твое место... А сейчас спи...

На следующий день прибыл новый солдат – Франц Яунзен, год рождения – 1920, член организации «Гитлерюгенд» с тринадцатилетнего возраста, член национал-социалистской партии с весны 1941 года; университетское образование не закончено, в боевых действиях принимал участие дважды, наград не имеет.

– Так, значит, – сказал Пауль Нищец, – ты университета закончить не успел?

– Нет, господин ефрейтор. Перед немецким юношей стоят иные задачи!

– Странное дело, немецкий юноша... Я знал двух, которые пробовали тратить время на учебу: Карла Херзинга и фельдфебеля Каппеля. И оба они кончили плохо...

– Я постараюсь не следовать дурным примерам, господин ефрейтор! – бодро откликнулся Франц Яунзен.

– Тогда занимай вон ту койку, где спал Фриц Лангбенау, который очень любил бриться напротив окна...

Молодой егерь был худощав и носил очки, из-под которых мутно голубели холодные, расчетливые глаза. Яунзен быстро освоился с новой обстановкой, особенно подружился с «папашей» Иосифом Оттенем, и вечером он уже сидел в кругу егерей, читал им фантастическую мистерию под названием «Возвращение героев Крита и Нарвика».^[12]

Особенно хохотали егеря (и Нищец в том числе) над последней частью рукописи, где описывалось, как в один из дней 1953 года берлинцы замечают на улицах города полулюдей, полужверей, одетых в засаленные медвежьи шкуры. Это вернулись после победы солдаты Лапландской армии. Один тащит оленьи рога, другой обвешан песцовыми шкурками, третий несет моржовые клыки. Жены, узнавая своих мужей, бросаются к ним навстречу, но егеря хватаются за шмайсеры и спрашивают пароль. Все блага городской цивилизации солдатами были давно забыты. Кончалась мистерия тем, что скоро, на удивление берлинцам, все улицы были застроены блиндажами и дотами; в них по старой военной привычке разместились славные носители эдельвейса...

Когда Яунзен кончил читать мистерию, дверь раскрылась, и в землянку вошел незнакомый лейтенант. С поднятым воротником шинели, расставив ноги в ярко начищенных сапогах, он стоял на пороге, держа руки за спиной, точно прятал невидимую дубинку.

Оглядев егерей колючим взглядом, офицер подошел прямо к Яунзену.

– Я находился за дверью, – сказал он скрипуче, – и все слышал... Где вы взяли эту рукопись?

Яунзен, побелев лицом, стоял молча.

– Я вас спрашиваю!

– Герр лейтенант, я ее взял из своего ранца.

– Кто вам туда ее положил?

– Никто, герр лейтенант.

– Значит, эта вещь, направленная к упадку боевого духа солдат, написана вами?

Под очками Яунзена блеснули слезы.

– Отвечайте!

– Да, герр лейтенант, это написано мною. Но я...

– Молчать!.. В каких военных кампаниях принимали участие?

– Я участвовал в карательной экспедиции.

– Где?

– В норвежской провинции Аксерхус. Обер-лейтенант Форстер получил тогда Железный крест первой степени.

– Но получили-то крест не вы! Так чего же суетесь?.. А от фронта, выходит, отлынивали?

– У меня, – с трудом выдавил Яунзен, – геморроидальные колики.

– Вы их нажили, когда писали эту дрянь?.. – Лейтенант выругался. – Кто здесь ефрейтор?.. Пусть перепишет всех, слушавших этого паникера... Вы? – сказал он, посмотрев на Нишеца. – Впрочем, вы тоже поддались упадочнической пропаганде и не воспретили вредную агитацию... Я сам перепишу вас... Как твоя фамилия?.. А твоя?..

Он аккуратно переписал всех егерей, находившихся в землянке, и Нишец подумал: «Наверное, из полицейских – типичный шупо...»

Ефрейтор еще не знал тогда, что лейтенант Вальдер, назначенный командиром тринадцатого взвода взамен рехнувшегося фельдфебеля Каппеля, действительно служил в провинциальной полиции.

Помахав перед носом Яунзена свернутой в трубку рукописью «Возвращения героев Крита и Нарвика», лейтенант Вальдер вытянул свою лисью мордочку.

– Завтра, – многозначительно сказал он, – на позиции прибывает инструктор по национал-социалистскому воспитанию фон Герделер, и я доложу ему об этой мрази, за которую вы поплатитесь трибуналом...

Когда лейтенант ушел, Франц Яунзен вдруг побледнел и грохнулся в обморок.

* * *

Пауль Нишец, составлявший в штабном блиндаже инвентарные списки взводного оружия, слышал, как за тонкой переборкой происходил разговор между войсковым инструктором и новым командиром тринадцатого взвода.

– Вы напрасно, – сказал фон Герделер, – так резко отнеслись к этой мистрии своего солдата Яунзена. Времена изменились, лейтенант, и мы должны поддерживать в нижних чинах уверенность в победе любыми средствами. Я внимательно прочел рукопись и ознакомился с анкетой ее автора. Как в первом, так и во втором случае я не нашел ничего предосудительного. Единственная ошибка, которую я обнаружил в мистрии, это чересчур далекая дата нашей победы – тысяча девятьсот пятьдесят третий год! Надо переставить эту дату хотя бы на сорок восьмой, и рукопись можно популяризировать в войсках. Она будет пользоваться несомненным успехом, так как мистрии присущ мягкий немецкий юмор и – что самое главное! – в ней есть оптимизм солдата, до конца верящего в непобедимое дело фюрера... Проследите, лейтенант, как Франц Яунзен будет вести себя в боевой обстановке, и, если он хорошо проявит себя, представьте его к награде...

«Вот и воюй, – думал потом ефрейтор, – когда само командование перекидывает даты победы, как игральные кости...»

Он долго ждал, когда придет приказ о разжаловании его в рядовые, но такого приказа не поступало. Видно, командование не очень-то дорожило попавшим в плен Вульцегубером,

а может быть, учло и то, что в ответственный момент у Нишеца не имелось при себе никакого оружия.

Вечером, когда отделение Нишеца уходило на боевую позицию, лейтенант Вальдер сказал:

– Проследите, ефрейтор, за тем, как будет вести себя Франц Яунзен в боевой обстановке...

Франц Яунзен вел себя в боевой обстановке так, что Нишец пригрозил сорвать с его каски эдельвейс – любимый цветок фюрера, чтобы не позорить славу горных егерей. Яунзен весь дрожал и тыкался лицом в снег от каждой пули.

«Нет, – брезгливо думал ефрейтор, – не видать тебе, парень, Железного креста!..»

Но Яунзен скоро получил Железный крест – и не за фантастическую мистерию, не за ратные подвиги, а совсем за другое.

Дело в том, что его дружба с папашей Иосифом Оттенем, как звали во взводе этого пожилого егеря, день ото дня крепла. Папаша, сильно тосковавший по родной семье, рассказывал Яунзену о том, какая у него добрая жена, показывал ему фотографии своих детей – их было у него трое, и все – девочки.

Оттен постоянно мечтал попасть в отпуск или же получить ранение, чтобы отправиться в Германию. Не зная, как вырваться из этого военного ада, папаша Оттен решился на крайность: задумал прострелить себе руку.

Сделать это самому было невозможно: на ране остался бы пороховой нагар, и медицинская комиссия подвела бы его под трибунал. Тогда егерь попросил Франца Яунзена выстрелить ему в руку с дальней дистанции, чтобы ранение выглядело естественным.

– Хорошо, – согласился Яунзен, – пойдём!

Они забрались в глушь сопки, где пустовали окопы второго оборонительного рубежа, сооруженного на случай прорыва русскими фронта. Папаша Оттен занял окопчик, повременил, пока Яунзен приготовился для стрельбы из другого окопчика напротив. Потом зажмурился и выставил свою руку наружу...

Но выстрела не было.

Папаша терпеливо ждал. Минуту, две. Наконец стал махать рукой. Выставил, наконец, сразу две руки.

И все равно Яунзен не стрелял...

Тогда егерь высунул из окопа голову и крикнул:

– Эй, Франц!.. Чего же ты?..

И грянул выстрел. Яунзен был неплохим стрелком: пуля попала точно в переносицу. Молодой фашист полюбовался своей работой и пошел прямо к командиру взвода.

– Герр лейтенант, – доложил он, – я убил изменника германской нации!..

Через несколько дней на груди Яунзена уже красовался Железный крест первой степени.

– Номер 131313, – сказал Яунзен. – Три раза по тринадцать. Это редкость!

– Выживи до конца войны, – ответил ему Нишец. – Вот это будет действительно редкость...

Корабельный батка

Закончили еще один поход. Прохор Николаевич все это время, несколько суток, провел на мостике. Здесь же, на морозном ветру, он жевал всухомятку бутерброды, здесь же и спал, свернувшись калачиком возле компасного нактоуза.

– Ты меня, если что там будет, толкай, – говорил он рулевому. – Ты меня толкай прямо ногой, не стесняйся, братец...

В море было тревожно. Сигнальщики не раз замечали перископы подлодок; одна субмарина выпустила по «Аскольду» торпеду – Рябинин вовремя отработал машинами, и смерть прошла всего лишь в полутора метрах от борта. Над морем низко стелился туман, и плавающие мины, как назло, чуть ли не сами лезли под форштевень, их едва успевали расстреливать.

А однажды мину заметили слишком поздно. Тратить время на отдачу команд и ждать их исполнения было равносильно гибели: мина качается уже вот-вот рядом, вертится на воде жирными боками, тычет в туман острыми рожками. И тут не растерялся Самаров: как стоял позади рулевого, так и навалился на него сзади, положил свои руки поверх ручищ Хмырова. От резкой перекладки курса «Аскольд» круто покатился вправо, оставляя мину по левому борту. Но корма судна стала на повороте заноситься влево, снова грозя столкновением с миной. Самаров крутанул штурвал в обратную сторону, так что ноги у Хмырова чуть не проволоклись по палубе. Но мину уже отбросило бурной работой винтов, и когда замполит спустился с мостика, матрос с трудом разогнул пальцы, сведенные на рукоятках штурвала.

– Ну и силища, – сказал он, – в комиссаре-то нашем! А сам худенький, и не подумаешь...

Эти бессонные дни и ночи, проведенные в морском дозоре, настолько утомили Прохора Николаевича, что, едва патрульное судно бросило якоря, он спустился в каюту и решил уже не выходить из нее сегодня. Сидя в кресле за рабочим столом, на котором книги, чернильница и бюст Ленина еще оставались закрепленными по-штормовому, капитан думал о будущем, о своей службе, о разбросанной по океану семье.

Последнее время он все чаще и чаще задумывался о сыне. Однажды он заметил, как Ирина Павловна тайком от него читала брошюру о боевых действиях торпедных катеров. Читала нахмурясь, закусив губу, и весь день у нее было испорченное настроение. Вечером она все-таки призналась ему: «Ты знаешь, Прохор, некоторые катера, оказывается, сбрасывают торпеды с дистанции пистолетного выстрела. Это же верная гибель!» Он ответил: «Сбрасывают с близкой дистанции потому, что это верная гибель врагу...» Рябинин как-то отметал в сторону все опасения за жизнь Сережки; его волновало другое. Ирина Павловна даже не знала, что он специально встретился с Никольским, чтобы поговорить с ним о сыне, поговорить начистоту, как воин с воином. Командир «Палешанина» сказал на прощание: «Будьте спокойны, Прохор Николаевич, никаких скидок на молодость делать вашему сыну я не собираюсь. Команда моего катера так мала, что балласта у нас быть не может. Или – воюй, или – выметайся!..»

Отдыхать Рябинину помешали. Первым пришел штурман Андрей Векшин. Он отправлялся на берег получать провизию и просил подписать ему документы. Потом Рябинин сам позвонил по телефону в судовой лазарет: Китежева должна была достать клюквенный экстракт для команды. Вскоре в каюту постучали вторично. Механик Лобедин явился для доклада о результатах проверки механизмов.

– Прохор Николаевич, надо бы поставить «Аскольд» дней на десять в планово-предупредительный ремонт. Дело вот в чем...

Выслушав механика, старший лейтенант сказал:

– Можно провести ППР своими силами во время стоянок. Не такое сейчас время, чтобы ради мелких поломок соваться в завод – есть корабли, которым ППР нужнее, чем нам. Да и «Аскольд» наш может срочно потребоваться... Ты вот, Лобедин, лучше скажи: почему, когда от торпеды уходили, твои машины только сто восемь оборотов на гребной вал дали?

– Прохор Николаевич, – обиделся механик, – больше никак было не выжать. Уголь плох. Пришли в прошлый раз на погрузку поздно, другие корабли все забрали, нам одна пыль осталась.

– Нет, – возразил Рябинин, – не уголь тут, а задиры в цилиндрах виноваты. А значит, и ты виноват как механик.

– Прохор Николаевич...

– Молчи! Почему задиры до сих пор не притерты?

– Так ведь на ходу не станешь их притирать, а тут с моря пришли, уголь погрузили, воды набрали и – снова в море... Когда же тут?

– Надо было не допускать их образования. Значит, плохо подавалась смазка!

– Прохор Николаевич, дело не в том, смазку порт выдает плохую, где быть смазке хорошей!..

Старший лейтенант обозлился:

– Да брось ты мне, Лобедин, на войну-то все сваливать! Я вон вчера спустился к тебе в отсек, рукой до мотылевого подшипника не дотронуться, того и гляди расплавится! Тоже смазка, скажешь, плохая?.. На мотыли другое масло дается – довоенный запас...

Чтобы успокоиться, он открепил чернильницу, поставил на место бронзовый бюст Ленина, разложил по краю стола книги.

– К подъему флага задиры притереть, – сказал строго. – Да заодно проверь, нет ли нагара в золотниковых кранах. Вот и смазка пойдет на цилиндры как надо...

Направляясь к дверям, механик задержался у комингса:

– Прохор Николаевич, ты чего-то пасмурный сегодня. Случилось, наверное, что-нибудь?

Рябинин ответил с дрожью в голосе:

– Не знаю, что и думать. Алешка Найденов, стервец, не явился на борт к походу. Обошлись без него. И не в этом даже дело. А вот узнали сейчас, что он арестован. Послал Пеклеванного на берег – пусть выяснит, что такое?..

Пеклеванный пришел, бросил на стол фуражку:

– Сейчас пленных по улицам гнали. Горные егеря и тирольские стрелки. Идут в строю, равнение держат. Занятное зрелище!

– А и черт с ними, – отмахнулся Рябинин. – У меня сегодня не то место чешется... Рассказывай, что с Найденовым?

Пеклеванный стянул с шеи белое шелковое кашне, смотал его и сунул в карман шинели.

– Скверное дело. Найденов сейчас находится в трибунале как дезертир...

– Что?!

– Так мне сказали. Был задержан, погоны с шинели он спорол, звездочку с шапки снял. Пытался бежать. Сейчас сидит. Наверное, расстреляют.

– А ты? – спросил Рябинин. – Что же ты?

– А я тут при чем? Все и без меня ясно. Пока рыбу ловил, все ничего казалось. А мы его дисциплиной прижали, вот и не понравилось. В бега ударился!

Прохор Николаевич посмотрел на своего помощника. На его гладко выбритое лицо. На его отутюженные брюки. На конец шарфа, торчащий из кармана. «Помощник, – подумал он вдруг с неприязнью. – Что это у него – равнодушие или дурость?»

– Не верю! – сказал он. – Быть такого не может, чтобы Алешка Найденов, и вдруг... Нет, не верю!

– А я верю. И погоны спорол. И бежал...

Артем доложил, что образовавшийся во время шторма ледовый наrost на палубе сколот, обстоятельно рассказал о всех работах, проведенных на корабле со времени поставки на швартовы.

Потом положил перед командиром записку.

– Это надо в приказ по кораблю, – сказал он.

– О чем здесь?

– Я объявляю Мордвинову три наряда вне очереди.

– В чем он провинился? – спросил Рябинин, и его толстые короткие пальцы нервно забарабанили по краю стола. – Ну?..

– Резок. Срывается на грубость.

Прохор Николаевич тяжело задумался.

– Что ж, я не оправдываю Мордвинова, но я тоже бываю резок. Да и ты не ангел. Это все-таки лучше, чем мямлить, как это делает Векшин.

– Вам простительна резкость, – ответил Пеклеванный. – Вы командир патрульного судна, которое воюет.

– Ну и тем более непростительно. И я, уж если перекипит во мне, стараюсь сорвать злобу на ком-нибудь из домашних. Только не на тех, с кем служу.

– Хорошо, что у вас есть домашние, – обдуманно пошутил Пеклеванный, желая вслед за этим спросить о том, какие имеются вести от Ирины Павловны, и таким образом смягчить командира.

Но старший лейтенант неожиданно для Артема перевел эту шутку на прежнюю тему.

– Да, – сказал он, – вот у Мордвинова нету домашних. Он сирота, я взял его перед войной на траулер из детдома... А ты никогда не задумывался, лейтенант, что Мордвинов бывает груб только с тобой?

– Я не замечал этого, – вдруг смутился Пеклеванный. – Насколько я вижу, Мордвинов... как бы вам это сказать?.. Он...

Бегло прочитав записку Артема, Рябинин прервал его:

– Ну так вот что, помощник: это в приказ я не подпишу. В ваши отношения вторглась личная неприязнь одного к другому. И если Мордвинов позволяет себе грубо разговаривать только с тобой, то ты, помощник, уже готов отправить его на гауптвахту.

– Я не совсем хорошо понимаю вас.

– Не-е-ет, ты хорошо понимаешь меня! И брось, лейтенант, притворяться, что не понимаешь! Я старше тебя, плаваю больше, людей знаю лучше – меня провести трудно. И я вижу, что Мордвинов любит Китежеву, это из него никакими нарядами не вышибешь, а ты... Впрочем, ты, может быть, и не любишь ее...

Рябинин помолчал немного и закончил:

– Надо, помощник, уважать в человеке все человеческое. Жалеть людей необязательно, а вот уважать их – нужно и должно!

Разорвал записку, бросил лоскутья бумаги в корзину. Сказал уже другим тоном:

– Мне кажется, Артем Аркадьевич, завтра ясная погода будет – может, начнем с утра красить палубу?..

Дверь раскрылась, и в нее с размаху влетел Сережка: шинель расстегнута, шапка на затылке, тельняшка не прикрыта матросским галстуком.

– А я думал – тебя нет! – крикнул он.

– Кру-гом! – скомандовал ему отец. – И появишься здесь, когда приведешь себя в порядок. Притом, кроме меня, здесь находится еще один офицер...

Через минуту Сережка постучал в дверь, уже одетый по форме, приветствовал Пеклеванного:

– Здравия желаю, товарищ лейтенант!

– Вот сразу бы так, – сказал ему отец, и, когда помощник ушел, Сережка положил на стол газету:

– Читай!..

Рябинин вначале не понял, что читать, и пробежал глазами сводку: шли ожесточенные бои на подступах к Кривому Рогу, в районе Корсунь-Шевченковский попали в «котел» и теперь «варились» в нем десять отборных немецких дивизий.

– Да не здесь! – сказал сын. – Ты вот это прочти...

И старший лейтенант прочел:

«Торпедными катерами Северного флота потоплены два транспорта, миноносец, сторожевой корабль и самоходная баржа противника...»

– Ну и прочел, так что?

– Как что? Ведь это я... это мы!.. Наш катер потопил один из пяти кораблей...

– Молодец! – коротко похвалил его Рябинин и, как-то неловко притянув к себе, поцеловал. Но, отпустив сына, снова сделался по-обычному суховатым и сдержанным. – Ну, как живешь? – только и спросил всего.

– Хорошо! – отозвался сын. – Изучаю морское дело, управление катером, стреляю из пулемета. Пока, правда, по мишеням. Вот жаль, Никольский лежит в госпитале, а то бы сейчас я уже умел водить катер как настоящий боцман. Подал заявление в комсомол.

– Нескромно.

– Что? – переспросил Сережка.

– Нескромно, говорю, – повторил Рябинин. – Побывал в одном бою, вынес штаны сухими и уже, наверное, считаешь себя героем.

– А мне уже предложили...

- Кто?
- Комсорг катера.
- Значит, ты сделал что-то такое, что дает тебе право быть комсомольцем.
- Да ничего я не сделал! Стоял, как дурак, и держал пулеметную ленту.
- А-а, вот видишь, держал ленту! Значит, все-таки что-то делал?
- Так это и любой может, у кого есть руки.

– Ну, это, положим, ты ерунду говоришь. Я знал матроса, который в открытом море боялся бачок с кашей по палубе пронести, не то что пулеметную ленту держать. А ты, очевидно, не дураком стоял... Только разве расскажешь! Вот принес газету, под нос сунул: «Читай, батька!» Весь в меня пошел, каждое слово щипцами тянуть нужно...

Обиженно махнув рукой, Прохор Николаевич достал банку с табаком, стал набивать свою трубку.

– Надо бы дома в аквариуме воду менять почаще, – сказал он совсем о другом. – Мать вернется из экспедиции, а рыбы вверх животами плавают. Вот влетит нам тогда!..

В дверь неожиданно постучали. Вошел Вахтанг Беридзе. От его шинели пахло морской сыростью.

– А я вот забежал на огонек в иллюминаторе, – весело сказал он, размашисто ставя на стол бутылку. – Упьем уодки, как говорят наши доблестные союзники. Вах!..

– Ну что ж, давай будэм водка пить, – передразнил его Рябинин. – Только по какому же это поводу?

– А без повода вы и пить не будете?

– Нет, не желаем. Грешно.

– Ну, так радуйтесь, черти, сегодня есть повод. Шхуна экспедиции благополучно пришла в район изысканий!

– А ты откуда знаешь?

– Был на радиоузде. – Вахтанг порылся в карманах, достал листок бумаги. – Читай, Сережка, что мать пишет!..

В первой части радиogramмы Ирина Павловна сообщала, какие высокоарктические организмы выловлены, о том, что встречается много беспозвоночных и что некоторые виды рыбных особей обнаружены впервые.

Заканчивалась радиogramма так:

«Готовимся приступить к кольцеванию. Встречаются плавающие льды. Ветер до семи баллов. Состояние экипажа хорошее. Больных нет. Начальник экспедиции – Рябинина, шкипер судна – Сорокоумов...»

– Ну, ладно, выпьем за экспедицию, – сказал Вахтанг.

– Выпьем, – согласился Рябинин.

– А мне можно? – спросил Сережка.

* * *

– Вы ко мне? Пожалуйста...

Рябинин посмотрел на военного прокурора. Вид очень интеллигентный. Виски у него седые, на носу пенсне. «Хорошо, что не молокосос, – решил Прохор Николаевич, – пожилой человек, скорее поймет...»

Играя тонко очиненным карандашиком, прокурор торопливо выслушал Рябинина и ответил так:

– Видите ли, товарищ старший лейтенант, ваше адвокатство здесь попросту неуместно. Состав преступления для нас уже определен. Что бы там ни молол обвиняемый, но факты говорят против него, и он уже не сможет доказать свое алиби, как бы ни старался я это сделать...

– Извините, – вмешался Рябинин, – я насчет алиби ничего не скажу, потому как и слов таких не знаю. А вот парня этого знаю хорошо. Да и кому же знать его? Выходит, что вы лучше моего знаете, если говорите о нем так уверенно? Или же я, его командир, выходит, все эти годы ошибался в нем? Как змею на груди своей согревал?

– Ох, – вздохнул прокурор и отбросил от себя карандаш. – Вы думаете, что этот...

– Найденов, – хмуро подсказал Рябинин.

– Так вот, этот ваш Найденов скажет нам правду? Ну, допустим, что опоздал на корабль. А зачем же погоны спорол? Почему хотел бежать из-под ареста?

– Бежал... – сказал Рябинин. – Значит, на корабль хотел. Что ему здесь у вас делать-то?

– Знаем мы эти штучки, – ответил прокурор.

– Ладно. – Рябинин встал, застегнул шинель. – Скажите хоть, что ожидает моего матроса?

– В лучшем случае – штрафной батальон.

– А в худшем? – спросил командир «Аскольда».

Прокурор пожал плечами, Рябинин вышел в коридор, прижал к глазу кулачище, словно хотел втиснуть обратно в глаз одинокую слезу. «Сволочь!» – сказал он. – Что ты знаешь об этом парне?..» Старший лейтенант снова вернулся в кабинет прокурора.

– Слушай, начальник, – сказал он. – Мне бы повидать его надобно... Может,пустишь?

Пораженный таким обращением, прокурор разрешил свидание. Рябинина провели в камеру-одиночку, где сидел в ожидании приговора аскольдовец. Увидев командира, Найденов как-то скривился и вдруг расплакался – так страшно и так горько, что Рябинину поначалу пришлось утешать его:

– Ну ладно, ладно. Будет тебе, дурак...

– Прохор Николаевич, – сквозь слезы оправдывался матрос, – не виноват я... Опоздал, это верно... Но судить-то меня за что? Или я уж такой...

– Я не прокурор, а командир твой, – сказал Рябинин. – Ты мне обо всем, как на духу, поведай. Наверное, у какой-нибудь юбки застрял в тот вечер, когда мы без тебя ушли?

– Верно. Прозевал время. И... выпил еще перед этим.

– А когда ты с ней познакомился?

– Недавно, товарищ командир. Когда первый раз форму надел. Вот тогда и познакомился. Она – хорошая...

Рябинин, тяжело вздохнув, присел на лавку, смял в руке свой мясистый подбородок. Что ж, обычная история! Беда всех плавающих. Сидят, сидят на корабле, потом вырвутся на берег, и первая юбка – уже любовь! Даже винить за это нельзя. Моряки – такой уж народ. Они – романтики, все приукрашивают. И так редко они находят себе достойных подруг... Все делается у них как-то впопыхах, поглядывая на часы – как бы не опоздать.

– Ты ее... любишь? – спросил он.

– Очень, товарищ командир. Очень...

Рябинин, размахнувшись, поднес свой кулак к носу Найденова:

– У-у, сукин сын... Так бы вот и дал тебе в рожу! Ты зачем погоны спорол? О том, что бежал, я уж и не спрашиваю. Видать, башка тебе не дорога!

– А как же, товарищ командир. Спорол, потому что стыдно было. «Аскольд» в море, а я тут... Да и боялся к тому же. Вдруг патруль прицепится...

– Дурак! – закончил Рябинин, поднимаясь. – Теперь вот легче, кажись, гвоздь зубами из стенки выдернуть, чем тебя отсюда вытащить! Ведь прокурор-то прав! Дезертир ты или бабник – ему все равно. Корабль ушел на операцию без тебя – значит, преступление тобой уже совершено.

Найденов снова заплакал. Рябинин достал записную книжку и карандаш.

– Адрес, – сказал он. – Девуцы этой... Надо ведь что-то делать. Не сидеть же тебе здесь!..

Вечером Рябинин оделся, собираясь идти по указанному адресу. Вместо шинели надел свое старенькое пальто, натянул на уши шапочку. Ворот кителя выглядывал из-под

воротника, и он закрыл его шарфом. Идти пришлось далеко – до Шанхай-города, где в одном из темных переулков едва отыскал нужный дом. «Занес же его черт со своей любовью, – ругался он по пути. – Тут все ноги поломаешь!»

Дверь открыла тоненькая разряженная девица. Через плечо ее Рябинин успел разглядеть стол, заставленный бутылками, за которым сидели в дым пьяные три английских матроса и пожилой мичман морской авиации, тоже изрядно навеселе.

– Вы ко мне? – спросила девица.

– Нет, очевидно, я ошибся адресом. Мне Дашу Колпакову, – сказал Рябинин.

– Колпакову? А что вам нужно от нее?

– Так это вы?

– Ну, допустим, я...

Они вышли на крыльцо. Черное небо висело над ними.

– Я, – сказал Рябинин, – от Алексея Найденова...

– От какого Найденова? Я не знаю никакого Найденова.

– Ну как же не знаете, – возразил Рябинин. – Он же недавно был у вас.

– Ах, этот! Из склада снабжения... Вы его приятель?

– Нет, от матроса.

– А-а-а... Ну так что ему нужно?

Рябинин кашлянул, раздумывая – стоит ли вообще разговаривать с этой бабой, название которой он уже давно подобрал в своем уме, только не произносил. «И как это Алешка мог ошибиться? Ведь это же типичная дрянь!..»

На крыльцо выкатился мичман.

– Мадам, – сказал он, – чего ему нужно? Или в морду хочет, тыловая крыса?

Девица раскинула руки, вталкивая мичмана обратно:

– Я сейчас приду. Иди к черту... Напьются тут, потом кулаки чешут!

– А я ему в... морррду!

– Иди, иди к союзникам. Нечего тут...

Выпроводив пьяного, она снова повернулась к Рябинину:

– Я не понимаю, чего вы от меня хотите?

Рябинин смачно шваркнул ей в лицо то самое слово, которое вертелось у него в голове, и, не оборачиваясь, пошел дальше от этого дома. «Вот так и ошибаются», – думал он.

На улице ему встретился патруль, возглавляемый каким-то офицером саперной службы. Рябинин предъявил свои документы и назвал адрес.

– Там притон, – пояснил он. – Вы здесь бродите, берете матросов за то, что у них бескозырка не на то ухо надвинута. А там – притон, люди погоны свои позорят...

Рябинин еще успел на рейсовый катер, и через полчаса уже был в Главной базе. Посмотрел на часы – поздно, но ничего не поделаешь, коли надо. Он уверенно поднялся на второй этаж деревянного коттеджа, уверенно нажал кнопку звонка. За дверью послышался чей-то голос:

– А вот Наденька ножками топ-топ... Наденька сейчас дверь откроет... Ну-ну, не отставай от дедушки!

Дверь открылась. Член Военного совета армии и флота, пожилой адмирал в распахнутом кителе и домашних шлепанцах, держал за руку маленькую девочку в байковых штанишках.

– Дя! – сказала она. – Дя!..

– Да, это дядя, – ответил ей адмирал, пропуская вперед Рябинина. – И этого дядю я, кажется, знаю...

– Командир патрульного судна «Аскольд», – представился Рябинин. – Извините, что я врываюсь к вам так вот, запросто, но у меня к вам неотложное дело. Решается судьба человека, молодого парня, который провинился...

Они прошли в кабинет, и адмирал, застегнув китель, приготовился слушать. «Так... так... так», – подбадривал он Рябинина.

Потом сказал:

– Такое бывает. Со мной в молодости тоже было нечто подобное. Даже хуже! Но оставить матроса без наказания, конечно, нельзя. А то, что вы оказались столь настойчивым в защите своего подчиненного, делает вам честь. Вы ведь лучше знаете товарища Найденова, нежели работники полевой юстиции.

– Вот именно! – обрадовался Рябинин.

На следующий день Найденов явился на корабль. Прохор Николаевич прошел в кубрик, когда матросы ужинали. Командир орудия, счастливый и побледневший от волнения, сидел за столом, хлебал кислые щи из миски. Рябинин приподнял полу своего кителя и похлопал себя по широкому ремню.

– Видал? – сказал он. – По уставу не имею на то права. А вот по-отечески могу штаны с тебя спустить и прописать лозанов! Сейчас поужинай, а потом сходи к боцману, чтобы он тебя оболванил наголо. Завтра на гауптвахту пойдешь. На полную катушку тебя посадим.

– Спасибо, товарищ командир, – ответил Найденов. – И не думайте, что смеюсь. Я правду говорю: спасибо вам за все, что вы сделали!

Рябинин обошел весь кубрик, присматриваясь к порядку, и, ничего больше не говоря, поднялся по трапу. И когда затихли его шаги, все матросы дружно загалдели.

– А все-таки, – был общий приговор, – какой у нас, братцы, замечательный... батька!

И невозможное возможно

Вот это место, где человек, именем которого названо море, сказал своему штурману: «Штурман, поднимите меня и дайте взглянуть в последний раз на этот страшный ледяной мыс...»

– Штурман, – сказала Рябинина, – надо приспустить флаг на траверзе этого мыса.

Она поднялась на мостик, где за штурвалом стоял Антип Денисович.

– Добрый день, мой славный кормчий! Как слушается руля шхуна?

– Как хорошая жена мужа.

Ирина Павловна осмотрелась. Снежный заряд вихрем летел вдоль берега, скрывая черные торжественные скалы мыса Нассау. Океанские волны полого вздымались вдали. Журчала вода под форштевнем. Рангоут шхуны, легкий и тонкострельчатый, прямоком уходил в небо. Верхушки мачт парусов по-прежнему не несли.

– Может, все-таки поставим верхние паруса? – спросила Рябинина. – И пойдем быстрее.

– Да ну тебя, дочка! Слово мною сказано, как из пушки стрелено: никаких верхних парусов я тебе не поставлю. Лучше иди оденься потеплее перед работой. Я своим сынам уже велел чан воды заполнить. Ведь ты собиралась, кажется, весь народ морской сегодня переписать и переметить?..

В каюте Ирина Павловна переоделась. Натянула на себя кожаные рыбацкие штаны – пуксы, обулась в громоздкие бахилы. Сырая, но уютная зюйдвестка привычно обхватила лоб, прикрыла затылок от водяных брызг, тяжело обвисла на покатых плечах.

На верхней палубе заканчивались последние приготовления к кольцеванию рыбы. Сыновья Антипа Денисовича выстроились в ряд, передавая из рук в руки по конвейеру ведра с забортной водой, наполняя ею большой чугунный чан. Рая Галанина раскладывала по возрасту рыбы «паспорта» – тонкие, посеребренные пластинки с названием страны и института. Гидробиолог Рахманинов и гидрохимик Томский стояли на корме, помогая шкиперу вытаскивать трал.

И едва кошель трала раскрылся, как из него стремительным потоком хлынула рыба. Сначала всем показалось, что пошел крупный серебряный дождь, и когда Ирина Павловна опомнилась, то уже стояла по колено в живом сверкающем сугробе.

Теперь была дорога каждая минута.

– Быстрее, быстрее! – крикнула она. – Торопитесь, пока рыба не заснула. Отбирайте самых сильных и резвых!

И, схватив громадную, рвущуюся из рук рыбину, Ирина Павловна бросила ее в чан с водой. Рыба, сверкнув чешуей, плюхнулась в воду и, сразу почувствовав себя дома, сделала свободный широкий круг.

Скоро было отобрано несколько экземпляров для кольцевания. Матросы, орудуя деревянными лопатами, сгребли остальную рыбу за борт, оставив себе на обед только одного оранжевого окуня.

Поднятый с океанских глубин, окунь нелепо раздулся, точно взорвался изнутри, а его глаза выскочили наружу двумя большими шарами величиной с электрическую лампочку.

Все разошлись по своим местам, чтобы приступить к кольцеванию.

– Вот с этого красавца и начнем, – сказала Ирина Павловна, вынимая из чана мраморно-серого самца с большим матовым брюхом.

«Красавца» разложили на измерительной доске, и Рая Галанина ловко выдернула из его спины три чешуинки.

– Юра, – сказала она Стадухину, – принимай первую чешую, ставь номер метки – 5318.

Стадухин, засев за рыбную документацию, аккуратно вписал в отдельную клеточку возраст, размеры, пол, внешние признаки, номер паспорта и сюда же вложил между страницами чешую...

Термометр показывал минус двадцать один градус. Девушка терпеливо прилаживала к жабрам рыбы металлическую пластинку метки. Самец жадно глотал воздух широко раскрытым ртом.

– Ничего, потерпи, – приговаривала Рая. – Ты будешь жить еще долго, потом тебя поймут рыбаки, увидят твой паспорт и привезут к нам в институт. А мы узнаем, чем ты занимался все эти годы, где плавал, что кушал, с кем водил знакомство... Готово! – крикнула Рая, щелкнув щипцами.

Метка плотно сидела на жаберной крышке. Теперь можно было пускать рыбу в длительное плавание.

Ирина Павловна перегнулась за борт и отпустила меченого самца в море. Вильнув хвостом, он быстро исчез в темной глубине.

Оторвав взгляд от пучины, Рябикина машинально пробежала глазами вдоль кромки горизонта.

Короткий полярный день угасал. Далекие тучи ложились к вечеру отдыхать на воду, и мгла нависала над морем.

Вдруг какая-то тень скользнула по волнам и в это же мгновение скрылась в тумане. Рябикина чуть не вскрикнула. В этой стремительной тени ей почудилось что-то зловещее и страшное.

Прошла еще одна минута, и вдали, среди лезущих друг на друга волн, обрисовался неясный контур судна. Оцепенев от неожиданности, Ирина Павловна следила за кораблем, пока не увидела, как от его палубы оторвались длинные щупальца орудий и поползли по горизонту.

– Штурман, – крикнула она.

– Вижу, – отозвался Малявко; осматривая неизвестный корабль, он бледнел все больше и больше. – Рейдер «Людендорф» – вот что это! – ответил он, опуская бинокль.

Все молчали. Антон Денисович сосал свою носогрейку и поплеывал за борт. В чане весело плескалась рыба.

Галанина, продолжая перебирать метки, машинально спросила:

– Ирина Павловна, а дальше?..

Уставив орудия на шхуну, рейдер несколько минут шел на параллельном курсе, точно демонстрируя перед людьми свою броневую мощь и сокрушающую силу залпа, заложенную в орудийных стволах.

Весь его страшный и сложный механизм находился в непрестанном движении: вращались дальномерные башни, растворялись веера торпедных аппаратов, и орудия нетерпеливо вздрагивали, заранее приговаривая экспедицию к гибели.

Безмолвный поединок прекратился, когда на мачту рейдера взлетели три комочка и расцвели разноцветными флагами международного свода сигналов.

– Приказывают остановиться, – прочел сигнал штурман, – и лечь в дрейф.

– Нет, не останавливаться, – сказала Ирина Павловна.

– Я не до конца расшифровал сигнал, – медленно произнес Малявко и начал протирать линзы бинокля. – Дело в том, что...

– Ну?.. Что?

– ...Он означает: «В противном случае перехожу к активным действиям...»

– Голодный волк и клюкве рад! – Сорокоумов снова сплюнул за борт.

Тупая, ноющая боль обожгла пальцы. Ирина Павловна только сейчас заметила, что держит руки на морозе голыми. Она натянула рукавицы и упрямо повторила:

– Продолжать движение!..

Длинные языки пламени вдруг вырвались из носовой башни «Людендорфа». И не успели они еще погаснуть, как три водяных столба с грохотом выросли перед шхуной, едва не задев бушприта.

– Стреляют, – сдавленным шепотом проговорила Галанина.

– Спокойно! – предупредил штурман. – Это еще не стреляют, а только дают понять, что если не остановимся, то будут стрелять.

– Эх, где наши головы не пропадали! – махнул рукой Сорокоумов и, выбив пепел из своей фарфоровой носогрейки, направился к мостику. – Смерть, дочка, – сказал он Рябининой, – не все берет, свое только... А ну, пошли верхние паруса ставить!..

И матросы, поняв, чего хочет от них капитан, взбежали по веревочным вантам на марсы и салинги. Под самыми небесами, повиснув на пятнадцатисаженной высоте над клокочущей бездной, они, как акробаты, разбирали снасти брамселей и марселей.

Слабая надежда зародилась в сердце Ирины Павловны.

– С какой скоростью мы идем? – спросила она штурмана.

– Узлов пятнадцать.

– А какой ход может развить рейдер?

Малявко ответил обстоятельно:

– «Людендорф» – корабль дряхлый. Думаю, что узлов двадцать максимум он даст...

– Ну, выручай нас, праматерь морская! – истово перекрестился старый шкипер.

Запрокинув голову кверху, Рябинина увидела, как распустились на мачтах три широких полотнища. Могучий свежак сиверко ударил в паруса, напружинил их, и шхуна, накренившись на правый борт, почти толчком набрала новую скорость.

– Шестнадцать узлов... семнадцать узлов, – отсчитывал штурман по счетчику лага. – Семнадцать с половиной узлов, Ирина Павловна!

Дерево мачт стонало от усилий, выдерживая на себе небывалый напор ветра; мартингик совсем погрузился в море и резал воду подобно ножу; брызги летели сплошным навесным дождем.

Рейдер стал заметно отставать, и Антип Денисович, повернувшись в сторону вражеского корабля, задиристо крикнул:

– Где вашему теляти губами волка за хвост поймать!..

Шхуна теперь летела со скоростью восемнадцать с половиной узлов. «Людендорф» минут десять шел на прежних оборотах. Но вот из его трубы вырвался один кокон дыма, за ним второй, третий... Под его форштевнем закипел бурун пены.

Паруса вступали в единоборство с турбинами.

И постепенно «Людендорф» поравнялся в скорости со шхуной.

Тогда штурман крикнул:

– Антип Денисович, ставь верхний ярус! Какого черта! Поднимай на мачту все паруса!

Старый шкипер стоял на мостике, сгорбившись, обнажив голову, и волосы его были белыми, как крылья морской птицы.

– Будь по-вашему, – согласился он и, приложив зачем-то руки к сердцу, отдал команду: – Фор-трюмсель, грота-мунсель и крьюйс-бом-брамсель – ставить!..

«Людендорф» открыл огонь. Снаряды с воем пролетели над мачтами, которые несли на себе тысячи квадратных метров гудящей парусины.

Шхуна птицей перелетала с волны на волну, быстро скрываясь во мгле. Тогда турбины сделали еще одно усилие, и рейдер преодолел разницу скоростей. Его орудия били по мачтам, пытаясь лишить шхуну хода, но снаряды пролетали между снастей и реев, почти не причиняя им вреда.

Шкипера на мостике почему-то уже не было. Шхуна, ведомая одним из его сыновей, с разгона пролетала между водяными смерчами, поднятыми снарядами, и сгущавшаяся тьма была уже готова поглотить ее в ночи...

Когда опасность миновала окончательно, Ирина Павловна в первую очередь бросилась к тому, кто помог выиграть это неравное сражение, – она кинулась к мостику, чтобы обнять и поцеловать старого шкипера.

Дверь штурманской рубки была распахнута настежь, и на пороге ее лежал Сорокоумов. Его борода была вздернута кверху, а голова, упертая затылком в комингс, покачивалась в такт движению шхуны.

– Антип Денисович, – позвала она его, – Антип Денисович!

Ей казалось, что он сейчас встанет и произнесет, как всегда, свое ласковое «дочка». Но шкипер не двинулся. Тогда она нагнулась над ним – и сразу же отшатнулась.

Перед ней лежал древний старик, в котором она с трудом узнала прежнего веселого корабельника. Лицо творца шхуны, всегда поражавшее ее своей свежестью, теперь было густо покрыто глубокими морщинами, и ветер шевелил пряди седых волос...

– Антип Денисович, дорогой! – Она приложила ухом к груди Сорокумова и поняла – звать бесполезно: сердце его молчало...

* * *

Похороны состоялись на второй день. Тело шкипера завернули в парус, к ногам прикрепили шлюпочный якорь. Рябирина плакала. Матросы положили Сорокумова на доску и наклоняли ее над морем до тех пор, пока труп не скользнул за борт.

А потом трое суток подряд шхуна без толку моталась в дрейфе с зарифленными парусами, – океан, словно справляя тризну по своему сыну, свирепел в десятибалльном шторме.

«Дарревский молодчик»

Майор Френк, топорща жесткие усы, взял протянутые ему документы.

– Обер-лейтенант Отто Рихтер... Это – вы?

Перед комендантом гавани Лиинахамари стоял типичный «дарревский молодчик» в щегольской форме военного чиновника министра продовольствия («министра недоедания», как говорили остряки) Рихарда Вальтера Дарре.

– Так точно, герр майор, – ответил Отто Рихтер, опуская на пол свой добротный чемодан, на котором гаванский комендант заметил яркие наклейки авиационной компании «Гаага-голубь-Осло».

– Вы прибыли из Голландии? Позвольте ваши билеты...

На маршрутных бланках он сверил проколы. Все было в порядке, но усы майора Френка недовольно вздернулись кверху. Эти продовольственные шпионы, которыми кишела вся Норвегия, не поддавались никакому учету и, не раз уже появляясь в Петсамо, никому не были подвластны. Поручения их всегда носили какой-то таинственный оттенок, и коменданту гавани надоело распутывать дела о крупных спекуляциях.

– Можете остановиться в Парккина-отеле, – недовольно сказал он, возвращая документы. – Вас, наверное, интересует вопрос о технической замше?

– Нет, господин майор, – ответил Отто Рихтер, снова берясь за чемодан. – Я прибыл сюда как имперский советник по рыбным ресурсам...

Вечером майор Френк уже видел Отто Рихтера в сообществе с обер-лейтенантом фон дер Эйрихом, который командовал противокатерными батареями с мыса Крестовый. Разговор у них шел явно о мехах, и комендант гавани несколько не удивился: фон Эйрих был самый энергичный спекулянт в гарнизоне, даже разработавший свой преysкурant на меховые

шкурки. Вскоре «дарревский молодчик» отправил в Германию две крупные посылки с мехами, что тоже было в порядке вещей.

Инструктор по национал-социалистскому воспитанию фон Герделер встретился однажды с Отто Рихтером в очереди перед ванной комнатой. Они разговорились сначала о недостатках в производстве мыла, припоминая благоуханные оттенки французской парфюмерии, и вскоре понравились друг другу.

– Вы заходите ко мне, – предложил фон Герделер, – мне будет приятно побеседовать со свежим человеком...

Отто Рихтер не заставил себя долго ждать, и фон Герделер, угостив гостя коньяком, безо всяких околичностей сказал ему:

– Я знаю, что вы все можете. У меня скопилось много валюты. Я бы хотел перевести ее на какой-нибудь надежный банк. К сожалению, меня в Швеции слишком хорошо знают, и это мне не подходит. Нельзя ли это сделать в Аргентине или же, на худой конец, в Швейцарии?

«Дарревский молодчик» ответил, что удачно оформить эту операцию не так-то легко, как многим со стороны кажется, и потребуется какая-то доля процентов, но в основе это возможно и даже выгодно во всех отношениях.

– Я не собираюсь уезжать из Петсамо в скором времени, – сказал Отто Рихтер, – и мы еще вернемся к этому вопросу.

Фон Герделеру позвонили по телефону.

– Это Швигер, – сказал он, вешая трубку. – Вы, конечно, знаете этого парня... Его лодка ночью уходит держать позицию в русских водах, и он приглашает меня к себе. Вы не желаете составить мне компанию? Соглашайтесь.

– С удовольствием бы, – ответил Отто Рихтер. – Но мне завтра рано вставать. Я должен ревизовать консервные мастерские на побережье...

– Очень жаль, – искренне огорчился оберст. – Подлодка Швигера стоит на адмиралтейской дотации: у этих лоботрясов всегда имеется хорошее шампанское.

Рихтер шутливо поднял руки кверху:

– Тогда сдаюсь. Едем...

На мотоцикле, который вел сам фон Герделер, они быстро домчали до гавани. Подводная лодка догружала запас торпед, через открытые палубные люки стальные сигары медленно уплывали внутрь ее корпуса. Рубка субмарины была украшена еловыми ветками, цветные фонарики горели на ее антеннах.

Первую бутылку шампанского офицеры распили тут же, на палубе, и Швигер разбил пустую посудину о носовую штевень своей подлодки.

– Смочи горло, старушка, – сказал он.

В самый разгар попойки боцман подлодки, здоровенный моряк с густой черной бородой, доложил, что на борт прибыли десять солдат из отряда химической службы.

– Размести их в носовом кубрике, – сказал Швигер. – И пусть они не бродяг по лодке, а сидят смирно. Покажи им, где галюн и камбуз. Все!

– У вас на лодке крысы? – спросил Отто Рихтер.

– Только одна, – ответил Швигер, поправляя тесьму наглазной повязки. – И та – белая. Она живет в кармане штурмана. Эти солдаты нам нужны для другого... Мы высадим их на русском побережье, чтобы все колхозные олени сдохли. Хорст, я пью за твою светлую голову. Прозит!

– Дня три-четыре, – ответил фон Герделер, – и по русской тундре проползет такая чума, что московским умникам придется подумать о новом виде транспортных средств в этой войне на севере! Мы берем вакцину «Бемоль-39», она пройдет через снег и отравит весь ягель... Прозит!

– Прозит, господа! – откликнулся «дарревский молодчик», – это чертовски хорошо придумано...

В полночь подводная лодка Ганса Швигера тронулась в открытое море, офицеры же вернулись в отель. Фон Герделер сразу же ушел спать, а обер-лейтенант Отто Рихтер еще

долго не ложился в постель. Он бродил по тесной клетушке номера, насвистывая какой-то мотив, потом с полчаса листал карманный справочник немецкого генштаба.

– Итак, сегодня и еще завтра, – сказал он. – Что-то надо сообразить...

Он спустился в опустевший бар, прошел за стойку фрау Зильберт.

– Стаканчик коньяку, – сказал он. – И если есть у вас болгарские сигареты, то дайте одну пачку.

Фрау Зильберт нацедила ему тоненькую рюмку.

– Вы разве уезжаете? – спросила толстуха.

– Нет, что вы! Я остаюсь здесь.

Он выпил целых три стаканчика и пошел спать. Сон его был крепок...

* * *

Директор консервной фабрики, пожилой норвежец с крестом святого Олафа на груди, встретил Отто Рихтера возгласом:

– Хайль Квислинг!

– Хайль, – отозвался «дарревский молодчик» и сразу же прошел в контору.

Он долго и внимательно листал цеховые отчеты, придирчиво сверял расход и приход консервной жести.

– Сейчас мы, по примеру русской промышленности, – докладывал ему квислинговец, – разрабатываем «шторсильд» – селедку-трехлетку. Солено-сушеный «клип-фишк» до сих пор отправлялся нами в экспедиционный корпус «Африка», и наша фабрика получила благодарность походной канцелярии генерала Роммеля...

– Не нужно, – сказал Отто Рихтер.

– Как вы сказали?

– Я говорю – не нужно. Сейчас перед рыбной промышленностью должны стоять несколько иные задачи. Вы знакомы с предписанием № 0137 нашего министра продовольствия? Там ведь ясно сказано, что следует как можно более сократить время на переработку пищевого сырья, чтобы приблизить его к насущным потребностям фронта, тыла и армии. Вы должны сейчас дать товар пресно-сушеный и замороженный. Обесшкуривание филе, как остаток предвоенной роскоши, можно вовсе изъять из производственного цикла. Целлофан попробуйте заменить вощенкой. Соль и холод – вот основное, на что вы должны сейчас рассчитывать!

– У нас, – добавил директор, – есть креветочный цех, который работает исключительно на Испанию.

– Закрыть, – приказал Отто Рихтер.

– Но фельдмаршал Геринг...

– Да, фельдмаршал Геринг обожает гарнели. Однако мой министр не согласен распутничать по его уставу. Переработайте запас креветок и можете ставить цех на консервирование тресковой печени для госпитального управления.

Они прошли в цех, наполненный густой вонью автоклава, из щелей которого бил противный горячий пар. Под ногами чавкала сырая грязь, тусклые лампы дневного света освещали длинные столы конвейеров, за которыми сидели ряды норвежек, украинок, датчанок, русских, евреек, француженок и даже одна негритянка. Все они были одеты в одинаковые черные блузы и юбки трудовых лагерей, все они были бледны и усталы, их тонкие высохшие руки, вооруженные ножами, разделявали рыбу.

Отто Рихтер остановился за спиной одной русской девушки, следя за ее работой.

– Спросите ее, – сказал он старосте цеха, – сколько она разделяет тушек за смену.

Девушка, повернув к гитлеровскому офицеру свое скуластое лицо, что-то долго говорила в ответ.

– Что она сказала? – спросил «дарревский молодчик».

– Она говорит, что норму ей выполнить не удастся. Она жалуется, что ей дают такие большие нормы.

– Может жаловаться, – ответил Отто Рихтер и, зажимая нос платком от вони, направился к выходу. Возле дверей, где висел график выполнения плана, он остановился и спросил старосту: – Почему снизилась выработка?

– Герр обер-лейтенант, с тех пор как нам прислали русских девок из Севастополя, цех едва-едва вытягивает график.

– Сволочь! – И «дарревский молодчик» вкатил старосте здоровенную оплеуху...

Вернувшись в Парккина-отель, Отто Рихтер переоделся и посетил кинотеатр. Он просмотрел только немецкую хронику о турне финского министра Таннера по странам Европы, но художественный фильм «Патроны и розы» смотреть не стал и отправился на телеграф. Там он попросил связать его с поселком Танкка-пииртти, но в небе как раз полыхало сильное полярное сияние, и радиосвязь временно была прервана. Купив десяток чистых телеграммных бланков, обер-лейтенант Отто Рихтер зашел в бильярдную и сыграл несколько партий с отпускным артиллерийским офицером Эрнстом Бартельсом, служившим в финских гарнизонах. Разговор во время игры между ними вращался большей частью вокруг последних событий в Хельсинки, потом они беседовали о возможностях использования тундрового ягеля в мукомольной промышленности. После этого, распростившись с артиллеристом, Отто Рихтер сел на катер и посетил мыс Крестовый, где встретился с командиром противокатерной батареи фон дер Эйрихом. Здесь «дарревский молодчик» купил еще одну шкурку песца, обещав расплатиться при свидании в отеле. Вернувшись в гавань, Отто Рихтер отправился в подземные туннели складов морского оружия и спросил инженера Хутгеля. Ему сказали, что такого здесь нет, он, кажется, служит на складе торпед «Цаункёниг», куда обер-лейтенант Рихтер сразу же и отправился. На складе «крапивных торпед» инженера Хутгеля тоже не оказалось, и военный чиновник министерства продовольствия Германии, пожав плечами, пошел в Парккина-отель.

Пройдя в свой номер, Отто Рихтер заказал себе через коридорного обед и позвонил фон Герделеру.

– Это я, господин оберст, – назвался он в трубку. – Кажется, я могу быть вам полезным в том деле, о котором вы меня просили. Конечно, не сейчас, но в самое ближайшее время. Только для этого мне необходимо встретиться с одним человеком. Вы не могли бы одолжить на сегодняшний вечер машину вашего ведомства?

Фон Герделер обрадованно ответил, что машина «политише абтайлюнга» до завтра в полном его распоряжении вместе с шофером.

– Благодарю вас, герр оберст!

Отто Рихтер хорошо пообедал с бутылкой вина, после чего оделся потеплее и спустился вниз. Защитного цвета большой «мерседес» ждал его возле ворот отеля. Шофер, молодой парень с золотыми зубами, спросил – куда надо ехать.

– Поезжайте в сторону Вестлитца...

Они быстро покатали на восток по хорошей гудронированной дороге. Навстречу им мчались фыркающие грузовики, с воем сирен летели в тыл санитарные фургоны.

– Мы едем к реке? – спросил шофер.

– Да.

– Там могут подстрелить.

– Я знаю.

– Можно свернуть на боковую, – предложил шофер. – Там гораздо спокойнее. Мимо аэродрома, как раз...

– Сворачивайте!

Уже вечерело, когда «мерседес» покатыл по пустынной тундровой дороге, окруженной холмами и грядами скал. Шофер включил фары, и в ровных пучках желтого света кружились хлопья снега, флажок на радиаторе со свастикой в центре скоро намок и бессильно повис на своем стебле, как увядший цветок.

– Стой! – приказал Отто Рихтер.

Гитлеровец остановил машину. Обер-лейтенант выстрелил ему в висок и, вытащив мертвеца из кабины, оттащил подальше от дороги. Потом сам уселся за руль и погнал машину дальше. Фары он выключил.

У кордона его остановили, проверили документы.

– Осторожнее, – сказали ему. – Дальше русские уже могут обстрелять.

Он погнал машину дальше – все ближе к передовой линии фронта, который наплывал на него мраком, пронизанным струями осветительных ракет. Вот сейчас будет последний поворот к реке, и тогда...

– Хальт! – остановили его автоматчики.

Отто Рихтер гнал машину не останавливаясь. Вслед ему пустили автоматную очередь, со звоном посыпались стекла.

Когда кордонные солдаты добежали до застопорившей машины, обер-лейтенант едва не выпал из кабины.

– Мы его ранили, – сказал один егерь.

– Эй, парень, – промямлил обер-лейтенант, – иди-ка... я на ушко тебе... иди... У меня нет штопера...

– Да он просто пьян! – сказал фельдфебель. – Налижутся, сволочи, потом катят куда попало. Еще немного, и угодил бы прямо в плен к русским!

– Да, несет как из бочки, – поддержал его егерь.

Они помогли обер-лейтенанту развернуть тяжелую и длинную машину на узкой дороге, велели катить обратно ко всем чертям. «Дарревский молодчик» как будто даже протрезвел от известия, что русские совсем рядом, и, не споря, повернул на дорогу в Петсамо. Вернувшись в Паркина-отель, обер-лейтенант Отто Рихтер наложил себе повязку на руку и утром был вынужден огорчить фон Герделера.

– Я не думал, что здесь так опасны дороги, – сказал он, показывая свою забинтованную руку. – Мне просто повезло, я легко отделался, а вашего шофера убило наповал. И задние стекла в машине разбиты. Поверьте, я сам не рад...

Вечером он сел в маршрутный автобус, совершавший ежедневные рейсы вдоль побережья, и купил билет до одного курортного поселка. Было уже поздно...

* * *

Этот особняк стоял на самом отшибе поселка, черные ели шумели верхушками над его острой крышей. Отто Рихтера впустил внутрь мужчина средних лет и средней упитанности, облаченный в офицерские галифе и лыжный свитер. Он провел обер-лейтенанта наверх, осветил его лицо лампой.

– Я вас не знаю, – сказал он.

– Зато я хорошо знаю вас, – ответил обер-лейтенант. – И вспомнил я о вас, господин Лыткин, не случайно: вы нужны мне. Вернее, даже не вы, а тот аппарат, которым вы имеете право свободно пользоваться для связи с Мурманском.

Мужчина дернулся к телефону, но Отто Рихтер остановил его, достав из кармана кусок провода:

– Я был бы дураком, если бы не сделал этого. Теперь можете звонить сколько угодно...

Вошла, позевывая, растрепанная женщина в засаленном халате, с удивлением посмотрела на немецкого офицера:

– Анатоль, кто это к тебе?

«Дарревский молодчик» понялся ей навстречу.

– Здравствуйте, Клеопатра Федоровна, – приветливо сказал он. – Что же вас давненько не видно в Мурманске?

Женщина в ужасе отшатнулась назад к стенке.

– Вы... вы... – начала она.

И вдруг она вцепилась в горло обер-лейтенанту, крича:

– Анатолий, стреляй его, сволочь! Ты что, не видишь разве? Он же ведь – оттуда!..

Обер-лейтенант разжал ее руки на своей шее и отшвырнул истеричку от себя.

– Я с тобой, сукой, разговаривать не желаю, – сказал он по-русски и увидел направленное на него дуло пистолета.

– Вы знаете, куда попали? – спросил его мужчина.

Отто Рихтер сел в кресло. Женщина трясущимися руками доставала из пачки сигарету.

– Анатолий, дай же мне спичку!

– Пожалуйста, – и обер-лейтенант чиркнул перед ней своей зажигалкой. – Я знаю, – спокойно повторил он, – куда я попал. Я попал к изменникам родины, но вы мне сейчас нужны! Вы уже догадались, кто я такой. Мне нужно передать на Большую землю одно сообщение. Конечно, моим шифром. Можно даже и вашим, так как мы его все равно знаем...

– Анатолий, – взвизгнула женщина, – ты видел такого дурака?

– Да замолчи ты, зараза! – прикрикнул на нее мужчина, не сводя с обер-лейтенанта своего пистолета. – Мы же ведь, – сказал он, – так тебя сейчас обрабатываем, что родная мать не узнает.

– Это глупо, – ответил Отто Рихтер. – Не следует тратить время на разговоры. Я-то ведь хорошо знаю, что вы исполните все, что я потребую от вас, и даже...

Короткий рывок всем телом – и обер-лейтенант уже имел два пистолета: один – свой – в кармане, второй – чужой – в руке.

– А-а-а... О-о-о, – стонал мужчина, корчась от страшной боли в локтевом суставе.

– Да, это больно, – спокойно продолжал «дарревский молодчик». – Так вот, я и предлагаю вам не тратить времени, а исполнять то, что я от вас требую.

– Но почему вы так уверены, что мы настолько морально нечистоплотны, что согласимся на все ваши требования?

– Да просто потому, что ваша моральная чистоплотность позволила вам работать на две разведки сразу: на немецкую и на английскую. И если я только дам возможность немцам подержаться за самый кончик хвостика этого казуса моралистики, то они...

– Анатолий, – сказала женщина устало, – передай что он просит, и пусть он поскорее убегает ко всем чертям!..

* * *

Штаб армии и Северного флота узнал о плане отравления немцами тундрового побережья в тот день, когда подводная лодка Ганса Швигера входила в Карское море. Капитан-лейтенант Плетнев – тот самый, к которому приходила когда-то Аглая Никонова, – не ожидал никаких сведений и был очень рад, что «пара сапог» благополучно топает по той стороне...

Сиссу

Отгрохотали тяжелые штормы, отгудели свое тоскливое зимние ветры, сугробы стали оседать книзу – близилась весна.

Где-то на юге она сейчас уже буйно шагала по цветущей земле, выпускала из улья первую пчелу, садовод подстригал пушистые ветви, а здесь, на параллели шестьдесят девятой, еще только-только побежал первый ручей и снова замерз под вечер.

И хотя Левашев, прибыв на новое место службы, получил для себя лыжи, он уже не мог верить в зиму – она отступала, пора было скинуть валенки. Командир роты, что занимала позицию на перешейке между озерами Лайдасалми и Хархяярви, капитан Афанасий Керженцев сказал Левашеву:

– Будете служить в отделении ефрейтора Лейноннен-Матти. Он вам все объяснит, всему научит...

Левашев отыскал ефрейтора в одной из землянок, пол которой был устлан пахучими еловыми ветками. Лейноннен-Матти оказался поджарым пожилым человеком с твердым,

волевым лицом, побуревшим от жгучих карельских морозов. Он сидел возле печурки, в которой пламя весело облизывало сучья сухостоя, и стругал какую-то короткую палочку.

Оглядев нового солдата светлыми глазами, ефрейтор сказал:

– Полушубок – снять!

Левашев скинул с плеч душную овчину, остался в одном ватнике. Лейноннен-Матти удивленно посмотрел на бойца, сухо улыбнулся:

– Перкеле, еще и ватник!.. Наверное, с егерями воевал?

– Так точно, товарищ ефрейтор! Был слегка контужен, вот теперь из госпиталя прямо к вам...

– Ватник снимай тоже, – распорядился Лейноннен-Матти. – Получишь взамен две пары теплого белья и свитер. Здесь тебе не егерь, а финн. Откуда и не ждешь его, примчится на лыжах и саданет тебе свой пуукко под самое сердце. Ты в своем полушубке да ватнике и развернуться не успеешь, как от финна одна только лыжня осталась... Понятно?

– Чего уж тут не понять, товарищ ефрейтор.

Лейноннен-Матти протянул солдату кисет с самосадам, они закурили, и ефрейтор продолжал:

– Взяли тут недавно одного лахтаря. «Когда вышел из части?» – спрашиваем. «Вчера вечером». А взяли мы его уже на рассвете. «Где же стоит твоя часть?» – «В поселке Куукауппи», – отвечает. А ведь этот Куукауппи в восьмидесяти километрах отсюда! Стали проверять – не врет. Вот и выходит, что он за одну ночь столько километров отмахал на лыжах. «Устал?» – спрашиваем. А он одно только твердит: «Сиссу, сиссу, сиссу...» Это у них такая теория о финской выносливости есть, сиссу зовется...

Лейноннен-Матти протянул руку к лыжам, оставленным бойцом возле дверей землянки:

– Сейчас получил?

– Сейчас.

– Хорошие суксет, ^[13] – сказал ефрейтор и вдруг легко переломил на колене лыжные палки, бросил обломки в печурку. – Это лишнее, – заверил он. – На лыжах ты через любую мину проскочишь, а удар по ней палкой – сам знаешь, что будет... Нож есть?

Левашев раскрыл перед ефрейтором большой рыбацкий складень.

– Есть. И тесак есть.

– Это не годится, – ответил Лейноннен-Матти. – Вон там в углу финки лежат, у пленных забрали, подбери себе пуукко, чтобы не длинный и не короткий, а в самый раз...

И пока Левашев выбирал себе нож, ефрейтор спокойно продолжал строгать свою палочку. Потом, одобрив выбор Левашева, спросил:

– Драться умеешь?

– Не приходилось.

– Я тебя научу. И драться ножом, и защищаться ножом.

Он кивнул на противоположный угол землянки, стены которой были обшиты досками.

– Вот сучок, видишь?

– Вижу...

Лейноннен-Матти прицелился, и его блестящий пуукко, кружась в воздухе, впился острием прямо в сучок.

Выдергивая нож из доски, Левашев сказал:

– Неужели и этому мне учиться? Да я, кажется, никогда не смогу так...

– Надо! – перебил его ефрейтор. – Все, что умеет делать враг, надо уметь и нам. Лучше врага делать!

– А что, здорово финны ножи кидают?

– Ничего, метко. Когда все патроны и гранаты кончатся, вот тогда и швырнет... Я тебе, Левашев, совет дам: увидишь, что какой-нибудь маннергеймовец в тебя своим пуукко целится, сразу пригни голову, вот так...

И он показал, как надо пригнуть голову.

– А зачем это, товарищ ефрейтор?

– А затем, что финны целят ножом прямо вот сюда, перебивают на шее артерию...

Лейнонен-Матти постучал рукояткой ножа по выструганной палочке, в его руках вдруг оказалась дудочка. Он приложил ее к губам – тонкие нежные переливы незнакомой Левашеву мелодии наполнили землянку.

– Это есть такая финская песенка, – задумчиво сказал ефрейтор, перестав играть. – «Скоро наступит весна, побегут ручьи, и мы с тобой, любимая, будем пить сладкий березовый сок...» Очень хорошая песня!.. Ведь я, Левашев, финн!

Он встал – худощавый, подтянутый, строгий. Надел шапку, перекинул на шею автомат,

– Ну-ка, я опробую твои лыжи. Надо сходить проверить посты.

И вышел из землянки. Левашев шагнул вслед за ним. Ефрейтор надел лыжи, хлопнул рукавицами, крикнул «хоп!» – и через несколько секунд уже скрылся из виду, только одна лыжня тянулась в сторону леса.

«Да, – подумал Левашев с завистью, – надо учиться у этого человека...»

Прохладная капля, скатившись по ветке дерева, упала ему на лицо. Солдат вытер щеку, улыбнулся наступавшей весне. Невольно вспомнились скалы Мурмана, причалы родного колхоза, чайки, паруса, мотоботы... И молодая красивая жена вспомнилась, так вспомнилась, что защемило сердце.

А солнце, поднимаясь из-за скалистых карельских увалов, всходило все выше и выше...

* * *

Когда Теппо Ориккайнен увидел свою жену – с высоко вздернутым животом, приподнявшим ее серую заплатанную юбку, – он долго не мог понять, что это значит. Капрал даже пытался подсчитывать, сколько прошло месяцев с тех пор, как они виделись в последний раз.

– Бить будешь, – покорно сказала Лийса. – Ну... бей!..

Задохнувшись от гнева, он ударил жену ногой и, уже ничего не помня, бил ее тяжелыми батрацкими кулачищами, стегал ремнем с бляхой, топтал коваными каблуками.

Вначале она выносила побои молча, потом стала кричать:

– Теппо... Постой, Теппо!.. Ради Господа Бога!..

И наконец затихла совсем. Капрал отшвырнул ее раскисшее, непомерно толстое тело в угол, шатаясь, вышел на улицу. В первом же кабаке он до одури нахлебался дешевой водки из древесины и захватил с собой еще одну бутылку.

Ориккайнен шел по тротуару, размахивая руками, натыкался на встречные деревья, и два ряда медалей на его груди звенели, словно бубенцы хельсинкской пролетки.

– Сволочь! – орал он на весь проспект Таннернинкату. – Потаскуха!.. Собачья морда!.. Я там... в окопах... А ты?!

И пьяные слезы текли по его щекам. Один молоденький полицейский – из уважения к ветерану двух войн – довез капрала на извозчике до дому. В комнате все было разворочено, на полу растеклась лужа крови, но Лийсы уже не было.

– Убью! – решил капрал и стал сдергивать с пальца обручальное кольцо. Но с тех пор как он обвенчался с Лийсой, его руки огрубели от топора и оружия, сгибы пальцев уродливо разрослись – и кольцо не снималось...

Он уже искал топор, чтобы в пьяном исступлении отрубить палец вместе с кольцом, когда пришел пастор местного прихода – молодой, бритоголовый, скрипящий ножным протезом. Духовный отец дал капралу понюхать кокаину и, когда тот пришел в себя, заговорил сурово и резко, точно отдавал воинскую команду:

– Сын мой! Мне как бывшему фронтовику стыдно за тебя. В пору великих испытаний, когда между двумя союзными нациями делятся хлеб и патроны, ты не можешь поделить с братом по оружию ложе своей жены... Если бы она была распутна по внушению дьявола, это был бы грех, но она чиста перед всевышним и тем более перед тобой...

На черной сутане священнослужителя рядом с распятием сверкал значок: парень с дубиной в руках ехал верхом на медведе. Ориккайнен тупо смотрел на эту эмблему шюцкоровской партии и с трудом улавливал смысл речи пастора.

– Ты знаешь, – говорил духовник, – финны осчастливлены особыми свойствами души и характера. Мы привыкли называть эти свойства одним словом – сиссу, и это слово не простой звук: сиссу – в нашей крови. Только мы – и никто другой! – способны на такое упорство, самопожертвование, долготерпение и выдержку. В сиссу наше спасение, в нем – залог будущего нашей нации. А вот ты, капрал, ты...

Капрал схватил пастора за розовый загибок и вытолкнул его за дверь.

Утром пришел сосед – старый сапожник Хархама.

– Ну, Теппо, – сказал он, – натворил ты вчера бед. Лийса лежит в больнице – у нее был выкидыш. Притом ты выбил ей бляхой глаз...

Слабая жалость, перемешанная с ненавистью, тронула сердце капрала, лежавшего на полу среди черепков разбитой посуды. Он допил оставшуюся с вечера водку и подумал:

«Пойду в больницу... все-таки – жена...»

Но сапожник заговорил дальше, и ненависть, подогретая водкой, победила жалость.

– Ах, сука! – сказал он. – Так она с немцем?.. Ах, сука!..

– Обожди, успокойся, – убеждал его Хархама, – ведь не один ты такой. Тут многие бабы жили с немцами.

Вместо больницы капрал пошел в городское управление «Вермахт-интендант ин Финлянд». Немецкий чиновник, хорошо говоривший по-фински, принял капрала в своем кабинете, украшенном портретами Гитлера на фоне Эйфелевой башни и Маннергейма, снятого на правом фланге выстроившихся сироток приюта для бедных.

Выслушав капрала, чиновник умело скрыл улыбку и сказал:

– Я разделяю ваше негодование, но – увь! – сожигание финских женщин с нашими солдатами скреплено договором между вашим министерством обороны и нашим генеральным штабом. Вот, прочтите...

Он подsunул капралу текст договора, и Ориккайнен, сжимая под столом кулаки, прочел первый пункт:

«Германия обязуется выплачивать во время войны алименты детям, рождаемым финскими женщинами вне брака и отцами которых являются лица, принадлежащие к военным силам Германии или сопровождающие эти силы во время их пребывания в Финляндии...»^[14]

Капрал отложил договор, встал:

– Ну и кому же я буду обязан за эти алименты?

Чиновник, поглощенный тем, чтобы сдерживать смех, не понял вопроса и ответил, показав на портрет Гитлера:

– Фюрер великодушен, он не оставит вашего ребенка!

Теппо Ориккайнен тяжело шагнул к стене и плюнул на портрет фюрера. Это было так неожиданно, что чиновник даже растерялся. Он опомнился, когда капрал уже спускался по лестнице.

– Задержите его! – крикнул он сверху. – Задержите!

Отбросив скрещенные перед ним штыки часовых, капрал выбежал на улицу.

Вечером, когда он сидел в своей разгромленной комнате, кто-то постучал в дверь. Это был молодой щеголеватый ефрейтор инженерной службы.

– А госпожа Ориккайнен вышла? – спросил он, садясь на табурет.

– Сейчас вернется, – хмуро пообещал капрал, разглядывая немца; у ефрейтора была длинная, вытянутая кверху голова, похожая на большую редьку, и оттопыренные, как у лейтенанта Суттинена, хрящеватые уши.

Теппо Ориккайнен не хотел начинать расправу сразу, но эти уши напомнили ему о «собаке Суттинене», и ударом кулака он сбил гитлеровца с табурета. Тот полетел в угол, загребая на своем пути черепки посуды и обломки мебели.

– Я немецкий солдат! – взвизгнув, сказал он. – Ты... вас... Да вы знаете, что с вами сделают?..

Капрал бил его нещадно и долго. Потом вытащил гитлеровца во двор, проволочив по земле, пробил его длинной головой фанерную дверь общественной уборной.

– Сейчас я тебя, сволочь!.. Ты у меня поглотаешь!..

Ефрейтор стал сопротивляться из последних сил, но капрал оторвал его от пола, просунул головой вперед в круглое отверстие – и животный крик отвращения и ужаса захлебнулся в зловонной жиже... Больше в свой дом капрал не вернулся. Он пропил мундир, расстав по карманам брюк сорванные с него медали, заложил в кабаке нижнее белье из силлы – древесного полотна – и очнулся уже на голых досках нар военной комендатуры, избитый, опухший от пьянства, в каком-то грязном пиджаке с чужого плеча.

Благоухающий духами жандармский офицер, придя в камеру, сказал ему:

– Вам был предоставлен отпуск до пятнадцатого мая... Так! Но мне думается, что и этих пяти дней пребывания в тылу вам достаточно. Сейчас мы отправим вас под конвоем обратно на передовую.

– Хорошо, – смирился Ориккайнен, – я сегодня же отправлюсь на фронт. Дайте мне только полчаса, чтобы повидать жену, – она лежит в больнице.

Офицер сказал:

– Нет! – и капрал снова повалился на нары.

* * *

Подули теплые ветры. На озерах потемнел и потрескался лед. В широких разводьях, образованных разрывами снарядов, уже плескались дикие утки. По ночам в лесных низинах призывно трубили лоси. Трепетные осины первые отряхнули свои жидкие ветви, и только на разлапистых елях еще лежали толстые сырые пласты снега.

Солдаты оставили лыжи, начали собирать прошлогоднюю клюкву, подвешивали на ночь свои котелки к надрезанным стволам берез и по утрам бежали к ним – пить ароматный березовый сок. От нагретой земли поднимался легкий дрожащий пар; пели на все лады птицы, и, выходя из землянок, никто не хотел верить, что идет страшная, кровавая война.

Левашев, пожалуй, больше других не верил в это, и не только потому, что его настроение, умиротворенное пробуждением природы, подогревалось ласковыми письмами Фроси, – Левашев думал так: «Вот стоим здесь третьи сутки. Где-то пролаял автомат „суоми“, и – снова тишина. Мы пьем березовый сок; разведчики говорят, что вчера финны ловили в Хархярви рыбу. Понятно, приказа выступать нет, в штабе виднее, но все-таки – что же это за война?..»

Он как-то сказал об этом Лейнонен-Матти, и ефрейтор вынул из кармана окурки папиросы.

– Вот подобрал сегодня утром около ручья, где берем воду. Видишь, здесь написано: «Tumies», что значит – рабочий. Самые дешевые финские папиросы, их выдают унтер-офицером. А спрашивается, что здесь нужно было маннергеймовцу ночью?.. Так что, Левашев, запомни: здесь тоже идет война – война тихая, неприметная, но очень серьезная...

Левашев убедился в этом, когда финская «кукушка» выпустила в него две пули подряд: одна вырвала из рук котелок с клюквой, другая обожгла плечо. «Ну и ну! – думал боец, уткнувшись в землю. – Это откуда же он бьет?..»

Наверное, полчаса, не меньше, солдат пролежал на сырой земле, терпеливо высматривая «кукушку». Кругом шумели сосны, лес был окутан прозрачной дымкой, ни одна ветка на дереве не шелохнулась.

Но едва Левашев поднял голову, как по верху каски срикошетила пуля, а вторая, выпущенная следом, пролетев над ним, оторвала каблук у сапога. И опять, пока не заболели глаза, он осматривал местность, и опять спокойно шумели сосны, а какая-то пичужка строила себе гнездо и над самой головой солдата заливалась вовсю... «Откуда же стреляют? Так и до вечера пролежать можно», – озлобясь, думал Левашев и... пролежал до вечера.

Когда же стало темнеть, на одной далекой сосне задвигались ветви. Левашев заранее прицелился, увидел финна, и два выстрела раскололи тишину. «Кукушка» свалилась со своей люльки и, раскачиваясь, повисла на веревке, которой была привязана к дереву.

Быстро темнеющий лес вдруг пронзил дикий вопль:

– Ала-ля-ля-ля!!

На этот вопль отозвались другим:

– Ала-ля-ля!!

Левашев, невольно содрогнувшись, поднялся с земли, и четыре выстрела подряд громыгнули в лесу. Одна пуля задела бедро, но вскользь – солдат не сразу почувствовал боль. Прячась среди деревьев, он побежал к расположению своих позиций, а вслед ему трещали автоматы «суоми».

Около высокого навала гранитных камней какая-то тень метнулась ему наперерез. Левашев перехватил занесенную над ним руку с ножом, как его учил Лейноннен-Матти, рванул из ножен свою финку. Маннергеймовец ударил его коленом в живот, и, ломая кустарники, они оба покатались по земле.

– Ала-ля-ля! – кричал финн, пытаясь освободить руку с ножом...

Уже сидя в своей землянке, Левашев долго пытался вспомнить, как он справился с этим белофинном, и – не мог. В памяти сохранилось только тяжелое дыхание врага, вкус земли на зубах, холодный блеск пуукко и равнодушный шум сосен. И всю ночь солдат беспокойно ворочался, думая о том, что ефрейтор прав: здесь война тихая, неприметная, но очень серьезная.

На следующий день, рано утром, финны подтащили к перешейку между озерами мощный громкоговоритель, и шепелявый старческий голос сказал:

– Красноармейцы!..

Все насторожились. Лейноннен-Матти вяло улыбнулся:

– Сейчас агитировать начнут, а потом из гаубиц шпарить, вот увидите.

– Красноармейцы! – повторил голос. – Поворачивайте штыки в землю и сдавайтесь в плен. Мы вас будем кормить хорошо. Масло, сыр, шоколад – вот чем мы снабжаем пленных, каждый красноармеец получит по стакану вина в день...

Старший лейтенант Керженцев злобно сплюнул:

– Вот сукины дети! Сами «няккилейпя» и «каккару» жрут, а тут – масло, сыр, шоколад. Нашли чем соблазнить нас: стаканом вина в день, ха!.. Ну-ка, ефрейтор, разбей им эту говорильню.

Лейноннен-Матти, захватив автомат, убежал исполнять приказание, и шепелявый скоро замолчал, оборвав свою агитацию на полуслове.

А через несколько минут на перешейке разорвался первый снаряд. Он вздыбил землю невдалеке от походной кухни, и молодой повар, мешавший в котле кашу, слабо охнув, свалился с прицепа. Второй снаряд развалил на несколько частей громадный валун. Третий...

Левашев не видел, куда упал этот третий, – он уже сидел в укрытии рядом с ефрейтором.

Керженцев, пробегая мимо них в командирский окопчик, крикнул:

– Матти, потом зайдешь ко мне – поговорим, что нам с этой гаубицей финской сделать!

* * *

Вянрикки Юхани Вартилаа, замещавший лейтенанта Суттинена, однажды вечером принес в землянку патефон и набор пластинок к нему под названием «руссифон».

– Мы давно не занимались русским языком, – сказал он. – Но мы должны знать язык врага в пределах необходимого.

Из-под тупой деревянной иглы шипящая мембрана выбрасывала в уши солдат «необходимые фразы»:

– Стой, руки вверх!

- Сдавайся в плен, иначе – убью!
- Поворачивайся спиной и не двигайся!

Окончивший в Германии финский факультет Потсдамской офицерской школы, где изучение русского языка было обязательным, Юхани Вартилаа переводил – и солдаты унылыми голосами повторяли:

- Я хочу быть гостем в твоём доме!
- Где ваш колхозный скот?
- Куда вы прятали хлеб?

В изданном ещё до войны «руссофоне» – на случай победы – были заготовлены и такие фразы:

– Какие папиросы, господин солдат, вы курите? – спрашивал «благодарный» русский своего «освободителя» – маннергеймовца, когда тот устроился в его доме.

- Я курю только «Дюшес», – отвечал ему воображаемый «освободитель».

Тогда из-под мембраны слышался вздох, и скорбный голос «освобожденного» отвечал:

– Но у нас нету папирос «Дюшес». При коммунистах остались только «Беломорканал» и махорка...

Впрочем, вянки в таких случаях снимал с патефона пластинку и подыскивал другую.

– Это нам пока не нужно, – говорил он, и солдаты молча переглядывались. «Да, конечно, не нужно, – говорили их взгляды. – Как сели в карельских болотах, так и сидим три года. И никто нас не спрашивает, какие мы папиросы любим, – сами лист березовый собираем и дышим...»

Неожиданно петсамовский горняк Олави – тот самый, который первым затеял драку с ефрейтором Нишецем, – сказал:

- Херра вянки, а зачем нам все это?

– То есть – что? – спросил Юхани Вартилаа, остановив патефон. – Зачем вам знать язык москалей?

- Нет, херра вянки, я имею в виду другое...

Вартилаа понял и, как-то сразу съехившись, оглядел солдат. Среди них было много «муонамиес», «торпари» и «мякитупалайнен». Первые батрачили всю жизнь за одни харчи, вторые арендовали землю у кулаков, третьи, жители бугра («мяки»), на котором у них стояла избушка («тупа»), были хозяевами в пределах своего крохотного огорода. Все они издавна жили в мечтах о земле, которую можно по своей воле перепахать, переделать, засеять.

И вянки осторожно завел речь об азиатской угрозе, о том, что нужно ликвидировать коммунистическую систему, иначе придет москаль и задушит европейскую цивилизацию. Юхани Вартилаа ещё раз оглядел своих солдат, бывших батраков, и выложил перед ними последний козырь: заговорил о расширении пространств «великой Суоми».

– Вы хотите земли? – воодушевился он. – Надо воевать. Когда мы победим, у каждого финского солдата будет много земли, своя усадьба с баней и малинником, а в придачу – долговременный кредит в акционерном обществе.

Через раскрытую дверь землянки донеслись выстрелы. Влетел капрал Хааhti, крикнул:

- Херра вянки!.. Руссы пробрались, сейчас гаубицу нашу тащат!..

Спохватились поздно: русские уже катили пушку по лесной тропинке в сторону перешейки. Вслед им была послана погоня. Десять автоматчиков во главе с капралом Хааhti бросились отбивать свое орудие. Тогда русские открыли огонь из гаубицы прямой наводкой. Обратно автоматчики вернулись, неся на себе раненых и убитых. Один солдат, которому осколком разворотило живот, кричал на весь лес от боли, и вянки Вартилаа утешал его:

- Тихо, тихо!.. Ты ведь финн!.. Сиссу!..

В этот день капрал Теппо Ориккайнен вернулся в свою роту. В камышах реки, вытекавшей из Хархярви, уже стояли четыре лодки с гробами.

Юхани Вартилаа сказал капралу:

- Отвезешь убитых по воде до старой границы, там их переправят на родину.

Пока Ориккайнен плыл с гробами по рекам и озерам, пока возвращался обратно, в роте лейтенанта Суттинена было убито сразу четырнадцать человек.

Плотно заколоченные гробы из неоструганных досок, с черными крестами на крышках, уже стояли в ряд на прибрежном песке, и вянкики снова вызвал капрала:

- Отвезешь до границы и этих. Путь знакомый.
- Что ж я, херра вянкики, так и буду возить покойников?
- Когда-нибудь и тебя отвезут, – утешил его Вартилаа.

«Служу Советскому Союзу!»

Штюрмер посмотрел на часы: еще минут десять полета – и можно лететь на аэродром завтракать. Английский крейсер дымил внизу, и ас выписывал над ним круги в одном и том же направлении, словно заведенный. Штюрмер не утруждал себя попытками сбросить на крейсер бомбы, ибо зенитный огонь таких кораблей может причинить большие неприятности. Он только крутился над крейсером, собираясь скоро лететь на завтрак.

– Чертовская работа! – сказал оберст и, поставив штурвал на стопор, стянул через голову меховую куртку. Он повесил ее рядом с клеткой почтового голубя, который с недовольным видом смотрел на летчика красноватой бусинкой глаза. – Удивительно чертовская работа! – повторил Штюрмер.

Дело в том, что асу не давали отпуска, – он не успел налетать положенное число километров. И вот теперь брался за любые «дежурные» полеты, какие мог бы выполнить любой сопляк, только бы накрутить побольше километраж. На радиопульте мигнула красная лампочка, и в наушниках пророкотал чей-то голос:

– Послушай, приятель, ты крутишься над нами все время в одном направлении, и у нас уже заболела шея. Крутись теперь в обратную сторону.

Штюрмер рассмеялся и перешел на передачу.

– Пусть шея у вас не болит, – сказал ас. – Я сейчас улетаю. Передайте привет английской королеве. Я целую ее румяные щечки!..

Он развернул машину, повел ее в сторону берега. Клетка с голубем качалась над его головой. Парашютный пакет мягко пружинил под ним. «Надо бы узнать, – машинально подумал гитлеровец, – кто изобрел парашют? Наверное, немец... Говорят, что в лабораториях Мюнхена из угля уже стали делать синтетическое свиное сало. Угля у нас много. Значит, полакомимся и свининкой!..»

Под крылом самолета мелькнула какая-то точка. Штюрмер не поленился вернуться и спустить себя на несколько «этажей» ниже. Это был жалкий задрипанный ботик, волочивший за собой рыбацкую сеть. Цель скверная, жалко тратить на нее боезапас, оберст только решил припугнуть русских рыбаков: он включил сирену и с ужасающим воем прошелся над мачтами мотобота, хохоча при этом во все горло...

– Ну, что? – сказал он голубю. – Тебе эта музыка не нравится?..

И вдруг ас заметил вдалеке тонкую полоску взбудораженной воды – бледная, почти жемчужного цвета струя тянулась где-то под крылом самолета. Такой след мог оставлять за собой только малый быстроходный корабль, и вскоре Штюрмер разглядел в нем русский торпедный катер. Он опустил пониже, чтобы присмотреться к цели внимательнее и, решив атаковать, открыл дроссель, прибавляя газ.

Ветер упруго ринулся навстречу, кожаная куртка прилипла к переборке кабины. Прильнув к микрофону, Штюрмер прокричал в эфир, чтобы его к завтраку не ждали, он немного запоздает.

– Да, да! Нашел хорошую цель и сейчас начну обучать русских хорошим манерам!..

Он открыл колпак над кабиной, глотнул свежего воздуха и огляделся по сторонам – нет ли поблизости русских или английских истребителей. Потом снова захлопнул колпак и, пройдя над катером, дал три пулеметных очереди по четыре секунды каждая.

Ему ответили. Штюрмер этого не любил. Он уже начинал злиться, и с пикирования боднул море двумя небольшими бомбами. Катер оказался не дурак и лихо выписал восьмерку: взрывы его миновали.

– Что за черт? – возмутился Штюрмер. – Они, кажется, собрались тягаться со мной, и я окажу им эту честь... Как им понравится вот это?

В движение пришли пулеметы и автоматическая пушка. Но в этот же момент колпак разлетелся над ним, и осколком раскроило над бровью лоб – кровь сразу залила глаз. Потом потянуло откуда-то дымком, а в ботинке что-то зачмокало.

Голубь метался над ним в своей клетке.

Штюрмер глотнул воздуха и запел – это ему помогало: о нет, он еще не разбит, посмотрим, что запоют другие!..

* * *

– Рябинин! – выкрикивает Никольский, и молодой матрос понимает его с одного лишь слова.

Он хватает минимакс, ударяет его о палубу – капсуль разбивается. Едко пахнувшая лакричная сода сильной струей хлещет из spryska. Сережка направляет струю в люк моторного отсека, где бушует пламя.

На мгновение поднимает голову и видит, как от брюха самолета отрываются маленькие капли бомб. Постепенно они разрастаются; уши режет протяжный вой. Не переставая, грохочет пулемет боцмана. Ромась Павленко, Илья Фролов и Гаврюша Крылов лежат на изрешеченной палубе и стреляют по самолету из карабинов.

Бомбы наконец достигают воды и взрываются на глубине, ударяя по днищу катера «водяным молотом». Самолет, осыпая «Палешанина» ливнем пуль, черной тенью проносится над головами людей.

Немецкий летчик ловко выводил себя из затруднительных положений, кружил машину над гребнями волн, стремительно вонзал ее в высоту, чтобы оттуда снова броситься в рискованное затяжное пики.

Бомбы, автоматическое орудие и восемь пулеметов делали его опасным врагом катера. И радист Никита Рождественский, зажимая бьющую из раны кровь, слышал, как немец, кувыряясь в небе, пел:

Суп готовишь, фрейлейн Штейн,
Дай мне ложку, фрейлейн Штейн.
Очень вкусно, фрейлейн Штейн,
Суп готовишь, фрейлейн Штейн...

Он пел спокойно, не повышая голоса, даже когда нажимал на бомбосбрасыватель...

Пламя, вырвавшееся из бензобаков, уже пошло на убыль, когда Никольский снова крикнул:

– Рябинин!..

Сережка обернулся. Пулемет молчал, неестественно уставившись в воду.

Боцмана в турели не было видно, только одни его скрюченные посинелые пальцы царапали края боевой кабины, точно Непомнящий хотел выбраться наверх.

Юноша подскочил к турели. Тарас Григорьевич поглядел на него быстро тускнеющими глазами и рванул бушлат – только посыпались пуговицы.

– Сынок, взгляни, что-то грудь жжет...

Голландка боцмана была уже вся залита кровью.

– Сынок... сынок... помоги мне...

Сережка схватил старшину за локти, перевалил его грузное тело через края турели.

– Рябинин! – снова раздался голос Никольского, и юноша понял: медлить нельзя.

Немецкий самолет, почти касаясь воды крылом, разворачивался вдали для повторной атаки. Когда Сережка положил боцмана на палубу, голова Тараса Григорьевича мертво стукнулась о металл.

На этот раз противник рванулся в пике, включив сирену, но ее надрывающий душу вой не мог запугать молодого русского парня, самозабвенно припавшего к прицелу. Все восемь пулеметов, упрятанные в плоскости самолетного крыла, били по маленькому катеру.

Яростно работавший пулемет сотрясал плечи Сережки. Он видел, как самолет камнем падал с высоты, быстро увеличиваясь в размерах, и бил, бил, бил...

Кабина самолета, ширясь и приближаясь, была похожа теперь на огнедышащую топку, словно в ней жарко пылало чудовищное пламя. И вот что-то хрустнуло в локте, резанув острой болью по всему телу, но в следующее же мгновение перед юношей мелькнуло желтое брюхо торпедоносца.

И он, забыв о боли, прочесал вдоль этого ненавистного брюха длинную трассу. Самолет сбросил бомбы.

Выводя машину из глубокого пике, ас простонал от тяжести крови, хлынувшей ему в голову, а потом Рождественский услышал, как он запел снова. Но голос немца теперь уже не звучал спокойно, как прежде.

– Рябинин, – крикнул лейтенант, – бей в мотор! Кабина у него бронирована – это ас!..

Самолет, оставляя после себя белую полосу смерзшихся выхлопных газов, развернулся и снова пошел в атаку.

На этот раз фашист переменил свою тактику: он повел торпедоносец на бреющем полете, на высоте не больше пятнадцати метров от поверхности моря. Ось его пропеллера, в которой размещалось дуло автоматической пушки, не переставала тлеть красноватым огоньком выстрелов.

И Сережке казалось, что все снаряды – один за другим – направляются в его грудь, но не долетают до него только потому, что еще находятся в полете.

Самолет уже совсем близко – висит, точно подвешенный к прицельной раме. Еще секунда, вторая... Ну еще продержишься, Рябинин! Ты продержался?.. Тогда собери все свои силы и выдержи еще хоть мгновение... Так! Молодец! Теперь можно...

Сережка нажимает гашетку, самолет гудящим факелом пролетает над мачтой. Видно, как летчик пытается выровнять машину, но, поднявшись немного кверху, она снова падает вниз.

И наконец, точно плоский камень, брошенный кем-то по воде, самолет делает несколько прыжков по гребням волн и начинает тонуть. На глазах у людей открывается прозрачный купол кабины и, выпутываясь из лямок, на фюзеляж вылезает человек в кожаном комбинезоне. Самолет быстро уходит под воду, а на волнах подпрыгивает круглая голова летчика...

Никольский потерял сознание сразу же, как только понял, что бой выигран.

– Не везет нашему командиру, – сказал Ромась, – второй поход – и второй раз его пули не минуют...

Сережка с трудом поднял тяжелую, точно разбухшую руку, но взглянуть на рану почему-то боялся.

– Федюнька! – окликнул он Крылова – Посмотри-ка, что-то с рукой у меня нехорошо...

– Ну, что там у тебя? Давай снимай бушлат... Э-э-э, брат, – протянул матрос, – да как же ты стрелял? У тебя осколок сидит. Вот видишь, он через турель прошел – ослабел, а то бы... Больно?

– Вытащи к чертовой матери!

– Я зубами. Можно?

– Валяй! Только скорее!..

Крылов вытащил осколок:

– Вот, полюбуйся!

– Выкинь за борт! И перевяжи...

Немец, подплыв к катеру, цеплялся за борт скрюченными пальцами. На его плече торпорчился перевитый золотым шнуром погон оберста.

– Что, полковник, студеное наше море? – спросил Сережка, помогая здоровой рукой вытянуть летчика на палубу.

Немец стянул с головы шлем, размашисто стряхнул с него воду. Он был невысок ростом, худощав, на вид ему можно было дать лет сорок. На низкий, выдвинутый лоб оберста свисала мокрая, косо подстриженная челка.

Достав платок, Штюрмер вытирал кровь с раненой шеи и равнодушно посматривал на матросов.

Вспоминая школьные уроки по немецкому языку, Сережка сказал:

– Сейчас мы вам сделаем перевязку.

Неожиданно оберст заорал, выпучивая глаза:

– Я член национал-социалистской партии Германии и не позволю врагу бинтовать мои раны. Хайль!..

– Ах, вон он какой! – вскипел торпедист Фролов. – Тогда запрем его, ребята, в галюн: пусть там «на толчке» кричит свои хайли да хохи. Ничего, не подохнет! И обыщем как следует.

Спокойно стоял матерый нацист, когда отобрали у него парабеллум. И весь взвился на дыбы, когда Ромась расстегнул ему тужурку. Но крепки матросские руки, сорвавшие с груди оберста ожерелье из темных и гнилых волчьих зубов.

– Плохой ты ас, полковник, если в амулетки веришь, – сказал Сережка, и немца увели...

А боцман лежал, вытянувшись между торпедными аппаратами, и чья-то рука уже закинула его брезентом. Сережка встал на колени и открыл лицо старшины. Тарас Григорьевич был как живой, только нос у него по-мертвецки заострился, а глаза, прикрытые тяжелыми веками, казалось, все еще смотрят вдаль. «Сынок, взгляни, что-то грудь жжет», – вспомнил Сережка и, сдержав слезы, закрыл боцмана брезентом.

– Веди катер, – сказали ему, – больше никому...

Мотористы дали ход.

Внутри катера раздался настойчивый стук. Пришел Ромась, держа в зубах ленты бескозырки, чтобы ее не сорвало ветром.

– Поди успокой оберста, – сказал он, – а я постою за рулем...

* * *

Когда к Никольскому вернулось сознание, он в первую очередь вызвал к себе Сережку.

– Это ты, боцман? – спросил он, чуть повернув голову к двери.

Сережка шагнул к койке:

– Вы ошиблись, Глеб Павлович. Это я, Рябинин.

– Ты будешь хороший боцман, – улыбнулся Никольский. – А я вызвал тебя вот зачем: когда подойдем к пирсу, доложи контр-адмиралу обо всем, а я... я не могу сегодня...

– Есть! – ответил Сергей.

Никольский закрыл глаза, долго лежал молча.

Потом спросил:

– Где идем?

– Проходим мыс Цып-Наволоок.

– Катер сумеешь ввести в гавань? – спросил лейтенант.

– Сумею. Сделаю все, как вы учили.

– Дай воды.

Стуча зубами по железному ободку кружки, офицер напился и в знак благодарности коснулся руки юнги.

– Ты, Сергей, мне нравишься, – сказал он.

Сережка смутился:

– Я, товарищ лейтенант, не делаю ничего особенного.

– Это верно. – Никольский улыбнулся усталой улыбкой. – Все у тебя получается очень просто и... как-то очень хорошо, мой милый...

Вскоре «Палешанин» миновал остров Кильдин и, рыча приглушенными моторами, вошел в Кольский залив. Чайки летели навстречу, волны сделались глаже и слабее. По обоим бортам поплыли скалистые берега. Разворот – и катер входит в узкий каменистый рукав гавани...

– Ромась, садись за пулемет! – говорит Сережка, уводя катер от разрушительных бурунов.

Затянутая сизым дымком гавань неожиданно открывается за поворотом, плотно заставленная кораблями. Сережка видит на причале сутуловатую фигуру контр-адмирала и направляет катер прямо к нему, вводя «Палешанин» между бортами кораблей.

Рев моторов внезапно стихает, и тогда над гаванью наступает тишина, прерываемая только криками чаек да плеском воды о камни. Быстро ставится трап. Сережка дует в свисток, отдавая команду «смирно», а сам начинает подниматься на причал.

Санитары уже выносят из рубки катера Никольского. Носилки, покачиваясь, плывут вдоль причала. Контр-адмирал движением руки останавливает их и подходит к раненому лейтенанту.

– Поздравляю вас, – говорит он, – с присвоением вам внеочередного звания старшего лейтенанта...

Потом оборачивается к Сережке и, резко поднося ладонь к виску, пристально смотрит на юношу. Притихшая гавань ждет. Кажется, что смолкает даже плеск воды, чайки и те кричат реже. Сережка стоит на мокрых досках причала уверенно и прямо.

– Товарищ Рябинин, за отличные боевые действия и привод катера в базу выношу вам благодарность и представляю вас к ордену Отечественной войны первой степени.

И над причалами, над морем, над заснеженными вершинами сопков разносится звонкий юношеский голос:

– Служу Советскому Союзу!..

Оглушительный прибой набрасывается на берег, чайки с громкими криками взмывают в небо.

На краю земли

И чего только не пережгла в себе за эти годы маленькая фронтовая печурка!.. Дымно горел в ней серебряный ягель; накалялась она докрасна от жарко пылавших снарядных ящиков; после боев и атак тлели в ней окровавленные бинты; даже истоптанные по камням, негодные сапоги и те бросали в печурку, только бы не умер огонь!..

Плохо солдату Семушкину, когда нет в землянке огня. Хотя и весна не за горами, а дыхание мороза еще обжигает через щели бревен, инеем покрывается пропотелый полушубок; захочет напиться Семушкин, а в котелке уже лед.

– Ну и климат, черт его побрал! – И штыком долбит солдат лед, чтобы добраться до воды.

Выйдет из землянки – тихо светят крупные яркие звезды. Ветер с шорохом переносит с места на место сыпучие полярные снега. Где-то далеко-далеко плавно ухнет, набежав волной на берег, штормовой океан. И снова – тишина, настороженная фронтовая тишина, в которой пробивается шум горной реки, посвистывает в тесных ущельях ветер да изредка провоет за сопкой голодный волк.

Вернется Семушкин в землянку, погреет руки над слабым пламенем коптилки и скажет:

– Чтой-то зябко, братцы!.. Или это мне кажется?

– Дровишек бы, – ответит другой.

– Да где их достать, – вздыхает третий, – коли тундра кругом – камень голый, дикий, неласковый!..

Однажды лежал Семушкин со своим приятелем Близоруковым в секрете. Изредка ночное безмолвие тундры раскалывал одинокий выстрел снайпера. Порою немецкий пулемет прорубал в ночи светлую строчку трассы. Это, видно, какой-нибудь егерь отпугивал от себя призраки крадущихся к нему разведчиков. А может, просто замерз и торопил свою смену.

Ветер трепал легкое полотно маскировочных балахонов. Океан шумел все глуше и глуше – шторм утихал. На севере – там, где скалистыми утесами обрывался в волны край

земли, кружили в небе огненные клубки ракет – гитлеровцы прощупывали пространство Мотовского залива: нет ли русских катеров?

– А ну, – сказал Близоруков, – кажется, кто-то вон с того обрыва снег обвалил.

Отогнули верха шапок, прислушались.

– Шаги какие-то, вроде сучья хрустят, – прошептал Семушкин. – Может, наш...

– Смотри, смотри! – дулом автомата Близоруков показал куда-то в темноту.

Семушкин всмотрелся и увидел фигуру немецкого офицера, идущего во весь рост прямо на них.

– Да что он, ошалел? Не знает, где свои позиции кончаются?

– Не надо стрелять, – предупредил Близоруков, – возьмем живьем...

Ветер раздувал длинные полы шинели немецкого офицера; он шагал очень быстро, перескакивая через камни, раздвигал хрусткие от мороза кустарники. И когда подошел совсем близко, бойцы поднялись ему навстречу, разом крикнули:

– Хальт, хенде хох!..

Офицер остановился, поднял руки и спокойно сказал по-русски:.

– Пистолет – в правом кармане, нож – за голенищем левого сапога. Можете забрать...

И, не опуская рук, повернулся спиной, покорно позволяя себя обыскивать. Кроме шестизарядного парабеллума и ножа в карманах офицера нашли два бутерброда, завернутых в обрывок егерской газеты «Вахт ам Норден», и документы на имя обер-лейтенанта Отто Рихтера.

– Отведите меня к вашему командиру, – строго приказал пленный.

– А это уж мы без тебя знаем, куда вести, – ответил Семушкин, скручивая руки врага за спиной...

В теплой землянке, обитой внутри листами финского картона, немецкий офицер облегченно вздохнул и сказал конвоирам:

– Ну, ребята, если встретимся после войны, так и быть – позову в гости! Выпьем за то, что вы не застрелили меня сегодня...

Дежурный по штабу полка велел солдатам развязать офицеру руки. Когда бойцы ушли, он прочел документы пленного и спросил:

– Вы, обер-лейтенант, прибыли на север из Голландии полмесяца тому назад... Так?

Пленный взял лежавший на столе нож и стал отвинчивать железную подковку на своем сапоге. Каблук сразу отвалился, из-под него выпала круглая металлическая пластинка и покатилась, звеня и подпрыгивая.

Дежурный офицер поднял ее, взглянул на тисненую надпись и сразу же встал.

– Куда вас доставить? – спросил он.

«Пленный» сунул нож в голенище, вложил в кобуру парабеллум, запихнул в карман свои бутерброды.

– Немедленно позвоните, – сказал он, – в штаб фронта. Для начала – дежурному.

– Есть! В какой форме прикажете доложить о вашем прибытии?

«Пленный» не спеша раскурил сигарету и, улыбнувшись, ответил:

– Доложите так: с той стороны прито пала пара сапог.

– И все?

– Все...

* * *

Контр-адмирал не помнит, сколько он спал. Сон был тяжелый, как удушье. Все время почему-то снилась карта, пересеченная карандашной чертой курса, который вел прямо на минное поле. Хотелось позвать штурмана, сказать, что курс гибельный, но... тело куда-то плыло, покачивалось, в ушах стоял плеск воды, потом вдруг бешено загрохотали колокола громкого боя...

Игнат Тимофеевич вскочил с постели, механически – по нажитой привычке – стал искать сапоги, чтобы бежать на мостик. Но вместо тяжелых штормовых голенищ нащупал мягкие домашние шлепанцы, и звонили совсем не колокола.

Он встал, накинул шинель, прошел в прихожую:

– Кто?

– Рассыльный, товарищ контр-адмирал... Приказано передать на словах, что катер ждет у восьмого пирса в губе Ваенга.

– Добро, можете идти.

И, закрыв за матросом дверь, Сайманов стал быстро одеваться.

...Было время ночного отлива – берег обнажал черные костлявые камни, полоса приборья лохматилась ворохами морской капусты. Катер раскачивался где-то далеко внизу, и его мачта вычерчивала круги почти на уровне пирса. Цепляясь за обледенелые сходни, Игнат Тимофеевич спустился на палубу катера, где его ловко подхватил старшина.

– Можно заводить моторы, – разрешил контр-адмирал и сразу прошел под капот.

Взяв кружку, привязанную цепочкой к медному лагуну, он напился тепловатой, пахнувшей хлором воды, мельком взглянул на себя в бортовое зеркало. Усталость последних бессонных ночей, проведенных за разработкой оперативных планов, конечно, должна была сказаться. И сказалась: глаза покраснели, кожа на лице стала какой-то серой, щеки ввалились глубже...

– Черт возьми, непорядок! – сказал Сайманов, и катерный рулевой невольно вздрогнул: он стоял за штурвалом, спиной к контр-адмиралу, а на спине у него как раз вылезла вата из дырки.

– Не успел зашить, товарищ контр-адмирал.

– Чего это?

– Да вот... ящики грузили, порвал нечаянно...

Рулевой замолчал. Сайманов, заметив прореху на спине матроса, внушительно заметил:

– Матрос должен сам следить за собой. Жен на флоте нету.

– Так точно, товарищ контр-адмирал!.. Нету!

Слегка улыбнувшись, Игнат Тимофеевич запахнул шинель, присел на дощатый диванчик. В моторном отсеке дробно затарахтел дизель, и стало видно, как под решетчатым настилом завращался гребной вал. По выпуклому окну рубки с прищелкиванием заелозила щетка «дворника», старательно вылизывая стекло от инея и брызг.

Рулевой, заранее кладя руль на борт, чтобы отойти от пирса, облегченно вздохнул:

– Ну, пошли!..

Старшина шагнул к рулевому, лениво ковырнул пальцем в дырке на его спине.

– Эва, – буркнул он, – на вас не напасешься, небось казенное, чего жалеть-то!..

– Старшина, не мешайте рулевому вести катер.

– Есть не мешать!..

Пролив скоро кончился, впереди распахивался простор взбаламученной ветром воды. Катер сильно потрянуло, кружку сбросило с подноса – она закачалась на цепочке.

– Прибавить оборотов, – сказал Сайманов, ловя кружку.

Гребной вал, сотрясая решетку настила, загудел под ногами глухо и протяжно. Старшина осторожно присел напротив Сайманова; было видно, что он хочет что-то спросить, но стесняется.

– Ну, – сказал Игнат Тимофеевич. – Что?

– Да вот, товарищ контр-адмирал, позвольте задать один вопрос... Скоро ли у нас егеря гнать будут... Вот, пожалуй, и все. Простите, что побеспокоил...

– Скоро, товарищ, скоро! – сказал контр-адмирал. – Вот только страну Суоми надо из войны выбить. Кировскую железную дорогу освободить полностью, а потом и в Лапландии наступать можно...

Надвинув на нос щеголеватую мичманку, старшина неопределенно, скорее из уважения, согласился:

– Это, конечно, так...

Катер резко положило на борт. С минуты он шел накренившись, лохматая пена смачно хлестала по стеклам. Держась за вделанный в переборку поручень, контр-адмирал добавил:

– А ты не спрашивай! Будет нужно – тебе скажут...

Катер, сбросив с палубы тяжелую воду, выпрямился. Всматриваясь в набегающую тьму ночи, рулевой доложил:

– Подходим к берегу. Прикажете встать к третьему пирсу?

– Да, к третьему!..

И старшина, перекинув на подбородок ремешок своей мичманки, поднялся на палубу готовить швартовы...

Когда контр-адмирал прибыл в штаб, ему сказали:

– С той стороны явился лейтенант Ярцев. Он имеет важные сведения...

– Добро! – ответил Сайманов, проходя в свой кабинет.

Ярцев дремал в глубоком кресле, облокотившись на край стола.

– Простите, – извинился он, вставая, – я не спал двое суток.

Игнат Тимофеевич крепко пожал ему руку:

– Поздравляю с возвращением. С голландскими документами все обошлось благополучно?

– Так точно. Ни сам комендант Лиинахамари капитан Френк, ни владелица Парккина-отеля фрау Зильберт, у которой я остановился, ни к чему не могли придраться.

– Итак, – сказал Сайманов, усаживаясь за стол, – самое главное?..

Ярцев достал из кармана бутерброды, ножом снял с них толстый слой маргарина, под которым скрывались тонкие пергаментные листки, сплошь усеянные многочисленными пометками.

Контр-адмирал поднес их к абажуру настольной лампы, – на промасленной бумаге четко проступили очертания Печенгского залива.

– Рассказывайте, – разрешил Игнат Тимофеевич, и лейтенант, слегка покачнувшись от усталости, шагнул к карте.

– Петсамо-воуно-фиорд, – произнес он, показывая залив, в который узкой змейкой вытягивалась с юга река Печенга. – Гитлеровцы сейчас торопливо укрепляют его побережье. Очевидно, они извлекли должный урок из матросских десантов на причалы Новороссийска и боятся повторения подобных операций в Заполярье... Считая невозможным применение танков в горах, генерал Дитм отдал приказ вкопать их в землю по обоим берегам фиорда. На входных мысах, обозначенных на немецких картах по-фински, – Нуурмиенисетти и Нууруниemi...

– Романов мыс и Палтусово Перо, – мимоходом заметил Сайманов. – Ну, дальше...

– На этих входных мысах, – продолжал Ярцев, – немцы усилили батареи, добавив к ним еще несколько орудий, дополнительно поставили прожекторные платформы. Но основную угрозу представляет, как и следовало ожидать...

– ...Мыс Крестовый!

– Так точно, товарищ контр-адмирал! Здесь гитлеровцы установили «большую Берту» калибра двести десять миллиметров и две противокатерные батареи...

– Калибр? – спросил Сайманов, сравнивая показания Ярцева с пометками на листочках.

– Центральная батарея – сто пятьдесят пять, а вторая – она расположена севернее, вот здесь, – лейтенант показал где, – калибра семьдесят пять миллиметров. Мне удалось познакомиться в Парккина-отеле с ее командиром обер-лейтенантом фон Эйрихом. Он сказал мне, что один только мыс Крестовый может закрыть своим огнем все подходы к Петсамо-воуно-фиорду; присутствовавший при разговоре полковник Герделер добавил, что ни один русский катер никогда не проникнет в Лиинахамари...

– Ну, ладно, – улыбнулся Сайманов, – пусть эти господа остаются при своем мнении...

Сказал и подумал: «На случай наступления мыс Крестовый должен быть в наших руках с самого начала. А потом только можно врываться в Лиинахамари!..»

– В понедельник, товарищ контр-адмирал, из Лиинахамари ушла в море подводная лодка. Я бы не обратил на это внимания, если бы не странная подготовка к ее выходу.

– Где она грузилась, лейтенант?

– Около тоннелей, где расположены торпедные склады. Причем весь район причалов был оцеплен отрядами полевой жандармерии. Мне не удалось проникнуть туда.

– Да, – задумался Сайманов, – тут что-то неспроста. Второй лорд Британского адмиралтейства уже проговорился, что за последнее время много союзных кораблей погибло от подводных лодок. И при очень странных обстоятельствах... Да-а-а...

– Последнее, – сказал Ярцев. – На следующей неделе в Порсангер-фиорд должен войти большой немецкий караван. Транспорты и мотобаржи под конвоем тральщиков и миноносцев...

* * *

Ровно в восемь часов, когда на кораблях отбили склянки, вошел для доклада адъютант:

– Доброе утро, товарищ контр-адмирал!

– Не совсем-то оно доброе, ну, ладно. Может, ты чем-нибудь порадуешь?..

Адъютант разложил перед собой бумаги, записки и тексты принятых шифровок.

– Только что, – сообщил он, – запеленгована работа радиостанции одной немецкой субмарины.

– Каковы ее позывные?

– Тире-тире-точка-тире.

– Ага! – оживился Сайманов. – Наконец-то Швигер заговорил. Каковы же его координаты?

Адъютант взглянул на свои бумаги, потом на карту:

– Радиопеленги, товарищ контр-адмирал, пересеклись рядом и образовали треугольник, центр которого находится примерно в сорока милях к норд-осту от Канина Носа.

– Далеко!.. Я давно уже замечаю, что Швигер жмет к берегам Новой Земли. Недаром у нас, когда он держит позицию, пропадают мотоботы с пушиной...

– Что прикажете, товарищ контр-адмирал?

Игнат Тимофеевич подумал, решительно хлопнул по столу ладонью:

– Вот что! Всем кораблям, находящимся в местах скрещения коммуникаций – такие места подводные корсары особенно любят, – дать радиограну... И такого содержания: первую готовность к бою не снимать, в подозрительных районах через каждые полчаса проводить контрольное бомбометание...

Сайманов отыскал на карте, разложенной поверх стола, крохотную модель патрульного судна, спросил:

– Какие сведения с «Аскольда»?

– Получена шифровка, – доложил адъютант. – Два дня тому назад у них кончилась пресная вода, вчера доели хлеб, а сейчас подходит к концу топливо.

– Радируйте Рябинину следующее: «Идти на угольную бункеровку в Иоканьгу». А когда «Аскольд» забункеруется – снова пойдет в море для продолжения патрулирования.

– Разрешите продолжать, товарищ контр-адмирал?

– Пожалуйста.

– Корвет «Ричард Львиное Сердце» вышел на свободную охоту.

Сайманов взял у адъютанта донесение патрульных судов, несших дозор на Кильдинском плесе, и прочел: «Британский корвет в 03.18 по местному времени пересек полосу брандвахты и, не отвечая на позывные, скрылся в неизвестном направлении...»

Игнат Тимофеевич отбросил бланк донесения, приказал:

– От имени союзного морского командования надо сейчас же договориться с корветом о радиопозывных, и командору Эльмару Пиллу впредь отвечать незамедлительно, коли мы их для дела вызывать будем!

– Какие будут еще распоряжения?

– В одиннадцатой комнате спит лейтенант Ярцев. Когда проснется, чтобы уже была заготовлена для него недельная путевка на курорт в Мурмаши. Это, слава богу, недалеко, и, если он нам потребуется, мы его сможем быстро вызвать.

– Будет исполнено, товарищ контр-адмирал.

– Предстоит торпедный удар по вражескому каравану. После обеда не забудь мне напомнить, чтобы я встретился с начальником авиаразведки. Надо не упустить этот караван и перехватить его еще на подходе к Порсангер-фиорду...

Через открытую форточку донесся вой сирены, пение корабельных горнов, глухой лязг цепей.

– Это вернулся «Летучий»? – спросил Сайманов.

Адъютант шагнул к окну, отдернул тяжелую штору.

– Так точно! – сказал он, взглядевшись в предрассветный туман. – Эскадренный миноносец «Летучий» становится на якорь.

– Добро! Тогда подайте к причалу катер, я должен повидать капитана третьего ранга Бекетова.

* * *

На всем Северном фронте, от хребта Муста-Тунтури и до затерявшейся в лесах станции Масельская, царило затишье.

Зато военный океан грохотал по-прежнему. В тучах брызг выносились с гребня на гребень узкие подвижные миноносцы. Во мгле предвесенних штормов настороженно рыскали патрульные суда с расчехленными орудиями. Взлетали на высоту волн и снова скрывались в водяные пропасти юркие «морские охотники». В рискованную темноту ночей, погасив промысловые огни, уходили рыболовные траулеры...

Глава седьмая

Под солнцем

Рябинин всю ночь расхаживал по мостику, вполголоса пел старинную поморскую песню:

Летом день и ночь в моем краю

простирает власы солнце красное,

а зимой неизреченные

венцом огненным сияют сполохи.

Ну а мне светил в стране полуночной

тихий голос песенный,

взгляд твой ласковый...

И всю ночь «Аскольд» шел по Белому морю, которое играло и шумело под лучами незакатного солнца. Матросы не уходили с палубы, дыша смолистым запахом хвойных лесов, что тянулись слева нескончаемой зеленой каймой. Чайки, нахохлившись, сидели на воде по-ночному, морские, травы извивались на пологих волнах длинными рыжими стеблями.

Китежева смотрела, смотрела на это ночное море, на эти нежные розовые облака, плывущие вдали, и неожиданные слезы блеснули в ее глазах.

– Как хорошо-то! – сказала она. – Война ведь, а все равно как хорошо кругом!.. Мне даже плакать хочется оттого, что я живу в таком мире... В таком чудесном!..

Артем сидел рядом с ней на откинутой доске рыбодола, смотря за борт, где пенилась изумрудно-зеленая вода. Взглянув на девушку, определил белую ночь коротко:

– Вечер и утро протягивают друг другу свои руки.

Девушка не ответила, прислушиваясь к голосу капитана. С высоты мостика слова песни не долетали до палубы, и один только мотив – тягучий, как осенний ветер, – вплетался в шум воды за бортом.

– Все поет, – сказал Артем, посмотрев на мостик. – Рад, что телеграмму от жены получил. Привела шуну в Кандалакшу и на днях выезжает поездом на север...

Волна, подмятая форштевнем, вырвала свой гребень из-под привального бруса, косо хлестнула снопом брызг вдоль борта. Варенька вытерла платком лицо, засмеялась, потом снова задумалась о чем-то.

– Знаешь, – вдруг сказала она, – вот мне почему-то всегда кажется, что Рябиныны прожили большую хорошую жизнь!..

– Может быть, – согласился Артем. – Хотя вся их жизнь состоит из бесконечных разлук и встреч.

– Что ж, – отозвалась Варенька, – разве это не хорошо: ждать, встречаться, снова провожать. Кажется, никогда бы не надоело...

Они ушли с палубы на рассвете, если только можно назвать рассветом то время, когда вокруг почти ничего не изменилось, лишь стрелка часов механически шагнула вперед. В коридоре, огибающем корму наподобие подковы, им встретился Мордвинов. Он курил махорочную сигарку и, увидев лейтенанта, бросил окурок в открытый иллюминатор.

– А курить здесь не полагается, – сказал Артем, словно не замечая, что Варенька сжимает ему локоть.

– Можете в наказание оставить меня без берега, – резко ответил матрос. – Мне он не нужен!

И, сердито глянув на девушку, Мордвинов стрелой взвился по трапу, ведущему на верхнюю палубу.

Варенька оставила локоть Артема, устало вздохнула:

– Ну вот! Я так и знала, что он стоит здесь – ждет... А ты, Артем, можешь хотя бы ради меня не задевать его по пустякам?

– Это не пустяки, – строго произнес Пеклеванный. – Он курил в неподобающем месте.

– Ты уже начинаешь раздражать меня своей официальностью.

– Мне бы не хотелось раздражать тебя, Варя, но это моя прямая обязанность. Оставь я сегодня в покое Мордвинова, завтра тебя, потом еще кого-нибудь, и будет не корабль, а ярмарка!..

– Ты очень много берешь на себя, – сказала Варенька и, подходя к двери лазарета, снова вздохнула: – А все-таки удивительный человек!..

– Кто?.. Я?

– При чем здесь ты! Ты совсем не удивительный. А вот Мордвинов, он – да!.. И в то же время, Артем, я ему очень благодарна. Он следит, как родная мать, чтобы я высыпалась, ругается с кочегарами, если нет пара на отопление каюты, приносит мне в походе горячий кофе. Я встаю – и моя одежда уже высушена. А это, знаешь, как ценно!..

Немного утомленная, она слабо пожала ему руку:

– Спокойной ночи! Хотя ее не было сегодня. Увидимся в Архангельске...

Улыбнулась на прощание и закрыла за собой дверь каюты.

Глядя в иллюминатор, Пеклеванный докуривал папиросу и прислушивался... Вот она плещется перед сном над раковиной, вот шуршит в ее руках полотенце, и, наконец, со звоном скользят по раме кольца коечных штор.

– Спи, Варенька, спи...

* * *

Архангельск встретил аскольдовцев гудками заводов, мастерских, лесопилок. В небо тянулись трубы, краны и целый лес мачт. На баржах грохотали лебедки, по причалам

сновали грузчики, проходящие мимо буксиры бросали на мостик корабля рваные хлопья дыма.

И Рябинин сказал удовлетворенно:

– Архангельский город – всему морю ворот!..

Долголетняя привычка рыбака искать и находить косяки рыбы сказалась в нем с новой силой: всю зиму и весну «Аскольд» настойчиво выслеживал в океанской глубине субмарины противника. Две фашистские подлодки с трудом, на последнем издыхании дизелей, доплелись до Варангер-фиорда, а одна навсегда осталась лежать на грунте с задохнувшейся командой. После этого на рубке патрульного судна появилась звезда из бронзы, в центре которой мичман Мацута вывел цифру «1».

Много штормовал «Аскольд», много простояли у орудий матросы, всматриваясь в мглистые океанские дали, и весной старшему лейтенанту Рябину присвоили новое звание.

– Товарищ капитан-лейтенант, – спросил Пеклеванный, – когда прикажете провести увольнение на берег?

– Сразу, как встанем на якорь, проведите приборку, дайте в души пресную воду, потом можно пустить людей на берег!..

А город, прислонившись к реке широким плечом причалов, шумел по-воскресному: оживленно и зазывающе. Город Архангельск (так он помечен на картах), город Северная Ривьера (так его зовут североморцы)...

«Аскольд» бросил якоря и – замер.

Когда была закончена приборка всех помещений, дежурный по низам Алеша Найденов прошел вдоль корабля и над каждым люком свистел в дудку оглушительно и резко:

– Идущим на берег построиться на левом шкафуте! Форма одежды номер три!..

Через минуту левый борт корабля зачернел бескозырками. Пеклеванный, в новом кителе, вышел к построившимся, скомандовал:

– Первая шеренга, два шага вперед... марш!

Культура команды – это культура корабля, культура флота. Грязный носовой платок, вынутый матросом из кармана, дает право предполагать, что парусиновые чехлы на корабле также не выстираны. Зеленая окись на медной бляхе ремня говорит о том, что на корабле плохой боцман, – корабль запущен, и медяшка приборов не драится по три раза ежедневно, как положено на флоте. А чересчур лихо надвинутая на ухо бескозырка напоминает накрененный мостик корабля, по халатности команды загруженного не по правилам...

Потом вперед выступает Самаров – на его погонах уже не одна, а две звездочки: его тоже недавно повысили в звании.

– Товарищи, – говорит Олег Владимирович, – не надо забывать, что этот краткий отдых, для которого мы пришли сюда, не должен быть ни для кого бесшабашным разгулом. Ходить по улицам надо так же, как вы ходите по палубе. Разговаривать с населением надо так же, как вы разговариваете со мной. Не кичитесь своими заслугами. Берегите честь имени корабля, которое вы носите на ленточках...

А Варенька, собираясь идти на берег, уже переделась в цветастое летнее платье и, когда Артем вошел, сказала:

– Я сейчас надела это платье и даже себя не узнаю. Бог ты мой, неужели я вот такая и была до войны?.. Как странно! И не пойму: то ли лучше, то ли хуже?..

– Я не знаю, какая ты была раньше...

Девушка несколько раз повернулась перед зеркалом, поправила волосы и неожиданно рассмеялась. Артем сухо усмехнулся.

– Я-то над собой смеюсь, – сказала Варенька, – а ты чего?

– Да так. Едва ты переделась в гражданское, как в тебе сразу появилось даже кокетство.

– Ну вот, – нахмурилась девушка, – сразу уже и кокетство!.. Кстати, Мордвинов внесен в список идущих на берег? Если ты вычеркнул, то я как его непосредственный начальник буду вынуждена...

– Ладно, ладно! – перебил ее Пеклеванный. – Отпустил я твоего санитаря!

– Тогда пойдем и мы...

В городском саду играл оркестр. Плавная мелодия вальса, перемежаясь с гудками пароходов, плыла над простором Северной Двины. Тянувшийся по краю песчаного откоса бульвар шумел зелеными деревьями. По проспекту Павлина Виноградова катились вагоны трамваев, пестрели афиши. После скупых заполярных пейзажей все казалось праздничным, необычным, даже приукрашенным.

Они шли вдоль аллеи, обсаженной тополями, и Варенька говорила:

– Артем, как хорошо в тыловом городе, верно? Ты чувствуешь, какой здесь запах? Это запах настоящей земли, а не голого мурманского камня, к которому мы все так привыкли. И воздух здесь не солоноватый, а пресный. И липой пахнет, Артем!..

* * *

Вечером «Аскольд», лавируя в узких рукавах реки Маймаксы, выходил в море. Мимо бежали острова, покрытые веселыми ромашками. Уплывали за корму деревеньки с горлающими петухами.

И снова пошел «Аскольд» по Белому морю; снова, расхаживая по мостику, тихо пел Рябинин:

А и выйду я в море синее,
вижу – правит отец мой судном.
Так запой же, отец,
чтоб унялась печаль человеческая!..
А над морем плывут облака,
словно парус лодейный, широкие.
Крылья земные летят —
то олени бегут печорские.
О песня, ты – слава архангельская...
О сторона архангельская,
в которой песня жизни моей поется!..

Артем слушал песню, грустную, как сама разлука, и думал о Вареньке. Вот уже около года они служат под одним флагом; одна и та же волна раскачивает их каюты, они обедают за одним столом, одни и те же колокола громкого боя поднимают их по тревоге...

«Но разве же это все?..»

– Штурман, – сказал Пеклеванный, – сейчас пересечем траверз Мудьюгского маяка, возьмите на него пеленг, чтобы нам не сбиться с фарватера!

– Есть! – ответил Векшин, откидывая светофильтры на пеленгаторе компаса, чтобы солнце не слепило глаза.

«Да, – продолжал размышлять Артем, – так разве же это все». Сколько раз они оставались наедине, чтобы говорить, говорить, говорить. И все не о том, не о том, не о том...

– Помощник, – окликнул его Рябинин, – иди-ка ты спать! В случае чего – разбужу.

– Есть, товарищ капитан-лейтенант!

Артем спустился с мостика. Волна перекатилась через фальшборт, окатив его холодным дождем. Лейтенант поднял капюшон и остался на палубе. «Интересно, – думал он, – что делает Варенька сейчас?..»

Пеклеванный поднес к глазам руку с часами: стрелки стояли, как и должны стоять в полночь, – соединившись вместе, и в этих соединенных стрелках ему почудилось что-то пророческое.

– Эх, – сказал он, внезапно затосковав, и ему мучительно захотелось вот сейчас же, немедленно, увидеть ее лицо, услышать милый голос.

Кто-то постучал ему в пятки. Лейтенант и не заметил, что стоит на крышке люка машинного отсека. Он живо прыгнул, и люк откинулся, из него высунулось худое лицо Корепанова.

– Ух, – сказал машинист, – а я уже ругаться хотел!.. Вы как раз, товарищ лейтенант, нужны механику.

– Сейчас приду, – ответил ему Пеклеванный и, уже не раздумывая, бросился на корму.

Один трап – вниз... другой – наверх... дверь коридора – настезь!

Не стучась (стрелки стоят еще вместе), Артем повернул задвижку двери. Варенька стояла посреди судового лазарета, и руки ее смутно белели в каютных потемках.

– Так поздно? – удивилась она.

– Варенька, – сказал он, зажмурив глаза, – меня ждут в машинном отсеке...

– Ну?

– Так вот, у меня нет времени разговаривать с тобой долго. Я хочу только сказать... Знаешь, Варенька, я люблю тебя!.. Очень!.. – И, повернувшись, вышел.

В узком кормовом коридоре его зашатало, как в шторм, бросая плечами от одной переборки к другой. Чтобы успокоиться, лейтенант достал из портсигара папиросу. Но, как назло, не было спичек...

Ирина приехала

– Товарищ Беридзе, сколько вы не были в отпуске?

– Да уже четыре года, товарищ контр-адмирал.

Сайманов кивнул на кресло:

– Садитесь, побеседуем. У вас, кажется, мать еще жива?

– Почему это «еще жива»? – обиделся старший лейтенант, усаживаясь напротив Сайманова. – Она еще долго жить будет!

– Ну-ну, разве я хочу плохого, дай ей бог здоровья! У меня вот, например, мать умерла, когда мне и трех лет не было. А у вас что, мать молодая?

– Шестой десяток пошел, товарищ контр-адмирал. Не знаю, как сейчас, а перед войной она меня еще песнями будила. Однажды смотрю, как девушки несут кувшины, и вижу – ничем моя мать от них не отличается. Такая же стройная, гибкая и такая же сильная... Вот она у меня какая!

– А что пишет?.. Тоскует, наверное, хочет повидать сына?

– Конечно, не без этого. Как и всякая мать, товарищ контр-адмирал.

– Ну что ж, – Сайманов потер седые виски, лицо у него было усталое, – придется дать вам отпуск. Только к молодому вину вы не поспеете. Надо выехать примерно через неделю, чтобы вернуться обратно в июле. По имеющимся сведениям, между Рюти и Риббентропом ведутся новые секретные переговоры. По всему видно, что на севере созревают какие-то крупные события. Вы нам будете нужны...

Вахтанг вышел из штаба, жмурясь от яркого света. Кольский залив сверкал под лучами солнца. Кое-где в низинах сопок еще лежал снег, а противоположный берег залива уже был густо усыпан цветущей черемухой.

И девушка продавала цветы:

– Первые подснежники... А вот первые подснежники!..

Ее большие глаза светились солнцем, а над верхней губой, по-детски припухлой и нежной, золотился легкий пушок. Она улыбнулась Вахтангу и спросила, почему-то стыдливо краснея:

– Вам один букет?.. Или два?..

– Вах! – произнес старший лейтенант, решительно перекладывая на сгиб руки все букеты сразу. – Сколько с меня?

И, расплатившись с девушкой, он направился на вокзал, высоко перепрыгивая через лужи и ручьи, бегущие вдоль наклонных улочек.

Сережка уже стоял на перроне, тоскливо вглядываясь вдаль, где заманчиво и плавно убегали в сторону юга серебристые рельсы.

Вахтанг дружески похлопал его по плечу:

– Здорово, старшина!

– А-а, Вахтанг, здравствуй!

– Давно с моря?

– Пришел сегодня ночью... А ты?

– А я, Сережка, уже неделю не был. Стоит мой «охотник» в доке с погнутыми лопастями винтов – очень близко бомба разорвалась. Сейчас механики чинят. Торопятся...

Вдали послышался гудок паровоза, и Вахтанг, посмотрев на часы, сказал:

– Шестнадцать часов сорок четыре минуты. Как раз через минуту здесь будет. Считаю, что железнодорожникам за такую точность в военное время надо подарить половину букета.

– Ну, ну! Лучше дай цветы мне, а то ты действительно раньше времени раздаришь их от своей кавказской щедрости, – вступился Сережка. – Дай-ка я сам поднесу их матери...

– Что ты! – возмутился Вахтанг. – Я этот букет пока собирал, можно сказать, все скалы, как горный баран, облазил. Последние штаны изодрал.

Пока они спорили, состав подошел к перрону. Ирина Павловна, к огорчению Вахтанга, уже держала в руках букет пышных полярных маков, поднесенный ей Дементьевым, который встретил экспедицию еще в пригороде Мурманска.

Сережка смотрел на мать с нескрываемым восхищением и удивлялся той перемене, какая произошла в ней за эту зиму. Ирина Павловна погрубела, в ее повадках появилось что-то сильное, мужское, а лицо стало обветренным, как у отца.

– А это что? – вдруг спросила она, заметив две красные нашивки легких ранений.

– А это, мама, война, – просто ответил Сергей. – Без этого не бывает...

– Мед жрать да пчел бояться, вах!..

Из вагона уже выгружали тяжелые бумажные свертки. Документы экспедиции были погружены в машину и под охраной лейтенанта милиции отправлены в институт.

– А Прохора, я вижу, нет, – грустно сказала Рябинина.

– Он в море, – почти хором ответили Сережка и Вахтанг, спорившие, кому нести чемодан.

– Ну, ладно. Тогда ведите меня домой. А то я боюсь, что потеряюсь, как маленькая. Здесь такие дома, столько людей, а там у нас было так тихо, только паруса гудят. Я еще до сих пор не могу прийти в себя...

В Мурманске недавно открылся магазин, в котором можно было купить все, как и до войны. Правда, все стоило очень дорого, и Вахтанг, влетевший в магазин с громадным чемоданом на плече, вначале стал даже заикаться, когда прочитал на витрине цены. Но, пересчитав деньги, старший лейтенант быстро осмелел. Все началось с того, что он купил большую бутылку «Цинандали», и кончилось тем, что позорно задолжал полтора рубля любезной кассирше. Как ни спорила Ирина Павловна, ничего не помогло.

– Вах! – отвечал Вахтанг. – Не пропадем!..

Нагруженные покупками, пошли домой.

– Даже не верится, что я сейчас буду дома, – говорила Ирина Павловна. – У меня еще все качается под ногами и в ушах стоит плеск воды...

Войдя в квартиру, она первым делом поставила в воду букет подснежников, окружив его бутонами полярных маков.

– Вот теперь, – объявила женщина, – стол готов для праздника!

– Если поставить на него еще и бутылку, то да, пожалуй, стол будет готов, – согласился Вахтанг и крикнул: – Эй, Сережка, выдвигай «Цинандали» на передовую линию фронта!..

– К чему такая поспешность? Ты куда-нибудь торопишься?

– Нет. Если я понадобится, то за мной придут. Я оставил, Иринushка, на катере твой адрес.

– Я тоже сегодня свободен, – сказал Сережка, откупоривая бутылку. – До одиннадцати ноль-ноль, конечно.

– Ну вот и чудесно. Жаль, что нет Прохора, а то я сегодня была бы совсем счастлива...

Все уселись перед открытым окном, откуда виднелся Кольский залив, и Вахтанг, заметив, что один корабль снимается с якоря, предложил выпить за то, чтобы этот корабль благополучно вернулся к родным берегам. И, выпивая первую рюмку, Ирина Павловна вдруг увидела перед собой низкие, исхлестанные волной борта «Аскольда», который где-то пересекает сейчас простор океана.

И совсем неожиданно в прихожей раздался звонок. Сережка бросился открывать дверь, но мать остановила его:

– Обожди, это, наверно, отец. Я сама открою ему. А вы не пейте вино, выпьем вместе с Прохором!..

Она вышла и через минуту вернулась обратно:

– Вахтанг, иди – это за тобой!..

Старший лейтенант, оставив на столе нетронутую рюмку, вышел в прихожую; там стоял адъютант Сайманова.

– Слушаю вас, – приветствовал его Вахтанг.

– Срочно в штаб, – сказал адъютант, привычно щелкнув каблуками. – Контр-адмирал ждет...

* * *

– В чем дело? – спросил Беридзе, уже сидя в «виллисе», который мчался по улицам Мурманска.

– Флот ставится на постоянную боевую готовность, – ответил адъютант. – Дело в том, что немецкие подлодки стали активно употреблять акустические торпеды, которые идут на шум винтов или машин корабля, и спастись от них пока почти невозможно.

– И кто-нибудь уже... не спасся?

– Да, в Карском море, около берегов Новой Земли, немцами торпедировано одно наше судно.

– А что это за корабль? – спросил Вахтанг, настораживаясь.

Адъютант не ответил. С океана пахнуло холодом.

День шел на убыль.

Всего полчаса

Рябинин любовно смотрит на своего помощника. В этом походе Пеклеванный ходит праздничным, как на свадьбе. Белый, туго накрахмаленный воротничок, аккуратно повязанный шелковый галстук, из-под реглана сверкают золотые запонки.

«А все-таки привык я к нему, – думает Прохор Николаевич. – Неплохой парень...»

– Ну и видимость, черт бы ее побрал! – ворчит Артем – Сигнальщики, внимательнее смотреть!

– Есть смотреть!

Пеклеванный делает шаг в сторону, и черты его лица сразу же становятся расплывчатыми. «Аскольд» идет в каком-то рыхлом желтоватом тумане. Туман, точно свалывшаяся шерсть на старом ошкуе, повисает над водой редкими косматыми клочьями.

Выбив о поручень трубку, Рябинин подходит к рулевому. Хмыров ворочает штурвал волосатыми ручищами, всматриваясь в матовый кружок компаса. Иногда он бросает взгляд в раскрытое окно рубки. А там все такое знакомое, аж смотреть тошно: туман, голубоватая пена и мокрое, ныряющее сверху вниз острие носовой палубы.

Но вот матрос вытянул шею, прищурил глаза:

– Товарищ командир, в море плавающий предмет!

Рябинин вскинул к глазам бинокль, разглядел среди волн тяжелый неуклюжий ящик.

– Штурман, – сказал он, – дайте сведения о наличии в этом районе моря наших кораблей.

Векшин в ответ весело прокричал в иллюминатор:

– Перед нами здесь недавно прошел наш старый знакомый – корвет «Ричард Львиное Сердце»!

– Добро, штурман.

Рябинин успокоился: «Наверное, англичане и сбросили этот ящик. Мало ли чего в море не плавает».

Но Мордвинов, стоя на площадке дальномера, возвышавшейся над мостиком, вдруг крикнул:

– Ящик не качается!.. В нем что-то есть, в этом ящике!..

– Как не качается? – Капитан-лейтенант вторично прильнул к биноклю, всматриваясь в беспросветную муть тумана.

Да, действительно, вокруг ящика громоздились большие гривастые волны, а он ни разу не был взброшен на гребень. И даже... даже как будто двигался в сторону.

Рябинин шагнул к компасу, быстро взял пеленг на ящик.

– Штурман, – спросил он, – каково направление здешних течений?

Векшин быстро листал таблицу лоции.

– Сейчас, сейчас, – приговаривал он, отыскивая нужную страницу, – вот, нашел! Течения в этом районе идут с зюйд-оста на норд-вест!..

Проход Николаевич снова взял пеленг. Ящик плыл в обратном направлении, точно какая-то подводная сила несла его против воли. И вдруг страшная догадка пронзила мозг капитан-лейтенанта.

– Помощник, – крикнул он сорвавшимся голосом, – играйте тревогу!

– Есть! – бесстрастно отозвался Артем, нажимая педаль колоколов громкого боя.

И в этот же момент:

– Правый борт – торпеда! – крикнул Мордвинов.

Море распоролось надвое пенистым следом. Узкая дорожка взбудораженной воды, быстро вытягиваясь от самого ящика, побежала к «Аскольду».

– Право на борт! – быстро сообразил Пеклеванный.

Рябинин налег на телеграф всей грудью, ставя машины на полный ход, чтобы увести корабль в сторону. За кормой бешено вскипела вода. Но торпеда – или это только показалось? – повернула и снова пошла на патрульное судно.

Тогда Рябинин несколько раз крикнул рулевому:

– Лево руля!.. Право руля!.. Лево!.. Право!..

Он хотел увести «Аскольд» от торпеды резкими стремительными поворотами, хотел отшвырнуть ее работой винтов. Но начиненная смертью стальная сигара по-прежнему шла на корабль, ровно выбивая на воде струю воздушно-керосиновых газов.

– Да что она – заколдованная?! – крикнул Пеклеванный. – Клади руль до отказа!.. Клади!..

Последний момент запомнился Рябинину на всю жизнь: Хмыров висит на штурвале с широко раскрытым кричащим ртом, а в распахнутую дверь с грохотом вползает труба сорванного дальномера.

Потом решетчатая палуба мостика придвинулась к самому лицу капитан-лейтенанта и показалась ему вдруг мягкой, родной и удобной...

* * *

Очнулся он, еще слыша скрежет металла и голоса людей. Значит, беспмятство длилось лишь несколько секунд – не больше. На корме кто-то вдруг закричал – дико и страшно, вкладывая в этот вопль свою боль, всю безнадежность.

Хватаясь за станину машинного телеграфа, Рябинин поднялся на ноги. Ожидал увидеть на себе кровь, но крови не было. Мокрый ветер гулял в раскрытых настежь рубках. Сирена надрывно выла, приведенная в действие толчком взрыва, выла так оглушительно и надсадно, словно оплакивала свою гибель.

– Заткните ей глотку! – сказал Рябинин, и кто-то полез на дымовую трубу, перекрыл вентиль пара.

А на переборке висели неизвестно как уцелевшие часы. Обыкновенные морские часы. Их стрелки показывали ровно 16 часов 15 минут. Через полчаса в Мурманск приедет жена.

«Аскольд» качался, окутанный плотным облаком пара: наверное, лопнули паропроводы; что делалось на корме – разобрать было нельзя. Прохор Николаевич нащупал аварийный телефон, нажал кнопку. Ответного звонка не последовало. Тогда он стал опробовать все сигналы подряд. Ни один из них не действовал. Трубка долго не вешалась на крючок, и Рябинин бросил ее на палубу.

– Ну, чего смотришь?.. Вставай! – сказал он Мордвинову, который был сброшен взрывом с дальномерной площадки. – Хорошо, что не за борт упал...

Громко стуча сапогами, по трапу взбежал Мацута.

– Попадание в машину, – сказал он, задыхаясь и держа руку на сердце. – В район сорок третьего – шестьдесят восьмого шпангоутов!

Точный доклад вернул Рябинину прежнюю бодрость. Он отдал приказ: ставить подпоры, защищать от воды каждый отсек, вторую кочегарку не сдавать...

– Вторая кочегарка не сдается! Там Пеклеванный!..

– Первая?

– С первой беда! – отмахнулся Мацута, ставя ноги на трап. – Ни один не вылез. Наверное, погибли.

– Всю команду на борьбу с водой!..

Рябинин вырвал из блокнота листок, написал на нем крупными прыгающими буквами:

«Корабль торпедирован подлодкой. Координаты...»

– Отнести в радиорубку. Передать в эфир клером!..

По мостику плыл горький белесый чад. Это штурман уже сжигал секретные коды, бросая в воду тяжелые свинцовые переплеты.

* * *

...Щека разодрана в кровь. Галстук съехал набок. Золотые запонки отлетели к черту. Пеклеванный, схватив кувалду, забивает аварийные клинья.

– Держи подпору!.. Ставь!.. Свети фонарем!.. Бей!.. Крепче бей!.. Да не по пальцам, черт бы тебя брал!

Трещит дерево. Хрустят заклепки. Из разорванного котла тугими струями хлещет кипяток. Горячий пар обжигает легкие. Губы, хватающие раскаленный воздух, немеют от боли. Вторая кочегарка уже по колено залита водой.

Мушкеля взлетают вверх и с грохотом падают вниз. Дыхание хрипло вырывается из груди. В зеленом свете аварийных фонарей видны ожесточенные лица матросов. Переборка, в которую давит море, выгибается дугой, сочится по всем швам.

Но в сплошной темени, ударяясь об углы механизмов, люди бросаются вперед – туда, где Пеклеванный бьет кувалдой по аварийным клиньям.

– Тащи подпору!.. Ставь выше!.. Бей, бей, бей!.. Ничего, ребята, сто лет проживем!.. Ничего!.. Го-го-го!..

И казалось, рухни сейчас переборка – матросы вымостят пробоину своими телами.

И первым подставит свое тело под свирепый напор воды сам лейтенант Пеклеванный!

* * *

...Первая кочегарка стала могилой. Перекошенный взрывом люк заклинен... Пять матросов метались по отсеку, не находя выхода на палубу. Скоро под ногами заплескалась вода. Ее становилось все больше и больше.

Кочегары в сотый раз бросались к люку, стараясь выбить его железную крышку, но – тщетно.

– Братцы, неужели умирать здесь?..

И вдруг раздался свисток. Клапан переговорной трубы откинулся. Кочегар вынул пробку, прильнул ухом к раструбу.

– Спокойно! – донесся усиленный медью голос Самарова. – Выход есть: открывайте запасную горловину, ведущую в бункер. А я – освобожу проход от угля!..

Горловиной не пользовались несколько лет. Тридцать две гайки, державшие ее, заросли ржавчиной и почти не были видны под многолетними слоями красок.

– Поддай ключ! – скомандовал машинист Корепанов. – Ключ поддай, черт возьми!..

Кое-как сбили первую гайку. Оставалось сбить еще тридцать одну.

Корабль погружался...

* * *

...Пар и туман немного рассеялись. Одинокая чайка, прилетевшая с берега, долго билась над мачтами, кричала о чем-то жалобно и тоскливо.

– Штурман, – приказал Рябинин, – вот эту записку передай в штаб. Передай шифром. И всю, до конца!

– Есть, Прохор Николаевич!..

Мацута взбежал на мостик снова:

– Товарищ командир, вода затопила вторую кочегарку!.. Переборка не выдержала!.. Насосы не действуют!.. Вода продолжает распространяться по трюмам!..

– Ответ на радиограмму получен?

– Да, «Ричард Львиное Сердце» идет на помощь!

– Тогда, – выдавил сквозь зубы Рябинин, – можно покидать палубу. Мы сделали все, что могли, а лишних жертв – не надо... Покидать палубу!

* * *

...И по темным отсекам долго гуляло железное эхо:

– Спускать шлюпки... Надеть пояса... Покинуть палубу...

О, как тяжело оторвать от поручней руки!

О, как трудно, почти невозможно, расстаться с родной палубой!

О, как страшно броситься в ледяную воду!..

Покидая «Аскольд», матросы, по нажитой годами привычке, плотно закрывают за собой двери, за которыми уже гудит и мечется вода.

Море со все нарастающей силой врывается в истерзанное, еще теплое нутро корабля. Разъяренная масса тяжелой воды мечется в узких проходах. Срывает приборы, огнетушители, двери. Грохот и плеск заглушают человеческие стоны, ругань, крики...

Это уже все. Это – конец.

Из ослабевших рук падают увесистые мушкетеры. Валятся подпоры. Шуршат под ногами ненужные парусиновые пластыри.

Матросы молчаливой цепочкой, один за другим, поднимаются по искореженным трапам.

...Но из кочегарки, наполовину залитой водой, не хочет уходить механик Лобедин. Он сидит на площадке манометров и в сплошной темноте надрывает всем душу:

– Не уйду!.. Я этот корабль сам строил!.. Я вам покажу, как умирают моряки!.. Я восемь лет на «Аскольде» служу... Слу-ужу-у-у!..

Пеклеванный бросился с трапа, доплыл до площадки, хватаясь за шипевшие от воды раскаленные поручни.

– Ты что?.. – выругался он свистящим от злобы шепотом. – Не пойдешь?.. Ах ты... баба!.. Дважды ударил механика кулаком, стащил его с площадки в воду. Дотянул до трапа, скомандовал:
– Лезь... Лезь, я тебе говорю!.. Жить надо!..

* * *

– ...Кораблям в море... Я – «Аскольд»... Я – «Аскольд»... Вы слышите меня?.. Последний раз... последний раз говорит с вами «Аскольд»...

Под самым мостиком, в тесной радиорубке, маленький радист кричал в микрофон передатчика, прикинув курносый лоб к аппарату:

– ...Спускаю шлюпки... Держусь на плаву еще минуты четыре... Вода уже заливает рубку... Слушайте, слушайте... всем, всем... Мы сделали все, что могли...

Расталкивая ногами мутно-вспененную воду, Векшин вломился в рубку, крикнул:

– Уходи! Спасательный пояс у тебя где?..

– В шлюпке.

– Шлюпки уже отошли. Возьми мой!.. Молчи!..

Офицер сорвал с себя пояс, силком застегнул его на матросе, остался в рубке один. Мотор умформера работал уже наполовину в воде, разбрызгивая желтые искры, шипели мокрые щетки коллекторов. Векшин положил перед собой записку Рябинина, и в эфир посыпалась отрывистая чечетка морзянки: та-ти-ти, та-та, ти-та-ти-ти!

Рябинин сообщал о торпед, от которой нельзя было отвернуть, которая настойчиво шла на шум винтов и машин «Аскольда», – флот должен знать о применении немцами акустических торпед, – и Векшин бил и бил ключом в эфир, а вода уже плескалась у его пояса. Умформер поперхнулся и заглох, но автоматический контакт сработал: на лампы радиации хлынул ток аккумуляторов...

Скорее, скорее!.. Ти-та-та-та, ти-ти...

Что-то загремело внутри корабля. Раздался свист – это море выгоняло воздух из судовых отсеков, – и вода шумной лавиной хлынула в рубку. Векшин с трудом выбрался в коридор, ведущий к трапу, но сильное течение отбрасывало его все дальше и дальше.

И он долго плавал вдоль раскрытых каютных дверей, пока вода не дошла до самого потолка. Уже наполовину потеряв сознание, он все еще пытался пробиться к спасительному трапу, но кругом была вода, вода, вода...

* * *

...А в штурманской рубке, наперекор всему, не хотели умирать часы.

Они следили за каждым шагом командира, и – так, так, так!..

Их стрелки показывали уже 16 часов 30 минут.

И Рябинину постепенно начинало казаться, что не часы стучат это, а поезд, ошалело гремя на стыках, подъезжает к Мурманску.

* * *

...Палубу перехлестывали волны, когда Пеклеванный выбрался из люка кочегарки. Он уже хотел бросаться в воду, чтобы искать Вареньку, как вдруг увидел плывущий вдали ящик. Маскируя оптические линзы, он поднялся над морем на двух вытянутых стволах перископов, а следом за ними вынырнула из воды рубка фашистской подлодки, выкрашенная под цвет океанской пучины.

– А-а! – заорал Артем, бросаясь к орудию. Горячее ожесточение охватило его, и он вложил в казенник первый снаряд.

Управляясь за пятерых, лейтенант один сделал все, что нужно для стрельбы, и с остервенением дернул на себя рукоять.

Прогрохотал выстрел. Около рубки подлодки вырос каскад взметенной кверху воды. Снова выстрел, и видно, как снаряд сбивает маскировочный ящик, корежит, завязывая в узел, стальные трубы перископов вражеской субмарины.

* * *

...Кругом виднелись головы плавающих матросов, посинелые руки цеплялись за борта шлюпок.

– Кто видел доктора?.. – спрашивал Мордвинов каждого.

Девушку никто не видел.

А вдали качался резиновый плотик, отнесенный волнами далеко от корабля. «Может, она там?..» Но плыть Мордвинов был уже не в силах. В поисках Китежевой он проплыл, наверное, не меньше мили в студеной обжигающей воде.

Спасательный жилет остался в кубрике, а ноги уже сводило судорогами.

«Но Варенька?.. Где Китежева?..»

И, вынув из кармана нож, матрос несколько раз подряд уколол им себя в икры. Вода окрасилась кровью. Судороги прошли. Теперь он снова может плыть.

И он – поплыл...

* * *

Ключ сломался. Гайки сбивали молотком. Под ногами дрожала оседающая в море палуба. Вода доходила уже до горла. Руки матросов, задранные кверху, покрывались багровыми жилами. Кровь стекала с избитых ладоней за рукава голландок. Проскуров – самый маленький – уже не доставал ногами палубы и плавал, поднятый наверх капковым жилетом. Лучи аварийных фонарей блуждали в темноте кочегарки, искали спасительную горловину.

Жизнь подсчитывалась теперь не минутами, а ударами молотков в заржавелые гаечные болты.

– Сколько их там еще, этих гаек? – спрашивал Самаров.

– Тринадцать! – отвечали ему через переборку.

– Успеете их отвернуть?..

– Надо!..

И вот наконец последняя гайка!

В кочегарку из бункера посыпался слежавшийся уголь, а потом в проломе горловины показалось черное лицо Самарова. Он отбросил лопату, помог матросам выбраться из кочегарки. Бункер замполит покинул последним, когда шлаковая пемза, подмытая водой, уже плавала густым слоем на уровне плеч.

Подлодка снова ушла на глубину. Но покореженные ее перископы то и дело высовывались на поверхность моря, кружа вокруг тонущего «Аскольда», словно субмарина искала здесь что-то.

* * *

...Рябинин крупно шагал по мостику корабля, на котором оставались одни только мертвые. Живые уже давно отплыли от борта судна, чтобы не быть втянутыми в мощную воронку, когда «Аскольд» пойдет на дно. Совесть командира была чиста, но он снова и снова проверял себя: «Все ли я сделал?..»

«Только бы скорее пришел корвет, – думал Рябинин, – надо показать им наше место... О, проклятый туман!»

Закоченевшими пальцами он вталкивал в ракетный пистолет патроны, стрелял в небо, низко распластавшееся над мачтами. Ракеты сгорали и, подпрыгивая и шипя, гасли на волнах. Потом они кончились, и Прохор Николаевич, подойдя к пулемету, высадил вверх целую ленту трассирующих пуль.

Корабль внезапно дрогнул и, потеряв последний запас плавучести, быстро пошел вниз. Волны хищно засуетились возле ног капитана, надвигаясь все ближе и ближе. Мостик вдруг превратился в маленький островок, на котором еще жили – человек и часы.

Было ровно 16.46. Значит, поезд уже пришел в Мурманск, и жена вот уже целую минуту ищет его на перроне.

Рябинин вместе с кораблем стремительно падал в разъяренную темноту.

* * *

...Да, Варенька была здесь. Она лежала на днище, подогнув под себя колени, и показала Мордвинову слабой, по-детски беспомощной.

Он грузно перевалился через резиновый, туго надутый борт плотика.

– Товарищ лейтенант... что с вами?

Вода, проникая через решетку днища, смывала с деревянного настила кровь. Мордвинов приложился к губам девушки, чтобы узнать – жива ли она?

Дыхание обнадеживающе коснулось его слуха, и он разобрал в этом дыхании слабый шепот, который звал:

– Артем... Пеклеванного позовите...

Тогда Мордвинов выпрямился и погрозил кому-то в туман кулаком:

– Эх, вы-ы! Не могли уберечь!..

* * *

...Клокочет вода над местом гибели. Море бурлит и пенится, затягивая в глубокую воронку доски, обломки, плавающие койки и кричащих матросов.

Шестерка накрывается волной с носа до кормы. Люди вычерпывают воду ведром, бескозырками и даже ладонями. Шлюпка наполнена людьми до отказа. Волны грозят перевернуть ее. Шестерка через силу может принять еще только одного человека.

И старшина Платов знает, для кого бережется последнее место.

* * *

...И когда под волнами навсегда скрылись стройные мачты «Аскольда» с развевающимися на них флагами, немецкая подлодка всплыла снова. Она всплыла невдалеке от группы матросов, которые держались на воде, ожидая прихода английского корвета.

Субмарина, покачиваясь, остановилась метрах в сорока от людей, и крышка люка откинулась. Оттуда вылез на мостик офицер с ярким шарфом на шее, а потом матрос в черном свитере.

– Надо ваш комиссар, – произнес офицер, осматривая сверху плавающих матросов. – Вы сдавайте нам свой главный коммунист, а мы не будем стрелять...

Люди молчали. Самарова среди них не было. Тогда немецкий матрос уставил пулемет в воду, и пули со свистом взбили на поверхности маленькие фонтанчики пены: чок, чок, чок!

Мацута вдруг увидело, что кочегар Проскуров, только что вырвавшийся из могилы первой кочегарки, поднял над головой руку и подплывает к борту подлодки:

– Я главный коммунист!

Раздался выстрел.

Гитлеровский подводник рассмеялся:

– Комиссар есть офицер, а это есть простая матрос. Вы показывайте нам комиссара, мы показывайте вам берег... Что, не отвечает?.. Файер!

И снова: та-та-та!.. Чок, чок, чок!..

– Ребята! – крикнул Антон Захарович. – Так они всех перебьют. Лучше я пойду...

Кто-то рядом с ним протяжно простонал, и когда боцман обернулся, то на воде расплылось только кровавое пятно. Мацута сорвал со своих плеч погоны мичмана, которые могли его выдать, и сам поплыл к подлодке.

– Эй, вы!.. Я комиссар!

Пулемет сразу умолк, и матрос в черном свитере, прекратив свою страшную работу, стал спускать с борта маленький откидной трапик.

Обернувшись в последний раз к матросам, Мацута крикнул:

– Прощайте, братцы!.. Простите, коли обидел кого-нибудь... Сами знаете – служба!..

И подлодка, забрав Антона Захаровича, ушла под воду.

* * *

...Сначала Рябинин еще мог различать очертания надстроек, строгие линии снастей, но постепенно становилось темнее, черные зыби заходили в глаза, и наступила сплошная темнота. Он долго держал в груди набранный еще на поверхности воздух, потом медленно выпустил его, чувствуя, как пузыри бьют по лицу. Задышавшись, инстинктивно открыл рот – глотнул воду. Сознание помутилось.

И в этот момент громадный воздушный пузырь, выскочивший из трюмов, перевернул Рябинина и, оторвав его от корабля, ринулся вверх.

Воздух, набранный в легкие одним судорожным вздохом, вернул ему силы. Погружающийся «Аскольд» остался внизу. Капитан-лейтенант шел на поверхность. Левой рукой он зажал себе рот и нос, а правой выгребал вверх. Глубина медленно прояснялась. Из черной она сделалась серой, из серой – мутно-зеленой.

В какой-то момент, уже теряя последние силы, Рябинин посмотрел вверх и вдруг увидел темное пятно, приближающееся к нему. Еще несколько гребков – и они поравнялись. Матрос, лица которого было не разглядеть в подводных сумерках, шел на дно, распластав руки и запрокинув голову.

Рябинин пропустил его мимо себя и быстрее пошел вверх...

Наконец пленка зеленой зыби, разделяющая жизнь и смерть, прорвалась. В глаза ударил ослепительный свет, тело подбросило на гребень один раз, другой, и Рябинин закачался на волнах, до боли в челюстях раскрыв рот...

Потом чьи-то руки вытащили его из воды. Это был старшина Платов. Шлюпка тяжело развернулась и, натываясь на волны, двинулась в гущу тумана, поскрипывая уключинами.

На компасе, против курсовой черты, дрожало (словно от холода или от страха) маленькое слово «вест».

Спасители и спасенные

Лейтенант Эльмар Пилл вел свой корвет к погибающему «Аскольду». Его помощник, рослый ирландец Джон О,Хью, топтался на мостике, в нетерпении кусая ногти. О,Хью сам тонул дважды. Но одно дело тонуть в Ла-Манше или около Гибралтара, где вода не захватывает дыхания, а другое дело – здесь, где он служит за «рискованные проценты».^[15] Иначе разве пойдет за него, имеющего пустой карман, розовощекая Алли – учительница шотландских танцев в богатых коттеджах!..

– Скорее, скорее, – шептал О,Хью. – Они потонут...

Его взгляд случайно остановился на счетчике лага. Стрелка показывала двадцать один узел. Но «Ричард Львиное Сердце» мог дать все двадцать девять. Почему не торопится командир?..

– Сэр! – злобно крикнул О,Хью. – Дайте самый полный!

Помутневшие от бешенства зрачки ирландца встретились с немигающими глазами лейтенанта. О,Хью съежился и повторил уже тише:

– Почему вы не даете самого полного?

– Сэр, – добавил за него лейтенант.

– Да, сэр.

– Я не хочу портить машины, – ответил Пилл. – Они принадлежат не мне, а королю...

Когда корвет подошел к месту гибели патрульного судна, Эльмар Пилл отдал приказ спасать русских. Матросы, стоя на палубе, выкидывали за борт спасательные концы – тонущие люди, хватаясь за них, подтягивались к борту корвета.

Гидроакустики – слышали шум моторов подводной лодки, и Эльмар Пилл счел осторожность лучшим проявлением доблести. Может быть, он и был прав, что не остановил свой корабль ни на минуту, и «Ричард Львиное Сердце» шел на среднем ходу, расталкивая форштевнем обломки погибшего «Аскольда».

Некоторые матросы, увидев, что корвет проходит мимо, подплывали к самому борту. Не успев поймать выброшенные концы, они окоченевшими руками скользили по гладкой обшивке, пытаясь ухватиться хоть за что-нибудь, и оказывались у кормы. Здесь их оглушал и затягивал вглубь мощный водоворот от работы винтов, и пена, вылетая из-под кормы корвета, становилась иногда розовой, как на закате солнца.

Самаров тоже подплыл к борту, но ловко и крепко ухватился руками за привальный брус корабля, наполовину скрытый буруном пены. Даже давление воды не могло оторвать его от корвета. Олег Владимирович выбрался на палубу и сразу же принял участие в спасении аскольдовцев. С появлением на «Ричарде» этого энергичного офицера работа пошла быстрее. Спасательные концы, вылетая за борт, засвистели в воздухе.

Но когда Самаров вытащил из воды Пеклеванного, корвет уже поворачивал обратно. Артем сразу бросился на мостик.

– Поздравляю вас со спасением! – вежливо встретил его Пилл.

– Поздравлять не с чем! Сбавьте скорость! – вскипел Артем. – Вы могли бы не спасать меня, как офицера, вовсе, но матросов спасти вы обязаны! Это – долг...

– На румб – норд-ост-тень-ост! – скомандовал Пилл и поставил машину на «полный». – Господин офицер, я не могу рисковать своими людьми. Здесь, под нами, ходит немецкая субмарина...

Море билось в борта. Поскрипывая шпангоутами, корвет скрывался в тумане. За кормой медленно угасали крики людей. В корабельном лазарете, измученные, опьяненные от тепла, аскольдовцы уже давно спали, и никто не слышал, как Пеклеванный бредил, навязчиво повторяя женское имя, которое было знакомо каждому...

* * *

Усиленно работая машинами, корвет преодолевал крутую встречную волну. Из его высокой трубы вылетали плотные коричневые клубы дыма, а однажды в небо взметнулся даже сноп искр.

Пилл снял трубку телефона.

– Это механик? – спросил он, прожевывая лимон. – Ваши кочегары спят на вахте. Идите, разбудите их...

И где-то в глубине корабля механик бежал в котельное, грозил сухим костлявым кулаком, а кочегары ломали в руках угольные брикеты и свалили их под нос механику:

– Сэр, взгляните! Разве же это кардифф? Это прессованный кал, сэр!..

Эльмар Пилл был зол. Его порядочно укачало.

– Из меня высосали все соки. О,Хью, когда кончится эта болтанка?

– Очевидно, сэр, когда на швабре вырастут апельсины, – невозмутимо отвечал помощник; он стоял ровно и облизывал с тонких губ штормовую соль. – Это не море, сэр, а каторга!..

Пилл кинул за борт высосанный лимон, перегнулся через поручень мостика.

– Вы видите, О,Хью?

– Вижу, сэр.

– Они хлопают друг друга по плечу.

– Хлопают, сэр!

– Как старые друзья, О,Хью.

– Как старые друзья, сэр...

Внизу, на палубе, стояли кочегар-англичанин в рыжей затасканной куртке и Алеша Найденов, спасенный этим кочегаром. Разговор между ними долго не клеился. Каждый знал только свой язык. Англичанин потоптался на месте, потом распахнул куртку и показал на груди широкий осколочный шрам.

– Ла-Валлетта, – громко сказал он. – Мальта!

Аскольдовец понял. Он задрал рукав голландки, показывая след, оставшийся от раны, полученной в прошлую зиму.

– Ленд-лиз! – гордо пояснил он, и англичанин дружески хлопнул его по плечу...

В полдень в тесной и душной кают-компании корвета, стены которой были украшены старинными алебардами и рапирами, собирались английские офицеры, подолгу задерживаясь у дверей, возле столика с вином и закусками. Самаров, кивком головы ответив на приветствия, сразу же прошел к столу, а Пеклеванный, уступив настояниям О,Хью, залпом выпил две рюмки тягучей марсалы.

Он еще не совсем опомнился от всего, что случилось, жил в каком-то полубессознательном состоянии. Порой перед ним появлялось смеющееся счастливое лицо Вареньки; тогда он, точно стыдясь чего-то, крепко закрывал глаза и, весь холодея от неясного предчувствия беды, мысленно говорил себе: «Нет, нет! Не может быть!..»

Он вспоминал, как они купались в Северной Двине, как подплыли к борту «Аскольда»; он еще сказал тогда, что якорная цепь заржавела и опять надо ее шкрабить. А теперь нет ни «Аскольда», ни милой Вареньки!

– Тяжело, брат, и скверно, – сказал Артем, усаживаясь за стол рядом с Самаровым.

Олег Владимирович, словно догадываясь о затаенных мыслях Пеклеванного, ответил:

– Матросы говорят, что Мордвинов искал Вареньку. Если только они вместе, то ты будь спокоен...

Мордвинов!.. Этот некрасивый грубый матрос снова вырос перед ним, загораживая собой Вареньку.

* * *

Раненых аскольдовцев отвезли в госпиталь, остальные разместились во флотском экипаже.

Артем с Самаровым всю ночь провели в штабе, где в присутствии членов Военного совета давали точный отчет обо всем случившемся.

Эта ночь окончательно подружила их, и, выходя утром из штаба, они как будто и думали одинаково: «Мы прошли через огонь и воду, мы видели смерть наших товарищей, мы потеряли корабль, но, пока мы живы, будем бороться!..»

На дороге, идущей мимо гавани, Артем остановился и, оглядев стоящие на рейде корабли, тяжело вздохнул.

– А все-таки, – сказал он, – такого красивого корабля, каким был «Аскольд», нет! И странно, что я как-то не замечал этого раньше, а заметил лишь в самую последнюю минуту, когда он уже погружался в воду...

И, всмотревшись в туман над рейдом, Самаров тоже вздохнул:

– Да, «Аскольд» был очень красивый, очень хороший корабль.

Они спустились к берегу залива и долго еще разговаривали, смотря на плывущее по горизонту неяркое солнце, потом усталость взяла свое, и они тут же заснули, положив головы на прибрежные камни.

Проснулись от холода. Начинался прилив, и волны окатывали их ледяным дождем. На кораблях вахтенные отбили в медные рынды полдень: четыре раза отзвенело двойное «дин-дон».

Тогда офицеры встали и, умывшись соленой водой, пошли в экипаж.

– Когда я раскрываю перед кем-нибудь душу, – сказал Самаров по дороге, – я испытываю облегчение.

– Я тоже, – ответил Артем.

– Неправда! – резко оборвал его Олег Владимирович. – Тебе сейчас тяжело. Ох, как тяжело! А ты даже не подумал сказать мне о самом главном, что тебя мучает. Но это, – закончил он уже тише, – твое дело... Хотя в любом из нас ты, Артем Аркадьевич, имеешь верного друга. Потому что Варенька для каждого аскольдовца не только твоя невеста, но и член экипажа. Тут уж, брат ты мой, вступает в действие закон морского братства...

Пеклеванный провел ладонью по лицу, словно смахивая дурной сон, и – промолчал.

А в экипаже их ждала новость. Большинство аскольдовцев уже расхаживало в солдатских гимнастерках, надвинув на виски линялые пехотные пилотки.

– Ждать нечего, – сказал Найденов. – «Аскольд» с моря больше не возвратится. И мы так решили!.. Идем в морскую пехоту, видать – свое уже отплавали. Прощай, море!..

«Собака Суттинен»

То столкновение между егерями и финнами не прошло для Суттинена даром. Защищая честь посрамленных в драке «героев Крита и Нарвика», немецкое командование еще зимой добилося суда над ним, и Суттинен был временно отстранен от командования ротой. Лейтенанта отправили в тыл, чему он был даже рад, решив отдохнуть на охранной работе. Но отдохнуть не пришлось.

Год назад правительство Рюти – Таннера сформировало особый батальон в триста штыков. Триста финнов – в большинстве рабочие, «торпари» и «мякитуполайнены» – сидели в тюрьмах за отказ воевать с Советской Россией. Их выпустили, решив отправить на фронт насильно. Но напрасно офицеры трубили в рога, призывая подниматься в атаку, – все триста штыков, как один, были воткнуты солдатами в землю. «Пусть воюет шюцкор со своим Маннергеймом!» – заявили все триста.

Тогда непокорный батальон сняли с фронта и отправили в концлагерь. Начальником этого лагеря был назначен капитан Картано – старый тюремщик и палач, одно имя которого приводило людей в трепет. Жестокий, нервный, быстро зверевший от крови своей жертвы, Картано прославился тем, что после «зимней кампании» 1939/40 года нажил себе состояние от продажи черепов замученных им военнопленных. Вот к такому-то человеку и попал в помощники лейтенант Рикко Суттинен.

– Как можно больше пейте водки, – посоветовал ему Картано, – иначе сдохнете... Сиссу, сиссу!..

А сдохнуть здесь было нетрудно. Концлагерь располагался на маленьком островке Kaarmesaari (Змеиный остров) посреди большого озера. Несмотря на зимнее время, островок вечно окутывали зловонные пары от множества горячих сероводородных источников, бьющих среди камней. Казалось, что сюда собирались на зиму гады со всей Финляндии. Лягушки и те оживали в теплых лужах. Червяки со странными желтоватыми хвостами извивались под каблуками при каждом шаге. И среди всего этого ада стояли фанерные бараки, в которых жили триста финнов, не желавших сражаться против русских.

Суттинен быстро сдружился со своим начальником. Напившись водки, очумелые от махорки, офицеры вылезали по ночам из своего дома, стоявшего на столбах, чтобы в него не заползали змеи, и начинали обход бараков. Картано умел издеваться над людьми обдуманно и жестоко. Он учил Суттинена провоцировать заключенных, чтобы потом расстрелять якобы провинившегося на глазах всего батальона.

В трезвом состоянии лейтенант почти явственно ощущал, что начинает сходить с ума от всех этих ужасов, диких расправ и крови. Он считал себя все-таки солдатом, а не палачом. Но Картано быстро угадывал в своем помощнике такие моменты и сразу наполнял водкой стаканы.

– Пейте, – говорил он дружески, – иначе сдохнете.

Суттинен хлебал спирт как воду, топил свое раскаяние в пьянстве. Он беспрекословно подчинялся капитану, даже льстил ему, но эта лесть брала свое начало в той области души, где кисло застоявшееся болото страха. Подражая Картано, лейтенант вплел в свою плетку три тяжелые бронебойные пули, и теперь достаточно было ударить заключенного раз, чтобы он упал, истекая кровью...

Иногда капитан Картано объявлял в лагере «пост», заставляя людей молиться денно и ночно. В такие дни пища совсем не выдавалась, и доходило до того, что заключенные ели червяков, лягушек и даже змей. Суттинена в каждый такой «пост» долго и мучительно рвало от одного только вида жареных гадов, а Картано смеялся, колыхаясь толстым животом.

– Пейте, пейте, – говорил он, – иначе сдохнете!..

И лейтенант пил. Так пил, что начала трястись голова, ходуном ходили руки, бравшие стакан с водкой. Однажды ночью, когда он – как всегда, пьяный – пошел в уборную, кто-то ударил его камнем по голове. Обливаясь кровью, лейтенант упал. Капитан в эту ночь застрелил несколько человек, а Суттинена отправили в госпиталь. Так он расстался с Картано^[16] – человеком, который сделал из него законченного палача...

Провалившись полмесяца в госпитале, Суттинен был награжден медалью «За усердие» и, прежде чем отправиться на фронт, выхлопотал себе неделю отпуска. Шесть дней он провел на зимней даче своего отца в пригороде столицы, бегал на лыжах по тающему снегу, пил простоквашу, иногда – по привычке – водку и проводил вечера с отцом.

Вырубки «Вяррио» давали неплохой доход, хотя не хватало рабочих рук; строевой лес шел в Германию, и отец в этом году получил почетный титул горного советника. Он был уважаемым человеком в кругу промышленников, состоял членом «Академического карельского общества», ратовал за присоединение к Финляндии карельских лесов, но после Сталинграда перестал верить в победу Германии, замкнулся в своем хозяйстве, порвал долголетние связи с политическими воротилами. В стране Суоми еще было живо воспоминание о поданной в сейм «петиции 33-х» общественных деятелей, которые призывали правительство к заключению сепаратного мира с Россией.

И часто, помешивая в камине красные угли, старый Суттинен говорил сыну:

– Эта петиция, Рикко, называлась бы «петицией 32-х», если бы я к тому времени не отошел от политики. Война проиграна нами, это бесспорно... Сейчас опять готовятся какие-то переговоры между Рюти и Риббентропом. Надо думать, что немцы хотят выкачать из нашей бедной маленькой Суоми последние соки. По инициативе «Вермахт-интендант ин Финлянд» мне присвоили звание горного советника, немцы хотят задобрить меня, чтобы я не пожалел вырубить для них лучшие участки леса, оставленные на вырост... Что будет, что будет?..

Лейтенант не соглашался с отцом: он знал закулисные интриги правительства не хуже него, но молчал. В политике поисков выхода из войны существовало еще одно тайное течение, направленное в сторону Запада. Таннер, убедившись в том, что до Урала все равно не дойти, уже давно помышлял о создании единого фронта против коммунистической России. Рикко Суттинен знал и то, что в 1943 году Таннер послал письмо своему другу Александру. Что он писал в этом письме – неизвестно, но можно догадываться со слов президента Рюти. «Лучшим путем, – говорил Рюти, – было бы заключить сепаратный мир между Финляндией и Англией, заполучить в Хельсинки английскую миссию и завязать переговоры между Германией и Англией...»

– Да, – вздыхал Рикко Суттинен, прощаясь с отцом, – только бы русские не повели наступление на севере!..

Уезжая на фронт, лейтенант купил у старухи шведки за тысячу марок амулет в виде коробочки, где лежала «охранная грамота от пули». Страх, терзавший его на островке Каагмесааги, усиливался при мысли, что впереди – окопы, вши, рвань солдатских шинелей, няккилейпя, взрывы и частые выстрелы снайперов.

Сидя в поезде, он часто снимал с шеи коробочку амулета, перечитывал шведскую фразу, выведенную на желтом пергаменте: «Это письмо в 1721 году было похищено дьяволом и теперь вновь появилось. Амулет с этим письмом привязывали на шею собаке, стреляли в нее – и она осталась жива».

Полную уверенность в чудодейственности «охранной грамоты» Суттинен обрел в первый же день пути, когда на воинский состав налетели советские штурмовики. Пол внутри вагонов был засыпан толстым слоем песка, и потому, едва поезд остановился, все бросились ложиться на шпалы. Пулеметные очереди корежили крыши вагонов, но пули почти все застревали в песке. Рядом с лейтенантом лежал один толстый вянрикки, крупнокалиберная пуля вонзилась ему в висок, сорвав перед этим погон с плеча Суттинена. «Что ни говори, а тысячи марок стоит», – думал Суттинен, помогая вытаскивать мертвого вянрикки из-под вагона, когда штурмовики улетели...

Еще во время службы на Kaarmesaari лейтенант получил неожиданно письмо от своей родной сестры, переписку с которой тщательно скрывал от отца. Пересев с поезда на попутную машину, идущую в пограничный прифронтовой район, Суттинен решил навестить сестру, благо так и так пришлось бы проезжать через поселок, в котором она служила.

«Это будет даже интересно, – думал он, – встретиться после долгой разлуки...»

* * *

Когда Кайса встретилась с братом, то не удивилась и не обрадовалась, словно давно была подготовлена к этой встрече. Разговор между ними долго вращался вокруг несущественных мелочей, они словно прощупывали друг друга после долгой разлуки.

Об отце Кайса ничего не спросила, и Суттинен решил напомнить сам.

– Знаешь, Кайса, – сказал он, – наш isa получил звание горного советника.

– Я знаю, – ответила сестра. – Об этом печаталось в «Хельсинген Саномат». Нашему isa обязательно надо перед кем-нибудь выслуживаться. До войны выслуживался перед шведами, сейчас – перед немцами.

– Он, Кайса, просто честно трудится на благо нашей Суоми. Не будем говорить о нем, если это тебе неприятно...

Сестра встала, подошла к печке, ухватом вытянула чугунок с брюквой. Потыкала в нее пальцем и снова задвинула горшок в печь. Ставя заслонку, обожгла руку и тихо выругалась.

– Ты, я вижу, очень устала, – примирительно сказал лейтенант. – Издергалась, это понятно. Скажи, пожалуйста, почему тебя перевели из Лапландии в Карелию?

Кайса засмеялась резко и вызывающе: этот смех покорибил Суттинена.

– Потому, что в Лапландии – немцы, – ответила она. – А я привыкла говорить то, что думаю. И я говорила нашим солдатам о немцах правду...

– Ты не смотришь в корень вещей, – перебил ее лейтенант. – Как бы там ни было, но немцы – наши союзники. На их плечах основная тяжесть войны.

– Тяжесть войны... – уныло отозвалась Кайса. – Если бы ты, Рикко, видел, как в наших деревнях люди умирают с голоду, как пекут крестьянки каккару из древесной муки, как немцы под плач детей уводят к себе на прожор последних коров... Ох, если бы ты видел!

– Война! – сурово сказал Суттинен. – Война!..

– Ну и будь она проклята, эта война!..

Сестра прошлась по комнате; белый форменный передник развевался вокруг ее длинных худых ног.

– Тебе нельзя так говорить, Кайса. Ты носишь фартук «Лотта Свард»...

– Ах, оставь!..

Она отвернулась к окну. Под тонким бумажным платьем проступали на спине ее острые лопатки; коротко подстриженные волосы курчавились рыжеватыми завитками. За окном синело весеннее небо, кричали птицы, звонкая капля стучала о подоконник.

Разволновавшись, Суттинен по старой привычке, оставшейся с Kaarmesaari, потянулся вытащить из-за голенища плетку, но вспомнил, что она лежит в чемодане. «Надо носить при себе», – хмуро подумал он и, желая смягчить резкий разговор, спросил:

– Чего ты худая, Кайса?

Она пожала острыми плечами:

– Не знаю. Наверное, после... Хотя... Да! Ведь я же не писала тебе об этом... И ты не знаешь, что я окончила школу отличной стрельбы?

– Не знаю.

– Я была неплохой «кукушкой». Но в прошлом году, осенью, русский автоматчик ранил меня в бедро. Ранение, правда, было нетяжелое, но я упала с дерева и сильно расшиблась. С тех пор мое здоровье стало таять, как свеча.

– И тебя не демобилизовали?

– Нет. Я же ведь в «Лотта Свард». Меня только перевели в медицинский персонал. А теперь – вот здесь, при штабе...

Она повернулась к брату и добавила грустно:

– Вернее, не при штабе, а при полковнике Юсси Пеккала. Он начальник здешнего пограничного района. Сейчас полковник придет ужинать, и ты познакомишься с ним.

– Ага! – понимающе кивнул головой Суттинен и подумал: «Что он, полковник, лучше Кайсы не мог найти себе бабу?.. Их, наверное, другое что-нибудь связывает, а это уж так, от фронтовой скуки. То-то она думать стала иначе... Ну, ладно, посмотрим, посмотрим...»

Скоро пришел полковник Юсси Пеккала – худощавый человек лет сорока: быстрый взгляд, седые виски, на одной руке не хватает трех пальцев. Одет он был нарочито просто, даже непростительно просто. Серые галифе из силлы, лыжная куртка на застёжке «молния», на ногах топорщились пьексы с высоко загнутыми носками. Если бы в петлицах его куртки не сверкали золотые львы с секирами в лапах, то Юсси Пеккала свободно сошел бы за мастерового.

Бросив кепи на лавку, полковник познакомился с лейтенантом и, не скрывая своего отношения к Кайсе, грубовато похлопал ее по сухой спине:

– Жрать, жрать, милая!.. А снег-то, – обратился он к Суттинену, – уже сошел, в низинах только... Вы, фронтовики, всю зиму на снегу в шинелях, как мухи в сметане. Теперь оживете!..

Пеккала достал большую коробку папирос, на которой была изображена снежная гора и на фоне ее – черный силуэт скачущего всадника.

– Курите, – сказал он, – русские. Вчера наши солдаты обоз один разграбили.

– Какой длинный мундштук! – удивился Суттинен. – Русские совсем не умеют экономить бумагу.

На столе появились рыба, картошка и спирт. Суттинен, открыв чемодан, щедро выложил две банки консервов. В руки попала плетка, и он сунул ее за голенище сафьянового сапога.

– Ладно! – сказал он, оживляясь от запаха спиртного. – Выпьем за финского солдата, который стоит десяти москалей!..

Юсси Пеккала передернул гладко выбритой щекой, подумал и выпил. Кайса долила стакан водой, выцедила его до дна сквозь плотно сжатые зубы.

– Перкеле, – сказала она, ставя пустой стакан, – сколько там – десять, восемь, сотня или ни одного, – а нам больше не воевать с русскими!..

Полковник ел картошку, подхватывал своим блестящим пуукко куски вареной рыбы, улыбался синими, как у ребенка, глазами.

– Воевать с русскими, – сказал он после долгого молчания, снова наполняя стаканы, – это значит засушить финские земли, не иметь своего хлеба, ячменя, картофеля, это значит быть зависимыми от стран Европы. Вот, например, у меня усадьба в тридцать гектаров. Земля бедная. До войны вся наша Суоми покупала фосфаты и калийные удобрения в России. Это было близко и дешево. Три года войны с Россией – и наши земли засохли...

Он поковырял в зубах спичкой, посмотрел на Суттинена в упор:

– Я не люблю, когда при мне русских называют москалями или рюссами, – смело, даже чересчур смело для финского офицера, заявил он.

Суттинен залил обиду спиртом. В голове зашумело. «С утра не жрал, – вяло подумал он, – еще опьянею...»

– Ерунда! – сказал он, потрогав под столом плетку. – Надо захватить Хибины, разгромить Пиетари, и тогда у нас будут свои удобрения, своя картошка в Ленинградской губернии.

– Мне кажется, – весело ухмыльнулся Юсси Пеккала, – наша Суоми была бы сейчас рада сама отдать русским одну из своих провинций, только бы вылезти из войны...

– Как? – переспросил Суттинен, отрыгнув рыбой.

Но полковник стал чистить картофелину; вместо него ответила Кайса.

– Да, – сказала она, слегка покачнувшись, – на любых условиях. К черту все! Виипури, Сортавала, Петсамо, Карелия – все!.. Пусть русские ставят пограничные столбы хоть на Обсерваторной горке в Хельсинки, только бы вырваться!..

– Сумасшедшая! – крикнул Суттинен. – Дай большевикам только мизинец, и они отхватят тебе всю руку. Они оккупируют нашу Суоми!..

Дуя на горячую картофелину, Юсси Пеккала посмотрел, как лейтенант отпил полстакана разведенного спирта, и внушительно заметил:

– Русские могли оккупировать нашу Суоми еще в «зимнюю кампанию». Однако они не сделали этого.

– Однако, – подхватил лейтенант, – они захватили лучшие участки земли в Карелии.

– Это право победителя, – спокойно ответил Пеккала.

Суттинен вспомнил, что к русским отошло сто шестьдесят гектаров леса, принадлежавшего отцу, и, выдернув из-за голенища плетку, он хлестнул ею по столу – три пули тупо долбанули доски.

– Я! – крикнул он, чувствуя, что кричать не следовало. – Капитан Картано!.. Да мы!.. А вы!.. Спелись? Кайса, ты шлюха!..

Полковник вложил пуукко в ножны, аккуратно вытер губы платком и встал из-за стола.

– А ну, – сказал он. – Дверь, надеюсь, найдете?..

На улице Суттинен упал. Его положили на телегу, подсунули под голову чемодан, и всю дорогу он пьяно выкрикивал:

– Я вас... всех!.. Хибины тоже... У меня вот... дьяволом похищено... снова найдено...

* * *

На позиции он прибыл рано утром, изнемогая от головной боли. Немецкий военный советник Штумпф встретил его у входа в командный блиндаж.

– Русские ведут себя подозрительно. Нам приходится держать солдат в постоянном напряжении. Это тем более трудно, что вести с других фронтов неутешительны. Скрывать действительное положение вещей невозможно, какими-то окольными путями они узнают все сами. Очевидно, из листовок, которые русские догадались просто накалывать на сучок любого дерева в лесу. Караульную службу солдаты несут неохотно. Я очень рад вашему приезду, херра Суттинен, потому что с этим вяникки Вартилаа очень трудно работать: он боится солдат. И, по сути дела, всей ротой заправляет капрал Теппо Ориккайнен...

Прибежал заспанный вяникки:

– Поздравляю вас, херра луутнантти, с прибытием в роту!..

Суттинен хотел выругаться, но смолчал. Разговаривать с Вартилаа по-фински в присутствии военного советника было неудобно, и он заговорил по-немецки:

– До меня доходили слухи о падении в роте дисциплины. Прошло два месяца со времени моего отъезда, а вами не было произведено ни одной удачной вылазки. Русские обнаглели. Где это видано, чтобы москали вырезали чистокровных суомэлайненов без единого выстрела?..

Первая землянка, с которой он начал обход своей роты, была по колено залита водой. Солдаты лежали на черных, прокопченных нарах, кто-то черпал клюкву из бочки, стоявшей в углу. Пахло кислыми портянками, мокрыми бревнами, сырой жирной землей.

– Встать!.. Я что сказал? Встать!..

Солдаты нехотя попрыгали в воду. Хмурый утренний свет, падавший через открытую дверь, освещал их небритые утомленные лица. Заметив Теппо Ориккайнена, лейтенант спросил:

– Капрал, каковы потери во взводе?

– Одиннадцать человек, херра луутнанти.

– Перкеле! Вы что?.. И дальше думаете так воевать? А это кто не встал?

Суттинен подскочил к нарам, на которых лежал солдат, с головой накрытый большим газетным листом «Суоменсоциалидемократти».

– Встать! – заорал Суттинен.

Газетный лист с жирным заголовком «Война до победного конца!» не шевельнулся.

– Встать!..

Солдат лежал.

Суттинен в бешенстве рванул из-за голенища плетку, замахнулся, и... плетка осталась в руках капрала, успевшего перехватить ее сзади.

– Нельзя, херра луутнанти, – строго сказал Ориккайн-нен. – Он мертвый. Грех!..

Суттинен вырвал из рук капрала плетку и шагнул к двери. За его спиной кто-то сказал отчетливо:

– Вернулся... собака Суттинен!..

По горячим следам

Они сидят на берегу реки-жемчужницы – много таких рек в Поморье. Он кладет голову на колени родной доброй Поленьки, и она, заглядывая ему в лицо, улыбается далекой, как во сне, улыбкой. «Какой ты старенький, – говорит она ему, – может, и на покой пора? Умные-то люди вон как делают: отплавают свое и остаются на берегу, сушат свои кости у печки...»

Ответить бы ей, да лень пошевелинуться. Тело ноет и немеет от какой-то боли. Шмель начинает жужжать над головой, все ближе, ближе. Поленька отмахивается от него руками, встает, и голова Антона Захаровича спадает с ее теплых и мягких колен, ударяясь о землю...

Мацута открыл глаза. Сильная электролампа заливала узкий отсек ярким светом. Никакой Поленьки нет, только тяжелый сон, полубред. И сердце вдруг сжалось от страшной тоски. «Так, наверное, всегда перед смертью бывает», – подумал старый боцман и снова подоткнул под голову бушлат, который казался ему во сне мягкими удобными коленями Поленьки.

Не вставая с железной палубы, острые заклепки которой больно впивались в тело, он внимательно прислушался. Подлодка шла под водой. Ровно гудели моторы, и... опять этот шмель! Но это уже не сон. Где-то высоко наверху раздавалось монотонное жужжание, точно легкие крылья трепетали на ветру.

Звонко лязгнул ключ в замочной скважине. Стальная дверь открылась, и одноглазый немецкий офицер пригрозил:

– Сидейт надо тишина. Надо молчайт!..

Снова лязгнул ключ. Свет в отсеке погас. Шмель продолжал жужжать. Но вот это жужжание превратилось в тонкое звенящее пение, и на подлодке сразу все стихло. Остановились моторы, перестали чавкать жадные масляные насосы, и кто-то прошел перед дверью, стараясь не шуметь, ступая, наверное, на цыпочках.

Антон Захарович насторожился. «Что бы это могло быть?..»

И вдруг он все понял. Где-то на поверхности моря сейчас ходил корабль – корабль советский, иначе зачем бы немцы стали таиться на глубине, крадучись бесшумной поступью! Они боятся выдать себя всем – гулом динамо-машин и гирокомпаса, стуком дверей и голосами команды.

«В-у!.. В-у-у!!.. В-у-у-у!!!..» – работали винты советского корабля.

Мацута вскочил на ноги, больно ударившись головой о железную раму. Весь отсек, низкий и душный, был заставлен коробками аккумуляторов. Подлодку неожиданно сильно встряхнуло, и резкий звук взрыва потряс ее хищный змеинный корпус.

«Банг!.. банг!.. банг!..» – посыпались сверху глубинные бомбы, и каждая, сотрясая борта субмарины, колотила ее мощным водяным молотом.

В этот момент Мацута не думал о том, что эти бомбы, неся возмездие врагу, могут погубить и его, и потому с напряжением следил за схваткой противников. Одного – грозного, решительного, и другого – притаившегося, ищущего спасения на глубине. А когда, сбитый с толку этой обманчивой тишиной, советский корабль стал удаляться и взрывы слабо прогремели вдалеке, Мацуту охватило отчаяние. Он заметался по отсеку, натываясь на стены, покрытые инеем, не зная, чем бы вернуть корабль обратно.

Мичман на ощупь искал что-нибудь тяжелое. Он пытался сбросить на палубу аккумуляторы, но они были плотно привинчены к железным рамам.

Шум винтов уже удалялся. Натренированная на бесшумных повадках, команда субмарины ничем не выдавала себя, понимая, что любой неосторожный звук повлечет за собой очередную атаку сверху. И взрывы глубинных бомб раздавались все реже, все слабее.

Когда же они затихли совсем, Антон Захарович уткнулся лицом в худые колени и, тихо всхлипнув, заплакал. Только сейчас он понял весь ужас своего положения, только сейчас понял, что он в плену...

* * *

Вахтанг Беридзе записал в вахтенном журнале:

«Сброшены 23 глубинные бомбы. На поверхность моря всплыло мазутное пятно. Очевидно, повреждены масляные цистерны. Контакт с противником был потерян. Легли на прежний курс...»

Написал и поднялся на мостик.

Большой венок лежал на корме, позванивая дрожащими на ветру бронзовыми листьями. Волны, набегая на палубу, мочили широкую ленту кумача, на которой было вышито золотыми буквами:

ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ ГЕРОЯМ

Вахтанг вел свой катер к месту гибели «Аскольда», чтобы сбросить там венок в море. Потом надо было обойти все заливы восточного берега Новой Земли в южной ее части и проверить – нет ли где матросов с погибшего корабля.

Все спасенные корветом аскольдовцы в один голос уверяли, что в море осталась шлюпка. Но где она? Туман скрыл ее от людей, и если она не перевернулась на полпути от берега, то, может быть, и дотянула до Новой Земли.

Вечером команда «морского охотника» построилась на палубе, обнажив коротко стриженные головы. Три матроса застыли возле орудия, боцман Чугунов распутал фалы Военно-морского флага СССР. Катер медленно приближался к месту гибели «Аскольда».

Волны... туман... ветер...

– Какая глубина? – спросил Вахтанг у мичмана.

– Двести сорок, – взглянул Назаров на карту.

Сняв фуражку, старший лейтенант обратился к матросам:

– Товарищи, здесь, под килем нашего катера, лежат боевые друзья, павшие в борьбе с врагами нашей прекрасной Отчизны. Они отдали свою жизнь за правое дело...

– Вышли в точку назначения! – прервал его мичман, и Вахтанг, не закончив своей речи, скомандовал:

– Флаг приспустить!.. Венок в воду!.. Салют!..

Ударил пушка. Матросы столкнули венок за борт, и он, последний раз сверкнув бронзой, исчез в волнах. Полотнище флага поползло вниз по мачте, дошло до середины и вновь торжественно взметнулось вверх.

– Разойдись! – сказал Вахтанг матросам, надевая фуражку.

Медленно и плавно тонул венок. Много времени понадобится ему, чтобы достичь далекого дна. В сплошном подводном мраке, шевеля чеканными листьями, он будет колыхаться и падать все глубже и глубже, пока не ляжет на грунт или на палубу корабля, посреди разметавшихся матросских тел...

Вахтанг поднялся на мостик и направил катер к берегам Новой Земли.

В первой бухте, куда зашел «охотник», шлюпки не оказалось. На каменистой отмели грелись на солнце несколько тюленей. Услышав рокот мотора, тюлени испуганно вскочили и, загребая лапами по гальке, быстро нырнули в воду. Потом их лоснящиеся головы вынырнули у самого борта, и пока катер разворачивался в бухте, тюлени плыли следом, оглашая мертвые окрестности жалобным протяжным ревом.

Назаров сказал:

– Следующая – губа Торосовая. Заходить не опасно...

Но едва только катер вошел в бухту Торосовая, как его сразу же облепили тысячи и тысячи птиц. Гагары, чайки, бакланы, чистики и буревестники слетались на «охотник», оглушив людей криками. Голоса пернатых сливались в сплошной гвалт, в котором нельзя было разобрать звонков телеграфа и команд. В мгновение ока птицы загадили всю палубу, мачты, орудия и присаживались даже на людей.

Птицы висели в воздухе такой плотной тучей, что из-за них ничего не было видно, и Вахтанг, боясь посадить катер на мель, велел выстрелить вверх из пушки. Орудие развернули, дали залп – «собирай, матросы, перья для подушек!». И только тогда птичий базар уgomонился и стая покинула катер.

«Охотник» вышел на середину бухты, и все увидели стоявший на берегу, почерневший от древности деревянный сруб. Радостная надежда охватила Вахтанга. Он подвел катер к отмели и, прыгнув с мостика, не задумываясь, бросился в воду. Здесь было неглубоко – всего по пояс, и он, путаясь ногами в водорослях, выбрался на берег.

Добежал до избы, с размаху ударил ногой в дверь, и она сразу рассыпалась трухой. В лицо пахло сыростью. Вместе с подоспевшим боцманом старший лейтенант вошел внутрь. Низкий топчан с полусгнившей медвежьей полостью стоял у окна. Маленькое оконце было затянуто многовековой паутиной. На столе лежала груда пыльной яичной скорлупы, на подоконнике валялось несколько человеческих зубов, очевидно, выпавших при цинге.

А на бревенчатой стене было вырезано кудрявым старинным письмом:

*ЛЕТА 1758 ЗДЕСЬ ГОРЕВАЛ
РОДИОН ЕВСТИХЕЕВ*

А еще ниже, угловатыми буквами, была вырезана свежая надпись:

*ЛЕТОМ 1944 ЗДЕСЬ ЧУТЬ НЕ ПОГИБЛИ МАТРОС
МОРДВИНОВ И ЛЕЙТЕНАНТ КИТЕЖЕВА
КРУШЕНИЕ КАРЬЕРЫ*

Все последние месяцы фон Герделер изучал русский язык с таким же рвением, с каким изучал шведский, когда находился на рудниках Елливаре. Для этого у него были особые цели. Как опытный инструктор по национал-социалистскому воспитанию, оберст отчетливо понимал, что пропаганда гитлеровских идей терпит в армий поражение. Крикливые статьи Геббельса, которые печатались в «Вахт ам Норден», только обостряли напряжение обреченности и нервировали егерей.

И фон Герделер, будучи энергичным человеком, взялся за изучение русского языка, чтобы легче было понять сущность агитации в войсках противника. Оберст был неглуп и понимал: советские политработники – большая сила, пренебрегать которой в ведении войны не следовало. Он являлся тоже своего рода политработником, и ему хотелось перенять от советской агитации если не сущность, то хотя бы метод, который позволял коммунистам вести за собой массы.

Теперь инструктору доставлялись все, какие удавалось добыть, русские журналы и газеты. Он думал: «Как русская армия, даже в страшную пору своих поражений, могла сохранить стойкий дух, сохранить веру в победу?..» К удивлению фон Герделера, корреспондентами русских газет часто были простые солдаты и матросы.

Инструктор долго и мучительно раздумывал, извлекая выводы из своих предположений, и наконец решился.

– Завтра, – сказал он чиновнику армейского ведомства пропаганды, – вызовите ко мне егеря Франца Яунзена, автора мистерии «Возвращение героев Крита и Нарвика».

* * *

– Герр инструктор, солдат тринадцатого взвода шестого полка девятнадцатого горноегерского корпуса Франц Яунзен прибыл согласно вашему вызову.

– Хайль! Вот вам бумага, вот вам стол, вот чернила и перо – садитесь и пишите. Пишите статью для газеты «Вахт ам Норден». Ваше дело – объективно отразить настроение солдатской массы.

– Будет исполнено, герр инструктор...

Через полчаса статья была готова и представляла собой смесь всего того, что печаталось на страницах множества солдатских газет. Заканчивалась она возгласом: «И есть только одна сила под этими небесами, способная остановить наше движение к победе и величию, – это сама смерть!..»

Разрывая рукопись надвое, инструктор сказал:

– Пожалуйста, без фанфар и барабанов. Вы лучше меня знаете, что думает немецкий солдат. Вот и напишите...

Второй вариант статьи постигла судьба первого.

– Я вызывал вас, Яунзен, не за тем, чтобы вы распинались тут передо мною в верноподданнических чувствах. Сейчас не сорок первый год, и задачи армии уже не те, что были в начале войны. Мне важно получить от вас искреннюю статью о действительном положении вещей на фронте. Но в то же время – проникнутую оптимизмом, какой присутствует в вашей мистерии.

На этот раз Франц Яунзен старался дольше обычного. Он пыхтел, елозил под столом сапогами, протирал очки. Но и третий вариант тоже полетел в корзину.

– Вы что, притворяетесь или действительно не понимаете, что от вас требуется? – уже начиная выходить из себя, кричал оберст. – Разве в вашей землянке егеря разговаривают только одними партийными лозунгами?.. Повторяю: от вас требуется объективность в оценке сегодняшнего положения нашей армии с точки зрения простого солдата... Вам, наконец, ясно?

– Так точно, герр инструктор!

– Тогда какого же черта вы здесь паясничаете?..

Яунзен снова заскрипел пером. Вскрывая на выбор солдатские письма, еще не проверенные цензурой, – это он проделывал ежедневно, чтобы постоянно быть в курсе настроения армии, – фон Герделер изредка посматривал на егеря. Тот старательно скреб бумагу, и лицо у него от натуги было почти синее, как баклажан.

– Герр инструктор, – робко спросил он, вставая, – а про то, что наши войска в Крыму и на Украине пытаются выпрямить растянутую линию фронта, – об этом, герр инструктор, можно писать?

– Можно, – разрешил оберст, слегка нахмурясь.

Четвертый вариант статьи был скомкан и брошен в камин.

– Это уже то и все-таки еще не совсем то, – сказал фон Герделер, раздумывая. – Вы не уйдете отсюда, пока я не буду иметь перед собою того, что мне нужно. Вот, подсказываю вам приблизительно начало статьи...

Он наугад взял со стола письмо какого-то егеря, прочел:

– «...Зиму прожили. Что-то принесет нам весна? Не дай Бог, если таких птичек, которые восьмого марта прилетели к финнам и разворотили им порт Котка. Но пока что у нас спокойно. Утешаем себя тем, что провидение направляет удары русских стороной. Страшно думать, что когда-нибудь и здесь повторится нечто подобное. Надеемся отсидеться за бетоном и камнями, к обороне подготовлены хорошо и не перестаем готовиться дальше...»

Усильте, Яунзен, эту мысль о том, что мы будем неуязвимы в обороне, и особенно не канительте!..

Уже к вечеру, исписав целую стопку бумаги, Франц Яунзен наконец-то заслужил одобрение инструктора. Фон Герделер немного сократил статью, кое-что исправил в тексте своим энергичным почерком и отнес ее редактору «Вахт ам Норден».

Прочитав статью, беспартийный редактор, дрожавший от каждого неосторожного слова, испугался:

– Герр инструктор, я все это понимаю, приветствую искренность автора, но...

– Никаких «но»! – обрезал его фон Герделер. – От моего имени – в набор!..

Вернувшись обратно, он сказал Яунзену:

– Можете возвращаться в часть. Статья завтра же появится в печати. Чем вы желаете получить гонорар: марками или консервами?

– Герр инструктор, конечно, консервами!..

* * *

Над входом в землянку тринадцатого взвода висела доска, на которой было написано: «Gott mit uns!»^[17] Эту доску сорвали, положили на пол, а Пауль Нишец острием тесака, словно карандашом, разграфил ее на несколько продольных полосок.

– Ипподром готов, – весело заявил ефрейтор. – Вот эта крайняя беговая дорожка будет для моей гнедой кобылки, – и он отметил крайнюю полоску своими инициалами: «P. N.»

– Я беру среднюю, – сказал Франц Яунзен.

Егеря расселись вокруг доски, каждый занял себе полоску и, быстро отыскав на своей одежде вошь (которая выглядела побойчей других), положил ее на край «беговой дорожки».

– На старт! – скомандовал Нишец. – Пли!..

Вшивые гонки начались.

Первой шла жизнерадостная мелкая вошка Вилли Брамайера; Франц Яунзен поправлял спичкой своего «рысака», который никак не хотел ползти прямо, а старался вильнуть в сторону.

– Доска шершавая, – жаловался егерь. – Это еще что, а вот до того как белье в прошлом месяце парили, так вот у меня была вошь – это вошь!..

Но в самый разгар «гонок» дверь распахнулась, и в землянку вошел эсэсовский офицер, на погонах которого были видны три четких буквы: «Ж. Е. Р.» – тайная полевая полиция.

– Франц Яунзен – кто?

– Так точно, герр...

– Руки вверх!

Эсэсовец толкнул его к двери, там уже стояли двое в штатском. Яунзена бросили в машину, и она сразу же сорвалась с места. Все произошло настолько стремительно, что Яунзен вначале ничего не понял. Только когда автомобиль проехал версты две, он спросил:

– Герр унтерштурмбаннфюрер, мне можно опустить руки?

Удар в лицо. Смех.

– Герр...

Еще удар.

– Ты будешь знать!.. Говори, как тебе удалось вот это?

Только сейчас Франц заметил в руке офицера газету со своей статьей.

– Герр...

Ему не дают говорить. Бьют. По лицу Яунзена текут кровь и слезы. Он сползает с сиденья, штатские топчут его ногами.

Наконец бить прекращают.

– Кто дал тебе Железный крест?

– Я убил изменника нации.

- Это не ответ на вопрос.
- Крест выдан мне по инициативе оберста фон Герделера.
- Ага, – смеется эсэсовец, – одна компания!..

Снова быют. Машину трясет. Пролетают вершины гор. Сверкает море. Гудят под мостами реки. И – быют...

Петсамо. Яунзена волоком втаскивают в комендатуру тайной полевой полиции.

- Пей, – говорит эсэсовец и дает воды.

Зубы егеря стучат по железному ободку кружки; на подоконнике длинного коридора пушистый котенок трет лапкой мордочку... какие-то двери... какая-то лестница... Куда ведут?..

В сумрачном кабинете, украшенном большим портретом Гитлера, сидит бледный фон Герделер. Увидев Яунзена, он долго о чем-то думает, потом поднимается и говорит:

- Этот солдат невиновен. Я ему приказал, и он приказ выполнил...

За спиной Яунзена, как избавление от мук, захлопывается дверь одиночной камеры. Глубокой ночью к нему приходит санитар-фельдфебель.

- Ну! – говорит он, грубо ощупывая избитое тело егеря. – Ты, парень, легко отделался.

Он лезет к нему в рот жесткими пальцами, равнодушно замечает:

- Зубы выбили, а корни остались.

Достав щипцы, вырывает корни. Франц Яунзен выплевывает кровь, плачет:

- О, майн готт, за что меня так?..

– Не скули! – Фельдфебель смазывает ему синяки какой-то мазью, говорит: – Иди... иди, парень.

- Куда?.. Куда идти?

- В канцелярию.

В канцелярии военный чиновник, как будто ничего не случилось, говорит ему:

– Впредь вы будете следить за настроением солдат вашего взвода и немедленно докладывать обо всем лейтенанту Вальдеру. Ваш служебный номер, который вы должны хранить в тайне, – 7318... Можете идти.

– Слушаюсь, – ответил Яунзен, а когда очутился на улице, то поднял голову и, глядя на звезды, поклялся: «Чтобы я когда-нибудь что-нибудь для кого-нибудь еще написал... да никогда!..»

* * *

До сих пор Герделер думал, что мощь третьей империи заключена в железных колоннах солдат, в генералах людендорфской выучки, в беспрекословной дисциплине, в жерлах орудий, в крейсерах, в торпедах, в немецкой пунктуальности. И до сих пор он чувствовал себя неотделимой частью этого сложного механизма. Но оказалось, что все это – блеф; над армией и над ним тупо возвышалась еще одна сила, которая воплощена вот в этом штурмбаннфюрере с белой повязкой гестаповца на рукаве.

Допрос окончен. Ему бросают одежду:

- Одевайтесь.

Инструктор разбирает сверток обмундирования. Золотые шнуры оберста с мундира уже спороты. Пальцы дрожат, не могут нащупать пуговицу. Кто-то помогает ему натянуть штаны, толкает в спину:

- Быстрей, быстрей!..

Уже ночь. Горы чернеют на горизонте. Его сажают в машину, везут. Штурмбаннфюрер всовывает ему в рот сигарету, подносит к лицу зажигалку.

- Ну, – говорит он, – может, вспомним все-таки?

«О чем вспомнить? – пытался сосредоточиться фон Герделер. – Ах да!.. Этот „дарровский молодец“ Отто Рихтер, прибывший в Финмаркен из Голландии. Я встречался с

ним в Парккина-отеле... Кто еще был тогда?.. Кажется, командир противокатерной батареи с мыса Крестового... как зовут этого обер-лейтенанта?.. Фон... фон Эйрих...»

– Ну! – настаивает гестаовец. – Так, может, мы скажем честно, что получили задание от русской разведки начать разложение горноегерской армии?

– Я ни в чем не виноват, – отвечает фон Герделер. – Никаких заданий от Рихтера не получал... Произошла какая-то чудовищная ошибка...

Шофер в мундире эсэсовца говорит:

– Здесь! – И машина останавливается.

Инструктора подхватывают за руки, его ноги волокутся по земле. «Все, – думает он, – конец», – и говорит:

– Послушайте, я умру, но совесть моя перед фюрером чиста. Я остаюсь верным слугой национал-социалистской партии.

– Bravo, bravo! – смеется штурмбаннфюрер и деловито распоряжается: – Вот к этой скале... повертывайтесь...

– Нет! – отвечает инструктор, прижимаясь к скале спиной. – Я приму смерть с открытым лицом!..

– Ну, валяйте, желаю вам оставить штаны сухими.

Автомшины с включенными фарами въезжают на площадку, и теперь четыре ярких луча, как прожекторы, сходятся на фон Герделере.

– По изменни-ку н-а-а-ции!.. – нараспев командует штурмбаннфюрер, и карабины нащупывают сердце инструктора, которое сжимается в груди от предчувствия пулевых уколов.

Гестаовец вдруг обрывает команду, подходит к нему.

– Спрашиваю последний раз, – говорит он, – от кого получали задание написать эту пораженческую статью?

Фон Герделер вскидывает руку в нацистском приветствии:

– Хайль Гитлер!

– Не будь дураком! Я отдаю команду «пли».

– Хайль Гитлер!

– Пли!

Инструктор почти явственно ощутил толчок пуль, но продолжал стоять, только одна мысль билась под черепом: «За что?.. За что?.. Разве я...»

Штурмбаннфюрер подходит снова:

– Послушайте, я шучу только один раз. Со второго залпа от вас полетят клочья.

– Хайль Гитлер!..

– Ну, ладно!.. Внимание... пли!

На этот раз, кажется, попали. Все тело разрывается на части.

«Но почему я не падаю?..»

Штурмбаннфюрер подходит и сталкивает его на землю:

– Лежи!..

Инструктор потерял сознание. Когда же очнулся – вокруг было пусто. Он понял, что машины уехали, оставив его одного в тундре. Вспомнив сцену расстрела, вяло подумал: «Пугали», – и поднялся на ноги.

На рассвете, проделав пешком несколько верст, инструктор пришел в Петсамо, где его уже ждал приказ:

«Оберст Хорст фон Герделер понижается в звании, как не справившийся со своими обязанностями, и переводится в разряд строевых офицеров...»

Двое

– Пи-ить... дай... воды...

И, когда она просила об этом, Мордвинов каждый раз переставал грести и с ненавистью оглядывал волнующийся простор океана.

«Где бы достать воды?.. Хотя каплю, одну лишь каплю!.. Не для меня – для нее!..»

– Пи-и-ить... пи-и-ить, – просила Варенька, с трудом разлепляя запекшиеся губы, а он сидел рядом с ней – тихий, сгорбленный – и ждал, когда она снова потеряет сознание. Потеряет сознание и хоть на время забудет, что на этом прекрасном свете, который она так любит, есть вода – вода живая, сверкающая, прохладная, чистая.

И, когда она забудет об этом, он опустит в воду, которую нельзя пить, свое широкое весло – снова начнет грести к невидимому берегу. Пусть уж лучше она лежит в беспмятстве, чем слышать ее постоянную просьбу «пи-и-ить», которую нельзя исполнить.

Но когда однажды над морем, почти касаясь волн, прошла грозная туча, Мордвинов чуть не закричал от радости, почувствовав, как на его грудь вдруг упала прохладная капля. Он содрал с себя голландку, развернул ее в руках и поставил под нее пустую банку из-под консервов. Обильно хлынувший дождь застучал по парусине, собранной в виде воронки, и матрос молча смотрел расширенными глазами, как стекали, прыгая по жестяному донышку, капли.

Это была жизнь, и, что самое главное, не его жизнь, а – Вареньки!..

Когда дождь прошел, Варенька очнулась снова, и он, опережая ее просьбу, бросился к ней и крикнул:

– На!..

Он дал ей выпить все, до последней капли. И когда воды не стало, жажда, терзавшая его третьи сутки, стала уже непереносимой. Тогда он лег на борт плотика – начал глотать соленую, обжигающую внутренности горечь моря. Это не утолило его жажды, но само сознание того, что он все-таки пьет, на время приглушило мучительный жар в усталом теле...

Вареньке становилось хуже. Решетчатое днище плотика пропускало воду, и как Мордвинов ни старался, подкладывая под раненую брезент, ему все время приходилось менять на ней сырое белье, которое он тут же сушил на себе.

Порою ему казалось, что Варенька уже застывает от холода. Тогда он ложился на днище, прижимаясь к ней своим телом. Больная и беспомощная, она сделалась теперь для него доступнее и ближе.

Потом, точно вспомнив что-то, он вставал и снова решительно брался за свое коротенькое весло... А солнце день и ночь светило над морем...

* * *

Добравшись до берега, Мордвинов отыскал в одной бухте старинную постройку, в которой умер когда-то не известный миру русский человек Родион Евстихеев, и перенес в нее Вареньку.

Этот первый день, проведенный на берегу, он посвятил налаживанию своего маленького хозяйства. Спички, еще с утра разложенные на солнцепеке, загорались отлично. Скоро в древнем каменном очаге весело потрескивали ветки, чадил зеленым дымом ягель. А в консервной банке, заменявшей кастрюлю, уже варились крупные ярко-аквамариновые яйца кайр, голубоватые яйца гагар, которые Мордвинов достал на скалах птичьего базара.

«Что ж, жить можно», – думал матрос, но пища не радовала его, когда Варенька, измученная болью, почти умирающая, отказывалась от всего, что он ей предлагал, и только просила пить, пить, пить – просила так, словно все еще не могла избавиться от жажды. Мордвинов был на «Аскольде» лишь санитаром, да и то больше времени проводил на своей дальномерной площадке, нежели в лазарете, – чем он мог помочь ей?

«Умрет... Как страшно думать об этом! Вот жила, разговаривала, смеялась и вдруг – нет ничего, ни смеха ее, ни голоса, – смерть!..»

Поначалу он хотел развести костер, но потом подумал, что здесь пустынный район моря, куда редко заходят корабли, и решил побережь плавник. Отправиться к югу на плотике, держась берегов, – это значило погубить себя и Вареньку, которая еще жива, еще дышит, еще... будет жить.

– Будет! – сказал он себе и, стиснув руками голову, весь вечер просидел возле очага, думал: «Что делать дальше?..» Плотик, на котором он добрался до берега, только носил название плотика, на самом же деле это был просто большой спасательный круг, только не пробковый, а резиновый, надутый воздухом; внутри него была укреплен круглая деревянная решетка, на которой мог лежать, поджавши ноги, лишь один человек. Вот Варенька и лежала на ней. Хорошо еще, что Мордвинов догадался подобрать тогда из воды сорванный взрывом с «Аскольда» обрывок парусинового тента; этот брезент он потом подкладывал под девушку, а то бы волны заливали ее все время. Хотя, чего уж там, от волн не спасешься, и случись на море легкий шторм, плотик не успевал бы выныривать на гребень, волны задушили бы и его, и Вареньку...

Ночью, когда незаходящее солнце присело над морем с северной стороны, собираясь снова начать свой поход вкруговую, в голове Мордвинова созрело решение. Прислушиваясь к прерывистому дыханию девушки, он встал, тихо вышел и спустился к берегу океана.

Было время ночного отлива, обнаженный берег покрывали заросли морской капусты. Засучив штаны, матрос долго бродил по каменистой отмели, отрывая от грунта многометровые стебли водорослей, снопами выносил их на сухое место. Здесь же он нашел два бревна плавника, окаменевших от долгого пребывания в море. Мордвинов откатил бревна подальше от воды и, убедившись, что на сегодня все сделано, пошел спать.

На следующий день матрос пришел сюда снова и начал кропотливую работу. Разбирая просушенные за день водоросли, он проверил прочность их стеблей, откладывал в сторону самые крепкие. Потом из отобранных фукусов и ламинарий стал плести толстые тросы – перлины, сращивая концы лонго-сплесенями. Тросы получались гибкими, прочными – сам Антон Захарович Мацута позавидовал бы своему ученику.

Так в постоянной работе – между домом, где лежала Варенька, и берегом, где собирался плот, – прошло еще несколько дней. Для того чтобы новый плот получился устойчивым и мог бы выдержать волнение на море, нужно было не меньше десяти массивных бревен. Но плавника не хватало, и Мордвинов совершал дальние переходы вдоль полосы прибоя, выискивая беспризорные бревна. В ожидании, что океан принесет на волнах из устья Енисея ствол дерева, он – уже усталый – подолгу просиживал на высокой прибрежной скале, застывая на целые часы в неподвижной выжидающей позе, так что молодые глупыши садились ему на плечи, принимая его за камень.

Однажды вечером Вареньке вроде стало легче, и, лежа на топчане, она с удивлением озиралась по сторонам, точно увидела впервые эти черные стены, этот закоптелый, грозивший обвалиться потолок и этого угрюмого матроса, сидящего на корточках у огня. Слабым движением руки она подозвала Мордвинова к себе, и он, присев у нее в ногах, стал тихо рассказывать о своем решении переправиться на материк.

Варенька часто закрывала глаза; думая, что она заснула, матрос несколько раз осторожно вставал, намереваясь уйти, но девушка каждый раз удерживала его, говоря:

– Нет, нет!.. Просто мне так легче...

И когда он замолчал, она посмотрела прямо в лицо ему усталыми, но по-прежнему ясными глазами.

– Яша, – сказала она тихо и спокойно, – сейчас что, вечер или утро?..

Он машинально посмотрел в окно: солнце светило ярко, и в этот момент ему показалось, что он не знает – что сейчас, утро или вечер; не знает – где он, и страшное ощущение одиночества потрясло все его существо.

– Вечер, – вздохнула Варенька, не дождавшись ответа; что-то похожее на улыбку отразилось на ее лице, и она, внятно отделяя слова, сказала: – Вечер и утро протягивают друг другу руки... Это я помню... все помню...

– Что? – спросил он, нахмурившись.

Варенька не ответила и, преодолевая боль, вдруг начала вставать с топчана. Мордвинов уложил ее обратно, прикрикнув:

– Нельзя!

– Теперь уже все равно, – спокойно отозвалась она, – ничего не спасет... я уж это знаю... Умру, Яша... Ты почему молчишь?

– Я слушаю.

– Так вот, – помолчав, продолжала она, – я это чувствую и потому прошу тебя передать... передай Пеклеванному, что, умирая, я... я вспоминаю...

– Ничего не передам, – сказал Мордвинов и встал. – Думайте о нем сколько хотите, а я ничего не передам.

– Яша, родной, умоляю тебя! – почти выкрикнула Варенька, пытаясь поймать его руку. – Выполни мою последнюю просьбу!..

– Нет! – громко сказал Мордвинов. – Не смей!.. Будешь жить – сама передашь... А жить ты будешь!.. Ты будешь жить! – повторил он несколько раз, как заклинание, и выбежал из дому.

...В эту ночь океан выбросил на скалы тяжелый ствол сибирской лиственницы.

* * *

В кают-компании крейсера «Святой Себастьян» шел вечерний спор о том, какие моряки самые лучшие в мире. Мнения по этому вопросу резко разделились. Одни утверждали, что самые смелые моряки – турки, другие – норвежцы, третьи говорили, что прекрасные моряки рождаются на Полинезийском архипелаге. А некоторые, иронически посмеиваясь, доказывали, что сейчас невозможно найти хороших моряков, ибо появление быстроходных кораблей и наличие на флоте непрофессионалов ведет к так называемому «обезлюдению» морей.

Спор затянулся до полуночи, когда с мостика поступил доклад о том, что на горизонте замечен плот с людьми. Все офицеры выбежали наверх с биноклями в руках.

На широком деревянном плоту, захлестываемом волнами, лежали два человека, а над ними возвышался резиновый плотик, поставленный вместо паруса. Но каково же было удивление англичан, когда они распознали в одном из людей женщину. Эта вест мигом облетела всю команду крейсера, насчитывавшую более полутысячи человек, и на палубу не поднялись только те, кто нес вахту в нижних отсеках. Многие, чтобы лучше разглядеть, взбирались на мостики и башни, густыми гроздьями повисали на снастях.

Боцман крейсера уже отводил от борта корабля стальную балку выстрела, на котором болтались, раскачиваемые ветром, веревочные штормтрапы и шкентеля с мусингами. Здоровенный негр-стюард во всем белом разбежался по балке до ее конца, лег животом, обхватив выстрел ногами, махал руками – хотел помочь.

И вот матрос на плоту встал и, взяв женщину на руки, ловко вцепился в штормтрап. Теперь все увидели, что это русский. Он не мог подняться наверх вместе с ношей, и негр, работая руками, сильными рывками подтянул его к самому выстрелу, который снова подвалили к борту. Десятки рук ухватились за одежду спасенных, вытащили их на палубу. А плот, подхваченный волной, ударился о борт крейсера и тут же рассыпался.

Мордвинову совали в руки шоколад, сигареты сыпались к его ногам сплошным дождем, кто-то уже подносил ему флягу с пахучим ромом. А он, не выпуская из рук Вареньки и боясь потерять в толпе матросов сутулую спину старшего офицера, шагнул в корабельный лазарет.

* * *

Мордвинов сидел в кубрике за столом, на котором лежали распечатанные колоды карт и высились тяжелые сифоны с лимонной водой, когда его пригласил к себе командир крейсера. Матрос поднялся в офицерскую палубу. Над дверями салона светился сигнальный плафон с надписью: «Можно войти», – матроса, видно, уже ждали.

– Здравствуйте! – сказал он высокому смуглому командиру, стоявшему посреди каюты в легкой пижаме.

Уибрин предложил ему сесть за стол; две чашки крепкого формозского чая уже дымились на серебряном подносе. В иллюминаторах мелькали сизые гребни, порою волны совсем закрывали толстые стекла, и тогда в помещении становилось темно от зеленого

полумрака морской пучины. Неяркий свет фосфора, мерцавший на приборах, освещал каюту матовым сиянием.

Уибрин показал матросу священную реликвию своей семьи – подзорную трубу прапрадеда, который плавал в Средиземном море вместе с адмиралом Ушаковым во время Ионической кампании 1798–1800 годов.

Когда же Мордвинов рассказал ему о своих приключениях, командир открыл сейф и достал оттуда толстую книгу в кожаном переплете.

– Это «Журнал торжественных посещений», – объяснил он. – Посещая мой корабль, здесь оставили свои подписи многие министры, политические деятели, короли и известные миру писатели. Но я бы хотел иметь в этом журнале подпись простого русского парня, который делает в этой войне великое, ни с чем не сравнимое дело...

Матрос обмакнул перо в штормовую чернильницу и, подумав, написал в журнале:

«Если в последний день войны, в последнем бою меня сразит самая последняя пуля, – я согласен! – только бы знать, что эта война тоже самая последняя война в мире».

– Благодарю вас, – сказал Уибрин, пряча журнал в сейф.

Потом командир сел за столик и сказал, что крейсер направляется в Скапа-Флоу; он предложил Мордвинову идти вместе с ним в Англию, чтобы вернуться оттуда в Россию с первым же караваном.

Матрос поблагодарил, но отказался.

– Я хочу как можно скорее вернуться в строй! – сказал он.

Тогда, оценив по достоинству его желание, Уибрин поднялся на мостик к офицерам. Был дан полный ход и изменен курс. «Король, ей-ей, не обеднеет, если мы истратим лишнюю тонну нефти», – решил командир и спустился в котельный отсек; стоя на площадке трапа, он обратился к кочегарам с просьбой «потрудиться как следует».

И матросы, вращая клапаны огнедышащих форсунок, весело кричали в ответ:

– Мы постараемся, сэр!

– Мы выжмем из котлов, сэр, все, что можно выжать из пятидесяти тысяч лошадиных сил, сэр!..

– Все, что зависит от нас, сэр, будет исполнено, сэр!..

На следующий день крейсер уже бросил якорь напротив Мурманска. Санитарный вельбот подошел к борту, и малайцы бережно перенесли на него Вареньку по совершенно вертикальному трапу с помощью штормовых носилок.

Мордвинов помахал гостеприимному экипажу крейсера бескозыркой, и вельбот направился к берегу, где его уже ждал, в нетерпении расхаживая по причалу, лейтенант Пеклеванный.

И Варенька, еще издали заметив его, улыбалась, поднимая навстречу руки, а матрос, отвернувшись, часто и нервно затягивался слабой английской сигаретой.

В экипаже, встретившись с друзьями, Мордвинов первым делом спросил:

– Ну-ка, расскажите, как подать рапорт контр-адмиралу. Хочу воевать в морской пехоте!..

Глава восьмая

В морской семье

– Лейтенант Пеклеванный, прошу садиться. Не хотите чаю?.. Напрасно. Я, честно говоря, вернулся только из Кандалакши и, не заходя домой, сразу сюда. Проголодался!..

Сайманов разговаривал с ним как со старым знакомым, и это льстило Артему. Он тоже попробовал перейти на дружескую ногу и спросил:

– В Кандалакше были долго?

– Нет. Осматривал шхуну «Книпович», на которой Рябинина ходила в экспедицию.

– Уж не хотите ли приспособить ее к делу?

– Хочу. Зачем же бездельничать кораблю в такое горячее время! А то, что это парусник, так вы, лейтенант, не смущайтесь. На море часто приходится добиваться успеха теми

средствами, которые имеются, а недостающие импровизировать на месте... Вот так-то, лейтенант!

И, отодвигая пустой стакан, Игнат Тимофеевич засмеялся, довольно потирая руки. Потом, на этот раз уже полуофициальным тоном, спросил, как бы вспомнив что-то:

– Лейтенант Пеклеванный, вы, кажется, хотели служить на эскадренном миноносце?

Артем встал:

– Я благодарен вам, товарищ контр-адмирал, что вы не забыли о моем желании, но я уже не рвусь служить на эсминцах; это было увлечение молодости...

– Почему же?

– Я понял, – продолжал Артем, – что служба на любом корабле интересна. Правда, я понял это не сразу. А если служба еще и поставлена правильно, то...

– Похвально! – улыбнулся Сайманов. – А все-таки, Артем Аркадьевич, вам придется послужить на миноносцах. Сегодня в полночь с моря возвращается эсминец «Летучий», старший артиллерист которого уходит с корабля учиться в академию. Вы заступите на его должность...

* * *

Из штаба Артем отправился навестить жену Рябинина. Дверь открыл смуглый горбоносый офицер с папиросой в углу рта и прищуренным от дыма глазом. Что-то очень знакомое уловил в его лице Пеклеванный, но где он видел этого человека, вспомнить не мог. Кавказец – это стало ясно по акценту с первых же слов – тоже пристально всматривался в Артема.

Обоим стало неловко. Пауза слишком затянулась.

– Мы с вами где-то встречались!

– Может быть.

– А вы не учились вместе со мною в училище? – вдруг напомнил кавказец. – Я был старше вас на два курса...

– А ведь верно!.. Вахтанг Беридзе?

– Он самый.

– Как же это мы ничего не знали друг о друге!

– Ты вот что, – сказал Вахтанг, сразу переходя на «ты», – лучше помалкивай, а то она и так убивается. Говорить и утешать буду я сам!

Вахтанг сказал все это грубоватым наставительным тоном, как говорят в училище выпускники с новичками, точно он и сейчас, как и в училище, был старше Артема на два курса. Но лейтенант и без того держался скромно. Он редко встречался с женой Рябинина, а в ее доме был всего один раз. К тому же он не знал, как будет вести себя Ирина Павловна, – может быть, встреча с помощником ее мужа лишний раз растревожит женщину?..

Рябинина приняла Артема спокойно и сдержанно.

– Ну, как ваша Варенька? – спросила она его.

«Ваша», – мысленно повторил Пеклеванный. И то, что она первая назвала Вареньку «его Варенькой», и то, что первыми ее словами были слова, не касающиеся ее бед, а бед чужих, – все это вместе взятое сразу наполнило душу Артема благодарностью и любовью к этой женщине.

– Благодарю вас! – сказал он. – Вареньке лучше, она уже встает с постели...

Вахтанг был, видимо, в доме Рябининых своим человеком. Он свободно прилег на диван и, размашисто стряхивая к печке пепел с папиросы, продолжал разговор, прерванный приходом Пеклеванного:

– ...И вот в одной бухте я наконец нашел шлюпку с «Аскольда». В ней все было уложено так, точно команда собиралась еще вернуться. Не нашли только компаса и паруса. А сразу от самой отмели следы вели в глубь острова. И по-моему, – сказал старший лейтенант, – среди них есть офицер.

– Простите, – вмешался Артем, – я не все слышал и не понял, о чем вы это рассказываете?

И когда Вахтанг повторил, как удачно завершились поиски пропавшей шлюпки с «Аскольда», лейтенант вздохнул свободнее – слава богу!

А Вахтанг продолжал:

– ...Один след на песке точно такой же, как от моего ботинка. – Он поднял ногу, показав свой каблук с клетчатой нарезкой. – А что вы скажете, если это Прохор Николаевич идет с ними?.. Ведь такие ботинки, я знаю точно, интенданты всего месяц назад выдавали. И знаете кому? Только командирам кораблей!

– Так значит, – сказала Ирина Павловна, – значит, они все-таки добрались до берега и решили... что же?.. Неужели они решили пересечь Новую Землю поперек?

– Выходит, так.

– Но с восточного берега до Малых Кармакул около двухсот километров. Местность непроходимая. Пускаться в такой путь, не имея пищи, неся на себе раненых, – это, по меньшей мере, безумие!

– Может быть... может быть... – задумчиво сказал Вахтанг. – Но я, Иринушка, чувствую, что они самое малое через неделю будут здесь...

Когда лейтенант Пеклеванный, которому не терпелось поделиться этой новостью с аскольдовцами, ушел, Ирина Павловна спросила:

– Почему ты не уезжаешь в отпуск?

Вахтанг ответил не сразу.

– Ты пойми, я не могу ехать сейчас, оставив тебя в таком состоянии. Ведь мы все-таки друзья, Иринушка...

– И не только друзья, – сказала она, – но живем одной семьей все эти годы. Я скажу даже больше: после Сережки и Прохора ты, Вахтанг, самый дорогой для меня человек. Я благодарна тебе за очень многое и сейчас прошу как друга: уезжай, надо отдохнуть, впереди тебя ждет еще столько всего!..

В этот день она уговорила его уехать. Прощаясь с нею, Вахтанг сказал:

– Хочу сделать тебе маленький подарок. Хочу и в то же время боюсь, что поймешь этот подарок неправильно...

– Ну? – спросила Ирина Павловна, настораживаясь.

Вахтанг вынул из кармана старенькую потрепанную брошюру, протянул ее Рябининой. С обложки, из круглого овала, под рубрикой «Стахановцы моря», глянуло суровое лицо мужа.

– Вот, – сказал Вахтанг, – я знаю, что ее нет на вашей книжной полке. Прохор хранил брошюру в каюте на «Аскольде». Возьми!..

– Так значит, – нахмурилась Ирина Павловна, – ты тоже не совсем веришь, если...

Он не дал ей договорить:

– Вот, я и боялся, что ты растолкуешь мой подарок иначе. А на самом деле все так просто: ты прочитай эту брошюру, и ты поймешь, что он вернется. Обязательно!..

И когда Вахтанг распрощался с нею, Ирина Павловна с брошюрой в руках долго сидела у окна, листая посеревшие от времени страницы. Ведь эта брошюра знакома ей давно, еще до войны. В таких тоненьких скромных книжонках была напечатана не одна автобиография капитанов стахановских траулеров.

Неумелым, корявым языком капитаны бесхитростно описывали свои жизни. В этой серии брошюр была и автобиография Рябинина. Она напоминала сжатую до предела математическую формулу, настолько в ней все было упрощенно. Если некоторые из капитанов, памятуя о законах литературы, еще кое-как и пытались описать свои тревожения, поставить в каком-нибудь месте всеискупляющее многоточие, то Рябинин ограничился простым перечислением фактов.

Но Ирина Павловна видела за этой брошюрой очень многое: строчки упруго выгибались, как штормовая волна, и вот он, ее муж, обледенелый и усталый, простаивает четвертую ночь на мостике: идут косяки сельди, он ловит ее первый в стране, тридцать девять тысяч центнеров улова. Москва, Кремль, орден Трудового Красного Знамени, в их квартире тесно

от корреспондентов, а вечером он говорит ей: «Ирина, это все ты, у меня только руки...» Она просыпается по ночам и видит склоненную над столом широкую спину мужа; получив в командование недавно построенный «Аскольд», Прохор уже не доверяет одним лишь морским навыкам. Но оказалось, что простоять за штурвалом при ветре в двенадцать баллов проще, чем разделить многочлен на одночлен. «Спи, спи, – ласково говорит он, – я хочу иметь свою голову на плечах...» Ирина ходила за ним следом, объясняя непонятное, расспрашивая о прочитанном; потом стала подкладывать ему на стол книги: Дерюгина, Книповича, Зернова, Вернадского, Месяцева; совала в карман пальто вместе с бутербродами свернутые в трубку журналы «Рыбное хозяйство», и он – читал... Ирина еще не знала ни одного человека, который бы читал столько. Прохор никогда не расставался с книгой, и чуть свободная минута – книга сразу подносилась к глазам. Об успехах его «Аскольда» уже стали писать за границей, но – война!..

Да, видно, прав был Вахтанг, говоря: «Прочитай эту брошюру, и ты поймешь, что он вернется...» И она вдруг поняла, что – да, он вернется, потому что не может погибнуть на полпути, потому что вся его жизнь – это борьба и еще раз борьба!

Часы пробили полночь. До слуха женщины донесся отдаленный вой корабельной сирены. Ирина встала. Схватила за сердце. Что это? Или показалось? Может, все ложь, неправда? Подбежала к окну, отдернула штору. Вот сейчас, сейчас с моря выйдет на рейд «Аскольд», бросит якоря, и она разглядит на его мостике коренастую фигуру мужа.

Но со стороны моря стремительной затаенной тенью проскользил эскадренный миноносец и, не бросая якорей, подошел к причалам завода.

И где-то по темным, замаскированным улицам военного города сейчас шел лейтенант Пеклеванный, направляясь на новое место службы.

«Где же ты, Прохор?!»

День восьмой

Шестнадцать матросов стоят по колено в рыхлом, сыром снегу и смотрят на него. В глазах смятение и тоска близкой смерти. Семнадцатый лежит, подостлав под голову бушлат, и хрипло дышит.

– Может, не надо вставать? – спрашивает он. – Куда идем, командир? Восьмой день, а моря нет... Нет моря! Гиблое место... Тундра, командир... Амба!..

Плечо к плечу, согревая друг друга, стоят шестнадцать матросов. Рябинин вытаскивает из снега правую ногу и сразу по самые локти зарывается в снег руками. Вот поднимает левую, и всем видны вылезающие из ботинок синие раздувшиеся пальцы.

Он подходит к лежащему, сильным рывком поднимает его на ноги.

– Стой! – говорит он. – Будет море. Сегодня будет!..

Серый рассвет начинается над Новой Землей. Из помутневшего за ночь неба показывается тусклое, затянутое туманной дымкой солнце. Оно светит матросам в спину. Матросы идут на запад, где можно встретить редкое жилье человека.

В расщелинах скал лежат тысячелетние ледники. Бесконечные фирновые поля покрывают низины, и крупные горошины снега тоскливо скрипят под ногами. Отряд то поднимается по склону, то спускается вниз.

Внизу тихо, лишь иногда слышно, как журчат выбегающие из-под толщи льдов ручьи да завывают наверху океанские ветры. Иногда на пути попадаются огромные завалы сыпучего щебня. Острые камни обдирают ступни ног. Матросы обматывают окровавленные ноги голландками и, поддерживая друг друга, идут по щебню, стискивая от боли зубы.

И только когда отряд спускается с гор, идти становится легче. Глаза, уставшие от раздражающего сверкания снегов, отдыхают на коричневых покровах лишайников. Кое-где пробивается между камнями тощая травинка, а иногда выглянет одинокая семья чахлых полярных цветов. Ползучие березы опутывают подножия скал, и полярные ивы качаются на ветру жалкими стебельками. Растет такое деревце, которому уже триста лет, а обыкновенный гриб, притулившийся сбоку, кажется по сравнению с ним великаном.

Матросы изредка оборачиваются и видят за собой сутуловатую фигуру командира. В руке у него шлюпочный компас, на который он изредка посматривает, проверяя направление. Люди знают, что в котелке компаса есть спирт. Вот если бы выпить его! Хотя

бы глоток! Кажется, сразу стало бы легче. Сколько им еще идти до спасительного западного берега – никто не знает. Но два человека уже остались в тундре, и могилы их, наспех заваленные камнями, страшными вехами отметили путь отряда.

Ящик подмоченных засоленных галет они прикончили на пятый день. Потом обшарили все карманы и, вывернув их наружу, собрали последние крошки. И уже третьи сутки матросы глотают снег и жуют ягель, пахнущий плесенью.

Вот разросшаяся в верхнем слое земли, ниже которого лежит вечная тундровая мерзлота, крохотная ива с мелкими листиками, величиной с подсолнечное семя. Листья – большая редкость в этом угрюмом крае. Матросы сразу обступают деревце, ломая нежные веточки.

Тяжело поднимая ноги, подходит Рябинин.

– Не останавливаться!.. Идти! – говорит он, глядя в пустое полярное небо.

Командир держится прямо. Он не ест траву. Он не падает и не садится на снег раньше привала. Только у его рта залегает какая-то упрямая складка, которой никто не замечал раньше. Она не сходит с его губ, даже когда он спит, и с каждым днем становится все глубже и резче.

Люди все замечают. Им гораздо легче наблюдать за одним человеком, чем ему за всеми. Они, например, знают, что через полчаса он снова повторит: «Идти!.. Не останавливаться!» – и эта фраза неотступно следует за ними уже восьмой день. Постепенно эти слова въедаются в сознание, и матросы тоже начинают повторять их про себя, как пароль, как клятву, а то и просто как надоевшее до тошноты слово.

Труднее всего было идти Василию Хмырову. Сорвавшись во время взрыва дальномером его ударило в спину, когда он висел на штурвале, и теперь у него часто шла горлом кровь. Он иногда падал, теряя сознание, и подолгу лежал в снегу с бледным, измученным болью лицом. Матрос уже не раз со слезами на глазах просил, чтобы его оставили в тундре. «Ну считайте, что меня с вами не было, – говорил он, и людям становилось жутко от этих слов. – Пусть я погиб в море. Ведь об этом никто не узнает...» Но каждый раз Рябинин подходил к нему и молчал смотрел на Хмырова. Тогда, отводя глаза в сторону, тот вставал, и отряд двигался дальше.

Но сегодня матрос обождал, когда подойдет командир, и сказал:

– Не хотите оставлять – дайте пистолет. Я сам как-нибудь!..

– Ну и что?

– А застрелюсь! Не дадите – все равно подохну. От мук умру...

Рябинин остановился. Один человек не выдержал. Завтра пистолет попросят другие. Почему же не хочет умирать он?.. Ведь ему сделать это как раз легче всех. Стоит только приложить пистолет к виску, слабое усилие пальца – и все будет кончено.

Умереть легко. Даже очень легко.

Прохор Николаевич достал пистолет и, взведя курок, подал его матросу.

– На! Держи!

Пораженные люди сгрудились вокруг, не понимая, что происходит.

– Стреляйся! – сказал Рябинин, даже не глядя на Хмырова. – Но знай, когда мы придем на базу – да, мы придем! – я доложу, что матрос Хмыров трус... А теперь – стреляйся!

– Не оскорбляй меня, командир! – гневно крикнул матрос, забыв про боль. – Я не трус! Раненую лошадь и ту убивают...

– Дурак ты, – мрачно сказал машинист Корепанов.

– Хорошо, я был бы дезертиром, – продолжал Хмыров, – если бы находился в строю, а то ведь...

– А кто же ты? – бешено крикнул Рябинин, бледнея от ярости. Он подошел к матросу и, тряся его за погоны, прокричал в самое ухо: – А это что?.. Что это, я тебя спрашиваю?.. Крылышки ангельские?.. Отвечай! – Потом поднялся и уже спокойным голосом: – Стреляйся, черт с тобой! Таких не жалко...

Тогда матрос кинул под ноги Рябинина пистолет и поднялся.

– Точка. Пошли, матросы...

* * *

В половине дня был сделан привал. Люди расстелили на земле шлюпочный парус и попадали на него, уснув мгновенно тяжелым сном. А капитан-лейтенант все еще стоял, прямой и спокойный. Старшина Платов, давно присматривающийся к командиру, решил понаблюдать, что будет делать Рябинин, оставшийся сам с собой.

Вот капитан-лейтенант обшлагом рукава протер позеленевшие пуговицы, оглядел людей и вдруг, легко переступая через спящих, пошел за сопку. Рябинин шел все дальше и дальше, и, когда остановился, Григорий Платов, притаившись за гребнем сопки, вдруг увидел, что Прохор Николаевич... упал.

Он упал так, как падали несколько раз в день те шестнадцать человек, лежащие за сопкой. Но они-то как раз и не думали, что может упасть он, командир. И старшина понял, что Рябинин изнурен этим переходом и голодом не меньше других, только не хочет, чтобы матросы знали о его усталости.

Платов подошел, тронул его за плечо.

Рябинин быстро поднялся.

– Тебе что? – В голосе его слышалась досада.

– Вы... спите, – сказал Григорий. – Я разбужу вас.

Прохор Николаевич слабо улыбнулся и, уже засыпая, пожал старшине руку:

– Спасибо, коли так... я этого не забуду...

А через полчаса он будил людей, готовый снова идти, снова быть выносливым и сильным, как никто.

* * *

Приближался вечер. Изнемогающие люди медленно поднимали ноги. Скоро можно будет упасть и лежать. Не надо ничего подстилать, не надо ничем укрываться. Как насмешка звучат слова: «койка», «одеяло», «подушка». Все это было у них на «Аскольде», но корабля больше нет. И страшные восемь суток как-то незаметно удалили от них прежнюю жизнь, оттеснили ее в памяти на последнее место.

Для них сейчас нет Большой земли, нет городов, ничего нет, – есть только путь, снежный, скользкий, голодный и кажущийся бесконечным; путь, измеряемый даже не милями, а просто плывущими в каком-то бреду сутками...

Идут шестнадцать человек, вырывают ноги из вязкого снега. Пусты, снег, не держи нас! Семнадцатый идет следом, в руке покачивается компасный котелок, а внутри котелка – голубой спирт, и на картушке все стороны света: норд, зюйд, ост, вест...

Бежал дымчато-голубой песец новоземельский, снег нюхал. И увидел: идут, ползут по скалам, падают и снова идут. А за ними тянется красный след на снегу. А чья это кровь – не может понять песец. Подбежал он к красному камню, лизнул его шершавым языком своим. Густая кровь и соленая. Невкусная кровь. Кровь птиц и теплей, и слаще. Темной струей бьет она из горл разорванных.

Коротко взлаял песец. Поднял вверх острую мордочку, понюхал ветер и побежал по своим делам дальше. Не до этого было песцу. Мало ли чего в тундре не бывает! И бежит себе песец. Стынет кровь на губах. Нехорошая кровь, невкусная...

Грохнуло что-то в скалах – кончилась глупая песцовая жизнь.

Рябинин затолкнул обратно в карман тяжелый ТТ, сказал:

– Платов, хлеб на корабле делил?

– Так точно.

– Дели тогда остромордого...

Через несколько минут они уже ели сырое мясо, остро пахнущее псиной. Всем досталось по маленькому кусочку. Платов попробовал дать командиру кусок побольше. Капитан-

лейтенант строго прикрикнул на него: «Но-но!» – и старшина так смутился, что когда очередь дошла до него самого, то он отрезал себе ломтик меньше, чем другим.

Старательно прожевывая свою порцию, Хмыров выплюнул изо рта пулю. Нахмурившись, он хотел прикрыть сплюснутый кусочек металла ногой, но Савва Короленко, заметив это, сказал:

– Подбери! Это твоя пуля... Дурак! Жить надо...

К ночи все почувствовали запах гари. Над вершинами сопот за клубился редкий рыжеватый дым. Беспокойно осматривая небо, Рябинин сказал:

– Гроза будет. Ее здесь горелыми чадами^[18] называют.

Солнце скрылось. Стало сумрачно и страшно. Ветер внезапно вырвался откуда-то из ущелья и со свистом прошелся над головами людей. И этот же момент раздался оглушительный удар и треск грома, точно в небе разорвали громадную парусину. Длинные рыжие полосы дыма поползли над землей...

Матросы шли, наклонившись вперед, спотыкаясь на каждом шагу и держа друг друга за руки. Опять ударил гром. Ветер усиливался. С гребней сопот стало разметывать щебень. Мелкие камни летели косым дождем. Дышать становилось труднее.

Тогда матросы, не выдержав, остановились и повернулись к Рябинину. Они что-то кричали ему все разом, но их голоса тонули среди этого грохота, свиста летящих камней и непрерывного гудения ветра.

Рябинин подошел к матросам вплотную, выкрикивая одну и ту же фразу. Они тоже не слышали его, но по движениям губ поняли:

– Идти!.. Не останавливаться!..

И, закрыв бушлатом головы, они снова пошли вперед.

Ближе к фронту

Еще в начале марта отряд партизан попал в тяжелое положение...

После того как участились случаи налетов на егерские гарнизоны, генерал Дитм бросил в скалы роту эсэсовцев, придав к ней специально снятый с фронта взвод горной артиллерии. Партизаны покинули древний замок и отступали вдоль долины реки Карас-Йокки. Сверре Дельвик повел отряд одному ему известными путями на соединение с группировкой Хальварсена, которая действовала в центре страны. Но, пересекая железную дорогу Нарвик – Кируна, отряд случайно наткнулся на заслон тылового гарнизона. Бой, длившийся около часа, происходил у начала Офотен-фиорда, недалеко от западной оконечности шведского озера Турнетреск.

Отряд, теснимый с юга и севера, раскололся на две части. Одна часть, во главе с Дельвиком, просочилась по ущельям гор на Кюсфьор и оттуда переправилась на остров Ланге, а другая, во главе с Никоновым, не выдержав напора гитлеровцев, перешла на территорию Швеции, где и была интернирована.

Никонов тяжело переживал этот разгром. Шведские военные чиновники отобрали у его людей оружие, и небольшая кучка партизан незаметно рассеялась. Никонову посоветовали ехать в Стокгольм, чтобы обратиться в советское консульство. Через международную организацию Красного Креста он отправил письмо в Ленинград, надеясь почти на чудо, что это письмо попадет в руки Аглаи, но в Стокгольм не поехал, решив выждать время. Никонов устроился на лесопилку и стал хорошо зарабатывать на продольной пиле, с утра до вечера нарезая длинные дюймовые доски. Хозяйка лесопилки, дочь русского белоэмигранта Агния Филипповна Рожнова, относилась к Никонову доброжелательно и даже предлагала ему навсегда остаться в Швеции.

– Станный вы, – говорила она ему не раз. – Мир сошел с ума, но вам-то что до него? На кой черт вы сами лезете подставлять под топор свою голову? А здесь вы можете зажечь чудесной жизнью! Через полгода я бы сделала вас мастером...

Никонов отмалчивался. Он уже имел сведения, что часть отряда во главе с Дельвиком скрывается сейчас на Лофотенах, пастор Кальдевин как-то сумел избежать ареста в период разгрома. Таким образом, дело было только во времени – надо было выждать, притаиться. Сейчас он был сыт, одет, здоров, ему ничто не угрожало, и он понимал, что его друзьям на «той стороне» гораздо труднее.

Острова Лофотены и Вестеролен, высившиеся в море дикими заснеженными утесами, стали хорошим прибежищем для остатков разгромленного отряда. Найдя в одной бухте вмерзший в ледовый припай барк, партизаны отремонтировали его и переправлялись на нем на остров, чтобы запутать немецкое командование, которое вело в этом районе постоянную авиаразведку.

Лофотены и Вестеролен, славившиеся на весь мир как сезонная база рыбопромышленников, теперь были необитаемы. Боясь, что рыбаки уплывут в Исландию или Англию, гитлеровцы выселили норвежцев подальше от моря, в глубь материка. Недаром в Норвегии, стране с хорошо развитыми морскими промыслами, в период фашистской оккупации были введены карточки на рыбные продукты.

Партизанам, которые жили в покинутых рурбодарах, достались не увезенные рыбаками орудия лова, и, таким образом, в продовольствии они не нуждались – океан в изобилии снабжал рыбой, но не было табаку, соли и хлеба. Зато сохранилось оружие, и Дельвик каждое утро проверял его чистоту и исправность; всем было понятно – впереди еще бои и бои...

* * *

Чередовались приливы и отливы, меняли направление ветры, солнце уже показалось над горизонтом, а отряд все продолжал кочевать с острова на остров. И только когда солнечные лучи растопили снег и ручьи, подпрыгивая на камнях, стремительно низринутись с вершин, Никонов решил действовать. Все свои сбережения он растратил на покупку хорошей одежды, приобрел отличный пистолет и с рюкзаком, набитым провизией, перебрался через границу. Два дня он прожил у пастора Руальда Кальдевина, после чего снова встретился со своими друзьями.

Переход отряда на прежние позиции, поближе к фронту, приурочили к национальному норвежскому празднику – Иванову дню. Был выработан смелый и рискованный план. Переправиться в Финмаркен решили морем, использовав для этого барк. Чтобы не проходить мимо Альтен-фиорда, в котором стояла гитлеровская эскадра «Норд», наметили высадиться не доходя до района – в шхерах Квенангена. Оттуда намечалось двинуться прямо к месту старого лагеря.

Ночью партизаны перебрались на барк, и дядюшка Август занял место у штурвала. Шли без лоции и карт, прячась в излучинах берегов каждый раз, когда на горизонте показывался дымок корабля. Хуже всего дело обстояло с моторами. Несмотря на то что актер Осквик специально ходил на «большую дорогу» добывать наилучший бензин, все равно старенький движок работал плохо. Моторы невозможно было запустить с первого раза, а уж если они начинали работать, то останавливать их не решались.

На рассвете второго дня отряд высадился в шхерах и, обходя посты немцев, углубился на территорию Тромса. На первой же дороге, которую пересекли партизаны, Никонову бросилось в глаза подозрительное оживление. На перекрестках стояли гестаповские мотоциклы, эсэсовцы внимательно проверяли каждую машину, идущую на север. Никонов догадался, что немцам удалось как-то пронюхать о прибытии отряда.

К концу дня отряд вышел в зону, почти свободную от гитлеровцев. Партизаны проходили из хутора в хутор, сжигая в комендатурах налоговые записи и возвращая норвежцам реквизированных оленей. Здесь население чувствовало себя более независимо, чем в других районах, и в маленьких (всего три-четыре домика) «городах», защищенных от ветров стогами сена, горели жаркие высокие костры: норвежцы, забыв на время о тягостных днях, праздновали Иванов день, танцуя вокруг костров похожую на джигу гопку.

В одном поселке, затерянном на карте среди лесов и гор, к партизанам присоединились сразу одиннадцать ландштурмовцев из земского ополчения во главе с бывшим капралом королевских стрелков. А в другой деревне отряд пополнился пятью матросами-китобоями, которые недавно вернулись морем из Англии. Они рассказали, что им надоело сидеть в лондонских казармах и они решили вернуться на родину, чтобы вступить в борьбу, не ожидая открытия второго фронта, к которому их так утомительно готовили.

Поздно вечером отряд уже шел знакомой долиной Карас-йокки, приближаясь к древнему замку норманнов. Устало шагали люди, подкидывая на спине поклажу; греческие мулы, взятые партизанами в гитлеровских комендатурах, позвякивали уздечками, срывая время от времени уныло отвисшими губами листья черничника.

Никонов отстал от отряда, присел на камень, закурил. С горных отрогов сползал в долину клочковатый ночной туман. Река, окутываясь белой молочной пеной, тихо журчала в камнях. Вокруг расстился мирный покой засыпающей природы, и Никонову вдруг тоже захотелось мира и тишины. И, как всегда в такие моменты, ему вспомнилась Аглая, последний вечер на перроне вокзала, рука невольно тянулась к карману, словно он хотел нащупать ее последнее письмо.

«Увидимся ли когда?..» – подумал он и, вдруг устранившись почему-то своего одиночества, побежал догонять людей.

* * *

Аглаю призвали в армию. Сегодня она уже получила офицерскую форму и погоны лейтенанта ветеринарной службы.

Все случилось неожиданно. Еще вчера она собиралась выехать в Колу, куда прибыла свежая партия ездовых собак для фронта, как вдруг повестка: явиться в управление. Она пришла. Ей сказали, что она переводится из вольнонаемных в кадровый состав. Высокий капитан в очках по-деловому поздравил ее и здесь же отобрал паспорт, велел прийти завтра для оформления документов.

Жила Аглая по-прежнему в рыбацком коттедже в семье Мацуты. Ей нравился и этот маленький чистенький домик, в котором стены пахли совсем не по-городскому сосновым лесом, и эти добрые пожилые люди, приютившие ее у себя в трудную минуту.

С тех пор как Антон Захарович стал мичманом и появлялся дома всего лишь от случая к случаю, Полина Ивановна отдала Аглае пустовавшую комнату мужа, и женщине, еще помнившей холод своего разрушенного ленинградского жилья, эта комната казалась настоящим раем.

Из уважения к Антону Захаровичу она ничего не изменила в обстановке, только повесила над изголовьем кровати фотографию мужа. Он был в штатском костюме, с растрепанными на ветру волосами и весело смеялся над чем-то. Таким Аглая и хранила его в своей памяти и не могла представить Константина другим.

Что бы ни делала она: прибирала ли комнату, просыпалась, работала ли за столом или просто сидела на подоконнике, – он все время смотрел на нее, как живой, и Аглае порой начинало казаться, что с ним можно разговаривать, можно советоваться и он всегда услышит ее в далеких снегах Финмаркена.

– Дорогой мой, милый ты мой!..

Дочь встретила мать у калитки. Женечка за эту зиму вытянулась, повзрослела и превратилась в худенькую тонконогую девчонку с пышной копной кудряшек на голове. Прозвище «Колосок» теперь, как никогда, подходило к ней, и все домашние иначе ее и не называли.

– Ой, мама, какая ты краси-и-вая! – протянула Женечка, оглядывая фигуру матери в новом для нее военном одеянии. – Как артистка.

Аглая подхватила дочь на руки.

– Тетя Поля дома? – спросила она, целуя девочку в загорелые щеки: Женечка-Колосок умудрялась как-то загорать и под скудным полярным солнцем.

– Ага, у нее какая-то тетенька сидит.

– Что они делают?

– А в карты играют, – ответила девочка.

В прихожей Аглая остановилась, прислушалась. Из-за двери доносился бормочущий голос тети Поли:

– ...И ждет твоего короля близкая дорога, и получишь ты от него письмо, или он сам к тебе придет. Не знаю, как истолковать: тут карта двояко ложится. А судьба его зависит от короля виной. Это, наверное, сам Рябинин...

Аглая толкнула дверь. За столом сидела тетя Поля, и рядом с нею, горестно подпершись рукой, вытирала слезы молодая жена аскольдовского машиниста Корепанова.

– Аглаюшка! – радостно встретила ее боцманша, поднимая со стула свое грузное стареющее тело. – Уж ты прости меня, дуру, выпила я малость с горюшка, да вот еще и Настасья пришла, как тут не выпить!.. Мы с ней и поплакали, и погадали, все легче вдвоем-то...

Жена Корепанова припудрила заплаканное лицо и собралась уходить. Тетя Поля провожала ее до дверей.

– Уж ты верь мне, на море всякое бывает, – ласково говорила она. – Вот однажды моего старика на льдине в открытое море унесло. Семь суток, сердечный, снег глотал, в распоротом брюхе тюленя ноги грел, а ведь вернулся!.. Так и твой вернется, только надо уметь ждать. Такая уж наша бабья доля, – повторила она свою любимую фразу, закрывая дверь за молодой морячкой.

Но когда тетя Поля вернулась в комнату и села на стул, ее плечи опустились, и во всей ее сильной фигуре появилась какая-то детская беспомощность.

– Плохо мне, Аглаюшка, – запечалилась она, – ох, как плохо!.. Все аскольдовские бабы идут ко мне, ищут утешения, я точно мать для них. А что я могу сказать им, что?.. Вот раскину карты, точно цыганка какая, и начинаю: мол, все кончится благополучно. Утешительных слов людям, как собаке ласки, хочется... А меня-то кто утешит, Аглаюшка?.. Кто?.. Ведь мне хуже, чем кому-либо!.. Я-то знаю правду о своем муже. Рассказали матросы... И чует мое сердце, что не увидимся мы с ним больше...

Аглая молча обняла тетю Полю, поцеловала ее в седой висок. Боцманша положила на стол руки, задумчиво сказала:

– Как вспомню, что заставила его у начальства добиваться, чтобы он воевал, у меня так сердце кровью и обольется. Ведь, выходит, я сама будто приговор ему написала. А после, как подумаю, что не я, какая-нибудь другая жена своего мужа сейчас бы оплакивала, так кажется, – нет, пусть уж лучше я! Мне не привыкать, я баба крепкая...

* * *

Старенький мотобот, шедший на полуостров Рыбачий, шатался с борта на борт, как пьяный, поскрипывая бимсами от каждого удара волн. Электрическая лампочка, получавшая накал от динамо-двигателя, горела неровным, раздражающим светом. Когда мотобот с трудом влезал на волну, лампочка светила едва-едва, а когда корма взлетала на гребень, обнажая винты, и движок развивал бешеную скорость, она заливала отсек ослепительным сиянием.

Около острова Шалим мотобот долго качался на рейде, слышались всплески весел, по палубе прогрохотали тяжелые сапоги, и в люк кубрика неожиданно спустились трое матросов. Аглая с трудом узнала в этих повзрослевших, одетых по-походному пехотинцах прежних щеголеватых аскольдовцев.

Матросы удивились встрече не меньше нее:

– Аглая Сергеевна, ну мы-то – ладно, а вот как вы сюда попали?..

Алеша Найденов, на плечах которого теперь тускло светились погоны сержанта морской пехоты, хозяйственно распорядился:

– А ну, кто-нибудь, жми на камбуз за кипятком, сейчас чай пить будем. На таком катере, как этот, еще часа два протащимся...

По-деревенски прижимая буханку хлеба к груди и орудуя длинным австрийским тесаком, Борис Русланов тихим голосом рассказывал о гибели «Аскольда». Потом все стали вспоминать тралмейстера Никонова, желая этим, очевидно, сделать приятное Аглае.

По трапу сбежал вниз Ставриди, держа в руке фыркающий паром чайник. Вешая чайник на ремне к потолочному бимсу, ибо поставить его было нельзя – качало, он сообщил:

– Сказал Ярцеву, чтобы шел к нам. «Нет, – говорит, – я на палубе посижу...»

– Ну, тогда давайте за стол... Аглая Сергеевна, у вас кружка есть?

– И кружки нет, и чаю не хочу. Спасибо! Вы лучше скажите, какой это Ярцев?.. Случайно не лейтенант-разведчик?

– Он самый, – отозвался Ставриди, пытаясь поймать гулявший от борта к борту чайник. – Наше счастье, что мы к нему попали. Мы с ним раньше других в Норвегии побываем...

Аглая вспомнила высокую полутемную палату морского госпиталя. Вспомнила перевязанного, измученного раной человека, который первым рассказал ей о муже.

– Он сейчас ничем не занят? – спросила Аглая.

– Кто?

– Да лейтенант ваш.

– Нет, морем любитесь, ему бы моряком быть, а не разведчиком...

Аглая откинула люк, выбралась на палубу. В носу мотобота, у самого среза фальшборта, сидел в шинели, накинутой на плечи, Ярцев. Ему словно доставляло удовольствие наблюдать, как нехотя расступаются волны, как в разбеге водяных валов то там, то здесь рождаются пенные барашки.

Аглая подошла к нему сзади, тронула лейтенанта за плечо:

– Матросы мне сказали, что вы ничем не заняты, но вы, кажется, заняты, и даже очень...

– Аглая Сергеевна! – удивился лейтенант. – Очень рад вам, садитесь, – и, отпахнув полу шинели, он уступил ей место у фальшборта.

Она села рядом с ним, спросила:

– Вы тоже на Рыбачий?

– Да, пока что на Рыбачий... Простите, я даже не поздравил вас.

– С чем?

– Ну как с чем!.. С офицерским званием! Теперь мы с вами как бы наравне: вы – лейтенант, я – тоже...

– Что вы! Звание-то у нас одно, а вот дело – разное, никак нельзя равнять...

Ярцев, сощурив глаза, бегло оглядел южный берег Мотовского залива, спросил:

– У вас хорошее зрение?

– А что?

– Вон посмотрите туда... Видите, по склонам сопки извивается такая тонкая ленточка?

– Вижу.

– А по этой ленточке движутся мелкие жучки... Видите?

– Да.

– Так вот, это грузовики немецкие. На передовую едут к Титовке.

– Неужели? – удивилась Аглая. – Так близко?

Ярцев ловко закурил на ветру, сухо улыбнулся:

– Ваш муж, Аглая Сергеевна, и мой друг, наоборот, всегда был доволен тем, что близко и не надо далеко отходить от берега.

– А вы с ним были на этой дороге?

– И не однажды, – ответил Ярцев. – В сорок втором году мы чуть ли не каждую ночь делали там засады.

Аглая задумалась, а Ярцев снова стал наблюдать за волнами. Оба долго молчали, потом лейтенант спросил:

– Сегодня, кажется, суббота?

– Да.

– Это хорошо.

– Что хорошо?

– То, что суббота.

– Почему?

– Потому, что по губе Эйна, куда мы идем, немцы по субботам не бьют из дальнотойных. У них все по расписанию. Сегодня они гвоздят губу Мотка... Слышите?..

Аглая ничего не услышала и, немного помедлив, сказала:

– Можно задать вам один вопрос?

– Пожалуйста.

– Скажите, если это только не составляет секрета, вы были в Норвегии?.. Вот после того как мы с вами встречались...

Он посмотрел на нее улыбающимися глазами, хотя лицо его продолжало оставаться суровым, и по этим глазам Аглая догадалась, что в Норвегии он был, и не один раз, и позавидовала ему.

– Я понимаю, – сказал Ярцев, – почему вы спрашиваете меня об этом. Вам интересно: а вдруг я узнал что-нибудь новое о вашем муже? Но только – нет, ничего не известно мне, кроме одного, – в Финмаркене растет партизанское движение...

– А он... может быть там?

– Если жив, то да!..

Скоро вошли в губу Эйна; единственный причал был недавно разбит немецкой артиллерией, и мотоботу пришлось высаживать людей напротив дикого, заросшего кустарником берега. Пенные гребни волн создавали на отмели толкотливую суету, невдалеке плавала брюхом кверху дохлая акула, прыгать в ледяную воду было жутковато.

Но Алеша Найденов уже бросился за борт, а за ним и все остальные. Держа автоматы стволами книзу, никоновцы приняли Аглаю с палубы и, спотыкаясь о подводные камни, на вытянутых руках донесли ее до берега.

Они прошли мимо складов, мимо зенитных батарей, мимо пленных, разгружавших баржу с углем, и остановились на развилке дорог. Одна из них вела на запад, в сторону синевших вдалеке гор хребта Муста-Тунтури, вторая тянулась на север, в глубь полуострова.

– Ну, – грустно улыбнулась Аглая, – давайте прощаться...

Пожимая ей руку, Ярцев сказал:

– Я бы хотел... не знаю, как вы к этому отнесетесь. Короче говоря, вы не сможете дать мне номер вашей полевой почты?.. Письма писать не люблю, но вам напишу.

– Хорошо, – согласилась Аглая, – только вот беда: сама еще не знаю своего адреса. Сейчас я буду эвакуировать на материк больных оленей, а потом меня, наверное, перебросят южнее...

Никоновцы уже отошли далеко и, стоя на высоком холме, в последний раз помахали Аглае пилотками. Ярцев посмотрел на часы, заторопился.

– Ладно, – сказал он, – южнее Кестеньги вас все равно не пошлют – там уже другая армия. Позвольте, тогда я оставлю вам номер своей почты...

Через несколько минут все четверо скрылись за сопкой, а Никонова села на попутную машину и поехала на запад – туда, где волны Варангер-фиорда плещут о берег Рыбачьего полуострова и откуда в ясную погоду видно, как косо зарываются в воду бортами транспорты врага, крадущиеся в гавань Лиинахамари.

«Не останавливаться!»

Десять дней он шел позади всех, подгоняя отстающих, теперь идет впереди. Так надо...

Вчера вечером, на привале, после длительного перехода через ледник, люди почувствовали какую-то странную резь в глазах, точно в них попал песок или едкий дым костра. Многие от усталости не обратили на это внимания, спеша поскорее улечься спать, и только угрюмая складка на лице Рябинина обозначилась резче обычного. Он знал, что ждет его и матросов завтра. И действительно, самые сильные и мужественные утром проснулись со стонами, хватаясь руками за глаза, катались по земле от боли и проклинали солнце, светившее весь день и всю ночь над ними.

А впереди еще лежала широкая снежная долина, по которой они должны выйти к морю. Отраженный и усиленный снегом, солнечный свет резал глаза. Казалось, легче было смотреть на солнце, чем видеть перед собой сплошную белую сверкающую пелену. Тогда Рябинин велел людям выстроиться длинной цепочкой, один другому в затылок, и не глядеть никуда в сторону, а только лишь в спину идущего перед собой товарища.

Но кто-то должен был встать в голове отряда, выбирая направление пути... И командир – встал...

Теперь идет он впереди всех, принимая на свои глаза страшные слепящие ожоги сверкающей под солнцем снежной долины.

Медленно тянется время. Медленно идут матросы, положив руки на плечи один другому и раскачиваясь при каждом шаге. Медленно поднимается в зенит огромный багровый шар солнца.

Рябинин шагает, часто оборачиваясь назад, чтобы видеть, как передвигаются по снегу длинные угловатые тени, тянущиеся следом за ним. Вот чья-то тень вырвалась из строя и, взмахнув руками, упала на снег. Прохор Николаевич подходит к упавшему. Это Короленко, которого он считал почему-то самым выносливым. «Если упал и он, то как же дойдут другие?..»

– Встать! – произносит он спокойно.

Безмолвная цепочка людей, извиваясь по снегу, скрывается в ложине. Матросы спешат поскорее уйти от этого места, чтобы не слышать выстрела. Вчера командир сказал им, что каждый, кто отказывается идти, будет считаться дезертиром, а с дезертиром – расправа короткая...

– Пойдешь? – спрашивает Рябинин, и его рука тянется к карману.

Матрос открывает глаза. Он следит за рукой командира.

Пальцы на ней жесткие, скрюченные, и под ногтями – черная грязь. Седые пряди волос выбиваются из-под фуражки на воспаленный лоб.

– Пойду, – говорит он.

– Иди.

– Не могу...

Пальцы командира уже исчезли в кармане. Глаза горят сухим и тревожным блеском.

– Пойдешь?

– Пойду.

– Иди.

– Не могу...

Вот сейчас, сейчас... Сначала покажется рубленая в звездочку рукоять, потом медленно вытянется плоский тяжелый ствол. И острая мушка, наверное, как всегда, заденет за рваный карман, и командир злобно рванет пистолет, чтобы выстрелить наотмашь.

Матрос закрывает глаза, готовясь к смерти, но выстрела нет: в руке Рябинина вместо оружия лежит квадратная, обгрызенная по краям флотская галета.

– На! – говорит Рябинин. – Я как знал, целую неделю берег.

– Товарищ командир, это вы оставили для себя! Мы все одинаководохнем с голоду...

– Слушай, – жутко улыбается Рябинин, – если я не застрелил тебя минуту назад, то застрелю сейчас... Ешь!..

– Спасибо, това... – и не досказал своей благодарности, жадно вцепившись зубами в черствую пшеничную галету.

– О-о-е-е! – протяжно донеслось издали.

Рябинин осмотрелся.

Ярко сверкали снежные вершины. Высоко в небе висел, пиликаая песню, крохотный, с ноготок, альпийский жаворонок...

На высокой скале, запиравшей вход в ложину, капитан-лейтенант заметил фигурки матросов. Они размахивали руками и что-то кричали ему оттуда.

И вдруг из-за горного хребта ринулся ветер. Хлесткий и тяжелый, как удушье, он затопил всю низину, прогудел в ушах – и замер. Ветер нес с собой илистый запах соли, гниющих водорослей и свежей рыбы.

– О-о-е-е! – снова донеслось издали, и Рябинин невольно вздрогнул:

«Неужели море?!»

Прохор Николаевич выпрямился и, подхватив упавшего матроса, зашагал в ту сторону, откуда дул знакомый ветер. В это мгновение он забыл даже о страшной режущей боли в глазах, не отпускаявшей его ни на минуту, и, спотыкаясь и плача от радости, почти с разбегу преодолел первые метры крутого склона горы.

Дыхание с хрипом вырывалось из его груди, из-под ног шумно осыпались гравий и комья рыхлого снега. Матрос и офицер подавали друг другу руки. Ругались, падали, снова вставали и ползли наверх.

И когда они перевалили через гребень скалы, в их больные, полуослепленные глаза успокаивающе полыхнуло ласковой синевой Баренцево море.

– Море!.. Море!..

Рябинин долго стоял молча, возвышаясь над горными вершинами и ущельями, потом разжал руку, и медный компас, дребезжа по камням, скатился по склону. Компас был теперь не нужен... Матросы, раскинув на земле парус, уже спали. Но у Рябинина еще хватило сил добрести до берега океана. Там, опустившись коленями на прибрежные камни, он нагнулся и зачерпнул рукой горсть воды. Вода быстро сбегала меж пальцев обратно в море. Тогда он зачерпнул ее двумя ладонями сразу и выпил всю большими глотками. Этим он исполнил древний поморский завет: «Когда долго стремишься к морю и дойдешь до него, выпей сначала горсть воды...»

Потом он снова поднялся на скалу, лег на парус и, привалившись спиной к Григорию Платову, быстро заснул.

Громадный матерый ошкуй проходил мимо, волоча по камням бахрому своих длинных грязных «штанов». Остановился возле людей, мотал головой на длинной шее. Что делать с ними? В другой бы раз и хватил кого-нибудь за ногу, а сейчас не хочется. Только что полярный хозяин закусил небольшим тюленем да рыбкой с приправой вкусной морской капусты. Попробовал медведь край парусины жевать, но скоро надоело, и он ушел куда-то – весь кудлатый, ленивый и совсем не белый...

* * *

На следующий день люди проснулись, ожидая чего-то нового, светлого, праздничного. Но снова прозвучала привычная строгая фраза:

– Идти, не останавливаться!

И они снова пошли, только не на запад, как раньше, а вдоль побережья – на юг, надеясь встретить на пути какое-нибудь становище...

От близости родной стихии люди повеселели. Проходя мимо бесчисленных птичьих базаров, матросы лазали по гнездам гагар и чаек, доставая себе яйца, которые тут же выпивали сырыми. Но это было тоже нелегкое дело. Гнезда, в несколько рядов прикрепленные к террасам скал, лепились подчас в самых недоступных местах. Завидев лезущего на скалы человека, птицы набрасывались целой стайей, били его крыльями, больно клевали голову, и часто матрос возвращался с пустыми руками, так и не добравшись до гнезд.

После полудня солнце скрылось в тучах, начался мелкий, нудный дождь. Он разъедал толстые ледниковые пласты, плотной пеленой окутывал море и обещал кончиться нескоро. Земля сделалась скользкой. Мокрая одежда вязко прилипала к телам.

Матросов знобило и трясло как в лихорадке. Лязгая зубами от стужи и тяжело кашляя, они выжимали заскорузлые от ночевки в грязи бушлаты, чтобы снова закрыть ими головы от надоедливой мороси. Потом с моря напал туман, небо быстро потемнело, посыпался мокрый снег.

В этот день Рябинин чувствовал себя особенно скверно. С каждым шагом идти становилось труднее. Ноги по самые щиколотки погружались в жидкую слякоть и, достигнув слоя вечной мерзлоты, разъезжались, как на льду. Голова кружилась, разламываясь от тупой боли.

Это раздражало капитан-лейтенанта, и, чтобы прекратить бессмысленное ползание по скалам в тумане, он разрешил матросам остановиться на ночлег раньше обычного...

На берегу океана старшина Платов нашел салотопенную яму, оставшуюся еще с прошлого века от голландских браконьеров, и, накрыв парусом скопившиеся на дне остатки акульих и китовых костей, матросы легли как можно плотнее, согревая один другого своим дыханием...

Проснулся Рябинин оттого, что кто-то тряс его за плечи. Он чувствовал, что надо встать, но не мог. С большим трудом открыл слипающиеся глаза, увидел над собой машиниста Корепанова. Матрос пытался поднять командира, и по его лицу, подгоняя одна другую, текли крупные, тяжелые слезы.

– Пришли же ведь, пришли, – говорил он. – Товарищ капитан-лейтенант, вставайте!.. Смотрите!..

Проход Николаевич приподнялся. Невдалеке от них, на самом берегу океана, стояли два остроконечных чума, и из одного вился к небу тихий рыжеватый дымок – жгли мох. Вчера, в тумане, сквозь дождь и мглу, они их не разглядели. Люди просыпались встревоженные, не веря в близость спасения. Выбираясь из пологой ямы, они уже не вставали с земли и на четвереньках ползли к синевшим вдали чумам.

Рябинин попробовал сделать несколько шагов, но колени у него сразу подкосились, он глухо закашлялся и ткнулся в жесткий олений ягель.

Какие-то неровные темные пятна разрастались в сознании до гигантских размеров, потом они сгладились, покрылись мягким голубоватым светом, и сразу стало тепло и уютно.

Он лежал, и ему уже ничего не хотелось...

А люди ползли, не оглядываясь, уверенные, что командир идет следом за ними, как всегда прямой и спокойный.

Один за другим они вваливались в узкий проход чума, вдыхая приторный запах тюленьего жира, сладкую горечь жилого дыма, и шептали:

– Мы оттуда, с восточного берега...

Высокий костлявый старик-ненец, окруженный ребятишками, недоверчиво качал головой:

– Сколько живу, а не помню, чтобы человек приходил оттуда...

Прошло какое-то время, и, точно опомнившись, матросы виновато оглядели друг друга:

– А где же командир?.. Где батя?..

И снова вылезли на холодный океанский ветер.

Прохода Николаевича они нашли возле каменистой насыпи, заросшей пучками бурого ягеля. Капитан-лейтенант лежал лицом вниз, сгорбившись, подогнув колени к самому подбородку, и его скрюченные пальцы впились в острую прибрежную гальку. На нем висели обрывки кителя, а из разбитых ботинок торчали посеревшие, как у мертвеца, ступни ног...

Когда ему сквозь твердо сжатые зубы влили в рот рыбьего жира, он открыл глаза, обвел людей невидящим мутным взглядом и вдруг сказал, спокойно и четко отделяя слова:

– Идите... и не останавливайтесь!..

Сказал и снова впал в беспамятство.

Капрал разучился стрелять

Все это случилось как-то сразу и началось с пустяка...

За вянрики Юхани Вартилаа давно водился такой грех – вскрывать иногда солдатские письма. Сначала этим возмущались, потом привыкли. «Плевать, – говорили в землянках, – одним цензором больше или меньше, какое нам дело!..»

Но вот однажды солдат Олави получил из Петсамо от своей жены посылку. Принес ее в землянку денщик вянрики – робкий, но в общем неплохой парень.

– Вот сволочь твой господин, – равнодушно сказал ему Олави, – посылку и ту, собака, проверил...

В посылке оказалась банка сардинок, какие выдавались в Лапландии горным егерям, бутылка разведенного спирта, махорка и... остальное место в ящике занимали твердые финские галеты.

– Милая моя баба! – умилялся Олави. – Ну откуда же ей знать, что у нас от этой «фанеры» и так челюсти стонут... Спасибо за это!..

Он дал денщику горсть махорки, сунул в карман бутылку и предложил Ориккайнenu пойти прогуляться. На берегу озера они распили спирт, разделили сардинки, и захмелевший петсамовский горняк доверительно рассказывал:

– Так и знай, Теппо, я сразу уйду, если заваруха начнется. Мне семья дороже. Сам видишь, какая у меня женка хорошая: на одной каккаре живет, а меня не забыла – наскребла, что могла, и прислала...

Через несколько дней Олави получил от жены письмо, которое случайно миновало руки вянтрики. Жена писала, что у кабатчика Илмаринена недавно подорвался на mine олень, и вот она купила ему окорок; еще посылает ему немецких сигарет и пять банок сардинок. О галетах и махорке жена даже не упоминала. Ясно, кто воспользовался ее добротой!..

Олави, прочитав письмо, побледнел и бросился к вянтрики. Что у них там произошло, никто не знал, но солдат вернулся, еще больше побелев лицом, и, сжимая кулаки, повторял только одну фразу:

– Ах, собачья морда!.. Ах, собачья морда!..

Ночью кто-то вымазал дерьмом дверь землянки, в которой ютился вянтрики. Вартилаа проснулся от вони и сразу решил, что это дело рук обворованного им солдата. Но, зная отчаянный характер Олави, он побоялся идти к нему, а выместил злость на своем денщике. Было слышно, как Вартилаа кричал: «Ты спал около дверей, неужели не слышал?..»

Размазывая по лицу кровь, денщик пошел жаловаться – только не к офицерам, а к Ориккайнenu, который пользовался в роте всеобщим уважением. Капрал сказал денщику, что он сопля, и решил сам объясниться с вянтрики.

Но Вартилаа разошелся не на шутку и приказал капралу самому вычистить дверь.

– Надо принести лопату, – пытался увернуться Ориккайнen.

– Ничего, соскребешь и своим пуукко.

– Я, херра вянтрики, хлеб режу своим пуукко.

– Ты людей тоже им режешь, – продолжал настаивать Вартилаа. – Не только хлеб!..

Ориккайнen отказался выполнять приказание и направился к командиру роты. Суттинен был уже пьян, но еще не настолько, чтобы не разобраться в этой истории. Он считал бы для себя позором рыться в солдатских посылках или читать их письма, пусть солдаты жрут и пишат что угодно, только бы воевали.

Оттопыренные уши лейтенанта налились кровью, он схватил со стены автомат и крикнул:

– Убью этого выкидыша!

Но оружие у него со смехом отобрал военный советник Штумпф.

Суттинен побежал напрямик – через болото, испачкав руки, открыл дверь землянки Вартилаа и этими же руками надавал своему прапорщику пощечин. Вянтрики не ожидал такого оборота дела и неожиданно разревелся, словно школьник, которого наказали за плохо придуманную игру.

Вернувшись в свою землянку, Ориккайнen сказал Олави и денщику:

– Ничего, парни, ему этот окорок еще боком вылезет...

Вечером Юхани Вартилаа ушел инструктировать «кукушек», сидевших на высоких соснах перешейка между озерами, и не вернулся. Его ждали всю ночь, а на рассвете капрал Хаахти возвратился с «кукования», но только пожал плечами, когда ему рассказали о вянтрики.

– Я все время качался в люльке, и никто не приходил. Правда, на берегу Хархаярви иногда постреливали, но ведь господину Вартилаа там нечего было делать.

Докладывать об исчезновении вянкири пришлось Ориккайнену. Суттинен только что проснулся и лежал за марлевым пологом, ограждавшим его от комаров. В ответ на сообщение капрала лейтенант хрипло рассмеялся:

– Может, Вартилаа повесился от обиды в развилке сучка, словно мышь, у которой белка съела запас на зиму!..

И, вяло выругавшись, он стал растирать измятое после вчерашней пьянки лицо:

– Черт с ним, с этим вянкири, одним дураком меньше!..

Но обер-лейтенант Штумпф, брившийся возле окна, рассудил иначе:

– Если так плевать на всех, то в вашей прекрасной Суоми скоро не останется ни одного офицера. Надо поискать вянкири... Капрал, возьмите автомат и... Кстати, почему вы не носите свой пуукко?..

Веко правого глаза капрала нервно задергалось, но Штумпф смотрел в зеркало и не мог заметить этого...

– Герр обер-лейтенант, – сказал Ориккайнен, – я только что чистил свой пуукко и оставил его на нарах в землянке.

– Так вот, – продолжал немецкий советник, – возьмите автомат и как следует обыщите весь перешеек. Может, вянкири ранен, а может, действительно... ха-ха!.. повесился... Ха-ха!..

– Слушаюсь, герр обер-лейтенант!

* * *

В лесу было хорошо...

Пахло перегретой хвоей, душистым листом черничника, от озерной воды тянуло прохладой. Смахивая с лица лесную паутину, капрал бесшумной поступью углублялся в чащу, и ничто не ускользало от его быстрого взгляда. Вот ящерица шмыгнула в траву, а вот доживает последние часы надломленная ветка – здесь недавно проходил человек; осока на болотистой лужайке примята, словно кто-то бежал и упал, – так и есть: раненый уползал в эти заросли, спасаясь от пуль, и умер...

Капрал подтянул сапоги повыше, прислушался: гудели вершинами сосны, четко долбил тишину дятел, что-то прошумело в траве и снова затихло. Дойдя до поваленного бурей дерева, под вывороченными корнями которого высился муравейник, Ориккайнен круто свернул влево и, согнувшись, пробежал шагов двадцать. Замер. Огляделся. Снова пробежал. Лег...

Теперь, в просвете между ветвей, он видел застывшее в покое озеро Хархаярви. Возле берега густо разросся кустарник, скрывая неглубокую лощину. Где-то вдалеке хлопнул выстрел, но Ориккайнен не обратил на него внимания. Еще раз оглянувшись, он встал и, раздвигая ольховые ветви, медленно спустился в лощину.

Здесь было темно и сыро. Землю устилали вялые прошлогодние листья. Ориккайнен присел на корточки и руками стал разгребать вороха этих листьев, что-то отыскивая. Лицо его все время сохраняло сосредоточенное выражение, и на нем не отразилось ни удивления, ни страха, когда из-под листьев вдруг высунулась рука человека, затянута в узкую замшевую перчатку.

Обшарив каждую кочку между кустами, Ориккайнен схватился за эту руку и оттащил труп в сторону. Старательно обыскав то место, где лежал мертвец, и ничего не найдя, капрал снова забросал труп листьями.

– Нету, – тихо произнес он, потрогав пустые ножны. – Где же я мог его потерять?..

И вдруг из-за кустов, росших на обрыве лощины, раздался чей-то насмешливый голос:

– Ну как, Ориккайнен?.. Нашел свой пуукко?..

Капрал сдернул с плеча автомат, в течение секунды опустошил диск. Дрожало в руках оружие, и, почти закрывая глаз, дрожало веко. И не успел еще «суоми» подавиться последним патроном, а капрал уже вставил второй диск.

Срезаемые пулями, подкашивались сучья, вихрем кружились в воздухе сорванные листья.

Третий диск... Он уже протянул за ним руку, но вспомнил, что их было только два. А ножны – пусты. Цепляясь за ветви, стал вылезать из лощины, и тогда снова раздался этот незнакомый голос:

– Ну что, капрал, выдохся?..

Ориккайнен вяло опустился на землю. Невдалеке от него, на пригорке, стоял русский солдат с погонами ефрейтора. И в этом щуплом, подтянутом человеке, из-под пилотки которого выглядывали седые волосы, капрал угадал свою смерть.

– Патроны вышли, – глухо сказал он, – а то бы...

– Я тебя с утра поджидаю, – подходя ближе, заговорил ефрейтор. – Думаю, не может так быть, чтобы финн и не пришел за своим пуукко! Ну, здравствуй, капрал Теппо Ориккайнен, – так, кажется, у тебя на рукоятке вырезано?..

– Так, – отозвался капрал, рыская глазами по кустам: куда бы броситься?

Но ефрейтор спокойно подошел к нему и сел рядом, доставая самодельный портсигар из карельской березы.

– «Беломорканал», – сказал он, предлагая закурить, – тот самый канал, который вы так ненавидите. Бери!..

Папираса увертывалась из дрожащих пальцев капрала. Косясь взглядом на короткоствольный русский автомат, он тоскливо думал: «Ох, дурак я!..»

– Да ты, я вижу, давно воюешь, – сказал ефрейтор, заметив на груди целый ряд знаков отличия.

– Вторую войну.

– Я тоже давно. Уже третью. С вами, сволочами, разве поживешь мирно?

«Сейчас шлепнет», – тоскливо подумал капрал и, чтобы не мучиться дальше, решил приблизить этот момент: все равно уже не вырвешься.

– Много ваших я положил, – твердо сказал он и зажмурился. – Много!

– Ну и я ваших – не меньше.

Дуло «суоми» еще тлело ядовитым дымком. «Сколько людей убил, – навернулась мысль, – а сейчас меня убивать будут...»

– Батрак я, – с натугой, точно оправдывая себя в чем-то, сказал Ориккайнен и поднес к лицу свои широкие красные ладони. – На вырубках «Вяррио»... Может, слышал?

– Работал.

– Что?

– На «Вяррио», говорю.

– Ты?

– Я.

– Когда?

– Давно, – вздохнул ефрейтор, – еще до революции.

– Лесоруб?

– Был. Сейчас учитель.

– Вот как, – задумчиво протянул капрал и почему-то успокоился. – Карел?

– Нет, финн. – Ефрейтор забросил окурочек в лощину, где лежал под ворохом листьев мертвый офицер, и спросил: – За что ты его?

– Сволочь он... солдат обижал... А ты, выходит, видел?

– Я как раз вот здесь сидел. Скажу честно, ловок ты – даже пикнуть не дал ему. Только чего же пуукко свой оставил?..

– Растерялся, никогда своих не приходилось...

Ориккайнен снова потрогал ножны, прищурился:

– Меня... к своим отведешь?.. Или как?..

– А чего тебя отводить? – улыбнулся ефрейтор. – У нас таких, как ты, много!

- Допрашивать будете...
- А мы и так все знаем. Больше тебя даже.
- Значит – пуля?
- И пули тратить не буду.
- Что же тогда?
- А иди куда хочешь! Все равно вам конец скоро.

И, как бы в подтверждение своих слов, ефрейтор бросил к ногам Ориккайнена его длинный пуукко:

- На, возьми!..

«Вот сейчас и выстрелит, – подумал капрал, не решаясь забрать нож. – Если бы русский был – можно поверить, а он – финн, мы все такие...»

- Дурак ты капрал!..

Непослушными пальцами Ориккайнен втиснул острое лезвие в ножны.

– Что ты делаешь со мной? – изменившимся голосом прошептал он. – Как же я теперь стрелять-то в вас буду?..

- А ты не стреляй.
- Война.
- А ты не воюй!

Ориккайнен поднял тяжелый «суоми», протянул его ефрейтору:

- Слушай, возьми-ка ты меня лучше в плен.
- От этого война раньше не кончится.
- Нет, ты возьми! А то еще, не дай бог, встретимся...
- Если хочешь – давай. Хоть завтра.
- Не приду я больше к тебе. Берешь – так бери сейчас.
- Иди к черту, – равнодушно сказал ефрейтор и встал. – Убирайся!..
- Нет, ты возьми!

– Тьфу, финское отродье!.. Слушай, ты случайно не из Хяме? Там все такие твердолобые.

- Я за тобой пойду.
 - Не нужен ты мне.
 - А там, – капрал махнул рукой за озеро, – там я тоже теперь не нужен.
 - Ничего, можешь пригодиться. Если, конечно, дураком не будешь.
- Ефрейтор потянул капрала за рукав, вдвоем они взошли на пригорок.

- Вот, – сказал ефрейтор, – видишь ту сосну?

- Вижу.
- Видишь, на ее стволе белеет что-то?
- Вижу.

– Так вот. Сходи прочти – это листовка. И написана она вашими солдатами, которые у нас в плену. В этой листовке они к вам обращаются – к тем, кто еще не расстался с оружием. Прочтешь – многое ясно тебе станет. Если увидишь, что врут в листовке, обманывают таких, как ты, разорви ее и выстрели мне вслед. Если увидишь, что это правда, снеси к себе в землянку, пусть прочтут другие... Прощай! До лучших времен!..

- Поймай, – остановил его Ориккайнен, – как зовут тебя, чтобы знать?
- Лейнонен-Матти!

* * *

Он шел обратно. Листовка шуршала у него за пазухой, и он часто доставал ее, снова и снова прочитывал серые, размытые дождем строчки.

«Так значит, – раздумывал капрал, – Паасикиви еще в марте ездил в Москву для переговоров о мире. И еще в марте – вон когда! – Суоми могла выйти из войны. И русские шли на это, они тоже согласны мириться... А вот Рюти, этот старый пес, сорвал переговоры. Значит, опять сиди капрал Ориккайнен в землянке, дави вшей, грызи „фанеру“, бей русских...»

Кто-то тихо свистнул. Капрал огляделся и, заметив на одном дереве кольцевой надрез коры, уверенно направился прямо к нему.

– Кто здесь?.. Ах, это ты, Олави!..

– Я, капрал, – послышалось сверху. – Поднимайся сюда, поговорим...

Ориккайнен ухватился за нижний сук и, сильно подтягивая свое тяжелое тело, добрался до люльки. Олави, привязавшись веревкой к стволу дерева, расхаживал вокруг него по доске, всматривался в затянутую хмарью лесную глушь; рядом с ним лежала, упираясь в развилку сучка, винтовка с оптическим прицелом...

– Ну, – спросил он, – нашел эту собачью морду?

– Нет.

– Ни живого, ни мертвого?

– Никакого. Наверное, обиделся и сбежал к русским...

Олави выругался и вдруг притянул к себе винтовку – стал тщательно целиться.

– Что там? – спросил капрал...

– Да какой-то москаль бежит. Но ему, чувствую, больше не бегать.

– Обожди, – сказал Ориккайнен, – дай-ка я сам пугну его...

Он вдавил в плечо удобный приклад, сильный окуляр приблизил к нему фигурку солдата, в котором – так показалось – он узнал Лейноннена-Матти.

– Ветер дует справа, – предупредил его Олави, – ты учти это.

– Учту, – ответил капрал, три гулких выстрела подряд огласили притихший лес.

– Эх, ты! – сокрушенно вздохнул Олави. – Такая цель была, и – промазал. Ты, я вижу, совсем разучился стрелять...

– Может быть, и разучился, – хмуро ответил капрал.

Возвращение

Рябинин очнулся, лежа на широкой медвежьей шкуре.

Пахло табаком, потом и сырым океанским воздухом. Посередине чума над костром висел большой закопченный таган. Из-под его крышки поднимался пар, приятно пахнущий крепко заваренным чаем.

Перед капитан-лейтенантом сидела молодая узкоглазая женщина с гладко зачесанными иссиня-черными волосами. Она курила длинную тонкую трубку. Заметив, что Рябинин открыл глаза, она выпустила дым и улыбнулась, обнажив ряд крепких белых зубов.

– Где я? – спросил он.

– Здесь, – последовал ответ.

– Кто ты?

– Женщина.

– Как тебя зовут?

– Нага.

– Дай курить!

– На!

Она сунула ему в рот трубку и отошла, вернувшись обратно с тарелкой, на которой лежали дымящиеся куски жареной оленины.

– Ешь, – сказала Нага, подсовывая ему жирный кусок мяса. – Ты скоро уедешь отсюда. Олешки бегают по тундре быстро, быстро – как ветер... Ешь, Прошка Николаевич!

– Откуда ты знаешь, как меня зовут?

– Это сказал твой человек. У него на плече две блестящие тряпочки – красивые, как солнце.

«Это старшина Платов», – подумал Рябинин и спросил:

– А где же этот человек?.. С тряпочками-то?..

– Он уехал с дедушкой Тыко в Кармакулы. Там есть радио. Надо сказать людям на Большой земле, что ты гостишь в моем чуме...

«Значит, – радостно догадался Прохор Николаевич, – старшина уже уехал на радиостанцию вызывать корабль...»

В чуме заплакал ребенок. Нага встала и, взяв его на руки, снова села рядом с Рябининым.

– Твоя кровь? – спросил капитан-лейтенант.

– Моя, – гордо ответила женщина. – Будет охотником. Зовут Уэлей...

Рябинин доел оленину, взял лежащий на пороге короткий собачий хорей и, опираясь на него, как на трость, вышел из чума. Его сразу обступили матросы, и Прохору Николаевичу захотелось обнять их всех сразу.

* * *

Для наблюдения за горизонтом выбрали высокую скалу, покрытую сочной морошкой. На самой вершине ее стоял несуразно широкий крест, поставленный здесь еще скандинавским корсаром, у которого русские люди отняли его разбойничье судно. На крестовине угловатыми буквами было вырезано: «Jacob Gundersen, 1595, blef jeg fratoget skif».^[19]

Рябинин целыми днями просиживал на скале, грелся на солнце, пощипывал ягоды, а иногда дремал, положив под голову матросский бушлат.

В постоянном ожидании прошло несколько томительных суток.

И вот однажды на горизонте показался корабль. Матросы быстро развели костер. Дедушка Тыко выплеснул на сырые бревна плавника целое ведро тюленьего жира, и черный густой дым повалил в небо. Скоро все разглядели идущий к берегу эсминец, с борта которого уже «вываливали» дежурную шлюпку. Матросы стали прощаться с ненцами, дарили им на память самодельные портсигары и мундштуки...

Молодой лейтенант, приведший шестерку за аскольдовцами, четко, по-военному, приветствовал Рябинина и тут же оказал ему морскую почесть – уступил руль. Прохор Николаевич еще раз оглядел угрюмые новоземельские скалы, над которыми висел дым дгорающего костра, скомандовал:

– Весла... на воду!

И широкие, начищенные стеклом и пемзой лопасти со звоном всколыхнули изумрудную воду.

Узкий борт эсминца «Летучий» надвигался на шестерку быстро и неудержимо. Гребцы работали веслами изо всех сил, наваливаясь плечами на самый планширь. В пяти метрах от корабля Рябинин скомандовал «шабаш», и шлюпка, по инерции подойдя вплотную к трапу, замерла, поскрипывая плетеными кранцами. Лопасты, взлетевшие вверх, осыпали всех дождем брызг, и, как финал маневра, камертонами звякнули музыкальные уключины...

Рябинин поднялся на палубу эсминца и сразу же встретил Пеклеванного.

– Артем!.. Стал миноносником!

– Вот, как видишь...

– Ну, как тут без меня?

– Да ты-то как?

– Обнимемся, что ли?

– Давай...

Трепыхались по ветру шуршащие флаги. Матросы и вахтенные безмолвно отдавали честь. Два офицера стояли, обнявшись, на узкой рельсовой дорожке эскадренного миноносца.

А в клюзе уже грохотал выбираемый из воды якорь.

* * *

На следующий день Рябинин выходил из штаба, вспоминая сказанные Саймановым слова: «Вас ждет новое трудное дело». До отхода подлодки, на которой он собирался переправиться в Мурманск, оставалось целых полчаса свободного времени. Прохор Николаевич решил зайти в экипаж, чтобы хоть немного побыть со своими матросами, спасенными ранее.

На территорию флотского экипажа Рябинина не пропустил часовой, преградивший дорогу выкинутым вперед штыком. Требовалось выписать особое разрешение от дежурной службы. Вахтенный по КПП, матрос со щекой, раздутой от свирепого флюса, велел Прохору Николаевичу обождать, пока придет дежурный офицер.

– Я сейчас вызову его по телефону, – сказал он. – С ним и поговорите...

Рябинин еще издали увидел шагающего через весь экипажный двор лейтенанта Самарова. На рукаве у Олега Владимировича висела бело-голубая повязка «рцы», означающая принадлежность его к дежурной службе.

– Кто тут ко мне? – спросил замполит и, заметив Рябинина, порывисто шагнул ему навстречу. – Прохор Николаевич, дорогой вы мой!.. – На глазах у него дрожали с трудом сдерживаемые слезы. – Как я рад!..

Они крепко поцеловались, и Рябинин спросил, показывая на «рцы»:

– Никак уже в экипаже служишь?

– Да, лектором-пропагандистом.

– Так, так, – грустно заметил Прохор Николаевич и, посмотрев на часы, заторопился: – Слушай, замполит (я уж буду называть тебя по-старому), выпиши-ка мне пропуск. Да поскорее, я тороплюсь к жене в Мурманск. А сейчас хочу успеть повидать своих матросов...

Самаров задумчиво постучал папиросой по крышке портсигара.

– Опоздал ты, командир, – тихо сказал он, – в экипаже нет уже ни одного аскольдовца, кроме меня.

– Как же это?.. Где они?

– Каждый решил идти туда, где будет нужнее... Одни уже на Рыбачьем, про Пеклеванного ты сам знаешь, Китежева пока лежит во флотской поликлинике, Мордвинов попал в особый батальон морской пехоты, одни пошли на катера, другие на тральщики...

И когда Самаров замолк, Рябинин медленно снял фуражку, точно присутствовал при погребении друга; его плечи как-то дрогнули, он низко опустил голову.

– Значит, – сказал он глуховатым голосом, – «Аскольда» нет...

– Неправда! – возразил Олег Владимирович. – «Аскольд» есть!.. Люди, командир – живы, люди и командир борются, а значит, и «Аскольд» есть!..

По дороге в гавань Рябинин думал над словами Самарова, и тревожный, надсадный вой корабельной сирены напомнил ему об отплытии. Прохор Николаевич взглянул на часы. До отхода подлодки оставалось всего три минуты.

«Ах, черт возьми!» – выругал он себя за медлительность и побежал к полосе гаванских причалов мимо вахтенных, мимо кораблей, мимо широких пакгаузов. И вот подводные лодки. Над низким пирсом поднимаются их серые рубки с башнями перископов. В глазах рябит от обилия белых цифр. Матросы в синих беретах везут по рельсам длинную, жирно смазанную торпеду, над которой кружится рой мух.

– Где стоит Щ-15?

– В конце пирса. Уже отдала швартовы...

«Опоздал!» – проносится в голове.

Рябинин бежит по мокрому настилу, петляя между матросами и ящиками с боезапасом. В ушах стоит лязг металла, грохот молотков, в глаза бьют вспышки электросварки. Подлодка уже отошла от пирса. Полоса темной воды отделяет Рябинина от нее. Он разбегается и летит в воздухе над глубоким провалом. Раз! – под ногами грохнула стальная палуба. Матросы подхватили его под руки. Стоящий в рубке офицер спокойно спрашивает:

– Товарищ Рябинин?

– Есть, Рябинин!

– Проходите сюда.

Он лезет по трапу на мостик и, откинув люк, спускается в узкую шахту...

Команда на подлодке была злая и хмурая. Матросы сидели на палубе в ватниках, ели рисовую кашу с изюмом. Расслабленный штормами корпус Щ-15 с трудом выдерживал волну, и по стальной обшивке бежали крупные «слезы». Старая гвардейская лодка, вынесшая сотни бомбежек и бурь, исходившая тысячи миль, теперь, казалось, плакала, сознавая свою непригодность.

Рябинин лежал на диване в кают-компании и думал. Он думал о жене, ибо с того момента, как снова очутился в родных краях, он не мог думать ни о чем другом.

С каждой минутой, приближавшей встречу с Ириной, его нетерпение усиливалось, и он досадовал на медлительность хода подлодки. Ему казалось, что он быстрее дошел бы до Мурманска по берегу.

Он думал о том, что скажет жене при встрече... А вдруг ее нет дома?.. А что если сразу идти в институт?..

Чей-то сиплый, простуженный голос, раздававшийся из-за переборки, все время сбивал его мысли.

– В начале войны я на Балтике плавал, – говорил невидимый рассказчик. – Один раз сплю в румпельном отсеке. Измотался на вахте, замерз. Как лег – так сразу точно в колодец провалился. Проснулся от холода. Темно, подо мною – вода. Я фонарик зажег, а кругом уже все залито. Испугался я тогда здорово. Наверное, тряхнуло меня так, что я пошел на погружение без сознания. А вода шумит, прибывает. Вот правду говорят, что нет для моряка ничего страшнее шума воды. Постучал я в переборку – никто не отвечает. «Значит, – думаю, – погибли». Обмотал я тогда башку ватными штанами, снял ботинки и смекнул: прыгать надо в люк, когда сравняется давление, а иначе меня так разорвет, что одни уши останутся. А вода по горло. Встал на рундук и жду, когда вода до потолка дойдет. Фонарик погас. Совсем плохо. Пробовал люк открыть – ничего не выходит, еще давление не сравнялось. Жду. Уже носом в подволок тычусь, а люк все не открывается. Закон физики не позволяет. Материл я тогда всю науку... Вдруг хлопнуло что-то, воздух вышел, и я – буль-буль! Люк открыл и плыву куда-то. Сдавило меня – ух ты! Всплыл наверх, открыл глаза и, помню, заорал как оглашенный. А вдали город виднеется. И хоть бы катеришко какой на мое счастье – никого! Вот я и давай саженками аж до самого Кронштадта. На форту меня заметили, вытащили и говорят: «Это шпион, ребята, с корабля, что вчера затонул, всех спасли». Тут я сел на землю и заплакал. Вот ей-ей не вру, разревелись, как последняя баба. На черта же, думаю, это я со вчерашнего, выходит, дня, как Садко, новгородский гость, на морском дне обретался, чтоб меня за шпиона приняли!.. Отвели в штаб. Ну, там, конечное дело, признали и еще «нафитилили» как следует за то, что спал в неподобающем месте. Вот какая, братцы, история со мной случилась... Не верите?.. Ну так обождите, я вам сейчас газету принесу, там про меня как раз все это пропечатано...

Рябинин вышел из кают-компании, чтобы взглянуть на рассказчика, но в кубрике его уже не было. Тогда капитан-лейтенант поднялся на мостик. Вдали виднелся дымящий трубами город.

Мурманск!..

Через полчаса Рябинин был на Сталинском проспекте. Внешне капитан-лейтенант выглядел спокойным. Избегая по знакомой лестнице на четвертый этаж, он даже подумал, что ничего не случилось, просто он возвращается домой из длительного рейса – ведь так бывало не раз.

Но когда он остановился перед дверью своей квартиры, обычное состояние невозмутимости покинуло его, и, нажимая кнопку звонка, он почувствовал, что рука дрожит. Затаив дыхание, Рябинин прислушивался. И вот в глубине квартиры хлопнула сначала одна дверь – это из ее комнаты, потом уже громче вторая – это в прихожую, и родной голос спросил:

– Кто?..

Капитан-лейтенант хотел крикнуть, что это он, но в горле у него вдруг что-то перехватило, и он изо всех сил вцепился в дверную ручку. Дверь неожиданно раскрылась, и жена, стоя на пороге, так и застыла с рукой, положенной на ключ замка.

Какое-то время они молча смотрели друг на друга, потом он шагнул вперед и не спеша закрыл за собой дверь.

– Ну, здравствуй, женушка!.. Не ждала?..